UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00280957 2

К·Д·ДАРАГАНЪ

СОЧИНЕНІЯ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

Г. П. ДАНИЛЕВСКІЙ.
1839 г.

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

[1847—1890 г.].

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДЕВЯТИ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1892.

[1976]

ИЗЪ XVIII-го ВѢКА.

НА ИНДІЮ ПРИ ПЕТРѢ I.

(1717 — 1721 г.).

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

„Ѣхать тебѣ къ хивинскому хану и въ Индію къ Моголу... Для сего дать четыре тысячи солдатъ, судовъ и казаковъ. Все то сдѣлать... а въ газардъ не входить".

Приказъ Петра I-го Бековичу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ПАРИЖѢ.

I.

Парижскіе гардемарины.

Въ числѣ молодыхъ русскихъ людей, изучавшихъ въ началѣ XVIII вѣка морское дѣло въ Парижѣ, были, между прочими, москвичи, Текутьевъ и Касаткинъ, и сынъ зажиточнаго астраханскаго дворянина Юрловъ.

Они жили дружно и обучались не безъ успѣха, хотя, вырвавшись на волю, веселились во всю молодую душу, мотая послѣдній рубль и входя въ долги по уши.

Въ исходѣ 1716 года, эту колонію заморскихъ учениковъ смутила нежданная вѣсть, что государь Петръ, затѣвая походъ на Индію, намѣренъ вскорѣ посѣтить Голландію, а, быть можетъ, пріѣхать и въ Парижъ, гдѣ предполагаетъ сдѣлать гардемаринамъ испытаніе въ наукахъ и смотръ.

Парижскимъ агентомъ царя въ то время состоялъ сынъ его стараго учителя „всешутѣйшаго князь-папы" Никиты Моисеевича Зотова, Кононъ Никитичъ.

Онъ былъ посланъ за море, десять лѣтъ назадъ, а именно въ 1706 году, въ числѣ двухсотъ другихъ взрослыхъ и въ большинствѣ женатыхъ

волонтеровъ-недорослей, для „доброхотнаго и съ понужденіемъ изученія солдатскаго артикула, кумпаса, метанія бомбъ, морского хожденія и рисованія мачтаповъ и картъ". Компатные спальники, боярскія дѣти и провинціальные дворяне, проходя заморскую науку, сперва именовались навигаторами, потомъ получили названіе гардемариновъ. Кононъ Зотовъ, ранѣе окончивъ ученіе, успѣлъ побывать въ Англіи, Португаліи и Цареградѣ. Послѣ его производства въ лейтенанты, всешутѣйшій „Магнусъ Наклеванги", его отецъ, хотѣлъ оставить сына въ Россіи, гдѣ располагалъ его женить.

Чужіе вольные края, однако, не на шутку плѣнили сына князь-папы. Родина и предстоявшая семейная жизнь, съ служебными занятіями въ новой петербургской гавани, показались ему скучны. Онъ сталъ вторично проситься за море, чѣмъ весьма огорчилъ отца, но за то отмѣнно обрадовалъ царя.

Конона снабдили наставленіями, и онъ былъ снова посланъ во Францію, гдѣ ему поручили надзоръ за новобранцами, проходившими науку въ морскихъ школахъ Людовика XIV-го, въ Парижѣ, а также въ Марсели, Брестѣ и Тулонѣ.

Впечатлительный, живой, добродушный и легкомысленный Кононъ Зотовъ усердно взялся за выполненіе различныхъ порученій неугомоннаго непосѣды-царя. Онъ подробно съ 1710 по 1716 г. ему доносилъ, черезъ кабинетъ-секретарей и въ откровенныхъ, личныхъ посланіяхъ, объ успѣхахъ и поведеніи ввѣренныхъ гардемариновъ; приговаривалъ на русскую службу подходящихъ добрыхъ ремесленниковъ, матросовъ и прочихъ, нарочитоопытныхъ французовъ; давалъ государю совѣты по части торговли юфтью, воскомъ и паюсной икрой; пріискивалъ ему въ теплицы пробковыя и лавровыя деревья, не свыше двухъ футовъ ростомъ; переводилъ на славянскій штиль, „за ихъ штилемъ не гоняясь", техническія „нужныя ко флоту" книги; покупалъ и отсылалъ въ Петербургъ канаты, якори, лѣчебныя снадобья, подростковъ-крокодиловъ, попугаевъ, обезьянъ и прочія диковинки заморскихъ краевъ.

Кононъ хлопоталъ и о дальнѣйшей присылкѣ за море лучшихъ недорослей-латинистовъ и математиковъ—какъ онъ выражался—„изъ средней статьи людей"—„не изъ подлыхъ, ниже изъ породныхъ"—„для того, что вездѣ породные презираютъ труды".

Донесенія Зотова о порученныхъ ему гардемаринахъ радовали царя. Ученики, по словамъ блюстителя, успѣшно проходили навигацію, пушкарное и ружейное мастерство, учились астрономіи, ѣздѣ на лошадяхъ, танцованію, знанію приличій, биться на шпагахъ и рисовать.

Одно огорчало Зотова: скудость въ деньгахъ на содержаніе учениковъ.

Зная разсчетливость скупого на мелочи жизни царя, Кононъ, еще

съ 1712 года, осторожно, обиняками, „для сбереженія репутаціи россійскихъ знатныхъ сыновъ", сталъ увѣдомлять государя, что „признаваемые всею Европою за добрыхъ кавалеровъ" ученики терпятъ непосильную нужду, вдаются въ большіе, неоплатные долги, а черезъ то ихъ не токмо тягаютъ въ полицейскія расправы и по судамъ, но даже заключаютъ, до уплаты долга, въ тюрьму. „Заимодавцы — прежестокій и гнусный народъ" — писалъ Зотовъ изъ Парижа: — „тѣснятъ учащихся, штрафуютъ и отнимаютъ у нихъ шпаги. — Умилосердись, надёжа-государь: вонми нуждишкамъ твоихъ ребятъ. Зѣло скупятся твои министры, да на добро-ль? Молодежь она хорошая, иногда грѣхомъ и пошалитъ. Казна хоть и не моего ума дѣло, — да какъ умолчу?"

Царя однако трудно было провести. Онъ угадывалъ главную причину „скудостей" въ обиходѣ заморскихъ учениковъ. Ему было вѣдомо, что нѣкоторымъ изъ нихъ богатые отцы и матери слали тайныя, щедрыя пособія, вдобавокъ къ содержанію отъ казны.

„Балуются господа, твои гардемарины" — отвѣчалъ царь Зотову: — „плохо смотришь за ними. Чай, Ивашкѣ Хмѣльницкому, сирѣчь, по вашему, по заморски, богу Бахусу, весьма усердно служатъ, да и Вѐнусъ, прекрасная богиня, знать, не безъ частыхъ и обильныхъ жертвъ... Пріѣду, увижу; экзаментомъ вѣдь не пошучу. Гляди на обучённаго Бековича — гдѣ онъ ни полезенъ? и на Кубани, и за Каспіемъ, и объ Индіи предлагаетъ... А мы объ Индіи зѣло помышляемъ!"

Зотовъ задумался объ Индіи: „и впрямь царь снаряжаетъ туда походъ... отрядитъ, пожалуй, и его съ учениками".

„Не гиппокрѝтскимъ языкомъ, истинно говорю" — написалъ Кононъ государю, спустя нѣкоторое время: — „лучше перебить подростковъ, что поросятъ, а не оставлять въ гладѣ и хладѣ. Прости, что такъ открыто и просто написано. А что до Бахуса и до прелестныя Вѐнусъ, то вашему величеству перенесено невѣрно и черезъ край, въ чемъ животомъ ручаюсь, — отъ вѣрнаго сердца писавый, — Зотовъ".

Царь отвѣтилъ: „Ой, насквозь вижу, Кононъ, тебя и твоихъ шатуновъ. Мало вразумляешь и коришь, оттого и долги. Нужная вамъ казна, — тысяча ефимки, довышлется черезъ банкира, сіи-жъ дни; а пробѣлы въ муштрѣ и добромъ поведеніи школяровъ, какъ повидимся, Кононъ, допишу — только не на бумагѣ..."

Денежная помога подросткамъ была выслана. Петръ придумалъ и особую мѣру.

Осенью 1713 года онъ далъ указъ сенату черезъ князя Якова Долгорукова: „Ко обрѣтающимся въ обученьи за моремъ гардемаринамъ, кои на родинѣ были женаты, безотложно послать изъ Россіи ихъ женъ".

При этомъ государь посовѣтовалъ и родичу Зотова, отцу гарде-

марина Текутьева, препроводить къ сыну невѣстку въ Парижъ. — „Твой молодожёнъ хоть и безъ мутьянства“ — сказалъ царь при этомъ Текутьеву: — „но хозяйка во всякомъ разѣ дастъ порядокъ какъ домашнему нраву, такъ и статскимъ дѣламъ“.

Была, впрочемъ, и другая причина отсылки въ Парижъ жены гардемарина Текутьева.

Въ подмосковной его отца проживала, воспитанная съ его женой и съ младшею сестрой, сирота, именемъ Дуня.

Дунѣ въ то время, когда состоялся названный царскій указъ сенату, было около пятнадцати лѣтъ. Ея происхожденіе хранилось отъ всѣхъ въ тайнѣ. Называли ее просто Дуняша-сирота. Но всѣ знали, что въ ея судьбѣ принималъ особое участіе самъ царь.

Сперва дѣвочка жила въ семьѣ одного иностраннаго ремесленника въ Москвѣ, на Нѣмецкой слободѣ; потомъ состояла при комнатахъ пріятельницъ царскаго любимца Меншикова, дѣвицъ Дашки да Варьки Арсеньевыхъ, гдѣ пользовалась расположеніемъ и ихъ тогдашней сожительницы, Екатерины Трубачёвой, впослѣдствіи супруги государя, императрицы Екатерины Первой. Послѣ брака Меншикова съ Дарьей Арсеньевой, сироту держали въ хоромахъ Данилыча. А когда дворъ окончательно переѣхалъ въ Петербургъ, подростающую Дуню помѣстили въ московскомъ домѣ, потомъ въ подмосковной Текутьевыхъ, куда къ ней приставили, для обученія грамотѣ и шитью, заѣзжую иноземку-няню.

Московскія сплетницы передавали за вѣрное, что Дуня — дочь Меншикова, прижитая Данилычемъ, до его брака съ Дарьей Арсеньевой. Другіе толковали, что она духовнаго происхожденія, чуть ли не дочь знаменитаго церковнаго витіи, архіепископа Стефана Яворскаго и жены какого-то польскаго магната. Третьи шли еще далѣе: съ оглядкой и шопотомъ, сообщали, что рожденіе Дуни совпадаетъ съ однимъ изъ амурныхъ похожденій въ Нѣмецкой слободѣ самого Петра, что она тайная дочь царя.

Одинъ Петръ зналъ истинное происхожденіе Дуни и, по особой причинѣ, держалъ это въ секретѣ отъ всѣхъ, кромѣ двухъ-трехъ ближайшихъ слугъ, въ томъ числѣ Меншикова. Черезъ нихъ онъ слѣдилъ за сиротою, руководилъ ея воспитаніемъ и, какъ знали Данилычъ и старикъ Зотовъ, держалъ на ея имя, гдѣ-то въ иностранномъ банкѣ, не малую сумму денегъ, собранную изъ сбереженій, не рѣдко скудной, собственной своей казны.

Дуня въ дѣтствѣ часто видѣла Петра у Арсеньевыхъ и у Меншикова. Государь бралъ на колѣни рѣзвую, коротко-стриженную, веселую дѣвочку, щекоталъ ее, пощипывалъ за круглыя, румяныя щечки и любилъ съ нею шутить.

— А гдѣ стрижка-бѣдокуръ?—говорилъ Петръ, нежданно являясь въ привѣтныхъ Арсеньевскихъ свѣтлицахъ, въ концѣ Нѣмецкой слободы:—позвать стрекозу.

Бѣлокурая, рѣзвая дѣвочка вбѣгала съ улицы, въ перемаранныхъ башмакахъ, или съ огорода, въ сѣнной трухѣ и въ репейникахъ на головѣ.

— Экъ, убралась!—смѣялся государь:—а ну, сказку про Сашку, или про бѣлаго бычка?

Быстроглазая дѣвочка, раскачиваясь на его огромныхъ ботфортахъ, начинала, пришепётывая: „Былъ человѣкъ Сашка, на спинѣ драная рубашка“...

Всѣ хохотали, смѣялся и государь.

Долго помнила Дуня черные, для другихъ грозные, для нея ласковые глаза Петра, острый запахъ табаку-кнастера изъ его смѣющихся, грубоватыхъ губъ, и въ трудахъ небритый, жесткій его подбородокъ, натиравшій крупныя пятна на ея щекахъ и ушахъ.

Жившая при Дунѣ въ Мячковѣ иноземка-няня была, до присылки къ Текутьевымъ, въ числѣ мастерицъ, по части заморскихъ модъ государевой сестры Натальи. Землячка царскаго друга, женевца Лефорта, она обучала питомицу, кромѣ грамоты и шитья, своему родному французскому, а отчасти и нѣмецкому языку. На высоко-взбитые, золотистые, въ пудрѣ, волосы и красное, съ хвостомъ, платье Дуняшиной няни заглядывалась въ околоткѣ, какъ на нѣкое диво. „Жаръ-птица летитъ!“—говорили о ней крестьяне, когда няня и ея питомица, съ лукошками, книжкой и зонтикомъ, отправлялись въ лѣсъ, на прохладѣ, почитать и поискать грибовъ.

И въ то время, когда окрестныя, коломенскія и каширскія боярыни коротали скучные досуги, слушая росказни мамушекъ и нянюшекъ о навожденіяхъ злаго духа или о пустынномъ житіи святыхъ, иноземка-няня учила Дуню игрѣ на лютнѣ, романсу о рыцарѣ Роландѣ и дамѣ его сердца Розѣ, и ломаннымъ русскимъ языкомъ разсказывала ей о голубыхъ горахъ и озерахъ Швейцаріи и о веселой чудной Франціи, гдѣ учительница провела дѣтскіе годы.

Дуня слушала разсказы наставницы, приглядываясь къ тихимъ Мячковскимъ полямъ, и думала: „Царь ѣздитъ въ чужія земли... возьметъ ли онъ когда-нибудь и меня въ тѣ далекіе, волшебные края?“

Засыпая въ лунныя, вешнія ночи на Мячковской вышкѣ, Дуня грезила, что вотъ,—пробьетъ часъ,—и она поѣдетъ въ эти шумные, заморскіе города, гдѣ женщины, по слухамъ, живутъ на свободѣ, носятъ красивыя одежды, ѣздятъ на балы, театры и вечера, гдѣ народъ

ласковый, добрый, и гдѣ, по словамъ няни, жизнь катится такъ весело и легко.

И вдругъ—сонъ на яву, страница изъ волшебной сказки...

Женѣ гардемарина Текутьева и Дунѣ, съ ея няней, была объявлена царская воля—ѣхать немедленно въ Парижъ. Сестрѣ Текутьева, какъ сговоренной невѣстѣ драгунскаго майора Франкенберга, было разрѣшено остаться у отца, въ ожиданіи близкой свадьбы.

Сборы были не долги. Старые бояре знали, что государь не любитъ шутить съ отсрочками. Дни и недѣли скучнаго медленнаго переѣзда искупались для странницъ ожиданіями завѣтной цѣли вояжа. Молодайка Текутьева твердила: „ахъ, Дунюшка, другъ, скоро ли, скоро ли? спроси у мадамы!“—Дуня не отрывалась отъ окна рыдвана, который тащился пятую недѣлю по Германіи отъ польскихъ границъ. Ея наставница, при видѣ скалъ и зеленыхъ береговъ Рейна, расплакалась, а у въѣзда въ парижскую заставу—не выдержала и бросилась на шею загорѣлаго и запыленнаго инвалида. Путницы устроились у Зотова, жившаго съ Текутьевымъ, за Сеной, у какого-то огородника, возлѣ пріюта инвалидовъ. Средствами изъ Мячкова были снабжены достаточно; на Дуню было отпущено и отъ государевой ближней канцеляріи. Посѣтили оперу, подгородныя королевскія мызы, балетъ; гуляли въ Тюльери и Версали; катались въ катерѣ по Сенѣ. Текутьевъ и его товарищи-гардемарины выбивались изъ силъ, чтобы занять дорогихъ гостей. Дуня обо всемъ, чтò видѣла и слышала, извѣщала въ дружескихъ письмахъ въ Мячково, сестру Текутьева: куда и какъ ее возили, какъ поютъ знаменитыя королевскія пѣвицы Пелисье́ и Сале́, и какъ пляшетъ восхитительная балетчица, дѣвица Камаргò.

Высланныя по волѣ государя жены гардемариновъ упали, какъ снѣгъ, на голову заморскихъ учениковъ. Разсѣянная свѣтская жизнь, волокитства и открытые столы богатыхъ, попойки съ уличною молодежью и карточная игра остальныхъ должны были по-неволѣ прекратиться. Лѣнь и шатаніе по Парижу первымъ, присланнымъ въ науку русскимъ варварамъ пришлось бросить, усерднѣе сѣсть за книги и чертежи.

„Прозорливъ еси, великій государь“—не утерпѣвъ, написалъ Кононъ Зотовъ Петру:—„попалъ, ваше величество, не въ бровь, а самою точію въ глазъ. Все тебѣ вѣдомо, сквозь землю на три локтя зришь. Ребятамъ отъ сожительницъ пришелъ пребольшущій конфузъ, и всѣ можно сказать исправились; злющія и бѣдовыя бабенки оказались у иныхъ. Пошли тебѣ, Боже, долгіе, славны дни“.

„То-то, Кононъ“—отвѣчалъ Зотову царь:—„и имъ впредь будетъ не повадно, да и тебѣ, яко ихъ Аргусу, въ немалый авантажъ“.

Не долго пожилъ съ своей хозяйкой гардемаринъ Текутьевъ. Въ Парижѣ въ томъ году свирѣпствовала оспа. Отъ нея заболѣла Текутьева, лежала не долго и, черезъ три мѣсяца по пріѣздѣ въ Парижъ, умерла. Скорбь молодого вдовца была непритворная. Онъ, съ первыхъ дней женитьбы, отъ всего сердца любилъ жену.

„Дунюшку отдѣлялъ ли отъ покойной хозяйки Текутьева?“—тревожился царь, освѣдомляясь у Зотова объ остальной парижской колоніи:—„берегитесь дьявольской болячки и не плошайте“.

— Да, à propos,—сказалъ государь кабинетъ-секретарю Макарову:—напиши Зотову, чтобъ, не мѣшкавъ, съѣздилъ къ королевскимъ министрамъ и, для Бога, просилъ бы оказать мнѣ особую услугу: помѣстить нашу сироту въ нѣкое изрядное учебное пристанище. Ихъ у моего брата, короля Луи, доволѣ; хоть бы, примѣромъ, въ оный преславный Сентъ-Сиркій дѣвичій монастырь, о коемъ почасту въ курантахъ читаемъ. Конону и потому надобеть скорѣе то уладить, что его родичъ нонче овдовѣлъ, а онъ не женатъ, и ему, несемейному хоть и имѣется при ней мадама, не слѣдъ въ домѣ холостую дѣвку ростить“.

Макаровъ обо всемъ извѣстилъ Конона. Тотъ бросился выполнять новое порученіе царя, но встрѣтилъ нежданную преграду.

Дѣвичьимъ Сенъ-Сирскимъ, Людовика-Святаго, монастыремъ въ то время завѣдывала его покровительница, доживавшая вѣкъ въ Тріанонѣ, знаменитая фаворитка, потомъ тайная жена престарѣлаго Людовика XIV, вдова поэта Скаррона, Франциска Д'Обиньи, восьмидесятилѣтняя маркиза де-Ментенонъ. Аристократическая чопорность и предразсудки основателей этого пріюта поставили множество преградъ для поступленія въ его среду. Требовались, между прочими, дворянская кровь и знаменитость рода, не менѣе четырехъ восходящихъ колѣнъ по отцу.

Приходилось избрать другое училище, или объяснить тайну рожденія Дуни. Петру не хотѣлось ее лишить благопотребнаго, въ лучшей тогдашней школѣ, европейскаго образованія. Онъ снесся съ полномочнымъ своимъ посломъ въ Голландіи, княземъ Куракинымъ, и поручилъ ему кончить это дѣло. Куракинъ, подъ особымъ подходящимъ предлогомъ, посѣтилъ для этой цѣли Парижъ. Онъ переговорилъ съ секретаремъ главнаго министра, показалъ ему бумаги Дуни и росписку банка о вложенномъ на ея имя капиталѣ, поднесъ ему и маркизѣ Ментенонъ щедрые презенты, и Дуня, въ концѣ 1714 года, была помѣщена въ Сенъ-Сирскій монастырь.

Зотовъ не могъ помириться съ мыслію, что Куракинъ вырвалъ у него въ этомъ дѣлѣ успѣхъ. Пріѣздъ русскаго посла и его секретныя сношенія съ кабинетомъ и Сенъ-Сиромъ не остались, между тѣмъ,

незамѣченными и въ Парижѣ. Всѣ заговорили о таинственной русской сиротѣ, нѣсколько загадочно помѣщенной въ числѣ монастырокъ Людовика-Святаго. Обратили вниманіе на то, что l'orphèline russe, при вступленіи въ школу, названа просто mademoiselle Eudoxie безъ всякой фамиліи и титула.

— Впрочемъ, слава тебѣ, Господи! съ глазъ долой, съ рукъ долой! —сказалъ себѣ въ утѣшеніе Кононъ Зотовъ, проводилъ Дуню въ монастырь:—а то, съ нонѣшними здѣшними нравами, не обраться бы ой-какихъ хлопотъ. Наши-то еще мало опасны; холостымъ не до того,—у прочихъ—жены... А вотъ тутошніе дюки; да шевальé и всякіе петимѐтры-сорванцы... только держись...

Въ числѣ новобранцевъ, проходившихъ въ 1716 году ученіе въ Парижѣ, особымъ расположеніемъ Зотова пользовались, кромѣ его родича и сожителя Текутьева, другой москвичъ, Алексѣй Касаткинъ, и сынъ зажиточнаго астраханскаго дворянина Акимъ Юрловъ.

Касаткинъ былъ холостъ, Юрловъ женатъ. Оба были запросто вхожи въ домъ Зотова: Касаткинъ—по давней дружбѣ своего отца съ князь-папой, Никитой Моисеевичемъ; Юрловъ—по особой милости государя къ его старому родителю, который имѣлъ обширныя, съ рыболовнями, помѣстья близъ Астрахани и, во время булавинскаго бунта, оказалъ не малыя, доброхотныя услуги царю.

Юрловъ нерѣдко получалъ щедрыя пособія изъ дому, причемъ подъ-часъ выручалъ изъ затрудненій и самого Зотова.

Касаткинъ нуждался болѣе всѣхъ гардемариновъ. Его отецъ, тугой и неподатливый къ увлеченіямъ и ошибкамъ молодежи старикъ-москвичъ, копя деньги, на всѣ мольбы сына, по поводу „скудостей заморскаго обихода", отвѣчалъ одно: „учись трудись и терпи;—довольствуйся казеннаго пайка... помру, все будетъ твое"—и денегъ ему не посылалъ. Была у Касаткина богатая старая тетка, его крестная мать; но о ней шли слухи, что она собирается принять постриженіе и отдать все свое достояніе на монастырь.

Придумывали гардемарины, въ дни оскудѣнія кармановъ, разныя уловки: переписывали за деньги ноты и манускрипты и снимали, по заказамъ частныхъ конструкторовъ, планы и чертежи фортецій и кораблей. Юрловъ умудрился нѣкоторое время завѣдывать чьей-то табачной, потомъ винной лавочкой, а другіе шли еще далѣе: нанимались въ церковные и даже въ увеселительные, трактирные хоры.

Одинъ Алексѣй Касаткинъ не унывалъ и, въ неисходномъ „пустокарманствѣ", не думалъ о завтрашнемъ днѣ.

Веселый и мягкій нравомъ, онъ,—въ полномъ смыслѣ слова, забубенная голова,—беззаботно переходилъ отъ чертежей и навигаторскихъ классовъ къ картамъ, отъ вина къ переводу скучной ученой книги и

опять къ пѣснямъ, вину и къ беззавѣтнымъ парижскимъ гулякамъ. Касаткинъ игралъ въ карты счастливо, безъ разбора сорилъ деньгами, когда онѣ у него бывали, а когда спускалъ все до-чиста,—смѣющійся, чисто умытый, одѣтый, завитый и даже надушенный, съ легкимъ сердцемъ и съ запасомъ новостей, приходилъ къ Зотову жарилъ ему въ каминѣ каштаны, помогалъ стряпнѣ въ кухнѣ или садился съ нимъ играть въ шахматы, до которыхъ тотъ былъ страстный охотникъ. Онъ сблизился и съ домашними Зотова, утѣшалъ Текутьева въ горѣ, когда тотъ схоронилъ жену, и помогалъ Конону развѣдками, при опредѣленіи Дуни въ монастырь.

II.

Монастырская авантюра.

Слухи о мысли Петра посѣтить Амстердамъ и Парижъ привели Зотова въ сильную тревогу.

— Пріѣдетъ, до всего докопается—разсуждалъ онъ:—вывернетъ всю душу; а ужъ ребятъ станетъ испытывать, отъ киля до вымпела, и отъ порошинки до бомбъ и до небеснаго, звѣзднаго бѣга...

А тутъ еще готовилось нежданное, семейное горе. Изъ Петербурга пришла вѣсть, что всешутѣйшаго князь-папу, отца Зотова, государь,—какъ герръ-протодьяконъ Михайловъ своей тостъ-коллегіи,—рѣшилъ въ веселую минуту, для потѣхи всей компаніи женить на шутихѣ, вдовѣ Аннѣ Стремоуховой.

Кононъ не могъ равнодушно снести новаго издѣванія надъ выжившимъ изъ ума и совѣсти, престарѣлымъ родителемъ. Состоя во главѣ сумасброднаго, шумнаго и всепьянѣйшаго собора безстыжихъ придворныхъ скомороховъ и гулякъ, генералъ-президентъ ближней государевой канцеляріи, Никита Моисеевичъ Зотовъ,—онъ же Магнусъ Наклеванги,—носилъ еще титулъ патріарха Пресбургскаго, Яузскаго и всего великаго и малаго Кукуя, то-есть Нѣмецкой слободы. Какъ верховный жрецъ Бахуса, онъ въ смѣхотворной папской тіарѣ и въ дьячковскомъ стихарѣ, на пирахъ, благословлялъ сотрапезниковъ двумя чубуками, сложенными на крестъ, и въ шутовскихъ индульгенціяхъ подписывался „smirennyi Anikit, wlasnoju rukoju“.—Въ „соборѣ“, подъ его предсѣдательствомъ, участвовали и дамскія персоны,—между ними архіерейша Бутурлина и князь-игуменья Ржевская. Свадьба „бахусоподражательнаго“ отца Аникиты была оглашена Петербургу съ большою церемоніей; призывъ не пес выкрикивали, въ платьяхъ герольдовъ, отборнѣйшіе заики.

Кононъ Зотовъ написалъ слезное письмо кабинетъ-секретарю Ма-

карову, отпросился черезъ него у государя на побывку домой и снова навѣстилъ Петербургъ.

— Такимъ ли вѣнцомъ пристоитъ короновать конецъ вашихъ дней?—сказалъ Кононъ отцу.

— А что развѣ?—спросилъ тотъ.

— Да свадьба-то, простите...

— Слушай,—отвѣчалъ семидесятилѣтній родитель:—не смѣю прогнѣвить его царскаго величества; столько платья къ свадьбѣ нашито и названо для меня стариковъ... не могу...

— Но супруга... вѣдь она дурка, шутиха!

— Врешь, молокососъ; по лѣтамъ мнѣ выбрана,—средовѣчная. А станешь перечить, то такого вамъ чорта бабу не шею посажу, что своему животу не будешь радъ. Лучше о себѣ самомъ помысли...

Свадьба князь-папы состоялась, по всей церемоніи. Распѣвались установленные, шутовскіе канты. Одинъ клиръ возглашалъ: „пьянство бахусово да будетъ съ тобою, затмѣвающее, валяющее и безумствующее". Другой подхватывалъ: „да веселися, во имя всѣхъ пьяницъ и скляницъ... Да кружится взоръ твой и умъ твой, и да будутъ, день и ночь, дрожащи руцѣ твоя"...

Столица щедро отдала дань Ивашкѣ и Еремкѣ, разгулу и вину. Одинъ сынъ князь-папы былъ невеселъ и не зналъ, куда дѣться отъ досады и стыда.

— Что носъ повѣсилъ?—спросилъ родитель Конона, ѣдучи отъ вѣнца:—что зѣваешь самъ?

— Не понимаю, батюшка...

— А вотъ растолкую. Давно пора и тебѣ, Кононъ, сыскивать добрую женишку. Чѣмъ, примѣромъ, тебѣ не пара хоть бы наша заморская красавица?

— Какая?

— Да монастырка Дуня. Чай знаешь и о вкладѣ? а не знаешь, слушай.

Старикъ разсказалъ сыну о приданомъ государевой питомки.

„Вкладъ вещь не дурная"—подумалъ Кононъ, выслушавъ отца:— „но вѣдь и сама Дуня лучше всякаго приданаго. И какъ я до сихъ поръ о ней не мыслилъ? Надо расположить къ тому царя, особо у него заслужить".

Кононъ еще до поѣздки въ Петербургъ задумалъ одну услугу Петру. Незадолго передъ тѣмъ умеръ король Людовикъ XIV, и Франціей, въ качествѣ регента, управлялъ, отъ имени его семилѣтняго правнука, Людовика XV, герцогъ Орлеанскій. Зотовъ затѣялъ устроить вторичный бракъ овдовѣвшаго царевица, Алексѣя Петровича, съ одной изъ дочерей дюка Орлеанскаго, и, положивъ въ умѣ, что если ему удастся

эта важная „конъюнктура“, ему ожидать отъ государя всякой похвалы и наградъ.

Всегда рѣшительный и довольный собой, Кононъ не любилъ откладывать своихъ мыслей въ долгій ящикъ. Онъ, при первомъ же удобномъ случаѣ, передъ поѣздкой на родину, завелъ о царевичѣ секретный „дискурсъ“ съ министромъ регента, маршаломъ Д'Этрё, а затѣмъ ухитрился переговорить о сокровенномъ замыслѣ и съ самимъ регентомъ. Ему отвѣтили отмѣнными любезностями.

Мысль о французско-русскомъ союзѣ засѣла въ головѣ Зотова и не давала ему покоя. Едва же отецъ намекнулъ ему о Дунѣ, Кононъ сказалъ себѣ: „вотъ что̀ попрошу теперь, въ вѣнецъ своихъ заслугъ!“ и „ничего-же сумняся“, по живости и легкости нрава, испросилъ себѣ особую аудіенцію у государя и изложилъ ему свой прожектъ.

— Съ французами, вѣрьте, было говорено не на вѣтеръ,—сказалъ Кононъ Петру:—къ вашему же величеству у нихъ отмѣнное почитаніе и фаворъ. Тамошнія принцессы, не примѣръ нѣмкамъ, всѣ красавицы, тонкаго и наиделикатнаго ума; а ихъ придворныя дамы, не въ подобіе длиннозубымъ и бранчивымъ вѣнскимъ фрейлинамъ, могли бы въ Россіи ввести пристойные и учтивые обычаи. Съ французскою принцессой вашъ сынъ могъ бы въ Россіи всѣ науки вселить, чтобъ Германія съ ревности подавилась, а турка прямо взяла бы лихорадка.

Петръ слушалъ молча.

— И попомни, государь, слово Зотова,—продолжалъ Кононъ:—я убѣдился и того держу, что алліянцъ и дружба съ Франціей будутъ намъ полезны до конца дней, зане французы и русскіе, по дальности границъ, другъ другу зла не могутъ сдѣлать, а добра сколько похотятъ. И если вашему величеству угодно одобрить мое представленіе—женить вашего сына на дочери Орлеанскаго дюка—въ томъ препоны не будетъ, и состоится полезный и, во всѣхъ негоціяхъ, желательный намъ и парижскому кабинету французско-русскій союзъ...

Петръ обыкновенно не серчалъ на Зотова за его простой, откровенный, хоть подъ-часъ и не въ мѣру болтливый языкъ. Вмѣшательство же въ политическія „негоціи“ и столь „азартныя конъюнктуры“ царю не понравилось.

— Слушай ты, безструнная балалайка,—сказалъ Петръ, выслушавъ Конона:—ты, видно, забылъ пословицу о сверчкѣ и шесткѣ? Совѣтую отнынѣ усердиѣе запереть кашкадъ вашего краснорѣчія и заняться иною, подобающею матеріей. Ей, Кононъ, пригляди за гардемаринами! Что̀ думаешь? Экзаментомъ, какъ придетъ пора, повторяю, не пощучу.

Зотовъ совершенно растерялся отъ нежданнаго царскаго репримaнда. Онъ долго не могъ утѣшиться и по возвращеніи въ Парижъ.

Пребываю въ меланхоліи и акибы въ повсегдашнемъ безпамятствѣ“ — писалъ онъ оттуда отцу: — „не уважено усердіе и перваго охотника тѣхъ его, государевыхъ, любительныхъ морскихъ дѣлъ. Что значитъ малопомѣстный; трудись въ потѣ лица и по всякъ день жди гнѣва и истязанія за вѣрный долгъ“.

Отецъ отвѣчалъ: „не унывай! или не знаешь царя? Онъ выговоритъ на-прямки и забудетъ. А ты изыскивай способы и вновь заслужишь его фаворъ“.

Кононъ успокоился, пріодѣлся, и чаще сталъ навѣщать Дуню; возилъ ей лакомства, священныя книги, бесѣдовалъ съ ея наставницами и думалъ: „была не была; не женилъ царевича, самъ женюсь“.

Осенью 1716 года, надъ Конономъ стряслась новая и горшая бѣда. Незадолго до пріѣзда государя въ Голландію, въ Парижѣ произошло событіе, надѣлавшее въ обществѣ не мало шума.

Ментенонъ и прочія обительскія власти строго берегли питомицъ Сенъ-Сирскаго монастыря.

Суровыя и богомольныя сестры-наставницы носили платья и наплечники изъ власяницы, съ длинными рукавами, которые приподнимались только во время хоральнаго пѣнія, въ церкви. Черныя четки, съ распятіемъ, мертвой головой и святостями въ медальонахъ, висѣли у каждой съ грубаго, пеньковаго пояса. Въ суконной повязкѣ, поверхъ спрятанныхъ волосъ, онѣ носили еще черное, густое покрывало, спадавшее до колѣнъ.

Этотъ нарядъ, впрочемъ, не мѣшалъ сестрамъ-постницамъ изрѣдка допускать въ стѣны Сенъ-Сира грѣшныхъ посѣтителей изъ богатыхъ и знатныхъ міранъ. Желающимъ, по особой протекціи, дозволялось въ праздники навѣщать собственныхъ и стороннихъ родныхъ. Сами воспитанницы, въ угоду основателя ихъ общины, короля, и по волѣ маркизы, ихъ патронессы, исполняли въ монастырскихъ залахъ трагедіи Расина „Ифигенію“ и „Андромаху“ и нарочно для нихъ написанную „Эсѳирь“. Король давалъ дѣвицамъ, для убранства къ театру, свои алмазы, жемчугъ и кружева и, окруженный пышнымъ дворомъ, являлся смотрѣть монастырокъ, одѣтыхъ на обительской сценѣ въ греческія и римскія одежды.

Съ воцареніемъ герцога-регента, маркиза Ментенонъ поселилась въ самомъ Сенъ-Сирѣ. Строгости въ уставѣ обители усилились. Свѣтская мірская жизнь, тѣмъ не менѣе, давала о себѣ вѣсти и сквозь стѣны монастыря.

То было время изящнаго, общаго эпикурейства. Вѣтряная, богатая молодежь топила въ легкихъ, нескончаемыхъ забавахъ все свое достояніе, чувства, умъ.

По праздникамъ къ монастырю подкатывали раззолоченныя кареты, съ жокеями, запряженныя цугомъ красивыхъ лошадей, убранныхъ въ страусовыя перья. Въ паркѣ гремѣли трубы и раздавалось щелканье бичей заѣзжихъ, съ кабаньей или лисьей травли охотниковъ. Въ пріемной залѣ монастырокъ собирался цвѣтъ знати, — парижская золотая молодежь. Шли толки о свѣтскихъ модахъ, дуэляхъ, балетѣ и карточной игрѣ. Воспитанницы, съ жадностью, затаивъ дыханіе, вслушивались въ разсказы столичныхъ кузеновъ о романическихъ приключеніяхъ, кипѣвшихъ тамъ, за оградой ихъ однообразной, скучной тюрьмы.

А новая раскаявшаяся Магдалина, богомольная и дряхлая Ментенонъ, стараясь вразумить старшихъ питомицъ о настроеніи грѣшнаго міра, говорила имъ въ дружеской бесѣдѣ: — „Берегитесь, дѣти! свѣтъ неузнаваемъ! Старыя преданія рыцарской, дѣдовской чести умираютъ; водворяется царство грубыхъ, продажныхъ, низкихъ мѣщанъ. Бѣгите, дѣвицы, внѣшняго блеска. Нынѣшніе молодые люди ходятъ въ золотѣ, а внутри ихъ безнравственность и пороки. Дворцы древней знати, Арманьяковъ и Кариньяновъ, обращены въ притоны постыднаго разгула, въ академіи карточной игры. Дворяне бросаютъ помѣстья, офицеры—гарнизоны, высшее духовенство—епархіи... Все стремится въ этотъ новый Вавилонъ, Парижъ... Берегитесь Парижа, вы, будущія матери! Его ждетъ участь Содома и Гоморры“.

Дѣвицы слушали душеспасительныя рѣчи многоопытной, старой проповѣдницы и, съ трепетомъ сердца, присматривались изъ верхнихъ монастырскихъ оконъ на дорогу, которая густымъ лѣсомъ и зелеными, холмистыми полями вела въ этотъ таинственный, грѣшный, соблазнительный Парижъ.

Дуня съ первыхъ дней въ монастырѣ особенно подружилась съ одною изъ сверстницъ, дочерью богатаго вандейскаго дворянина. Съ нею она учила уроки, занималась музыкой и шитьемъ; освоясь же съ французскимъ языкомъ, она съ нею принялась за любимые тогдашніе романы.

„Авантюры Телемака“ Фенелона были прочтены нѣсколько разъ. Дуня, упавъ лицомъ въ подушку, искренно оплакивала бѣдствія вѣрнаго Телемака, отыскивающаго своего отца, Улиса. Она была готова улетѣть, вслѣдъ за героемъ и его руководительницей, въ образѣ Ментора, Минервой, въ таинственную Гесперію, гдѣ разочарованный войнами, изгнанный изъ Крита, Идоменей устраивалъ въ пастушеской простотѣ счастье своихъ новыхъ подданныхъ. Дуня спрашивала подругу, что̀ это за люди и далеко ли отъ Парижа до Гесперіи? Подруга объясняла, что дѣло идетъ не о чуждыхъ, далекихъ странахъ, а о Франціи: „Раскаявшійся Идоменей — это нашъ король Людовикъ XIV, Протезилай —

его ненавистный министръ Лувуа, а Калипсо — бывшая, всемогущая, блестящая любимица короля Монтеспанъ, которую смѣнила наша святоша Ментенонъ".

Послѣ Телемака, перешли къ „Похожденіямъ Жака Массе" и къ „Хромому бѣсу" Лесажа. Дуня, съ замираніемъ сердца, входила, вслѣдъ за гулякой Клеофасомъ и его провожатымъ Асмодеемъ, на высокую Мадридскую башню, и передъ ней, въ ночной тишинѣ, по манію Асмодея, поднимались крыши съ богатыхъ и бѣдныхъ домовъ и раскрывались, спрятанныя подъ ними, картины общественныхъ бѣдствій, добродѣтелей, пороковъ и всяческой суеты.—„Ахъ, гдѣ этотъ кудесникъ Асмодей и его волшебство?"—говорила Дуня подругѣ:—„онъ отворяетъ темницы, разбиваетъ цѣпи и замки!"—„Погоди,—отвѣчала подруга:—настанетъ время и для насъ".

Ментенонъ, изрекая осужденія на невѣрующаго регента и его придворныхъ, предавала особой анаѳемѣ его друга Мирепуà, какъ говорили не въ шутку занимавшагося вызываніемъ злого духа и мертвецовъ. А монастырки знали, что сама ихъ патронесса, труся смерти, запиралась съ бродячими гадальщицами на картахъ и съ астрологами, и прибѣгала къ открытіямъ геомантовъ, къ заклинателямъ бѣса и толкователямъ сновъ.

Къ Ментенонъ ѣздили ея старые, парижскіе друзья. Между ними дѣвицамъ былъ особенно ненавистенъ одинъ молодившійся, разряженный и завитой въ букли и космочки, приторно-сладкій старичокъ-маркизъ. Монастырки такъ его и прозвали „карамéлькой".

Вѣчно улыбающійся и раздушенный, съ мягкою, женскою менуэтною походкой, этотъ старичокъ-маркизъ привозилъ Ментенонъ новые выпуски скучнаго „Журнала Ученыхъ", а дѣвицамъ—святую воду въ флакончикахъ отъ зубной боли, какія-то ленточки изъ Рима отъ грѣшныхъ сновъ и груды конфектъ. Дѣвицы ѣли конфекты, флаконы и ленточки бросали за окно, а про самого „карамéльку" по секрету толковали, что онъ вовсе не такой святòша, какимъ кажется, что онъ кутитъ тайкомъ въ своемъ помѣстьѣ, съ подобными себѣ ханжами, и что, при раздѣваніи, ему служитъ не лакей, а переодѣтая въ мужское платье, хорошенькая горничная...

Съ поступленіемъ Дуни въ Сенъ-Сиръ, ея письма къ сестрѣ Текутьева, въ Мячково, стали приходить рѣже. Они не походили на ея первыя, радостныя извѣстія о прибытіи въ Парижъ.

„Ахъ, я злощастная! ахъ, пропала я, съ бѣдной головушкой!"—писала Дуня былой сверстницѣ:—„и по-что такія напасти, лютое горе? Вся сфера небесная премѣнилась, свѣтъ мой заволокся тучами. Куда

меня занесли? Въ гробъ живая уложена, замурована въ злу-каменную стѣну. И какъ то прилучилось негаданно, совсѣмъ не чаяла! Лизнула не къ добру медку, аки сынъ царя Саула, Наоанъ, и все отнято, вся жизнь сладость. Давно ли, кажись, то было? Всѣ вы твердили, при нашемъ отъѣздѣ въ вояжъ: ахъ, какъ онѣ счастливы, какъ завидны! И что же! Одна странница въ могилѣ; на чужой сторонѣ; другая, — въ неисходныхъ печаляхъ, — совсѣмъ надсѣлася, хуже колодницы дни влачитъ. Таково ли было прежде провожденіе времю, или, сказать, младымъ лѣтамъ? Далеко до раздѣльца, свѣта-надежи, милостиваго царя. То все, знать, безъ него подѣлано. Просить ли его или молчать, чтобы не прейтить предѣловъ?"

Сестра Текутьева вышла замужъ за Франкенберга и съ мужнинымъ полкомъ переѣхала въ Казань. Лѣтомъ 1716 года она тамъ получила коротенькое письмо Дуни.

— „Я внѣ себя, опять счастлива, — писала ей Дуняша: — воскресла я, на свѣтъ опять народилась. Край ранней могилы, у самаго гробоваго камени, выросъ вешній цвѣтокъ. Ты радостна съ другомъ, и я болѣе не безчастна. Не погуби, не выдай. И честна ли то будетъ совѣсть, — съ милымъ, съ утѣхой разлучить? Глядятъ во всѣ глаза старицы-черницы, да не выглядятъ; не потеряю перло жемчужное. Не долго ждать. По конецъ жизни, — милый товарищъ, утѣха будетъ въ глазахъ. Не спрашивай доподлинно, кто? Ушла бы съ нимъ на край свѣта; да двери всѣ на запорѣ и стѣны высоки".

Не одна Дуня гадала о вешнемъ, у гробоваго камени, цвѣткѣ. Половина монастырокъ была влюблена, обожала собственныхъ и чужихъ кузеновъ, королевскихъ пажей, мѣстнаго аббата, даже эконома и почти всѣхъ обительскихъ учителей. Въ дортуарахъ разыгрывались сцены ревности, отчаянія и непримиримой мести.

Въ октябрѣ 1716 года. Дуня прогуливалась въ монастырскомъ саду, съ своей подругой.

Обѣ онѣ уже были въ высшемъ классѣ „розовыхъ". Подруга повела ее въ дальнюю аллею, чтобъ наединѣ ей прочесть посланіе отъ своего поклонника.

Письмо было прочтено.

— Да, милая... поздравляю, — сказала подруга.

— Съ чѣмъ?

— Всѣ наши убѣждены, что ты окончательно помолвлена.

— Вотъ новость... за кого?

— Называютъ маркиза — „карамéльку".

Дуня вспыхнула.

— Какая ложь! Ну, можно ли!.. ахъ, какая ты! — вскрикнула она: — не смѣй мнѣ этого говорить, — поссоримся...

— Нѣтъ, право клянусь! — не унималась подруга: — увѣряютъ, что уже написано въ Московію къ царю; ждутъ только его отвѣта, и ты скоро станешь маркизой...

— Слушай, — проговорила, блѣднѣя, Дуня: — я сирота, тебѣ извѣстно; но если такъ случится, если... я не снесу горя...

— Я тебя выручу, спасу! — объявила подруга: — слушай... вѣдь ты мое сокровище, жизнь! Мой поклонникъ тебѣ извѣстенъ; на него можно надѣяться. Но ты не знаешь, не видѣла моего двоюроднаго брата... Онъ военный, красивый и храбрый, притомъ — крестникъ нашей патронессы... Хочешь, а ему напишу, вызову его въ отпускъ и познакомлю съ тобой?..

— Ты говоришь, онъ храбрый? — спросила Дуня.

— Какъ левъ.

— И смѣлъ, великодушенъ?

— Какъ рыцарь...

— Подумаю, — отвѣтила Дуня.

Прошло нѣсколько дней. Дуня просиживала почи на-пролетъ у окна спальни, глядя сверху на завѣтную дорогу, по которой, изъ таинственной дали, долженъ былъ явиться, въ образѣ преданнаго Телемака или смѣлаго и страстнаго Роланда, могучій, давно нагаданный избавитель.

На разсвѣтѣ пасмурнаго октябрьскаго утра, Дуня подошла къ кровати подруги, сѣла у ея изголовья и ее разбудила.

— Что ты?

— Зови своего кузена! — сказала Дуня.

— Я ужъ ему написала... онъ будетъ на-дняхъ... Такъ ты рѣшилась? ахъ, какъ я рада!

— Съ однимъ уговоромъ, — отвѣтила Думя: — не сердись... но у меня одна мысль, и я хочу прежде съ нимъ поговорить одна и откровенно...

Подруга восторженно подняла Дуню. Она была на седьмомъ небѣ.

Вызванный кузенъ явился, сталъ посѣщать монастырь. Подруга Дуни торопила затѣянную, фантастическую развязку. Съ ея обожателемъ у нея уже давно все было условлено и рѣшено.

— Онъ не обидится? — спросила Дуня пріятельницу, послѣ одного изъ свиданій.

— Чѣмъ?

— Ахъ, я и тутъ несчастна! — отвѣтила въ тревогѣ Дуня: — ты не знаешь, не поймешь!..

— Чтò такое? да говори же, объяснись...

— Я люблю... мы любимъ другъ друга!—проговорила Дуня.

— Ну, и отлично!—сказала, просіявъ, пріятельница:—тѣмъ лучше, значитъ, успѣхъ?

Дуня кинулась къ ней на шею, судорожно ее обняла и чуть слышно что-то прошептала.

— Можетъ ли быть? — удивилась, всплеснувъ руками, подруга:—гдѣ доказательства?

Дуня вынула изъ-за лифа ладонку и крестикъ: на нихъ висѣло бирюзовое кольцо.

— Какъ? даже обручены? — вскрикнула исповѣдница: — это же когда?

— Еще лѣтомъ...

— Ахъ, ты недобрая! скрывалась предо мной!

— Прости, милая,—отвѣтила Дуня:—у тебя родители; они тебя простятъ, ты имъ дочь... я же сирота и всѣмъ обязана благодѣтелю-царю... А ты слышала, знаешь о немъ?

III.

Корзины.

Вечеромъ, — въ концѣ октября 1716 года, — къ опушкѣ Сенъ-Сирскаго лѣса подъѣхали двѣ наемныя, городскія кареты. Изъ нихъ вышли четыре путника. Подъ деревомъ, гдѣ они остановились, стояла, ихъ поджидая, телѣга. На телѣгѣ лежали корзины.

Путники велѣли кучерамъ ждать, а сами, съ телѣгой и съ ея возничимъ, направились въ чащу лѣса. Дорога имъ была, очевидно, извѣстна. Несмотря на сумракъ и густоту деревьевъ, простиравшихъ вѣтви на узкую, извилистую дорогу, они скоро миновали опушку парка и звѣринецъ и вышли на поляну, въ концѣ которой возвышалась каменная, съ башенками, стѣна Сенъ-Сирскаго монастыря.

Телѣга приблизилась къ оградѣ. Сопровождавшіе ее постучались въ ворота.

— Кто тамъ?—спросилъ голосъ изъ-за ограды.

— Садовники... за цвѣтами...

— Кой-чортъ такъ поздно? и какіе цвѣты въ такую темень?

— У герцога завтра обѣдъ и балъ, — свадьба дочери... Дорога грязная, приноздали.

Привратникъ сходилъ къ товарищу за ключомъ и отперъ ворота. Садовники, тѣмъ временемъ, усѣвшись на травѣ, раскупорили объемистую флягу бургонскаго, попотчивали и стражу.

— Да, не тѣмъ будь помянута наша патронесса,—сказалъ, угостившись, старшій изъ сторожей: — въ садъ не пускаетъ никого; на запорѣ всѣ входы и выходы,—а цвѣтами торгуетъ, какъ базарница... Ну, дѣло ли это маркизы?.. Вамъ какихъ?..

— Всякихъ, дѣдушка, да побольше... а еще стаканъ? это изъ герцогскаго погреба; кастелянъ угостилъ.

— Ну, дорогу вѣрно знаете,—сказалъ привратникъ:—петуній и геліотроповъ наберете и въ потьмахъ... а розы—съ тѣми осторожнѣе —у главнаго корпуса,—не переколите рукъ!..

— Чтò намъ! не впервые! — отвѣтили путники, уходя съ корзинами въ садъ. Возница остался, съ флягой и сторожами, за оградой.

Наполнивъ одну изъ корзинъ цвѣтами, вошедшіе въ садъ сѣли въ лодку у пруда, огибавшаго эту часть сада, и переправились къ главному зданію обители.

Здѣсь, между кустовъ сирени и розъ, на площадкѣ, окаймленной высокими дубами и буками, возвышалось длинное, двухъ-ярусное, съ крыльцами и стекольчатыми переходами, главное зданіе обители. Верхнія и нижнія окна были темны. Полная тишина царила кругомъ.

Трое изъ пришедшихъ, миновавъ площадку, углубились въ кусты и стали рвать розы, четвертый остался у пруда, гдѣ нѣсколько разъ, съ разстановкой, плеснулъ весломъ.

Съ послѣднимъ звукомъ весла, одно изъ верхнихъ оконъ зданія тихо раскрылось и въ немъ показалось что-то неясное, бѣлое.

Изъ окна, распустившись до земли, упала шелковая лѣстница. По лѣстницѣ спустилась невысокая фигура, за нею другая, повыше.

— Прощайте, прощайте! — слышались въ сумракѣ робкіе, сдержанные голоса.

Лѣстницу опять втянули кверху. Окно закрылось. Лодка съ корзинами, полными цвѣтовъ, снова переправилась за прудъ къ оградѣ.

Садовники бережно уставили корзины на телѣгу и, расплатясь со сторожами, отправились обратно паркомъ.

Черезъ полчаса двѣ кареты мчались во всю прыть на сѣверъ отъ монастыря, поднимая столбы пыли и оглашая бубенчиками и щелканьями бичей тонувшія въ ночной мглѣ и тишинѣ лѣсистыя окрестности обители.

На слѣдующій день Парижъ заговорилъ о любопытномъ событіи: изъ строго-оберегаемаго Сенъ-Сирскаго монастыря разомъ бѣжали двѣ воспитанницы. Устная молва и журналы разнесли объ этомъ много странныхъ и необъяснимыхъ подробностей.

Кононъ Зотовъ узналъ о томъ изъ послѣднихъ. Когда ему показали листокъ „курантовъ“ и онъ въ немъ прочиталъ, что одною изъ

бѣглянокъ была „la belle pensionnaire russe",—свѣтъ померкъ въ его глазахъ, и онъ чуть не лишился чувствъ. Сомнѣнія не было: Дуня бѣжала. Но куда? и кто ея похититель?

Первою мыслію ошеломленнаго Зотова было начать неотложные поиски.—„Я опекунъ, я здѣшній главный царскій агентъ,—разсуждалъ онъ: — съ меня взыщутъ больше всѣхъ. Проворонилъ, скажутъ, не доглядѣлъ..." —Но къ кому обратиться за помощью? Кто искренно захочетъ пособить?"—Перебирая въ умѣ земляковъ-гардемариновъ, онъ прежде прочихъ остановился на смышленомъ и болѣе другихъ развитомъ, Алексѣѣ Касаткинѣ. Другъ овдовѣвшаго Текутьева и давній еще по Москвѣ знакомецъ Дуни, Касаткинъ чаще остальной компаніи видѣлся съ нею, исполнялъ ея порученія, зналъ ея мысли и могъ дать о ней хоть какія-либо указанія.

Собираясь, однако, на квартиру Касаткина, Зотовъ вспомнилъ, что самъ, дня четыре назадъ, отпустилъ Алексѣя въ Гаагу.

Недѣли за полторы передъ тѣмъ, голландскій посолъ, князь Куракинъ оповѣстилъ Касаткина о кончинѣ въ Москвѣ его богатой тетки и крестной матери, отказавшей Алексѣю все свое достояніе. Переведя на имя Касаткина въ Парижъ изрядную долю денегъ, высланныхъ тому изъ Москвы, князь Куракинъ предложилъ Алексѣю составить неотложныя по наслѣдству бумаги и, для рукоприкладства и ихъ подачи, лично прибыть въ посольскую канцелярію, въ Гаагу.

Зотовъ думалъ, что Алексѣй, получа наслѣдство, завертится въ новыхъ шалостяхъ и кутежахъ. Вышло, однако, иначе: тотъ изготовилъ нужныя бумаги и рѣшилъ ѣхать въ Голландію безъ замедленія.

„Блаженъ, иже не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ,—утѣшился Зотовъ, видя, какъ присмирѣлъ и вдругъ будто переродился Касаткинъ:—чтò значитъ смерть крестившей насъ, а тѣмъ паче отъ нея наслѣдство?"

Зотовъ не могъ, безъ внутренней улыбки, смотрѣть на смиренный и постный видъ Алексѣя, бывшаго еще такъ недавно басней цѣлыхъ парижскихъ кварталовъ.

Касаткинъ былъ памятенъ многимъ и дома, въ Замоскворѣчьѣ, гдѣ ребенкомъ, ученикомъ латинской архіерейской школы, онъ дѣлалъ опустошительные набѣги на сосѣдніе огороды и сады, а юношей, состоя въ новоустроенномъ, у Сухаревой башни, навигацкомъ училищѣ, съѣздилъ о масляной, съ товарищами, въ гости къ важному, только-что прибывшему бухарскому послу, въ санкахъ, на шестернѣ нестерпимо оравшихъ свиней.

Парижскій воздухъ поощрялъ и подзадаривалъ широкую, дикую натуру веселаго русскаго гардемарина, которому здѣсь исполнилось двадцать-три года. Расцвѣтшій, стройнаго роста, плечистый, румяный, съ русой косой и съ голубыми глазами, Касаткинъ сталъ коноводомъ

лихихъ и отчаянныхъ гулякъ. Устроить ли ночной кошачій концертъ толстому, притязательному аббату, перепугать ли полицію криками, среди бѣла дня,—пожаръ! грабятъ! рѣжутъ!—или, въ полночной тишинѣ, съ соннаго базара пустить снопъ трескучихъ, самодѣлковыхъ ракетъ, — все это было обычнымъ дѣломъ Касаткина и его новыхъ французскихъ друзей.

Еще недавно, въ темную лѣтнюю ночь, когда налетѣвшая, съ грозой, буря ревѣла надъ Парижемъ, срывая двери, ставни и черепицу съ домовъ,—Алексѣй, съ пріятелями изъ Сорбонской академіи, умудрился перемѣнить вывѣски въ цѣломъ людномъ предмѣстьѣ.

Городъ проснулся и ахнулъ: на лавкѣ гробовщика оказалась трактирная вывѣска: „Увеселительный пріютъ дяди Пьера", надъ кабакомъ надпись: „Продажа ладона и свѣчей". Кабинетъ „врача" превратился въ лавку „мясника", а на калиткѣ знаменитаго іезуитскаго витіи и постника-исповѣдника — доска съ надписью: „Школа для взрослыхъ дѣвицъ".

Послѣднею ночною продѣлкой парижскихъ шалуновъ, въ которой предводительствовалъ Касаткинъ, было снятіе, лѣтомъ того же года, съ уединеннаго арсенальнаго бастіона, въ форштадтѣ Бурдоннѐ небольшой мѣдной пушки. Они ее стащили изъ-подъ носа часового, уставили на мосту черезъ Сену, зарядили и впотьмахъ дважды изъ нея выпалили вдоль рѣки. Переполохъ сонныхъ жителей былъ неимовѣрный.

Всѣ эти похожденія и проказы продѣлывались, между тѣмъ, такъ ловко, что виновниковъ ихъ, какъ ни билась полиція, не могли открыть и уличить. Спустя нѣкоторое время, самъ Касаткинъ обыкновенно приходилъ къ Зотову и во всемъ ему каялся. Озадаченный Кононъ только разводилъ руками.—Экъ, Алёха! на чтѳ тебя опять сподобило!—говорилъ онъ; но, охраняя себя, разумѣется, не выдавалъ и его.

И вдругъ этотъ самый Касаткинъ, первый проказникъ и бѣдокуръ, на глазахъ Зотова, сталъ тише воды, ниже травы. Даже въ послѣдній заѣздъ, съ Конономъ, въ Сенъ Сиръ, когда Дуня, вновь сѣтуя на утѣсненія, строгости и скуку, ударилась въ слезы и сказала: „умру, съ тоски руки на себя наложу", Алексѣй ей отвѣтилъ при Зотовѣ: „Простите, сударыня, надо читать наставительныя книжки, житія святыхъ отцовъ; здѣшнія прискучили, своихъ словенскихъ ищите; не обрящете, вамъ ихъ преношлю..." И послалъ.

Спохватясь, что Алексѣй уѣхалъ въ Гаагу, Зотовъ поговорилъ съ другими гардемаринами; тѣ не нашлись, чтѳ посовѣтовать. Кононъ поѣхалъ къ королевскому прокурору и далъ явку въ полицію, съ обѣщаніемъ награды за указаніе слѣдовъ бѣглянки.

Онъ побывалъ и у „курантельщика", то-есть журналиста, печатавшаго еженедѣльныя тетрадки тогдашней „Gazette de France", носившей въ публикѣ кличку „Бюро адресовъ и экстраординарностей". Цензоръ или редакторъ газеты сообщилъ Конону, что похитителемъ французской бѣглянки, очевидно, былъ племянникъ мѣстнаго епископа, поручикъ въ отрядѣ королевскихъ войскъ; русскую же монастырку, по слухамъ, увезъ родственникъ первой дѣвушки, сынъ вандейскаго дворянина, янсениста по вѣрѣ, крестникъ маркизы Ментенонъ. Курантельщикъ прибавилъ, что маркиза очень огорчена этимъ событіемъ, и что, по ея просьбѣ, полиція уже обыскала весь монастырь и окрестности Сенъ-Сира.

Поиски увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Въ молитвенникѣ одной изъ питомицъ класса „розовыхъ" нашли пачку страстныхъ писемъ поручика, а въ тюфякѣ другой — изъ класса „зеленыхъ" —отыскалась болѣе ясная улика — шелковая лѣстница. Побѣгу, очевидно, способствовали, кромѣ взрослыхъ, ближайшихъ подругъ, и „желтыя" съ „голубыми" — до крохотныхъ „приготовишекъ", такъ какъ бѣглянки должны были пройти, черезъ общія спальни, въ уединенную и всегда запертую молельную, окна которой выходили, надъ отдѣленіемъ маленькихъ, къ сторонѣ пруда. Пьяные сторожа и оброненный похитителями, батистовый, съ кружевами и вензелемъ, платокъ пояснили остальное въ этомъ происшествіи.

Зотовъ поспѣшилъ въ Сенъ-Сиръ. Его не приняли. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Вандею, а передъ выѣздомъ написалъ обо всемъ въ Данію царю и нѣсколько строкъ въ Гаагу, Касаткину.

„Слѣди, благодѣтель, Алексѣй Ильичъ, по голландскимъ курантамъ, за нашей сбѣжавшей, распрекрасной Еленой, — писалъ Кононъ Алексѣю:—чай, все уже знаешь о прегорестной съ Дунюшкой авантюрѣ. По сейчасъ, какъ въ воду опущенъ. Поспѣшаю въ вандейскую провинцію Пуату, не изловлю ли выпорхнувшей и ея предерзкаго Париса? Что̀ свѣдаешь объ оной новой Еленѣ, не медли, для Бога, отпиши".

Не въ духѣ возвратился Зотовъ изъ Вандеи. Его поиски не привели ни къ чему. — „Треклятые, жадные французишки, — разсуждалъ онъ, забывъ придуманный имъ французскій союзъ: — пронюхали, видно, о тайномъ приданомъ Дуни и устроили этотъ увозъ... Ахъ ты, Кононъ, Кононъ, слѣпота! Одурачили тебя, какъ гороховое чучело, провели..."

Зотовъ, однако, вскорѣ былъ утѣшенъ. Отъ Касаткина пришло пріятное извѣстіе.

„Радуйтесь и веселитесь, о Господѣ, досточтимый нашъ пестунъ и другъ, Кононъ Никитичъ! — писалъ Алексѣй: — рекомая вами

новая Елена обрѣлась, но не въ вандейскомъ округѣ Пуату, а въ голландскомъ городѣ Гаагѣ, и не въ объятіяхъ новаго дерзкаго Париса, а въ квартирѣ здѣшняго, при нашей посольской колоніи, попа, престарѣлаго отца Ивана Поборскаго. Привезенный сюда княземъ Львовымъ, сердцемъ добрый и на услуги готовый, оный попъ призрѣлъ заблудшую овцу, вразумилъ ее и точію потщился обратить ее вспять, въ оставленный ею монастырь, откуда она бѣжала, по ея словамъ, изъ-за искательства нѣкоего дряхлаго маркиза. Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ только ждетъ, съ кѣмъ бы ее безпродлительно отправить подъ оставленный ею кровъ".

Дуню въ Парижъ отвезла родственница гаагскаго бургомистра, ѣхавшая туда съ дочерью. Слѣдомъ за ними, устроивъ дѣло о наслѣдствѣ, возвратился и Касаткинъ.

— Ну, какъ же, Алёша, все то было, разскажи, свѣтъ-радость?— спросилъ Зотовъ пріѣхавшаго Касаткина: — вѣдь вотъ случай! думали-ль мы съ тобой?

— Ничего особеннаго,—отвѣтилъ Алексѣй:—надоѣлъ ей съ приставаньями старый волокита,—ну, и по родинѣ стосковалась! А вотъ слышали-ль, какая туча восходитъ на нашемъ оризонтѣ?

— Что̀ такое?

— Да государь-то... что̀ ни день, ждутъ его шествія въ тѣ гавани...

Какъ ни былъ готовъ Зотовъ къ вѣсти о прибытіи царя, слова Касаткина его сразили. Исполинъ, ловецъ передъ Господомъ, всталъ въ его мысляхъ во весь ростъ...

— Други сердечные, братцы-голубчики!—сказалъ онъ Алексѣю:— выручьте на испытаніи, не ударьте въ грязь лицомъ.

— Будьте спокойны, Кононъ Никитычъ; помилуйте: сами знаемъ, государь не пошутитъ...

Вскорѣ Зотовъ получилъ изъ Даніи бумагу, что оттуда дѣйствительно къ голландскимъ границамъ шествовалъ самъ „ловецъ предъ Господомъ" — былой сардамскій царь-плотникъ, Питеръ Тиммерманъ. Въ бумагѣ предписывалось Зотову и гардемаринамъ немедленно выѣхать въ Булонь, найти тамъ новопостроенную русскую шкуну, „Чайку", купить и взять на ея бортъ, въ должномъ количествѣ, нужный для морского дѣла въ Россіи запасъ якорей, канатовъ и парусныхъ полотенъ, а при оной оказіи — туда же погрузить гардемариновъ и нѣсколько заводскихъ, мериносовыхъ барановъ, лучшаго завода, и, не мѣшкавъ, плыть, съ тою клажей и съ гардемаринами, въ Амстердамъ.

„Ну, какъ-то вынесетъ Господь? ужли оттуда прямо въ Индію?“ — мыслилъ Зотовъ, ѣдучи моремъ и вглядываясь въ синюю даль: — „Іисусе многомилостивый! защити насъ и укрой ризою своей теплоты и доброты!“

Свѣжій попутный вѣтеръ быстро гналъ ходкую шкуну по легкой зыби.

Показались прибрежья Голландіи. Остроконечныя церкви, башни, темныя верфи, ряды свай, каналы и лѣсъ мачтъ, у бѣлыхъ, плоскихъ береговъ Амстердама, быстро выходили изъ пѣнистыхъ валовъ.

IV.

Экзаменъ.

Шестого декабря 1716 года императоръ Петръ прибылъ въ Амстердамъ. Погода стояла теплая, почти весенняя. Былъ вечеръ.

Мѣсто, гдѣ высадился царь, была знаменитая Остъ-индская верфь. Здѣсь Петръ, въ качествѣ простого матроса, работалъ восемнадцать лѣтъ назадъ.

— Вашему величеству салютъ и виватъ! — сказалъ посолъ Куракинъ, встрѣтивъ царя у борта корабля.

— Спасибо! — отвѣтилъ Петръ: — мы пріѣхали сюда изъ Невы, путемъ, коимъ Рюрикъ къ намъ шелъ восемь вѣковъ назадъ.

— Счастливъ еси, государь, — произнесъ Куракинъ, представляя царю бургомистра и прочихъ голландскихъ чиновъ: — всѣ васъ прославляютъ; столько творишь въ авантажъ россійской коммерціи.

Петръ, перекинувшись словами съ голландцами, сошелъ на берегъ. Его лицо сіяло. Передъ нимъ опять было синее, вольное море, фабрики, верфи, громадные, океанійскіе корабли. Родина также угомонилась подъ вѣяніемъ теплыхъ и мягкихъ, западныхъ новинъ. Умолкли заговоры и казни. Все перестраивалось, дикое и бѣдное, соломенное царство.

— Въ Копенгагенѣ, ваше величество, — сказалъ Куракинъ: — изволили испытать своихъ первыхъ, встрѣченныхъ въ Европѣ гардемариновъ. Какъ ихъ нашли?

— Обрадовали ребята управленіемъ и лавировкой судовъ. Одно хромаетъ—пушечная попорȣвка, стрѣльба въ цѣль. Скоро ли ждешь Зотова и его учениковъ?

— Прибыли вчера,—ушли на верфь, гдѣ кончаютъ на-диво сложенный корабль... ребята охочіе ко всему...

Куракинъ не договорилъ. Толпа скрытыхъ за бочками и тюками

городскихъ школяровъ окружила Петра. Дѣвочки, въ бѣлыхъ платьяхъ, бросали ему подъ ноги свѣжіе гіацинты, нарциссы и лиліи, — мальчики—еловые и дубовые вѣнки. И вся эта веселая и шумная гурьба, несмотря на знаки важнаго, съ жезломъ, бургомистра, сильно вспотѣвшаго въ алой, на соболяхъ, бархатной шубѣ, — кричала и, въ припрыжку, тѣснясь по узкимъ улицамъ, обгоняла царя.

У низенькаго, ветхаго, вросшаго въ землю домика былого царскаго пріятеля, рыболова и плотника, Геррита Киста, грянулъ плохо одѣтый, уличный оркестръ. Со всѣхъ сторонъ, изъ оконъ, съ заборовъ и крышъ, Петру махали шляпами и платками. Онъ, улыбаясь, раскланивался на всѣ стороны. „Магъ — не человѣкъ!“ — шептали голландцы, счастливые новымъ заѣздомъ далекаго, сѣвернаго царя.

Дикому величію царственнаго скиѳа, въ толпѣ разряженныхъ горожанъ, шелъ и его огромный ростъ, и громкій, сиповатый голосъ, потертый зеленый кафтанъ, полотняный жгутъ, вмѣсто кружевного шейнаго платка, волоса безъ пудры и рубаха безъ манжетъ.

Петръ пожалъ руку бургомистру, прошелъ въ отведенную ему квартиру, поговорилъ кое-съ-кѣмъ изъ свиты, отмѣтилъ на аспидной доскѣ: „Съ Кономомъ о Сентъ-Сирѣ“,—раздѣлся, отпустилъ деньщика, легъ въ постель и задулъ свѣчу.

Веселые дѣтскіе крики, музыка, лиліи и гіацинты не выходили изъ головы Петра.

Ему вспомнились собственные дѣтскіе и юношескіе годы, бунтъ стрѣльцовъ, точившихъ на него ножи, какъ на убитаго царевича Дмитрія, Переяславское озеро и Бѣлое море. „Кремль—не монастырь и царь—не всероссійскій, вѣчно-молящійся въ церкви патріархъ“—говорилъ онъ тогда, стремясь взглянуть на чужія, дальныя страны. Сестра Софья звала его шатуномъ и жидовинымъ сыномъ. А стрѣльцы, избивъ въ глазахъ Петра его родныхъ по матери, повторяли: „Щуку съѣли, зубы остались! пора на рогатину и ея послѣдыша!“—и рѣшили бросить ему въ сани ручную, съ зажженнымъ фитилемъ, гранату, когда онъ поѣдетъ на пиръ къ Лефорту.

И еще вспомнилось Петру одно событіе. Затопивъ Москву кровью стрѣльцовъ, когда трупы казненныхъ валялись по мѣсяцамъ среди площадей и сложилась о Кремлѣ поговорка: „что ни зубецъ, то и стрѣлецъ“, — Петръ уѣхалъ отдохнуть въ Воронежъ, гдѣ строилось его любимое чадо, — флотъ. Безъ него въ Москвѣ заболѣлъ и скончался его лучшій другъ и учитель Лефортъ.

Въ предсмертномъ, горячечномъ бреду, больной метался, набрасывая и сжигая письма къ царственному другу, призвалъ музыкантовъ и умеръ, подъ звуки родныхъ, швейцарскихъ кантатъ. Москвичи толковали, что Лефортъ умеръ не у себя, а въ чужомъ домѣ, гдѣ

въ тайнѣ отъ его жены проживала нѣкая, незадолго передъ тѣмъ, умершая, близкая ему особа. Ночью, въ собственной, опустѣлой спальнѣ Лефорта, какъ отмѣтилъ въ дневникѣ и австрійскій лѣтописецъ, слышались вздохи и тихій шелестъ шаговъ, а на утро въ ней оказалась опрокинутою вся утварь. „Къ чорту-нѣмцу, пока онъ помиралъ,—говорили москвичи:—душа его полюбовницы приходила просить, чтобъ онъ пристроилъ прижитое съ нею малое дитя!“

Узнавъ о смерти друга, Петръ открылъ гробъ Лефорта, бросился, съ рыданіями, къ его трупу и долго, запершись, разбиралъ его посмертныя бумаги. Щедро одаривъ и отпустивъ обратно въ Женеву вдову Лефорта, Петръ не забывалъ покойника, мысленно повторяя: „Осталось дорогое, тайное наслѣдіе друга... Чѣмъ ему воздамъ? чѣмъ отблагодарю?“

Проснувшись и взглянувъ въ узенькое, залитое солнцемъ окно, Петръ быстро одѣлся, узналъ отъ деньщика, кто ждетъ въ пріемной, и вышелъ.

— А! потворщикъ шалуновъ, Кононъ! здравствуй!—весело сказалъ Петръ, завидя Зотова:—какъ дѣла съ ребятами?

Зотовъ, подбодрясь, какъ могъ, и стараясь говорить пріятное, передалъ вкратцѣ свѣдѣнія о гардемаринахъ.

— Ну, а Дунюшка?—спросилъ царь:—что̀ она?

Зотовъ смѣшался.

— Было съ ней, какъ вашему величеству донесено, неладное,— отвѣтилъ онъ:—да все нынче исправилось.

— Говори, говори,—произнесъ, садясь, государь.

Зотовъ въ подробности разсказалъ о приключеніи съ Дуняшей.

— Такъ ты все это объясняешь притязаніями стараго маркиза и тоской по родинѣ?

— Такъ именно, ваше величество... родичъ же и женихъ ея подруги только пособляли въ бѣгствѣ.

— Ну, видно, Кононъ, ты, какъ и твои ученики, больше подпивахомъ съ французами,—сказалъ Петръ:—и куплимѐнты чинилъ ихъ соблазнительницамъ, присѣдающимъ хвостами... проглядѣлъ такой пассажъ!..

— Виноватъ, государь, да въ силахъ ли было?—отвѣтилъ Зотовъ:—монастырское начальство не чета, и тѣ оплошали...

— Не оправданіе... Спите все... А посему измѣрь помыслы циркулемъ усердія и получше исполняй долгъ... Привезъ якоря и паруса?

— Доставилъ все, завтра сдаю.

— Ну, гляди въ оба... О Дунѣ-жъ еще потолкуемъ... скоро мы будемъ къ ней въ гости.

Зотовъ поклонился.

— Да, à propos,—сказалъ царь:—давно не читалъ курантовъ, что̀ пишутъ о насъ во Франціи?

— Зовутъ ваше величество творцомъ россійскаго народа...

— Курантельщики народъ юркій и шустрый,—произнесъ Петръ:—но весьма и вездѣ любятъ ефимки. И тебѣ бы, Кононъ, не дурно съ ними сойтись и ихъ приласкать, чтобъ и впредь печатали о насъ добрыя вѣсти... Это будетъ полезнѣе, чѣмъ вести дискурсы съ бестіями-езувитами о неподобающихъ, политическихъ затѣяхъ. Будутъ къ намъ склонны, и мы не отшатнемся отъ нихъ, воздадимъ!

Въ тотъ же день государь объявилъ свитѣ, что рѣшилъ сдѣлать экзаменъ гардемаринамъ. Послѣдніе были собраны у пушечнаго завода за городомъ.

— Готовы ли?—спросилъ царь Зотова.

— Ждутъ повелѣній и милости вашего величества.

— Ну, господа, въ путь!—объявилъ Петръ, надѣвая треуголъ и лосинныя перчатки;—лѣность и непотребства, Кононъ Никитичъ,—я предупреждалъ тебя,—скажутся на этомъ судѣ, и тогда виновнымъ истязаніе и гнѣвъ.

Царь и свита, выйдя на улицу, сѣли на подведенныхъ лошадей. Всѣ направились за городъ Тамъ, у смотрительской камеры, стояло мѣстное начальство, литейщики, кузнецы и русскіе гардемарины.

— Здорово, молодцы!—сказалъ Петръ ученикамъ, вставая съ бѣлаго, рослаго, фрисландскаго коня.

Тѣ ему отвѣчали громкимъ виватъ.

— Всему ли вы научились, для чего были посланы?—спросилъ царь, обходя гардемариновъ и вглядываясь въ ихъ молодыя, обвѣтренныя, то робкія и встревоженныя, то смѣлыя и беззаботно-открытыя лица.

— Всемилостивѣйшій государь,—заговорилъ, сбиваясь и нѣсколько витіевато, старшій изъ учениковъ, бѣлотѣлый, полный и неповоротливый гардемаринъ Тувалковъ, опускаясь на одно колѣно и произнося очевидно заранѣе вытверженную рѣчь:—прилежали мы, по всей нашей возможности, но прости, отецъ, не можемъ похвалиться, чтобъ все изучили и произошли...

Петръ чуть улыбнулся, замѣтивъ, что и въ толпѣ школьниковъ улыбались чьи-то другіе добродушные и веселые глаза. То былъ широкоплечій, бѣлокурый и рослый юноша, съ лукавой и слегка вздернутой, верхней губой.

— Трудиться надобно,—отвѣтилъ оратору Петръ, снимая перчатку съ правой, сильно загорѣлой руки:—видите, братцы, я и вашъ

царь, а у меня на рукахъ неисходныя мозоли... И все отъ того, чтобъ другимъ показать примѣръ и, хоть подъ старость, увидѣть достойныхъ помощниковъ, а отечеству слугъ. Вамъ предстоитъ многое — въ Индію затѣваемъ путь...

Тувалковъ поймалъ и поцѣловалъ протянутую руку Петра.

— Встань и первый давай отвѣты,—сказалъ ему царь:—не робѣй, говори, что̀ знаешь; а въ чемъ не силенъ, такъ и объяви. Господа,— обратился онъ къ литейщикамъ:—спрашивайте.

Экзаменъ, при посредствѣ переводчика, начался.

Ученики осматривали и объясняли литейную камеру, устройство плавильныхъ печей и формъ, разные заводскіе инструменты, лафеты, пушки и руды. Изъ литейной перешли на верфь, гдѣ испытаніе въ устройствѣ крѣпостей, подкоповъ и взрывовъ и въ знаніи навигаціи дѣлалось надъ образцами слѣпленныхъ изъ глины фортецій и надъ готовымъ, только-что осмоленнымъ громаднымъ, океанійскимъ кораблемъ.

Царь остался доволенъ словесною частью экзамена. Текутьеву и Юрлову было объявлено, что, если они окажутся также успѣшны и въ прочемъ—„а паче въ наводкѣ орудій и пробной пальбѣ“—ждать имъ хвалы и производства въ чинъ.

— Теперь, господа, въ поле!—сказалъ Петръ:—все ли налажено.

Государь, Куракинъ, иноземные зрители и свита, съ учениками, вышли за ограду. Тамъ, на обширной гладкой полянѣ стояли, назначенныя къ стрѣльбѣ, чугунныя и мѣдныя пушки. Вдали, у длинной желтой насыпи, виднѣлись нѣсколько мишеней.

Идя къ пушкамъ, Петръ подалъ Зотову свою походную, зрительную трубу.

— Наведи-ка,—сказалъ онъ:—да кстати, гдѣ тотъ школяръ, что первый тебѣ прислалъ отсюда вѣсть о Дунѣ?

Касаткинъ, ладя въ десяти шагахъ назначенную ему, страннаго вида, тупорылую пушчонку, отъ слова до слова слышалъ отвѣтъ Конона царю.

— Это, что на свиньяхъ-то къ бухарцу ѣздилъ?—спросилъ Петръ, оглядываясь и, по нѣкоторымъ чертамъ, наконецъ, узнавая въ возмужаломъ, статномъ юношѣ былого подростка московской навигацкой школы:—расцвѣлъ тюльпанъ! какъ-то порадуетъ наукой?

Пробная пальба началась.

Царь, окруженный иноземнымъ начальствомъ и пушкарями, слѣдилъ въ трубку съ пригорка. Стрѣляли въ бѣлые и черные щиты, въ башенку и въ досчатую фигуру корабля. Заряды бо̀льшею частью перелетали. Промахнулись первые десять учениковъ; только одинъ изъ выстрѣловъ Юрлова слегка задѣлъ верхъ башни.

— Бабы! ротозѣи!—ворчалъ Петръ, хмурясь на учениковъ:—въ

ихъ глазахъ еще старый хмель... филь брантвейнъ трункенъ!—обратился онъ къ голландцамъ, видя, какъ тѣ вѣжливо и обидно-снисходительно улыбались.

Зотовъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Что мечешься? чисто католицкій патеръ! —крикнулъ Петръ, подходя къ раскраснѣвшемуся, оробѣлому Тувалкову:—забылъ вычисленія? ну-ка, въ корабельный дискъ.

Близорукій Тувалковъ окончательно растерялся. Онъ навелъ пушку и, зажмурясь, приложилъ фитиль. Выстрѣлъ грянулъ. Зарядъ взрылъ землю на полпути до насыпи, поднялъ облачко пыли и далеко перелетѣлъ за цѣль.

— Вотъ твои неучи!—крикнулъ царь Зотову:—любуйся! зачѣмъ смотрѣлъ.

— Робѣютъ, ваше величество...

— А не робѣли вертопрашить, да съ француженками мотать рубли? выдолбили плавильное и подкопное дѣло, устройство фортецій,—а сталъ дубинище съ фитилемъ, попадаетъ пальцемъ въ небо...

— Ну-ка, ты, бухарецъ!—обратился Петръ къ Касаткину:—твоя очередь... не выручишь ли оныхъ неучей и скотовъ?

Касаткинъ видѣлъ общее тяжелое смущеніе и гнѣвъ государя. Ему было жаль и толстаго, чуть не плакавшаго добряка Тувалкова, и оторопѣлыхъ отъ неудачи прочихъ товарищей, и блѣднаго Зотова, глядѣвшаго въ тревогѣ и страхѣ, какъ малое, жалкое дитя. Но странное дѣло, Алексѣй былъ, повидимому, совершенно покоенъ, даже, какъ хорошо потомъ помнилъ, думалъ о постороннемъ. Въ его празднично-настроенныхъ мысляхъ проносились все какіе то свѣтлые образы; въ душѣ точно переливалось и пѣло что-то восхитительное.

— Правый щитъ!—раздалась съ пригорка сердитая команда царя.

Касаткинъ присѣлъ на корточки, повозился у затравки, навелъ на щитъ тупорылую, ржавую пушчонку, и выпалилъ: мишень повалилась.

— Лѣвый уголъ башни!—послышалась та же команда съ пригорка.

Вдали что-то съ шумомъ треснуло. Въ верхъ и въ бока полетѣли щепки. Надъ башенкой взвился побѣдный флагъ.

Касаткинъ снова зарядилъ пушку и ждалъ. На время вкругъ него все затихло. Царь и голландцы очевидно совѣщались.

— Мачту корабля! гротъ мачту!—раздался опять, какъ бы надъ самымъ ухомъ Алексѣя, оживленный голосъ царя.

Касаткинъ очнулся. Его лицо было въ поту, глаза горѣли. Онъ снялъ съ себя треуголъ, оправилъ волосы.

— Скорѣе, скорѣе!— шептали товарищи.

Алексѣй снова сталъ наводить пушку и вдругъ почувствовалъ странную, почти дѣтскую робость. Ему, ни съ того, ни съ сего, въ эту ми-

нуту, вспомнилась кутежная, темная, лѣтняя ночь, когда онъ, съ кучкой повѣсъ, стащилъ изъ-подъ носа часового пушку и выпалилъ изъ нея, въ мертвой тишинѣ, на сенскомъ мосту.

И еще нѣчто болѣе страшное и отвѣтственное припомнилось въ это мгновеніе Касаткину. Мертвящая, холодная дрожь прошла у него съ головы до пятъ.

Онъ смущенно нагнулся къ лафету, дрожащей рукой куда-то направилъ прицѣлъ орудія и съ мыслью: „помяни, Господи, царя Давида“...—ткнулъ во что-то остаткомъ догоравшаго, чаднаго фитиля.

Выстрѣлъ загудѣлъ особенно звонко и раскатисто. Зрители вскрикнули. У мишени опять взвился красный, побѣдный флагъ.

— Ай, да метальщикъ! — кричалъ обрадованный Петръ:—да ты и самъ, черезъ двухъ и трехъ человѣкъ, могъ бы метаться, какъ въ комедіи...

— Есть глазъ, размѣръ и вѣрная рука!—пояснилъ царь Зотову:—вотъ такъ бы и прочимъ...

Испробовали снова и другихъ учениковъ. Тѣ, ободрясь, также поправились. Но никто не превзошелъ Касаткина.

— Объявляю тебя поручикомъ галернаго флота! — сказалъ ему государь:—произвожу тебя перваго: стань сюда ближе.

Алексѣй, замирая, подошелъ къ царю. Петръ откинулъ съ его лба густые, русые волосы, слегка придержалъ его за чубъ и, глядя въ его счастливое, смущенное лицо, произнесъ: „честные, почитай, дѣвичьи глаза! будешь мнѣ вѣрнымъ слугой“...

Сказавъ это, Петръ притянулъ къ себѣ и поцѣловалъ Касаткина. Тотъ еще болѣе смѣшался, смертельно поблѣднѣлъ и вдругъ упалъ передъ царемъ на колѣни.

— Не достоинъ, ваше величество,—проговорилъ онъ, склонивъ голову:—возьмите чинъ и похвалы... не милуйте, казните...

— Что съ тобой?—удивился государь.

— Воръ я и обманщикъ,—продолжалъ Касаткинъ:—всѣхъ и тебя обманулъ...

— Да въ чемъ дѣло? какія вины за тобой?

— Я—дерзкій, окаянный... я—увезъ Дуню изъ Сенъ-Сирскаго монастыря...

Петръ остолбенѣлъ. Кровь бросилась ему въ голову, выступила багровыми пятнами на щекахъ.

Всѣ видѣли, какъ щека и правый уголъ рта государя, съ подстриженнымъ, щетинистымъ усомъ, судорожно задергались и какъ затряслась его кудрявая, точно каменная голова.

Стиснувъ зубы, Петръ медленно, съ дрожью, вздѣлъ на руку перчатку, пылающимъ, гнѣвнымъ взглядомъ, какъ-бы не видя никого, чуть

окинулъ присутствовавшихъ, сказалъ Касаткину: „за мной“,—крикнулъ коня и молча поскакалъ въ городъ.

Бѣлый, горбоносый и толстоногій, фрисландскій конь тяжело скакалъ по гладкому полю.

V.

Въ Сенъ-Сирѣ.

Возвратясь въ городъ, Петръ позвалъ Касаткина, притворилъ за нимъ дверь, молча прошелся по комнатѣ и сѣлъ на стулъ.

— Ну, молодчикъ, вывертывайся,—сказалъ онъ.

Касаткинъ стоялъ молча. Рѣчь ему отказывалась служить.

— Что же молчишь?—спросилъ Петръ:—изъ ребятъ, чай, вышелъ; я же не человѣкоядецъ,—обсужу, не съѣмъ.

— Прости, государь,—проговорилъ Алексѣй:—не судъ твой страшенъ, тяжела мысль,—я тебя прогнѣвилъ.

— Поздно жалѣть,—говори дѣло...

— Посуди, милостивый,—продолжалъ Касаткинъ:—птицы имѣютъ гнѣзда и лисы норы, язвины; ужли-жъ было оставаться безъ своего вертепа?

— Не такъ добываютъ свой уголъ!

— Увозъ сдѣлалъ тайно для всѣхъ, но по соглашенію,—произнесъ Касаткинъ:—я давно любилъ Дуню,—она меня...

— Гдѣ познакомились!

— Еще въ Москвѣ у Текутьевыхъ.

— Какъ проникалъ въ монастырь?

— Сперва съ Кономомъ Никитичемъ, потомъ подъ видомъ родича, сказать—кузена.

— Какъ устроилъ увозъ?

Алексѣй передалъ подробности похищенія.

— Ловко слажено! и оную гисторію ты изложилъ не мрачно!—сказалъ Петръ:—сенсъ ясенъ и вездѣ на мѣстѣ точки и запятыя! Да какъ же ты осмѣлился? зналъ подъ чьимъ кровомъ та особа?

— Зналъ и не стерпѣлъ,—отвѣтилъ Алексѣй:—бродила одна надежда на правый твой судъ, да сладкая мысль о будущемъ добромъ товарищѣ, любимой женѣ...

— А вѣдалъ о вкладѣ?

— О какомъ вкладѣ?—спросилъ Алексѣй, чувствуя, что вдругъ ему стало грозить нѣчто неожиданное, страшное.

— О приданомъ этой сироты?

— Клянусь, ничего не зналъ... Вели судить, пытать... Да я и рѣшился, когда пришла вѣсть о собственномъ, немаломъ наслѣдіи...

Царь помолчалъ.

— Такъ обвѣнчаться думалъ?—спросилъ онъ, вставая:—далеко, братъ, до нашихъ поповъ... дудки!

Сухая, острая усмѣшка сверкнула въ глазахъ Петра. Онъ подошелъ къ столу, взялъ изъ кучи бумагъ потертый, распечатанный пакетъ, досталъ изъ него письмо и медленно, про себя, сталъ его читать.—„Точно угадывалъ, поручая чадо сердца, любви"—сказалъ онъ себѣ:—„точно самъ, приснопамятный, умирая, напророчилъ ей собственный, бурный, страстями исполненный путь".

— Такъ по сердцу, съ согласія?—спросилъ, вглядываясь въ Касаткина, царь.

— Вся жизнь, вся... и весь я твой, государь,—вскрикнулъ Алексѣй, чувствуя, какъ сжалось его горло и какъ по его лицу бѣжали слезы:—она-же... ты ее не знаешь, видѣлъ подросткомъ, дитёй... нѣтъ ея лучше на свѣтѣ...

— Ну, посмотримъ,—холодно отвѣтилъ Петръ:—не ты, такъ другой; сорока съ тыну, десять на тынъ... Но ты коснулся запретнаго дѣла и долженъ то отслужить. Лучше солдату смерть въ баталіи, чѣмъ на дыбѣ...

Петръ помолчалъ.

— У меня въ Каспій брошенъ очарованный, волшебный перстень,—продолжалъ онъ:—туда посланъ Бековичъ—его достать... Не понимаешь? говорю переносно... Бековичу велѣно открыть старый торговый путь въ Индію, черезъ Каспійское море; ему дано противъ тамошнихъ дикихъ народовъ войско, пушки и флотъ для десанта за море. Ты навигаторъ и пушкарь... Готовься, завтра поѣдешь на Каспій, отвезешь бумаги Бековичу и еще захватишь оный походъ, понюхаешь пороху... Ну, будешь живъ, тогда рѣшимъ...

Въ тотъ же день Касаткина снабдили подорожною, деньгами и бумагами. На утро онъ собрался и выѣхалъ въ Астрахань.

Касаткина смущало одно обстоятельство: онъ открылъ не всю истину царю.

„И зачѣмъ я послушался Дуни?"—мыслилъ онъ:—„отчего тогда съ нею не ушелъ на край свѣта?.. Отгонялъ злыя думы, сомнѣнія, и вотъ что̀ вышло... Я былъ плаватель, убивающій птицу, предвѣстницу бурь. Вѣщунья-птица погибла, а буря надвинулась, ростетъ"...

Пріѣздъ императрицы въ Голландію, ея роды и болѣзнь задержали Петра въ Амстердамѣ. Онъ выѣхалъ во Францію только въ апрѣлѣ 1717 года. Его путь лежалъ черезъ Брюссель, Кале и Бу-

лонь. Въ государевой свитѣ, кромѣ присланнаго его привѣтствовать—маршала де-Тессе и лейбъ-медикуса Арескина, былъ, въ качествѣ знавшаго Францію и ея языкъ, голландскій посолъ и царскій своякъ, Куракинъ.

Высокій, тучный, отъ природы лѣнивый, изнѣженный и скупой, князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ радовался, что избавился отъ ненавистныхъ ему дорожныхъ хлопотъ, что онъ наконецъ спокойно выспится и отлично поѣстъ, и только досадовалъ, что придется немало тратиться въ бѣготнѣ по Парижу неугомоннаго и тугого на разсчеты Петра.

Въ Парижъ пріѣхали поздно вечеромъ. Въ ярко освѣщенномъ дворцѣ вдовствующей королевы, русскаго государя встрѣтилъ богато-накрытый ужинъ. На столѣ красовались вкусныя, дымящіяся блюда и цѣлыя батареи разнообразныхъ, тонкихъ винъ. Куракинъ уже предвкушалъ наслажденія.

— Нѣтъ ли, Борисъ Ивановичъ, пивца?—обратился государь къ посланнику.

Побѣжали за пивомъ.

— Пить умѣютъ, — сказалъ Петръ, отвѣдавъ и вина: — только сильно роскошничаютъ и неудобь ярко освѣщено...

Пройдя въ отведенную ему опочивальню и поднявъ канделябръ, Петръ осмотрѣлъ мягкую, высоко-взбитую постель, мраморный рукомойникъ и пушистый, съ амурами и букетами, коверъ.

— Нѣтъ, князенька,—произнесъ онъ:—скажи имъ, я тутъ не засну. Королевѣ или изнѣженной придворной дѣвкѣ то было-бъ подъстать; мнѣ же неповадно наплескать тутъ, съ дорожною пылью, ушатъ воды...

Царя и его свиту помѣстили у стараго арсенала, за Сеной, въ отелѣ Ледигьѐ. Петръ велѣлъ внести свою походную постель въ комнату, отведенную деньщику, и объявилъ, что лучшей спальни ему не надо.

Чѣмъ свѣтъ царь уже былъ на ногахъ. Изъ оконъ были видны арсеналъ, домъ Инвалидовъ, гудѣвшія народомъ улицы, рынокъ, а надъ Сеной мачты и флаги, множество торговыхъ судовъ. Петру не сидѣлось,—но обычай не дозволялъ ему выдти въ городъ; царь ожидалъ визита регента.

Герцогъ Орлеанскій, а за нимъ и восьмилѣтній король, Людовикъ XV-й, не замедлили привѣтствовать Петра. Бѣлокурый, румяный и, не по годамъ, толстый мальчикъ-король прибылъ отдать визитъ Петру, въ сопровожденіи разубранныхъ въ золото и перья, игравшихъ въ трубы, верховыхъ гвардейцевъ. Царь подхватилъ озадаченнаго ребенка, и, цѣлуя его, торжественно внесъ къ себѣ.

— Всю вашу Францію несу на своихъ рукахъ!—сказалъ онъ, раз-

глядывая лицо, шпагу и хитроскроенную горностаевую епане́чку малютки.

„Катеринушка, другъ мой сердечненькой, здравствуй“ — писалъ Петръ объ этомъ свиданіи императрицѣ: — „извѣщаю васъ, мейнъ-герценскиндъ, — визитова́лъ меня нонче здѣшній каралища; дитя зѣло изрядное, — отъ полу не видно, а предивно сказывалъ дискурсы. — Какъ здравіе „шишечки“ и прочаго нашего потроха? Ей, безъ васъ скучнёхонько; не подумайте, чтобъ утѣшался съ матресишками. Мы старики и не такофскіе. Да и Борисъ Ивановичъ съ дохтуромъ не допустятъ; запретительные человѣки“.

Отдавъ всѣ должные парадные визиты, Петръ, съ неудержимою ретивостью, бросился на осмотръ Парижа, который предварительно оглядѣлъ въ трубу съ колокольни Богоматери.

— Ваше величество, не въ моготу!—сказалъ на одной изъ прогулокъ выбившійся изъ силъ государевъ толмачъ и проводникъ, Куракинъ:—прости, милостивый, всѣ винты развинтились...

— А развѣ чтò?—удивился Петръ, отирая лицо.

— Не гнѣвайся, государь,—чуть не со слезами произнесъ Куракинъ:—за тобой слѣдуютъ раззолоченныя, королевскія кареты, а ты, прости за смѣлость, аки нищій студіозъ, все пѣшъ, да пѣшъ...

— Ну, постой, князенька,—отвѣтилъ Петръ:—вотъ еще лавка... ишь товаровъ-то... Постой, зайдемъ; все индѣйскіе—корица, индиго, перецъ, кашемиръ... Горе! не научили ихъ рѣчи: а чертовски ко всему способный народъ... Только въ людяхъ подлыхъ бѣдность не малая, да на улицахъ воняетъ,—у нѣмцевъ чище не въ примѣръ...

Первое свободное утро, по пріѣздѣ въ Парижъ, Петръ провелъ въ Сенъ-Жерменѣ, у герцогини бургондской. Здѣсь былъ собранъ цвѣтъ знатныхъ красавицъ и разумницъ Парижа, а потому царь былъ особенно въ духѣ и, противъ обычая, по модѣ и даже щеголевато одѣтъ. Отсюда, въ сопровожденіи Куракина, государь проѣхалъ въ Сенъ-Сирскій монастырь.

Завидѣвъ за оградой павильонъ, въ которомъ помѣщалась начальница обители, Петръ оставилъ карету и паркомъ пошелъ къ маркизѣ Ментенонъ.

Прислуга успѣла доложить о немъ маркизѣ.

— Какъ? безъ предупрежденія и такъ просто?—изумилась восьмидесятилѣтняя былая красавица и властительница покойнаго короля:— да вѣдь это безпримѣрное вандальство, непростительное даже послѣднему дикарю!

Ментенонъ, въ ужасѣ, взглянула въ паркъ и на свой домашній

уборъ, опустила оконныя занавѣски, бросилась на постель и, задернувъ пологъ, велѣла объявить непрошенному гостю, что она больна и не принимаетъ никого.

Не успѣла прислуга кинуться въ пріемную, въ другомъ концѣ зданія отъ теплицъ послышались на крыльцѣ, потомъ въ столовой, твердые—„точно желѣзные или каменные“—какъ потомъ отзывалась маркиза — шаги царя. За порогомъ испуганно и звонко залаяла крохотная маркизина собачка, общая любимица монастыря.

Дверь растворилась. Вошелъ Петръ, за нимъ Куракинъ.

— Скажи ея свѣтлости,—обратился царь къ послу:—извиняюсь, что прибылъ не къ часу; крайне намъ дорого время.

— Да гдѣ же она? знать не домогаетъ,—въ постели!—отвѣтилъ, разглядывая комнату, Куракинъ.

Петръ отдернулъ оконную занавѣску, приподнялъ пологъ и, увидя маркизу на кровати, отвѣсилъ ей глубокій и вѣжливый поклонъ.

— Чѣмъ вы больны?—спросилъ царь, садясь у ногъ маркизы.

— Старостью,—отвѣтила Ментенонъ.

— Такіе люди не старѣютъ,—произнесъ Петръ:—ваши глаза то доказываютъ... переведи ей, Борисъ Ивановичъ, мой комплиментъ! — обратился онъ къ Куракину.

Князь, въ отмѣнно изысканныхъ выраженіяхъ, передалъ маркизѣ государевы слова.

Лучъ прежней, давно угасшей красоты скользнулъ въ радостно-засвѣтившемся лицѣ польщенной старухи. Она—въ ожиданіи новыхъ привѣтствій—молча всматривалась въ сѣвернаго „колосса“.

— Ну, матушка, — сказалъ, помолчавъ, Петръ, — просажено на тебя казны! Мои матресски обходились мнѣ дешевле... Этого, впрочемъ, князь, ты Ментено́ншѣ не переводи...

Отвѣсивъ новый, по правиламъ, поклонъ, царь вышелъ, узналъ ближайшій путь къ обители и, обмахиваясь шляпой, направился черезъ садъ.

Монастырь не ожидалъ посѣщенія Петра. Младшія воспитанницы сидѣли въ классахъ; старшія были въ залѣ, на урокѣ танцевъ.

Исполняя какую-то фигуру менуэта, Дуня взглянула въ окно и увидѣла необычныхъ гостей. По главной садовой аллеѣ, впереди другого посѣтителя, шелъ, срывая съ грядокъ цвѣты, огромнаго роста незнакомецъ.

Онъ былъ въ модномъ, шелковомъ, цвѣта васильковъ, кафтанѣ, съ краснымъ стамеднымъ подбоемъ, въ бѣлыхъ — въ обтяжку — чулкахъ, въ лаковыхъ, съ пряжками, башмакахъ и безъ шляпы.

Гобои и скрипки доигрывали послѣднія трели, когда незнакомцы, пройдя крыльцо, были введены въ залъ.

Дуня съ-разу узнала дорогого гостя по его курчавой, выше всѣхъ головѣ, по смуглому, до невѣроятности загорѣлому лицу, по осанкѣ, подстриженнымъ усамъ и по живымъ, чернымъ, гордо глядѣвшимъ глазамъ.

Петръ, съ своей стороны, видя ряды розовыхъ и зеленыхъ дѣвушекъ, подъ звуки скрипокъ, съ раскачиваньемъ плывшихъ и кланявшихся другъ другу, не могъ разобрать, чья изъ этихъ бѣлокурыхъ и темноволосыхъ, причудливо-причесанныхъ головокъ принадлежала Дунѣ?

И онъ увидѣлъ вспыхнувшія щёки, растерянно и укоризненно-улыбающіеся глаза. — „Не сказалъ, не предупредилъ!“ —говорили ему эти глаза изъ толпы движущихся и кланявшихся дѣвушекъ: — „а я то о тебѣ думала, тебя ждала“...

Танецъ кончился. Изъ круга вышла и, внѣ всякихъ уставныхъ приличій, бросилась на шею Петра взрослая, въ полномъ цвѣтѣ, красавица.

— Дозволяется?—спросилъ царь, оглядываясь на Куракина и наставницъ.

Всѣ почтительно разступились.

— Не узналъ!.. принцесса! — сказалъ Петръ, разглядывая Дуню и ея красивый, танцовальный нарядъ:—похорошѣла! Отдаю решпектъ выправкѣ... вотъ тебѣ, въ презентецъ, цвѣты...

— Къ намъ, къ намъ!—кричали прочія дѣвицы, окружая царя:—къ зеленымъ, къ голубымъ... у насъ пѣніе... декламаторскій урокъ...

Осаждаемый и со всѣхъ сторонъ тормошимый монастырками, царь направился въ классы. Ему показали всѣ отдѣленія, столовую и молельню, гдѣ подъ звуки органа былъ исполненъ хоральный гимнъ.— „Поютъ не дурно“ —подумалъ Петръ: — „однако, отсюда вѣдь и умудрились бѣжать...“

Поклонясь наставницамъ, царь взялъ Дуню подъ руку и прошелъ съ нею въ садъ.

— Ну, сударыня, — сказалъ онъ, садясь тамъ на скамью подъ деревомъ:—исполать! тобой довольны... Скоро и ученью конецъ...

Дуня молчала. Смущеніе и тревога отражались въ ея робко склоненномъ лицѣ.

— Виновата я, государь!—проговорила она.

— Знаю... напроказила! ну, да кто Богу не грѣшенъ?.. Молодецъ, однако, твой сосватанный, вихорь-лихачъ! и я его отличилъ...

— Не то, государь... ахъ, не то!—сказала Дуня, ломая руки:—прости за другое, скрытое отъ тебя...

— Что же онъ? что вы?—спросилъ Петръ.

Дуня склонилась къ рукѣ царя и что-то тихо, внѣ себя, повторяла.

— Не слышу, матушка... говори яснѣй!

— Ахъ! прости... да не простишь...

— Ну?

— Мы... давно обвѣнчаны...

— Какъ? шутишь!—вскрикнулъ Петръ:—гдѣ достали попа?

— Посольскій, отецъ Иванъ, тайно вѣнчалъ въ Гаагѣ...

Петръ былъ ошеломленъ. Его лицо подернулось судорогой. Глаза сверкнули, но опять стали нѣжны и ласковы.

— Ахъ, вы путанники, вѣтрогоны! — сказалъ царь: — и отчего было съ-разу не открыться? ну видно такъ и быть... перстъ Божій... Я же тебѣ въ отцово мѣсто оттого его и послалъ...

— Куда?—спросила Дуня.

— А вотъ погоди,—отвѣтилъ Петръ:—есть до тебя болѣе важное дѣло... Ты въ возрастѣ, пришло время, — и потому могу тебѣ объявить, кто ты...

— Своей матери ты лишилась младенцемъ,—продолжалъ царь:—о ней не спрашивай, красы она была неописанной,—ты становишься схожа съ ней!—но незнатной, русской семьи... Твой же отецъ... ты хотя и не отъ брака,—но мнѣ порученная дочь приснопамятнаго въ нашей службѣ моего учителя и лучшаго друга...

Петръ взялъ Дуню за обѣ руки.

— Имя твоего отца,—сказалъ онъ:—гордись имъ... адмиралъ и бывшій нашъ посолъ, Францъ Яковлевичъ Лефортъ...

Дуня не поднимала глазъ, молчала.

— А куда же ты, государь, услалъ Алексѣя? — спросила она, замирая.

— На Каспій, голубушка, въ знатный индѣйскій походъ въ Хиву...

Дуня вскрикнула и безъ памяти упала со скамьи къ ногамъ царя.

— Оный женскій полъ,—замѣтилъ Петръ Куракину, уѣзжая изъ монастыря:—часто безтолковъ и несносенъ... но въ немъ много привлекающаго... Дунѣ пора на свободу...

„Ужъ не приглянулась ли ему питомка?“ — подумалъ Куракинъ, вспоминая отзывъ о Петрѣ лейбъ-медика Арескина: „Царь одержимъ легіономъ бѣсовъ сластолюбія; онъ всегда циникъ, никогда селадонъ“.

— И скажу тебѣ,—продолжалъ царь:—французенки нравомъ не похвалятся; далеко имъ до иныхъ земель. Женскій полъ у нихъ благообразенъ, даже неотразимъ... Примѣромъ, дѣвица Камаргò... Къ молодежи онѣ любезны и пріемны, къ домашнему-жъ труду весьма не горазды и больше все въ прохладахъ, да суетахъ...

„Пой, пой,—думалъ на это Куракинъ:—увидимъ“.

Послѣ осмотра остальныхъ диковинъ Парижа,—мозаичной, чулочной и прочихъ фабрикъ, кабинетовъ рѣдкостей, академій и больницъ, Петръ отдалъ дань и удовольствіямъ, посѣтилъ балетъ „Очарованную Армиду“ и комедію „Притворный адвокатъ“. Разрѣшивъ списать свою персону живописцамъ Натьѐ и Ригò, онъ предварительно вымылся въ банѣ. Въ кафе-Прокòпъ, обычномъ сборищѣ тогдашнихъ литературныхъ и ученыхъ знаменитостей, царю представили Реомюрà. На смотру парижскихъ войскъ, царь лихо проскакалъ вдоль строя, но остался недоволенъ страшною пылью и толпой лѣзшихъ поглазѣть на него уличныхъ зѣвакъ. Не оставлялась и политика. Шли переговоры съ министрами, писались какія-то бумаги.

Наканунѣ отъѣзда изъ Парижа, Петръ посѣтилъ французскій парламентъ.

Зрительныя трубки и взоры публики были устремлены на рѣдкаго гостя. Депутаты сидѣли въ парадныхъ, красныхъ мантіяхъ и беретахъ, въ которыхъ палаты нѣкогда встрѣчали Карла Пятаго. Послѣ шумныхъ о чемъ-то преній, королевскій прокуроръ, снявъ шляпу, сказалъ съ каѳедры привѣтственную, пышную рѣчь царю. Ему отвѣчали первые ораторы Геренъ и Мишò, причемъ однимъ изъ нихъ было заявлено, что русскому государю, за карту Каспійскаго моря, въ тотъ день былъ поднесенъ дипломъ парижской академіи наукъ. Публика и члены палатъ рукоплескали.

— Краснобайски витійствуютъ, куда нашимъ кіевскимъ бурсакамъ!—сказалъ Петръ, оставляя парламентъ, свободой и шумомъ котораго былъ нѣсколько озадаченъ: — а ихъ дѣла, Борисъ Ивановичъ, скажу, не въ авантажѣ, — у голландцевъ деньги занимаютъ подъ немалый ростъ...

Девятаго іюня Петръ вторично и въ послѣдній разъ навѣстилъ Сенъ-Сирскій монастырь. Въ тотъ же день онъ выѣхалъ изъ Парижа, гдѣ его пребываніе, несмотря на всю его разсчетливость и простоту, обходилось королевской казнѣ по тысячѣ восемьсотъ ливровъ въ день.

Былъ вечеръ.

Запряженныя кареты стояли у подъѣзда. Народъ толпился, глядя на крыльцо и въ окно царскаго помѣщенія.

Зазвучали трубы, защелкали бичи. Экипажи двинулись.

— А мы, князенька, свое дѣло сдѣлали, — сказалъ царь Куракину, раскланиваясь изъ кареты бѣжавшему за нимъ народу:—союзъ не союзъ, а выговорили у здѣшней министеріи помощь противъ шведа и турокъ... А гдѣ помѣстилъ Дуню?

— Въ Калешѣ съ Арескинымъ слѣдуетъ,—отвѣтилъ Куракинъ:—

не можется ей что-то въ закрытомъ, блѣдна и какъ бы ей все дурно...

— Утѣшится,—сказалъ царь:—отпросилась къ мужу, хочетъ его первая встрѣтить съ похода, съ побѣднымъ вѣнкомъ... Какъ-то все уладилъ тамъ Бековичъ? за его вѣдь каспійскую карту мы ныньче академики...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИНДѢЙСКІЙ ПОХОДЪ.

VI.

Сборы.

Въ концѣ февраля 1717 г., полу-азіатскій, бѣдно-обстроенный и мало населенный городъ Астрахань вдругъ оживился. По его улицамъ сновали пѣхотные солдаты, гребенскіе и яицкіе казаки, разъѣзжали верхомъ офицеры, тащились съ кладжей верблюды и воловьи возы.

Жители толковали о предстоящемъ походѣ отряда князя Бековича-Черкасскаго за Аму-Дарью, на Индію, черезъ Хиву.

Въ небольшомъ домикѣ, гдѣ помѣщалась семья командира отрядныхъ полковъ, маіора Франкенберга каждый вечеръ собирались офицеры.

Марья Саввишна Франкенбергъ, урожденная Текутьева, была живая нравомъ, радушная и привѣтливая хозяйка. Провожая мужа, она была рада, чѣмъ могла, развеселить его товарищей. Гости пили пуншъ, играли въ карты, пѣли подъ лютню пѣсни, бесѣдовали о предстоящей экспедиціи.

Въ числѣ офицеровъ были и подоспѣвшіе къ походу, присланные государемъ, вслѣдъ за Касаткинымъ, произведенные изъ гардемариновъ морскіе офицеры—братъ хозяйки Текутьевъ, Тувалковъ, Лебедевъ и Юрловъ. Первымъ тремъ отъ царя было велѣно завѣдывать отрядною артиллеріей и помогать при перевозкѣ десанта черезъ Каспійское море. Касаткинъ былъ назначенъ въ личное распоряженіе князя Бековича.

Еще прежде присланный въ Астрахань, морской поручикъ Кожинъ, помогавшій Черкасскому въ постановкѣ новозаложенной Тюбъ-Караганской крѣпостцы и успѣвшій побывать въ Персіи и на Кавказѣ, выдѣлялся отъ остальныхъ офицеровъ нѣсколько чваннымъ, заносчивымъ нравомъ и безпрестанно спорилъ съ властями, осуждая чуть не каждое распоряженіе Бековича.

Былъ конецъ масляной.

Окна квартиры Франкенберга были весело освѣщены. Въ двухъ комнатахъ играли въ ломберъ. Въ третьей, за разложенною картой каспійскихъ береговъ, шла бесѣда о предстоящемъ походѣ.

— А все-таки не понимаю,—сказалъ, съ нѣмецкимъ выговоромъ, хозяинъ, добродушный, съ просѣдью, давно обрусѣлый пѣхотный маіоръ Франкенбергъ: — откуда доказательства, что въ старину былъ торгъ въ этихъ мертвыхъ, сыпучихъ пескахъ? ни жилья, ни воды...

— Исторія, сударь,—отвѣтилъ недавній парижскій школяръ Тувалковъ:—Иродотъ, Плиній, Страбонъ... ну,—Аристовулъ, да и Птоломей весьма ясно указываютъ на коммéрсъ Европы съ востокомъ въ тѣхъ мѣстахъ.

— Засыпалъ, батюшка, именами... не выговоришь! Ты лучше объясни, отчего тотъ коммѐрсъ нынче прекратился?

Молодежь переглянулась. Въ глазахъ нѣкоторыхъ читалось: „ну, что̀ съ нимъ, старикомъ, разсказывать, когда видно, что не заглядывалъ въ прочтенныя нами книги?“

Пока близорукій, толстый Тувалковъ, водя носомъ по картѣ Каспійскаго моря, шептался съ Юрловымъ, вошла и съ улыбкой облокотилась о столъ красивая, статная, съ двумя пышными, русыми косами, Марья Саввишна.

— Охъ, ужъ вы спорщики!—произнесла она, окинувъ всѣхъ ласковымъ спокойнымъ взглядомъ.

Касаткинъ, при этомъ взглядѣ и голосѣ, вспомнилъ далекую, былую подругу хозяйки, царскую питомицу Дуню, и вспыхнулъ. Его давно брала охота поговорить въ этомъ задушевномъ кругу,—теперь его будто нѣчто подхватило на крылья.

— Вотъ видите ли, дяденька,—сказалъ Касаткинъ, именуя этою, всѣми принятою задушевною кличкой общаго любимца отряда: — хивинцы пресѣкли, издавна преградили воды Аму плотинами, и всѣ города и села, въ той старой горловинѣ, стали пусты.

— Но зачѣмъ же они преградили?

— Дабы истомить, дяденька, сжа̀ждити вольныя, непокорныя племена, своихъ сосѣдей. Вотъ его величество и повелѣлъ идти, разрыть тѣ плотины и направить рѣку Аму-Дарью вспять въ былое ложе.

Марья Саввишна перевела одобрительный, ласковый взглядъ на Касаткина и не переставала слѣдить за нимъ, какъ бы говоря: „вотъ онъ, другъ моей Дуни; вотъ—слушайте, какъ онъ дѣльно и красно говоритъ“.

— И скажу вамъ, досточтимый государь мой,—продолжалъ, оживляясь болѣе и болѣе, Касаткинъ:—его величество—въ томъ засвидѣтельствуютъ и остальные товарищи—ни на день не спускаетъ мыслей

съ оріента, съ восточныхъ рубежей отечества; посылая насъ сюда, государь изволилъ выразиться, что Россіи нужны не новыя земли... ихъ доволѣ у насъ.

— Именно такъ,—прибавилъ Тувалковъ:—мы-де, бѣдная, забытая другими страна; намъ нужны иныя завоеванія,—говорилъ царь,—у насъ недостатокъ въ деньгахъ, въ товарахъ и въ новыхъ торговыхъ путяхъ.

— Оттого и походъ,—подтвердилъ Лебедевъ:—по этому закрытому пути въ древніе годы торговали финикійцы, генуэзцы, венеціяне. Царь Грозный заботился о возобновленіи его; Годунову англичане строили въ Нижнемъ для Каспія суда; царь Алексѣй спустилъ сюда корабль Орелъ.

— Тамъ за Хивой, у воротъ Индіи,—продолжалъ Касаткинъ:—царство древняго Могола; тамъ лежитъ богатый золотомъ и всякими дивами городъ Иркѐнъ, и къ тому городу ведетъ эта самая, великая, какъ Миссисипи, сказочная рѣка Оксъ, или Аму, по коей въ древности къ нашимъ хвалынскимъ, т.-е. каспійскимъ берегамъ, двигались караваны предивныхъ сокровищъ.

— И мы двинемся туда!—проговорилъ Юрловъ:—штыками, пулями возвратимъ рѣку Аму изъ Аральскаго въ Каспійское море, навѣки прославимъ нашъ отрядъ.

Марья Саввишна вздохнула.

„Да,—подумала она, глядя на мужа и на оживленныя лица офицеровъ:—какъ-то вамъ всѣмъ посчастливится въ этомъ дѣлѣ? какъ-то возвратитесь изъ дальняго, тяжелаго пути?“

— А паче всего,—произнесъ Касаткинъ: — государь, отпуская насъ, велѣлъ напомнить князю,—посылаетъ-де онъ его не завоевателемъ, а мирнымъ посломъ и купцомъ, хоть и дано ему въ охрану семь тысячъ войска. И приказалъ въ тѣхъ мѣстахъ князю думать не о лаврахъ Александра Македонскаго, а лишь о купеческихъ, для будущей торговли, барышахъ...

— Добавлю и я,—сказалъ, отирая лицо, Франкенбергъ:—и это я уже знаю изъ бумагъ,—государь повелѣлъ все дѣлать разумно, не торопиться, а главное—не входитъ въ газардъ, дабы дѣла не погубить и людей даромъ не терять. Знаете это?

— Ну, разумѣется,—заговорили молодые гости:—кто же будетъ поступать, очертя голову? не такое предстоитъ дѣло,—азіатская, хитрая страна...

— Въ этой самой инструкціи, — продолжалъ Франкенбергъ: — царемъ указано, пройдя старымъ русломъ Аму, склонить хивинскаго хана въ нашу дружбу, обнадеживъ наслѣдствомъ престола, а его подданныхъ всячески ласкать, мы-де пришли не дуванить, а вести торгъ. И если ханъ пожелаетъ защиты отъ своихъ, то дать ему въ охрану

нашу гвардію; а нечѣмъ будетъ ей платить жалованье, то на годъ отъ насъ довольствовать его и казной... Ну, что на это скажете?

— Умно, —произнесъ Тувалковъ: —дѣльно и умно.

— А вы же, государи мои,—сказалъ съ улыбкой хозяинъ!—думали штыками да пулями все то скорехонько добыть...

— Ну, разумѣется... вѣдь это, еслибы азіаты вдругъ заспорили...

— А надо, чтобъ не вышло спора,—заключилъ Франкенбергъ:— въ томъ-то опытность и мудрость... Князь, безъ сумнѣнія, все то устроитъ по приказу. Многоводная, нужная намъ Аму польется съ ледяныхъ высотъ Памира въ Каспій. Только и вы, господа, помните, да получше, царскія слова: быть во всемъ на-сторожѣ; а паче... паче всего—не входить въ ненужный, вредный Газардъ.

Марья Саввишна подала руку мужу. Всѣ пошли ужинать.— „Тѣ красно говорятъ,—мыслила она: — горячія, бѣдовыя головы... Мой тише, смирнѣе,—но правда чуть ли не на его сторонѣ“.

И, видя переглядыванье, слыша насмѣшливый шопотъ молодыхъ людей, она крѣпко сжала руку мужа, съ усталымъ и озабоченнымъ видомъ молча шедшаго съ нею сзади гостей.

Князь Бековичъ-Черкасскій, возвратясь изъ осмотра новозаложенной закаспійской, Тюбъ-Карага́нской крѣпости св. Петра, спѣшилъ кончить приготовленія къ походу, чтобы двинуться до лѣтняго тепла.

Войско, сверхъ ожиданія, еще не было въ сборѣ. Кончали постройку и снаряженіе судовъ, для перевозки за море войсковыхъ тяжестей и торговаго, индѣйскаго каравана. Продовольствія припасли на полгода. Сборнымъ мѣстомъ былъ назначенъ, въ устьѣ Урала, укрѣпленный Гурьевъ городокъ.

Касаткинъ явился съ бумагами къ князю Бековичу ранѣе прочихъ гардемариновъ и былъ имъ принятъ отмѣнно ласково.— „Очень радъ“,—сказалъ Бековичъ:—„мы, товарищи-гардемарины, докажемъ, каковы плоды наукъ“.

Родомъ изъ владѣтельныхъ Черкасскихъ князей, уроженецъ Большой Кабарды, Александръ Бековичъ, то-есть сынъ бека-князя, Черкасскій былъ въ дѣтствѣ тайно похищенъ ногайцами у отца, вскорѣ затѣмъ, при осадѣ Азова, попалъ въ плѣнъ къ русскимъ, получилъ въ крещеніи имя Александра и воспитывался въ семьѣ знаменитаго наперсника Софьи, князя Василія Голицына, гдѣ выучился русскому и латинскому языкамъ. Австрійскій посолъ Корбъ, видя красиваго черкесскаго юношу за пышными подмосковными обѣдами его воспитателя, занесъ въ свои записки о благородствѣ и твердости духа, обличавшихъ въ плѣнномъ сиротѣ воина по происхожденію.

Одной крови съ другими Черкасскими, болѣе ранними выходцами съ Кавказа,—по второй женѣ Грознаго уже бывшими въ роднѣ съ Рюриковичами,—Бековичъ былъ замѣченъ Петромъ у Голицына. Возведя его въ званіе стольника, царь его, съ Зотовымъ и другими, послалъ для обученія морскому дѣлу въ Европу, откуда Бековичъ возвратился въ 1708 году. Хорошо, по времени, образованный, двадцати-пяти-лѣтній красавецъ-черкесъ свелъ съ ума не одну изъ невѣстъ тогдашняго Петербурга и Москвы. Онъ женился по любви на родственницѣ своего воспитателя, княжнѣ Маѳѣ Борисовнѣ Голицыной, пожилъ съ нею нѣкоторое время въ помѣстьяхъ ея отца и опять возвратился на службу. Вскорѣ его имя стало неразлучно съ важнѣйшими изъ предпріятій Петра на востокѣ.

Посѣтивъ Кавказъ, Черкасскій, въ 1711 году, предложилъ государю принять въ подданство, съ клятвой на коранѣ, его братьевъ и родину, Кабарду. Братья дали царю „шерть"—присягу, и объявили о сверженіи турецкаго ига съ своего народа. Въ 1713 году, зачисленный въ гвардію, князь отличился въ закубанскомъ походѣ. Еще черезъ годъ, по волѣ царя, Черкасскій занялся съёмкой восточныхъ береговъ Каспійскаго моря и, въ видахъ будущаго присоединенія къ Россіи всего Кавказа, изъ первыхъ далъ Петру совѣтъ—утвердиться на Каспіи и въ Персидѣ, а для поисковъ золота и серебра и развитія торговли съ востокомъ предпринять индѣйскій за Аму-Дарью походъ. Передъ отъѣздомъ съ этимъ порученіемъ въ Астрахань, Бековичъ былъ произведенъ въ капитаны преображенскаго полка.

Жена Бековича, княгиня Маѳа Борисовна, была дочерью дядьки Петра, боярина князя Бориса Алексѣевича Голицына, извѣстнаго среди государевыхъ слугъ тѣмъ, что ему, между прочимъ, удалось уничтожить въ своемъ царственномъ питомцѣ врожденную боязнь воды. Князь Борисъ Алексѣевичъ засѣдалъ въ пяти-членномъ совѣтѣ, управлявшемъ нѣкоторое время государствомъ, завѣдывалъ потомъ казанскимъ приказомъ, но оставилъ мірскую жизнь, постригся въ монахи и, три года назадъ, умеръ семидесяти-трехъ лѣтъ въ пустынѣ Фролищевой, близъ города Гороховца, Владимірской губерніи. Чтя его память, государь въ пріѣзды ко двору его дочери, Маѳы Бековичъ, выходилъ къ ней на-встрѣчу и лично ее высаживалъ изъ саней.

Сестры княгини Бековичъ были въ замужествѣ также за князьями: Настасья—за Ромодановскимъ, Аграфена—за Хованскимъ и Анна—за царевымъ казнохранителемъ, Прозоровскимъ. Въ гербѣ Черкасскихъ была золотая держава, на горностаевомъ полѣ, и шапка съ зеленымъ перомъ пророка.

Княгиня Маѳа Борисовна, передъ проводами мужа въ походъ, съѣздила съ четырьмя малолѣтними дѣтьми на поклоненіе въ Фроли-

щеву пустынь, гдѣ внесла богатый вкладъ на монастырь и служила молебны, объ успѣхѣ похода, на могилѣ отца. Она возвратилась въ Астрахань незадолго до прибытія туда Касаткина.

Получивъ новые государевы приказы и наставленія, привезенные Касаткинымъ изъ Голландіи, князь Черкасскій созвалъ военный совѣтъ. Голоса на совѣтѣ раздѣлились. Касаткинъ въ подробности впослѣдствіи помнилъ это совѣщаніе.

Въ особенности горячился морской поручикъ Кожинъ, невысокій, плотный и смуглолицый человѣкъ,—Касаткинъ здѣсь разглядѣлъ его впервые.—„Да, чтò вы, господа,—сказалъ Кожинъ:—изъ Казани еще не подъѣхали ожидаемые запасные, съ походными аптеками, лекаря... Вѣдь этакъ торопясь, всему семитысячному отряду придется, при бѣдѣ, искать пособки у одного лишь врачебныхъ дѣлъ майстера, да и то старика...

Послѣ долгихъ споровъ, шума и даже перебранокъ, причемъ Кожинъ,—въ укоръ Черкасскому,—назвалъ отрядныхъ азіатовъ „гололобыми", а тѣ чуть не схватились за ятаганы, былъ рѣшенъ зимній походъ передового отряда, съ частью пушекъ и съ войсковымъ обозомъ.

— Моряковъ для флотиліи у насъ достаточно,—сказалъ Бековичъ, обращаясь къ Касаткину:—опытныхъ пушкарей мало; потому тебѣ, Алексѣй Ильичъ, поручаю проводить казаковъ, а притомъ осмотрѣть и приспособить гурьевскую гавань къ высадкѣ пѣхоты, моего штаба и остальныхъ частей.

Казачій отрядъ двинулся изъ Астрахани въ исходѣ великаго поста. Колесный обозъ, съ войлочными кибитками, шелъ сзади, подъ прикрытіемъ крещеныхъ калмыковъ и мирныхъ, юртовскихъ татаръ. На вьюкахъ верблюдовъ отправили въ даръ великому индѣйскому Моголу на нѣсколько тысячъ рублей суконъ, бархата, шубъ, шелку и парчи. Хивинскому хану, кромѣ прочихъ даровъ, везли еще укрытую кошмами, золоченую, со стеклами, карету, а за нею вели верхового вороного и цугъ темносѣрыхъ упряжныхъ, вывезенныхъ изъ нѣмечины, жеребцовъ.

Передъ выходомъ головного отряда въ Гурьевъ, у Черкасскаго была прощальная вечеринка.

Угощалось отрядное начальство и прочіе чины. При возглашеніи обильныхъ здрàвицъ за царя и войско, играла музыка, били въ нàкры и барабаны.

Здѣсь былъ и Кожинъ. Онъ, по обычаю, заспорилъ съ бригадъ-коммиссаромъ Волковымъ.

— Не шутите, государь мой, — говорилъ Волковъ:—снаряженіе

обошлось въ двѣсти осьмнадцать тысячъ... чего же вамъ еще? все предусмотрѣно.

— Въ двѣсти осьмнадцать тысячъ, знаю!—отвѣтилъ насмѣшливо Кожинъ:—все то высчитано и въ ерестрикъ, чай, занесено. Только, батюшка, не серчай, мало верблюдовъ, водка разбавлена, да и мучица ой съ душкомъ...

Волковъ съ крикомъ сталъ опровергать.

— О чемъ рѣчь?—спросилъ, подходя къ спорившимъ, Бековичъ.

Кожинъ отвернулся. Бековичъ съ снисходительной усмѣшкой посмотрѣлъ на его сердитое и красное отъ возліяній лицо, на небрежную прическу и поношенный, неряшливый кафтанъ, и повторилъ вопросъ.

— Да вотъ что̀, князь,—непочтительно-грубо отвѣтилъ Кожинъ: —все здѣсь не по указу... Вы готовитесь къ баталіямъ, а вамъ что̀ повелѣно? и изъ-за чего медлите съ караваномъ?

— Объяснитесь, сударь, не разберу,—произнесъ Бековичъ, готовясь слушать.

— Не сдобровать походу, попадетесь всѣ въ лещетку, въ капканъ!—продолжалъ Кожинъ, возвышая рвавшійся въ досадѣ голосъ:— не знаете игры... много шаховъ, одинъ матъ!

— Такъ приказано его величествомъ!—отвѣтилъ Бековичъ.

— А вы должны рапортовать царю, должны,—кричалъ, размахивая руками, Кожинъ:—все то нестаточно, говорю вамъ, и ничего не выйдетъ; нужно посольство, товары дары, а вы, въ видѣ конвоя, ведете экое войско... Ужли думаете отуманить отрожденныхъ азіатовъ-хитрецовъ? Да на кошку чирикаетъ и воробей...

„А вѣдь Кожинъ, пожалуй, и правъ?“—подумали нѣкоторые, въ томъ числѣ и Касаткинъ.

Темноволосый, съ изъ-синя черными, красивыми, задумчивыми глазами, костлявый, широкоплечій и худощавый лицомъ, Бековичъ сильно поблѣднѣлъ. Гордо улыбаясь, онъ молча слушалъ задорнаго моряка.

— Ай, да придумали! дивно, а не проведете!—продолжалъ Кожинъ, глядя на всѣхъ и, въ бѣшенствѣ, не видя никого:—калмыцкій Аюкаханъ пишетъ,—въ Хивѣ уже провѣдали, что послы идутъ небывалые,—съ пѣхотой, конницей и пушками. Мнѣ же, князь, указано особое порученіе,—вдругъ подступилъ къ Бековичу и угловато поклонился Кожинъ:—пустите впередъ; велѣно—подъ видомъ купчины, съ караваномъ... Ну, и пройду безъ опаски, не токмо въ Хиву, — въ Индію, къ Моголу... не надо мнѣ вашихъ конвоевъ... пройду безъ сабли и штыка!

— Не ты вождь, я вождь,—спокойно возразилъ Черкасскій, слегка покосивъ строгіе глаза на спорщика:—не пущу тебя купчиной, самъ знаю! ты морякъ—вези, высаживай войско, не мути...

— Кто мутьянъ! я?—крикнулъ, не помня себя, Кожинъ:—это за услуги-то? такъ не дадите каравана? не пустите?..

— Не пущу.

— Кому же поручите?

— Не твое дѣло...

— Такъ я вамъ не пособникъ, съ вами не пойду...

— А я прикажу... твой начальникъ...

— Знаю,—только есть правда повыше...

— Государя ослушаешься?

— Мой отвѣтъ — произнесъ Кожинъ:—мало ли что издали приказано! на то глаза, чтобъ смотрѣть.

— Трусъ!—презрительно прошепталъ, и, сверкнувъ глазами, отвернулся Бековичъ.

— Ты мнѣ это выкупишь, попомни, князь,—заключилъ Кожинъ, трясясь отъ волненія и злобы:—не пеняйте, господа,—обратился онъ къ прочимъ офицерамъ:—берегите головы на плечахъ,—хивинцы грозятъ набить ваши кожи сѣнной трухой...

— Цыплятамъ по осени счетъ!—отвѣтилъ, крутя усы, Бековичъ:— а тебѣ, слушай, совѣтую покориться; не то, — по артикулу́, подъ судъ...

— Спасибо, угостили!—произнесъ, кланяясь князю и прочимъ, Кожинъ:—дорбга скатертью—счастливаго пути!

Онъ схватилъ шляпу и шпагу, застегнулся, отвѣсилъ низкій поклонъ княгинѣ и, не глядя ни на кого и сердито пыхтя, вышелъ отъ Бековича.

— Проспится, утихнетъ!—толковали офицеры.

Кожинъ ночью написалъ рапортъ Меншикову и Апраксину, извѣщая черезъ нихъ государя, что бросаетъ Черкасскаго; утромъ тайно выѣхалъ въ Казань, взялъ тамъ подорожную и отправился въ Петербургъ.

Передовой отрядъ вышелъ въ Гурьевъ безъ него.

VII.

Ѣарка.

Весна въ 1717 году, на сѣверѣ Каспійскаго моря, наступила поздно. Казачій отрядъ до сборнаго мѣста шелъ около двухъ недѣль по снѣгу. Были еще и сильные морозы и не одна бурная, степная метель.

Майорша Франкенбергъ получила отъ Касаткина, съ пути до Гурьева, два письма:

„Милостивая государыня моя, благодѣтельница и печальница, Марья Саввишна!“ — писалъ Касаткинъ въ первомъ письмѣ: — „вы себѣ представить не можете, какъ я радостенъ и многосчастенъ вашимъ даннымъ, пуховымъ рукавичкамъ и таковымъ же чулкамъ! Ну, вотъ ужъ удружили, пригрѣли, сберегли, — а я еще совѣстился брать. Оно всегда такъ: думаешь о хоромахъ, а помогла щепка. Опишу все по порядку. Ай, да южные, пустынные края: почитай, холоднѣе дальняго Питера. Такъ и сказывали: полгода студеные Холмогоры, полгода палящій Стамбулъ. Кто запасся, какъ отчасти и я, арчакомъ изъ жеребячьей шкуры, либо киргизскими дахами, тому только спасенье и житье. Особливая-жъ благодать — сибирскіе сѳвики, сказать — длинныя, аки бы женска пола, оленьи рубахи до пятъ. Вы бы меня въ такомъ нарядѣ и не спознали, да когда еще притомъ на головѣ шапка изъ молодого олень-бѣляка, — не въ примѣръ благодать. Вмѣсто пера обученнаго моряка у меня, сударыня, въ промерзлой рукѣ въ сію минуту — плохо даже очиненный карандашикъ; но я потщусь сдержать обѣщаніе и опишу, что̀ видѣлъ и зрю.

„Авангардъ Бековича на зимнемъ походѣ испыталъ не мало бѣдъ въ снѣжной, безлюдной степи. Краткіе отдыхи смѣнялись однообразнымъ, медленнымъ движеніемъ нѣсколькихъ сотъ переполненныхъ транспортныхъ фуръ, подъ скрипъ оледенѣлыхъ колесъ. Особенно надоѣдалъ несмолкаемо-воющій, какъ зимой въ трубѣ, сѣверо-восточный, злой вѣтеръ. Облака шли низко; днемъ и то было не совсѣмъ свѣтло. Сумерки наступаютъ скоро. Гремитъ барабанъ, — радостный ночной привалъ. Разбиваются калмыцкія кибитки-юлламы; вокругъ табора ставится съ ружьями стража. Развьючиваютъ верблюдовъ къ корму. Кашевары въ суетѣ: достаютъ изъ переметныхъ вьюковъ торсукѝ, баклаги съ водою, котелки на похлебки, тагапцы для огня и всякую снѣдь. Ночь безъ мѣсяца и звѣздъ; не видно ни зги. Издали только свѣтятся яркія прорѣхи на бокахъ и маковкахъ кибитокъ, да вороха искръ сыплятся съ дымныхъ костровъ, сложенныхъ изъ степной колючки и камыша.

„Всѣ подкрѣпились, — описывалъ такой привалъ Касаткинъ: — тотъ тянетъ пѣсню, тѣ улеглись въ кибитки спать. Кругомъ смолкаетъ. Даже вѣтеръ было усилился и затихъ; только перекликаются на углахъ табора часовые, да протяжно, жалобно вдругъ зарычитъ на всю окрестность иной верблюдъ. Ему, видно, какъ и людямъ, также вспомнилась, только не такая, ночёвка, — корму вдоволь, теплый зимовникъ. Давно ли и я съ товарищами оставилъ чужія, дальнія страны, Парижъ, гдѣ мы ходили по веселымъ, шумнымъ улицамъ, видѣли иныхъ людей! Давно ли я разстался и съ Дуней? Имѣете ли письма о ней?“

Пустынны и дики показались отряду зимой страшные, вѣчные Рыньпески. Ни жилья, ни деревца; все подъ снѣжными кучугурами. Кое-гдѣ лишь выткнулся тощій, въ колючкахъ, кустарникъ да камышъ. Ударила метель, верблюды сбиваются въ кучу, хвостами къ вѣтру. Но потянетъ тепломъ съ юга, на диво скоро въ этихъ мѣстахъ рухнутъ снѣговые сугробы, и не опомнится пустыня, какъ и вотъ она, весна.

„Сегодня, Марья Саввишна, — писалъ Касаткинъ, спустя три недѣли, во второмъ письмѣ:—скажу себѣ въ утѣху,—быдто дохнуло теплѣе съ полудня, отъ южной морской стороны. И ужъ такъ-то мы всѣ возрадовались, что и не сказать. Ужли и въ самомъ дѣлѣ шествуетъ весна, аки бы пресвѣтлая волшебница съ могучимъ жезломъ?“

Примѣты сбылись. Прошелъ день, другой,—степи не узнать. Куда ни кинуть взоръ, вездѣ шумятъ, бѣгутъ веселые, ревущіе, снѣжные ручьи. Давно ли телѣги и арбы тонули въ сугробахъ? теперь тонутъ въ грязи.

Подъ Гурьевымъ изморенному отряду дали днёвку. Привалъ объявили до захода солнца. Половина обозныхъ верблюдовъ, съ частью лошадей, отбили на „тебенёвку“ — пощипать въ сторонѣ, за приморскимъ бугромъ, открывшейся на солнцѣ, прошлогодней ожившей травы. Сильно всѣ обрадовались отдыху. Въ лагерѣ было такъ мирно и тихо, что товарищи Касаткина по кибиткѣ, состоявшіе въ драгунской сотнѣ, два плѣнные шведа—даже раздѣлись, какъ въ банѣ, чтобъ подъ ворохомъ полстей и шубъ лучше согрѣться, послѣ долгой стужи, и во всю сласть заснуть.

Они тихими, то радостными, то грустными голосами бесѣдовали съ Касаткинымъ о своей родинѣ, о памятной полтавской баталіи и о своемъ давнемъ плѣнѣ.

— И страшно было во время той битвы, подъ пушечной пальбой?—спросилъ Касаткинъ старшаго шведа.

— Страшно... говорили, что у васъ разстрѣлянъ весь порохъ, а ваши пушки все палили...

— Видѣли въ битвѣ царя?

— На бѣломъ конѣ... Я завидѣлъ; тутъ ударила пуля, я упалъ...

Шведъ не кончилъ. Въ лагерѣ раздалась тревога. Затрещали барабаны, загремѣли вѣстовыя трубы. Суета, бѣготня, крики начальства. Кое-гдѣ, въ-потьмахъ, выпалило ружье.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ, на-скоро одѣвшись и выскочивъ изъ кибитки, Касаткинъ:—откуда переполохъ?

— Не вѣдаемъ, батюшка,—отвѣчали казаки:—кто е зна...

Алексѣй схватилъ шпагу, сѣлъ на чью-то лошадь и бросился сквозь толпу. Вокругъ табора ставили завалъ изъ телѣгъ и вьюковъ.

Безпорядочный, смутный говоръ кругомъ. Темень непроглядная. Ревутъ остальные, вьючимые верблюды. У разбираемой, старшинской кибитки тявкаетъ, трусливо заливаясь, полковая собачёнка, Рябка. Сѣдлали лошадей—по куда? никто не знаетъ. Наконецъ, прискакалъ казакъ изъ полка Басманова.

— Налетѣли,—объявилъ онъ:—каракалпаки и погнали отъ бугра съ тебенёвки всѣхъ верблюдовъ и лошадей.

— На конь, на конь!—кричатъ есаулы.

Гребенская сотня выѣхала изъ табора, за нею Франкенбергъ съ драгунами. Касаткинъ поскакалъ съ послѣдними. Хищниковъ догнали на разсвѣтѣ, у какого-то яра. Тѣ изъ-засады дали залпъ. Кое-кто изъ казаковъ повалился.—„Въ сабли!“ —скомандовалъ Франкенбергъ и бросился первый. Хищники бѣжали, бросивъ добычу.

„Плохое предзнаменованіе, — мыслилъ Касаткинъ, возвращаясь къ табору:—„у себя, почитай, дома — подъ самою крѣпостью... Что же будетъ далѣе, тамъ, въ этой пустынной мертвой землѣ?“

Вновь поднялся отрядъ, вновь потянулся къ недальнему городу. Разсвѣло. Солнце грѣло по лѣтнему. Степь синѣла и шумѣла тысячами ручьевъ. Дымились трубки, слышался казачій говоръ и смѣхъ. Въ передовой казачьей сотнѣ гремѣли бубны, дружные голоса, заливаясь, пѣли: „Лёнъ, лёнъ молодой“... А товарищъ Алексѣя, младшій плѣнный шведъ, искусникъ въ живописи, съ верблюда, на ходу, заносилъ карандошомъ на бумажку видѣнный ночной переполохъ. Чуя близость жилья, бодрѣе шагали верблюды, неся на мягкихъ горбахъ огромные, мѣрно-качающіеся вьюки. Инородцы, въ обозномъ прикрытіи, разодѣлись на радости, какъ на праздникъ, мелькая желтыми, алыми и всякихъ цвѣтовъ халатами. Они смѣялись и, тыкая вдаль нагайками, что-то весело галдѣли.

„Еще десятокъ верстъ, и мы будемъ въ Гурьевѣ“,—приписалъ Касаткинъ Марьѣ Савишнѣ, съ послѣдняго привала;—„оба мои къ вамъ письма, какъ и особо здѣсь же, подъ печатью, прилагаемую на имя Дуни грамотку, для Бога, перешлите ей при оказіи. Азъ же писавшій—здравъ и невредимъ, по мольбамъ предстательствующихъ за ны“.

Марья Савишна Франкенбергъ получила оба письма Касаткина уже послѣ Пасхи. Ихъ она не переслала въ Парижъ, такъ какъ жена Касаткина къ этому времени ее извѣстила, что, узнавъ объ отъѣздѣ мужа въ Астрахань, она рѣшилась, едва прибудетъ во Францію государь, неотступно просить у него отпуска къ мужу.

На Ѳоминой недѣлѣ двинулось въ Гурьевъ на судахъ и остальное войско.

Духовенство служило на площади, въ Астрахани, напутственный молебенъ. Кропили святою водою людей, суда, пушки и знамена. На красномъ, шелковомъ знамени Бековича, съ изображеніемъ солнца, мѣсяца и орла, княгиней Мареой Борисовной были вышиты золотомъ восточныя слова: „Девлетъ-Гильдей-Мурза“—покоритель странъ—князь.

Кожинъ, еще когда княгиня вышивала знамя, не утерпѣвъ, напалъ и на эту надпись.

— Не статочно, охъ не ладно, и опять не къ добру!—говорилъ онъ:—попомните, оскорбятся дикіе гордые князьки.

— Да вѣдь княжество родичамъ Черкасскаго дано еще царемъ Өедоромъ Алексѣевичемъ,—возражали Кожину штабные:—а его братья и теперь владѣютъ на Терекѣ черкесами и охочанами.

— Не то, говорю вамъ, не то,—возражалъ упрямый спорщикъ;—былъ я въ этихъ краяхъ, присмотрѣлся—слушались бы меня... Покоритель... а идемъ торговать...

Два брата Черкасскаго, красавцы и щёголи, Сіюнчъ и Акмурза, подоспѣли съ Кавказа къ лѣтней части похода. Ихъ и двадцать, ставшихъ въ личную охрану князя, разряженныхъ кабардинскихъ узденей Черкасскій взялъ на собственную бригантину.

Княгиня Бековичъ напросилась провожать мужа въ море, куда рѣшила взять съ собой и трехъ малолѣтнихъ дѣтей, двухъ дочекъ и груднаго сына, тёзку отца, меньшаго Александра.

— Лучше бы ты, княгинюшка, осталась дома, — уговаривалъ жену князь:—море не бабье дѣло; захвораешь, мало ли что̀!

Мареа Борисовна не послушалась мужа, снарядила дѣтей и поѣхала. Хворавшій лихорадкой старшій сынъ, Александръ большой, остался въ горести и слезахъ у Марьи Саввишны въ Астрахани.

Князь ступилъ на бригантину и поднялъ флагъ къ отплытію судовъ.

— Тятичка, тятя,—кричалъ на рукахъ князева деньщика шестилѣтній Саша, уцѣпившись за расшитую золотомъ полу отцова гвардейскаго кафтана:—возьми и меня.

— Полно, Шурка, увидимся, потерпи,—утѣшалъ, улыбаясь, князь.

— Слона приведи,—не унимался сынъ:—и живого льва...

— Хана тигра приведу,—крикнулъ съ рѣки отецъ.

Суда двинулись. Съ бригантины былъ виденъ берегъ, покрытый народомъ, крыльцо Марьи Саввишны и на немъ она съ плачущимъ Сашей.

Погода стояла ясная, теплая. Кудрявыя бѣлыя облака весело бѣжали по небу. Вѣтеръ былъ попутный. На второй день флотъ миновалъ устья Волги и, выйдя въ море, убавилъ парусовъ. Князь сталъ прощаться съ семьей.

— Не плачъ, Мареуша-другъ,—сказалъ Бековичъ женѣ:—развѣ

забыла? Покойный твой батюшка отучилъ государя отъ страха воды. Вотъ и вышелъ царь-морякъ, да какой, и мы съ него моряки. И что я думаю; не отучи князь Борисъ Алексѣевичъ царевича отъ водяной боязни, не видали бы мы ни этого синяго, широкаго моря, ни предстоящаго къ его чести и славѣ похода.

— Ахъ, князенька-свѣтъ, Сашечка ты мой собственный, — отвѣтила Марѳа Борисовна:—не страшусь я, душàтка, ни моря, ни войны; ты отваженъ и смѣлъ, все снесешь... Но сердце вѣщуетъ недоброе, щемитъ...

— Молись за насъ, успокойся, скоро свидимся опять.

— Не отпускай насъ, обожди,—молила княгиня:—дай наглядѣться, поговорить... пройдемъ вмѣстѣ еще хоть малый часъ.

Князь опять поднялъ флагъ. Но далѣе отъ устья Волги вѣтеръ сталъ свѣжѣе. По морю забѣгали зайчики, волны расходились вровень съ кормой, начали хлестать на палубу. Солнце клонилось къ закату. Полнеба застилалось темно-багровою тучей.

— Видишь, князь, журавлей?—сказала княгиня: — вонъ тянутся изъ-подъ тучи полоской, чуть видать; а ближе... бѣлая чайка... ишь, чуть машетъ, точно плыветъ въ воздухѣ...

— Вижу.

— Ну, примѣтишь въ пустынѣ журавлей, либо гдѣ, надъ водою, чайку,—вспомни насъ.

— Нѣтъ, жена, довольно!—рѣшилъ Бековичъ, обнимая княгиню и дѣтей:—ѣзжай съ Богомъ; чѣмъ дальше отъ берега, видишь, тѣмъ хуже... Не быть бы грозѣ, бурѣ... Море не земля; на него не надѣйся...

Князь и княгиня простились.

— Съ деньщикомъ отпиши, счастливо ли доѣдешь, съ деньщикомъ!—крикнулъ съ бригантины Бековичъ.

Особо оснащенная барка, съ княгиней и дѣтьми, поплыла къ берегу. Остальной флотъ, раздувъ паруса, двинулся полнымъ ходомъ къ Гурьеву.

— Прощай, Саша, прощай!—кричала княгиня Марѳа Борисовна, подъ шумъ крѣпчавшаго вѣтра, поднимая съ барочной палубы то сына, то дочекъ, въ красной и синихъ рубашечкахъ, и маша платкомъ уплывавшему мужу. Слезы бѣжали по лицу князя.

— Господь да спасетъ всѣхъ... всѣхъ! — доносилось по вѣтру съ барки.

Бригантина стала удаляться. Марѳа Борисовна упала на колѣни, молясь и не спуская глазъ съ бѣлѣвшихъ въ сумеркахъ парусовъ и не слыша ни налетавшаго шквала, ни плеска сердито-хлеставшихъ валовъ. Туча разрослась. Устья Волги и берегъ были невдали, но ихъ покрывали сумерки. Надо было пройти отмели.

— Охъ, Демьянычъ, страшно!—сказала княгиня шкиперу.

— Не бойтесь, государыня,—отвѣтилъ тотъ, направляя руль: — на борту у насъ катеръ, а мы отрожденные моряки.

— Не о томъ я... счастливо ли изъ похода вернется князь?

Казаки-рыболовы съ песчаной косы примѣтили вечеромъ барку, различая на ней матросовъ и рослаго, безъ шапки, шкипера, бившихся съ парусами и рулемъ. Къ ночи буря усилилась.

— Не спустить ли, братцы, челна? — сказалъ одинъ изъ рыбаковъ:—кажись, съ товаромъ... не бухарцы ли?

— Лакомъ Акишка—чортъ... ну, и мырни! — отвѣтилъ изъ шалаша голосъ старшаго.

— А что, какъ тонутъ?—не унимался рыбакъ.

— Бухарцы, жди!—отозвался тотъ же голосъ изъ шалаша:—выудилъ намедни Ливошка укладку, а она казенная,—засудили.

Подъ ревъ вѣтра, на взморьи раздалось нѣсколько мушкетныхъ выстрѣловъ. Барку, очевидно, било среди отмелей, — она взывала о помощи,—но выстрѣловъ не было слышно на берегу.

Къ разсвѣту буря затихла. Рыбаки спустили челны и двинулись съ сѣтями.

Безбрежное, хмурое море было пусто. Расходившіяся волны, съ глухимъ плескомъ, перебѣгали черезъ гладкія, бѣлыя косы отмелей.

— Ой, дядя, что-й-то бѣлѣетъ, — сказалъ Акишка, гоня свой челнъ:—во-во, за косою...

— Укладка, братцы, и есть, лови...

Бековичъ, съ пѣхотой и пушками, высадился въ Гурьевѣ въ концѣ апрѣля. Встрѣтивъ его на берегу, комендантъ сообщилъ, что каракалпаки вторично, въ минувшую ночь, налетѣли съ ближняго Сырта и угнали съ пастбища, изъ-подъ самаго города, чуть не весь верблюжій табунъ.

— Какъ же это? а казаки, конвой?—спросилъ, нахмурясь, Бековичъ.

— Загуляли старшины, а за ними стража... Утромъ погнались, да, видно, поздно...

— Охъ, бородачи, дорвались опять до кизлярки! И это въ началѣ... Часъ отъ часу не легче. Сюда начальство!

Черкасскій, съ узденями и драгунскою сотней, бросился въ догонку. Хищниковъ настигли по пути къ Эмбѣ. Они, вогнавъ верблюдовъ въ камышъ, отстрѣливались изъ него отъ наспѣвшихъ казаковъ. Провожавшій Бековича Касаткинъ увидѣлъ съ бугра ручей, заросшій лѣсомъ и камышомъ. Тамъ и здѣсь поднимались бѣлые дымки; просвистѣло нѣсколько пуль.

— А, собачьи шкуры!—крикнулъ Бековичъ:—есть и мушкеты... Бери, Алексѣй Ильичъ, съ драгунами влѣво, я обойду вправо.

Дружный натискъ и нѣсколько залповъ въ окруженный съ трехъ сторонъ камышъ кончили дѣло. Табунъ былъ снова отбитъ. Драгуны, казаки и княжьи уздени окружили Бековича.

— Чтò? будете водку пить? — спросилъ князь, съ дрожью губъ, казацкихъ старшинъ.

Тѣ молча кланялись.

— Перваго пьянаго въ походѣ, кто-бъ ни былъ, изъ своихъ рукъ кончу.

Подвели на арканѣ вожака каракалпаковъ. Бековичъ холодно чуть взглянулъ въ загорѣлое, страшно-худое и изуродованное оспой лицо раненаго оборвыша и махнулъ узденямъ рукой. Тѣ его молча пристрѣлили.

Возвратясь въ Гурьевъ, князь назначилъ день къ выходу войска. Оно было окончательно въ сборѣ: четыре тысячи пѣхоты, двѣ тысячи конныхъ казаковъ, драгунскій, съ плѣнными шведами, эскадронъ и около тысячи смѣшаннаго запаса.

Всѣхъ пушекъ было привезено болѣе тридцати,—изъ нихъ около половины чугунныхъ. Ядра для нѣкоторыхъ изъ нихъ отливались изъ стараго чугуннаго лома въ Гурьевѣ. Но кинулись къ орудіямъ,—заготовленныя ядра оказались болѣе образца; пришлось часть изъ нихъ перелить. Это задержало отрядъ. Оказался и недостатокъ вьючныхъ верблюдовъ, для поднятія привезеннаго моремъ остальнаго обоза. Приходилось значительную долю нужныхъ тяжестей, и въ томъ числѣ продовольствія, бросить. Многіе при этомъ вспомнили Кожина.

Провіантмейстеръ напалъ на бригадъ-коммиссара, сказавъ, что тотъ болѣе думалъ о своемъ карманѣ, чѣмъ о снаряженіи войскового обоза. Бригадъ-коммиссаръ кричалъ, что напишетъ обо всемъ своему патрону и милостивцу, Меншикову, а не то и самому государю. И оба шли разбираться къ Бековичу. Князь не зналъ, куда дѣться съ этими дрязгами. Но кое-какъ все уладилось: перелили ядра, добыли часть верблюдовъ, уменьшили и навьючили провіантъ. Изъ Казани подъѣхали и давно ожидаемые, два запасныхъ лѣкаря, съ аптечками. Изъ Астрабада явился маркитантъ-персъ, съ палаткой винъ, табаку, пряностей и разныхъ лакомствъ. Былъ уже на исходѣ май. Все, наконецъ, стянулось, собралось, приободрилось и было готово въ путь.

Одинъ Бековичъ медлилъ, о чемъ-то все думалъ и хмурился. Онъ поджидалъ деньщика съ письмомъ отъ жены, — соображалъ, что тому давно слѣдовало подъѣхать, и удивлялся его отсутствію.

Наканунѣ дня, окончательно назначеннаго для похода, Черкасскій, съ гурьевскимъ комендантомъ и съ нѣкоторыми изъ офицеровъ, сдѣлалъ прощальный смотръ перевозочнымъ судамъ. Все было най-

дено въ порядкѣ. Начальнику флотиліи и штурманамъ князь обѣщалъ того же дня написать рапортъ государю, съ похвалой морякамъ. Княжіе спутники были веселы, въ духѣ. Говорили, не умолкая, о предстоящемъ походѣ.

Возвращаясь на катерѣ въ Гурьевъ, съ княземъ, комендантомъ и Франкенбергомъ, Касаткинъ увидѣлъ плывшую имъ на-встрѣчу лодку и на ней стоявшаго, страннаго вида, человѣка.

— Эго вашъ деньщикъ Максимъ,—сказалъ Касаткинъ, глядя въ подзорную трубу.

Бековичъ поблѣднѣлъ.—„Наконецъ-то“, подумалъ онъ:—„явился вѣстникъ...“

Лодка подплыла. Обвѣтренный, въ пыли, смущенный и самъ на себя не похожій, Максимъ молча подалъ письмо Франкенбергу.

— А мнѣ?—спросилъ изумленный князь.

Деньщикъ смущенно сталъ рыться въ сумкѣ. Франкенбергъ вскрылъ и наскоро пробѣжалъ поданное ему письмо: оно было отъ его жены.

„Страшное горе, небеса разверзлись для кары неповинныхъ“,—писала Марья Саввишна:—„приготовь, лапушка-другъ, князя,—перо отказывается писать. Буря разбила въ морѣ барку. Княгиня съ обѣими дочками, и всѣ до одного матросы, какъ и шкиперъ утонули“.

Далѣе Франкенбергъ едва читалъ. Строки спутались, прыгали въ его глазахъ.

„Дивнымъ чудомъ“,—продолжала въ письмѣ Марья Саввишна:—„уцѣлѣлъ одинъ младшій княжій сынокъ. Его полумертваго снесло и бросило на отмель, гдѣ утромъ его нашли рыбаки. Онъ и старшій сынъ князя, по милости Божьей, здравствуютъ у меня въ Астрахани. Злощастное знаменіе. Упаси васъ Господи и помилуй тамо, въ пустынѣ“.

Франкенбергъ передалъ письмо Касаткину.

Бековичъ, по ихъ молчанію и лицамъ, понялъ, что привезена вѣсть о чемъ-то не въ мѣру гибельномъ, роковомъ.

— Чтò пишутъ?—спросилъ онъ майора.

— Ничего особеннаго... ѣдемте...

— А мнѣ? развѣ нѣтъ писемъ?—спросилъ князь, оглядываясь на лодку, гдѣ все еще копался въ сумкѣ деньщикъ.

— Успокойтесь,—сказалъ Франкенбергъ.

— Жена больна, дѣти? говорите...

Франкенбергъ намекнулъ на бурю, потомъ подробнѣе разсказалъ о баркѣ. Но когда Касаткинъ, желая смягчить слова майора, сказалъ коменданту: „великое горе, правда, да Господь сохранилъ сына,—оба сына живы!“ — отчаянію князя не было предѣловъ. Онъ сталъ рвать на себѣ волосы, одежду и два раза пытался броситься съ катера въ воду.

Бековича на берегу сдали въ охрану братьямъ. „—Девлетъ, Девлетъ!—повторяли на родномъ языкѣ Сіюнчъ и Акмурза: — нашему племени не диво горе... не плачь, молися, будь твердъ“.

Князь былъ неутѣшенъ. Сраженный вѣстью о гибели жены и обѣихъ дочерей, онъ заперся въ домѣ коменданта. Отказываясь отъ пищи и питья и сидя по-азіатски, между братьями, на коврѣ, онъ билъ себя въ грудь и, вспоминая далекое кавказское дѣтство, громко и жалобно вылъ, непонятныя русскимъ, татарскія молитвы.

Такъ прошло еще болѣе недѣли. Войско продолжало стоять подъ Гурьевымъ.

— Богъ далъ, Богъ взялъ!—сказалъ, наконецъ, князь:—я далъ царю слово, — сослужить,—отслужу... Возьмемъ у Хивы, вернемъ въ Каспій Аму-Дарью... Будутъ помнить Бековича въ пустынѣ!..

Красное, шелковое знамя, съ золотою вышивкой княгини Марфы Борисовны, развернулось надъ войскомъ.

Покоритель-князь сѣлъ на коня.

VIII.

На пути.

Отрядъ двинулся.

Отъ Каспія, въ Гурьевѣ, до озеръ Аму-Дарьи шли два мѣсяца.

Выступили въ день памяти „мученицы Марѳы, девятаго іюня. За рѣку Эмбу переправились, въ бродъ и на плотахъ, на четвертой недѣлѣ Петрова поста, наканунѣ дня апостала Іуды, брата Господня.

Шли, по указу Петра, вдоль стараго, высохшаго русла Аму-Дарьи, влѣво отъ хивинскаго, торговаго пути, по мертвымъ, песчанымъ равнинамъ и солончака́мъ.

Зной стоялъ невыносимый. Люди, верблюды и лошади, уже съ первыхъ же дней, стали изнывать отъ безводицы и худыхъ кормовъ. На привалахъ рыли десятки колодцевъ, добывая въ пескѣ скудную, горько-соленую воду, съ запахомъ сѣрныхъ паровъ.

— Эхъ, страшное дѣло, — толковали солдаты: — гляди, братъ, сколько идемъ, ни травки тебѣ, ни жилья, ни воды...

— Въ полѣ, братъ, двѣ доли, — замѣтилъ деньщикъ Касаткина, Апронька:—чья возьметъ.

— Да ты, чортъ, нешто заговорёнъ?—скалили зубы солдаты.

— Ни моря безъ воды, ни войны безъ крови,—отвѣчалъ Апронька: —а вы, какъ погляжу, лихачи, лучше-бъ сидѣли на печи...

— Его, паря, не тронь, онъ ловокъ,—отшучивались солдаты:— на войну ходилъ, рыбу въ прудѣ громилъ...

Молочный братъ и сверстникъ Алексѣя, Апронька, былъ долговязый, бѣлобрысый малый, на видъ увалень; но онъ изъ первыхъ разбивалъ кибитку своему барину, первый добывалъ ему на привалахъ воды и зналъ все, что̀ дѣлалось и говорилось въ отрядѣ. Онъ самъ напросился за бариномъ изъ подмосковной, куда по пути заѣхалъ Касаткинъ.

Къ Иркенскимъ, песчано-каменистымъ холмамъ, барха́намъ, пришли въ розговѣнье, на разсвѣтѣ праздника апостоловъ Петра и Павла. Здѣсь нѣсколько дней отдохнули, наполнили боченки и торсуки изъ обильныхъ, найденныхъ ключей, и двинулись далѣе. Холмами снова шли около семи недѣль.

Къ хивинскимъ лугамъ и пашнямъ, невдали отъ Аральскаго моря, спустились, близъ залива Айбугѝръ, въ половинѣ августа.

Здѣсь, истомленный отъ зноя и всякихъ трудностей, отрядъ Бековича, на Успеньевъ день, въ урочищѣ Карагачъ, завидѣлъ, наконецъ, давно-желанныя воды и плотины Аму-Дарьи.

Касаткинъ въ Гурьевѣ сшилъ изъ плотной, синей бумаги, въ осьмушку, небольшую тетрадь, вписалъ въ нее для справокъ числовой календарь и, въ часы отдыха, на пути, сталъ туда заносить для жены „курантный о походѣ дневникъ“.

Первые листы дневника были испещрены отрывочными, въ двухъ-трехъ, иногда неконченныхъ словахъ, замѣтками о разныхъ мелочахъ: когда и куда пришли, что̀ видѣли, слышали о хивинцахъ и о дальнѣйшемъ пути, гдѣ ожидали найти колодезь, у кого отсталъ конь, палъ верблюдъ, какъ добывали топливо, кто заболѣлъ и пр.

Первыя болѣе подробныя свѣдѣнія Касаткинъ занесъ въ эти листки, по приходѣ къ главному колодцу, среди Иркенскихъ холмовъ. Здѣсь, съ подкрѣпленіемъ силъ, къ нему, очевидно, возвратились свѣжесть мыслей и отрада болѣе словоохотливой, хотя заочной бесѣды съ женой.

„Нынѣ день пр. Сампсонія, память преславной полтавской баталіи“,—писалъ Алексѣй въ концѣ іюня:—„а гдѣ мы, Боже Господи! на краю земныхъ предѣловъ. Кругомъ желто-песчаная пустыня, надъ головой раскаленныя небеса. Гляжу, Дунюшка, далекій другъ, на твой даръ, алмазное въ перстнѣ сердце, и думаю,—узришь ли когда эти слова? Ахъ, сколько претерпѣли! Шли полтора мѣсяца, были гладны, томились неизобразимою жаждой. Что за лютая, убивствомъ дышущая страна! А наши въ Астрахани мнили, представь, что весь походъ будетъ лишь мыслямъ и взору пріятный променадъ. Прійдемъ-де, узримъ и сразу воспріймемъ славный тріумфъ. Анъ вышло иное“...

Отъ Эмбы почва пошла уже вездѣ скудная, илисто-солонцеватая, напоминающая высохшее морское дно. Топкія, сверху подсохшія со-

лянки смѣнялись обвѣтренною, сѣрою глиною, пыльнымъ мергелемъ и желѣзняками. Близъ моря, среди соленаго ила, кое-гдѣ еще попадались обрамленные красноватыми, лишайными травами, тощіе колодцы и стоки воды. Въ разсѣлинахъ, въ прохладѣ, вытыкались свѣжіе верески и даже вешніе цвѣты, — желтые тюльпаны, алые маки и воронцы.

За Эмбой, въ каракумскихъ пескахъ, всякіе злаки исчезли: ни дерева, ни съѣдомой травки, — одинъ, среди сѣро-пепельной глади, колючій терновникъ, да жесткій, хрупкій саксаулъ. По песчанымъ намётамъ шныряли мохнатые тарантулы, огромныя, паукообразныя фаланги, скорпіоны и сѣрыя змѣйки.

До Эмбы еще клектали могильные, исполинскіе орлы, попадались на зеленыхъ холмахъ дикія козы, тушка̀нчики –земляные зайцы, свистѣли суслики и сурки. Здѣсь пошелъ сплошной такиръ, засыпанная песками, осадочно-соленая равнина.

— Вотъ, братцы, жаритъ, полыхаетъ! страсть! — говорили, еле двигая ногами, солдаты, раздѣваясь на пути чуть не до нага: — это хоть бы на полкѣ, въ банѣ... И куда это насъ царь, Пётра Ликсѣичъ, шлетъ?

— Будетъ ишшо тебѣ лучше... подведетъ животы!..

— Нешто не знаешь? Въ Иркени, сказываютъ, золота наберемъ.

— Жди, идолъ, золота, — вонъ съ подметковъ званія одна, — пальцы, ноженьки искололъ.

— А мы съ бариномъ дождемся, — отвѣчалъ Апронька съ горба верблюда: — барынѣ привеземъ гостинцевъ.

— Какихъ?

— Желтой, лимонной матеріи на робро̀нъ.

— Оставь же, слышь, на подвёртки и намъ.

— Го-о-о! — хохотали солдаты, мелькая рядами смѣющихся загорѣлыхъ лицъ и оборванныхъ рубахъ.

Струи знойнаго жгучаго вѣтра дули въ лицо, точно изъ раскаленной печи. Въ особенности донимала ѣдкая и мелкая, какъ зола, сѣропесчаная пыль. Никуда отъ нея нельзя было увернуться и спрятаться. Поднимаясь, въ безвѣтріе, изъ-подъ ногъ клубами, она лѣзла въ ноздри, въ уши, въ ротъ. При вѣтрѣ, солнце казалось желто-багровымъ ядромъ. Люди шли ощупью, какъ бы по дну огненнаго, красно-туманнаго моря.

За нѣсколько переходовъ до Айбугѝра въ особенности натерпѣлись. Въ теченіе пяти дней не встрѣчали воды. Половину захудалыхъ, чуть живыхъ лошадей бросили. Опаршивѣлые, какъ кволыя индюшки, верблюды еле двигали ногами, съ жалобнымъ тихимъ ревомъ, щипля на ходу занесенную пескомъ, тощую полынь. Торсуки давно были пусты. Ужасъ распространился по отряду. Началось смертное томленіе безъ

воды. За кружку вонючей, грязной болтушки изъ найденной лужи офицеры платили казакамъ по битому, вѣнскому талеру. Головы мрачились, всѣ шли, шатаясь, какъ безумные. Ночь не давала прохлады. Люди безъ команды, не разбивая кибитокъ и не развьючивая скота, въ мучительной истомѣ, падали на горячій песокъ. Лагерь походилъ на поле, покрытое тѣлами недавняго боя.

И вдругъ прогремѣлъ громъ.

Апронька проснулся, протеръ глаза и разбудилъ Касаткина.

— Чтò ты?—спросилъ, съ трудомъ поднимаясь, Алексѣй.

— Гляньте, баринъ,—Илья-то нашъ пророкъ,—Илья...

— Ну?

— Да вонъ, глядите сюда.

Касаткинъ привсталъ. Небо съ востока чуть бѣлѣло, прикрытое рѣдкою въ тѣхъ краяхъ тучею. Туча бороздилась молніями. Гремѣлъ, съ краткими раскатами, громъ. Нѣсколько крупныхъ капель дождя упало на лицо и руки Касаткина. Апронька крестился. Алексѣй бросился будить Бековича. Князь не спалъ.

— Я другое примѣтилъ, — сказалъ онъ: — слушайте...

Касаткинъ, затаивъ дыханіе, сталъ вслушиваться.

Въ концѣ табора, въ казачьемъ обозѣ, явственно крикнулъ разъ и другой давно молчавшій, уцѣлѣвшій у казаковъ, путевой пѣтухъ.

— Быть водѣ... близко жилье! — сказалъ Бековичъ: — только къ добру ли?

— Полноте, князь, радуйтесь, порадуемъ царя.

— Ахъ, сны, какіе сны... жена, синія рубашечки...

Касаткину, при отблескѣ молній, показалось, что Бековичъ плакалъ.

Дождь разбудилъ, освѣжилъ лагерь.

А на утро еще болѣе радости. Вожакъ, калмыкъ Манглай-Кашка, спустился съ холма, взялъ влѣво, еще лѣвѣе и сталъ звать. Всѣ бросились туда. Въ лощинѣ, между бархановъ, оказался глубокій, съ каменною древнею кладкой, неистощимый колодезь. Вкругъ колодца зеленѣли травы, шумѣлъ зеленый и высокій, какъ лѣсъ, камышъ.

— Хива, Хива!—повторялъ Манглай, указывая вправо за барханы.

Люди кинулись къ водѣ, вырывая другъ у друга ведра, баклаги, поя вьючный скотъ и обливаясь. Все освѣжѣло; пѣсни, крики, костры изъ натасканныхъ, окрестныхъ колючекъ. Въ верстѣ отъ колодца, солдаты нашли еще впадину, въ ней какъ бы истокъ колодца.

— Что же ты, чортъ лупоглазый,—кричали солдаты Манглаю,— отчего не сказывалъ, скрылъ экую сокровищу?

— Хива, Хива! — лепеталъ вожакъ, указывая за барханы.

Ликованію отряда не было предѣловъ. Солдаты и казаки, дорвавшись до вольной воды, купались, мыли и сушили рубахи. Развяза-

лись ранцы, изъ нихъ добылись шильце-мыльце, всякая веревочка и ремешокъ. — „Соколики, соколы“ — раздавалась пѣсня въ гребенской сотнѣ.

— Эхъ, погляжу я на тебя,—говорилъ съ укоризной солдатъ казаку, нагишомъ разлегшемуся на натоптанной, скользкой грязи у подхода къ колодцу, — что растянулся?

— Пѣхота, перхо̀та, не пыли!.. въ горлѣ пересохло...

Касаткинъ передалъ Бековичу совѣтъ Франкенберга и другихъ старшихъ офицеровъ,—занятъ сторожевою цѣпью доступъ къ колодцу и къ ручью, для охраны людей отъ опоя и простуды.

— Обопьются, переболѣютъ,—сказалъ онъ.

— Пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ,—отвѣтилъ Бековичъ.

— Ну, нашъ князь!—разсуждалъ, ставя охрану, Касаткинъ,—да что же это будетъ съ нимъ? дѣло къ концу, а на немъ лица нѣтъ...

— Ой, братцы, пустите! — кричалъ, пробиваясь сквозь цѣпь, отсталый, почти нагой, съ изранеными ногами, казакъ, — сопрѣлъ, душенька ноетъ...

— Полведерка ему, напиться и умыться,—командовали офицеры.

— Еще, еще,—молилъ казакъ.

Лошади, раздувъ красныя, изсохшія, жаркія ноздри, съ бѣшеннымъ ржаніемъ, рвались съ поводовъ къ наставленнымъ студёнымъ бадьямъ.

Князь не выходилъ изъ головы Касаткина. Съ каждымъ днемъ и прочіе всѣ убѣждались въ чемъ-то гибельномъ, роковомъ, чему не могли пріискать ни имени, ни объясненія.

— Видите? — спрашивали офицеры старичка-лѣкаря.

— Что?

— Да князь-то?

— Да!—отвѣчалъ тотъ, качая головой.

— Ну, какъ по вашему?

— Меланхолія.

„И точно“ — разсуждалъ Касаткинъ: — „вотъ слово... кто ожидалъ?“

Радость и горе, свѣтлое и мрачное, казалось, не трогали князя. Туча черной, неотходной тоски коршуномъ обвила его голову и ни на часъ не покидала его съ начала пути. Гибель жены и дѣтей не выходила изъ его мыслей, не давала ему покоя. Онъ несъ тяготы похода, какъ всѣ, спалъ, какъ солдатъ, на голой землѣ, — а въ глазахъ были ужасъ и смерть.

Чтобы развеселить князя, въ день открытія прибрежій Айбугира, офицеры пригласили его къ палаткѣ маркитанта. Здѣсь роспили нѣсколько уцѣлѣвшихъ бутылокъ вина и стали бесѣдовать. Былъ позванъ ликующій вожакъ Манглай.

Хитрый калмыкъ сталъ разсказывать о близкой Хивѣ: какія тамъ

высокія, каменныя стѣны, бойницы, мечети и далеко, за много верстъ, видная, круглая башня, съ желтыми, красными и голубыми, играющими на солнцѣ, изразцами. — „Куда ни глянешь, вездѣ зелень, вода, стоги сѣна",—расписывалъ Манглай:—„въ садахъ бѣлая тутовая ягода, румяныя яблоки; на базарахъ горячія лепешки, баранина, медъ, а глиняные дома узбековъ — подъ старыми тѣнистыми, прохладными вязами..."

Офицеры слушали, глотая слюни.

Пѣшему Манглаю и двумъ его товарищамъ калмыкамъ, въ награду ихъ усердія и въ виду близкаго конца похода, Бековичъ подарилъ коней. Но едва отрядъ, съ надеждой утромъ двинуться далѣе, заснулъ, Манглай и его товарищи сѣли въ потьмахъ на дареныхъ коней—и ускакали въ степь.

— Дѣло не ладное!—заговорили старики:—струсили хана и затѣяли измѣну.

— Богъ вынесетъ,—утѣшалась молодежь:—куда нехристямъ справиться съ нами?

Въ вожаки похода сталъ давно просившійся на это дѣло, гилянскій туркменъ, Ходжа-Нефе́съ.

„Скоро-ли, ахъ, скоро-ли,—думалъ Касаткинъ, увидимъ на горизонтѣ мощный потокъ Индіи:—мутную въ горахъ, свѣтлую въ поляхъ, отторгнутую отъ нашего моря, рѣку-бродягу, Аму-Дарью?.. Исполнимъ ли завѣтный царскій приказъ?"

Чѣмъ далѣе, песчано-каменистые, крутые и обрывистые барханы, лежавшіе сплошными, гигантскими кучами мусора, стали понижаться. Мелькнули зелень, деревца. При подъемѣ на одинъ изъ холмовъ, надъ передовымъ отрядомъ поднялся орелъ.

„Не далеко жильё, живымъ запахло!" — заговорили въ войскѣ.

На зарѣ увидѣли стайку сайгаковъ, дикихъ козъ. Вдали, по равнинѣ, легкимъ взмахомъ ногъ, пробѣжалъ тощій, степной волкъ. Куцая собаченка Рябка, настороживъ по вѣтру носъ и окромсанныя уши, то и дѣло ворчала и лаяла, глядя въ ту сторону, куда скрылся волкъ. —„И на кого ты, чортова голова, заришься?"—толковали солдаты.— Межъ бугровъ поймали оборваннаго, коннаго хивинца, съ лукомъ и стрѣлами за спиной. Онъ, очевидно, слѣдилъ за отрядомъ. Его связали, узнавъ, что невдали—заливъ Аральскаго моря, Айбугиръ.

Собрали совѣтъ. Бековичъ отрядилъ къ хивинскому хану Ширгазы посла, съ сотней казаковъ, предварительными дарами и письмомъ: что онъ идетъ съ миромъ, для царскаго торговаго дѣла и прочихъ дружескихъ нуждъ. Припасы истощились.

У рѣки Аккулъ князя встрѣтили отвѣтные посланцы, съ дарами хана: конемъ, кафтаномъ и свѣжими, хивинскими овощами.

Война песку и травъ, безводья и воды—кончилась. Равнины весело зеленѣли. Терновникъ смѣнился клёномъ, букомъ, вязами.

Бековичъ разбилъ таборъ у озера Карагачъ.

Надъ широкимъ воднымъ плесомъ летали рыболовы, носились пчелоѣды, кулички. Воздухъ сталъ мягче, дышалъ пахучею, прохладною сыростью.

А тамъ, за озеромъ, въ желтыхъ, чуть покатыхъ, берегахъ, какъ бирюза въ золотой оправѣ, сверкали прегражденные плотинами разливы и плавни голубой Аму-Дарьи...

Не слышно болѣе жалобныхъ, получеловѣческихъ криковъ верблюдовъ. Горбатые труженики напились, и неслышно, подъ вьюками, шли мѣрною, мягкою пятой.

— Слѣдовало бы удвоить караулы, — сказалъ Франкенбергъ Бековичу: — глядите...

Князь взялъ подзорную трубу. Въ сѣрой, мглистой дали, на холмахъ, справа и слѣва виднѣлись страннаго вида люди, точно ястребы, слѣдя издали за отрядомъ.

— Пастухи,—отвѣтилъ Бековичъ:—а впрочемъ, не мѣшаетъ.

Былъ Успеньевъ день. Гребенскіе казаки утромъ пришли къ своему полковнику.

— Что вамъ?—спросилъ послѣдній.

— Рыбки, батюшка, позволь въ озерѣ половить... голодно...

— Ну, куда, черти?—сталъ отговаривать полковникъ,—до Хивы всего три-четыре перехода, налопаетесь вдоволь.

— Добрались, батька,—отвѣчали казаки, — вода немѣренная... а какъ понѣ два мѣсяца, выходитъ, порядкомъ не мывшись... ну, обувишка... портки...

Полковникъ отпустилъ казаковъ съ сѣтями.

Въ обѣдъ у Бековича шло обсужденіе съ офицерами, идти ли безъ остановки далѣе къ городу Хивѣ, или здѣсь, у Карагача, возвести по указу царя фортецію и начать переговоры съ ханомъ о пропускѣ пословъ и каравана въ Индію и о срытіи ближайшихъ къ озеру плотинъ Аму-Дарьи.

Совѣтъ длился до вечера. Онъ былъ прерванъ вѣстовымъ отъ гребенской сотни.

— Горе, батюшка-князь,—сказалъ вѣстовой.

— Что случилось?

— Мы это, значитъ, рыбки... тридцать человѣкъ пошли на озеро, —а *онъ* какъ вдаритъ, изъ камышей-то... страсть!

— Кто онъ?

— Богъ е зна... галдятъ, должно—хивинцы... видимо-невидимо...

— Ну?

— Однихъ побили изъ мушкетовъ, другихъ побрали въ полонъ...

— Много погибло васъ?

— Троечка только и осталась...

— Вотъ-те и миръ, и обмѣнъ даровъ! — сказалъ маіоръ Пальчиковъ: — не я ли говорилъ?

— Всѣ были смущены, напали на казацкаго полковника, тотъ пошелъ къ своимъ разбирать дѣло.

— Господа артиллеристы! — обратился Бековичъ къ Юрлову, Касаткину и другимъ офицерамъ: — выгружайте заступы, лопаты; разбивайте линію — надо рыть окопы, — ставить батареи...

На ночь огородились арбами, вьюками. Лошадей и верблюдовъ съ пастбища, по совѣту вожака-туркмена, согнали внутрь. Всю ночь шла земляная работа. Къ утру былъ вырытъ первый со стороны степи ровъ.

Къ вечеру слѣдующаго дня таборъ, съ трехъ сторонъ, былъ обведенъ рвами и насыпями. Съ четвертой онъ упирался въ озеро. Бѣлыя рубахи копошились, сновали, какъ муравьи.

— Что, землячекъ, какая *ему* за то будетъ управа? — спросилъ драгуна казакъ изъ молодыхъ, выкидывая изъ канавы красноватую глину на насыпь.

— Эхъ, погляжу я на тебя, — презрительно отвѣтилъ, окапывая уголъ бойницы, драгунъ: — не вышелъ ты.

— Чѣмъ не вышелъ?

— Да ихній-то ханъ чтò? ну, свиное ухо... не приметъ нашей вѣры, пропалъ... будетъ ему!..

— Чтò стали, черти? куда прешь? посторонитесь! — кричалъ на казаковъ драгунскій капралъ, таща по землѣ веревку, другой конецъ которой былъ въ рукахъ офицера: — сказано неучи, бородачи.

— А у тебя мочалка за дорогу не отросла? забылъ скоблить...

„Начинается! скоро будетъ настоящее дѣло...“ — думалъ Касаткинъ, ладя съ Юрловымъ передовую батарею и ощущая невольную, радостную дрожь, при мысли о близкомъ, давно жданномъ концѣ похода.

Подошелъ, отирая лицо, весь потный, усталый Тувалковъ.

— Чтò, други, — сказалъ онъ: — скоро у васъ будетъ готово?

— Ну, это, братъ не школьный парадъ, не Парижъ и не Амстердамъ, — отвѣтилъ, почесываясь, Юрловъ: — какъ видишь, насыпь кончаемъ; а надо еще плести заслоны, тащить пушки. А у тебя?

— Моя батарея крайняя къ озеру, — произнесъ, уходя, Тувалковъ: — у меня чтò! лоза и камышъ подъ рукой, заслоны сплетены, орудія уставлены, а кстати... и выкупаться можно.

Солнце начало садиться. Всѣ глядѣли на небо. Багровый, тусклый шаръ солнца, въ сухомъ туманѣ, казался тройнымъ кольцомъ. Люди крестились.

Вдругъ на краю лагеря раздались крики. На холмѣ у озера показалась пыль, бѣлѣли дымки выстрѣловъ. Надъ свѣжею насыпью просвистѣло нѣсколько пуль.

Офицеры побѣжали въ ту часть лагеря. Тамъ, у кибитки Тувалкова, смущенно стояли солдаты, и, на ходу снимая съ себя кафтанъ, туда ковылялъ старичекъ, отрядный медикусъ.

— Чтò здѣсь? чтò случилось? — спросилъ, проталкиваясь межъ солдатъ, Касаткинъ.

На войлокѣ въ кибиткѣ лежалъ его спутникъ по походу, плѣнный живописецъ-шведъ. Плѣнникъ не вытерпѣлъ, выскочилъ съ охотниками за ровъ, когда хивинцы стали снова стрѣлять отъ озера, и выпалилъ изъ мушкета. Его привели обратно блѣднаго, съ раздробленнымъ плечомъ. Докторъ, самъ бывшій вторую недѣлю въ лихорадкѣ и едва таскавшій ноги, принялся дрожащими руками раздѣвать и осматривать раненаго.

— Это, какъ жарнётъ онъ, разъ въ разъ!—вполголоса толковали у входа въ кибитку, съ озадаченными, вытянутыми лицами, солдаты:— ружьища у нихъ—вò, пули—вò...

— Испужался, братцы, и я, какъ несли его, страсть!—прибавилъ, оглядываясь куда-то въ уголъ кибитки, высокій есаулъ: — думалъ— раненъ, а онъ...

Касаткинъ, въ числѣ другихъ, замѣтилъ у двери блѣдное, съ строгимъ выраженіемъ, лицо своего деньщика, Апроньки. Тотъ тоже смотрѣлъ въ глубь кибитки.

На знакомой Алексѣю, чистенькой, купленной въ Астрахани, кошмѣ, головой на подушкѣ сѣдла, лежалъ плотный, и въ походѣ мало похудѣвшій, Тувалковъ. Его миловидное, женоподобное и нѣжное лицо, сильно-загорѣлое и обросшее бородой, было спокойно. Незакрытые, близорукіе глаза странно смотрѣли, изъ глубины кибитки мимо всѣхъ, въ распахнутую войлочную дверь. Руки безсильно были брошены по бокамъ лежавшаго.

— Чтò онъ?—тихо спросилъ голосъ Юрлова за спиной Касаткина.

— Убитъ на повалъ,—отвѣтилъ кто-то.

„Да,—подумалъ Касаткинъ, чувствуя, какъ защемило его сердце:— видно и впрямь, предстоитъ не одинъ тріумфъ и, несущій всякую шумную славу, променадъ".

Онъ пошелъ къ своей батареѣ. Не весь еще лагерь зналъ о бѣдствіи. У яицкой коновязи, въ лощинѣ, бесѣдовали пѣхотные офицеры, постарше.

— Ахъ, аргамаки у нихъ! видѣли?—толковалъ крайній изъ офицеровъ,—жеребцы-то?.. вотъ-бы отбить парочку такихъ аргамачкòвъ...

Ханъ Ширгазы долго колебался, не будучи въ силахъ объяснить истинной цѣли похода Бековича.

Вожакъ, калмыкъ Манглай, и ушедшіе съ нимъ товарищи, обогнавъ русскихъ, по-своему объяснили загадку хана. Съ ихъ прибытіемъ, все поднялось на ноги въ Хивѣ.

— Близится войско, значитъ—идутъ не посольствомъ, а войной,—толковали узбеки и муллы, — а что шлютъ дары и письма, то одна хитрость невѣрныхъ и обманъ...

Зашумѣли улусы и базары. Полетѣли во всѣ стороны гонцы.

Ширгазы собралъ, по однимъ, тридцать. по другимъ, до пятидесяти тысячъ коннаго и пѣшаго войска и встрѣтилъ Бековича у крайняго „бента“—плотины Аму-Дарьи, близъ озера Карагачъ.

IX.

Ожиданія.

Въ то время, когда отрядъ Бековича былъ еще на походѣ, изъ-за границы въ Петербургъ возвратилась жена Касаткина.

Авдотью Францовну сильно занималъ „любительный царскій парадизъ“, куда, по пути къ мужу, въ Астрахань, она завезла государынѣ письмо и подарки царя, уѣхавшаго передъ тѣмъ изъ Парижа въ Спа. Истомленная отъ долгаго морскаго переѣзда и волненій, исхудалая Касаткина отправилась съ посылками на мызу государыни, Петергофъ. Здѣсь ее осыпали разспросами о царѣ и заморскихъ новостяхъ, показали ей дворецъ, новый садъ и мызный огородъ, гдѣ сама государыня, недавняя нарвская плѣнница, любила, въ подражаніе мужу, полоть овощи и аптечныя травы и копаться въ землѣ.

Касаткина застала Екатерину съ лейкой, у посаженныхъ Петромъ дубковъ и липъ, въ пудромантелѣ, передникѣ и чепцѣ.

Въ это время въ окрестностяхъ Петербурга поспѣла ягода черника и всѣ обитатели новой резиденціи, въ томъ числѣ царица и ея фрейлины, были съ синими ртами и губами.

Пришелъ важный, разряженный въ шелкъ и кружева, женственно-красивый камергеръ Монсъ; за нимъ рыжій, въ веснушкахъ, камеръ-юнкеръ князь Гагаринъ. У нихъ, какъ замѣтила Дуня, были также синіе рты.

Но всѣ были веселы, оживлены, смѣялись и безъ умолку болтали, подъ вліяніемъ отличной, теплой погоды и общаго довольства.

Темнорусая, еще молодая, хотя замѣтно пополнѣвшая съ темнокарими глазами, ямочками на пухлыхъ щекахъ и вздернутымъ носи-

комъ, Екатерина приняла былую московскую знакомку отмѣнно-ласково.

— Кушайте, вотъ рюмочка! — говорила она съ сильнымъ акцентомъ, угощая Дуню сластями и виномъ, на крыльцѣ Монплезира, гдѣ присѣла выслушать грамотку мужа-царя.

Сынъ грознаго и жаднаго сибирскаго губернатора, щеголь и мотъ, камеръ-юнкеръ князь Гагаринъ съ трудомъ, вполголоса, прочелъ сильно-неразборчивыя, съ сокращеніями и титлами, торопливыя каракули Петра. Скрывавшая свою неграмотность, Екатерина, тѣмъ временемъ, перешептываясь съ фрейлинами, подбирала пучокъ цвѣтовъ. Фрейлины также вязали букеты.

Надъ однимъ мѣстомъ письма, гдѣ среди обычныхъ „корцвельвѳртовъ“ — остротъ Петра, были слова объ амурѣ и „скучающей верёвочкѣ“, — царица не выдержала и простодушно, звонко, до слёзъ расхохоталась.

„А доносимъ тебѣ, другъ сердешненькой“ — продолжалъ читать Гагаринъ: — „сего магазина будетъ съ насъ доволѣ, — крѣпыша двѣ фляги, — да король прислалъ погребъ ренскаго. Молодые въ очки не смотрятъ; значитъ, мы старики...“

— Очки! герръ-е! — опять разсмѣялась Екатерина, переглянувшись съ Монсомъ.

Фрейлины прыскали въ платки.

„За симъ поцѣлуй нововыѣзжаго шишечку-барабанщика и прочій нашъ потрохъ“ — дочитывалъ Гагаринъ привѣтствія шутника-отца царевичу и дочкамъ: — „Аннипьку-лапушку и разбойницу Лизабетъ... Да оснасти, матка многомышленная, обшей дѣвочекъ посылаемыми презенты. А помоля богодавца о здравіи, помысли и о приносительницѣ сего письма. Богу изволыпу, бѣглянка повѣнчалась и нынѣ, съ нашей воли, размахнула къ мужу въ Астрахань. Окажи ей въ дорогѣ фаворъ; зане, полагать надо, понадобится“.

Екатерина взглянула на Касаткину и здѣсь только замѣтила ея худобу и другія измѣненія въ ея наружности. Она подсадила Дуню къ себѣ, разспросила о ея романической свадьбѣ и при ней поручила Монсу просить сенаторовъ дать ей средства — скорѣе и благополучно доѣхать въ Астрахань.

Всѣ пошли въ гору, къ звѣринцу и фонтанамъ. По пути Екатерина опять заговорила съ Дуней, обращая къ ней вопросы о „фантанжахъ, агажантахъ“ и другихъ модныхъ парижскихъ уборахъ. У звѣринца гремѣлъ хоръ музыки. Свита разсыпалась у фонтановъ; одни играли въ воланы, другіе кормили попугаевъ, дразнили обезьянъ.

— Такъ онъ не въ командѣ у твоего отца? — спросилъ Монсъ игравшаго въ воланъ Гагарина.

— Нѣтъ, у Бековича,—отвѣтилъ тотъ.

Оба оглянулись на Дуню.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ придворныхъ, Касаткина узнала, что въ Индію, къ сказочному городу Иркеню, кромѣ южнаго отряда Бековича, двигался изъ Сибири, по Иртышу, другой, сѣверный отрядъ капитана Бухгольца. Здѣсь же отъ одной изъ фрейлинъ она впервые услышала и недавно-привезенную вѣсть о гибели въ Каспійскомъ морѣ жены и дочерей Бековича.

— Гдѣ же теперь Бухгольцъ?—спросилъ кто-то возлѣ Дуни Гагарина.

— Дошелъ до... постой, припомню,—отвѣтилъ князь:—до какого-то калмыцкаго озера, поставилъ тамъ фортецію и ждетъ подкрѣпленій.

— А Бековичъ?—рѣшилась спросить и Дуня.

— Недавно только двинулся изъ Гурьева,—отвѣтилъ, ловя воланъ и щурясь на нее, Гагаринъ.

— Кто же изъ нихъ кого предупредитъ?—спросилъ Монсъ.

— О, разумѣется, Бухгольцъ... Мой батюшка-князь въ томъ безъ сумнѣнія—важничалъ сынъ сибирскаго губернатора.

— А ты когда за-границу?

— Жду только денегъ...

Касаткина не весело возвратилась въ Петербургъ.

Ее мучили сомнѣнія, предчувствія; тяготила эта легкая, беззаботная веселость двора.—„Какъ! у вождя дальняго, опаснаго похода погибла семья, а они забавляются обезьянами, обливаютъ другъ друга изъ фонтановъ, какъ школьники!.. агажáнты, фантàнжи, каблуки...“

Невольно при этомъ Дунѣ вспомнились московскіе разсказы Арсеньевыхъ о былой Марѳѣ Сковорѳщенковой или Сковорѳцкой, по первому мужу, солдату Раабе, Трубачёвой, а теперь императрицѣ Екатеринѣ, — какъ она, проживая у бѣднаго чухонскаго пастора, обшивала, мыла и водила въ кирку его дѣтей, мела его комнаты и стирала бѣлье. Обвѣнчавшись съ рабыней-плѣнницей, по примѣру императоровъ Василія, Юстиніана и Ираклія, царь утѣшился новою семьей. Жаль было Дунѣ этого Петра семьянина, ея благодѣтеля. Многаго она наслушалась по пути изъ-за моря. Но то, что̀ узнала въ Петербургѣ и о чемъ шептали по его закоулкамъ, ее особенно огорчило.

Въ то время, когда новая государыня, въ крещеніи воспріемная дочь царевича Алексѣя, безпечно проживала на мызѣ, гуляя, слушая музыку и толкуя о нарядахъ и разныхъ пустыхъ новостяхъ, самому царевичу предстоялъ грозный разсчетъ съ отцомъ.

Вдовый Алексѣй, какъ говорили въ городѣ, схоронивъ жену, австрійскую принцессу, свелъ амуры съ дѣвкой Афросиньей, сталъ на сторону старцевъ, поповъ и другихъ недруговъ родителя, бросилъ ненавистный

отцовъ парадизъ и бѣжалъ въ чужіе края. Ненавистное племя первой, нелюбимой и ревнивой, постриженной царицы, Авдотьи, подняло всю желчь въ душѣ Петра. Ожидали страшныхъ бурь и потрясеній.

Развозя письма женамъ сановниковъ изъ свиты царя, Касаткина узнала послѣднія подробности о раздорѣ царевича съ отцомъ.

„Зѣонъ“!—писалъ сыну Петръ,—„обозряся на линію наслѣдства, горесть мя снѣдаетъ. Готовъ простить, только одумайся“.—За Алексѣемъ въ чужіе края были посланы сыщики. Его отыскали, но ничто не брало.—„Замерзѣлый нашъ звѣрь не хочетъ вспять“ — извѣщалъ оттуда сыщикъ Румянцевъ:—„онъ грозится, не устоять-де Петербургу, быть ему пусту. По вашей кончинѣ, мнитъ его оставить простымъ городомъ, кораблей не держать, а станетъ лѣто жить въ Ярославлѣ, зиму въ Москвѣ. И о матери-монахинѣ бѣглецъ извергаетъ съ чужой рѣчи крамольныя непотребныя словеса,—клобукъ-де не гвоздемъ прибитъ“.—„И во всемъ“—доносили сыщики:—„уповаетъ на поповъ и на чернь, будто днесь не безъ замѣшаній и на Низу... А тому, кто вѣшалъ и пласталъ, самому-де торчать на колѣ“...

„Того ли онъ ждалъ отъ собственнаго, первороднаго чада?—думала Касаткина, воображая себѣ острую, щемящую горечь и гнѣвъ Петра, который теперь, черезъ посредство Дуни, такъ простодушно шутилъ въ письмахъ къ новой своей семьѣ.

Касаткина располагала долѣе побыть въ Петербургѣ, отдохнуть и еще кое-кого навѣстить. Хваленая новая столица ей не понравилась. На-скоро сколоченные деревянные дома и домишки, вмѣсто мостовой — ряды бревенъ по болотистымъ улицамъ и площадямъ, кучи мусора, кабаки съ пѣснями и криками пьяныхъ матросовъ, марширующіе, нарядные, громаднаго роста, гвардейцы и толпы оборванныхъ, испачканныхъ известкой и глиной каменьщиковъ и землекоповъ — все это томило Дуню. Получивъ прогоны и охранный листъ отъ сената, она поспѣшила въ подмосковную къ Текутьевымъ, оттуда въ Астрахань.—„Что̀-то будетъ? чѣмъ-то кончится походъ?“—мыслила она, замирая, дорогою.

Первое нежданное нападеніе хивинцевъ на отрядъ Бековича, въ лагерѣ у Карагача, сочли за случайную попытку отдѣльныхъ бродячихъ степныхъ сорванцовъ.

— Не можетъ быть, чтобъ это было съ вѣдома хана,—утѣшали себя офицеры:—онъ высылалъ посольство, принялъ дары.

— Ёнъ что̀, ему воля!—толковали о хивинцахъ солдаты:—все ему подъ рукой,—и хлѣбушка, и всякій харчъ; а ты сиди за насыпомъ, хоть бы тебѣ баранинки... хлѣбушка, соли!.. на однихъ сухаряхъ...

Убитаго Тувалкова схоронили. На похоронахъ играла музыка и

стрѣляли изъ ружей. Бросивъ съ Текутьевымъ и Юрловымъ на свѣжую могилу товарища по горсти земли, Касаткинъ, сумрачный, разстроенный возвратился въ свою кибитку. Мѣсяцъ всходилъ поздно. Ночь была темная, безъ звѣздъ. Алексѣй прилегъ на бурку, но долго не могъ сомкнуть глазъ. Деньщикъ Апронька, вздыхая и прислушиваясь къ окликамъ часовыхъ, сидѣлъ на корточкахъ у двери, за кибиткой.

— Ты не спишь?—спросилъ его Касаткинъ.

— Гдѣ спать? таки ли дѣла?

— О чемъ думаешь?

Деньщикъ помолчалъ.

— Правда ли, сударь,—произнесъ онъ:—что царь нѣмцемъ сталъ?

— Какой вздоръ! изъ чего ты взялъ?

— Сказываютъ, Питеру сапоги позолотилъ, Москву въ лапти обулъ,—проговорилъ какъ-то грубо-укорительно Апронька.

— Неладное говоришь,—строго отвѣтилъ Касаткинъ, давно, впрочемъ, съ удивленіемъ замѣтившій, что простой народъ въ глуши, куда онъ попалъ, вовсе не радовался тому, чѣмъ онъ, Касаткинъ, такъ восхищался и былъ счастливъ.

— А куда и зачѣмъ это онъ вашу милость и всѣхъ шлетъ? — продолжалъ Апронька тѣмъ же укорительнымъ, несвойственнымъ ему, суровымъ голосомъ:—мало у него своихъ народовъ и земель? Понадобились бритоголовые, что̀ жеребятину жрутъ...

Касаткинъ даже приподнялся на буркѣ, вглядываясь въ дверь, за которою виднѣлись плечи и голова деньщика.

— Не ты ли со мной просился въ походъ?—сказалъ Алексѣй:— мать плакала, не боялся, что въ такія мѣста,—дальше, молъ, солнца не пошлютъ! Вотъ вы, мужики... всегда такъ...

— Плохо, сударь, мужичкамъ, ой, плохо!—произнесъ, пересаживаясь ближе къ порогу, Апронька, — не во гнѣвъ вамъ сказать, мы вотъ снялись, ну—ушли... а что̀ тамъ-то дѣется, дома? Ѣздятъ коммиссары, фискалы по селямъ, грозятъ,—не будете сносить денегъ въ казну, висѣлицы поставимъ, начнемъ вершить. А ужъ не нашъ ли братъ платитъ,—съ бань, дворовъ, мельницъ, пчелъ, со всего? А тутъ еще хлѣбушка недородъ, скотъ выпалъ, всякая тѣснота...

— Да вы же вотчинные?—удивился Касаткинъ:—какъ же васъ трогать?

— Всѣхъ таскаютъ—ладить пристани, дороги, рыть канавы... плати съ бабьяго тканья,—матушка послѣднюю коровёнку продала,—плати за долбленые гробы... Ты вотъ налетѣлъ, взялъ меня... а наша вся околица, какъ есть, на теплыя воды, къ черкесамъ сбиралась идти.

— Бѣжать, Апроня? что̀ ты! вѣдь это не ладно, грѣхъ!—сказалъ Алексѣй.

— Бѣгство нечестно, да здорово, — отвѣтилъ деньщикъ: — мы не калмыки, отсель не убѣжимъ, а дома—ой, тягота...

— Что же ты въ деревнѣ молчалъ? а бурмистръ расписывалъ...

— Бурмистръ? Какъ, сударь, ни мой чернаго кобеля, — бѣлымъ не станетъ.

Касаткинъ, услыша эти рѣчи, не могъ уснуть до утра. Ему вспомнились сборы въ Голландіи и въ Астрахани, общія надежды, ожиданія скораго и несомнѣннаго успѣха. Онъ съ мучительною болью перебиралъ мысли о Дунѣ, о предположенномъ отъѣздѣ которой на родину узналъ отъ Марьи Саввишны, находясь еще въ Гурьевѣ. Какъ доѣдетъ жена? да гдѣ она теперь? подоспѣетъ ли къ его возврату изъ похода?

Земляные окопы вкругъ лагеря къ утру на половину были готовы. Хивинцы не дали кончить начатыхъ работъ. Они снова и съ удвоенной силой напали въ полдень, ударили отбой и опять, съ воемъ и криками, повторили рядъ приступовъ.

Первые натиски были особенно отчаянные. Пушки, еще неприлаженныя и заслоненныя насыпями, не могли стрѣлять. За то пѣхотинцы стойко отбили всѣ приступы. Казаки стали проситься у Бековича на вылазку, въ погоню. Князь ихъ не пустилъ.

— Куда нашимъ голоднымъ, захудалымъ конямъ мѣряться съ ихъ скакунами!—сказалъ онъ казацкимъ полковникамъ:—дайте, возведемъ фортецію, лошади отдохнутъ,—будетъ всѣмъ вамъ дѣло... Да берегите харчи—на исходѣ...

Приступы возобновились на другой день и безъ перерыва длились до вечера.

— Господа морскіе поручики,—сказалъ Бековичъ, обходя работы: —скоро ли кончите батареи? у хивинцевъ ружья—самопалы, пушекъ, какъ видите, нѣтъ... Пора дать имъ, какъ слѣдуетъ, урокъ...

— Еще часъ-другой,—отвѣтилъ изъ окопа Юрловъ:—скоро встащимъ и пушки.

— А ваши?—спросилъ князь прочихъ офицеровъ.

— Моя готова,—отозвался Касаткинъ:—вотъ бы еще веревокъ... рвутся... да зарядовъ бы скорѣй.

Солнце стало спускаться за огромную, желто-сизую тучу. Озеро застлалось туманомъ. Край неба надъ холмами ярко пылалъ.—„Какъ тогда, при отъѣздѣ на Каспій"—пронеслось въ головѣ Бековича. Все на время притихло. Нападавшіе также смолкли, спрятавшись за барханами.

Усталые, потные, въ изорванныхъ рубахахъ, солдаты докидывали на батареяхъ Лебедева и Касаткина послѣднія лопаты земли. Драгуны на веревкахъ и обозной упряжи встаскивали чугунныя и мѣдныя орудія.

Бековичъ взошелъ на батарею Касаткина, бывшую въ правомъ, переднемъ углу. Онъ присѣлъ на насыпь. Кто-то сказалъ: „смотрите". Вдали, на холмахъ, опять клубилась пыль, чтò-то въ сумеркахъ двигалось.

— Молодцы,—сказалъ князь солдатамъ:—старайтесь, отпишу царю.

Онъ взглянулъ въ подзорную трубу, протеръ глаза и подалъ ее Алексѣю.

Съ батареи ясно была видна плоская у озера равнина, упиравшаяся въ стемнѣвшіе холмы. Изъ разсѣлины межъ холмовъ неслась прямо на окопы густая лавина хивинцевъ. Другой хивинскій отрядъ выскакивалъ изъ-за возвышенности справа, стремясь охватить укрѣпленіе сбоку и съ тыла.

Впереди перваго строя, какъ ясно разглядѣлъ Бековичъ, на высокомъ, черно-пѣгомъ аргамакѣ, въ кругу узденей, скакалъ въ желтомъ кафтанѣ, съ заломленной на затылокъ бѣлой папахой, огромнаго роста всадникъ.

„Самъ Ширгазы!" — подумалъ съ дрожью Бековичъ, объявивъ офицерамъ, чтобъ выждали скакавшихъ на выстрѣлъ.

Пушкари стали на батареяхъ къ орудіямъ. Князь обернулся къ Касаткину, хотѣлъ ему чтò-то сказать.

Въ это мгновеніе по небу, надъ укрѣпленіемъ, показалась стая спугнутыхъ хивинцами журавлей.

Бековичу припомнилось прощаніе на морѣ, уплывшая барка.

— Въ середину!.. видишь?—крикнулъ онъ Касаткину:—въ желтаго.

Алексѣй уже нацѣлилъ пушку. Въ его мысляхъ также пронеслось недавнее былое, — государево испытаніе, пальба въ цѣль. Его рука, какъ и тогда, дрожала.—„Счастье, отвернешься ли ты отъ меня?"— подумалъ онъ, взявъ у пушкаря и опуская на затравку фитиль.

Выстрѣлы грянули. Загудѣли ядра. Картечь засвистѣла по рядамъ налетавшихъ подъ самую насыпь. Переполохъ хивинцевъ былъ неописанный. Передній и боковой ихъ отряды остановились, смѣшались и, тѣсня, опрокидывая другъ друга и подхватывая убитыхъ и раненыхъ, бросились въ разсыпную. Мушкеты пѣхотинцевъ затрещали по ближайшимъ, сбившимся рядамъ. Груды тѣлъ безобразными кучами укрыли поле.

„Что же это? ужели успѣхъ"—съ забившимся сердцемъ, подумалъ Касаткинъ.

— Ура!—раздалось за насыпью. Гребенскіе казаки, вопреки приказу князя, не вытерпѣвъ, выскакивали изъ окоповъ въ догонку за разбитыми и въ безпорядкѣ убѣгавшими толпами хивинцевъ.

— Побѣда, побѣда!—перекликались офицеры,—а? каковъ отпоръ? виватъ!

Бековичъ не спускалъ подзорной трубы съ холмовъ, куда бѣжали отступавшіе. Глядѣлъ туда въ поданную трубу и Касаткинъ.

Огромный, на пѣгомъ конѣ, желтый всадникъ, какъ ясно еще виднѣлось въ той сторонѣ, былъ невредимъ. Онъ спокойно, медленнымъ шагомъ, въѣзжалъ на чуть бѣлѣвшій въ сумеркахъ барханъ, вправо и влѣво разводя руками, очевидно отдавая новыя приказанія.

— А все-таки онъ, извергъ, сломленъ, побѣжденъ! — сказалъ Бековичъ офицерамъ, указывая на кучи хивинскихъ тѣлъ, валявшихся по стемнѣвшей равнинѣ.

Ширгазы также ясно и безповоротно понялъ, что онъ разбитъ на голову.

Главные пособники хана были убиты или ранены. Ихъ отряды въ ту же ночь бросились по домамъ. Остальные узбеки едва сдерживали бунтующую орду.

— Урусъ чортъ, вырываетъ на краю поля цѣлые ряды!—говорили хану, въ паническомъ ужасѣ отъ пушечныхъ залповъ, хивинцы.

— Иди къ ихъ вождю, клади знамя,—твердили старшины,—онъ заколдованъ нечистою силой... пропадутъ наши семьи и дома...

Разбитый, истомленный неудачнымъ, трехдневнымъ боемъ, ханъ созвалъ ночью совѣтъ.

Его таборъ и ставка, съ обозомъ, располагались за холмомъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ укрѣпленія Бековича. Оттуда межъ бугровъ виднѣлись бивачные русскіе огни, слышались радостные крики и пѣсни побѣдителей. Лазутчики дали знать хану, что на утро Бековичъ отрядилъ, въ обходъ ему, весь казачій отрядъ, съ конными орудіями.

„Отбилъ столько тысячъ войска, разгромитъ и недальнюю Хиву!“— думалъ Ширгазы о князѣ, сидя въ ставкѣ, въ кругу смущенной свиты и старѣйшинъ.

Его голова была обнажена. Потъ крупными каплями катился съ бритаго, сизаго черепа. Еще моложавое, смугло-скулистое лицо было неподвижно. Въ небольшихъ, гнѣвно бѣгавшихъ глазахъ хана выражалось тупое недоумѣніе и страхъ.

„Цѣлыми рядами, рядами“—мыслилъ Ширгазы, вспоминая, какъ отъ русскихъ ядеръ и картечи валились лучшіе, храбрѣйшіе изъ приведеннаго войска.

Совѣтъ длился за полночь. Всѣ громко спорили, старались и не могли рѣшить главного, роковаго вопроса: зачѣмъ именно пришелъ въ ихъ землю Девлетъ-Гильдей-Бековичъ, съ русскими, и какъ ихъ заставить уйти назадъ.

Передъ утромъ въ ставку къ хану позвали изъ обоза дряхлаго ханскаго казначея, бухарца Досимъ-бея, разумника и смѣлаго на слова.

Казначея ввели къ хану подъ руки. Онъ едва ступалъ слабыми

дрожащими ногами. Его тощія руки висѣли, съ четками, какъ плети; нижняя челюсть—очевидно отъ чрезмѣрнаго употребленія хашиша—безобразно отвисла. Жизнь теплилась только въ его полузакрытыхъ, точно сонныхъ, небольшихъ глазахъ. Съ нимъ вошелъ огромнаго роста, въ зеленомъ шелковомъ халатѣ, главный оруженосецъ хана.

— Спасай, совѣтуй, какъ побѣдить невѣрныхъ?—сказалъ казначею ханъ:—главные измѣнники—вожди ушли отъ насъ, съ войскомъ; собираются и другіе трусы... да не ругайся... знаю тебя...

— Зачѣмъ ругаться, ты нашъ господинъ,—отвѣтилъ, садясь и ворча, бухарецъ:—только русскихъ ты не побѣдишь...

— Почему?

— Слушай... Я былъ слугой твоему отцу и дядѣ, и тебѣ, молодому, помогъ стать ханомъ... Видишь, откуда пришли невѣрные!.. ничего не испугались...

— Лучше бы ты, собака, и не являлся, съ такими псиными рѣчами,—не стерпѣвъ, раздражительно сказалъ и гнѣвно плюнулъ ханъ.

— Погоди, господинъ, лаяться, дослушай. Глупые русскіе, какъ всѣ великодушные и гордые, довѣрчивы... понялъ?.. ну, начни съ ними переговоры...

— Какъ, чтобы я первый просилъ мира? унизился?—вскрикнулъ ханъ и, бросивъ взглядъ на стражу, схватился за саблю.

Зеленый оруженосецъ подвинулся къ казначею. Тотъ, будто не видя угрозы, еще болѣе закрылъ сонныя вѣки, перебирая четки и чуть шевеля отвислыми губами.

— Погоди, дуракъ, не пыли,—проговорилъ казначей, помолчавъ:—ходила молода по воду, не побереглась на пути,—ни воды, ни чести... А слушай старика... Старикъ говоритъ, начни переговоры, охуждай, бракуй пословъ, — не умны они, непонятны!—и замани къ себѣ въ таборъ князя...

Бухарецъ опять помолчалъ.

— Вождь въ рукахъ, все войско въ рукахъ,—заключилъ онъ:—что, теперь понялъ?.. Ну, все сказано...

„А вѣдь старый чортъ—правъ!"—подумали въ одно слово ханъ и его совѣтники.

X.

У воротъ Хивы.

— Конецъ, други, конецъ! мы у воротъ Хивы!—радостно говорили офицеры, собравшись у ставки маркитанта-перса, гдѣ какимъ-то чудомъ явились опять припасы,—кирпичный чай, разные плоды, напитки и табакъ.

— Ишь, бритый пёсъ,—говорили о ловкомъ торговцѣ солдаты:— не даромъ галдѣлъ по-своему съ плѣнными,—тутъ кровь лилась, а онъ добылъ всего...

Штабъ раздѣлился на двѣ части.

Во главѣ боевого офицерства стояли начальники двухъ пѣхотныхъ полковъ, майоры Франкенбергъ и Пальчиковъ. Эти совѣтовали преслѣдовать хана, добить его и, въ конецъ разсѣявъ его орду, предписать миръ на площади Хивы.

Другіе, въ томъ числѣ туркменъ, вожакъ отряда, хранитель каравана, фискалъ Званскій и смѣнившій раненаго провіантмейстера, грекъ-дворянинъ Экономовъ, указывали на истощеніе съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ и намекали, что если ханъ попроситъ пощады,—слѣдуетъ здѣсь же заключить миръ.

— И во всякомъ случаѣ,—прибавилъ поборникъ второго мнѣнія, богатый армянинъ, стольникъ Замановъ:—отвореніе свободнаго пути въ Индію произошло; теперь отъ Хивы рукой подать въ Балхъ, Паміръ, Бодохшанъ...

Утромъ, послѣ разгрома хивинцевъ, къ Бековичу, съ повинной головой, явились новые ханскіе послы. Они просили пощады.

— Не вѣрю,—сказалъ Бековичъ:—вы ныньче даете слово, завтра его нарушаете...

Послы стали клясться за хана и за весь народъ, что Хива желаетъ на-вѣки остаться съ русскими въ дружбѣ и не питаетъ къ нимъ вражды.

Князь далъ слово отсрочить дальнѣйшій походъ, если ханъ немедленно начнетъ переговоры о мирѣ. Но едва уѣхали послы, по казакамъ, въ тотъ же день, опять стрѣляли у водопоя.—„На конь, на конь!"— раздались крики по лагерю, куда привезли раненыхъ. Отрядъ зашумѣлъ, задвигался конными и пѣшими.

Ханъ не далъ разыграться новой стычкѣ. Изъ его отряда, махая бѣлымъ тюрбаномъ, прискакалъ зеленый оруженосецъ съ извѣщеніемъ, что въ русскихъ друзей самовольно стрѣляли ослушные, уже схваченные, хивинцы.

— Пришли свидѣтелей,—сказалъ князю гонецъ, гордо поглядывая на него черными наглыми глазами:—велишь, будутъ казнены...

Посланные отъ Бековича казаки, товарищи раненыхъ, и деньщикъ Касаткина дѣйствительно видѣли, какъ по ханскому лагерю, будто бы въ наказаніе, водили двухъ какихъ-то оборвышей, на веревкахъ, продѣтыхъ одному въ ухо, другому въ ноздрю.

— Что, Проня, насмотрѣлся?—спросилъ вечеромъ Юрловъ, проходя мимо кибитки Касаткина.

— Не похоже на замиреніе,—отвѣтилъ Апронька, сердито ладя барину постель.

— Что́ же они?

— Молчатъ треклятые, да такъ смотрятъ зло... точно съѣсть хотятъ...

— Ничего, Пронюшка, разсчитаемся...

Душная войлочная кибитка опять не дала покоя и сна Касаткину. Онъ безпрестанно просыпался, бредя и опять погружаясь въ тяжелую, тревожную дремоту. Ему грезилось нападеніе, отбитое наканунѣ: ревъ ядеръ, визгъ картечи и пестрые въ халатахъ всадники, съ пиками въ рукѣ и съ залитыми кровью, кривыми ятаганами въ зубахъ, налетавшіе и бившіе смѣлыхъ защитниковъ. Алексѣю особенно вспомнилась свалка части казаковъ съ отступавшими хивинцами, какъ трое изъ замедлившихся халатниковъ крючьями тащили съ сѣдла заскакавшаго впередъ майора Пальчикова и какъ майоръ, отбиваясь, взмахомъ сабли, снесъ одному изъ хивинцевъ половину лица.

Изъ-подъ распахнутой двери кибитки, въ блѣдномъ мерцаніи разсвѣта, виднѣлись конусы другихъ кибитокъ. Алексѣй вышелъ вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. Подъ колесами, близъ стоявшей арбы, раздавался тяжелый, прерывистый храпъ раскинувшагося на землѣ, измореннаго дневною суетой, Апроньки. Гдѣ-то поодаль, у коновязи, тихо, точно всхлипывая, разговаривали двое пѣхотинцевъ.

— Ахъ, братецъ ты мой, говорилъ одинъ изъ нихъ:—вотъ душегубы; у нихъ, сказываютъ, ни суда, ни милости... поймаютъ, разсѣкутъ тебѣ пятки и набьютъ волосомъ,—по-вѣкъ чтобъ не ушелъ... а то—откормятъ, съѣдятъ...

— Мать, сыра-земля! на край свѣта дошли,—причитывалъ другой голосъ:—это, какъ померъ человѣкъ, и куда его душенька дѣнется? Али она на небѣ, али мается, тошнёхонько ей на землѣ?..

Касаткинъ возвратился въ кибитку, накинулъ кафтанъ и, съ яснымъ представленіемъ о возможности гибели, мученій, смерти, съ жаждой отстоять молодую, угрожаемую жизнь, пошелъ къ княжей ставкѣ.

Начало свѣтать.

Бековичъ, также одѣтый, ходилъ взадъ и впередъ передъ ставкой. Въ его рукахъ была бумага. Онъ поглядывалъ вдаль, гдѣ къ холмамъ по равнинѣ двигались двѣ какія-то тѣни. Мысли князя были смущены. Въ нихъ неотходно стояли картины далекаго прошлаго,—дѣтство, кавказскія горы, плѣнъ матери и сестеръ, убитый въ набѣгѣ отецъ, жизнь въ голицынской подмосковной, ученіе въ чужихъ краяхъ, ласки царя, свадьба, счастье и недавнее, страшное горе.

„Да за что́ же, за что?“ — говорилъ себѣ князь:—„за что́ эта гибель? и чѣмъ я у Бога виноватъ?“

— Пора бить зорю, походъ! — сказалъ, подойдя къ князю, Касаткинъ.

Бековичъ вздрогнулъ.

— Не примѣтилъ я тебя,—произнесъ онъ.

— Медлить нечего,—продолжалъ Касаткинъ:—осмѣлюсь совѣтовать, идти дальше и кончать.

— Поздно,—мрачно проговорилъ Бековичъ.

— Какъ поздно? только свѣтаетъ, войско ждетъ.

— Ханъ ночью опять прислалъ нарочныхъ—условиться о мирѣ. Я согласился... вонъ они ушли...

— Но вѣдь врагъ не положилъ оружія, въ конецъ не истребленъ. Подождать бы... простите—какъ же не созвавъ совѣта?

— Совѣтъ тутъ я самъ,—твердо произнесъ Бековичъ:—помнишь? черезъ тебя же сказано,—думать о торговлѣ,—мы завоеватели, купцы... да и припасы на исходѣ...

Спорить дальше было нечего. Касаткинъ замолчалъ. Сошлись другіе офицеры. Въ лагерѣ узнали, что миръ окончательно принятъ. Послѣ пересылки нѣсколькихъ новыхъ посланцевъ съ той и другой стороны, былъ исполненъ вторичный, болѣе торжественный, обмѣнъ даровъ.

Ханъ прислалъ Бековичу гнѣдого коня, кафтанъ „изарбàтный“, нѣсколько халатовъ, саблю и новыхъ овощей, съ дружескимъ приглашеніемъ—лично пожаловать для переговоровъ.

— Дары бѣдноваты!—толковали въ русскомъ лагерѣ:—ханъ плутуетъ, или ихъ земля такъ жалко бѣдна...

— Довольно путали наши послы,—сказалъ князю ханскій посланецъ:—лучше обо всемъ договариваться и условиться лично; ты же посолъ царя, для того сюда и отряженъ...

Офицеры окружили Бековича.

— Какъ?—заговорили они:—ужли поѣдете?

— Поѣду...

— Вы побѣдитель и вы же первый поѣдете на ханскій зовъ?—не отставали офицеры: — опомнитесь! ихъ дѣло, не наше, просить милости, класть къ ногамъ побѣдителя знамена. Ихъ ханъ, не вы, долженъ первый явиться...

Бековичъ молча слушалъ возгласы офицеровъ, глядѣлъ на ихъ загорѣлыя, обвѣтренныя лица, и, казалось, не понималъ ихъ горячности, споровъ.—„И что имъ? изъ-за чего такъ настаиваютъ?“—думалось ему:—„они цѣлы, невредимы. А тамъ, въ морѣ...“—Красныя и синія рубашечки не покидали его мыслей...—„Папочка, папочка!“—слышалось ему:—„слона приведи, тигра!“

— Погубятъ васъ, предадутъ! — кричалъ передъ княземъ весь красный, взволнованный Франкенбергъ:—вы извините меня... давно знакомы... ну, и походъ, братство...

— Да гдѣ же ваши глаза?—приставалъ храбрый, отличившійся

въ бояхъ со шведами и съ турками, майоръ Пальчиковъ:—доведите дѣло до конца, не губите даромъ себя, насъ и нашихъ семей...

„Охъ, да что же имъ, чего хотятъ?"—растерянно удивлялся Бековичъ, слѣдя ходъ иныхъ, затаенныхъ, болѣе ему понятныхъ и мучительно сладкихъ мыслей:—„да! именно въ ту минуту, въ часъ побѣды, я видѣлъ напророченныхъ ею журавлей... Близъ ихъ столицы —та сказочная, многоводная рѣка—тамъ увижу чайку..."—Онъ нѣсколько мгновеній помедлилъ, выпрямился. Лицо его было спокойно, глаза смотрѣли строго.

— Готовить и наши, окончательные дары!—объявилъ Бековичъ хранителю каравана, Званскому:—я лично повезу хану царскую грамоту. Тамъ подпишется мирный договоръ.

Позвавъ походнаго брадобрѣя, татарина Алтына, побрившись и причесавшись, Бековичъ надѣлъ парадный, преображенскій кафтанъ и сѣлъ на гнѣдого, ханскаго коня. Онъ былъ въ странномъ, лихорадочномъ возбужденіи, точно хмѣльной.

Въ сопровожденіи стольника Заманова, хранителя даровъ—Званскаго, Экономова, вожака-туркмена, Касаткина, Юрлова и семисотъ казаковъ, съ музыкантами и съ распущеннымъ краснымъ знаменемъ, Бековичъ, сдавъ остальной отрядъ подъ охрану Франкенберга и Пальчикова, направился къ хивинскому войску.

Сто пѣхотинцевъ, съ церемоніей, несли торговые, царскіе дары хану: куски цвѣтныхъ суконъ, сахаръ, соболи, серебряныя блюда и тарелки, парчу. Драгуны вели сохраненный съ великимъ трудомъ цугъ темно-сѣрыхъ, присланныхъ Петромъ изъ-за моря фрисландскихъ жеребцовъ, запряженныхъ въ позолоченную карету, и верховаго вороного коня, подъ расшитымъ жемчугами алымъ бархатнымъ чепракомъ. Званскій подумалъ: „что имъ, нехристямъ, все отдавать!" и на всякій случай поубавилъ даровъ, назначенныхъ хану.

Хивинскій отрядъ ожидалъ русскаго посла за холмами, въ сборѣ, на коняхъ.

Съ приближеніемъ русскихъ, хивинцы разступились, молча посматривая на пышное шествіе русскихъ.

— Точно ястребы глядятъ на пташекъ!—сказалъ Юрловъ Касаткину.

Ханской ставки Бековичъ въ хивинскомъ отрядѣ не нашелъ. Будто не зная о вызовѣ посольства, ханъ передвинулся далѣе. Къ вечеру князь, провожаемый хивинскимъ войскомъ, настигъ хана. Свиданіе, за темнотою, было отложено до утра. Бековичу отвели особую ставку. Ночью онъ снесся съ остальнымъ своимъ отрядомъ. Тамъ все было на-сторожѣ. Франкенбергъ и Пальчиковъ расположились на пушечный выстрѣлъ отъ хивинцевъ. Казачьи лошади были не раз-

сѣдланы, пѣхота подъ ружьемъ, пушки выставлены впередъ. Изъ ханскаго шатра были видны русскіе сторожевые огни, слышались оклики часовыхъ.

— Чтб, Максимушка, худо или хорошо? — спросилъ Касаткинъ князева деньщика: — ты съ княземъ былъ въ походахъ. Чего ждать? какъ думаешь?

— Было бы, Алексѣй Ильичъ, счастье, а дни впереди,— отвѣтилъ Максимъ, чистя и снаряжая запыленную князеву аммуницію: — погляжу и я на князя, — и чтб съ нимъ дѣлается? ѣздили мы съ княгинюшкой въ монастырь, молились... охъ, помоги, Боже!.. солнце свѣтитъ на благіе и злые...

Двадцать-второго августа произошло первое свиданіе Бековича съ ханомъ. Въ памяти Касаткина и прочихъ свидѣтелей до мелочей врѣзался этотъ день и всѣ его событія.

Долго прирожденный сынъ азіатской, вольной степи и былой черкесъ, съ крещеніемъ принявшій европейскіе обычаи и видъ, смотрѣли другъ на друга.

Бековачъ съ достоинствомъ вошелъ, въ треуголѣ и при шпагѣ, въ ханскій шатеръ. Онъ молча подалъ хану царскую грамоту, съ печатью и золотымъ шнуромъ, и сѣлъ рядомъ съ ханомъ. Ширгазы не принялъ грамоты, а указалъ ее старшему муллѣ. Тотъ взялъ и, стоя, вслухъ прочелъ приложенный къ грамотѣ хивинскій переводъ.

Въ подлинной грамотѣ значилось: „Хивинскихъ и юргенскихъ земель начальнику—нашего царскаго величества поздравленіе и привѣтъ. Изобрѣли мы за благо послать къ тебѣ нашего посла, для общей пользы и нужнѣйшихъ дѣлъ. И тебѣ бы, хану, принять его, посла, по его чину и достоинству, и тому, еже онъ тебѣ предложитъ, вѣру яти и давъ рѣшеніе, его—полномочнаго нашего посла—съ удовольствіемъ отпустить“.

— Ты посломъ отъ бѣлаго царя?—спросилъ Ширгазы, не глядя на князя.

Бековичъ отвѣтилъ. Переводчикомъ служилъ востроносый, добродушный и сильно встревоженный, дворянинъ-грекъ Экономовъ.

— А зачѣмъ ты сталъ строить крѣпости въ моихъ владѣніяхъ?

— Въ какихъ?

— У Каспійскаго моря, оно мое... да и здѣсь, въ Карачагѣ. ты надѣлалъ насыпей и прорылъ ровъ...

— Мы укрѣпились послѣ твоихъ нападеній,—отвѣтилъ князь:—ты началъ стрѣлять первый и прежде, чѣмъ я успѣлъ къ тебѣ дойти...

— А почему ты шелъ съ такой силой? — друзья ходятъ съ товарами, и безъ пушекъ.

— Не будь пушекъ, не довезъ бы тебѣ и царскихъ даровъ.

— Ну, полно спорить, — вмѣшался сидѣвшій тутъ-же ханскій казначей: — эка, горячки! давай баранину; помирились, надо ѣсть и пить.

Бековичъ потребовалъ утвержденія и подписи заявленныхъ мирныхъ условій.

Вошли главные узбеки.

— Соглашаешься-ли, — спросилъ Бековичъ; — содержать вѣчную дружбу съ царемъ?

Ханъ утвердительно кивнулъ головой.

— Пропустишь-ли русскаго купца въ Индію? дашь ли намъ нужныхъ припасовъ? дозвольшь ли срыть плотины Аму-Дарьи?

— Согласенъ,—отвѣтилъ и на эти вопросы ханъ.

— Присягай,—объявилъ Бековичъ.

Экономовъ перевелъ это слово. Ханъ смотрѣлъ на грамоту, будто не слыша или не понимая сказаннаго.

— Присягай,—повторилъ Экономовъ.

Ханъ злобно на него взглянулъ и далъ рукой знакъ муллѣ.

Былъ принесенъ коранъ. Ширгазы, старѣйшины, узбеки и ханская свита цѣловали священную книгу. Всѣ клялись въ вѣчной дружбѣ и покорности царю. Бековичъ поцѣловалъ снятый съ своей груди крестъ, благословеніе покойной княгини, давъ это поцѣловать и прочимъ офицерамъ.

— А теперь угощеніе, — сказалъ казначей, поднимая пологъ и указывая князю и его провожатымъ другое отдѣленіе шатра.

Здѣсь на узорныхъ кошмахъ былъ разставленъ обѣдъ.

— Не сердись—ты меня напугалъ, я и собралъ войско, — сказалъ ханъ князю за обѣдомъ: — какъ закусимъ, — пойдемъ, конь съ конемъ, въ мою столицу...

— А подписать договоръ!

— Это сейчасъ кончимъ, — отвѣтилъ Ширгазы: — поле битвы за тобой, значитъ, я у тебя въ гостяхъ. Пойдемъ и ко мнѣ, — ты посолъ,—всего два-три перехода...

Бековичъ согласился. Оба отряда, попрежнему, въ виду другъ друга, двинулись къ Хивѣ.

— Косы-то у этихъ хивинокъ и сартокъ! косы! — говорили молодые офицеры; — представь, Захаровъ, густыя, длинныя, и ей-Богу лоснятся, какъ вороново крыло...

— Да что, есть восхитительныя... вонъ, Замановъ говорилъ, онъ видѣлъ прежде...

— Эхъ, но какъ-бы при томъ да хоть бы парочку аргамачкòвъ,— толковали офицеры постарше:—вотъ бы рай...

— А чтò?

— Да въ Казани, други, или въ Москвѣ за этакого можно взять полтысячи...

Черезъ аральскія пашни и урочище, старую Хиву, оба войска на другой день пришли къ извилистой, въ камышахъ и плавняхъ, рѣкѣ Порсу.

Здѣсь мѣстность была уже ровная, видимо плодородная и населенная. Попадались тѣнистыя древесныя насажденія, оросительныя канавы, жилища изъ глины, минареты, съ разноцвѣтной, блестѣвшей на солнцѣ поливой. Видны вдали стада верблюдовъ и овецъ. Дорога шла вдоль рѣки.

День насталъ пасмурно-знойный и тихій. Изрѣдка въ камышѣ срывался вѣтеръ, крутя мелкій прибрежный песокъ, точно его взметала нетерпѣливая лапа хищнаго звѣря. Снова наступила обѣденная пора.

— Слушай,—вдругъ сказалъ ханъ въ дорогѣ Бековичу:—вижу, у тебя мало припасовъ, да и въ моей столицѣ не хватитъ кормовъ для всего твоего войска.

— Какъ же быть? — спросилъ, выходя изъ задумчивости, князь.

— Вотъ что̀ я придумалъ, — произнесъ ханъ: — кромѣ Хивы у меня еще четыре города... Раздѣли свой отрядъ на части, — я дамъ провожатыхъ. Узбеки еще успѣютъ до ночи развести по близости твоихъ конныхъ и пѣшихъ.. Всѣ будутъ сыты и у тебя подъ рукой.

— Подумаю, — нехотя отвѣтилъ, какъ-бы что̀-то соображая, князь.— „Провизіи мало, мало“ —сказалъ онъ себѣ.

Князь, не останавливаясь, послалъ о предложеніи хана извѣстить Франкенберга и Пальчикова. Тѣ наотрѣзъ отказались дѣлиться на части.

— Передай князю,—сказалъ Франкенбергъ посланному:—съ силой пришли, съ силой надо и доканчивать походъ.

Ханъ видѣлъ сношенія, колебанія русскихъ. Онъ подтянулъ поводъ коня, поѣхалъ тише.

— Однако, дары ты мнѣ поднесъ дранные, не цѣльные,—сказалъ онъ князю, какъ-бы мимоходомъ.

— Какъ дранные?

— Сукна хорошія,—продолжалъ ханъ:—посланы цѣликомъ, а ты ихъ переполовинилъ.

Бековичъ взглянулъ на Званскаго.

— Это твое дѣло! — проговорилъ онъ: — въ сто глазъ за вами, губители, смотри—успѣлъ и здѣсь... Что не предупредилъ?

— А съ чѣмъ было бы возвращаться, отдаривать за миръ?—спокойно возразилъ Званскій:—карманы у нихъ дырявые.

— Ну, Юрловъ, и ты, Текутьевъ,—сказалъ Бековичъ:—ѣзжайте къ майорамъ и объявите имъ послѣдній мой приказъ. Не раздѣлятся, не послушаютъ, наряжу, по артикулу, военный судъ. Развѣ не видятъ, что припасы на исходѣ?—Бѣда!

Посланные уѣхали. Ширгазы далъ знакъ къ привалу. Всѣ сѣли закусывать. Бековичъ ни до чего не дотрогивался. Зной пасмурнаго, сѣро-пепельнаго дня становился нестерпимъ. Тамъ и сямъ, вдоль рѣки, точно сами собой поднимались вертящіеся столбы песчаной, бѣлой пыли. Налетѣлъ, колыша камышъ и вскрывая полы шатровъ, порывистый, бурный вихорь.—„Крѣпи приколы! береги коней“,—раздались, среди хивинцевъ, русскіе казачьи голоса.

Вѣтеръ стихъ. Стало еще душнѣе.

Въ концѣ обѣда къ Бековичу въ шатеръ возвратились посланные офицеры.

— Вашъ приказъ исполненъ, — объявили они: — войско раздѣлилось и уже уводится въ указанныя мѣста узбеками.

Бековичъ выглянулъ изъ ставки.

— Смотри,—сказалъ онъ хану:—и это твое желаніе исполнено.

Изъ шатра были видны облака пыли. Пѣхота, драгуны и казачьи полки, съ остатками обоза, тянулись по равнинѣ длинными рядами, сверкая на выглянувшемъ солнцѣ штыками и пушками. Еще простымъ глазомъ можно было узнать отдѣльныя части, различить коннаго отъ пѣшаго.

„Мать пресвятая Богородица, помилуй!“—тихо проговорилъ кто-то изъ казаковъ, державшихъ у шатра лошадей.

— А въ нихъ, треклятыхъ, пальнуть бы, вдарить по всѣмъ! — прибавилъ тамъ-же чей-то голосъ громче.

Въ шатеръ, мимо Бековича, чуть не задѣвъ его плечомъ, дерзко вошелъ и, нагнувшись, сталъ что̀-то говорить хану пріѣзжавшій наканунѣ въ лагерь, огромнаго роста, зеленый оруженосецъ. Отъ него, какъ замѣтилъ Касаткинъ, пахнуло чѣмъ-то прянымъ, остропахучимъ.

Мысли князя сбивались, рѣяли безъ числа.—„Шепчутся, переглядываются... Пальнуть бы, ударить въ нихъ“,—вдругъ подумалъ и онъ: —„а что̀? вѣдь не поздно... я могъ бы еще дать знакъ, успѣть...“

Ширгазы быстро всталъ и вышелъ изъ шатра. Вкругъ него, какъ видѣлъ Бековичъ, на площадкѣ столпились старѣйшины, уздени. За шатромъ раздался хриплый, надтреснутый звукъ трубы; ей отвѣтили, будто по условію, другія трубы.

— Вотъ привезенная тобою грамота,—сказалъ ханъ, оглядываясь и показывая Бековичу царскій листъ, съ печатью и золотымъ шнуромъ.

Бековичъ вышелъ изъ шатра.

— Ты меня обманулъ, — произнесъ ханъ, разрывая грамоту и топча ее желтыми туфлями: — съ караваномъ ввелъ войско.

— Измѣна! — закричали офицеры, выхватывая сабли и бросаясь одни къ князю, другіе къ лошадямъ: — измѣна! на конь! бей сборъ!

Касаткинъ вскочилъ на лошадь, поданную деньщикомъ. — „Подтя-

нуть бы подпругу... эхъ, сударь, дѣло-то!" — прошепталъ блѣдный Апронька, трясущимися руками придерживая стремя. Алексѣй удивился, не слыша сигнальнаго барабана. Все мертвенно стихло. На площадкѣ что-то возилось, мелькали свои и чужія лица, руки, спины.

Прижатый съ конемъ къ толпѣ нахлынувшихъ халатниковъ, кого-то вязавшихъ въ свалкѣ, Касаткинъ, какъ и другіе офицеры, былъ мигомъ отдѣленъ отъ князя. Съ того мѣста, гдѣ онъ очутился, видна была часть площадки.

Бековича хивинцы не трогали. Онъ спокойно съ гордымъ достоинствомъ, молча сидѣлъ на конѣ. Его лицо было смертельно блѣдно, губы вздрагивали. Строгіе, впалые глаза презрительно смотрѣли на происходившее, какъ-бы ничего не видя.—„Вотъ оно, оправдалось!"— въ ужасѣ, замирая, подумалъ Касаткинъ.

Тамъ, гдѣ кого-то вязали, раздались отчаянные, дикіе вопли. Касаткинъ, черезъ головы близъ стоявшихъ хивинцевъ, увидѣлъ хана. На площадкѣ, у шатра, былъ разостланъ большой красный платъ.

Ширгазы, съ заломленной назадъ папахой, что-то кричалъ, размахивая руками. У его ногъ, на красной разостланной ткани, съ обнаженной головой и въ одномъ бѣльѣ, стоялъ связанный хранитель каравана, Званскій.

Два узденя, справа и слѣва, рубили его саблями по окровавленнымъ плечамъ и головѣ...

Бековичъ схватился за шпагу, далъ шпоры коню.

— Злодѣй! что ты?—крикнулъ онъ хану.

Толпа преградила князю дорогу, но онъ пробился къ хану. У ногъ послѣдняго, раскинувъ руки, лежало обезглавленное, залитое кровью тѣло Званскаго.

— Бековичъ! князь!—послышался новый, раздирающій душу голосъ:—царскій ты посолъ и вождь! ужли не видишь?..

Бековичъ оглянулся. Ханскіе слуги вели къ шатру связаннаго, бившагося и упиравшагося ногами, стольника Заманова.

— Что же твоя надпись на знамени, отрожденный князь, побѣдитель странъ?—продолжалъ кричать Замановъ.

Блѣдный, дрожащій Бековичъ стоялъ рядомъ съ ханомъ.

— Что ты дѣлаешь, звѣрь? опомнись!—проговорилъ онъ: — Экономовъ, переведи ему... ты клялся, я царскій посолъ... Явятся новыя силы... отомстятъ...

Бековичъ не договорилъ. Стоявшій сзади его, приземистый, широкоскулый оборвышъ - сартъ съ размаха ударилъ его чеканомъ по головѣ.

Съ князя слетѣла преображенская, съ галуномъ и золоченой бляхой, треуголка, и самъ онъ, какъ снопъ, свалился съ коня.

Офицеры бросились на выручку князя, окружили его, подняли. Ханъ еще медлилъ. На площадку ввалилась новая, что́-то кричавшая толпа. Съ сѣделъ сняли связанныхъ, въ окровавленныхъ тряпкахъ на головѣ, Франкенберга и Пальчикова. Офицеровъ сняли, опять оттѣснили къ шатру. Слышался раскатистый, гортанный и въ носъ сердитый голосъ хана.

Князь опять очнулся, открылъ глаза. Передъ нимъ, на площадкѣ лежало нѣсколько новыхъ обезглавленныхъ тѣлъ, въ томъ числѣ — Пальчиковъ, Франкенбергъ и оба княжіе брата.

Самъ Девлетъ-Гильдей-Бековичъ, раздѣтый, какъ послѣдній отрепышъ-невольникъ, стоялъ на колѣняхъ, на залитомъ кровью платкѣ, у той же ставки, гдѣ еще такъ недавно его угощали.

Кровь съ раскроенной головы крупными, теплыми каплями падала на хмурое, блѣдное, гордое лицо князя и на его красивые, негодующіе глаза.

Ханъ, подбоченясь, съ усмѣшкой, глядѣлъ мимо плѣнника на путь къ Хивѣ, гдѣ еще ясно виднѣлись, въ клубахъ пыли, ряды уходившихъ войскъ.

Бековичъ не понималъ словъ хана, съ трудомъ соображая то, что̀ дѣлалось вкругъ него, и удивляясь, почему онъ связанъ и зачѣмъ рядомъ съ нимъ, въ зеленомъ халатѣ и бѣломъ жгутѣ огромной чалмы, молча стоялъ знакомый ему оруженосецъ хана.

Князю отъ шатра былъ виденъ край плёса синѣвшей, въ рамѣ камышей, рѣки Порсу́, бѣлые пески, новые плёса и камыши.

Надъ рѣкой, въ этотъ мигъ, въ теплой вечерней синевѣ показалась на широкихъ, мягко махавшихъ крыльяхъ, бѣлая, точно плывшая, чайка.

Бековичъ вспомнилъ море, прощаніе, барку. — „Вотъ она“, — подумалъ онъ, съ тихою, сладкою дрожью: — „вотъ, гдѣ увидѣлъ...“

Стоявшій о-бокъ съ нимъ, зеленый хивинецъ взмахнулъ кривымъ ятаганомъ.

Къ ногамъ хана скатилась голова полномочнаго царскаго посла.

Касаткинъ куда-то рванулся. Его схватили чьи-то руки. — Баринъ, баринъ!“ — слышались откуда-то, въ общей свалкѣ, знакомые, жалобные крики.

XI.

Плѣнники.

Весь отрядъ Бековича былъ перевязанъ, ограбленъ и поголовно истребленъ.

Войсковой обозъ, пушки, одѣяніе, тѣла и головы начальниковъ увезли въ Хиву.

Небольшая кучка плѣнныхъ уцѣлѣла въ таборѣ одного изъ узбековъ. Ихъ нѣкоторое время берегли, такъ какъ измѣнившіе калмыки указали на нихъ, какъ на искусныхъ пушкарей и вообще тѣмъ или другимъ полезныхъ въ захваченной добычѣ. Между послѣдними были Касаткинъ и Юрловъ, старичокъ-врачъ, живописецъ-шведъ и кое-кто изъ прислуги. Плѣнныхъ гнали пѣшкомъ въ Хиву.

Близилась ночь. Изнемогая отъ жажды, со связанными за спину руками, Касаткинъ шелъ не вдали отъ Юрлова и сперва съ нимъ переговаривался. Вскорѣ онъ впалъ почти въ безсознательное забытье, едва двигая усталыми ногами и не видя, какъ садилось солнце, какъ они миновали нѣсколько хивинскихъ поселковъ и спустились въ долину. Ему мерещились сборы въ Астрахани, какъ офицерскія жены снаряжали мужей и какъ старая нянька Бековичей, укладывая бѣлье и посуду князя, все толковала: — „Смотри же, князинька, вотъ это сорочки новыя,—сама княгиня шила,—а вотъ это старыя,—привези и ихъ... Да паче глаза кружечку береги—столько годовъ изъ нея во здравіе пили...“—„Пили!“—съ судорожной дрожью думалъ Касаткинъ, ища глазами хоть каплю воды.

Плѣнные сильно задерживали провожатыхъ. Въ позднія сумерки, у какого-то ручья, ѣхавшій впереди узбекъ придержалъ коня, пропустилъ мимо себя навьюченныхъ грудой добычи всадниковъ, подозвалъ ближайшаго изъ стражи и указалъ ему на отсталыхъ.

Нѣсколько конныхъ отдѣлились и, какъ бы чего-то ища по стемнѣвшей дорогѣ, заѣхали назадъ къ ручью. Раздался залпъ ружей. Бо́льшая часть плѣнныхъ повалилась на песокъ.

Хивинцы, размѣстивъ на сѣдлахъ остальныхъ, понеслись далѣе вскачь. Всѣ спѣшили не опоздать къ побѣдному возврату остального войска въ Хиву.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, ханъ торжественно въѣхалъ въ столицу. Впереди его, на копьяхъ, несли головы Бековича, Франкенберга и другихъ русскихъ начальниковъ. Народъ съ криками толпился на площадяхъ и улицахъ. Женщины разстилали передъ ханомъ цвѣтныя ткани; муллы кричали привѣтствія изъ мечетей. Весь день ханскіе вершники рыскали, съ кровавыми трофеями, по городу.

Къ ночи Ширгазы велѣлъ головы казненныхъ воткнуть на шестахъ у висѣлицы, близъ аральскихъ воротъ. Кожи, снятыя съ замученныхъ вождей, набили сѣнной трухой, одѣли въ мундиры и поставили, въ видѣ стражи, у тѣхъ же воротъ.

Голову Бековича ханъ послалъ въ даръ бухарскому эмиру.

— Вѣрно, вашъ ханъ людоѣдъ,—сказалъ старикъ эмиръ прискакавшему гонцу: — вези этотъ даръ обратно; такъ не поступаютъ съ гостемъ и посломъ...

Новые и часть прежнихъ плѣнныхъ ожидали рѣшенія своей участи. Ихъ, въ числѣ сорока человѣкъ, вывели въ слѣдующій день на базарную площадь. Ханъ, окруженный знатью, выѣхалъ туда же на конѣ, полученномъ въ даръ отъ царя. Площадь гудѣла ликующей толпой. Къ столбу привязали очередныхъ. Ждали главнаго муллу. Уздени обнажили ятаганы. Приведенный подъ руки ханскій казначей держалъ народу рѣчь. Отворилась мечеть. Оттуда вышелъ дряхлый, бѣлобородый, старшій мулла, ахунъ.

— Остановись!—сказалъ онъ хану:—нѣтъ тебѣ благословенія. Ты заманилъ шедшихъ съ посольствомъ, клялся на коранѣ и преступилъ клятву.

— Это его обочли добычей,—объявилъ ближнимъ казначей:—что̀ его слушать!

Народъ покорно смолкъ.

— Образумься, — возвысивъ голосъ, продолжалъ хану мулла: — пощади остальныхъ; ты не видѣлъ, я видѣлъ сонъ... прійдутъ изъ-за моря новыя рати... кровь невинныхъ будетъ звать объ отомщеніи въ роды родовъ...

Ширгазы отмѣнилъ казнь. Плѣнные были розданы ближней ханской свитѣ и распроданы въ рабство въ Коканъ, Кашгаръ, Тибетъ и другія мѣста.

Деньщикъ Бековича, Максимъ, очнулся, послѣ залпа въ плѣнныхъ, на берегу ручья. Была ночь. Онъ лежалъ навзничъ у дороги. Свѣтилъ полный мѣсяцъ. Пахло сыростью, болотными травами. Его мучила жажда. Онъ ощупалъ себя. Кромѣ легкой раны въ ногу, чувствовалась еще боль отъ сквозной раны въ плечо. Понявъ, что онъ былъ въ безсознаніи отъ потери крови, Максимъ подползъ къ водѣ, промылъ обѣ раны, обложилъ ихъ травой и обвязалъ разорваннымъ бѣльемъ.

До слуха Максима донесся тихій, подавленный стонъ. Между пристрѣленными плѣнными былъ еще одинъ живой, или умирающій. Максимъ поползъ на голосъ. Онъ разглядѣлъ убитыхъ Юрлова и Апроньку. Возлѣ нихъ, на пескѣ, головой къ камышу, лежалъ еще кто-то блѣдный, окровавленный, съ закрученными на спину руками.

— Максимушка,—проговорилъ знакомый, обрывавшійся голосъ:— ты ли?

— Я, сударь...

— Подними... охъ... дай пить...

То былъ Касаткинъ. Максимъ зачерпнулъ въ пригоршню воды, напоилъ, развязалъ и посадилъ Алексѣя.

— Думали-ль?—говорилъ, всхлипывая, старикъ:—сюда, батюшка, ножку, сюда ручку, вотъ такъ.

— Я раненъ въ грудь,—произнесъ черезъ силу Касаткинъ:— врядъ ли переживу... вотъ тутъ, стой, въ камзолѣ... тише... листочки, граматки... Я, Максимушка, женатъ...

— Знаемъ, отецъ родной... князь сказывалъ...

— Коли спасешься... увидишь... отдай ей листки и вотъ этотъ перстень, ея даръ... Не примѣтили изверги... помоги снять... запухла рука...

Алексѣй не договорилъ. Вдали по дорогѣ послышался конскій топотъ. Скакали опоздавшіе съ добычей грабители.

— Господь васъ, батюшка, спасетъ! — прошепталъ Максимъ, бросаясь въ камышъ:—не отзывайтесь, авось, не примѣтятъ, уйдутъ...

Касаткинъ ждалъ приближенія всадниковъ. Мысли безъ числа роились, пробѣгали въ его головѣ. Отчего онъ такъ странно уцѣлѣлъ, въ общей, кровавой рѣзнѣ? Отчего раненъ теперь? Ему представлялась площадка передъ ханскимъ шатромъ, знойный день, запахъ крови и страшный, мокрый, красный платокъ. И все ему теперь казалось далекимъ, конченнымъ, а вмѣстѣ отраднымъ и легко-объяснимымъ.— „Вотъ она, неразгаданная, непонятная прежде смерть... и гдѣ?.. все кончено!..“

Въ ушахъ Алексѣя отдавалась пушечная пальба, визжали на разные голоса пули, слышались, послѣ того, отбитаго нападенія, сердитые, съ бранью и проклятіями, стоны раненыхъ и умирающихъ.— „Ишь, дьяволы, не перемѣнятъ тряпки... вся въ крови“...—вспоминалъ онъ бредъ красиваго и бойкаго, бѣлокураго солдата.—„Дымкито, жарятъ!.. важно... охъ, щеголи!..“ — говорилъ въ бреду другой, смертельно-раненый солдатъ, черноволосый и строгій съ виду, изъ бывалыхъ:—„имъ, треклятымъ, первый сухарь... вѣдь у насъ какъ?..“

Алексѣй силился вспомнить еще что-то: Парижъ, Дуню, Петра...

Всадники остановились у берега, сошли съ коней. Они, очевидно, примѣтили Максима въ ручьѣ. Подъѣхавшіе какъ бы разсуждали, спорили, удивлялись. Потомъ раздались сердитые оклики, угрозы. Максимъ, забравшись далѣе въ плавни, притаился. Хивинцы было пустились въ воду, шлепая въ потемкахъ, пробуя глубину и оступаясь. Наконецъ все затихло.

Разсвѣло. Туманъ клубился по ручью. Максимъ выглянулъ изъ камыша: берегъ былъ пустъ, убитыхъ, очевидно, подобрали. У дороги бродилъ только брошенный, съ переломленной ногою, чей-то издыхавшій верблюдъ.

Двое сутокъ Максимъ скрывался въ плавняхъ. На третій день онъ не вытерпѣлъ отъ голода, вылѣзъ на дорогу. Его подобралъ толстый и сытый, ѣвшій какую-то вкусную лепёшку, поселянинъ-хивинецъ, везшій на базаръ арбу дынь. Оглядѣвъ еще дюжій станъ

раненаго, онъ посадилъ его съ собою, далъ ему ломоть лепёшки и повезъ, посмѣиваясь, указывая вдаль и повторяя какія-то ободряющія слова. При въѣздѣ въ городъ, онъ его ловко спряталъ подъ дыни.

Плѣнные въ то время были уже прощены. Максимъ, у аральскихъ воротъ, увидѣлъ еще торчавшія на шестахъ головы казненныхъ. Княжей головы онъ тамъ не призналъ и сперва обрадовался,—головы у висѣлицы были съ бородами, а князь передъ гибелью обрился.

Вскорѣ всѣ узнали и объ участи князя.

Первую вѣсть о гибели всего отряда Бековича принесли въ Астрахань осенью того же 1717 года.

Эту вѣсть сперва доставили въ Гурьевъ, потомъ астраханскому коменданту, четверо случайно ушедшихъ плѣнныхъ. Ихъ имена сохранились въ бумагахъ того времени. Это были: яицкій казакъ Емельяновъ, юртовскій татаринъ, брадобрѣй Алтынъ, гребенской казакъ Бѣлотелкинъ и спрятанный знакомыми сартами, послѣдній вожакъ похода, туркменъ Ходжа-Нефесъ.

Послѣ опроса въ Астрахани и въ Казани, ихъ на ямскихъ отправили немѣшкотно въ Петербургъ. Здѣсь передъ сенатомъ, а потомъ въ присутствіи самого царя, они передали, за скрѣпой своихъ рукъ, что̀ видѣли и знали—о несчастномъ концѣ индѣйскаго похода.

Вылеченный новымъ хозяиномъ, Максимъ былъ обмѣненъ на другого раба, изъ персовъ, попалъ къ іомудамъ, оттуда къ текинцамъ, а отъ послѣднихъ, въ какомъ-то набѣгѣ, ушелъ въ Тюбъ-Караганскую крѣпостцу. Отсюда онъ отплылъ, съ комендантомъ Фандервидденомъ, когда послѣдній, въ октябрѣ 1717 года, рѣшилъ возвратить въ Россію голодавшій за моремъ гарнизонъ.

Буря разбила плохо оснащенныя суда Фандервиддена. Отрядъ провелъ зиму въ устьѣ Куры. Въ морѣ и во время зимовки, отъ недостатка продовольствія и одежды, отрядъ на половину погибъ. Остальные возвратились въ Астрахань только въ слѣдующемъ 1718 г.

Здѣсь въ домѣ овдовѣвшей Марьи Саввишны Франкенбергъ, Максимъ, кромѣ княжихъ сыновей, нашелъ и больную, чуть не обезумѣвшую отъ горя и тщетныхъ надеждъ, Касаткину. У Дуни, лѣтомъ минувшаго года, въ Астрахани родился сынъ, Петръ.

— Живъ ли онъ? живъ ли, не томи?—ломая руки, допытывала Дуня Максима, какъ допытывала прошлой осенью первыхъ плѣнныхъ.

Максимъ, какъ могъ, разсказалъ о послѣднемъ свиданіи съ Алексѣемъ.

— Лежали чуть живы,—перстенька и бумагъ не успѣли снять,—говорилъ онъ:—а утромъ гляжу,—ихъ уже нѣтъ...

— Но какъ же ты, какъ послѣ не добился, не узналъ?—неистово приставала Дуня.

— Самъ, государыня, моя, убей Богъ, двое сутки мокъ въ водѣ, индо распухъ,—оправдывался деньщикъ:—а куда дѣли, не токмо убитыхъ, а и живыхъ, въ тѣ смертные дни не у кого было и допросить...

Мученія Касаткиной были невыносимы.—„Ну, тѣхъ несчастныхъ порѣзали, пострѣляли"—разсуждала она:—„ихъ жены, семьи о томъ доподлинно извѣщены... А мой?.."

Она плакала и терзалась, не зная, чтò дѣлать, служить ли о мужѣ молебны или панихиды?

— Нѣтъ, онъ живъ, живъ!—безумствовала она, твердя своей сожительницѣ:—смотри, Маша! возвратилось столько человѣкъ, татары, казаки и даже княжій деньщикъ... Что, если гдѣ-нибудь и онъ, бѣдный, томится, ждетъ воли?

Изъ ума Дуни не выходилъ перстень.—„И тутъ что-нибудь да значитъ",—повторяла она, бродя какъ тѣнь, ночи на пролетъ, по комнатамъ подруги:—„зналъ бы, сердечный, что смерть близка ужъ осилилъ бы себя, переслалъ бы, не оставилъ бы жениной памяти на поруганіе извергамъ".

Касаткина надумала дѣло.

Она распродала, какія были, вещи, собрала денегъ и, какъ ни возражала Марья Саввишна, поѣхала съ ребенкомъ въ Петербургъ.

„Благодѣтель-царь положилъ гдѣ-то въ банкѣ, какъ сказываютъ, на мое имя, не малую сумму денегъ,—рѣшила она:—„всѣ до последней полушки истрачу, отпрошусь съ голландскими купцами и,—хоть мýки, смерть приму,—пущусь на поиски"...

Мыслямъ Петра объ Индіи и о торговлѣ съ Азіей суждено было встрѣтить рядъ неодолимыхъ препятствій.

Почти одновременно съ вѣстью о гибели отряда Бековича, въ Петербургъ пришли донесенія и о неудачѣ сѣвернаго отряда.

Капитанъ Бухгольцъ, по пути къ тому-же сказочному Иркѐню, дошелъ до соленаго Ямышъ-озера и заложилъ тамъ, какъ и Бековичъ у Карагача, крѣпость. И его отрядъ былъ плохо снабженъ продовольствіемъ, еще хуже одѣтъ и вооруженъ. Питались полу-сгнившими сухарями, негодной солониной, а подъ-часъ дикими кореньями. Въ отрядѣ развилась повальная цынга.

Узнавъ о бѣдственномъ положеніи русскихъ, калмыцкій контайшà, съ десятью тысячами войска, окружилъ и осадилъ Бухгольца, отнялъ шедшій съ припасами, отъ губернатора Гагарина, опоздавшій караванъ и, послѣ кровавой стычки, заставилъ голодающее русское войско

отступить. Бухгольцъ, на восемнадцати, кое-какъ сбитыхъ, дощаникахъ, отплылъ обратно къ устьямъ Оми.

„Не радуютъ пособники на Востокѣ!"—мыслилъ Петръ:—„а ужъ я ли на нихъ не надѣялся, ихъ не баловалъ, не отличалъ!"

Царь видѣлъ самоотверженіе и храбрость солдатъ, отвагу и стойкость отдѣльныхъ командировъ, и угадывалъ, что всему виною—стоявшее въ сторонѣ главное начальство, вѣдавшее снаряженіемъ и обезпеченіемъ войскъ.

Поручикъ Кожинъ, открыто бросившій отрядъ Бековича, по пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ отданъ подъ военный судъ. Напророченная имъ гибель отряда оправдала его поступокъ. Его продержали въ крѣпости и выпустили. Петру въ то время было не до него.

Давно уже шли особенно дурныя вѣсти о строптивомъ и жадномъ сибирскомъ губернаторѣ, князѣ Матвѣѣ Петровичѣ Гагаринѣ.

Бывшій нерчинскій воевода, потомъ президентъ сибирскаго приказа и нѣкоторое время московскій комендантъ, князь Матвѣй Гагаринъ управлялъ въ послѣднія семь лѣтъ Сибирью, въ качествѣ ея губернатора. Никто не смѣлъ жаловаться на самовластнаго, богатаго князя. Сильные охотно съ нимъ дѣлились; мелкіе боялись и взглянуть на пышнаго сатрапа, творившаго безпощадную расправу и судъ не только надъ инородцами, но и надъ своими.

Началось съ разоблаченій маленькаго и задорнаго, присланнаго въ Сибирь, чиновника, провинціальнаго фискала Нестерова.

Не боясь княжей грозы, смѣлый нравомъ и словомъ—Нестеровъ донесъ царю, что Гагаринъ ведетъ дѣла вообще не чисто: отправляетъ въ Китай, подъ видомъ государевыхъ, собственные товары и вымогательно, съ угрозами, беретъ непомѣрныя взятки съ купцовъ и винныхъ откупщиковъ. Онъ извѣщалъ, что купцы, отъ придирокъ и безторжицы, совсѣмъ оскудѣли, и что сибирскій губернаторъ, запрудивъ губернію своими родичами и свойственниками, первый потатчикъ всѣмъ грабителямъ и ворамъ.

„И давно бы тебѣ, государь, присылали отсюда просительныя письма", —выразился Нестеровъ:—„да боятся,—княжій сынъ женатъ на Шафировой, а его дочка за Головкинымъ. Я же, аки утлый надъ морской бездной пловецъ, надѣюсь токмо на тебя, да на великаго общаго кормщика и богатодавца, святителя Николая".

Царь подъ рукою далъ знать Нестерову, что ждетъ отъ него дальнѣйшихъ, откровенныхъ указаній. Нестеровъ ободрился и сообщилъ, что Гагаринъ, забывъ присягу и всякій стыдъ, бралъ на себя и продавалъ казенный хлѣбъ, въ томъ числѣ не мало припасовъ, заготовленныхъ для войска—въ индѣйскій походъ, а чтобъ скрыть это воровство, забросилъ или сжегъ подрядныя, счетныя книги.

Это переполнило мѣру терпѣнія Петра. Не сбылись предположенія объ Индіи, приходилось отказываться и отъ видовъ на Китай.

Государь довѣдался, что самоуправецъ-князь дерзнулъ даже присвоить себѣ золотыя и алмазныя вещи, взятыя въ китайскій торгъ изъ собственныхъ комнатъ государыни, а узнавъ о посланныхъ на него доносахъ, въ свое спасеніе будто задумалъ и еще болѣе смѣлое дѣло: отторженіе подъ свою власть Сибири изъ подданства Россіи.

1718-й годъ былъ особенно тяжелъ для Петра. Въ это время въ Москвѣ происходилъ небывалый, грозный судъ, изъ полутораста высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, надъ привезеннымъ изъ Неаполя, бѣглымъ царевичемъ Алексѣемъ. Подъ предлогомъ участія въ этомъ судѣ, Петръ, въ числѣ другихъ, вызвалъ въ Москву и сибирскаго губернатора.

Польщенный новымъ почётомъ, князь Матвѣй Гагаринъ, не задумываясь, явился на зовъ, участвовалъ въ разборѣ дѣла и съ прочими товарищами скрѣпилъ своею подписью смертный приговоръ надъ царскимъ сыномъ. Но едва царевичъ кончилъ жизнь, Петръ объявилъ строгое слѣдствіе надъ самимъ Гагаринымъ.

Разборъ этого дѣла, съ отписками, запросами, очными ставками и разными волокитами, устроенными друзьями князя, длился около трехъ лѣтъ. Не спасли сибирскаго губернатора ни его высокій, почетный санъ, ни нажитыя въ управленіи губерніей несмѣтныя богатства. Улики были собраны важныя, неотразимыя.

Князь Матвѣй Петровичъ, однако же, не унывалъ. Надѣясь на припрятанныя средства, а главное—на знатное родство и связи, онъ во всемъ заперся.

Петръ попытался обѣщать князю свое снисхожденіе, если тотъ добровольно покается. Жадный старикъ сталъ клясться, что на него взводятъ напраслину и что онъ не виноватъ ни въ чемъ. Тогда ему объявили пытку и дважды вздернули его на дыбу. Кнутъ развязалъ княжій языкъ.

Гагаринъ взмолился и объявилъ, что готовъ принести полное покаяніе, но лично самому царю.

Это было въ іюнѣ 1721 года.

Авдотья Францовна Касаткина, по возвращеніи въ 1718 году изъ Астрахани въ Петербургъ, обратилась къ государю съ челобитной—ссудить ее средствами къ отысканію мужа, безъ вѣсти пропавшаго въ Хивѣ.

Долго Петръ не соглашался изъявить согласіе на поѣздку Дуни. Она обратилась къ государынѣ. Та не нашла возможнымъ просить за нее. Въ это время изъ Астрахани пришла вѣсть, что тамъ появился нѣкій туркменъ, доподлинно увѣрявшій, что у какого-то узбека, въ

Хивѣ, онъ видѣлъ перстень, схожій съ перстнемъ Алексѣя, и что эта вещь была добыта съ плѣнникомъ, котораго узбекъ продалъ, какъ знающаго пушечное дѣло, въ Кашгаръ.

— Онъ, онъ! — твердила Дуня, скитаясь по сановнымъ домамъ Петербурга.

Петръ рѣшилъ уважить просьбу своей питомицы. По его приказу, снеслись съ англійскими и голландскими купцами, имѣвшими торговыя дѣла съ Индіей. Отъ имени Касаткиной была обѣщана награда шкиперу, который узнаетъ и сообщитъ достовѣрныя свѣдѣнія о пропавшемъ безъ вѣсти плѣнномъ. Свѣдѣній не приходило.

Дунѣ было выдано пособіе изъ ея приданаго. Оставивъ сына у знакомыхъ, она въ концѣ 1719 года отправилась въ чужіе края.

Проживая въ Амстердамѣ, Ливерпулѣ и другихъ приморскихъ, голландскихъ и англійскихъ городахъ, Касаткина посѣщала торговыя и консульскія конторы, печатала авизы о розыскѣ мужа, и съ трепетомъ встрѣчала каждый, приходившій съ востока, корабль.

Осенью 1720 года, въ одной изъ голландскихъ газетъ, явилось письмо врача, случайно заброшеннаго въ Остъ-Индію.

Описывая роднымъ посѣщеніе Лакнаура, гдѣ отъ повальной желтой горячки вымерло множество жителей и чуть не вся семья владѣтельнаго раджи, врачъ прибавилъ слѣдующія строки: „Болѣзнь проникла и въ Дели. Ее туда занесли богомольцы, шедшіе въ Мекку. Между ними, по слухамъ, скрывается бѣжавшій черезъ Тибетъ и Кашемиръ, нѣкій артиллеристъ, изъ отряда русскаго царя. Проданный хивинцами, онъ нѣсколько лѣтъ находился гдѣ-то въ горахъ, перерядился въ одежду, какую носятъ богомольцы — посѣтители Мекки, прошелъ съ ними въ Индію и, заболѣвъ, также находится въ Дели. Я ѣду туда... Всѣхъ занимаетъ появленіе необычнаго, по сю сторону Гималаевъ, гостя,—воина далекаго сѣвернаго царя“.

Дуня обезумѣла отъ радости. Собравъ все, что уцѣлѣло изъ ея средствъ, она послала въ Индію, въ Лакнауръ, деньги на имя врача, для передачи мужу, если тотъ живъ, а сама уѣхала въ Петербургъ, узнавъ о болѣзни сына.— „Взойдетъ мое солнце, вѣрю я“ —написала она въ Астрахань Марьѣ Саввишнѣ: — „я въ Питеръ. и онъ тамъ,— засіяетъ, освѣтитъ мою тьму“.

Но прошли мѣсяцы, снова цѣлый годъ. Объ Алексѣѣ не приходило вѣстей.

Въ Петербургъ въ это время пріѣхалъ изъ Парижа прежній искатель руки Дуни, Кононъ Зотовъ. Въ немъ пробудились былыя мысли. — „Не обрѣтется мужъ“,—думалъ онъ: — „это ясно; сразила горячка... Кого же ей, въ такомъ разѣ, избрать въ товарищи жизни, какъ не прежняго искателя и хранителя дней“?

XII.

Гость.

Императоръ Петръ, узнавъ о желаніи князя Гагарина принести ему лично повинную, рѣшилъ къ нему заѣхать въ Петропавловскую крѣпость.

Это было въ половинѣ іюня 1721 года. Погода въ Петербургѣ стояла ясная, теплая. Близился вечеръ. Колокола тихо позванивали къ вечернѣ. Нева была покрыта судами. Весело рѣяли на мачтахъ пестрые вымпела́. Большой, синій съ бѣлымъ, флагъ покачивался на тяжеломъ голландскомъ бригѣ, подъѣхавшемъ въ тотъ день съ моря и выгружавшемъ товары у биржи Васильевскаго острова.

Петръ возвращался Невкой съ порохового завода, бывшаго на Петербургской сторонѣ, за Колтовской. Тяжело было царю думать о заѣздѣ въ крѣпость, о спросѣ виновнаго князя. Предстояли темныя, незавидныя откровенія, желчь негодованія, гнѣвъ. Петръ вспомнилъ о крошечномъ домикѣ, съ садомъ, на берегу противъ Петровскаго острова, и велѣлъ сидѣвшему у руля деньщику Василію ѣхать туда. Тамъ у вдовы кузнеца, булочницы, проживала съ сыномъ Касаткина.

Государь давно не видѣлъ Дуни. Онъ зналъ ея напрасныя ожиданія, ея муки и, скорбя о ней, размышлялъ, какъ бы устроить судьбу ея сына.

Плескъ веселъ и мѣрное покачиванье катера навели Петра на болѣе мягкія мысли о Гагаринѣ. Внутренній голосъ шепталъ ему, что не все же въ зломъ, погибшемъ человѣкѣ карать; что нерѣдко, какъ и въ данномъ случаѣ, могутъ еще представиться неожиданные поводы къ помилованію, даже къ забвенію невольныхъ, навѣянныхъ грубостью нравовъ, грѣховъ. — „Но есть подозрѣніе на лицепріятіе защиты и корысть судій“ — подумалъ Петръ: — „что-то не въ мѣру сильно усердствуютъ слѣдователи — офицеры, а съ ними князь Яковъ Долгорукій и не разъ, уже попадавшійся, съ нечистой стороны, Данилычъ... Ужли опять подкупъ? Гдѣ же послѣ того опора, поддержка въ борьбѣ? быть не можетъ... Не вѣрится... Довольно гибели надеждъ на проложеніе новыхъ путей къ Востоку. Погибъ Бековичъ, вернулся Бухгольцъ... И гдѣ конецъ нестроенію, неудачамъ?.. Пожри, Господи, жертву хвалы и изму тя и прославиши мя!“... вспомнились Петру слова писанія.

Жители пустынной, тонувшей въ березовыхъ рощахъ, Колтовской засуетились, увидя подъѣзжавшій къ берегу царскій катеръ. Растворялись окна. Дѣти бѣжали по месткамъ, черезъ болота, къ пристани. Сталъ виденъ межъ деревъ домикъ булочницы.

Съ приближеніемъ Петра, отъ воротъ этого домика что̀-то опрометью

бросилось къ берегу. Опушкой лѣса, минуя трясины и лужи, бѣжала съ непокрытой головой и маша платкомъ, какая-то женщина. Сзади ее, съ ребенкомъ на рукахъ, ускореннымъ шагомъ, шелъ высокій, плечистый, какъ бы не здѣшній мужчина, въ морской, иностраннаго покроя курткѣ и въ лакированной широкополой шляпѣ — „Матросъ съ подъѣхавшаго, заморскаго корабля!“ —подумалъ, ступивъ на берегъ, Петръ.

Дуня, чуть не падая, подбѣжала къ пристани, хотѣла что-то сказать и отъ волненія не могла. Она была внѣ себя и вся красная отъ слезъ.

— Да иди же, ой, да скорѣе!—крикнула она обрывавшимся голосомъ, въ изступленіи глядя на подходившаго мужчину.

Тотъ остановился, спустилъ съ рукъ Дунинаго ребенка. Трехлѣтній, толстенькій, съ спущенными чулками, Петрушка, въ перевалку, побѣжалъ по мосткамъ къ царю, не разъ возившему ему гостинцы.

Петръ смотрѣлъ на мальчугана. — „Какія-то вѣсти привезъ имъ, сиротамъ, этотъ заморскій гость?“ — мыслилъ онъ: — „живъ ли погибшій... видно, уже спроворила сбѣгать туда на корабль...“

И вдругъ какъ бы снопъ радостныхъ, грѣющихъ лучей блеснулъ въ лицо Петру. Онъ гдѣ-то увидѣлъ два знакомыхъ, тихо и привѣтливо на него устремленныхъ глаза. — „Кто же это? и гдѣ я видѣлъ, гдѣ зналъ эти, когда то беззавѣтно-веселые, добрые и смѣлые глаза?“

Передъ Петромъ стоялъ Алексѣй Касаткинъ.

По сильно-загорѣлому, обвѣтренному и худому лицу былаго гардемарина бѣжали слезы.

— Ты?—вскричалъ Петръ:—Касатка!.. воскресъ?..

Алексѣй, Дуня и мальчикъ обнимали ноги царя, покрывая поцѣлуями его руки, платье.

— Да говори же, Алёша, говори!—кричала въ слезахъ, тормоша мужа, Дуня:—ваше величество, къ намъ... въ горницы, въ садъ... у насъ ягоды, молоко...

Петръ пошелъ къ Касаткинымъ.

— Ну, дай же, странникъ, на тебя наглядѣться!—произнесъ онъ, усаживаясь въ саду: — чудеса!.. считался въ расходѣ столько лѣтъ и найденъ! изъ небытія въ бытіе явился! радъ, очень радъ... Разсказывай, новый Одиссей, свои приключенія...

Царь болѣе часа пробылъ у Касаткиныхъ. Здѣсь онъ курилъ трубку, ѣлъ ягоды и пилъ молоко.—„Не дорого, что вкусны“,—говорилъ онъ Дунѣ:—„дорого, что изъ твоихъ любезныхъ ручекъ“.—Сидѣли у стола подъ развѣсистою, старою березой.

— Правда ли, что князь погибъ отъ измѣны калмыковъ?—прервалъ Касаткина Петръ:—они ушли и предупредили хана...

— Была причина и въ томъ,—отвѣтилъ Алексѣй:—но главнѣйше—скудость обоза, одежды, харчей... Что можно было поднять? на столько

тысячъ войска всего триста верблюдовъ, да и тѣхъ пало больше половины... А тутъ еще тотъ горестный случай съ княгиней и съ дѣтьми князя...

— Такъ и припасы, одежда?—спросилъ строго Петръ:—говори безъ утайки; солдатъ голодалъ какъ и у Бухгольца, былъ плохо одѣтъ и обутъ?

— Было, государь, всего...

— Охъ, провіантщики, да бригадъ-коммиссары! всему виной... мечу измѣнили, первые и погибли отъ меча... не за кого взяться... А самъ ты какъ спасся?.. говори...

— Моя доля, что же?—отвѣтилъ, глядя на Дуню, Алексѣй:—благо, спасенъ.

— Нѣтъ, сказывай.

— Раненаго кое-какъ вылечили въ Хивѣ, потомъ продали въ Кашгаръ.

— Дорого продали?

— За четыре раскрашенныхъ, телячьихъ кожи.

— Выходитъ, сафьянъ?

— Онъ и есть.

— И хорошіе тамъ сафьяны?

— Есть мягкіе, какъ шелкъ.

— Цѣна, вижу, не малая по тѣмъ мѣстамъ,—сказалъ, подумавъ, Петръ:—четыре кожи! тобой дорожили...

— Довѣдались, что я знающъ въ пушечномъ дѣлѣ,—произнесъ Алексѣй:—ну, и требовали ладить взятыя у насъ пушки и учить тамошнихъ стрѣльбѣ.

— Какъ же тебя держали?

— Въ Хивѣ на цѣпи, въ Кашгарѣ свободнѣе. Нашелъ я способъ и бѣжалъ въ Индію; оттуда, благодаря авизамъ вашего величества и тому врачу, доставленъ моремъ въ Голландію и сюда...

Солнце клонилось за рощу. Стало прохладно. Страдавшій въ то лѣто лихорадкой, государь потребовалъ съ катера плащъ и пошелъ къ рѣкѣ.

— Такъ ты лично видѣлъ казнь покойнаго Бековича?—спросилъ Петръ, ѣдучи обратно съ Касаткиными, которымъ предложилъ проводить себя во дворецъ, къ Лѣтнему саду.

— Не только казнь,—отвѣтилъ со вздохомъ Касаткинъ,—но и пущее, злое поругательство... кожи замученныхъ—въ мундирахъ, при шпагахъ, набитыя сѣномъ, у градскихъ воротъ.

— Дамъ я имъ, сафьянникамъ, кожи!—проговорилъ, мрачно отвернувшись, Петръ.

Катеръ въ это время огибалъ зеленый мысокъ у крѣпости. Петропавловскій шпицъ ярко блестѣлъ въ послѣднихъ, багровыхъ лучахъ заката.

— Стой,—вдругъ сказалъ матросамъ Петръ:—чаль къ берегу; зайду по дѣлу, а вы,—обратился онъ къ Касаткинымъ, сходя съ катера,—хоть и не ждите...

Тѣ остались у пристани. Петръ вошелъ въ крѣпость. Тамъ раздался громкій, караульный звонокъ.

Гнѣвный и хмурый ступилъ Петръ въ казематъ Гагарина. Родственники и сильные покровители успѣли дать знать арестанту, что государь не замедлитъ его видѣть и выслушать. Князь потребовалъ бумаги, написалъ витіеватую челобитную о помилованіи, а заслышавъ необычный по времени звонокъ, схватилъ припасенный черезъ благодѣтелей мундиръ и пріодѣлся — „Такъ-то“,—думалъ онъ: — „въ губернаторскомъ, неотнятомъ уборѣ, авось не совсѣмъ порветъ лютый волкъ“...

Царь вошелъ и молча сталъ у порога. Въ сумеркахъ сперва онъ не совсѣмъ разглядѣлъ заключеннаго.

— Винюсь, милостивый, во всемъ,—произнесъ князь, падая среди каземата на колѣни и протягивая челобитную царю:—окажи снисхожденіе недостойному, погибающему рабу.

— Въ чемъ твои вины?—спросилъ Петръ, опуская бумагу въ карманъ:—ты пожелалъ меня видѣть... вотъ я лично...

Гагаринъ замялся. Онъ теперь безъ свидѣтелей, глазъ-на-глазъ, былъ передъ царемъ.

Заходящее солнце красно-желтыми, косыми лучами освѣщало невысокій, мрачный казематъ, съ фигурой Петра у дверей. Пыль, поднятая съ каменныхъ плитъ упавшимъ на колѣни вельможнымъ колодникомъ, вилась желтыми, точно кровью пропитанными, клубами.

— Какъ передъ Господомъ, такъ предъ тобой, государь, не умолчу,—началъ князь Матвѣй Петровичъ:—первое, точію, не отрекаюсь,—бралъ многіе посулы, подарки и взятки. И все то, охъ, правилъ я и дѣлалъ непорядочно и просто, глупымъ умомъ, противъ указанныхъ повелѣній... Смилуйся, отецъ, и уважь прежнюю службишку,—мало ли было потружено?—виноватъ я токмо предъ тобой...

— Какъ? только предо мною?—произнесъ Петръ:—а ограбленные жители? голодный, неодѣтый и необутый солдатъ? а неудача задуманнаго розыска въ Индію?

— Посулы и взятки, не гнѣвись,—продолжалъ Гагаринъ:—приняты въ почесть, мимо воли, запретнымъ, въ приказахъ заведеннымъ непорядкомъ... И всѣ мы, ой, грѣшны, предъ тобой... ты единъ безъ слабости и грѣха...

Петръ молчалъ.

— Уличенъ, вельми уличенъ,—продолжалъ, воздѣвая руки, князь:—молю, аки Господа, отпусти, ваше величество, до конца дней, въ

монастырь... А за преступленіе и неуказныя, глупыя дѣла,—прибавилъ онъ, всхлипнувъ:—надъ недвижимымъ и движимымъ достояніемъ —да будетъ твоя воля...

Краска залила лицо Петра; подстриженный усъ задвигался. Онъ, какъ желто-огненный призракъ, недвижно стоялъ среди каземата.

— И ты, подписавшій приговоръ моему сыну, — проговорилъ, сдерживая себя, Петръ:—ты, смѣло изрекшій смертную казнь царскому отпрыску, надѣешься, молишь о пощадѣ? ты первый потатчикъ казнокрадовъ, разоритель цѣлой страны, губернаторъ-воръ?:.. Да ты знаешь ли меня?

Свѣтъ померкъ въ глазахъ Гагарина. На него пахнýло смертью, могилой.—„Измѣнили пособники, христопродавцы-друзья!"—пронеслось у него въ мысляхъ:—„мало давано... еще злые псы захотѣли"...

— Все возьми, государь, все,—завопилъ арестантъ, стукаясь объ полъ сѣдой головой и судорожно хватая и цѣлуя ботфорты Петра:— у сына маво,—охъ, въ шкатунѣ, зарыты яхонты, алмазы и зеньчугъ... невѣстушка, ой, кнепня-невѣстка, тожъ передала... черезъ знакомцевъ... въ Голландію...

— Сколько передано?

Помутившіеся глаза Гагарина забѣгали.

— По сущей правдѣ, полсотни тысячъ червонцевъ,—сказалъ онъ и запнулся:—также князь Якову Долгорукову, съ сенаторы, Лихареву съ допросителемъ Пашковымъ... и... Данилычу... давано-жъ въ долгъ...

— Подкупалъ?—спросилъ Петръ.

— Не стерпѣла плоть, сломили злы, слѣдственныя дѣла... судьи обѣщались...

— Аспиды?—вскрикнулъ Петръ, вынувъ бумагу:—чтò здѣсь написалъ?

— Покаяніе... просьбишка о милости недостойному рабу...

— Три года слѣдственныхъ розысковъ,—проговорилъ, комкая бумагу, Петръ:—три года ты вилялъ, какъ вьюнъ, увертывался, всѣмъ отводилъ глаза и клялъ судій... Теперь же ихъ выдаешь головой... Слушай,—продолжалъ онъ:—я не калмыцкій контайшá, не Чёренъ-Дондукъ и не людоядецъ Ширгазы... Они мунгальскаго подобія и нрава, мы—русскіе... Но если бы я тебя, дерзкій ребелизáнтъ и нищихъ воръ, если бы я отдалъ на ихъ судъ, то и тѣ азіаты изрекли бы тебѣ, чтò ты заслужилъ...

Лицо Петра задвигалось судорогами. Онъ ступилъ къ двери.

— Помилуй... царь Петръ Алексѣевичъ!—вскрикнулъ, влачась за нимъ, Гагаринъ:—не казни... я махонькому тебѣ усердствовалъ... всѣ мы богопродавцы... одинъ ты... ты...

Дверь захлопнулась.

Чернѣй тучи Петръ вышелъ изъ крѣпости. Деньщикъ и Касаткинъ помогли ему сѣсть въ катеръ. Нѣкоторое время всѣ ѣхали молча. Крѣпость осталась назади. Нева покрылась сумерками.

— Господь даде, Господь и отъя, благословенно имя Господне!— сказалъ Петръ, преслѣдуя нить тайныхъ, томившихъ его мыслей:— ну, прощай, моя сенъ-сирка,—обратился онъ съ улыбкой, у набережной, къ Дунѣ:—будь счастлива съ мужемъ; ростите и сына въ доблестяхъ и трудахъ.

Войдя въ опочивальню, Петръ отворилъ окно и зажегъ свѣчу. Вынувъ изъ кармана челобитную Гагарина, онъ ее прочелъ, бросилъ на столъ и сталъ ходить изъ угла въ уголъ.

Городская ѣзда стихла. Изъ сада тянуло прохладой и запахомъ цвѣтовъ. Огни давно погасли въ комнатахъ царицы, царевенъ и царскаго внука. Не спалъ одинъ Петръ. Деньщики Алёшка Юрловъ и Васька Петровъ, долго за полночь, слышали мѣрные, тяжелые шаги въ опочивальнѣ царя.

Петръ ходилъ, думая о признаніи Гагарина, о Долгоруковѣ, Меншиковѣ и другихъ, вновь обличавшихся виновныхъ. Царя смущала и общая заступница за его птенцовъ, жена,—Катеринушка, другъ сердечненькой,—съ которой онъ такъ любезно переписывался.—„Скучнёхонько безъ васъ“—писалъ онъ ей еще недавно изъ вояжа:—„воздухъ премѣнился, стало быть вѣтрами, хладность .. Такъ-то вы, еввивы дочки, насъ заворожили! Пришлите, въ нашей несности, для вспоможенія старости, флягу или двѣ онаго же крѣпыша“.—А она ему въ отвѣтъ: „Знаемъ, какіе вы старики,—напрасно то затѣяно; старый гребнишко еще, чай, вотъ какъ сыщется“.

Теперь было иное. Остроты и шутки оставлены. Петръ съ негодованіемъ видѣлъ покровительство жены недостойнымъ ослушникамъ его воли. Еще того хуже... Глазъ Петра злобно уже прозрѣвалъ Монса...

— Боже! да гдѣ же конецъ горечи, бѣдамъ?—сказалъ себѣ Петръ, останавливаясь у окна на Неву.

И вдругъ въ его мысляхъ живьёмъ всталъ разсказъ Касаткина о походѣ Бековича. Вереница опаршивѣлыхъ, какъ кволыя индюшки, верблюдовъ тянется по песку, подъ тяжелыми вьюками; рядомъ съ ними — изнуренные, въ рубищахъ голодные солдаты. Тускло-сѣрое небо, клубы раскаленной пыли. Всѣ обезумѣли отъ жажды и зноя. Натискъ орды отбитъ... Побѣжденный врагъ беретъ предательствомъ. Войско перерѣзано, истреблено... Головы вождей торчатъ на позорныхъ шестахъ.

Петръ подошелъ къ столу, схватилъ перо. На стѣнѣ, въ мерцаніи оплывшей, восковой свѣчи, отразилась тѣнь его курчавой, трясущейся головы.

На челобитной Гагарина Петръ положилъ такое рѣшеніе: „Бывшій сибирскій губернаторъ, грабитель и воръ, князь Матвѣй Гагаринъ, просился въ помилованіе, безъ препятія, на неисходное житье въ монастырь. И тому не быть. Въ наказаніе-жъ онаго вора и дабы прочимъ было не повадно, не мѣшкавъ, повѣсить его, на два мѣсяца, передъ окнами юстицъ-коллегіи“.

Вѣсть о предстоящей казни быстро разнеслась по городу.

Утромъ 18 іюня 1721 года весь Петербургъ повалилъ на Васильевскій островъ, гдѣ у биржи, передъ зданіемъ двѣнадцати коллегій, въ то время еще торчали головы Лопухина, Кикина и другихъ, казненныхъ по дѣлу царевича Алексѣя.

Здѣсь въ присутствіи царя, царицы, Меншикова, судій и сродниковъ Гагарина, въ томъ числѣ и его сына, разжалованнаго въ тотъ день, за сокрытіе отцовской казны, въ матросы, бывшій сибирскій губернаторъ былъ вздернутъ на висѣлицу.

Прямо съ казни, Петръ велѣлъ всѣмъ, въ томъ числѣ и родичамъ Гагарина, ѣхать на его, государевъ, поминальный обѣдъ.

Было полное засѣданіе и питье всей неизмѣнной, усердной, царской „тостъ-коллегіи“. Передъ дворцомъ, на галлереѣ, по приказу царя, играли, одѣтые въ черное, на обвитыхъ трауромъ инструментахъ, музыканты. Изъ оконъ раздавались обычныя здравицы. На Царицыномъ лугу палили пушки. Увидѣвъ послѣ обѣда, въ числѣ другихъ приглашенныхъ въ садъ, Касаткина, Петръ указалъ на него Меншикову.

— Какую же на *тебя* устроить висѣлицу?—сказалъ онъ вдругъ Данилычу.

Меншиковъ замеръ, остолбенѣлъ.

— Ты молилъ за повѣшеннаго вора,—прибавилъ Петръ:—а спроси вонъ того, уцѣлѣвшаго изъ отряда Бековича, каково *имъ* было терпѣть и страдать?

Касаткинъ, за вѣрную службу и за полонное терпѣніе, получилъ отпускъ въ запустѣлыя отцовскія деревни, куда и уѣхалъ, съ женой и сыномъ.

— Дай, оперимся, наладимъ флотъ,—сказалъ ему на прощаньѣ царь:—первое—промыслимъ о Персіи, а тамъ, въ память прошлаго, и далѣе...

Касаткинъ не былъ при казни Гагарина. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга, плывя въ городъ на лодкѣ мимо новой биржи, онъ взглянулъ на берегъ и невольно вздрогнулъ.

На перекладинѣ, межъ высокихъ столбовъ, висѣлъ сухой, невысокаго роста, старикъ. Лицо казненнаго, по обычаю, было закрыто платкомъ; на ногахъ—русскіе, круглые сапоги; изъ-подъ савана виднѣлся форменный, обшитый галуномъ, губернаторскій кафтанъ.

Въ деревнѣ Касаткинъ узналъ, что веревка, на которой висѣлъ Гагаринъ, перегнила и трупъ упалъ. Княжьи родичи и друзья стали просить дозволенія его похоронить. Петръ отдалъ именной приказъ: „Повѣсить до срока, на желѣзной цѣпи“.

Прошли годы, десятки лѣтъ, столѣтіе.

Родъ Касаткина долго процвѣталъ въ его родовыхъ вотчинахъ. Преданія объ Алексѣѣ Ильичѣ, какъ святыня, хранились среди его потомковъ. Еще въ этомъ вѣкѣ можно было видѣть, въ московскомъ домѣ одного изъ нихъ, весьма схожіе портреты его и Дуни, писанные по возвращеніи Касаткина изъ персидскаго похода, гдѣ онъ, какъ удостовѣряетъ преданіе, отличился, при взятіи Дербента, на глазахъ Петра.

Родъ князя Бековича-Черкасскаго, давшаго прошлому вѣку пословицу—„погибъ, какъ Бековичъ“—существуетъ въ Россіи до-нынѣ, въ лицѣ его двухъ праправнуковъ.

Спасшійся въ морѣ, его младшій сынъ умеръ, въ концѣ царствованія Екатерины II, бригадиромъ. Внучка его старшаго сына была извѣстная красавица. Азіатская кровь дѣда сказалась въ ней. Знаменитый красотой, любимецъ Екатерины, Дмитріевъ-Мамоновъ, на верху благополучія и могущества, встрѣтясь съ молоденькой княжной, страстно въ нее влюбился. Послѣ бурныхъ сценъ ревности и всякихъ преградъ, даже сочтенный за помѣшаннаго, онъ оставилъ озадаченный, негодующій дворъ и женился на предметѣ страсти.

Извѣстна попытка индѣйскаго похода императора Павла, неисполненная за его смертью. Платовъ, поджидая союзный отрядъ Наполеона, уже велъ къ Каспію казацкіе полки...

Къ коронаціи императоровъ Александра I и Николая I, изъ Кабарды въ Москву пріѣзжали князья Черкасскіе. Явившись въ пышной одеждѣ, съ узденями, дорогимъ оружіемъ и на красивыхъ лошадяхъ, они привлекали общее вниманіе Москвы, твердо вѣруя, что память ихъ предка, Бековича-Черкасскаго, рано или поздно, будетъ отомщена.

1879 г.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА.

(1775—76 гг.).

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДНЕВНИКЪ ЛЕЙТЕНАНТА КОНЦОВА.

„Ни малѣйшаго сумнѣнія,—она авантюрьера“.
Письмо Екатерины II.

I.

Май, 1775.—Атлант. ок., фрегатъ „Сѣверный Орелъ“.

...Трое сутокъ не смолкала буря. Трепало такъ, что писать было невозможно. Нашъ фрегатъ „Сѣверный орелъ“ за Гибралтаромъ. Онъ безъ руля, съ частью оборванныхъ парусовъ, уносится теченіемъ къ юго-западу. Куда прибьемся, что̀ будетъ съ нами? Ночь. Вѣтеръ стихъ, волны улегаются. Сижу въ каютѣ и пишу. Что̀ успѣю записать изъ видѣннаго и испытаннаго, засмолю въ бутылку и брошу въ море. А васъ, нашедшихъ, молю отправить по надписи.

Боже-Вседержитель! дай памяти, умудри, облегчи болящую, истерзанную сомнѣніями душу...

Я—морякъ, Павелъ Евстафьевичъ Концовъ, офицеръ флота ея величества, всероссійской императрицы Екатерины Второй, пять лѣтъ тому назадъ, Божьимъ изволеніемъ, удостоился особаго отличія въ битвѣ при знаменитой Чесмѣ.

Всему свѣту извѣстно, какъ наши храбрые товарищи, лейтенанты Ильинъ и Клокачевъ, съ четырьмя брандерами, наскоро снаряженными изъ греческихъ лодокъ, въ полночь 26 іюня 1770 года, отважно двинулись къ турецкому флоту при Чесмѣ и послужили къ его истребленію.

И мнѣ, смиренному, удалось въ то время—прикрывая брандеры,—въ темнотѣ, съ корабля Януарія, лично бросить во врага первый каленый брандскугель. Отъ брандскугеля, попавшаго въ пороховую камеру, вспыхнулъ и взлетѣлъ на воздухъ адмиральскій турецкій корабль, а отъ наспѣвшихъ брандеровъ загорѣлся и весь непріятельскій флотъ. Къ утру изъ сотни грозныхъ, шестидесяти и девяносто-пушечныхъ вражьихъ кораблей, фрегатовъ, гальотовъ и галеръ,—не осталось ничего. Плавали одни догоравшіе обломки, трупы и разрушенная корабельная снасть. Нашъ подвигъ воспѣлъ въ одѣ на чесменскій бой преславный поэтъ Херасковъ, гдѣ и мнѣ, незнаемому свѣтомъ, посвящены въ добавленіи сіи громкія и вдохновенныя строки:

„Вручаетъ слава вѣтвь, вручаетъ вѣтвь лаврову
Кидающему смерть въ турецкій флотъ Концову".

Оные стихи твердили всѣ наизусть. Хотя бывшіе въ нашей службѣ на брандерахъ англичане, какъ Макензи и Дугдаль, главнѣйше приписывали себѣ славу чесменской битвы, но и насъ начальство отмѣнно взыскало и отличило. Притомъ и я былъ удостоенъ чиномъ лейтенанта и взятъ въ генеральсъ-адъютанты къ самому побѣдителю морскихъ турецкихъ силъ при Чесмѣ, къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову.

На службѣ мнѣ везло, жилось вообще хорошо. Но страшный рокъ иногда преслѣдуетъ людей.

Судьба отвернулась отъ меня, статься можетъ, за поспѣшное, хотя вынужденное удаленіе съ родины.

Мы радостно жили на славныхъ чесменскихъ лаврахъ, превознесены и чествуемы всюду—французами, венеціанами, испанцами и иныхъ націй людьми. И вдругъ мнѣ, бѣглому, выпалъ новый, нежданный и тяжкій искусъ.

Война еще длилась. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, послѣ шумныхъ битвъ, живя въ удовольствіи на покоѣ, при флотѣ, говаривалъ: „Я такъ счастливъ, такъ, какъ будто взятъ, аки Енохъ, живой на небо".

Это онъ такъ только говорилъ, а неукротимыми и смѣлыми мыслями не переставалъ парить высоко, съ тѣхъ поръ, какъ нѣкогда пособилъ Екатеринѣ взойти на престолъ.

Однажды плавая съ эскадрой въ Адріатикѣ, онъ послалъ меня для одной тайной развѣдки къ славнымъ и храбрымъ жителямъ Черной горы. Это было въ 1773 году.

Лазутчики все ловко и умненько устроили. Я бережно въ ночной темнотѣ высадился, снесъ что̀ надо на берегъ и переговорилъ. А на

обратномъ пути, въ морѣ, насъ примѣтила и помчалась за нами сторожевая турецкая кочерма̀.

Мы долго отстрѣливались. Нашихъ матросовъ убили; я, тяжело раненый въ плечо былъ найденъ на днѣ катера, взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Стамбулъ.

Во мнѣ, хотя переодѣтомъ въ албанскій нарядъ, угадали русскаго моряка и сперва очень ухаживали за мной, очевидно, разсчитывая на хорошій выкупъ.—„Ну, какъ дознаются,—думалъ я:—что ихъ плѣнникъ тотъ самый лейтенантъ Концовъ, отъ брандскугеля котораго зажегся и взлетѣлъ на воздухъ подъ Чесмой ихъ главный адмиральскій корабль? что̀ станется тогда со мной?“

II.

Я пробылъ въ плѣну около двухъ лѣтъ. Насталъ 1775 годъ.

Вначалѣ меня держали въ заперти, въ какой-то пристройкѣ Эдикуля, семибашеннаго за̀мка, потомъ въ цѣпяхъ, при одной изъ трехсотъ стамбульскихъ мечетей. Дошелъ ли туда, на самомъ дѣлѣ, слухъ, что въ числѣ плѣнныхъ у нихъ находится Концовъ, или турки, потерявъ надежду на мой выкупъ, рѣшили воспользоваться моими свѣдѣніями и способностями,—только они затѣяли склонить меня къ исламу.

Мечеть, гдѣ я содержался, была на берегу Босфора. Изъ-за желѣзной, оконной рѣшетки виднѣлось море. Лодки сновали у берега. Навѣщавшій меня мулла былъ родомъ славянинъ, болгаринъ изъ Габрова. Мы другъ друга вскорѣ стали понимать безъ труда. Онъ началъ стороной наставлять меня въ турецкой вѣрѣ; хвалилъ мусульманскіе обычаи, нравы, превозносилъ могущество и славу Падишаха. Возмущенный этимъ, я упорно молчалъ, потомъ сталъ спорить. Чтобы расположить меня къ себѣ и къ вѣрѣ, которую онъ такъ хвалилъ, мулла исхлопоталъ мнѣ лучшее помѣщеніе и продовольствіе.

Меня перевели въ нижнюю часть мечети, при которой онъ состоялъ, начали давать мнѣ табакъ, всякія сласти и вино. Цѣпей съ меня, однако, не снимали. Самъ вѣроотступникъ, учитель мой, по закону Магомета, не пилъ, но усердно соблазнялъ меня и манилъ: „прими исламъ, будетъ тебѣ вотъ какъ хорошо, цѣпи снимутъ, смотри, сколько кораблей; поступишь на службу, будешь у насъ капитаномъ-пашей“...

Я лежалъ на циновкѣ, не дотрогиваясь до предлагаемыхъ соблазновъ и почти не слушая его. Моимъ мыслямъ представлялась брошенная родина. Я перебиралъ въ умѣ друзей, близкихъ, улетѣвшее счастіе. Сердце разрывалось, душа изнывала отъ неизвѣстности и

тоски по родинѣ. О, какъ мнѣ памятны часы того тяжкаго, рокового раздумья!

Какъ теперь соображаю, я тогда вспомнилъ нашъ тихій, далекій, украинскій поселокъ, родовую Концовку. Я сиротой, въ офицерскомъ чинѣ, прибылъ изъ петербургскихъ морскихъ классовъ на побывку къ бабушкѣ. Ее звали Аграфеной Власьевной и тоже Концовой. У бабушки, по близости города Батурина, были богатые сосѣди по деревнѣ, Ракитины, отставной бригадиръ-вдовецъ Левъ Иракліевичъ и его дочка Ирина Львовна.

То да сё, ѣзда въ ракитинскую церковь, потомъ въ тамошнія хоромы, свиданія, прогулки, ну,—молодые и полюбились другъ другу. Мои чувства къ Ракитиной были страстны, неудержимы. Ирéнъ, плѣнительная, смуглая и съ пышными, черными волосами, стала для меня жизнью, божествомъ, на которое я день и ночь молился. Мы объяснились, сблизились, невѣдомо для другихъ. Боже, чтò это были за мгновенія, чтò за бесѣды, клятвы! Началась пересылка страстныхъ граматокъ. Я всегда любилъ музыку. Ирéнъ дивно играла на клавикордахъ и пѣла изъ Глюка, Баха и Генделя. Мы видѣлись часто. Такъ тянулось лѣто. Дорогіе, памятные дни! Одно изъ моихъ писемъ къ Ирéнъ, по несчастной случайности, попалось въ руки ея отца. Былъ-ли Ракитинъ къ дочкѣ не въ мѣру строгъ и суровъ, уговорилъ ли ее отказаться отъ меня, промѣнявъ преданнаго и вѣрнаго ей человѣка на иного... только горько, тяжело о томъ и вспомнить.

Была осень и, какъ теперь помню,—праздникъ. Мы собирались въ ракитинскую церковь. Кто-то въѣхалъ къ намъ во дворъ. Разряженный, ливрейный лакей подалъ бабушкѣ, привезенный имъ отъ Ракитиныхъ, запечатанный пакетъ. Сердце мое такъ и іокнуло. Предчувствіе сбылось. Бабушкѣ относительно меня былъ присланъ точный и безповоротный отказъ. „Простите, молъ, матушка, Аграфена Власьевна, вашъ Павелъ Евстафьевичъ всѣмъ достоинъ, всѣмъ хорошъ и пригожъ,—писалъ бригадиръ Ракитинъ,—но моей дочери, извините, онъ не пара и напрасно съ ней пересылается объясненіями. Пусть не гнѣвается, а мы ему были и будемъ, кромѣ означеннаго, друзьями, и желаемъ вашему крестнику и внуку найти сто кратъ лучшую и достойнѣе его“.

Сразило меня это письмо. Померкъ свѣтъ въ глазахъ. Вижу— пресѣклось дорогое, чаемое счастье. Гордецы, богачи, свойственники Разумовскихъ, Ракитины безъ жалости презрѣли небогатаго, хоть и кореннаго, можетъ быть, древнѣе ихъ дворянина. Спѣсь и знатность родства, близкаго ко двору бывшей императрицы, взяли верхъ надъ сердцемъ. И прежде было слышно, что отецъ Арины прочилъ свою дочь во фрейлины, въ высшій свѣтъ.—„Богъ съ ними!“—твердилъ я,

какъ безумный, ходя по нѣкогда привѣтливымъ, нынѣ мнѣ опостылымъ свѣтлицамъ бабушки.

День былъ пасмурный, срывался мелкій дождь. Я велѣлъ осѣдлать коня, бросился съ отчаянія въ степь, прискакалъ къ лѣсу, граничившему съ ракитинскою усадьбою, и носился тамъ по полямъ и опушкѣ, какъ тронувшійся въ умѣ. Вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ. Поля были пусты. Къ ночи я подвязалъ коня къ дереву и садомъ изъ лѣса подошелъ къ окнамъ Аришиной комнаты. Что̀ я перечувствовалъ въ тѣ мгновенія! Помню, мнѣ казалось—сто̀итъ только дать ей знать, и она бросится ко мнѣ, мы уйдемъ на край свѣта. Безумецъ, я надѣялся ее видѣть, съ нею обмѣняться мыслями, наболѣвшимъ горемъ.—„Брось отца, брось его,—шепталъ я, вглядываясь въ окна:—онъ не жалѣетъ, не любитъ тебя“.—Но тщетно: окна были темны и нигдѣ въ смолкшемъ домѣ не было слышно людского говора, не сказывалось жизни. Двѣ слѣдующихъ ночи я снова пробирался садомъ къ дому, сторожилъ у знакомой горенки, откуда прежде она подавала мнѣ руку, бросала письма, не выглянетъ ли Ирѐнъ, не сообщитъ ли о себѣ какой вѣсти. Посылалъ ей тайно и письмо,—отвѣта не было. Въ одну ночь я даже рѣшилъ убить себя у окна Ирѐнъ, ухватился даже за пистолетъ.

„Нѣтъ,—рѣшилъ я тогда:—зачѣмъ такая жертва? Быть можетъ, она промѣняла меня на другого. Подожду, узнаю, можетъ быть и впрямь нашелся счастливый соперникъ“.—Послѣ я узналъ, да уже поздно, что Ракитинъ, написавъ мнѣ отказъ, увезъ дочку въ дальнее помѣстье своихъ родныхъ, куда-то на Оку, гдѣ нѣкоторое время ее держалъ подъ строгимъ присмотромъ.

III.

Бабушку не менѣе меня сразило мое положеніе. Она, спустя недѣлю, призвала меня и объявила: „Твой риваль тобою угаданъ; это—дальній родичъ Ракитиныхъ, князь и камергеръ. Я узнала стороной, Павлинька, его нарочито выписали, онъ у нихъ гостилъ во время твоихъ исканій и помогъ имъ уѣхать безъ слѣда. Забудь, монъ-анжъ, Ирѐну: она, очевидно, въ батюшку—гордячка; утѣшишься, дастъ Богъ, съ другою!“

Я самъ былъ обидчивъ и горячъ.—„Бабушка права,—мыслилъ я, рѣшаясь все бросить и забыть:—если бы Ирѐнъ была съ сердцемъ, она нашла бы случай написать мнѣ хотя бы строку“.

Помню одну ночь, когда я у себя нашелъ добытый у одного любителя, переписанный для Ирѐнъ и ей неотданный, гимнъ изъ Ифигеніи, новой и тогда еще неигранной оперы Глюка. Я со слезами сжегъ его.

Послѣ долгихъ душевныхъ страданій и отчаянія, я уѣхалъ изъ род-

ныхъ мѣстъ. Прощаніе съ бабушкой было трогательное. Оба мы какъ бы предчувствовали, что болѣе не увидимся.

Аграфена Власьевна въ тотъ же годъ, безъ меня, простудилась, говѣя въ ближнемъ монастырѣ, недолго хворала и умерла. Я остался на свѣтѣ одинокъ, какъ былинка въ полѣ.

Покинувъ Концовку, я нѣкоторое время скитался въ Москвѣ, гдѣ имѣлъ доступъ въ семейство графовъ Орловыхъ, потомъ въ Петербургѣ, все допытываясь о родичахъ Ракитина, жившихъ за Окой, все надѣясь еще перекинуться вѣстью съ измѣнницей Иренъ, никто мнѣ о нихъ не далъ свѣдѣній. Мой отпускъ еще не кончился; я былъ свободенъ, но уже ничто меня не манило въ свѣтѣ. Чтò оставалось дѣлать, предпринять?

Вѣсти съ юга, изъ-за моря, между тѣмъ, наполняли въ то время всѣ умы. Было начало турецкой войны. Счастливая мысль меня озарила. Я обратился въ коллегію морскихъ дѣлъ и сталъ хлопотать о немедленномъ своемъ переводѣ на эскадру въ греческія воды. Мнѣ помогъ графъ Өедоръ Орловъ, давшій рекомендацію къ графу Алексѣю, командиру нашего флота въ Средиземномъ морѣ. Кàкъ я прибылъ туда и чтò испыталъ, не буду разсказывать. Повторяя имя, нѣкогда мнѣ дорогое, я кидался во всѣ опасности, искалъ смерти въ Специи, подъ Навариномъ и Чесмой.— „Ариша, Ариша, что сдѣлала ты со мной и за чтò?“ —твердилъ я.— „Боже! когда бы скорѣй конецъ жизни?“ Но смерть не приходила; вмѣсто того, я былъ схваченъ и, послѣ славной Чесмы, попалъ въ долговременный плѣнъ въ Стамбулъ.

Навѣщавшій меня мулла становился все ласковѣе, а рядомъ съ тѣмъ и настойчивѣе. Мы видѣлись ежедневно и по-долгу бесѣдовали. Иногда онъ сердилъ меня, даже приводилъ въ бѣшенство, а порой былъ забавенъ. И я въ шутку склонялъ его, для компаніи, отступить отъ заповѣдей пророка, которыя онъ мнѣ съ такимъ жаромъ объяснялъ, просилъ его выпить со мной,—и самъ для этого пилъ; мой учитель, дѣлать нечего, въ угоду мнѣ, сталъ усердно пробовать приносимаго мнѣ хіосскаго и иного вина. Наши свиданія не прекращались. Мы говорили о Востокѣ, о Россіи и иныхъ дѣлахъ.

Однажды,—это было еще въ половинѣ лѣта 1774 г., въ то время, когда муэззинъ съ вышки звалъ къ вечерней молитвѣ народъ, мой наставникъ таинственно и не безъ злорадства спросилъ меня, знаю ли я, что въ Италіи проявилась нежданная и опасная соперница царствующей нашей императрицѣ Екатеринѣ, могучая претендентка на россійскій престолъ?

Я былъ удивленъ и нѣкоторое время молчалъ. Мулла повторилъ сказанное. На мой вопросъ, кто эта претендентка, онъ отвѣтилъ:

„тайная дочь покойной императрицы Елисаветы Петровны“. — „Это вздоръ, — вскричалъ я, — безсмысленная сплетня вашихъ базаровъ!“ — Мулла обидѣлся, его глаза сверкали. — „Не сплетня, читай!“ — сказалъ онъ, вынувъ изъ-подъ халата истертый листокъ утрехтской газеты: — „лучше подумай, что̀ ждетъ твою родину?“

Сердце мое, преданное великой, правящей нами монархинѣ, болѣзненно сжалось. Прочтя газету, я убѣдился, что мулла былъ правъ: сперва въ Парижѣ и нѣмецкихъ владѣніяхъ, а потомъ въ Венеціи дѣйствительно объявилась нѣкая, называвшая себя *„всероссійской княжной Елисаветой“*. Претендентка, по слухамъ, собиралась въ ту пору къ султану, искать защиты своихъ правъ въ его арміи, воевавшей съ нами на Дунаѣ. Мулла посидѣлъ и вышелъ, поглядывая на меня.

Узнанныя вѣсти сильно опечалили меня. — „Какъ?“ — разсуждалъ я: — „судьбѣ мало было наслать на насъ страшный бунтъ Пугачова, о которомъ я слышалъ въ плѣну, — туркамъ являлась еще и эта помощь! Тотъ разорилъ, сжегъ и обездолилъ Поволжье, эта собирается пустить огонь и смуту съ юга!“ — Я выходилъ изъ себя. Шагая изъ угла въ уголъ по тюрьмѣ, я сталъ у окна, схватился за его рѣшотку и, потрясая ее, готовъ былъ грызть желѣзо. — „Крылья мнѣ, крылья!“ — молилъ я Бога: — улетѣть бы къ родному флоту, предупредить вѣрнаго государынѣ графа Орлова, все ему передать“... И совершилось по моей мольбѣ въ тѣ дни чудо. Не забыть мнѣ во вѣкъ испытаннаго.

Придумывая тысячи способовъ вырваться, бѣжать, я остановился на мысли, — прежде всего изготовить какъ-нибудь ключъ, чтобы отомкнуть тяжелыя цѣпи. Обточивъ о дно глинянаго кувшина вырванный изъ стѣны полусломанный гвоздь, на которомъ вѣшалась одежда, я изъ него съ большимъ трудомъ выпилилъ о камень задуманный ключъ. Радость моя, когда въ первую же ночь я отомкнулъ, снялъ цѣпи и заснулъ безъ нихъ, была неописанная. Утромъ я опять надѣлъ цѣпи, а ключъ спряталъ въ расщелину стѣны. Мое рѣшеніе было: освободившись быстро отъ цѣпей, убить ими ренегата муллу, незамѣтно выйти изъ тюрьмы и бѣжать. Но куда? объ этомъ я дѣлалъ тьму разныхъ предположеній.

Господь, правящій сердцами, избавилъ меня отъ напраснаго грѣха. Мулла, заходя ко мнѣ, попрежнему попивалъ вино, присылаемое мнѣ въ изобиліи, вѣроятно, по его же ходатайству. Время наступило. Выбравъ вечеръ, я рѣшился сказать муллѣ, что внялъ его мудрымъ наставленіямъ и что готовъ перейти въ исламъ. Онъ пришелъ въ восхищеніе, и на радости такъ усердно приложился къ кувшину съ хіосскимъ, что совсѣмъ охмѣлѣлъ и началъ дремать.

Я не переставалъ его подчивать. — „Нѣтъ“, — повторялъ онъ:

—„не могу, не пропустить бы молитвы; замѣтятъ, донесутъ“...—Я ему еще налилъ. Онъ, лукаво щурясь и грозя, опорожнилъ еще кружку, скоро зашатался, прилегъ и, напѣвая какую-то болгарскую пѣсню, крѣпко заснулъ. Попробовалъ я его толкать, не слышитъ, снялъ съ него туфли, расписанный халатъ и чалму, одѣлся въ нихъ,—онъ лежалъ, какъ убитый.

Мы были съ нимъ почти одного роста; борода въ заточеніи у меня отросла большая, какъ и у него, была только свѣтлѣе.—„Боже! неужели?“—думалъ я въ радостномъ содроганіи:—„неужели свобода?“

Надвинувъ на глаза огромную бѣлую чалму и набожно склонясь, я тихо, съ четками въ рукахъ, какъ-бы шепча молитву, вышелъ изъ тюрьмы, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по двору. Часовые у крыльца и въ воротахъ мечети, молча прохаживаясь, съ мушкетами на плечѣ, не узнали меня въ сумеркахъ и пропустили.

Шумъ улицы меня смутилъ, я было-растерялся, но оправился. Не спѣша, добрелъ я до берега, махнулъ перевозчику, сѣлъ въ первую подплывшую шлюпку и, еще болѣе склонясь, молча указалъ на одинъ изъ близъ-стоявшихъ, давно мною изъ окна намѣченныхъ, иностранныхъ кораблей.

То была готовая къ отплытію одна изъ торговыхъ французскихъ шкунъ. Я узналъ ее по флагу.

IV.

Бравый, смуглый красавецъ-французъ, командиръ шкуны, не замедлилъ оправдать имя великодушной націи, къ коей онъ принадлежалъ. Узнавъ во мнѣ русскаго моряка, онъ взглянулъ на меня, помолчалъ и тихо спросилъ:—„Не Концовъ ли вы?“—„Почему вы такъ думаете?“—спросилъ я въ тревогѣ.—„О, я бы желалъ“—отвѣтилъ онъ:—„чтобы это было такъ. Храбраго Концова мы всѣ жалѣли и справлялись о немъ.. Я былъ бы счастливъ, если бы могъ ему служить“.—Дѣлать нечего, я рѣшился назвать себя. Капитанъ очень обрадовался. Онъ свелъ меня въ каюту, обѣщалъ заплатить лодочнику, но для безопасности велѣлъ поднять его на бортъ съ лодкой и далъ знакъ готовиться къ поднятію якоря и парусовъ. Ночью шкуна двинулась. Вѣтеръ былъ свѣжій, попутный и къ утру мы были отъ Стамбула далеко. Моего перевозчика спустили обратно гдѣ-то на пути.

Мулла, очевидно, долго спалъ. Погони не было. Лодочникъ, получивъ обѣщанное и вдобавокъ—платье муллы, въ которомъ я бѣжалъ, по неволѣ долженъ былъ молчать. Французы дали мнѣ подходящую одежду, весьма щедро снабдили въ складчину деньгами и любезно предлагали мнѣ высадиться на первый русскій, въ итальянскихъ водахъ, корабль.

Отъ капитана шкуны я, между прочимъ, по пути узналъ, что занимавшая меня таинственная, россійская княжна была въ то время уже не въ Венеціи, а у турецкихъ береговъ, въ Рагузѣ, т.-е. въ Дубровникѣ, мимо котораго намъ приходилось плыть. Я просилъ высадить меня тамъ. Французы отговаривали меня, указывая на опасность очутиться снова близъ турокъ; я настаивалъ на своемъ.

Отблагодаривъ моихъ добрыхъ спасителей, нехотѣвшихъ даже взять съ меня росписки въ данной мнѣ ссудѣ, я съ трепетомъ ступилъ на берегъ рагузской республики, гдѣ вскорѣ освѣдомился и о занимавшей меня особѣ.

Таинственная княжна уже владѣла умами всего города. Толковъ было много. Въ гостинницѣ, гдѣ я остановился, проживали нѣкоторые изъ польскихъ и иныхъ особъ ея многочисленной свиты. Эти господа сперва меня дичились, смотрѣли недовѣрчиво; но, узнавъ, кто я, и предувѣдомленные, что, радуясь своему спасенію, я немедленно направляюсь къ эскадрѣ графа Орлова, они охотно и безъ стѣсненій стали мнѣ разсказывать о принцессѣ и даже предложили мнѣ устроить у нея аудіенцію.

— Но кто же она и гдѣ до сихъ поръ проживала?—спросилъ я свитскихъ княжны.

— Она родная дочь вашей покойной императрицы Елисаветы отъ ея тайнаго брака съ графомъ Разумовскимъ,—отвѣчали мнѣ:—въ дѣтствѣ была увезена къ границамъ Персіи, потомъ, подъ чужими именами, проживала въ Килѣ, Берлинѣ, Лондонѣ и въ другихъ городахъ. Въ Парижѣ именовалась принцессой Азовской, dame d'Azow, въ Германіи и здѣсь въ Рагузѣ именуется принцессой Пиннебергъ. Сообразите, вѣдь это ваша царица, Елисавета вторая—кровь великаго Петра... Нѣмецкіе и иные принцы сватались за нее; французскій дворъ ей здѣсь устроилъ помѣщеніе въ домѣ своего консула и готовъ ей оказать всякую поддержку.

Смутили меня эти вѣсти. — „Киль, Берлинъ!“ — думалъ я: — „Киль,—въ Голштиніи; онъ игралъ такую роль въ судьбѣ дочерей великаго Петра, бывшей тамъ замужемъ Анны, и Елисаветы, выписавшей себѣ оттуда наслѣдника, Петра Третьяго. Неужели въ Петербургѣ этому не придаютъ значенія? и что у насъ предпримутъ, если дознаются о такой претендесткѣ?“—Поляки меня повели къ графинѣ Пиннебергъ.

Я принарядился, обрилъ, какъ слѣдуетъ бороду и усы, напудрился, припомадился, завился. Меня радушно встрѣтили въ домѣ графини. Ея гофмаршалъ, баронъ Корфъ, ввелъ меня съ церемоніей въ ея пріемный салонъ. Я оглянулся: просторная комната была обита голубымъ штофомъ, мебель была покрыта розовымъ атласомъ.

Не успѣлъ я опомниться, раздались шаги и веселый сдержанный говоръ.

Въ пріемную вошла княжна Елисавета, окруженная нарядною свитой. Послѣ я узналъ, что это были: знаменитый въ то время, ея близкій другъ, князь Радзивиллъ, прозваніемъ „пàне-кохàнку“ — въ синемъ бархатномъ кафтанѣ, усыпанномъ алмазами; рядомъ съ нимъ — его сестра, красавица графиня Моравская, и княгиня Сангушко; за ними — въ пунцовомъ съ золотомъ кунтушѣ, графъ Потоцкій, — глава сплотившейся противъ насъ польской конфедераціи; поодаль — надменный и богатый староста Пинскій, графъ Пржездецкій, возлѣ него — вліятельный изъ молодежи-конфедератовъ, рубака и дуэлистъ Чарномскій и нѣсколько извѣстныхъ Радзивилловскихъ офицеровъ. Потоцкій и Пржездецкій были въ лентахъ и звѣздахъ.

Княжна, какъ я примѣтилъ, была одѣта въ тафтяномъ палевомъ съ золотомъ платьѣ, родъ амазонки, съ флеровой, поверхъ нея выкладкой, въ бѣлой круглой шляпѣ, съ черными страусовыми перьями, въ розовой мантильѣ, отдѣланной по краямъ блондами, съ крошечными, въ дорогой оправѣ, пистолетами у пояса и съ хлыстомъ въ рукѣ. Она собиралась на прогулку верхомъ.

Польскіе гордые магнаты говорили княжнѣ „ваше высочество“, а когда она садилась, передъ ней стояли, и на ея вопросы отвѣчали, такъ низко пригибаясь, будто становились на колѣни.

Не скрою, меня поразилъ видъ княжны. Я увидѣлъ передъ собою въ полномъ смыслѣ обворожительную красавицу, — лѣтъ двадцати трехъ-четырехъ, роста выше средняго, — статную, изъ себя стройную, сухощавую, съ пышными свѣтлорусыми волосами, бѣлолицую, съ яркимъ румянцемъ и въ веснушкахъ, которыя такъ къ ней шли. Глаза у нея были каріе, открытые и большіе, а одинъ слегка, чуть замѣтно, косилъ, что̀ придавало ея оживленному лицу особое, лукавое выраженіе. Но что̀ главное, я въ дѣтствѣ и въ возрастѣ хорошо насмотрѣлся на портреты покойной императрицы Елисаветы Петровны, и, взглянувъ теперь на княжну, нашелъ, что она съ покойницей значительно схожа.

Мое смущеніе радостно замѣтили. Княжна ласково сказала мнѣ по-французски нѣсколько привѣтливыхъ словъ, допустила меня къ своей рукѣ и, кончивъ церемонный, по этикету, пріемъ, взглядомъ отпустила свою свиту, а мнѣ указала стулъ. Мы остались наединѣ.

V.

Послѣ нѣкотораго обмѣна мыслей, — мы говорили по-французски, причемъ у княжны иногда вырывались и итальянскія восклицанія, — оба мы въ понятномъ смущеніи замолчали.

— Вы русскій офицеръ, морякъ?—спросила меня княжна.

— Такъ точно, ваша... ваша свѣтлость,—отвѣтилъ я, не зная, какъ былъ долженъ ее именовать.

— Мнѣ извѣстно, вы отличились, ваше имя прогремѣло при Чесмѣ,—продолжала она:—вы, наконецъ, такъ долго страдали въ плѣну.

Я, смѣшавшись, молчалъ, она тоже.

— Послушайте,—проговорила она съ чувствомъ, и до сихъ подъ я слышу этотъ нѣжный, обаятельный, грудной голосъ: — я русская княжна, дочь вашей, когда-то любимой, императрицы: не правда ли, мою мать, дочь великаго Петра, такъ любили? Я, по крови и по завѣщанію, ея единственная наслѣдница.

— Но у насъ нынѣ царствуетъ,—рѣшился я возразить:—не менѣе всѣми любимая монархиня—великая Екатерина.

— Знаю, знаю!—перебила княжна,—могуча и чтима народомъ ваша нынѣшняя государыня, и не мнѣ, слабой, всѣми брошенной, оторванной отъ царскаго дома и отъ родины, вступать съ нею въ споръ. Я первая преданная ей раба.

— Чего же вы ищите, ждете?—спросилъ я удивленно.

— Защиты и уваженія моихъ правъ.

— Простите,—возразилъ я:—но прежде надо доказать ваше происхожденіе и ваши права.

— Вамъ доказательствъ?—вотъ они:—произнесла принцесса, живо вставая и открывая на угловомъ столикѣ небольшой, обдѣланный серебромъ и черепахой баулъ, — это завѣщаніе моего дѣда Петра Перваго, а это духовная моей матери—Елисаветы.

Княжна развернула и подала мнѣ французскіе списки названныхъ ею бумагъ. Я бѣгло ихъ просмотрѣлъ.

— Но это копіи, притомъ въ переводѣ,—сказалъ я.

— О, будьте спокойны, подлинники въ вѣрныхъ рукахъ... Не могу же я возить съ собою такіе документы, рисковать! Мало вамъ этого,—взгляните,—проговорила, полуоборотясь, принцесса.

Она указала на простѣнокъ надъ софой.

На голубомъ штофѣ обоевъ, противъ окна, у котораго мы стояли, висѣли два большихъ, въ круглыхъ рамахъ, портрета, писанныхъ масляными красками. Одинъ весьма удачно изображалъ покойную государыню Елисавету Петровну, съ небольшою короною на головѣ; другой—стоявшую противъ меня княжну.

— Не правда ли схожи?—спросила она, вглядываясь въ меня.

— Сходство есть, это правда,—отвѣтилъ я: — я это замѣтилъ, едва вошелъ и васъ увидѣлъ; позвольте узнать, давно ли снятъ вашъ портретъ?

— Въ этомъ году, въ Венеціи... Знаменитый Пьячетти снималъ

портретъ моего жениха — князя Радзивилла, при этомъ упросили сняться и меня.

— Дивныя событія!—произнесъ я, въ невольномъ смущеніи:—является невообразимое, встаютъ изъ гроба мертвецы: за Волгой—давно въявѣ похороненный императоръ, Петръ Третій, здѣсь—никѣмъ нежданная и негаданная дочь государыни Елисаветы.

— Не смѣшивайте меня съ Пугачовымъ,—возразила, слегка покраснѣвъ, княжна:—хотя онъ и выдаетъ себя за императора, чеканя монеты съ надписью—„Redivivus et ultor“—воскресшій мститель,—но онъ пока... лишь мой въ томъ краѣ намѣстникъ.

— Какъ?—удивился я:—такъ и вы подтверждаете, что онъ самозванецъ?

— Не спрашивайте, кто онъ, — загадочно отвѣтила княжна:—послѣ узнаете обо всемъ... еще не пришло время. Теперь въ его власти уже многіе города: Казань, Оренбургъ, Саратовъ, вся страна по Волгѣ. Его прошлаго не знаю. Богъ ему судія... Но я дѣйствительно дочь императрицы Елисаветы, двоюродная сестра бывшаго императора Петра Третьяго.

— Кто же вашъ отецъ?—рѣшился я спросить.

Княжна помолчала, нахмурилась.

— Неужели не знаете?—графъ Алексѣй Разумовскій, впослѣдствіи тайный мужъ моей матери. Дѣтство я провела въ разъѣздахъ; оно темно и для меня. Помню югъ Россіи, глухую деревушку, откуда меня вдругъ увезли. Хотѣли истребить малѣйшую память о моемъ прошломъ, не жалѣли для того денегъ и возили меня съ мѣста на мѣсто, изъ страны въ страну. Это, очевидно, знаетъ графъ Шуваловъ... Недавно, путешествуя по Европѣ, онъ пожелалъ видѣть меня и мы тайно видѣлись.

— Какъ! вы видѣли графа Шувалова? гдѣ?—изумился я, вспомнивъ, что нѣкоторые, по слухамъ, и его считали ея отцомъ.

— Это было на водахъ въ Спа... Друзья предупредили меня о знаменитомъ русскомъ путешественникѣ; я не могла отказать. Вошелъ въ комнату полный, еще замѣчательно красивый, богато, со вкусомъ одѣтый, пожилой человѣкъ. Онъ явился подъ вымышленнымъ именемъ; говоря со мной, грустно вглядывался въ черты моего лица, въ мои движенія и былъ, очевидно, внутренно взволнованъ. Послѣ уже я узнала, что это бывшій фаворитъ покойной моей матери, нѣкогда могучій Иванъ Шуваловъ. Почему онъ казался такъ смущенъ,—не знаю. Не мнѣ, согласитесь, это рѣшать. Смерть матери унесла въ могилу эту, какъ и другія, тайны.

Княжна смолкла. Молчалъ и я.

— Чьей же защиты, чьей помощи ищете вы?—рѣшился я спросить, подавляемый разнообразными ощущеніями.

VI.

Княжна спрятала бумаги въ шкатулку, заперла ее, поставила на мѣсто, взяла вѣеръ и снова сѣла, поглядывая въ окно.

— Готовы ли вы мнѣ пособить?—спросила она рѣшительно, въ отвѣтъ на мой вопросъ.

Я не нашелся, что отвѣтить.

— Готовы ли вы оказать мнѣ, въ случаѣ надобности, вашу поддержку?

— Какую?

— Вотъ видите ли... Если императрица Екатерина захочетъ по совѣсти и безъ спора мирно подѣлиться со мной,—произнесла медленно и съ увѣренностью княжна,—я готова сдѣлать для нея все... Отдамъ ей сѣверъ, съ Петербургомъ, балтійскими провинціями и со всею московскою областью; себѣ возьму Кавказъ, вообще югъ... я люблю югъ... и часть востока. О, вѣрьте, я буду свято чтить мирный раздѣлъ, буду всѣмъ довольна; населю и устрою мои родовыя страны—увидите... я мастерица... И, разумѣется, прежде всего возстановлю Украйну и Польшу... Вѣдь вы украинецъ? не правда ли?—спросила она, заглядывая мнѣ въ глаза:—и я жила въ дѣтствѣ на Украйнѣ... Если же Екатерина заспоритъ,—проговорила она, сдвинувъ брови:—мнѣ остается добывать мои права силой. Я собираюсь въ Стамбулъ, къ султану; онъ ждетъ меня. Я явлюсь среди его войскъ за Балканами, у Дуная, передъ арміей Екатерины. И я ей отплачу,—при этомъ многіе мнѣ помогутъ, въ томъ числѣ—всѣ недовольные... напримѣръ, командиръ эскадры—Орловъ... Что̀ скажете о немъ?

— Орловъ?—спросилъ я, съ нескрываемымъ изумленіемъ.

— Да, онъ! удивляетесь?—помахивая вѣеромъ и смѣло глядя на меня, отвѣтила княжна:—какъ объ этомъ вы думаете?

— Не могу, ваша свѣтлость, не высказать крайняго сомнѣнія,—отвѣтилъ я:—вѣдь это дѣтскія грезы. На чемъ вы основываете возможность со стороны графа такой, извините, измѣны?

— Измѣны?—вскричала, вспыхнувъ, княжна: — впрочемъ, вамъ простительно... вы были въ плѣну, многаго не знаете.

Она самодовольно улыбнулась, судорожно обмахиваясь вѣеромъ.

— Власть и значеніе Орловыхъ пали,—продолжала она,—входятъ въ силу ихъ тайные, непримиримые враги—Панины... Любимецъ императрицы, Григорій Орловъ, да будетъ вамъ извѣстно, замѣненъ

другимъ; онъ въ огорченіи, прервалъ переговоры съ султаномъ, котораго почти побѣдилъ, и ускакалъ съ Дуная въ Петербургъ. Но его не допустили ко двору и сослали въ Ревель. Удивляетесь? Знайте болѣе... Вашъ начальникъ, графъ Алексѣй Орловъ, обиженный за брата, не скрываетъ своихъ чувствъ, готовъ отомстить и, безъ сомнѣнія, можетъ быть мнѣ очень полезенъ. Видите ли, какія новости. Я уже послала графу Алексѣю письмо и небольшой манифестъ.

— Манифестъ? о чемъ?

— Если Орловъ рѣшитъ стать на мою сторону, я предлагаю ему объявить эскадрѣ мой манифестъ, принять меня и провозгласить мои права.

— Но это невозможно, простите,—пытался я возразить:—вашъ поступокъ смѣлъ, но необдуманъ...

— Почему?—удивленно спросила княжна:—недовольные ищутъ возмездія; забытые, брошенные—отплаты. Это общая участь. А что̀ обиднѣе пренебреженія прежнихъ, всѣми признанныхъ заслугъ?.. Вѣдь Орловымъ, кто же этого не знаетъ, Екатерина обязана трономъ.

Княжна встала, прошлась по комнатѣ и распахнула окно. Ей было душно. Она вновь и съ подробностями заговорила о надеждѣ вступить, при помощи флота, въ Россію и не слушала моихъ возраженій. Ничто, казалось, не могло ее разубѣдить.

Мнѣ стало ясно, что эта избалованная, своенравная и подобная раскаленной лавѣ подъ пепломъ, женщина могла своею смѣлостью помѣряться съ любымъ изъ отчаянныхъ мужчинъ.

— Вы сомнѣваетесь, удивлены?—нервно вздрагивая, вскрикнула она:—спрашиваете, почему я такъ вѣрю въ успѣхъ своего дѣла? Неужели не знаете?.. Мнѣ уже сочувствуютъ многіе ваши соотечественники, съ нѣкоторыми я уже давно переписываюсь... Но вы—первый русскій, такихъ достоинствъ человѣкъ, котораго я вижу въ настоящей моей долѣ... Я этого не забуду, этимъ дорожу... Вѣрьте, я выйду изъ ничтожества, тьма разсѣется... Развѣ вамъ неизвѣстно, что Россія истомлена войнами, рекрутскими наборами, пожарами, чумой? Вамъ ли не знать, что народъ разоряютъ непомѣрными налогами, что за Волгой еще свирѣпствуетъ ужасный, кровавый бунтъ? Ваше войско дурно одѣто и еще хуже кормится... Всѣ недовольны, ропщутъ... Ужели вамъ, лейтенанту русскаго флота, это новость? Да, народъ обрадуется мнѣ, а войско встрѣтитъ прирожденную русскую княжну, Елисавету Вторую, съ торжествомъ, какъ когда-то встрѣтили Екатерину.

Меня возмущало это ребяческое, слѣпое легкомысліе.

— Пусть такъ, но говорите ли вы по-русски? —рѣшился я спросить.

Княжна смутилась.

— Не говорю, по-неволѣ забыла,—отвѣтила она, закашлявшись:—въ дѣтствѣ, трехъ лѣтъ, меня увезли изъ Малороссіи въ Сибирь, гдѣ

чуть не отравили, оттуда въ Персію; я жила у одной старушки въ Испагани и съ нею уѣхала въ Багдадъ, гдѣ по-французски меня училъ нѣкто Фурньё... гдѣ тутъ было помнить родной языкъ?

Я сидѣлъ съ потупленными глазами.

— И развѣ Дмитрій царевичъ, признанный всею Москвою, говорилъ по-русски?—надменно спросила меня принцесса,—да и что̀ можетъ доказать языкъ? дѣти такъ легко изучаютъ и забываютъ всякую рѣчь.

— Дмитрій говорилъ съ малорусскимъ акцентомъ,—отвѣтилъ я:—но за то вѣдь онъ и былъ... самозванецъ.

— Gran Dio!—вскричала и, съ новымъ кашлемъ, разсмѣялась принцесса,—и вамъ не стыдно повторять эту сказку? Слушайте и помните мои слова...

Принцесса откинулась на спинку кресла. Багровыя пятна выступили на ея щекахъ.

— Дмитрій былъ настоящій царевичъ,—проговорила она съ убѣжденіемъ:—да, настоящій царевичъ, спасенный отъ убійцъ Годунова хитростью близкихъ, чудомъ, какъ и я спаслась отъ яда, даннаго мнѣ въ Сибири. Вы этого не знали? подумайте получше. О, синьоръ Конповъ, говорите ваши сказки другимъ, а не мнѣ, знакомой и на чужбинѣ съ лѣтописями моего дома. За меня сватался персидскій шахъ,—но я отказала, онъ вѣчный врагъ Россіи... Меня признáютъ,—слышите ли? должны признать!—заключила торжественно княжна, похлопывая по колѣну вѣеромъ и снова порывисто закашливаясь,—я вѣрю въ свою звѣзду и потому васъ смѣло избираю своимъ посломъ къ графу Орлову. Не требую тотчасъ отвѣта: подумайте, взвѣсьте мои слова и скажите ваше рѣшеніе. Вы, повторяю, первый русскій въ почтенномъ военномъ званіи, встрѣченный мной на чужбинѣ. Вы также страдали, также чудомъ спаслись отъ плѣна. Мо̀жетъ быть, для того васъ, какъ и другихъ, сберегла и послала мнѣ судьба.

Сказавъ это, княжна встала и величественнымъ поклономъ показала мнѣ, что аудіенція кончена.

VII.

„Что̀ это? кто она? самозванка или впрямь русская великая княжна?“—разсуждалъ я, въ неописанномъ смущеніи оставивъ комнату принцессы и смѣло проходя среди почтительно и важно клапявшихся мнѣ особъ ея свиты.

У крыльца я примѣтилъ нѣсколько осѣдланныхъ, убранныхъ въ бархатъ и перья, верховыхъ лошадей. Войдя же въ гостинницу я услышалъ конскій топотъ, взглянулъ въ окно и увидѣлъ княжну, лихо

скакавшую, въ кругу близкихъ, на бѣломъ, красивомъ конѣ. Кавалькада пронеслась на прогулку въ окрестности Рагузы.

Нѣсколько дней меня не оставляли самыя тревожныя мысли. Я почти не покидалъ комнаты, ходилъ изъ угла въ уголъ, лежалъ, писалъ письма, опять ихъ разрывалъ и думалъ: какъ мнѣ, въ виду моей присяги и долга службы, поступить съ предложеніемъ загадочной княжны? Однажды ко мнѣ зашелъ ея секретарь Чарномскій. Это былъ молодцоватый и изысканно разряженный, лѣтъ сорока, человѣкъ, нѣкогда богачъ, дуэлистъ и волокита, промотавшій состояніе на карты и дѣла конфедераціи. Онъ сохранилъ свѣтскія манеры, былъ надмененъ и вкрадчивъ и, по слухамъ, служилъ княжнѣ, будучи въ нее втайнѣ влюбленъ. Въ разговорѣ о ней онъ пустился въ похвалы ея великодушію и отвагѣ, клятвенно подтверждая свѣдѣнія о ея прошломъ, и возобновилъ просьбу—помочь ея дѣлу.

— Да чья же она дочь? Кто ея отецъ?—спросилъ я довольно рѣзко:—вы говорите столько въ ея пользу; но нужны доказательства; вѣдь это все такъ сомнительно...

Чарномскій вспыхнулъ и нѣсколько мгновеній молчалъ. Мнѣ показалось въ то время, что этотъ завитой и распомаженный, по модѣ—въ женскихъ, брильянтовыхъ сережкахъ, ганимедъ княжны, былъ нарумяненъ.

— Какія сомнѣнія, Боже! Да ея отецъ, помилуйте, развѣ сомнѣваетесь? графъ Алексѣй Разумовскій!—произнесъ, овладѣвъ собою, тонкій дипломатъ:—извольте, пане-лейтенантъ, я вамъ подробно все сообщу. Видите ли, у императрицы Елисаветы, отъ тайнаго брака съ графомъ, было нѣсколько дѣтей.

— Все это басни, этого никто не знаетъ въ точности,—отвѣтилъ я.

— Разумѣется, дѣло щекотливое и держалось въ большой тайнѣ,—продолжалъ Чарномскій:—вы правы; гдѣ всѣмъ это знать? но я говорю изъ вѣрнаго источника. Куда дѣлись прочія дѣти и кто изъ нихъ живъ—неизвѣстно... Княжна же Елисавета, ребенкомъ двухъ лѣтъ, была увезена къ роднымъ Разумовскаго, казакамъ Дараганамъ, въ ихъ укранское помѣстье, Дараганoвку, которую народъ, земляки новыхъ богачей, окрестилъ по-своему въ Таракановку. Царица-мать, а за ней приближенные, слыша такое имя, въ шутку прозвали дѣвочку *Тьмутараканской княжной*... Ее сперва не теряли изъ виду, освѣдомлялись о ней, снабжали чѣмъ нужно, а потомъ, особенно съ ея переѣздами, ее потеряли изъ виду и, наконецъ, о ней забыли.

Слово „Таракановка“ заставило меня невольно вздрогнуть. Въ моихъ мысляхъ мелькнуло нѣчто знакомое, мое собственное далекое дѣтство, родной хуторъ Концовка и покойная бабушка, Аграфена

Власьевна, знавшая многое о быломъ и нынѣшнемъ дворѣ, о чудномъ случаѣ съ лемешёвскимъ пастухомъ, нежданно ставшимъ изъ пѣвчаго Алёшки Розума—графомъ и тайнымъ, обвѣнчаннымъ мужемъ государыни, о восшествіи на престолъ новой царицы, о покушеніи Мировича и о прочемъ. Черезъ него и мой дѣдъ, Ираклій Концовъ, сосѣдъ Разумовскихъ по селу Лемешамъ, былъ снисканъ милостями, отмѣченъ по службѣ и умеръ въ чинахъ

Вспомнилъ я при этомъ и еще одно смутное обстоятельство. Мы ѣхали какъ-то съ бабушкой, это было въ моемъ отрочествѣ, на имянины къ роднымъ. Путь лежалъ въ деревушку, за Батуринымъ, резиденціей гетмана Кириллы Разумовскаго. Былъ тихій, лѣтній вечеръ. Мы разговаривали. Изъ открытой коляски, въ сторонѣ отъ дороги, въ сумеркахъ, виднѣлись огромныя вербы, нѣсколько разбросанныхъ между ними бѣлыхъ хатъ и вѣтряныхъ мельницъ, а надъ вербами и хатами—верхушка церкви. Бабушка перекрестилась, задумалась и тихо, какъ бы про себя, вдругъ произнесла тогда „тараканчикъ!“—„Чтò вы сказали, бабушка?“ — спросилъ я. — „Тараканчикъ...“ — „Что это?“—А вотъ что, монъ-анжъ, Павлинька!—отвѣтила она: — здѣсь когда-то, въ этомъ вотъ селѣ, обрѣталась одна секретная особа, премиленькое, полненькое и бѣлое, какъ булочка, дитя; только недолго пожило оно и, куда дѣлось—невѣдомо“.—„Кто же она?“—спросилъ я.—„Красная шапочка,—въ полголоса отвѣтила бабушка:—видно и ее, *тьмутараканскую княжну*, какъ въ сказкѣ, съѣли злые безсердечные волки“.

Больше Аграфена Власьевна не говорила и я ее не разспрашивалъ, считая, что и впрямь дѣвочку съѣли волки.

Теперь мнѣ ясно вспомнилась и эта зеленая, въ вербахъ, Таракановка, и бабушкинъ мимолетный разсказъ. Вѣкъ былъ чудесный и всякимъ дивамъ въ немъ можно было вѣрить.

— Что же, рѣшаетесь, пàне?—спросилъ меня Чарномскій, видя, что я задумался и молчу.

— Объясните,—отвѣтилъ я:—какой именно услуги желаетъ княжна отъ меня?

— Одного, пане-лейтенантъ, одного, — проговорилъ, вставая и низко кланяясь, вкрадчивый посолъ:—отвезите графу Орлову письмо ея высочества,—въ этомъ только и просьба... И скажите графу, какъ и гдѣ вы видѣли всероссійскую княжну Елисавету и съ какимъ нетерпѣніемъ она ждетъ отъ него извѣщенія на первое свое письмо и манифестъ. Отъ исхода вашей услуги будутъ зависѣть ея дальнѣйшія дѣйствія, поѣздка къ султану и прочее.

Чарномскій вынулъ и подалъ мнѣ пакетъ.

— Только въ этомъ и просьба!—повторилъ онъ, съ новымъ по-

клономъ, заискивающе взглядывая на меня большими, сѣрыми, умоляющими глазами.

Обсудивъ дѣло, я понялъ, что отказываться не слѣдуетъ, и принялъ письмо. Долгъ службы требовалъ все довести до свѣдѣнія графа, а какъ онъ рѣшитъ, это уже его дѣло.

— Извольте,—сказалъ я: — не знаю, кто ваша княжна, но ея письмо я въ исправности передамъ графу.

Подождавъ попутнаго корабля, я еще разъ представился княжнѣ, простился съ нею и оставилъ Рагузу, въ день замѣчательнаго, пышно-сказочнаго праздника, даннаго княжнѣ княземъ Радзивилломъ.

Объ этомъ праздникѣ долго потомъ говорили газеты всей Европы. Сумасбродный и расточительный князь, влюбленный въ княжну, давно на нее сорилъ деньгами, какъ индійскій набобъ. Здѣсь онъ превзошелъ себя. Долго пировали. Драгоцѣнныя вина лились. Гремѣла музыка, стрѣляли въ саду пушки и былъ сожженъ фейерверкъ въ тысячу ракетъ. А въ концѣ волшебнаго, съ маскарадомъ и танцами, пира, пáне-коханку вдругъ объявилъ, что танцы должны длиться до утра и что съ зарей, всѣ пирующіе, для прохлады, увидятъ настоящую зиму и будутъ развезены по домамъ не въ коляскахъ, а на саняхъ.

Гости утромъ вышли на крыльцо; всѣ ближнія улицы дѣйствительно были бѣлы, какъ зимой. Ихъ густо усыпали, на подобіе снѣга,—солью; и веселая, шумная гурьба масокъ, среди новыхъ пушечныхъ залповъ и криковъ проснувшихся горожанъ, была, подъ музыку, дѣйствительно, развезена по домамъ на саняхъ.

Я уѣхалъ, ломая голову надъ вопросомъ, дѣйствительно ли княжна—дочь покойной императрицы Елисаветы и вѣритъ ли она сама тому, чтò говоритъ, или разглашаетъ вымышленную сказку? Сколько я помнилъ выраженіе ея лица, въ немъ, особенно въ глазахъ, мелькали какія-то черточки, чтò-то неуловимое, какъ бы нѣкое, чуть примѣтное колебаніе и въ то же время чтò-то похожее на надежду. Везя свѣдѣнія о ней и ея письмо, я дѣйствовалъ, во имя долга офицера, подкупленный и нѣкоторою жалостью къ ней, какъ къ женщинѣ.

VIII.

Корабль высадилъ меня въ Анконѣ. Отсюда я поспѣшилъ въ Болонью, гдѣ, по слухамъ, въ то время находилась штабъ-квартира командующаго эскадрой.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, хотя и побѣдитель при Чесмѣ, въ душѣ недолюбливалъ моря и, сдавъ ближайшее завѣдываніе флотомъ старшему флагману, контръ-адмиралу Самуилу Грейгу, боль-

шую часть времени проживалъ на сушѣ. Къ подчиненнымъ онъ былъ отмѣнно ласковъ и добръ, любилъ простыя шутки и, окруженный царскою пышностью, былъ ко всѣмъ внимателенъ и доступенъ.

Мнѣ была памятна жизнь графа въ Москвѣ, до послѣдней кампаніи въ греческія воды, прославившей его имя. Орловы были нечужды моей семьѣ. Покойный мой отецъ былъ ихъ сослуживцемъ въ оны годы, и я, проѣздомъ изъ морскихъ классовъ на родину, не разъ навѣщалъ ихъ московскій домъ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ былъ въ особенности любимцемъ Бѣлокаменной. Исполинская, пышащая здоровьемъ фигура графа Алехана, какъ его звали въ Москвѣ, его красивые, греческіе глаза, веселый, безпечный нравъ и огромное богатство привлекали въ его гостепріимныя хоромы все знатное и незнатное Москвы.

Домъ графа Алексѣя Григорьевича, какъ теперь помню, находился за Московской заставой, у Крымскаго брода, невдали отъ его подмосковнаго села, Нескучнаго.

Москвичи въ домѣ графа любовались гобеленевскими обоями, надиво фигурчатыми, изразцовыми печами, съ золочеными ножками, собраніемъ древняго оружія и картинъ. Его городской садъ былъ украшенъ прудами, бассейнами, бесѣдками, каскадами, звѣринцемъ и птичникомъ. А у графскихъ воротъ, въ окнѣ сторожевого домика, висѣла клѣтка съ говорящимъ попугаемъ, который выкрикивалъ передъ уличными зѣваками: „Матушкѣ-царицѣ виватъ!“

На баснословныхъ пирахъ графа Алексѣя Григорьевича, за столомъ, подъ дорогими лимонными и померанцовыми деревьями его теплицъ, по слухамъ, нерѣдко садилось по триста и болѣе особъ.

Русакъ въ душѣ, графъ любилъ угощать гостей кулачными боями, пѣсенниками, борцами, причемъ и самъ мѣрялся силой. Онъ гнулъ подковы, завивалъ узлами кочергу, валилъ за рога быка и потѣшалъ Москву особыми шутками.

Такъ однажды, въ осмѣяніе возникшей страсти щеголей къ лорнетамъ и очкамъ, онъ послалъ на гулянье перваго мая, въ Сокольники, одного изъ своихъ приживальцевъ. Одѣтый наѣздникомъ, послѣдній среди гуляющихъ, юныхъ модниковъ, сталъ водить чалаго хромого мерина, на глазахъ котораго было огромныя, оправленныя жестью, очки, съ крупною надписью на переносицѣ: „а вѣдь только трехъ лѣтъ“.

Но болѣе всего графъ привлекалъ къ себѣ вниманіе на-диво составленною псовою охотою и своими рысаками. Ни одна лошадь въ Москвѣ не могла сравниться съ скакунами графа, смѣсью арабской крови съ англійскою и фрисландскою.

На конскомъ бѣгу, передъ домомъ, у Крымскаго брода, графъ Алеханъ зимой, какъ теперь его вижу, на крохотныхъ саночкахъ, а

лѣтомъ на дрожкахъ-бѣгунцахъ собственноручно проѣзжалъ свою знаменитую, бѣлую, безъ отмѣтинъ, Сметанку, или ея соперницу, сѣрую въ яблокахъ Амазонку.

Народъ гурьбой бѣжалъ за графомъ, когда онъ, подбирая возжи, въ романовскомъ тулупчикѣ или въ штофномъ халатѣ, появлялся въ воротахъ на храпящей бѣлогривой красавицѣ, покрикивая тремъ Семенамъ, главнымъ своимъ наѣздникамъ, Сенькѣ Бѣлому—оправить опѣненную уздечку, Сенькѣ Черному—подтянуть подпругу, а Сенькѣ Дрезденскому—смочить баскомъ конскую гриву.

Графъ былъ игривъ и на письмѣ.

Всѣ знаютъ его письмо о славной чесменской побѣдѣ къ его брату Григорію: „Государь братецъ, здравствуй! за непріятелемъ мы пошли, къ нему подошли, схватились, сразились, разбили, побѣдили, потопили, сожгли и въ пепелъ обратили. А я, вашъ слуга, здоровъ. Алексѣй Орловъ". Это письмо ходило у насъ въ копіяхъ по рукамъ.

Прирожденному гулякѣ, кулачному бойцу и весельчаку, графу въ прежніе годы, до войны, никогда и во снѣ не снилось быть морякомъ. Онъ даже къ командованію флотомъ въ Италіи явился по сухому пути. Говорили о немъ много при восшествіи государыни на престолъ. Послѣ Чесмы заговорили еще болѣе. Для многихъ онъ былъ загадкой.

На смотры и свои парадные, по придворному, пріемы Алексѣй Григорьевичъ являлся съ пышностью, въ золотѣ, алмазахъ и орденахъ. Между тѣмъ, на гулянья, какъ въ Парижѣ, выѣзжалъ вдругъ среди чопорной, гонявшейся за нимъ знати, не только безъ пудры и въ круглой мѣщанской шляпѣ, но даже въ простомъ кафтанѣ, изъ сѣраго и нарочито грубаго сукна. Я, какъ и другіе, мало угадывалъ внутреннія побужденія графа и часто отъ его словъ недоумѣвалъ. Претонкій, великаго ума былъ человѣкъ.

Я горѣлъ нетерпѣніемъ снова, послѣ столь долгой разлуки, увидѣть графа, хотя данное мнѣ порученіе княжны сильно меня смущало. Передъ выѣздомъ изъ Рагузы, я письменно предупредилъ графа о своемъ избавленіи отъ турокъ и сообщилъ, что везу ему вѣсти о нѣкоей важной, случайно открытой и видѣнной мною, особѣ. Долго длилось мое странствіе по Италіи; въ горахъ я простудился и нѣкоторое время пролежалъ хворый у одного сердобольнаго магната.

Наконецъ, я добрался до Болоньи.

Не безъ трепета, отдохнувъ съ дороги и переодѣвшись, я приблизился къ роскошному графскому палаццо въ Болоньѣ, узналъ, что графъ дома и велѣлъ о себѣ доложить. За долгую неволю въ плѣну можно было ожидать добраго привѣта и награды, но я былъ въ сомнѣніи, какъ встрѣтитъ меня графъ за свиданіе и переговоры, безъ разрѣшенія начальства, съ опасною претенденткою.

Могли, разумѣется, взглянуть на это такъ и сякъ. И если бы меня по совѣсти спросили, какъ я гляжу на эту особу, я въ то время усомнился бы дать искренній отвѣтъ. Доходили до меня въ Рагузѣ кое-какія сомнительныя вѣсти о ея прошломъ, о какихъ-то связяхъ. Но что̀ было за дѣло до ея прошлаго и мало ли въ какія связи она могла вдаваться, ища выхода изъ своей тяжкой судьбы! Да еще и были ли эти связи?

У графа меня тотчасъ приняли, повели рядомъ красиво разубранныхъ гостиныхъ и залъ, сперва въ нижнемъ, потомъ въ верхнемъ ярусѣ дома.

Тридцати-восьми-лѣтній красавецъ-богатырь, графъ Алексѣй Григорьевичъ, не только дома, но и въ то время на чужбинѣ, любилъ проводить время съ голубями, до которыхъ былъ страстный охотникъ. При моемъ появленіи онъ находился на вышкѣ своихъ хоромъ, куда запросто велѣлъ лакею ввести и меня.

И что̀ же я увидѣлъ? Этотъ прославленный, умный, необычайной силы и огромнаго роста человѣкъ, въ присутствіи коего всѣ прочіе люди казались быть малыми пигмеями, сидѣлъ на какомъ-то стульчикѣ, у раскрытаго и пыльна̀го чердачнаго окошка. Пребывая здѣсь, отъ дневной духоты, въ одной сорочкѣ, онъ попивалъ изъ кру̀жки со льдомъ какое-то прохладительное и забавлялся, помахивая платкомъ на стаю кружившихся по двору и надъ крышами голубей.

— А, Кончикъ! здравствуй!—сказалъ онъ, на мигъ обернувшись: —что̀?.. избавился? поздравляю, братецъ, садись... А видишь, вонъ та пара, каковы?.. Экъ, бестіи, завились... турманомъ, турманомъ!..

Онъ опять махнулъ платкомъ, а я, не видя, гдѣ мнѣ сѣсть, сталъ съ любопытствомъ разглядывать его. Графъ за эти годы на покоѣ еще болѣе пополнѣлъ. Шея была чисто воловья, плечи, какъ у Юпитера или бога Бахуса, а лицо такъ и вѣяло здоровьемъ и удальствомъ.

— Что смотришь?—улыбнулся онъ, опять оглянувшись: — голубями, видишь, тѣшимся, пока ты терпѣлъ у турокъ; здѣсь все глинистые, да чернокро̀мые; трубастыхъ, какъ у насъ, мало и не простые, братъ... Да, за сто верстъ письма носятъ... диво, вотъ бы у насъ развести... Ну, разсказывай о плѣнѣ и о твоихъ странствіяхъ...

Я началъ.

Графъ слушалъ сперва разсѣянно, все посматривая въ окно, потомъ внимательнѣе. Когда же я упомянулъ объ особѣ, видѣнной въ Рагузѣ и подалъ отъ нея пакетъ, графъ ковшикомъ съ тарелки метнулъ голубямъ горсть зерна, и пока тѣ, извиваясь гурьбой, слетались на выступъ крыши, всталъ.

— Твои вѣсти, любезный, таковы,—сказалъ онъ: —что о нихъ надо поговорить толкомъ. Сойдемъ съ этой мачты въ каютъ-кампанію.

Мы сошли въ нижній ярусъ дома, потомъ въ садъ. Графъ по пути пріодѣлся и приказалъ не принимать никого. Мы долго бродили по дорожкамъ. Отвѣчая на его вопросы, я вглядывался въ выразительные, какъ бы вдругъ затуманенные, глаза графа. Онъ меня слушалъ съ особымъ вниманіемъ.

— Ты хитришь,—вдругъ сказалъ онъ, идя по саду: — почему утверждаешь, что она самозванка, авантюрьéра? объяснись,—прибавилъ онъ, сѣвъ на скамью:—съ чужого ли голоса ты говоришь, или убѣдился лично?

Я смѣшался, не зналъ, что̀ говорить.

— Сомнителенъ ея разсказъ о прошломъ, — проговорилъ я:— какъ-то сбивается на сказку... Сибирь, отравленіе, бѣгство въ Персію, сношенія съ владѣтельными дворами Европы. Какъ вѣрный слуга государыни, я дѣйствовалъ по совѣсти, всматривался и скажу прямо— не могу утаить сомнѣній.

— Согласенъ,—произнесъ графъ: — объ этомъ можно говорить такъ и сякъ. Но вотъ что̀ важно: въ Петербургѣ о ней уже знаютъ и пишутъ мнѣ, какъ о побродяжкѣ, всклепавшей на себя неподходящее имя и родъ.

Графъ помолчалъ.

— Хороша побродяжка!—прибавилъ онъ, какъ бы про себя, загадочно—пусть такъ, не спорю... Но зачѣмъ же рѣшили требовать ея выдачи, а въ случаѣ отказа—взять силой, даже бомбардировать рагузскую цитадель? Съ побродяжкой такъ не возятся. Такую просто и безъ огласки поймать... навязать камень на шею да и въ воду.

Холодъ прошелъ у меня по спинѣ при этихъ словахъ графа. Я такъ и вспомнилъ присноnамятные, іюньскіе дни...

— То-то, братецъ, видно, что не побродяжка,—проговорилъ опять графъ, глядя на меня:—*ты* какъ объ этомъ думаешь?.. Ну-ка, говори на чистоту.

IX.

Удивили меня слова графа. Я невольно вспомнилъ сообщенія княжны о паденіи силы Орловыхъ, объ удаленіи бывшаго фаворита въ Ревель и о возвышеніи ихъ враговъ. Досада ли, огорченіе ли ослѣпляло графа, или въ самомъ дѣлѣ онъ искренно повѣрилъ въ происхожденіе княжны, только, очевидно, онъ со мной говорилъ не на вѣтеръ, и въ его душѣ происходила нѣкая, нешуточная борьба.

— Простите, ваше сіятельство, мою дерзость, — сказалъ я, не вытерпѣвъ:—но ужъ если вы повелѣваете, я не утаю. Видѣнная мною

особа дѣйствительно очень схожа съ покойною императрицею Елисаветой. Кто не знаетъ изображеній этой государыни? Тотъ же величественный очеркъ бѣлаго, нѣжнаго лица, тѣ же темныя дугой брови, та же статность, а главное — эти глаза. Не могу не привести разсказа моей покойной, украинской бабушки о родныхъ Разумовскаго.

— Да! вѣдь ты, Концовъ, самъ батуринецъ! — живо подхватилъ графъ:—ну-ка, что̀ же тебѣ говорила бабка?

Я сообщилъ о Дарага̀новкѣ и о жившемъ тамъ, въ оны годы, таинственномъ дитяти.

— Такъ вотъ откуда эта Таракановка,—сказалъ графъ:—вѣрно, вѣрно! и я нѣкогда что̀-то слышалъ о тьмутараканской принцессѣ.

Онъ всталъ со скамьи. Волненіе, видимо, охватило его мысли. Заложа руки за спину и понурившись, онъ медленно опять сталъ прохаживаться по тропинкамъ сада. Я почтительно слѣдовалъ за нимъ.

— Концовъ, ты не мальчикъ!—вдругъ сказалъ Алексѣй Григорьевичъ, обратя ко мнѣ свои проницательные, соколиные глаза: — дѣло великой, государственной важности. Будь остороженъ, и не только въ дѣйствіяхъ или словахъ, въ самыхъ помыслахъ. Клянешься ли, что будешь обо всемъ молчать?

— Клянусь, ваше сіятельство.

— Такъ слушай же, помни... За все отвѣтишь мнѣ головой.

Графъ помедлилъ и, устремивъ на меня задумчивый, въ самую глубь души глядѣвшій взоръ, прибавилъ: — не забывай же, меня ты знаешь... головой...

Мы прошли въ конецъ сада, сѣли на другую, болѣе уединенную скамью.

— Недолго поймать всклепавшую на себя, — сказалъ графъ: — мало ли, всячески можно изловчиться, если приказываютъ. Да честно ли, слушай, обманомъ-то, тайкомъ? а? притомъ съ женщиной... вѣдь жалко было бы? правда?

— Какъ не жалко,—отвѣтилъ я въ простотѣ:—враговъ слѣдуетъ побѣждать, но открыто... иначе всякъ назвалъ бы предателемъ, низкимъ душегубцемъ.

Графъ какъ-то живо при этомъ мигнулъ, точно въ глазахъ его что̀-то пробѣжало.

— Ну да, милый, ужъ такъ-то подло... и мы съ тобой не палачи!—произнесъ онъ:—а изъ Петербурга все-таки даромъ не напишутъ, и притомъ, какъ на насъ тамъ смотрятъ, еще вилами писано по водѣ... Да что! откровенно тебѣ скажу: оттуда уже дважды являлись ко мнѣ тайные послы, соблазняя и склоняя противъ всѣхъ ввѣренныхъ мнѣ дѣлъ... Ожидалъ ли ты этого? Не обидно ли, послѣ всѣхъ моихъ заслугъ? а?

Откровенность графа поразила меня и вмѣстѣ сильно мнѣ польстила. — „Вотъ положеніе сильныхъ міра!“ — думалъ я, искренно жалѣя графа. Дѣйствительное паденіе фавора его семьи мнѣ уже было извѣстно.

Алексѣй Григорьевичъ задалъ мнѣ еще нѣсколько вопросовъ о княжнѣ и окружающихъ ее, сказалъ, что беретъ меня въ свой ближній штабъ и отпустилъ, съ приказомъ остаться въ Болоньѣ и ждать его зова. Я поблагодарилъ за вниманіе и откланялся.

На другой день графъ уѣхалъ въ Ливорно, къ эскадрѣ, и возвратился не ближе недѣли. Меня къ нему не звали. Будучи безъ денегъ, я сильно во всемъ нуждался, да и скучалъ. Писать въ Россію было некому. Прошло еще нѣсколько дней. За мной явились.

Графъ принялъ меня въ рабочемъ кабинетѣ.

— Угадываешь ли, Концовъ, что̀ я тебѣ скажу?—спросилъ онъ, перебирая бумаги.

— Какъ знать мысли вашего сіятельства?

— Вотъ записка; получишь у казначея деньги и прежде всего уплати долги, пошли своимъ заимодавцамъ-французамъ... ты обезденежилъ на службѣ... а завтра ѣдешь въ Римъ...

Я поклонился и ждалъ дальнѣйшихъ повелѣній.

— Знаешь, зачѣмъ?—спросилъ графъ.

— Не могу угадать.

— Пока ты странствовалъ и хворалъ, таинственная княжна, покинутая вѣтрогономъ Радзивилломъ,—сказалъ графъ:—оставила Рагузу. Сперва она, съ неаполитанскимъ паспортомъ, навѣстила Барлетту, пожила тамъ, а теперь, подъ видомъ знатной польской дамы, появилась въ Римѣ. Понимаешь?

Я снова поклонился.

— Такъ вотъ что̀,—заключилъ графъ:—я давно передъ нею виноватъ, не отвѣчалъ ей на два письма... да и какъ было, среди всякихъ соглядатаевъ, отвѣчать?.. Пытался-было къ ней послать эти дни довѣреннаго человѣка, твоего же сослуживца по флоту, но она его не приняла. Жаль бѣдную, неопытна, молода и всѣми брошена, безъ средствъ. Ты съумѣешь увидѣть ее и начнешь съ нею переговоры. Я ее приглашаю сюда... Тамъ, слышно, есть кое-кто изъ русскихъ. Разузнай-ка, да главное—обереги ее отъ враговъ и всякихъ вліяній. Пусть довѣрится намъ однимъ; мы ей окажемъ помощь. А насчетъ совѣсти, будь спокоенъ, все будетъ исполнено отъ сердца и по законамъ справедливости.

X.

Я былъ ошеломленъ, пораженъ.

„Неужели графъ затѣваетъ измѣну?“ —мелькнуло у меня въ мы-

сляхъ: — „быть не можетъ! знатный патріотъ, герой достопамятнаго переворота и главный пособникъ Екатерины не замыслитъ этого! Но чтò же у него въ умѣ?“

Волнуемый сомнѣніями, я возъимѣлъ смѣлое, дерзкое намѣреніе — вывѣдать сокровенныя мысли графа.

Въ тѣ дни, надо сказать, вдругъ пошло кѣмъ-то пущенное шептанье, будто съ сѣвера присланъ тайный указъ, что графъ отзываютъ, замѣняя его въ командѣ флота другимъ, и всѣ его при этомъ по истинѣ жалѣли.

— Простите, ваше сіятельство, — сказалъ я графу: — завтра же я ѣду въ Римъ; вы мнѣ поручаете дѣло высшей важности. Если княжна склонится на ваши кондиціи и приметъ вашъ зовъ, осмѣливаюсь спросить, чтò можетъ отъ того произойти?

— Вотъ ты брандеръ какой, водяной вьюнъ, — усмѣхнулся Алексѣй Григорьевичъ: — и всѣ вы, моряки, таковы, — все вынь, да положь. А мы, дипломаты, не любимъ лишней болтовни. Поживешь, самъ увидишь... дѣло покажетъ себя. А я вѣрный и преданный слуга нашей государыни Екатерины Алексѣевны.

— Простите, графъ, великодушно, — продолжалъ я: — мнѣ дается не морское, а дипломатическое дѣло. Я въ таковыхъ не вращался и сильно сомнѣваюсь... ну, какъ эта особа и впрямь объявитъ свои права?

— О томъ-то я и думаю, — отвѣтилъ графъ: — легко можетъ статься, что она истинный царскій отпрыскъ, нашей матушки Елисаветы кровь! На все надо быть готовымъ. Старайся, Концовъ; не забудутся твои услуги. И прежде всего помни, надо княжнѣ, какъ женщинѣ, помочь деньгами, вывести ее изъ угнетеннаго положенія... Почемъ знать? И для ея величества, государыни, авось это будетъ пріятно передъ обществомъ. У нашей царствующей монархини сердце, ой, порою... хоть и каменное... да и она, можетъ, сжалится, смягчится впослѣдствіи.

Графъ болѣе и болѣе меня поражалъ.

„Вотъ, мыслилъ я, удостоился чести, кого къ себѣ расположилъ! Теперь ясно, — графъ не измѣняетъ, — хоть человѣколюбіе и увлекло его до смѣлаго ропота и нѣкоихъ сильныхъ укоризнъ! Вліяніе Орловыхъ пало; графъ, очевидно, задумалъ уговорить претендентку отказаться отъ ея правъ“.

Путь, указанный графомъ, сталъ мнѣ понятенъ. Я собрался и уѣхалъ, съ искреннимъ увлеченіемъ въ точности исполнить порученное мнѣ дѣло.

Это было въ началѣ февраля текущаго 1775 года. Кажется, такъ недавно, а сколько испытано, пережито.

Достигнувъ Рима, я отыскалъ графскаго посланца, явившагося

туда ранѣе меня. То былъ лейтенантъ нашей же службы, какъ говорятъ, грекъ, а скорѣе полу-нѣмецъ, полу-жидъ, Иванъ Моисеевичъ Христенекъ. Я ему отдалъ порученныя мнѣ бумаги и сталъ его разспрашивать о предметѣ нашей миссіи. Черный, какъ жукъ, невысокій, юркій и препротивный человѣкъ, Христенекъ все улыбался и говорилъ такъ вкрадчиво, а глаза чисто воровскіе, разомъ глядятъ и въ душу, и въ карманъ.

Я узналъ отъ Христенека, что княжна занимала въ Римѣ на Марсовомъ полѣ нѣсколько комнатъ въ нижнемъ ярусѣ дома Жуяни. Здѣсь она проживала въ большой скрытности и недостаткахъ во всемъ; за квартиру платила пятьдесятъ цехиновъ въ мѣсяцъ и имѣла всего три прислуги, ходила лишь въ церковь и, кромѣ друга, аббата-іезуита, да по своей хворобѣ врача, не допускала къ себѣ никого.

Христенекъ, присланный графомъ, переодѣтый нищимъ, тщетно бродилъ болѣе двухъ недѣль возлѣ двора Жуяни, ища свиданія съ его уединенной жилицей. Ему не довѣряли, и какъ онъ ни бился и ни упрашивалъ прислугу, къ ней не допускали. Онъ повелъ меня на Марсово поле.

Домъ Жуяни стоялъ уединенно и особнякомъ, въ глубинѣ двора, прикрытый спереди небольшимъ тѣнистымъ садомъ. Я подошелъ къ двери и тихо ударилъ скобой. Изъ окна, увитаго виноградными лозами, выглянула сперва незнакомая мнѣ горничная княжны, дочь прусскаго капитана, Франциска Мешеде, потомъ видѣвшійся со мной въ Рагузѣ, секретарь княжны, Чарномскій.

— Отъ кого?—спросилъ онъ, съ робкимъ недовѣріемъ, оглядывая меня изъ-за полураскрытой двери.

Я его едва узналъ; куда дѣлась его щеголеватость и самоувѣренность! Нарядъ на немъ былъ приношенный, волосы не завиты, щеки безъ румянца, а въ ушахъ простенькія, недорогія серьги.

— Отъ графа Орлова,—отвѣтилъ я.

— Есть письмо?

— Да вы пустите меня.

— Есть письмо?—повторилъ, уже принимая нахальный видъ, секретарь княжны.

— Собственной графской руки,—отвѣтилъ я, подавая пакетъ.

Чарномскій схватилъ письмо, бѣгло взглянулъ на его нѣмецкую надпись, какъ бы растерявшись, нѣсколько помедлилъ и скрылся. Прошло двѣ или три минуты. Дверь быстро отворилась. Я былъ впущенъ.

— Ахъ, извините, извините!—сказалъ, отвѣшивая поклоны, Чарномскій:—представьте, вѣдь, я васъ не узналъ въ мундирѣ; вы такъ измѣнились; пожалуйте, милости просимъ... желанный гость!

Онъ до того изгибался и юлилъ, что мнѣ показался смѣшнымъ и жалкимъ.

Княжна приняла меня въ небольшой горенкѣ, выходившей окнами въ задворный, еще болѣе уединенный, садъ. Здѣсь уже не было ни дорогихъ штофныхъ обоевъ и бронзъ, какъ въ Рагузѣ, ни золоченыхъ мебелей, ни всей недавней роскоши. Сама всероссійская княжна Елисавета Тараканова, принцесса Владимірская, dame d'Azow и плѣнительница персидскаго шаха и нѣмецкихъ князей, лежала теперь больная на кожаной софѣ, прикрытая теплой, голубого бархата мантильей, и въ туфляхъ на куньемъ мѣху. Въ комнатѣ было холодно и сыро. Тощее пламя чуть мигало въ каминѣ.

Я не узналъ княжны. Ея истомленное, заострившееся лицо, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, было еще обворожительно. Глаза улыбались, но они уже были не тѣ: они напоминали взоръ красивой, дикой, смертельно раненой серны, избѣгшей погони, но понимающей свой близкій конецъ.

— А, наконецъ и вы!—робко сказала она, улыбаясь:—вы привезли отвѣтъ графа на мое письмо... я прочла... благодарю васъ... что̀ скажете еще?

— Графъ вашъ покорный слуга и преданный рабъ,—отвѣтилъ я, повторяя порученныя мнѣ слова:—онъ весь къ вашимъ услугамъ и у вашихъ ногъ.

Княжна привстала. Оправивъ пышныя волны свѣтлыхъ безъ пудры волосъ, она, осиливая смущеніе, дружески протянула мнѣ руку, которую я почтительно рѣшился поцѣловать.

— Меня всѣ, за исключеніемъ двухъ близкихъ лицъ, бросили,—произнесла она, сильно и судорожно кашляя въ прижимаемый къ губамъ платокъ:—притомъ я нѣсколько не кстати и приболѣла... это, впрочемъ, пустяки!.. не будемъ объ этомъ говорить... Но я, право, безъ всякихъ средствъ... Князь Радзивиллъ, его друзья и помогавшіе мнѣ французы, вѣрите ли? всѣ меня оставили, скрылись... И все это сдѣлалось такъ неожиданно, скоро... Едва ваша армія заключила миръ съ Турціей, услужливые магнаты-поляки бросили меня. Я имъ это вспомню. А теперь скажу откровенно,—прибавила она, улыбаясь:—ну, я совсѣмъ, какъ есть, безъ денегъ, ни байока... нечѣмъ платить доктору, за провизію; кредиторы осаждаютъ, грозитъ полиція, вѣдь это ужасъ, нечѣмъ жить.

Проговоривъ это, княжна опять немилосердно закашлялась и устремила на меня растерянный, молящій взглядъ. Прежней увѣренности въ немъ не было и слѣда.

— Ваша свѣтлость,—сказалъ я, выполняя данную мнѣ инструк-

цію:—вотъ небольшая помощь, предлагаемая вамъ графомъ. Сколько здѣсь, я не знаю, но графъ предлагаетъ это искренно, отъ души.

Я вынулъ и подалъ княжнѣ запечатанный шифромъ графа его кредитивъ на имя римскаго банкира Дженкинса. Она прочла бумагу, провела рукой по глазамъ, взглянула на меня и опять закашлялась.

— Какъ!—вскрикнула она, съ блаженной улыбкой, прижимая къ груди бумагу:—и это истина, не шутка?

— Столь важный и высокій сановникъ, какъ его сіятельство графъ Орловъ,—отвѣтилъ я:—въ такихъ дѣлахъ не шутитъ.

Княжна стремительно вскочила съ софы, захлопала въ ладоши, какъ дитя, со смѣхомъ и слезами, быстро меня обняла, вскрикнула что-то и выбѣжала въ смежную комнату. Тамъ послышался ея крикъ: „безграничный кредитъ!“ и вслѣдъ затѣмъ ея громкое, истерическое рыданіе. Прислуга засуетилась. Вошелъ блѣдный, взволнованный Чарномскій.

— Ея высочество такъ вамъ благодарна!—сказалъ онъ, съ чувствомъ пожимая мнѣ руку:—вы первый помогли, не измѣнили данному слову... Это такъ рѣдко; княжна, впрочемъ, не даромъ колебалась—ее столько обманывали. И наши, неблагодарные, поманили ее и бросили... графъ ее приглашаетъ въ Болонью, согласится ли она, не знаю, но надо надѣяться, что она рѣшится и послѣдуетъ на зовъ графа... Она безстрашна, предпріимчива, смѣла, какъ рыцарь, и для дорогого ей дѣла, вѣрьте, не побоится ничего.

— Могу ли я это сообщить графу?—спросилъ я.

— Подождите нѣкоторое время... въ ея положеніи.... притомъ она, какъ видите, больна,—отвѣтилъ Чарномскій:—зайдите черезъ день, черезъ два; вамъ дадутъ знать. А пока все держите въ величайшей тайнѣ.

— Но здѣсь есть другіе русскіе?—сказалъ я:—они вхожи къ княжнѣ, могутъ ей повредить; кто они?

Чарномскій, покраснѣвъ и смѣшавшись, искоса взглянулъ на меня и отвѣтилъ, что объ этомъ не знаетъ ничего. Я удалился. Прошло нѣсколько дней; извѣстій о княжнѣ не было. Мы съ Христенекомъ безсмѣнно сторожили въ сосѣднихъ австеріяхъ, поглядывая, кто посѣщаетъ княжну и что̀ будетъ далѣе. Первые дни вкругъ дома Жуяни все было тихо, пустынно. Нѣсколько разъ подъѣзжалъ врачъ, проходила въ домъ какая-то женщина въ черномъ, съ черною вуалью на головѣ, повидимому—монахиня. Она подолгу оставалась у княжны. Разъ, подъ вечеръ, слуга къ оградѣ дома подвелъ красивую, наемную карету. Изъ воротъ, укутанная голубою мантильей, пошатываясь, вышла и сѣла въ карету женщина.—„Княжна!—сказалъ я Христенеку:—надо выслѣдить, куда поѣдетъ“.—Мы крикнули извозчика и поѣхали слѣдомъ. Карета, съ опущенными занавѣсками, быстро понеслась переулками, выѣхала на Корсо и остановилась у банкирской конторы

Дженкинса. Было ясно: магическій ключъ графскаго кредитива отпиралъ доступъ къ довѣрчивой, смѣлой красавицѣ.

Прошла еще недѣля. Отъ княжны не было извѣстій. Я нѣсколько простудился и сидѣлъ дома; ходившій же наблюдать Христенекъ объявилъ, съ досадой, что чуть-ли насъ преважно не провели: княжна не думала собираться въ Болонью.

Она, какъ узналъ соглядатай, расплатилась съ долгами. Кредиторы и полиція, грозившіе ей арестомъ, успокоились и болѣе ее не осаждали. Домъ Жуяни на-диво преобразился. У его воротъ, днемъ и по вечерамъ, толпились экипажи. Штатъ княжны снова увеличился. Она заняла оба яруса обширнаго дома Жуяни, накупила нарядовъ, попрежнему выѣзжала, посѣщала гулянья, галлереи картинъ и рѣдкостей, принимала гостей и держала открытый столъ. Кстати, въ это время Римъ былъ особенно оживленъ; въ немъ происходили выборы новаго папы, на мѣсто умершаго Климента XIV-го.

Салонъ княжны по вечерамъ навѣщали извѣстные живописцы, музыканты, писатели и духовная знать. Незнакомка въ черномъ платьѣ въ это время почти не показывалась. Я однажды только видѣлъ ее у воротъ дома Жуяни. Встрѣтясь со мной, она отвернулась съ досадой и, какъ мнѣ померещилось, произнесла какъ бы что-то порусски. Я разсмотрѣлъ только ея золотистые, съ сильною просѣдью, волосы и гнѣвомъ пылавшіе, сѣрые, еще красивые глаза. Изъ оконъ княжны слышались по временамъ звуки арфы, на которой она весьма искусно играла; толпа уличныхъ зѣвакъ и отдѣляемыхъ щедрою милостынею нищихъ до поздней ночи стояли у сквозной ограды ея дома, глазѣя во дворъ и оглашая крикомъ и рукоплесканіями пышные, съ кавалькадами, выѣзды княжны.

Я выздоровѣлъ и лично видѣлъ, какъ снова, то въ красивыхъ экипажахъ, то верхомъ на бѣшенныхъ скакунахъ, она носилась по площадямъ и улицамъ, попрежнему безпечна, нарядна и весела. Я невольно радовался за бѣдную, которой, какъ женщинѣ, черезъ меня была оказана такая поддержка. Одно было досадно: приставленный мнѣ въ помощь Христенекъ начиналъ намекать какъ бы на недовѣріе графа ко мнѣ.

Римъ заговорилъ о красивой гостьѣ, какъ о ней говорили Венеція и измѣнившая, подъ конецъ даже ей враждебная, Рагуза. Христенекъ провѣдалъ, что банкиръ Дженкинсъ отсчиталъ ей, отъ имени графа Орлова, десять тысячъ червонцевъ. Ожившая красавица мотала полученныя деньги съ безумною расточительностью, не помышляя, что имъ когда-нибудь настанетъ конецъ. Однажды и я былъ приглашенъ на ея вечеръ. Княжна казалась пышнымъ солнцемъ среди окружающихъ ее звѣздъ. Она играла на арфѣ съ такимъ чувствомъ, что я

былъ глубоко тронутъ. Объ отъѣздѣ, однако, не объяснила, а лишь мимоходомъ сказала: „будьте покойны, все устроится“.

По совѣту Христенека, дня черезъ два, я письменно напомнилъ княжнѣ о графѣ. Отвѣта долго не было. Мы терялись въ догадкахъ; но вотъ однажды мнѣ подали отъ нея записку, съ приглашеніемъ на свиданіе въ церковь Санта-Марія-делли-Анджели.

Былъ вечеръ. Я тихо вошелъ въ полуосвѣщенную, пропитанную запахомъ ладона, церковь. Свѣчи у иконъ кое-гдѣ мерцали. Таинственная тишина наполняла пустынный сумракъ колоннъ и молеленъ. Въ наиболѣе уединенномъ мѣстѣ, скрытая выступомъ боковой молельни, съ книжкой въ рукѣ, стояла въ бархатной, модной накидкѣ, подъ вуалью, стройная, худощавая особа. Я узналъ княжну.

— Желаніе добра и всѣхъ благъ моему отечеству, Россіи, и всѣмъ моимъ будущимъ подданнымъ, — сказала она, склоняясь надъ молитвенникомъ:—во мнѣ такъ сильно, что я рѣшилась и принимаю приглашеніе графа. Прежде онъ меня пугалъ, я ему не вѣрила, теперь вѣрю. Видите, я сдержала слово: моимъ друзьямъ я объявила, что покидаю свѣтъ и навсегда уѣзжаю въ отдаленный монастырь, гдѣ постригусь... Вамъ скажу другое.

Она помедлила, какъ бы собираясь съ силами.

— Завтра я ѣду, — произнесла она, съ нѣкоторою торжественностью:—только не въ монастырь, а съ вами къ графу Орлову. Вы не предадите меня, не измѣните мнѣ?

Я молча поклонился. Чтò я могъ ей отвѣтить,—я, вѣрный слуга государыни? Взоръ княжны пылалъ восторгомъ, надеждами; въ немъ не было колебаній и сомнѣній: передо мною стояла глубоко-убѣжденная женщина, жалость къ которой невольно охватывала меня.

— Итакъ, до завтра! въ путь...

„Ну, слава Богу! — подумалъ я: — графъ теперь ее отговоритъ, устроитъ ее“.

Она крѣпко сжала мнѣ руку, хотѣла еще чтò-то сказать и быстро вышла. Я также направился къ порогу церкви. Отъ урны съ святою водой отдѣлилась другая женщина. Она преградила мнѣ дорогу. Я узналъ въ ней особу въ черномъ, ходившую въ домъ Жуяни.

— Концовъ! — шепнула она съ негодованіемъ, по-русски, отталкивая меня въ сторону, за колонны:—вы... вы предатель?

— Какъ можете вы такъ говорить? кто вы?—спросилъ я:—если вы русская, назовите себя.

— Вамъ дѣла нѣтъ до моего имени; но вы въ заговорѣ противъ этой особы... уговорили ее ѣхать... ее тянутъ въ западню,—шептала, по-русски, въ волненіи незнакомка, сжимая мнѣ руку: — клянитесь...

или вы извергъ, такой же злодѣй, какъ тѣ, что научили погубить другого, такого же неповиннаго... въ Шлиссельбургѣ...

Мнѣ вспомнились разсказы бабушки о кровавой драмѣ Мировича.

— Успокойтесь,—сказалъ я:—передъ вами честный человѣкъ, офицеръ... я исполняю свой долгъ и убѣжденъ, что княжну ожидаетъ только улучшеніе ея судьбы.

Незнакомка молча указала мнѣ на образъ Богоматери.

— Повторяю,—прошепталъ я:—княжна въ безопасности; ея доля перемѣнится къ лучшему.

Она выпустила мою руку, склонилась и тихо вышла изъ церкви.

Я долго слѣдилъ за нею глазами, стараясь угадать, кто она и почему принимаетъ такое участіе въ княжнѣ...

XII.

Было двѣнадцатое февраля. День стоялъ особенно сиверкій и прохладный, хотя свѣтлый. Княжна помѣстилась со свитой и слугами въ нѣсколько экипажей. У церкви Санъ-Карло она раздала нищимъ богатую милостыню и, провожаемая толпой артистовъ и знати, среди гама и криковъ народа, бѣжавшаго за нею и махавшаго шляпами, направилась къ выѣзду изъ Рима. Прописавшись въ городскихъ воротахъ, подъ именемъ графини Селинской, она выѣхала на флорентинскую дорогу. Я поскакалъ впередъ; Христенекъ слѣдомъ за нею.

Шестнадцатаго февраля княжна пріѣхала въ Болонью. Графа не было въ этомъ городѣ; онъ ее ожидалъ въ своемъ, болѣе уединенномъ, пизанскомъ палаццо. Шумный поѣздъ и толпа слугъ княжны, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, озадачили графа. Онъ, впрочемъ, принялъ гостью отмѣнно ласково и почтительно, отвелъ ей невдали отъ себя приличное помѣщеніе, окруживъ ее всѣми удобствами и относясь къ ней точно вѣрноподданный, при посторонних передъ нею даже не садился.

Настунили дивныя дѣла. О чемъ графъ говорилъ съ княжной и какія повелъ относительно нея негоціи, про то никому не было извѣстно. Мы угадали только, и весьма скоро, что тутъ оказалась азартная игра въ любовь.

И дѣйствительно, княжна въ скорости поселилась въ графской квартирѣ; ея свита и слуги остались въ ближнихъ домахъ. Христенекъ, съ пріѣздомъ княжны, сталъ видимо меня оттирать и, точно вся удача была дѣломъ его рукъ, выдвигался впередъ. Я этимъ съ гордостью и презрѣніемъ пренебрегъ, такъ какъ графъ не могъ не видѣть, что лишь моему вліянію былъ обязанъ пріѣздомъ сюда княжны.

Разнесся слухъ, что Алексѣй Григорьевичъ подарилъ княжнѣ разныя вещи, въ томъ числѣ медальонъ съ своимъ миніатюрнымъ, на кости, портретомъ, осыпанный дорогими камнями, и что, съ ея появленіемъ, даже покинулъ свою любимую дотолѣ фаворитку, красивѣйшую и премилую госпожу, жену богача Александра Львовича Давыдова, урожденную также Орлову.

Сомнѣнія не было,—новая очаровательница полонила сердце графа, нашего исполина. Левъ влюбился въ легкокрылую бабочку. Ослѣпленный ею, графъ даже не стѣснялся: ѣздилъ съ нею открыто вездѣ—на гулянье, въ оперу, въ церковь.

Княжна удостоила призывать и меня; разспрашивала о томъ, о семъ и подтвердила, что довѣряетъ мнѣ больше всѣхъ. Графъ меня осыпалъ любезностями. Христенекъ, видя снова мое предпочтеніе, пустился на хитрости. Хитрый грекъ сталъ жаловаться, что княжна его обидѣла невниманіемъ въ Римѣ, что онъ съ этимъ не можетъ помириться, и она, съ позволенія графа, поднесла ему патентъ на полковничій чинъ. Меня обошли. Я снесъ и эту выходку, видя довольство мною графа и княжны, чему вскорѣ увидѣлъ доказательство.

— Ну, Концовъ,—сказалъ мнѣ однажды графъ:—честь тебѣ и хвала, что ты далъ мнѣ случай угодить такой особѣ. Надо ей и на будущее устроить спокойное и безбѣдное житье. Не правда-ли, что за прелесть! какой живой, обворожительный умъ! Скажу откровенно, хоть бы жениться, бросить холостой удѣлъ...

— Что-же, ваше графское сіятельство,—отвѣчалъ я:—за чѣмъ дѣло стало?

— Упирается, братецъ, говоритъ,—соглашусь, когда буду на своемъ мѣстѣ.

— То-есть, какъ, извините, на своемъ?

— Не понимаешь?.. Когда будетъ въ Россіи, дома—ну, когда государыня смилуется и удостоитъ признать ея права.

— И въ томъ есть надежда?

Орловъ задумался.

— Полагаю,—сказалъ онъ:—дѣло возможное, только не повредили бы ей здѣшніе друзья... Сильно слѣдятъ тутъ за нею эти поляки и всякое іезуитство; еще, пожалуй, окормятъ насъ, застрѣлятъ, или попадешь, гдѣ въ переулкѣ, подъ наемный кинжалъ. Нужная для ихъ смутъ особа...

Глаза графа смотрѣли тревожно; его открытое, смѣлое и умное лицо видимо было смущено. Сердечная страсть, какъ-бы противъ его воли, ясно сказывалась въ дрожаніи голоса и въ каждомъ его словѣ.

Прошелъ день. Графъ не разставался съ гостьей.

— Вотъ бѣда, ума не приложу,—сказалъ онъ какъ-то, позвавъ

меня:—бьюсь, бьюсь, не слушаетъ... Если-бы нашелся пособникъ, если-бы кто ее уговорилъ...

— Въ чемъ?—спросилъ я.

— Тайно обвѣнчаться и бѣжать...

— Съ кѣмъ?

— Со мной...

— Что вы, ваше сіятельство? куда?

— Хоть на край свѣта... Да кстати, уговори ее не носить при себѣ пистолетовъ; она чуть на дняхъ въ запальчивости не убила свою служанку Франциску...

Произнеся такое признаніе, атлетическій, красивѣйшій изъ смертныхъ, богатырь-графъ стоялъ съ краской въ лицѣ и съ опущенными, какъ у влюбленнаго юноши, глазами, робко ожидая моего приговора. Чтò было отвѣтить? Я въ смущеніи промолчалъ, но и здѣсь, какъ и во всемъ и всегда, рѣшилъ остаться его преданнымъ и покорнѣйшимъ слугою. Дѣло шло о свадьбѣ, чтò же тутъ дурного? Женясь на ней, графъ шелъ на зовъ сердца, а вмѣстѣ выигрывалъ и въ положеніи: роднясь съ царскою кровью, обращалъ претендентку въ скромную графиню Орлову.

...Прерываю разсказъ, обращаясь къ дѣйствительности, къ бѣдному нашему фрегату. Боже, что за ужасъ! Истерзанный бурею, „Сѣверный Орелъ“ пять сутокъ уносился теченіемъ, неизвѣстно куда. Тщетно производили вычисленія, промѣры. Сегодня, съ разсвѣтомъ, мы прошли за Испаніей, невдали отъ африканскихъ береговъ, мимо какихъ-то дикихъ, каменистыхъ острововъ. Давали знаки. Въ туманѣ насъ никто не замѣтилъ. Днемъ я, отбывъ свою очередь, стоялъ на вахтѣ. Нестерпимый, знойный береговой вѣтеръ и безбрежная ширь взволнованнаго, рокочущаго между скалъ моря, корабль безъ мачтъ и руля, общее отчаяніе и ни малѣйшей надежды спастись,—вотъ чтò было передъ глазами. Первый подводный камень,—и всѣ мы идемъ ко дну.

Иренъ, далекая, ненаглядная измѣнница! видишь ли ты мученія отверженнаго тобой, безславно гибнущаго изгнанника?

...Ночь. Снова тишина. Я опять въ каютѣ. Господь-Вседержитель! дай силы пережить хотя бы еще сутки, дописать начатое.

XIII.

Истомленная команда уснула. Бодрствуютъ одни часовые да я.

Приступаю къ изложенію тягчайшаго испытанія жизни. Оно-то, это испытаніе, и составляетъ главнѣйшій предлогъ настоящей испо-

вѣди,—да прочтутся эти строки тою, по чьей винѣ я скитаюсь на чужбинѣ, а чрезъ то невольно помогъ совершиться и дѣянію, назначенному мнѣ быть въ вѣчный судъ и укоръ.

Это было въ Болоньѣ, куда переѣхалъ графъ.

Княжна пожелала меня видѣть, ласково попросила сѣсть и сѣла сама. Вижу—опять у нея на щекахъ багровыя пятна, глаза горятъ и вся она какъ-бы внѣ себя.

— Лейтенантъ, я вамъ, по тайности, сообщу одно дѣло,—сказала она, оглядываясь.

— Слушаю, ваша свѣтлость, можете во всемъ на меня положиться,—отвѣтилъ я.

— Графъ уѣзжаетъ завтра утромъ въ Ливорно. Слышали вы это?

— Знаю,—отвѣтилъ я.

— Тамъ, видите ли, произошла ссора и драка англичанъ-матросовъ съ русскими, и графа туда приглашаетъ его пріятель, англійскій консулъ Дикъ.

— Что-же,—произнесъ я:—дѣло пустое, скоро уладится и графъ возвратится.

— Онъ меня зоветъ съ собой... что̀, если я не соглашусь и съ нимъ не поѣду?—спросила княжна:—какъ вы думаете? онъ не броситъ меня, какъ другіе, не скроется навсегда?

— Помилуйте,—отвѣтилъ я, исполняя мысли графа:—это простая прогулка; отчего бы вамъ и въ самомъ дѣлѣ не поѣхать съ графомъ? Погода отмѣнная, пріятно провести вмѣстѣ такой вояжъ.

— Да,—отвѣтила она задумчиво:—хотѣлось бы и мнѣ взглянуть на этотъ городъ и на вашъ флотъ; графъ такъ хвалитъ родныхъ моряковъ.

— И прекрасно, зачѣмъ же дѣло стало?—сказалъ я, размышляя: „Да! задѣло графа за ретивое, не хочетъ съ нею разстаться и на малый срокъ“.

— И еще одно,—произнесла княжна, собираясь съ мыслями.

Вижу, въ ея глазахъ слезы, губы вздрагиваютъ; она глядитъ на меня и будто меня не видитъ.

— Слушайте!—проговорила она, схватывая меня за руку:—вы честный человѣкъ... графъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе, сватается за меня... что̀ вы скажете?

Я почтительно всталъ.

— Отъ всего сердца поздравляю,—искренно отвѣтилъ я, съ поклономъ:—ваши достоинства побѣдили, удивительнаго нѣтъ.

— Не обманетъ онъ меня? не предастъ?—заговорила княжна вполголоса, опять оглядываясь,—а губы, вижу, бѣлыя и вся внѣ себя:—

скажите мнѣ правду, заклинаю васъ, молю!.. Видите, я по вашему совѣту уже не ношу оружія, оно обижало его...

Мнѣ пришло въ голову, что въ эту поѣздку графъ могъ рѣшиться обвѣнчаться съ нею.

— Помилуйте, ваша свѣтлость,—сказалъ я, и вѣчно буду помнить это мною сказанное, роковое слово:—чего опасаетесь? да графъ въ васъ до безумія влюбленъ, мнѣ это хорошо извѣстно; онъ спитъ и видитъ, въ мысляхъ помутился, даже хотѣлъ съ вами бѣжать.

— Такъ это истина? клянитесь вашею матерью, отцомъ:—произнесла она, стискивая мнѣ руку.

— Какъ передъ Богомъ! самъ отъ него наединѣ слышалъ; онъ удостоилъ меня откровенности... а между тѣмъ, что̀ я для него? мелкій подчиненный, ничтожество... онъ такъ искренно говорилъ...

Княжна устремила взглядъ на походный, висѣвшій въ ея комнатѣ, образокъ Спаса въ терновомъ вѣнкѣ и нѣсколько мгновеній оставалась въ неподвижности, какъ бы горячо и усердно молясь.

— Смѣлые только и живутъ! — произнесла она, вставая и выпрямляясь.—Какъ жену, онъ не предастъ меня, не можетъ предать... я ѣду... но, помните, даромъ не отдамъ свободы и сердца... чему быть, то сбудется на-дняхъ...

Я отъ души вновь поздравилъ княжну.

— Еще слово, Концовъ, — остановила она меня:—скажите, да такъ же, какъ передъ Богомъ, по совѣсти, дѣйствительно ли это тотъ Орловъ, который помогъ вашей императрицѣ взойти на престолъ?

— Онъ самый.

— Молодецъ, герой!—одушевленно вскрикнула княжна:—эввива! отважный Сидъ, Баярдъ! божья искра даетъ такимъ смѣлость и величіе души.

Я ушелъ, полный радости за исходъ дѣла, хотя тайная мысль шевельнулась во мнѣ: „а знаетъ ли княжна о другомъ, послѣдующемъ подвигѣ графа? и почему я не сказалъ ей объ этомъ его тяжкомъ, ничѣмъ незамолимомъ, черномъ грѣхѣ?“ Я исполнялъ долгъ службы, волю начальства, но вмѣстѣ жалѣлъ эту женщину.

Тяжелыя сомнѣнія охватили меня, не дали въ ту ночь спокойно спать.—„Долгъ долгомъ, а что̀ если? Пойти утромъ,—шепталъ мнѣ внутренній голосъ:—предупредить ее... время не ушло; пусть лучше и строже все обдумаетъ и сама рѣшитъ“.

Чуть взошло солнце, я одѣлся и поспѣшилъ къ дому графа. У крыльца толпился народъ, подъѣзжали запряженные экипажи. Я протискался сквозь толпу. Графъ съ княжной уже сидѣлъ въ коляскѣ; въ другомъ экипажѣ былъ Христенекъ, въ третьемъ—часть прислуги.

— Садись, Концовъ, тебя только ждали!—крикнулъ графъ.

Я безсознательно сѣлъ въ экипажъ къ Христенеку. Поѣздъ двинулся. Утро, послѣ небольшого дождя, было свѣтлое, тихое.

— Что видите вы во всемъ этомъ?—спросилъ меня Христенекъ, когда выѣхали.

— Въ чемъ?

— Да этотъ-то вояжъ?

— Не знаю и знать не смѣю,—отвѣтилъ я.

— Завтра быть парочкѣ молодыхъ, — улыбнулся онъ:—обвѣнчаются.

— Но гдѣ же церковь?

— А флотская на что̀? взойдутъ на адмиральскій корабль, тамъ живо ихъ и повѣнчаютъ. Для того, видно, она и согласилась туда ѣхать...

— Такъ это вѣрно?

— Еще бы, ужели не видите?.. графъ—точно на крыльяхъ; трудно было вѣрить, а изъ сказки выходитъ быль.

Въ Ливорно графа Орлова встрѣтилъ командиръ нашей эскадры, адмиралъ Самуилъ Карловичъ Грейгъ. Ѣздили потомъ, графъ и княжна, съ визитами къ нему и къ консулу Дику, катались съ консуломъ, его женой и всею компаніей въ окрестностяхъ и совершили прогулку въ катерахъ по морю, съ музыкой, вездѣ провожаемые любопытною, гонявшеюся за ними, толпой.

Вечеромъ, во второй день пребыванія въ Ливорно, графъ съ княжной были въ оперѣ. Когда они возвратились, я изъ сѣней отведеннаго графу роскошнаго приморскаго палаццо примѣтилъ сходившаго съ графскаго крыльца другого проныру, тоже грека нашей службы, Осипа Михайловича Рибаса, или Де-Рибаса. Этотъ былъ тоже въ родѣ Христенека, черенъ, какъ жукъ, но выше ростомъ и менѣе подвиженъ. Ихъ у насъ такъ и звали: жукъ и жуколица. Де-Рибасъ, какъ я узналъ, еще ранѣе меня и Христенека, ѣздилъ съ развѣдками о княжнѣ въ Венецію.

— Прощай, попъ,—засмѣялся графъ въ окно Де-Рибасу: —не забудь только ризы...

„Риза... и почему попъ?"—терялся я въ догадкахъ, стоя у мраморной колоннады крыльца, съ котораго былъ великолѣпный видъ на голубое, безбрежное море и эскадру.

XIV.

Двадцать перваго февраля была особенно пріятная, почти лѣтняя погода. Въ небесахъ ни облачка, на морѣ тихо и вездѣ какъ-то празднично-радостно.

У англійскаго консула, для графа и его спутницы, былъ дружескій завтракъ. Княжна явилась туда богато и со вкусомъ наряжена, бойка и весела. Куда дѣлась хвороба: щебетала съ прочими гостями, гуляла по эстрадѣ, украшенной цвѣтами, смѣялась и безпечно шутила. Всѣ обходились съ нею вѣжливо и съ отмѣннымъ вниманіемъ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ, услуживая спутницѣ, то подавалъ ей вѣеръ и перчатки, то заботливо бралъ у слугъ и подносилъ ей прохладительное. Мы видѣли: онъ не спускалъ съ очаровательницы влюбленныхъ, потерянныхъ глазъ. И она какъ-бы переродилась, поздоровѣла; куда дѣлся ея болѣзненный видъ! Ея рыцарь, укрощенный левъ, былъ у ея ногъ.

— Каковъ нашъ селадонъ,—шепнулъ Христенекъ, поглядывая на меня:—какъ на покоѣ-то, на чесменскихъ лаврахъ, не пропускаетъ герой иныхъ побѣдъ!

Адмиралъ Грейгъ, по природѣ угрюмый, сосредоточенный и важный, былъ нѣсколько разсѣянъ, сидѣлъ съ опущенными глазами и, какъ-бы не примѣчая никого, болѣе молчалъ. Кто-то взглянулъ въ окно. Оттуда было видно море и выстроившаяся, въ отдаленіи, русская флотилія. Дамы заговорили о пріятности прогулки на парусахъ.

— Когда же, графъ, покажете ваши корабли?—спросила княжна:—въ Чивита-Веккіи вы устроили примѣрное сраженіе подъ Чесмой, осчастливили другихъ, не удостоите ли и насъ?

— Все готово!—отвѣтилъ, вставая и почтительно кланяясь, Орловъ.

Общество двинулось къ морю.

Мужчины и дамы спустились на берегъ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ былъ особенно почтителенъ къ княжнѣ. Онъ накинулъ ей на плечи шаль, взялъ изъ рукъ слуги ея зонтикъ и, развернувъ его надъ нею, шелъ рядомъ съ ней, осыпая ее нѣжно-страстными признаніями. Стоявшіе у берега зрители, любуясь его генеральскимъ, темно-зеленымъ съ красными отворотами, раззолоченнымъ мундиромъ и величественною осанкой, кричали „виватъ“ и шептали: вотъ парочка! Всѣ усѣлись въ поданные шлюпки и катера; съ княжной въ раззолоченный, по-царски убранный, катеръ, помѣстились адмиральша Грейгъ и консульша Дикъ; графъ сѣлъ съ адмираломъ, а мы—свитскіе—съ слугами княжны.

Катера направились къ флотиліи. Эскадра встрѣтила насъ съ особою пышностью: вездѣ были флаги, офицеры на палубахъ стояли въ парадныхъ мундирахъ, матросы на мачтахъ и реяхъ. На всѣхъ судахъ заиграла пріятная музыка. Волны слегка колыхались. Дальній берегъ былъ усыпанъ любопытствующими.

Съ адмиральскаго корабля „Трехъ Іерарховъ“ спустили разукра-

шенное кресло и въ немъ подняли съ катера княжну, а за нею и прочихъ дамъ. Мы взошли по трапу.

Едва дамы вступили на бортъ, со всѣхъ сторонъ раздалось дружное ура и загремѣла пушечная пальба. Зрѣлище было торжественное. Народъ, покрывавшій улицы и набережную, въ радости махалъ шляпами и платками. Всѣ ждали, что Орловъ и здѣсь произведетъ манёвры, съ сожженіемъ, для примѣра, негоднаго корабля. Множество зрительныхъ трубъ было на насъ направлено съ берега. Десятки шлюпокъ, съ публикой, стали отчаливать и подходили къ судамъ.

На кораблѣ „Трехъ Іерарховъ" была особая суета. Адмиральская прислуга возилась съ угощеніемъ, нося на палубу вина, сласти и плоды. Подчивали и насъ. Въ каютъ-кампаніи начались танцы. Молодежь съ дамами усердно танцовала контредансъ и котильонъ. Адмиральша и консульша особенно ухаживали за княжной.

Вскорѣ дамъ пригласили въ особую каюту. За ними, разговаривая другъ съ другомъ, сошли туда же графъ и адмиралъ. Послѣдній былъ какъ-бы не по себѣ и нѣсколько сумраченъ.

— Будутъ вѣнчать графа и княжну,—сказалъ кто-то изъ офицеровъ вполголоса товарищу.

Я обомлѣлъ.

— Почему же здѣсь?—спросилъ тотъ, кому это было сказано:— что за таинственность и поспѣшность?

— Русской церкви нѣтъ ближе; адмиралъ уступилъ корабельную,—княжна потому и пріѣхала въ Ливорно и на этотъ корабль.

Спустя нѣкоторое время, по особому зову, подъ палубу спустились кое-кто изъ свитскихъ, въ томъ числѣ и, молча переглянувшіеся, оба грека нашей службы, пронырливые и ловкіе Рибасъ и Христенекъ. Мнѣ при этомъ почему-то вспомнились загадочныя слова графа Рибасу—„попъ и риза". Духовенства на кораблѣ, между тѣмъ, не было видно.

Палуба нѣсколько опустѣла. Офицеры ходили, весело бесѣдуя и наводя лорнеты на публику въ шлюпкахъ. Музыка на кормѣ играла веселый маршъ, потомъ арію изъ какой-то оперы.

Подъ палубой, между тѣмъ, произошло нѣчто донынѣ въ точности неизвѣстное. Одни послѣ утверждали, что за угощеніемъ была только вновь открыто провозглашена помолвка графа и княжны и всѣ при этомъ торжественно пили за здравіе жениха и невѣсты. Другіе чуть не клятвенно утверждали, будто въ особой каютѣ для вида и въ исполненіе слова, даннаго княжнѣ, совершилось самое вѣнчаніе ея и графа, и что роли іерея и дьякона при этомъ кощунственно играли, переряженные въ церковныя флотскія одежды, Христенекъ и Рибасъ; первый былъ дьякономъ, а второй попомъ.

Но я забѣгаю впередъ. Надо возвратиться на палубу „Трехъ Іерарховъ“.

Нѣтъ силъ, сердце надрывается и перо падаетъ изъ рукъ при мысли о томъ, что̀ я здѣсь вскорѣ увидѣлъ. И гдѣ бы я ни былъ, останусь ли чудомъ Господнимъ живъ, или погибну въ безднахъ волнъ, воспоминаніе объ этомъ не умретъ во мнѣ до послѣдняго вздоха.

Палуба оживилась. Всѣ, бывшіе въ каютѣ, снова взошли на палубу, размѣстились говорливыми кучами по бортамъ и на рубкѣ. Слышались остроты, смѣхъ. Слуги разносили прохладительное и вино.

Княжна сидѣла у борта. Поднимался вѣтеръ, свѣжѣло. Она знакомъ головы ласково подозвала меня къ себѣ. Я ей помогъ надѣть мантилью.

— Въ вѣкъ не забуду!—шептала она, съ восторженною, блаженною улыбкой горячо пожимая мнѣ руку: — вы сдержали слово; сонъ сбывается, я буду скоро въ Россіи, а тамъ, отчего не надѣяться? провозгласятъ и будущую царицу Елисавету вторую... Вѣкъ чудесъ! Чѣмъ была, давно ли, сама нынѣшняя императрица?

Меня поразили эти слова. Я промолчалъ, смущенный безумнымъ бредомъ ослѣпленной женщины.

Съ „Трехъ Іерарховъ“ въ это время дали знакъ особымъ флагомъ. Раздались новые пушечные салюты. Загремѣло ура. На всѣхъ корабляхъ опять заиграли оркестры.

Эскадра начала манёвры.

Восхищенная общимъ вниманіемъ будущихъ подданныхъ, княжна, облокотясь о бортъ, стояла въ пріятной задумчивости, слѣдя взглядомъ за сигнальными дымàми выстрѣловъ и за начавшимся движеніемъ кораблей. Какъ теперь вижу ее, въ голубой бархатной мантильѣ, въ черной соломенной шляпкѣ и съ бѣлымъ зонтикомъ въ рукѣ.

Забылся при этомъ и я, разсуждая: — „Да, дѣло сдѣлано! графъ нашелъ подругу жизни, съумѣетъ ее наставить и, вразумивъ, поспѣшитъ съ нею къ стопамъ милосердной императрицы“.

XV.

— Ваши шпаги, господа!—раздался вдругъ по близости отъ меня громкій, настойчивый голосъ.

Я оглянулся.

Капитанъ гвардіи Литвиновъ обращался поочередно къ адъютантамъ и къ прочей свитѣ графа, отбирая у всѣхъ шпаги. Вооруженные матросы наполняли всю палубу. Адмирала Грейга, его жены и консульши уже здѣсь не было. Я въ изумленіи, вслѣдъ за другими, также подалъ капитану шпагу.

Княжна, заслышавъ бряцаніе ружей и говоръ, быстро обернулась. Ея лицо было блѣдно. Она мигомъ все поняла.

— Чтò это значитъ?—спросила она по-французски.

— По именному повелѣнію ея императорскаго величества, вы арестованы!—отвѣтилъ ей на томъ же языкѣ капитанъ.

— Насиліе?—вскрикнула княжна:—на помощь!.. сюда!

Она бросилась къ трапу, протискиваясь слабыми руками сквозь сомкнутый, военный строй. Загорѣлыя, хмурыя лица матросовъ удивленно и молча смотрѣли на нее.

Литвиновъ заступилъ ей дорогу.

— Нельзя,—сказалъ онъ:—успокойтесь.

— Вѣроломство! Проклятіе!—бѣшенно проговорила она:—такъ поступать съ женщиной, съ прирожденной вашей княжной! слышите ли?—дайте дорогу, — кричала она солдатамъ по-французски: — гдѣ графъ Орловъ? позовите, ведите его... вы отвѣтите за все!

— Графъ, по приказанію государыни и адмирала, также задержанъ,—отвѣтилъ ей, вѣжливо кланяясь, Литвиновъ:—онъ арестованъ, какъ и вы...

Княжна громко вскрикнула, отступила... Ея гаснущій взоръ замѣтилъ меня въ сторонѣ. Онъ съ укоризной, какъ ножъ, скользнулъ по моему сердцу, какъ-бы говоря: „ты виновникъ, ты погубилъ меня“... Она пошатнулась и упала безъ чувствъ.

Матросы снесли ее въ каюту.

Прислуга княжны, кромѣ горничной, оставленной при ней, была также арестована и, подъ строгимъ надзоромъ, перевезена на другой корабль.

Потрясенный до глубины души всѣмъ, чтò произошло на моихъ глазахъ, я внѣ себя опомнился въ какой-то, полутемной, корабельной коморкѣ. Поднялъ голову и вижу, что взаперти со мной, подъ карауломъ, сидитъ и самъ главный предатель, Христенекъ. Это меня непомѣрно удивило. Мой товарищъ сидѣлъ, впрочемъ, спокойно. Развалясь и доѣдая чтò-то прихваченное изъ сластей, онъ изрѣдка поглядывалъ на нашу затворенную дверь.

— Удивляетесь?—спросилъ онъ меня:—не правда ли, вѣдь чудеса?

— Да, есть чему подивиться,—отвѣтилъ я, на-силу одолѣвая къ нему отвращеніе.

— Иначе было нельзя,—сказалъ онъ.

— Почему?

— Только приманка брака и соблазнила эту искательницу приключеній.

— Но для чего было играть чувствами, сердцемъ!—проговорилъ я, не стерпѣвъ.

— Иначе ее не заманили бы на флотъ.

— Были другіе способы, — возразилъ я: — мнѣ извѣстно, графъ клятвенно признавался ей въ любви, а ставъ его женою, она и безъ того охотно довѣрилась бы нашей эскадрѣ.

— Эхъ, любезный Концовъ,—простота!—проговорилъ съ улыбкой грекъ:—ужели, извините, ранѣе не угадали? Да въ то именно время, когда графъ игралъ съ княжной въ самые нѣжные амуры, я, подъ его диктантъ и отъ его имени, писалъ государынѣ, что здѣсь, для уловленія этой авантюрьеры, рѣшились на все,—хоть, безъ дальнѣйшихъ словъ, камень ей на шею да въ омутъ.

— Что же вы и впрямь ее не утопили?—смѣло воскликнулъ я, не помня, что̀ говорю:—это не въ примѣръ было бы лучше для обманутой, несчастной, чахоточной...

— Проживетъ еще,—сказалъ Христенекъ: повелѣно схватить ловко, безъ шума; въ точности и исполнили.

Я съ негодованіемъ слушалъ эти холодныя, жесткія слова. Издѣвательство наглаго грека выводило меня изъ себя.

— Ну, полно, другъ,—произнесъ Христенекъ:—успокойте рыцарскія свои чувства, все пустяки! Въ наше время, помните, главное—отвага и въ самой дерзости умная и ловкая острота. Ты успѣлъ, — могучъ и богатъ; не успѣлъ,—бѣдность или того хуже—Сибирь. Вставайте-ка лучше, развѣ не видите? пора...

Поднявъ голову, я увидѣлъ, что наша коморка уже отперта и за дверью, улыбаясь, гурьбой стояли, подгулявшіе и веселые, прочіе моряки.

Меня и грека позвали въ капитанскую. Тамъ красовалась батарея винъ; дымились трубки, кипѣлъ пуншъ. Насъ заставили выпить и отпустили на берегъ. Графъ, какъ я узналъ, въ это время былъ съ адмираломъ у консула. Тамъ они обсуждали свои дальнѣйшія дѣйствія.

Насталъ вечеръ. Улицы Ливорно шумѣли негодующею, взволнованною толпой. Русскіе жались по квартирамъ. Я безсознательно схватилъ шляпу и плащъ, прошелъ окольными переулками за городъ и оттуда на взморье.

XVI.

Я упалъ на берегъ. Боже, какая казнь! Слезы меня душили. Я ненавидѣлъ, проклиналъ весь міръ.—„Какъ! мыслилъ я:—совершилось такое безбожное, вопіющее дѣло! и я во всемъ этомъ былъ соучастникъ, пособникъ?“ — Я дрожалъ отъ негодованія и бѣшенства, съ ужасомъ вспоминая и перебирая въ умѣ всѣ возмутительныя подроб-

ности и мелочи, весь адскій разсчетъ и предательство того, кому я былъ такъ преданъ и кто не постыдился играть священнѣйшимъ чувствомъ—любовью. Мнѣ представилась въ эти минуты бѣдная, всѣми обманутая, убитая горемъ женщина. Я ее вообразилъ себѣ душевно истерзанною, въ тюрьмѣ, можетъ быть, въ цѣпяхъ, подъ охраной грубыхъ солдатъ. — „И въ какое время это сдѣлалось? — мыслилъ я: — когда такъ нежданно все ей улыбалось, исполнялись всѣ ея золотыя, несбыточныя грезы и мечты. Она, тайная дочь бывшей императрицы, увидѣла, наконецъ, у своихъ ногъ перваго сановника новой государыни. Съ флота неслись привѣтственные клики, пальба. Что̀ она должна была чувствовать, что̀ пережить?“

Изъ-подъ скалы, гдѣ я лежалъ, мнѣ былъ виденъ закатъ солнца, золотившаго послѣднимъ блескомъ холмы, верхи городскихъ церквей и чуть видныя въ морѣ очертанія кораблей.

„Позоръ, позоръ!“ — шепталъ я себѣ: — „графъ Орловъ навѣкъ запятналъ себя новымъ, еще болѣе чернымъ дѣломъ. Ни чесменскіе, ни другіе лавры не укроютъ его отнынѣ предъ людскимъ и Божьимъ судомъ. А съ нимъ, по заслугѣ, отвѣтимъ и всѣ мы, его пособники въ этомъ поступкѣ“.

Отчаянье и скорбь во мнѣ были такъ сильны, что я готовъ былъ лишить себя жизни.

„Нѣтъ, кайся, всю жизнь кайся!“ — твердилъ во мнѣ внутренній голосъ: — „ищи искупить свой тяжкій грѣхъ“.

Съ адмиральскаго корабля прозвучалъ пушечный выстрѣлъ. Съ прочихъ, болѣе близкихъ судовъ, послышались звуки заревой музыки. Тамъ молились. Море одѣвалось сумракомъ. У брандвахты и по берегу зажигались сторожевые огни.

Я всталъ и, еле двигая ноги, побрелъ въ городъ. Тамъ меня ожидалъ ординарецъ графа. Я пошелъ за нимъ.

— Ну, Концовъ, признайся, удивленъ?—спросилъ, встрѣтивъ меня, Алексѣй Григорьевичъ.

Рѣчь отказывалась мнѣ служить. Да и что̀ я могъ ему отвѣтить? Этотъ, надѣленный всѣми благами жизни, богатырь, этотъ лихачъ и умница, осыпанный почестями сановникъ, еще недавно мой кумиръ, былъ теперь мнѣ противенъ и невыносимъ.

— Ты думаешь, я не помню, забылъ?—продолжалъ онъ, какъ бы избѣгая на меня глядѣть:—вѣдь главнѣйше я тебѣ во всемъ обязанъ... Не будь тебя и ея вѣры въ твое участіе, не такъ бы легко сдалась пташка...

Слова графа добивали меня. Я стоялъ ошеломленный, растерянный.

— Можетъ быть, тебѣ неизвѣстно, — какъ бы въ утѣшеніе мнѣ

сказалъ графъ:—успокойся... изъ Петербурга, на счетъ этой дерзкой, всклепавшей на себя несбыточное имя и природу, пришелъ несомнѣнный приказъ: схватить и доставить её туда, во что̀ бы то ни стало. Теперь понялъ?

Я въ смущеніи продолжалъ молчать.

— Самозванка въ нашихъ рукахъ,—закончилъ графъ:—воля монаршая соблюдена и арестантку въ скорости повезутъ на сѣверъ. Будетъ не мало розысковъ, докопаются до главныхъ корней... Это дѣло не однѣхъ чужихъ рукъ; замѣшанъ кое-кто и изъ нашихъ вояжировъ. Въ бумагахъ этой лгуньи оказались весьма знакомые почерки...

„Ты радуешься, будутъ новые аресты, розыски!"—подумалъ я:—„а что̀ самъ-то сдѣлалъ, безжалостный, каменный человѣкъ?"

— Что же ты молчишь?—спросилъ графъ.

— Городъ волнуется, — отвѣтилъ я: — сходбища, крики, угрозы. Берегитесь, графъ,—прибавилъ я, не преодолѣвая отвращенія къ нему:—это не Россія... пырнутъ, какъ разъ.

— А ты вотъ что, милый, — нахмурился графъ: — кто тронетъ тебя или кого другого изъ нашихъ и станетъ грозить, укажи только на море... семьсотъ пушекъ, братецъ, прямо оттуда глядятъ! Махну имъ, будетъ здѣсь гладко и чисто. Такъ всякому и скажи! а я ихъ не боюсь...

„Хвастунъ!"—подумалъ я, холодѣя отъ злобы, и ушелъ отъ графа молча, даже не поклонившись ему.

XVII.

Прошло еще нѣсколько тяжелыхъ, невыносимыхъ дней. Ливорнцы дѣйствительно шумѣли и стали грозить открытымъ насиліемъ. Негодующая чернь съ утра до ночи стояла передъ дворомъ графа, изрѣдка кидая въ ворота камнями. Графа охранялъ сильный отрядъ матросовъ. Лодки, наполненныя дамами и знатными горожанами, то-и-дѣло отплывали изъ гавани. Онѣ сновали вкругъ нашихъ кораблей, ожидая, не увидятъ ли гдѣ въ окно несчастную плѣнницу?

Меня посылали на „Трехъ Іерарховъ". Графъ поручалъ отвезти туда письмо и пачку французскихъ книгъ. Послѣ я узналъ, что это была посылка княжнѣ. Возвращаясь въ городъ, я вдругъ услышалъ крикъ, оглянулся съ лодки и замеръ: въ открытомъ окнѣ „Трехъ Іерарховъ" виднѣлось припавшее къ рѣшеткѣ блѣдное лицо, и чья-то рука мнѣ махала платкомъ. Я также подалъ знакъ рукой. Былъ ли онъ, въ плескѣ волнъ, замѣченъ съ корабля—не знаю.

Матросы усердно ложились на весла. Съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ. Лодка быстро неслась, ныряя по расходившимся волнамъ.

Прошелъ слухъ, что эскадра надняхъ снимается. Куда было ея назначеніе, никто не зналъ. Я собрался развѣдать, останусь ли при штабѣ графа, и только-что взялся за шляпу, въ комнату кто-то вошелъ. Оглянулся—у порога стояла черная фигура. Я разглядѣлъ въ ней русскую незнакомку церкви Санта-Марія. Примятый и запыленный нарядъ показывалъ, что она недавно съ дороги.

— Узнали?—спросила она, откидывая съ головы вуаль, причемъ ея золотистые, кудрявые волосы оказались еще болѣе сѣды.

— Чтò вамъ угодно?—спросилъ я.

— Такъ-то вы ручались и увѣряли?—произнесла она, подступая ко мнѣ:—гдѣ же ваши увѣренія, что вы честный человѣкъ?

— Выслушайте меня... я невиноватъ,—началъ я.

— Изверги, злодѣи!—вскрикнула она:—устроили западню, заманили, сгубили бѣдную и думаютъ, что это такъ имъ пройдетъ. Вы покойны? ошибаетесь—часъ расплаты близокъ, онъ настанетъ...

Она такъ приступала ко мнѣ, что я подался въ уголъ, къ открытому окну. Окно было въ нижнемъ ярусѣ дома и выходило въ садъ. Я обрадовался, примѣтивъ, что въ саду въ это время не было никого. Шумъ могъ привлечь любопытныхъ и повредилъ бы незнакомкѣ, которой посѣщеніе мнѣ было непонятно и разубѣдить которую, какъ мнѣ казалось, было трудно.

— Вы невиноваты?—спросила она:—невиноваты?

— Да, я дѣйствовалъ честно!—вы увидите, я докажу...

— Отвѣчайте... вы совѣтовали княжнѣ ѣхать? убѣждали ее?

— Убѣждалъ...

— Говорили ей о возможности брака съ Орловымъ? Не прибѣгайте къ уверткамъ, слышите ли, мнѣ нуженъ прямой отвѣтъ! — твердила эта женщина, въ крайнемъ волненіи и вся трясясь.

— Бракъ мнѣ былъ заявленъ самимъ графомъ, онъ клятвенно увѣрялъ.

— А, вѣроломные предатели! смерть тебѣ!—неистово вскрикнула незнакомка, взмахнувъ при этомъ рукой.

Я не успѣлъ отшатнуться. Въ упоръ грянулъ выстрѣлъ. Клубъ дыма заслонилъ мнѣ лицо. Я рванулся, схватилъ безумную за руку. Она, съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ, отбиваясь, выстрѣлила еще разъ и, къ счастью, также неудачно. Отнявъ у нея пистолетъ, я выкинулъ его въ садъ. Сбѣжалась прислуга, стали стучать въ дверь прихожей. Я бросился туда и, черезъ силу поборая волненіе, сказалъ, что разряжалъ въ окно пистолетъ и что не произошло ничего опаснаго. Меня оставили, недовѣрчиво поглядывая на меня.

Замкнувъ дверь прихожей, я возвратился къ незнакомкѣ. Я былъ въ неописанномъ состояніи. — „Ахъ, ахъ!“ — твердилъ я: — „чтò вы

сдѣлали, на что рѣшились! и за что, за что?" —Гостья, припавъ къ столу головой, въ безпамятствѣ рыдала. Я прошелся по комнатѣ и невольно взглянулъ въ зеркало: на мнѣ не было лица, я себя не узналъ.

— Слушайте-же, —проговорилъ я, наконецъ, гостьѣ, не перестававшей плакать: —вы должны знать, что я самъ сталъ жертвой возмутительнаго обмана.

...И я началъ разсказъ.

— Вы видите,—сказалъ я, кончивъ:—Господь смиловался, я живъ... Объяснитесь же и вы...

Незнакомка долго не могла выговорить слова. Давъ ей напиться, я предложилъ ей выйти въ садъ. Здѣсь къ ней возвратилась рѣчь. Раза два она несмѣло взглядывала на меня, какъ бы моля о снисхожденіи, наконецъ, также заговорила.

— Моя исторія болѣе печальна,—сказала она, со слезами, когда мы прошли нѣсколько дорожекъ и сѣли:—но я такъ передъ вами виновата, такъ,—прибавила она, закрывъ лицо руками:—вы никогда не простите меня.

— Успокойтесь,—произнесъ я, мало-по-малу придя въ себя:—я готовъ, я забуду... все отъ Бога... все въ Его власти...

Незнакомка обратила ко мнѣ блѣдное, убитое лицо, схватила меня за руку и опять зарыдала.

— Вы такъ великодушны, — прошептала она: — слышали ли о судьбѣ Мировича?

— Слышалъ.

— Я—виновница его покушенія... Я его бывшая невѣста, Поликсена Пчёлкина.

Я остолбенѣлъ... Всѣ подробности дѣла Мировича, слышанныя мною десять лѣтъ назадъ отъ покойной бабушки, встали въ моей памяти. Нагнувшись къ гостьѣ, я взялъ ея руку, стрѣлявшую въ меня, и съ чувствомъ ее пожалъ.

— Говорите, говорите,—произнесъ я.

— Въ Россіи оставаться мнѣ было нельзя,—продолжала она, какъ-то странно, скороговоркой:—десять лѣтъ я скиталась въ разныхъ мѣстахъ, была въ монастыряхъ на Волыни и въ Литвѣ, служила больнымъ и немощнымъ. Будучи годъ назадъ опять за Волгой, я первая получила неясныя свѣдѣнія о княжнѣ Таракановой, принцессѣ Азовской и Владимірской. Меня къ ней вызвали таинственныя, мнѣ самой неизвѣстныя лица. Вы поймете, какъ я къ ней стремилась... Я искала съ нею встрѣчи. Спабженная отъ тѣхъ лицъ средствами, я познакомилась съ княжною сперва въ перепискѣ, потомъ лично въ Рагузѣ и увѣровала въ нее. О, какъ я желала ей счастья, искупленія прошлаго! Я ее охраняла, учила родному языку, исторіи, снабжала ее совѣтами.

Я слѣдила за нею, съ ея выѣзда изъ Рагузы до Рима, писала ей, заклинала остерегаться, убѣжденная, что ей предназначенъ высокій удѣлъ. Остальное вы знаете... Каковъ же былъ мой ужасъ, когда я узнала о ея арестѣ?.. Я останусь въ Ливорно, буду ждать... О, ее освободятъ, отобьютъ ливорнцы... Скажите, что̀ вы думаете о ней? убѣждены ли вы, что она не самозванка, а дѣйствительно дочь императрицы Елисаветы?

— Не могу этого ни утверждать, ни отрицать.

— Я же въ томъ убѣждена, срослась съ этою мыслью и не разстанусь съ ней.

Пчёлкина встала, набросила на голову вуаль, глядя мнѣ въ глаза, крѣпко сжала мнѣ руку, еще что-то хотѣла сказать и, пошатываясь, вышла.

— Добрый вы, мягкій!.. до лучшихъ временъ!—проговорила она, оглянувшись въ калиткѣ сада.

Я еще разъ или два видѣлъ эту загадочную особу, навѣстивъ ее, по условію, въ небольшой австеріи, подъ вывѣской лиліи, у монастыря урсулинокъ, гдѣ она пріютилась. У нея была надежда, что княжну могутъ спасти въ Англіи или въ Голландіи, куда должна была зайти по пути наша эскадра.—„Она... гонимая—ниспослана возродить отечество!“—твердила Поликсена, когда я съ ней разстался:—„и я вѣрю, она не погибнетъ, ее избавятъ, спасутъ“.

Въ ночь на двадцать шестое февраля, нашей эскадрѣ, подъ флагомъ контръ-адмирала Грейга, нежданно было велѣно сняться съ якоря и плыть на западъ. Христенекъ, съ донесеніями графа императрицѣ, поѣхалъ сухимъ путемъ. Ему было велѣно явиться въ Москву, гдѣ въ то время, послѣ казни Пугачова, государыня проживала со всѣмъ дворомъ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ одновременно оставилъ Ливорно. Долѣе пребывать здѣсь ему было небезопасно. Раздраженные его поступкомъ, сыны пылкой и нѣкогда вольной Италіи такъ враждебно подъ конецъ къ нему относились, что графъ, несмотря на дежурный при немъ караулъ, почти не выѣзжалъ изъ дому и, боясь отравы, сидѣлъ на одномъ хлѣбѣ и молокѣ.

Я отправился нѣсколько позднѣе. Мнѣ какъ-бы особымъ велѣніемъ рока было приказано возвратиться на особо снаряженномъ фрегатѣ „Сѣверный Орелъ“. На этотъ фрегатъ взяли больныхъ и немощныхъ изъ команды, и, между прочимъ, собранныя съ такимъ трудомъ, въ греческихъ и турецкихъ городахъ, вещи графа, — картины, статуи, мебель, бронзу и иныя рѣдкости. То были плоды графскихъ побѣдъ и

его усердныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, приватныхъ собираній. Я увидѣлъ при этомъ и презенты, полученные графомъ отъ княжны, въ томъ числѣ и ея, столь схожій съ императрицей Елисаветой, портретъ.

Судьбы Божіи неисповѣдимы. Мы выправили бумаги, кончили снаряженіе, подняли паруса и поплыли. Но едва „Сѣверный Орелъ“, нагруженный богатствомъ графа, вышелъ изъ гавани, насъ встрѣтила страшная буря. Не могъ я сказать фрегату: „Цезаря везешь!“ Долго мы носились по морю, отброшенные сперва къ Алжиру, потомъ къ Испаніи. За Гибралтаромъ у насъ сорвало обѣ мачты и всѣ паруса, а вскорѣ мы потеряли руль.

Болѣе недѣли насъ влекло теченіемъ и легкимъ вѣтромъ вдоль африканскихъ береговъ, къ юго-западу. Всѣ пали духомъ, молились. На десятыя сутки, со вчерашняго дня, вѣтеръ окончательно затихъ. Я пишу... Но можно ли ожидать спасенія въ такомъ видѣ? Фрегатъ, какъ истерзанный въ битвѣ, безжизненный трупъ, плыветъ туда, куда его несутъ волны.

Еще минулъ безнадежный и тягостный день. Близится снова страшная, непроглядная ночь. Громоздятся тучи; опять налетаетъ вѣтеръ, пошелъ дождь. Берега Африки исчезли, насъ уноситъ прямо на западъ. Волны хлещутъ о бортъ, перекатываясь чрезъ опустѣвшую, разоренную палубу. Течь въ трюмѣ увеличилась. Измученные матросы едва откачиваютъ воду. Пушки брошены за бортъ. Мы по ночамъ стрѣляемъ изъ мушкетовъ, тщетно взывая о помощи. Въ морѣ никого не видно. Насъ погибающихъ, никто не слышитъ. Трагическая, страшная судьба. Гибель на одинокомъ кораблѣ, безъ разсвѣта, безъ надеждъ, съ военною добычею полководца.

Гдѣ же конецъ? У какихъ скалъ или подводныхъ камней намъ суждено разбиться, пойти ко дну? Отплата за дѣянія другихъ. Роковая ноша графа Орлова не угодна Богу.

...Три часа ночи. Моя исповѣдь кончена. Бутыль готова. Допишу и, если не будетъ спасенія, брошу ее въ море.

Еще слово... Я хотѣлъ сообщить Иренѣ послѣднее напутствіе, послѣдній завѣтъ... Ей надо знать... Боже, что̀ это? ужели конецъ? Страшный трескъ. Фрегатъ обо что̀-то ударился, содрогнулся... Крики... Бѣгу къ командѣ. Его святая воля“...

. . . .

Бутыль была брошена за бортъ, со вложенною въ нее тетрадью и запиской. Послѣдняя была на французскомъ языкѣ: „Кому попадется эта рукопись, прошу отправить ее въ Ливорно, на имя русской, госпожи Пчелкиной, а если ее не разыщутъ, то въ Россію, въ Черниговъ, бригадиру Льву Ракитину, для передачи его дочери, Иринѣ Ракитиной. Мая 15—17, 1775 г. Лейтенантъ русскаго флота Павелъ Концовъ“.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА.

(1775—1776 г.).

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

АЛЕКСѢЕВСКІЙ РАВЕЛИНЪ.

XVIII.

Лѣто 1775 года императрица Екатерина проводила въ окрестностяхъ Москвы, сперва въ старинномъ селѣ Коломенскомъ, потомъ въ купленномъ у князя Кантемира селѣ Черная-Грязь. Послѣднее, въ честь новой хозяйки, было названо Царицынымъ и современемъ, по ея мысли, должно было занять мѣсто подмосковнаго Царскаго села.

У опушки густаго лѣса, среди прорубленныхъ вѣковѣчныхъ кленовъ и дубовъ, былъ наскоро выстроенъ двухъ-этажный деревянный дворецъ, съ кое-какими службами, скотнымъ и птичьимъ дворами.

Изъ оконъ новаго дворца императрица любовалась рядомъ обширныхъ, глубокихъ прудовъ, окруженныхъ лѣсистыми холмами. На неоглядныхъ скошенныхъ лугахъ копошились бѣлыя рубахи косцовъ и красныя и синія понёвы гребщицъ. За этими лугами виднѣлись другіе, еще нетронутые косой, цвѣтущіе луга. Далѣе чернѣли свѣжераспаханныя нивы, упиравшіяся въ новые зеленые холмы и луга. И все это золотилось и согрѣвалось безоблачнымъ, вешнимъ солнцемъ.

Здѣсь жилось просто и привольно. Въ наскоро приноровленныя, весь день раскрытыя окна— несся запахъ сѣна и лѣсной древесины. Въ нихъ налетали съ рѣки ласточки, съ луговъ стрекозы и мотыльки.

Свита съ утра разсыпалась по лѣсу, собирала цвѣты и грибы, ловила въ прудахъ рыбу, каталась по окрестнымъ полямъ.

Екатерина, тѣмъ временемъ, въ бѣломъ пудромантелѣ и въ чепцѣ — на запросто причесанныхъ волосахъ, сидя въ верхней рабочей горенкѣ,

писала наброски указовъ и письма къ парижскому философу и публицисту, барону Гримму.

Она ему жаловалась, что ея слуги не даютъ ей болѣе двухъ перьевъ въ день, такъ какъ имъ извѣстно, что она не можетъ равнодушно видѣть клочка чистой бумаги и хорошо очинённаго пера, чтобъ не присѣсть и не поддаться бѣсу бумагомаранія.

И въ то время, когда цѣлый міръ ломалъ голову надъ политикой русской императрицы: чтò именно она предприметъ относительно разгромленной ею Турціи? или повторялъ запоздалыя вѣсти объ укрощенномъ заволжскомъ бунтѣ, о недавней казни Пугачова и о захваченной въ Ливорно таинственной княжнѣ Таракановой, — Екатерина съ удовольствіемъ описывала Гримму своихъ комнатныхъ собачекъ.

Этихъ собачекъ при дворѣ звали: сэръ Томъ Андерсонъ, а его супругу, во второмъ бракѣ, лэди Мими или герцогиня Андерсонъ. Онѣ были такія крохотныя, косматыя, съ тонелькими умными мордочками и упругими, уморительно, въ видѣ метелокъ, подстриженными хвостами. У собачекъ были свои особые, мягкіе тюфячки и шелковыя одѣяла, стёганныя на ватѣ рукой самой императрицы.

Екатерина описывала Гримму, какъ она съ сэромъ Томомъ любитъ сидѣть у окна и какъ Томъ, разглядывая окрестности, опирается лапой о подоконникъ, волнуется, ворчитъ и лаетъ на лошадей, тянущихъ барку у берега рѣки. Виды однообразны, но красивы. И сэръ Томъ съ удовольствіемъ глядитъ на холмы и лѣса, и на тихіе, тонущіе въ дальней зелени, сады и усадьбы, за которыми, въ голубой дали, чуть виднѣются верхи московскихъ колоколенъ. Сельская дичь и глушь по душѣ сэру Андерсону и его супругѣ. Они ими любуются, забывъ столичный шумъ и блескъ, и неохотно лишь поздно, ночью, идутъ подъ свое теплое, стёганное одѣяло.

Хозяйкѣ также нравятся эти глухія, русскія деревушки, лѣса и поля.

„Я люблю нераспаханныя, новыя страны!“ — писала Екатерина Гримму: — „и, по совѣсти, чувствую, что я годна только тамъ, гдѣ не все еще обдѣлано и искажено“.

XIX.

Свѣжій воздухъ подмосковныхъ окрестностей иногда туманился. Набѣгали тучки, сверкала молнія, погромыхивала гроза. При дворѣ были свои невзгоды.

Немало заботы Екатеринѣ причинило разбирательство дѣла Пугачова. Онъ, передъ казнью, всѣхъ изумлялъ твердою надеждой, что его

помилуютъ и не казнятъ. — „Негодяй не отличается большимъ смысломъ... онъ надѣется!“ —писала государыня, по прочтеніи послѣднихъ допросовъ самозванца: — „природа человѣческая неисповѣдима“.

Пугачова четвертовали въ январѣ.

Въ половинѣ мая Екатеринѣ донесли о прибытіи въ Кронштадтъ эскадры Грейга, съ княжной Таракановой. Переписку съ Орловымъ о самозванкѣ императрица послала петербургскому главнокомандующему, князю Голицыну, и отдала ему приказъ: „Снявъ тайно съ кораблей доставленныхъ *вояжировъ*, учините имъ строгій допросъ“.

Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, разбитый нѣкогда Фридрихомъ Великимъ и впослѣдствіи, за войну съ турками, произведенный въ фельдмаршалы, былъ важный съ виду, но добродушный, скромный, правдивый и чуждый дворскихъ происковъ человѣкъ. Его всѣ искренно любили и уважали.

Двадцать-четвертаго мая онъ призвалъ преображенскаго офицера Толстого, взялъ съ него клятву молчанія и приказалъ ему отправиться въ Кронштадтъ, принять тамъ арестантку, которую ему укажутъ, и бережно сдать ее оберкоменданту Петропавловской крѣпости, Андрею Гавриловичу Чернышеву.

Толстой исполнилъ порученіе; ночью на двадцать-пятое мая, въ особо оснащенной яхтѣ, онъ проѣхалъ въ Неву, тихо подплылъ къ крѣпости и сдалъ плѣнницу. Ее сперва помѣстили наскоро въ комнаты подъ комендантскою квартирою, потомъ въ Алексѣевскій равелинъ. Секретарь Голицына, Ушаковъ, уже приготовилъ о ней подробныя выдержки изъ бумагъ, присланныхъ государыней.

Ушаковъ былъ проворный, вертлявый пузанъ, вѣчно пыхтѣвшій и, съ улыбкой лукавыхъ, зоркихъ глазъ, повторявшій: „Ахъ, голубчики, столько дѣла, столько! изъ чести одной служу князю... давно пора въ абшидъ, измучился“.

Князь Голицынъ обдумывалъ выдержки, составленныя Ушаковымъ; приготовилъ по нимъ рядъ точныхъ вопросовъ и доказательныхъ статей и съ напускною, важною осанкою, такъ не шедшею къ его добродушнымъ чертамъ, явился въ казематъ плѣнницы. Его смущали вѣсти, что на пути, въ Англіи, арестантка чуть не убѣжала, что въ Плимутѣ она вдругъ бросилась за бортъ корабля въ какую-то, очевидно ожидавшую ее шлюпку, и что ее едва удалось снова, среди ея воплей и стоновъ, водворить на кораблѣ. Князь боялся, какъ-бы и здѣсь кто-либо не вздумалъ ее освобождать.

Испуганная, смущенная нежданною, грозною обстановкою, плѣнница не отвергала, что ее звали и даже считали всероссійскою великою княжною, мало того, ею прямо и сразу было заявлено, что она дѣйствительно и сама, соображая свое дѣтство и прошлое, силою

вещей привыкла себя считать тѣмъ лицомъ, о которомъ говорили найденныя у нея будто бы завѣщаніе императора Петра I въ пользу бывшей императрицы Елисаветы и завѣщаніе Елисаветы въ пользу ея дочери.

Въ Москву былъ посланъ списокъ съ этого допроса. Екатерину возмутила дерзость плѣнницы, особенно приложенное къ допросу письмо на имя государыни, скрѣпленное подписью „Elisabeth“.

—Voilá une fieffée canaille!—вскричала Екатерина, прочтя и скомкавъ это письмо.

Въ кабинетѣ императрицы въ то время находился Потемкинъ.

— О комъ изволите говорить?—спросилъ онъ.

— Все о той же, батюшка, объ итальянской побродяжкѣ.

Потемкинъ, искренно жалѣвшій Тараканову, по двумъ причинамъ, какъ женщину и какъ добычу ненавистнаго ему Орлова, началъ-было ее защищать. Екатерина молча подала ему пачку новыхъ французскихъ и нѣмецкихъ газетъ, сказавъ, пусть онъ лучше посмотритъ, чтò о ней самой плетутъ по поводу схваченной самозванки, и тотъ, сопя носомъ, съ досадой уставилъ свои близорукіе глаза.

— Ну, что?—спросила Екатерина, кончивъ разборъ и просмотръ бумагъ.

— Непостижимо... сколько сплетней! трудно сказать окончательное мнѣніе.

— А мнѣ все ясно,—сказала Екатерина:—лгунья—тотъ же подставленный намъ во второмъ изданіи, маркизъ Пугачовъ. Согласись, князь, какъ бы мы ни жалѣли этой жертвы, быть можетъ, чужихъ интригъ, нельзя къ ней относиться снисходительно.

Голицыну въ Петербургъ были посланы новыя наставленія. Ему было велѣно: „убавить тону этой авантюрьерѣ“, тѣмъ болѣе, что „по извѣщенію англійскаго посла, арестантка, по всей видимости, была не принцесса, а дочь одного трактирщика изъ Праги“.

Плѣнницѣ передали это собщеніе посла. Она вышла изъ терпѣнія.

— Еслибы я знала, кто меня такъ поноситъ, — вскрикнула она, съ дрожью и бранью:—я тому выцарапала бы глаза!

„Боже! да что же это?“—съ ужасомъ спрашивала она себя, подъ натискомъ страшныхъ, грозно ложившихся на нее стѣсненій: — „я прежде такъ слѣпо, такъ горячо вѣрила въ себя, въ свое происхожденіе и назначеніе. Неужели они правы? неужели придется, подъ давленіемъ этихъ безобразныхъ, откапываемыхъ ими, уликъ, отказаться отъ своихъ убѣжденій, надеждъ? Нѣтъ, этого не будетъ! Я все превозмогу, устою!“

Съ цѣлью „поубавить тона“, съ арестованною стали поступать значительно строже; лишили ее на время услугъ ея горничной и дру-

гихъ удобствъ. Стали ей давать болѣе скромную, даже скудную пищу. Это не помогло. Ни просьбы, ни угрозы лишить ее собственной одежды, свѣта и одѣть въ острожное платье, не вынудили у плѣнницы раскаянія, а тѣмъ болѣе желаемаго сознанія, что она обманщица, а не княжна.

— Я не самозванка, слышите ли?—съ бѣшенымъ негодованіемъ твердила она Голицыну:—вы, князь, а я слабая женщина... именемъ милосерднаго Бога умоляю, не мучьте, сжальтесь надо мною.

Князь забылъ свое порученіе, началъ ее утѣшать.

— Я беременна,—проговорила, плача, арестантка:—погибну не одна... Отошлите меня, куда знаете, къ самоѣдамъ, опять въ сибирскіе льды, въ монастырь... но, клянусь, я ни въ чемъ неповинна...

Голицынъ собрался съ мыслями.

— Кто отецъ ожидаемаго вами дитяти?—спросилъ онъ.

— Графъ Алексѣй Орловъ.

— Новая неправда, — сказалъ Голицынъ: — и къ чему она? Не стыдно ли такъ отвѣчать довѣренному лицу государыни, старику?

— Я говорю правду, какъ передъ Богомъ! — отвѣтила, рыдая, плѣнница:—свидѣтели тому адмиралъ, офицеры, весь флотъ...

Изумленный Голицынъ прекратилъ разспросъ и о новомъ сознаніи арестантки донесъ въ тотъ же день въ Москву.

— Негодная, дерзкая тварь!—вскрикнула Екатерина, прочтя это сообщеніе Потемкину:—чѣмъ изворачивается новое изданіе выставленнаго намъ поляками Пугачова! нагло клевещетъ на другихъ.

— Но если тутъ не безъ истины?—произнесъ Потемкинъ:—слабую, довѣрчивую женщину такъ легко увлечь, обмануть.

— О, быть не можетъ!—возразила Екатерина:—впрочемъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ скоро будетъ сюда,—онъ объяснитъ намъ подробнѣе объ этой, имъ арестованной лже-Елисаветѣ... А вы, князь, въ рыцарской защитѣ женщинъ, не забывайте главнаго—спокойствія государства. Мало мы съ вами пережили въ недавній бунтъ.

Потемкинъ замолчалъ.

Орлова ждали со дня на день. Онъ спѣшилъ изъ Италіи къ торжеству празднованія турецкаго мира. Голицыну, тѣмъ временемъ, было послано приказаніе: отнять у арестантки излишнее, неположенное въ тюрьмѣ платье и, удаливъ ея горничную, приставить къ ней, для безсмѣннаго надзора, двухъ надежныхъ часовыхъ.

XX.

Упорство плѣнницы было Екатеринѣ непонятно и выводило ее изъ себя.

„Какъ!—разсуждала она:—сломлена Турція, Пугачовъ пойманъ, сознался и всенародно казнёнъ... а эта хворая, еле-дышащая женщина, эта искательница приключеній... ни въ чемъ не сознается и грозитъ мнѣ, изъ глухаго подземелья, изъ норы?"

Потемкинъ, узнавъ отъ Христенека подробности ареста княжны, мрачно дулся и молчалъ. Екатерина относила это къ припадку его обычной хандры.

Вскорѣ и другіе изъ ближнихъ императрицы узнали, какимъ образомъ Орловъ заманилъ и предалъ указанное ему лицо, и сообщили объ этомъ государынѣ черезъ ея камеръ-юнгферу Перекусихину. Екатерина сперва не повѣрила этимъ слухамъ и даже рѣзко выговорила это своей камеристкѣ. Секретный рапортъ прямого, неподкупнаго Голицына о положеніи и признаніи арестантки вполнѣ подтвердилъ сообщеніе придворныхъ. Женское сердце Екатерины возмутилось.—„Не Радзивиллъ!" — сказала она при этомъ: — „тому грозила конфискація громадныхъ имѣній, а онъ не выдалъ преданной женщины!"

„Предатель по природѣ!"—шевельнулось въ умѣ Екатерины, при мысляхъ объ услугѣ Орлова:—„на все готовъ и не стѣсняется ничѣмъ... не задумается, если будетъ въ его видахъ, и на другое!"—Вспомнились Екатеринѣ при этомъ давнія строки: „Матушка-царица, прости, не думали, не гадали"...

— Не даромъ его зовутъ палачомъ! — презрительно прошептала Екатерина: — пересолилъ, скажетъ, изъ усердія... Впрочемъ, пріѣдетъ, — надо поправить дѣло... Эта потерянная — безъ роду и племени—игрушка въ рукахъ злонамѣренныхъ, у него она будетъ безсильна... А ей, продававшей въ Прагѣ пиво, чѣмъ не пара русскій сановникъ и графъ?

Сельскіе, тихіе виды Царицына и Коломенскаго стали тяготить Екатерину. Лѣса, пруды, ласточки и мотыльки не давали ей прежняго покоя и отрадныхъ сновъ.

Императрица неожиданно и запросто поѣхала въ Москву.

Тамъ, въ Китай-городѣ, она посѣтила архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, куда передъ тѣмъ, по ея приказанію, были присланы на просмотръ нѣкоторыя важныя бумаги. Начальникомъ архива въ то время состоялъ знаменитый авторъ „Опыта новой исторіи Россіи" и „Описанія Сибирскаго Царства", бывшій издатель академическихъ

„Ежемѣсячныхъ сочиненій“, путешественникъ и русскій исторіографъ, академикъ Миллеръ. Ему тогда было за семьдесятъ лѣтъ. Императрица, сама усердно занимаясь исторіей, знала его и не разъ съ нимъ бесѣдовала о его работахъ и исторіи вообще. Она его застала на квартирѣ, при архивѣ, надъ грудой старинныхъ, московскихъ свитковъ.

Миллеръ былъ большой любитель цвѣтовъ и птицъ. Невысокія, свѣтлыя комнаты его казенной квартиры были увѣшаны клѣтками дроздовъ, снигирей и прочей пернатой братіи, оглушившей Екатерину разнообразными свистами и чиликаньями. Стеклянная дверь изъ кабинета хозяина вела въ особую, уставленную кустами въ кадкахъ, свѣтелку, гдѣ, при раскрытыхъ окнахъ, завѣшенныхъ сѣтью, часть птицъ летала на свободѣ. Запахъ розъ и геліотроповъ наполнялъ чистыя укромныя горенки. Вощеные полы блестѣли, какъ зеркало. Миллеръ работалъ у стола, передъ стеклянною дверью въ птичникъ. Государыня вошла незамѣтно, остановивъ засуетившуюся прислугу.

— Я къ вамъ, Герардъ Ѳедоровичъ, съ просьбой,—сказала, войдя, Екатерина.

Миллеръ вскочилъ, извиняясь за домашній нарядъ.

— Приказывайте, ваше величество,—произнесъ онъ, застегиваясь и отыскивая глазами куда-то, какъ ему казалось, упавшіе очки.

Императрица сѣла, попросила сѣсть и его. Разговорились.

— Правда ли,—начала она, послѣ нѣсколькихъ любезностей и разспросовъ о здоровьѣ хозяина и его семьи:—правда ли... говорятъ, вы имѣете данныя, и вполнѣ убѣждены, что на московскомъ престолѣ царствовалъ не самозванецъ Гришка Отрепьевъ, а настоящій царевичъ Димитрій? Вы говорили о томъ... англійскому путешественнику Коксу.

Добродушный, съ виду нѣсколько разсѣянный и постоянно углубленный въ свои изысканія, Миллеръ былъ крайне озадаченъ этимъ вопросомъ государыни.—„Откуда она это узнала?“—мыслилъ онъ:—„ужели проговорился Коксъ?“

— Объяснимся, я облегчу нашу бесѣду,—продолжала Екатерина:—вы обладаете изумительною памятью; притомъ вы такъ прозорливы въ чтеніи и сличеніи лѣтописей; скажите откровенно и смѣло ваше мнѣніе... Мы одни—васъ никто не слышитъ... Правда ли, что доводы къ обвиненію самозванца вообще слабы, даже, будто бы ничтожны?

Миллеръ задумался. Его взъерошенные на вискахъ, сѣдые волосы странно торчали. Добрыя, умныя губы, передъ пріѣздомъ государыни сосавшія полупогасшій, янтарный чубукъ, безсознательно шевелились.

— Правда,—несмѣло отвѣтилъ онъ:—но это, простите, мое личное мнѣніе, не болѣе...

— Если такъ, то почему же не огласить вамъ столь важнаго сужденія?

— Ваше величество,—проговорилъ Миллеръ, растерянно оглядываясь и подбирая на себя, упорно сползавшія, складки камзола:—я прочелъ розыскъ Василія Шуйскаго въ Угличѣ. Онъ производилъ слѣдствіе, по порученію Годунова, и имѣлъ разсчетъ угодить Борису, привезя ему показанія лишь тѣхъ, кто утверждалъ сказки объ убіеніи истиннаго царевича; другіе, непріятные для Годунова, слѣды онъ, очевидно, скрылъ.

— Какіе?—спросила Екатерина.

— Что погибъ другой, а мнимо-убитый скрылся. Вспомните, вѣдь этотъ слѣдователь, Шуйскій, потомъ самъ же всенародно призналъ царевичемъ возвратившагося Димитрія.

— Доводъ остроумный,—сказала Екатерина:—не даромъ генералъ Потемкинъ, большой любитель исторіи, совѣтуетъ все это напечатать, если вы въ томъ убѣждены.

— Извините, ваше величество,—проговорилъ Миллеръ:—воля монархини—важный указатель; но есть другая, болѣе высшая власть—Россія... Я лютеранинъ, а тѣло признаннаго Димитрія покоится въ кремлевскомъ соборѣ... Что̀ сталось бы съ моими изысканіями, что̀ сталось бы и со мной, среди вашего народа, еслибы я дерзнулъ доказывать, что на московскомъ престолѣ былъ не Гришка Отрепьевъ, а настоящій царевичъ Димитрій?

XXI.

Слова Миллера смутили Екатерину.—„Откровенно,—подумала она:—такъ и подобаетъ философу".

— Хорошо,—произнесла императрица:—не будемъ тревожить мертвыхъ; поговоримъ о живыхъ. Генералъ Потемкинъ, надѣюсь, вамъ доставилъ списокъ съ допроса и показаній наглой претендентки, о поимкѣ которой вы, вѣроятно, уже слышали.

— Доставилъ,—отвѣтилъ Миллеръ, вспомнивъ, наконецъ, что очки, которые онъ продолжалъ искать глазами, были у него на лбу, и удивляясь, какъ онъ объ этомъ забылъ.

— Что̀ вы скажете объ этой достойной сестрѣ маркиза Пугачова?—спросила Екатерина.

Миллеръ увидѣлъ въ это мгновеніе, за стеклянною дверью, какъ вѣчно-ссорившаяся съ другими птицами канарейка влетѣла въ чужое гнѣздо и хозяева послѣдняго, съ тревогой и пискомъ, летая вокругъ нея, старались ее оттуда выпроводить. Занималъ его также больной, съ забинтованною ногою, дроздъ.

— Принцесса, если она русская,—произнесъ Миллеръ, краснѣя за свою робость и разсѣянность:—очевидно плохо училась русской исторіи; вотъ главное, что я могу сказать, прочтя ея бумаги... впрочемъ, въ этомъ болѣе виноваты ея учителя...

— Такъ вы полагаете, что въ ея сказкѣ есть доля истины?—спросила Екатерина:—допускаете, что у императрицы Елисаветы могла быть дочь, подобная этой и скрытая отъ всѣхъ?

Миллеръ хотѣлъ сказать: „О, да, разумѣется, что же тутъ невѣроятнаго?“ Но онъ вспомнилъ о таинственномъ юношѣ, Алексѣѣ Шкуринѣ, который въ то время путешествовалъ въ чужихъ краяхъ, и, смутясь, неподвижно уставился глазами въ дверь птичника.

— Что же вы не отвѣчаете?—улыбнулась Екатерина:—тутъ уже ваше лютеранство непричемъ...

— Все возможно, ваше величество,—произнесъ Миллеръ, качая сѣдою, курчавою головой:—разсказываютъ разное, есть, безъ сомнѣнія, и достовѣрное.

— Но послушайте... Не странно ли?—произнесла Екатерина:—покойный Разумовскій былъ добрый человѣкъ, притомъ, хотя тайно, состоялъ въ законномъ бракѣ съ Елисаветой... Изъ-за чего же такое забвеніе природы, безсердечный отказъ отъ родной дочери?

— То былъ одинъ вѣкъ, теперь другой,—сказалъ Миллеръ:—нравы измѣняются; и если новые Шуйскіе-Шуваловы,—столько лѣтъ подъ-рядъ могли держать въ одиночномъ заключеніи, взаперти вреднаго имъ принца Іоанна, объявленнаго въ дѣтствѣ императоромъ,—что-же удивительнаго, если, изъ той же жажды вліянія и власти, они на краю свѣта на всякій случай припрятали и другаго младенца, эту несчастную княжну?

— Но вы, Герардъ Ѳедоровичъ, забываете главное—мать! какъ могла это снести императрица? У нея, нельзя этого отрицать, было доброе сердце... притомъ здѣсь дѣло шло не о чуждомъ дитяти, какъ Иванушка, а о родной, забытой дочери.

— Дѣло простое,—отвѣтилъ Миллеръ:—ни Елисавета, ни Разумовскій тутъ, если хотите, непричемъ: интрига дѣйствовала на государыню, не на мать... Ей, безъ сомнѣнія, были представлены важные резоны, и она согласилась. Тайную дочь спрятали, услали на югъ, потомъ за Уралъ. Въ бумагахъ княжны говорится о ядѣ, о бѣгствѣ изъ Сибири въ Персію, потомъ въ Германію и Францію... Шуйскіе нашихъ дней повторили старую трагедію; охраняя будто бы государыню, они готовили, между тѣмъ, появленіе, на всякій случай, новаго, ими же спасеннаго выходца съ того свѣта.

Екатеринѣ вспомнился въ одномъ изъ писемъ Орлова намекъ о

русскомъ вояжирѣ, а именно объ Иванѣ Шуваловѣ, который въ то время еще находился въ чужихъ краяхъ.

— Съ вами не наговоришься,—сказала, вставая, Екатерина:— ваша память тотъ же неоцѣненный архивъ; а русская исторія, не правда ли, какъ и сама Россія, любопытная и непочатая страна. Хороши наши нивы, бѣда только отъ множества сорныхъ травъ. Кстати... я все любуюсь вашими цвѣтами и птицами. Пріѣзжайте въ Царицыно. Гриммъ мнѣ прислалъ семью прехорошенькихъ какаду. Одинъ все кричитъ: où est la vérité?..

Отмѣнно милостиво поблагодаривъ Миллера, императрица возвратилась въ Царицыно. Вскорѣ туда явился побѣдитель при Чесмѣ, Орловъ.

Алексѣй Григорьевичъ не узналъ двора. Съ новыми лицами были новые порядки. Графъ не сразу удостоился видѣть государыню. Ему сказали, что ея величество слегка недомогаетъ.

Орловъ смутился. Опытный въ дворскихъ нравахъ человѣкъ, онъ почуялъ немилость, бѣду. Надо было поправить дѣло. Алексѣй Григорьевичъ не безъ робости обратился къ нѣкоторымъ изъ приближенныхъ и рѣшился искать аудіенціи у новаго свѣтила, Потемкина. Ихъ свиданіе было вѣжливо, но не радушно. Далеко было до прежней, дружеской близости и простоты. Проговорили за полночь, но гость чувствовалъ, что ему было сказано немного.—„Нынче все безъ мѣры, черезъ край!“—произнесъ, по поводу чего-то и мимоходомъ, Потемкинъ. Задумался объ этихъ словахъ Орловъ:—„черезъ край! вѣдь и онъ хватилъ не въ мѣру...“

Наутро онъ былъ приглашенъ къ государынѣ, которую засталъ за купаньемъ собачекъ. Мистеръ Томъ Андерсонъ уже былъ вынутъ изъ ванночки, вытертъ и грѣлся, въ чепчикѣ, подъ одѣяломъ. Миссисъ Мими, его супруга, еще находилась въ ваннѣ. Екатерина сидѣла, держа наготовѣ другой чепчикъ и одѣяло. Перекусихина, въ передникѣ, съ засученными за локти рукавами, усердно терла собачку губкой съ мыломъ. Намоченная, и вся бѣлая отъ пѣны, Мими, завидя огромнаго, глазастаго, незнакомаго ей гостя,—неистово разлаялась изъ-подъ руки камеръ-юнгферы.

— Съ воды и къ водѣ,—шутливо произнесла Екатерина:—добро пожаловать. Сейчасъ будемъ готовы.

Одѣвъ въ чепчикъ и уложивъ въ постель Мими, государыня вытерла руки и произнесла:—какъ видите, о друзьяхъ первая забота!— сѣла и, указавъ Орлову стулъ, начала его разспрашивать о вояжѣ, объ Италіи и о турецкихъ дѣлахъ.

— А вы, батюшка Алексѣй Григорьевичъ, пересолили,—сказала она, доставъ табакерку и медленно нюхая изъ нея.

— Въ чемъ, ваше величество?

— А въ препорученномъ,—улыбнулась, шутливо грозя, Екатерина.

Орловъ видѣлъ улыбку, но въ самой шуткѣ государыни примѣтилъ недобрую, знакомую ему черту: круглый и плотный подбородокъ Екатерины слегка вздрагивалъ.

— Что же, матушка-государыня, чѣмъ я прогнѣвилъ?—спросилъ онъ, заикаясь.

— Да какъ же сударь... ужъ право черезъ-чуръ, — продолжала Екатерина, нюхая изъ полураскрытой табакерки.

Орловъ ребячески растерялся. Его глаза трусливо забѣгали.

— Вѣдь плѣнница-то наша,—произнесла государыня:—слышали ли вы? скоро самъ-другъ...

Богатырь и силачъ Орловъ не зналъ, куда дѣться отъ замѣшательства.—„Пропалъ, окончательно погибъ!“ —думалъ онъ, мысленно уже видя свое паденіе и позоръ:—„помяни, Господи, царя Давида...“

— Дѣло, впрочемъ, можно еще поправить,—проговорила Екатерина: — вамъ бы ѣхать въ Питеръ да свидѣться съ плѣнницей, къ торжеству мира возвратились бы женихомъ.

Орловъ, сморщившись, опустился на колѣно, поцѣловалъ протянутую ему руку и молча вышелъ. За порогомъ онъ оправился.

— Ну, что̀, ка̀къ государыня? что̀ изволила говорить?—спрашивали его ближніе изъ придворныхъ.

— Удостоенъ особаго приглашенія на торжество мира,—отвѣтилъ графъ:—ѣду пока въ Петербургъ, устроить дѣла брата.

Алексѣй Григорьевичъ старался смотрѣть самоувѣренно и гордо...

Орловъ понялъ, что ему нечего было медлить; государыня, очевидно не шутила.

Подъ предлогомъ свиданія съ удаленнымъ братомъ, онъ собрался и вскорѣ выѣхалъ въ Петербургъ.

XXII.

Изнуренная долгимъ морскимъ путемъ и заключеніемъ, плѣнница влачила въ крѣпости тяжелые дни. Острый, съ кровохарканьемъ и лихорадкой, кашель перешелъ въ быстротечную чахотку.

Частыя появленія и допросы фельдмаршала Голицына приводили княжну въ неописанный гнѣвъ.

— Какое право имѣютъ такъ поступать со мной?—повелительно спрашивала она:—какой поводъ я подала къ такому обращенію?

— Предписаніе свыше, монаршій приказъ! — отвѣчалъ, пыхтя и перевирая французскія слова, секретарь Ушаковъ.

Въ качествѣ письмоводителя наряженной коммиссіи, онъ завѣды-

валъ особыми суммами, назначенными для этой цѣли, и потому, жалуясь на утомленіе, кучу дѣла и даже на боль въ поясницѣ, съ умысломъ тянулъ справки, плодилъ новыя доказательныя статьи и переписку о ней, и вообще водилъ за носъ добряка Голицына,— собираясь на сбереженія отъ содержанія арестантки прикупить новый домикъ къ бывшему у него на Гороховой, собственному двору.

Таракановой, между прочимъ, были предъявлены найденныя въ ея бумагахъ подложныя завѣщанія.

— Что вы скажете о нихъ? —спросилъ ее Голицынъ.

— Клянусь всемогущимъ Богомъ и вѣчною мукой,—отвѣчала арестантка:—не я составляла эти несчастныя бумаги; мнѣ ихъ сообщили.

— Но вы ихъ собственноручно списали?

— Можетъ быть, это меня занимало.

— Такъ вы не хотите признаться, объявить истины?

— Мнѣ не въ чемъ признаваться. Я жила на свободѣ, никому не вредила: меня предали, схватили обманомъ.

Голицынъ терялъ терпѣніе.— „Вотъ бѣсомъ надѣлили!“ —мыслилъ онъ:—„открывай тайны съ такимъ камнемъ!“—Князь вздыхалъ и почесывалъ себѣ переносицу.

— Да вы, ваше сіятельство, упомнили, — шепнулъ однажды при допросѣ услужливый Ушаковъ:—вамъ руки развязаны,—послѣдній-то указъ... въ немъ говорится о высшей строгости, о розыскѣ съ пристрастіемъ.

„А и въ самомъ дѣлѣ!“ —смекнулъ растерявшійся князь, вообще не охотникъ до крутыхъ и жестокихъ мѣръ: — „попробовать развѣ? хуже не будетъ!“

— Именемъ ея величества,—строго объявилъ фельдмаршалъ коменданту въ присутствіи плѣнницы: — въ виду ея запирательства — отобрать у нея все, кромѣ необходимой одежды и постели, слышите ли все... книги, прочія тамъ вещи,—а если и тутъ не одумается,— держать ее на пищѣ прочихъ арестантовъ.

Распоряженіе князя было исполнено. Привыкшей къ нѣгѣ и роскоши, избалованной, хворой женщинѣ стали носить черный хлѣбъ, солдатскія кашу и щи. Она, голодная, по часамъ просиживала надъ деревянною миской, не притрогиваясь къ ней и обливаясь слезами. На пути въ Россію, у береговъ Голландіи, гдѣ эскадра запасалась провизіей, арестантка случайно узнала изъ попавшаго къ ней въ каюту газетнаго листка все прошлое Орлова и съ содроганіемъ, съ бѣшенствомъ, кляла себя за то, какъ могла она довѣриться такому человѣку. Но явилось еще худшее горе. Въ комнату арестантки, смѣняясь по очереди, съ нѣкотораго времени, день и ночь становились двое часовыхъ. Это приводило арестантку въ неистовство.

— Покайтесь, — убѣждалъ, навѣщая ее, Голицынъ: — мнѣ жаль васъ, иначе вамъ не ждать помилованья.

— Всякія мученія, самую смерть, господинъ фельдмаршалъ, все я приму,—отвѣтила плѣнница:—но вы ошибаетесь... ничто не принудитъ меня отречься отъ моихъ показаній.

— Подумайте...

— Богъ свидѣтель... мои страданія падутъ на головы мучителей.

— Одумается, ваше сіятельство!—шепталъ, роясь при этомъ въ бумагахъ, Ушаковъ:—еще опытъ, и изволите увидѣть...

Опытъ былъ произведенъ. Онъ состоялъ въ грубой сермягѣ, смѣнившей на плечахъ княжны ея ночной, венеціянскій, шелковый пеньюаръ.

„Великій Боже! Ты свидѣтель моихъ помысловъ!“—молилась арестантка: — „что мнѣ дѣлать, какъ быть? Я прежде слѣпо вѣрила въ свое прошлое; оно мнѣ казалось такимъ обычнымъ, я привыкла къ нему, къ мыслямъ о немъ. Ни измѣна того изверга, ни арестъ не измѣнили моихъ убѣжденій. Ихъ не поколеблетъ и эта страшная, желѣзная, добивающая меня, тюрьма. Смерть близится. Матерь Божія, младенецъ Іисусъ! кто подкрѣпитъ, вразумитъ и спасетъ меня... отъ этого ужаса, отъ этой тюрьмы?“

Въ концѣ іюня, въ холодный и дождливый вечеръ, въ Петропавловскую крѣпость подъѣхала наемная карета, съ опущенными занавѣсками. Изъ нея, у комендантскаго крыльца, вышелъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. Черезъ полчаса онъ и оберъ-комендантъ крѣпости Андрей Гавриловичъ Чернышевъ направились въ Алексѣевскій равелинъ.

— Плоха, — сказалъ по-пути оберъ-комендантъ: — ужъ такъ-то плоха; особенно съ этою сыростью; вчера, ваше сіятельство, молила дать ей собственную одежду и книги,—уважили...

Часовыхъ изъ комнаты княжны вызвали. Туда, безъ провожатыхъ, вошелъ Орловъ. Чернышевъ остался за дверью.

Въ вечернемъ полумракѣ графъ съ трудомъ разглядѣлъ невысокую, съ двумя въ углубленіи окнами, комнату. Въ рамахъ были тёмныя желѣзныя рѣшетки. У простѣнка, между окнами, стояли два стула и небольшой столъ, на столѣ лежали книги, кое-какія вещи, и прикрытая полотенцемъ миска съ нетронутою ѣдой. Вправо была расположена ширма, за ширмою стояли столикъ съ графиномъ воды, стаканомъ и чашкой, и, подъ ситцевымъ пологомъ, желѣзная кровать.

На кровати, въ бѣломъ капотѣ и бѣломъ чепцѣ, лежала, прикрытая голубою, поношеннаго бархата, шубкой, блѣдная, казалось, мертвая женщина.

Орловъ былъ пораженъ страшною худобой этой, еще недавно пышной, обворожительной красавицы. Ему вспомнились Италія, нѣжныя письма, страстныя ухаживанья, поѣздка въ Ливорно, пиръ на кораблѣ и переодѣтые въ старенькія церковныя ризы Рибасъ и Христенекъ. —„И зачѣмъ я тогда разыгралъ эту комедію съ вѣнцомъ?“—думалъ онъ:—„она вѣдь уже была на кораблѣ, въ моихъ рукахъ!“—Въ его мысляхъ живо изобразился устроенный имъ арестъ княжны. Онъ вспомнилъ ея крики на палубѣ и черезъ день посылку къ ней черезъ Концова письма, на нѣмецкомъ языкѣ, съ жалобою на свое собственное, мнимое горе и съ клятвами въ преданности до гроба и любви.— —„Ахъ, въ какомъ мы несчастьи,—писалъ онъ ей тогда, подбирая льстивыя слова:—оба мы арестованы, въ цѣпяхъ; но всемогущій Богъ не оставитъ насъ. Ввѣримся ему. Какъ только получу свободу, буду васъ искать по всему свѣту и найду, чтобы васъ охранять и вамъ вѣчно служить“... „И я ее нашелъ, вотъ она!“—мыслилъ въ невольномъ содроганіи Орловъ, стоя у порога. Онъ тихо ступилъ къ ширмѣ.

Плѣнница, на шорохъ, открыла глаза, вглядѣлась въ вошедшаго и приподнялась. Прядь свѣтло-русыхъ, нѣкогда пышныхъ волосъ, выбилась изъ-подъ чепца, полузакрывъ искаженное болѣзнью и гнѣвомъ лицо.

— Вы?.. вы?.. въ этой комнатѣ... у меня!—вскрикнула княжна, узнавъ вошедшаго и простирая передъ собою руки, точно отгоняя страшный, безобразный призракъ.

Орловъ стоялъ неподвижно.

XXIII.

Слова рвались съ языка плѣнницы и безсильно замирали.

Отшатнувшись на кровати къ стѣнѣ, она сверкающими глазами пожирала Орлова, съ испугомъ глядѣвшаго на нее.

— Мы обвѣнчаны, не правда ли? ха-ха! вѣдь мы жена и мужъ?— заговорила она, страшнымъ кашлемъ поборая презрительное негодованіе:—гдѣ же вы были столько времени? вы клялись, я васъ ждала?

— Послушайте,—тихо сказалъ Орловъ:—не будемъ вспоминать прошлаго, продолжать комедію. Вы давно, безъ сомнѣнія, поняли, что я вѣрный рабъ моей государыни и что я только исполнялъ ея повелѣнія.

— Злодѣйство, обманъ! —вскрикнула арестантка: — никогда не повѣрю.. слышите ли, никогда могучая русская императрица не прибѣгнетъ къ такому вѣроломству.

— Клянусь, это былъ ея приказъ...

— Не вѣрю, предатель, — бѣшено кричала плѣнница, потрясая кулаками: — Екатерина могла предписать все, требовать выдачи,

сжечь городъ, гдѣ меня укрывали, арестовать силой... но не это... ты, наконецъ, могъ меня поразить кинжаломъ, отравить... яды тебѣ извѣстны... но что̀ сдѣлалъ ты? что̀?

— Минуту терпѣнія, умоляю,—произнесъ, оглядываясь, Орловъ:— отвѣтьте мнѣ одно слово, только одно... и вы будете, клянусь, немедленно освобождены.

— Что̀ еще придумалъ, извергъ, говори? — произнесла княжна, одолѣвая себя и съ дрожью кутаясь въ голубую, знакомую графу, бархатную мантилью.

— Васъ спрашивали столько времени и съ такимъ настояніемъ,— началъ Орловъ, подыскивая въ своемъ голосѣ нѣжные, убѣдительные звуки:—скажите, мы теперь наединѣ... насъ видитъ и слышитъ одинъ Богъ.

— Gran Dio!—рванулась и опять сѣла на кровати арестантка:— *онъ* призываетъ имя Божье!—прибавила она, поднявъ глаза на образъ Спаса, висѣвшій на стѣнѣ, у ея изголовья:—онъ! да ты навѣрное утроилъ и всѣ эти мученія, всю медленную казнь! а у васъ еще хвалились, что отмѣнена пытка. Царица этого навѣрное не знаетъ, ты и тутъ ее провелъ.

— Успокойтесь... скажите, кто вы? — продолжалъ Орловъ:—откройте мнѣ. Я умолю государыню; она окажетъ мнѣ и вамъ милость, васъ освободитъ...

— Diavolo! онъ спрашиваетъ, кто я? — проговорила, задыхаясь отъ прилива новаго бѣшенства, княжна: — да развѣ ты не видишь, что я кончила со свѣтомъ, умираю? зачѣмъ это тебѣ?

Она неистово закашлялась, упала головой къ стѣнѣ и смолкла.— „Вотъ умретъ, не выговоритъ“, — думалъ, стоя близъ нея, Орловъ.

— Въ богатствѣ и счастьѣ, — произнесла, придя въ себя, плѣнница:—въ униженіи и въ тюрьмѣ, я твержу одно... и ты это знаешь... Я — дочь твоей былой царицы! — гордо сказала она, поднимаясь:— слышишь ли, ничтожный, подлый рабъ, я прирожденная ваша великая княжна...

Смѣлая мысль вдругъ осѣнила Орлова... — „Эхъ, бѣда-ли?“ —подумалъ онъ:—„проживетъ недолго, разомъ угожу обѣимъ“.

Онъ опустился на одно колѣно, схватилъ исхудалую, блѣдную руку плѣнницы и горячо припалъ къ ней губами.

— Ваше высочество!—проговорилъ онъ: — Элизъ! простите, клянусь, я глубоко виноватъ... такъ было велѣно... я самъ находился подъ арестомъ, теперь только освобожденъ...

Плѣнница молча глядѣла на него большими, удивленными глазами, прижимая ко рту окровавленный кашлемъ платокъ.

— Умоляю, — насъ, по-истинѣ, торжественно обвѣнчаютъ,—про-

должалъ Орловъ: — станьте моею женой... Все тогда, ваше высочество, дорогая моя... Элйзъ!.. знатность, мое богатство, преданность и вѣчныя услуги...

— Вонъ, извергъ, вонъ!—крикнула, вскакивая, арестантка:—этой руки искали принцы, короли... не тебѣ ея касаться, — заклейменный предатель, палачъ!

„Не стѣсняется, однако!“—подумалъ оберъ-комендантъ Чернышевъ, слышавшій изъ-за двери крупную французскую брань и проклятія арестантки:—„уйти по-здорову; графъ еще сообразитъ, что были свидѣтели, вломится въ амбицію, отомститъ!“—Комендантъ ушелъ.

Тюремщикъ, стоявшій съ ключами въ корридорѣ и также слышавшій непонятные ему, гнѣвные крики, топанье ногами и даже, какъ ему показалось, швырянье въ гостя какими-то вещами, тоже отошелъ и прижался въ уголъ, разсуждая: „мамзюлька видно проситъ лучшихъ харчей, да должно не по артикулу,—серчаетъ на генерала... ох-хо! куда ей, сухопарой... все щи, да щи, вчера только дали молока“...

Бѣшеные крики не прерывались. Зазвенѣло брошенное объ полъ что-то стеклянное.

Дверь каземата быстро распахнулась. Изъ нея вышелъ Орловъ, робко пригибаясь подъ несоразмѣрной съ его ростомъ перекладиной. Лицо его было краснобагровое. Онъ на минуту замедлился въ корридорѣ, оглядываясь и какъ-бы собираясь съ мыслями.

Нащупавъ подъ мышкой треуголъ, графъ дрожащей рукой оправилъ прическу и фалды кафтана, бодро и лихо выпрямился, молча вышелъ, сѣлъ подъ проливнымъ дождемъ въ карету и крикнулъ кучеру: „къ генералъ-прокурору!“

По мѣрѣ удаленія отъ крѣпости, Орловъ болѣе обдумывалъ только-что происшедшее свиданіе.—„Змѣя, однако, сущая змѣя!“—шепталъ онъ, поглядывая изъ кареты по улицамъ:—„какъ жалила!“

Онъ сдержанно и съ полнымъ самообладаніемъ вошелъ къ князю Александру Алексѣевичу Вяземскому. Былъ уже вечеръ; горѣли свѣчи. Орловъ чувствовалъ нѣкоторую дрожь въ тѣлѣ и потиралъ руки.

— Прошу садиться,—сказалъ генералъ-прокуроръ:—что? озябли?

— Да, князь, холодновато.

Вяземскій приказалъ подать ликеру. Принесли красивый графинъ и корзинку съ инбирными бисквитами.

— Откушайте, графъ... Ну, что̀ наша самозванка? — произнесъ генералъ-прокуроръ, оставляя бумаги, въ которыхъ рылся.

— Дерзка до невѣроятія, упорствуетъ,—отвѣтилъ графъ Алексѣй Григорьевичъ, наливая рюмку густой душистой влаги и поднося ее къ носу, потомъ къ губамъ.

— Еще-бы! — проговорилъ князь: — дешево не хочетъ уступать своихъ мнимыхъ титуловъ и правъ.

— Много уже съ нею возятся; нужны бы иныя мѣры,—сказалъ Орловъ.

— Какія же, батенька, мѣры? она при послѣднихъ дняхъ... не придушить же ее.

— А почему бы и нѣтъ?—какъ-бы про себя произнесъ Орловъ, опуская бисквитъ въ новую рюмку ликера:—жалѣть такихъ!

Генералъ-прокуроръ, изъ-за зеленаго абажура, прикрывавшаго свѣчи, искоса взглянулъ на гостя.

— И ты, Алексѣй Григорьевичъ, это не шутя... — посовѣтовалъ-бы?—спросилъ онъ.

— Для блага отечества и какъ истый патріотъ... не только посовѣтовалъ-бы, очень-бы одобрилъ! — отвѣтилъ Орловъ, прохаживаясь и пожёвывая сладкій, таявшій во рту бисквитъ.

„Mais c'est un assassin dans l'âme!“—подумалъ, съ виду суровый и обыкновенно насупленный, верховный судья, съ ужасомъ прислушиваясь къ мягкому шарканью Орлова по ковру:—„c'est en lui comme une mauvaise habitude“.

Орловъ, вынувъ лорнетъ и покусывая новый ломоть имбирнаго бисквита, разсматривалъ на стѣнѣ изображеніе Психеи съ Амуромъ.

— Откуда эта картина? — спросилъ онъ.

— Государыня пожаловала... Вы же, графъ, когда изволите обратно въ Москву?

— Завтра рано, и не замедлю передать о новомъ запирательствѣ наглой лгуньи.

Вяземскій пошевелилъ кустоватыми бровями.

— А вамъ извѣстно показаніе арестантки на вашъ счетъ?—пробурчалъ онъ, роясь въ бумагахъ. У Орлова изъ рукъ выпалъ недоѣденный бисквитъ.

— Да, представьте, вѣдь это изъ рукъ вонъ!—отвѣтилъ графъ:—преданность, вѣрность и честь, ничто не пощажено... И что поразительно, князь... втюрилась въ меня бѣсъ-баба, да взведя такую небылицу,—отъ меня же еще нынче, проходимка, упорно требовала признанія брака съ ней.

— Не могу не удивиться,—произнесъ Вяземскій:—эти переодѣванья съ ризами, извините... и для чего это напрасное кощунство? Охъ, отдадите, батюшка-графъ, отвѣтъ Богу... мнѣ-бы весь вѣкъ это снилось...

Орловъ хотѣлъ отшутиться, попытался еще что-то сказать, но молчаніе хмураго, медвѣдеобразнаго генералъ-прокурора ему показывало, что дворскій кредитъ былъ давно на исходѣ и что самъ онъ, не-

смотря на прошлыя услуги, какъ уже никому ненужный, старый хламъ, могъ желать одного,—оставленія его на полномъ покоѣ.

„Лѣтопись заканчивается! очевидно, скоро буду на самомъ днѣ рѣки!"—подумалъ Орловъ, оставляя Вяземскаго:—„въ люкъ куда-нибудь спустятъ, въ Москву или еще куда подалѣе. Состарились мы, вышли изъ моды; надо новымъ дать путь".

Онъ такъ былъ смущенъ пріемомъ генералъ-прокурора, что утромъ слѣдующаго дня отслужилъ молебенъ—въ церкви Всѣхъ-скорбящихъ-радости, а передъ отъѣздомъ въ Москву даже гадалъ у какой-то армянки на Литейной.

XXIV.

Миръ съ Турціей былъ торжественно отпразднованъ въ Москвѣ тринадцатаго іюля.

При этомъ вспомнили Голицына и прислали ему въ Петербургъ, за очищеніе Молдавіи отъ турокъ, бриліантовую шпагу. Орловъ получилъ похвальную грамоту, столовый богатый сервизъ, императорскую дачу близъ Петербурга и прозваніе *Чесменскаго*.

„Сданъ въ архивъ, окончательно сданъ!" — мыслилъ при этомъ Алексѣй Григорьевичъ. Въ Петербургъ, вслѣдъ за дворомъ, его уже дѣйствительно не пустили. Съ тѣхъ поръ ему было указано мѣстожительство въ Москвѣ, въ числѣ другихъ, поселившихся тамъ, первыхъ пособниковъ императрицы.

Отрадно и безмятежно, казалось, потекли съ этого времени дни Чесменскаго на вольномъ московскомъ покоѣ. Домочадцы графа, между тѣмъ, подмѣчали, что порой на него находили припадки нешуточной острой хандры, что онъ нерѣдко совершенно невзначай служилъ то панихиды, то молебны съ акаѳистами, прибѣгалъ къ гадальщикамъ-цыганамъ, и втихомолку брюзжалъ, какъ-бы жалуясь на измѣнницу, нѣкогда такъ его баловавшую, судьбу.

Ѣхалъ ли графъ Алеханъ, въ морозный, ясный вечеръ, по улицѣ, изъ-подъ осыпанной инеемъ шапки вглядываясь въ прохожихъ и въ мѣрный бѣгъ своего легконогаго рысака, его мысли уносились къ инымъ, теплымъ небесамъ, къ голубымъ прибрежьямъ Мореи и Адріатики, къ мраморнымъ венеціянскимъ и римскимъ дворцамъ.

Моросилъ ли мелкій осенній дождь и была чудная охота по чернотропу, графъ, въ окрестностяхъ Отрады или Нескучнаго, поднявъ въ березовомъ срубѣ матераго бѣляка и, спуская на него любимыхъ борзыхъ, бѣшено скакалъ за нимъ на кабардинцѣ, но мгновенно

останавливался. Дождь продолжалъ шелестѣть въ мокромъ березникѣ, конь шлепалъ по лужамъ и глинѣ, а графъ думалъ о другомъ, о далекой, той-же Италіи, о Римѣ, Ливорно и о сманенной, погубленной имъ Таракановой.

„Гдѣ она и что̀ сталось съ нею?“—разсуждалъ онъ:—„жива ли послѣ родовъ, тамъ ли еще, или её куда вновь упрятали?“

Съ паденіемъ фавора брата, князя Григорія, графъ Алексѣй Чесменскій такъ быстро отдалился отъ двора, что не только положительно не зналъ, но и не смѣлъ допытываться о дальнѣйшей судьбѣ соблазненной имъ и похищенной красавицы.

Осенью того же года, въ Москвѣ кѣмъ-то былъ пущенъ слухъ, будто изъ Петербурга въ Новоспасскій женскій монастырь привезли нѣкую таинственную, важную особу, что ее здѣсь постригли и, давъ ей имя Досиѳеи, помѣстили въ особой, никому недоступной кельѣ. Москвичи тихомолкомъ шушукали, что инокиня Досиѳея—незаконная дочь покойной царицы Елисаветы и ея мужа, въ тайномъ бракѣ, Разумовскаго.

Что̀ перечувствовалъ, при этихъ толкахъ, графъ Алексѣй, о томъ знали только его собственные помыслы.—„Она, она!“—говорилъ онъ себѣ, въ волненіи, не зная, что жертва, княжна Тараканова, попрежнему безнадежно томится въ той-же крѣпости:—„некому быть, какъ не ей; отреклась отъ всего, покорилась, приняла пострigъ“...

Мысли о новоприбывшей плѣнницѣ не покидали графа. Онѣ такъ его смущали, что онъ сталъ даже избѣгать ѣзды по улицѣ, гдѣ былъ Новоспасскій монастырь, а когда не могъ его миновать и ѣхалъ возлѣ, то отворачивался отъ его оконъ.—„Предатель, убійца!“—раздавалось въ его ушахъ, при воспоминаніи о послѣдней встрѣчѣ съ княжной въ крѣпости. И онъ мучительно перебиралъ въ умѣ это свиданіе, когда она осыпала его проклятіями, топая на него, плюя ему въ лицо и бѣшено швыряя въ него, чѣмъ попало.

Чесменскій вздумалъ-было однажды разговориться о ней съ московскимъ главнокомандующимъ, княземъ Волконскимъ, заѣхавшимъ къ нему за-просто — полюбоваться его конюшнями и лошадьми. Они возвратились съ прогулки на конскій дворъ и сидѣли за вечернимъ чаемъ. Графъ-хозяинъ началъ издалека о заграничныхъ и родныхъ вѣстяхъ и толкахъ, и будто мимоходомъ освѣдомился, что̀ за особа, которую, по слухамъ, привезли въ Новоспасскій монастырь?

— Да вы, графъ, куда это клоните?—вдругъ перебилъ его князь Михаилъ Никитичъ.

— А что̀?—спросилъ озадаченный Чесменскій.

— Ничего,—отвѣтилъ Волконскій, отвернувшись и какъ бы раз-

сѣянно глядя въ окно:—вспомнилась, видите ли, одна прошлогодняя, питерская оказія о дворѣ...

— Какая оказія? удостойте, батюшка-князь!—съ улыбкой и поклономъ, произнесъ графъ: — вѣдь я недавній вашъ гость и многаго не знаю изъ новыхъ, столь любопытныхъ и нынѣ намъ недоступныхъ, дворскихъ палестинъ.

— Извольте, — началъ Волконскій, покашливая и попрежнему глядя въ окно: — дѣло, если хотите, не важное, а скорѣе забавное... Генералъ-маіоршу Кожину знаете?.. Марья Дмитревна... бойкая такая, красивая и говорунья?

— Какъ не знать! часто ее видѣлъ до отъѣзда въ чужіе края.

— Ну-съ, сболтнула она, говорятъ, гдѣ-то, будто-бы такіе-то, положимъ, Аболéшевы тамъ, или не помню кто, рѣшили покровительствовать новому счастливцу, Петру Мордвинову... тоже, вѣрно, знаете?

Орловъ молча кивнулъ головой.

— Покровительствовать... Ну, понимаете, чтобъ подставить ногу...

— Кому?—спросилъ Орловъ.

— Да будто самому, батюшка, Григорію Александровичу Потемкину.

— И чтò же?

— А вотъ что,—проговорилъ главнокомандующій:—въ собственные покои немедленно былъ позванъ Степанъ Ивановичъ Шешковскій и ему сказано: ѣзжай, батюшка, сію минуту въ маскарадъ и найди тамъ генеральшу Кожину; а, найдя, возьми ее въ тайную экспедицію, слегка тамъ на память тѣлесно отстегай и потомъ, туда-же, въ маскарадъ, оную барыньку съ благопристойностью и доставь обратно.

— И Шешковскій?—спросилъ Орловъ.

— Взялъ барыньку, исправно посѣкъ и опять, какъ велѣно, доставилъ въ маскарадъ; а она, чтобы не замѣтили бывшаго съ нею случая, промолчала и преисправно кончила всѣ танцы, на кои была звана, всѣ до одного —и менуэтъ, и монимáску, и котильонъ...

Орловъ понялъ горечь намёка и съ тѣхъ поръ о Досиѳеѣ болѣе не разспрашивалъ.

Не радовали графа и бесѣды съ его управляющимъ, Терентьичемъ Кабановымъ, наѣзжавшимъ въ Нескучное изъ Хрѣноваго. Терентьичъ былъ изъ грамотныхъ крѣпостныхъ и являлся одѣтый по модѣ, въ „перлѐневый“ кафтанъ и камзолъ, въ „просметàльные“ башмаки съ оловянными пряжками, въ манжеты и съ чернымъ шелковымъ кошелькомъ на пучкѣ пудреной косы.

Графъ наливалъ ему чарку заморскаго, дорогаго вина, говоря: „Попробуй, братецъ, не вино... я тебѣ человѣчьяго вѣку рюмочку налилъ“...

Терентьичъ отказывался.

— Полно, милый!—угощалъ графъ:—ужли забылъ поговорку, — день мой, вѣкъ мой? Веселись, въ томъ только и счастье... да, увы, не для всѣхъ.

— Вѣрно, батюшка-графъ! — говорилъ Кабановъ, выпивая предлагаемую чарку: — мы чтò? рабы... Но вамъ ли воздыхать, не жить въ сладости-холѣ, въ собственныхъ, распрекрасныхъ вотчинахъ? Мѣста въ нихъ сухія и веселыя, поля скатистыя, хлѣбородныя, воды ключевыя, лѣсовъ и рощъ тьма, крестьяне всѣ хлѣбопашцы, не бобыли, благодарятъ вашей милости. Вы же, сударь, что-то какъ-бы скучны, а слыхомъ-слыхать, иногда даже сумнительны.

— Сумнительствъ и подозрѣніевъ, братецъ, на вѣку не обраться! —отвѣчалъ графъ:—вотъ ты прошлую осень писалъ за море, хвалилъ всходы и каковъ былъ ростъ всякаго злака; а чтò вышло? Сказано: не пò рости, а пò зерни.

— Вѣрно говорить изволите,—отвѣчалъ, вздыхая, Терентьичъ.

— Вотъ хоть бы и о прочихъ дѣлахъ, — продолжалъ графъ: — много у меня всякаго разъѣзду и ко мнѣ пріѣзду; а вѣришь ли, ничего, какъ прежде, не знаю. Былъ Филя въ силѣ, всѣ въ други къ нему валили... а теперь...

Графъ смолкалъ и задумывался.

„Ишь-ты,—мыслилъ, глядя на него, Кабановъ:—при этакой силѣ и богатствѣ—обходятъ“.

— Да, братецъ, — говорилъ Орловъ: — тяжкія пришли времена, разомъ попалъ промежъ двухъ жерноновъ; служба кончена, болѣе въ ней не нуждаются, а дòма... скука...

— Золото, графъ, огнемъ искушается,—отвѣчалъ Терентьичъ: — человѣкъ напастями. И не вспыхнуть дровамъ безъ подтопки... а я вамъ подтопочку могу подыскать...

— Какую?

— Женитесь, ваше сіятельство.

— Ну, это ты, Кабановъ, ври другимъ, а не мнѣ! — отвѣчалъ Чесменскій, вспоминая недавній совѣтъ о томъ же предметѣ Концова.

XXV.

Судьба Таракановой, между тѣмъ, не улучшилась. Московскія празднества въ честь мира съ Турціей заставили о ней на нѣкоторое время позабыть. Послѣ ихъ окончанія, ей предложили новыя обвинительныя статьи и новые вопросные пункты. Былъ призванъ и напущенъ на нее самъ Шешковскій. Допросы усилились. Добиваемая бо-

лѣзнью и нравственными муками, въ тяжелой, непривычной обстановкѣ и въ присутствіи безсмѣнныхъ часовыхъ, она съ каждымъ днемъ чахла и таяла. Были часы, когда ждали ея немедленной кончины.

Послѣ одного изъ такихъ дней, арестантка схватила перо и набросала письмо императрицѣ.

„Исторгаясь изъ объятій смерти,—писала она:—молю у вашихъ ногъ. Спрашиваютъ, кто я? Но развѣ фактъ рожденія можетъ для кого-либо считаться преступленіемъ? Днемъ и ночью въ моей комнатѣ мужчины. Мои страданія таковы, что вся природа во мнѣ содрогается. Отказавъ въ вашемъ милосердіи, вы откажете не мнѣ одной...“

Императрица досадовала, что еще не могла оставить Москвы и лично видѣть плѣнницу, которая вызывала къ себѣ то сильный ея гнѣвъ, то искреннее, невольное, тайное сожалѣніе.

Въ августѣ фельдмаршалъ Голицынъ опять посѣтилъ плѣнницу.

— Вы выдавали себя персіанкой, потомъ родомъ изъ Аравіи, черкешенкой, наконецъ, нашею княжной,—сказалъ онъ ей:—увѣряли, что знаете восточные языки; мы давали ваши письмена прочесть свѣдущимъ людямъ,—они въ нихъ ничего не поняли. Неужели, простите, и это обманъ?

— Какъ это все глупо! — съ презрительной усмѣшкой и сильно закашливаясь, отвѣтила Тараканова: — развѣ персы или арабы учатъ своихъ женщинъ грамотѣ? Я въ дѣтствѣ кое-чему выучилась тамъ сама. И почему должно вѣрить не мнѣ, а вашимъ чтецамъ?

Голицыну стало жаль долѣе, по пунктамъ, составленнымъ Ушаковымъ, разспрашивать эту бѣдную, еле-дышавшую женщину.

— Послушайте,—сказалъ онъ, смигивая слезы и какъ-бы вспомнивъ нѣчто, болѣе важное и настоятельное:—не до споровъ теперь... ваши силы падаютъ... Мнѣ не разрѣшено,—но я велю васъ перевести въ другое, болѣе просторное помѣщеніе, давать вамъ пищу съ комендантской кухни... Не желаете ли духовника, чтобы... понимаете... всѣ мы во власти Божьей... чтобы приготовиться...

— Къ смерти, не правда ли?—перебила, качнувъ головой, плѣнница.

— Да,—отвѣтилъ Голицынъ.

— Пришлите... вижу сама, пора...

— Кого желаете?—спросилъ, нагнувшись къ ней, князь:—католика, протестанта или нашей грекороссійской вѣры?

— Я русская, — проговорила арестантка: — пришлите русскаго, православнаго.

„Итакъ, кончено!—мыслила она въ слѣдующую, какъ и прежнія, безсонную ночь:—мракъ безъ разсвѣта, ужасъ безъ конца. Смерть... вотъ она, близится, скоро... быть можетъ, завтра... а они не утомились, допрашиваютъ...“

Плѣнница привстала, облокотилась объ изголовье кровати.

„Но кто же я наконецъ?“ — спросила она себя, устремляя глаза на образъ Спаса:—„ужели трудно дать себѣ отчетъ даже въ эти, послѣднія, быть можетъ, минуты? Ужели, если я не та, за какую себя считала, я не сознаюсь въ томъ? изъ-за чего? изъ чувства ли омерзѣнія къ нимъ, или изъ-за непомѣрнаго гнѣва и мести опозоренной ими, раздавленной женщины?“

И она старалась усиленно припомнить свое прошлое, допытываясь въ немъ мельчайшихъ подробностей.

Ей представились ея недавняя, веселая, роскошная жизнь, рядъ успѣховъ, выѣзды, пріемы, вечера. Придворные, дипломаты, графы, владѣтельные князья.—„Сколько было поклонниковъ!—мыслила она:— изъ-за чего-нибудь они ухаживали же за мною, предлагали мнѣ свое сердце и достояніе, искали моей руки... За красоту, за умѣнье нравиться, за умъ? Но есть много красивыхъ и умныхъ, болѣе меня ловкихъ женщинъ; почему же князь Лимбургскій не безумствовалъ съ ними, не отдавалъ имъ, какъ мнѣ, своихъ земель и зáмковъ, не водворялъ ихъ въ подаренныхъ владѣніяхъ? Почему именно ко мнѣ льнули всѣ эти Радзивиллы и Потоцкіе, почему искалъ со мною встрѣчи могучій фаворитъ бывшаго русскаго двора, Шуваловъ? Изъ-за чего меня окружали высокимъ, почти благоговѣйнымъ почтеніемъ, жадно разспрашивали о прошломъ? Да, я отмѣчена Промысломъ, избрана къ чему-то особому, мнѣ самой непонятному“.

„Дѣтство!—въ немъ одномъ разгадка!“—шептала плѣнница, хватаясь за отдаленнѣйшія, первыя свои воспоминанія:—„въ немъ одномъ доказательства!“

Но это дѣтство было смутно и непонятно ей самой. Ей припоминалась глухая деревушка, гдѣ-то на югѣ, въ пустынѣ, большія, тѣнистыя деревья надъ невысокимъ жильемъ, огородъ, за нимъ — зеленыя, безбрежныя поля. Добрая, ласковая старуха ее кормила, одѣвала. Далѣе—переѣздъ, на мягко-колыхавшейся, набитой душистымъ сѣномъ, подводѣ, долгій веселый путь черезъ новыя, неоглядныя поля, рѣки, горы и лѣса.

„Да кто же я, кто?“—въ отчаяніи вскрикивала арестантка, рыдая и колотя себя въ обезумѣвшую, отупѣлую голову:—„имъ нужны доказательства!.. Но гдѣ они? и что̀ я могу прибавить къ сказанному? Какъ могу отдѣлить правду отъ навѣяннаго жизнью вымысла? Можетъ ли, наконецъ, заброшенное, слабое, безпомощное дитя знать о томъ, что отъ него современемъ грозно потребуютъ отвѣта даже о самомъ его рожденіи? Судъ надо мною насильный, неправый. И не мнѣ помогать въ разубѣжденіи моихъ притѣснителей. Пусть позорятъ, пытаютъ, ловятъ, добиваютъ меня. Не я виновна въ моемъ имени, въ

моемъ рожденіи... Я—единственный, живой свидѣтель своего прошлаго; другихъ свидѣтелей у нихъ нѣтъ. Что же они злобствуютъ? У Господа немало чудесъ. Ужели Онъ, въ возмездіе слабой, угнетаемой, не явитъ чуда, не распахнетъ двери этого гроба-мѣшка, этой каменной, злодѣйской тюрьмы!..“

XXVI.

Миновали теплые осенніе дни. Насталъ дождливый, суровый ноябрь.

Отецъ Петръ Андреевъ, старшій священникъ Казанскаго собора, былъ образованный, начитанный и еще не старый человѣкъ. Онъ осенью 1775 года ожидалъ изъ Чернигова дочь брата, свою крестницу, Варю. Варя выѣхала въ Петербургъ съ другою, ей знакомою дѣвушкой, имѣвшей надежду лично подать просьбу государынѣ по какому-то важному дѣлу.

Домишко отца Петра, съ антресолями и съ крыльцомъ на улицу, стоялъ въ мѣщанской слободкѣ, сзади Казанскаго собора и бокомъ ко двору гетмана Разумовскаго. Дубы и липы обширнаго гетманскаго сада укрывали его черепичную крышу, простирая густыя, теперь безлистныя вѣтви и надъ крошечнымъ поповскимъ дворомъ.

Овдовѣвъ нѣсколько лѣтъ назадъ, бездѣтный отецъ Петръ жилъ настоящимъ отшельникомъ. Его ворота были постоянно на запорѣ. Огромный цѣпной песъ, Полканъ, на малѣйшую тревогу за калиткой, поднималъ нескончаемый, громкій лай. Рѣдкіе посѣтители, внѣ церковныхъ требъ, имѣвшіе дѣло къ священнику, входили къ нему съ уличнаго крыльца, бывшаго также все время на-запертп.

Письмо племянницы обрадовало отца Петра. Въ немъ онъ прочиталъ и нѣчто необычайное. Варя писала, что сосѣдняя съ ихъ хуторомъ барышня, незадолго передъ тѣмъ, получила изъ-за границы, отъ неизвѣстнаго лица, при письмѣ на ея имя, пачку исписанныхъ листковъ, найденную гдѣ-то въ выброшенной моремъ, засмоленной бутыли. — „Милый крестный и дорогой дядюшка, простите глупому уму,—писала дядѣ Варя:—прочли мы съ этою барышней тѣ бумаги и рѣшили ѣхать и ѣдемъ; а къ кому было, какъ не къ вамъ, направить сироту? Годъ назадъ она схоронила родителя, а въ присланныхъ листкахъ описано про персону такой важности, что и сказать о томъ—надо подумать. Сперва барышня полагала отправить ту присылку въ Москву, прямо ея величеству, да порѣшили мы съ-проста иначе; вы, крестный дяденька, знаете про всякія дѣла, всюду вхожи и вездѣ вамъ вниманіе и почетъ; какъ присовѣтуете, тому и быть. А имя барышни Ирина Львовна, а прозвищемъ дочка бригадира Ракитина“.

„Вѣтрогонки, вертухи! — заботливо качая головой, мыслилъ священникъ, по прочтеніи письма:—экъ сороки, обладили какое дѣло... затѣяли изъ Чернигова въ Питеръ, со мною совѣтоваться... нашли съ кѣмъ!“...

Каждый вечеръ, въ сумерки, отецъ Петръ, не зажигая свѣчи, любилъ за-просто, въ домашнемъ подрясникѣ, прохаживаться по гладкому, холщевому половику, простланному вдоль комнатъ, отъ передней въ пріемную, до спальни, и обратно. Онъ въ это время подходилъ къ горшкамъ гераній и другихъ цвѣтовъ, стоявшихъ по окнамъ, ощипывалъ на нихъ сухіе листья и сорную травку, перекладывалъ книги на столахъ, посматривалъ на клѣтку со спящимъ скворцомъ, на кіотъ съ образами и на теплившуюся лампадку, и все думалъ-думалъ: когда, наконецъ, оживятся его горницы? когда явятся вертуньи?

Гостьи подъѣхали.

Домъ священника ожилъ и посвѣтлѣлъ. Веселая и разбитная крестница Варюша засыпала дядю вѣстями о родинѣ, о знакомыхъ и о путевыхъ приключеніяхъ. Слушая ее, отецъ Петръ думалъ: „Давно ли ее привозили сюда, невзрачною, курносою, молчаливою и дикою дѣвочкой? А теперь,—какъ она жива, мила и умна! Да и ея спутница... вотъ ужъ писанная красавица! что за густыя, черныя косы, что за глаза! И въ другомъ родѣ, чѣмъ Варя, — задумчива, сдержана, строга и горда!“

Послѣ первыхъ, радостныхъ разспросовъ и возгласовъ, дядя ушелъ на очередь ко всенощной, а гостьи наскоро устроились на вышкѣ, собрали узелки, сходили съ кухаркой въ баню и, возвратясь, расположились у растопленнаго камелька. Отецъ Петръ засталъ ихъ красными, въ видѣ вареныхъ раковъ, съ повязанными толовами и за чаемъ. Разговорились и просидѣли далеко за полночь.

— А гдѣ же, государыни мои, привезенное вами?—спросилъ, отходя ко сну, отецъ Петръ:—дѣло любопытное и для меня... въ чемъ суть?

Дѣвушки порылись въ укладкахъ и узелкахъ, достали и подали ему свертокъ, съ надписью: *„Дневникъ лейтенанта Концова“*.

XXVII.

Отецъ Петръ спустился въ спальню, задернулъ оконныя занавѣски, поставилъ свѣчу у изголовья, прилегъ, не раздѣваясь, па постель, развернулъ смятую тетрадь синей, заграничной, почтовой бумаги, съ золотымъ обрѣзомъ, и началъ читать.

Онъ не спалъ до утра.

Исторія княжны Таракановой, принцессы Владимірской, извѣстная

отцу Петру по немногимъ, сбивчивымъ слухамъ, раскрылась передъ нимъ съ неожиданными подробностями.

„Такъ вотъ что̀ это, вотъ о комъ здѣсь рѣчь!“—думалъ онъ, съ первыхъ строкъ, о загадочной княжнѣ, то отрываясь отъ чтенія и лежа съ закрытыми глазами, то опять принимаясь за рукопись:—„и гдѣ теперь эта бѣдная, такъ коварно похищенная женщина?“—спрашивалъ онъ себя, дойдя до ливорнской исторіи: — „гдѣ она влачитъ дни? и спасся ли, живъ ли самъ писавшій эти строки?“

Сгорѣла одна свѣча, догорала и другая. Отецъ Петръ дочиталъ тетрадь, погасилъ щипцами мигавшій огарокъ, прошелъ въ другія комнаты и сталъ бродить изъ угла въ уголъ по половику. Начиналъ чуть брежжить разсвѣтъ. — „Ахъ, событія! ахъ, горестное сплетеніе дѣлъ: — шепталъ священникъ: — страдалица! помоги ей Господь!“ — Проснулся въ клѣткѣ скворецъ и, видя столь необычное хожденіе хозяина, странно, пугливо чокнулъ.—„Еще всѣхъ разбудишь!“—рѣшилъ отецъ Петръ. Онъ на цыпочкахъ возвратился въ спальню, прилегъ и снова началъ обсуждать прочтенное. Его мысли перенеслись въ прошлое царствованіе, въ море тайныхъ и явныхъ, ему, какъ и другимъ, извѣстныхъ событій. Священникъ заснулъ. Его разбудилъ благовѣстъ къ заутрени. Сквозь занавѣски свѣтило блѣдное, туманное утро. Отецъ Петръ заперъ въ столъ рукопись, пошелъ въ церковь, отправилъ службу и возвратился чернымъ ходомъ, черезъ кухню. Завидя крестницу, съ утюгомъ, у лѣсенки на вышку, онъ ее остановилъ знакомъ.

— А скажи, Варя,—произнесъ онъ вполголоса: — этотъ-то писавшій дневникъ? Концовъ, что ли... видно, ей женихъ?..

Варя послюнила палецъ, тронула имъ объ утюгъ, тотъ зашипѣлъ.

— Сватался,—отвѣтила она, помахивая утюгомъ.

— Ну, и что̀ же?

— Ирина Львовна ничего... отецъ отказалъ.

— Стало, разошлось дѣло?

— Вѣстимо.

— А теперь?

— Что̀ на это сказать? сирота она, и рада бы, можетъ... на своей, вѣдь, теперь волѣ... да гдѣ онъ?

— Корабль, видно, потонулъ?—произнесъ отецъ Петръ.

— Гдѣ про то дознаться въ нашей глуши! Вамъ бы, дяденька, провѣдать у моряковъ; не одни люди, погибли и графскія богатства... Гдѣ-нибудь, да есть же слѣдъ...

— Кто твоей товаркѣ выслалъ эти листки?

— Богъ его вѣдаетъ. Съ почты привезли повѣстку. Ариша и получила. На посылкѣ была надпись—Ракитиной, тамъ-то, а въ запискѣ

на французскомъ языкѣ сказано, что рукопись найдена рыбаками въ бутыли, гдѣ-то на морскомъ берегу. Въ Ракитномъ Ирина нынче одна изъ всей родни осталась, какъ перстъ, ей и доставили посылку...

Священникъ, не подавая о томъ вида ни крестницѣ, ни гостьѣ, пустился въ усердныя развѣдки. Его старанія были неуспѣшны.

Въ морской коллегіи оказалась только справка, что фрегатъ „Сѣверный Орелъ", на которомъ везли изъ Италіи больныхъ и отсталыхъ флотской команды и собственныя вещи графа Орлова, дѣйствительно былъ унесенъ бурей въ Атлантическій океанъ, что его видѣли нѣкоторое время за Гибралтаромъ, у африканскихъ береговъ, невдали отъ Танжера, и что, очевидно, онъ разбился и утонулъ гдѣ-либо у Азорскихъ или Канарскихъ острововъ. О судьбѣ же лейтенанта Концова и даже о томъ, ѣхалъ ли онъ именно на этомъ кораблѣ и спасся ли при этомъ онъ или кто другой — не могло быть и справки, такъ какъ, повидимому, весь экипажъ утонулъ. Бывшій же начальникъ эскадры Орловъ и ея ближайшій командиръ Грейгъ въ то время находились въ Москвѣ, а еще спрашивать было некого. Въ иностранныхъ газетахъ проскользнула только кѣмъ-то пущенная вѣсть, будто какіе-то моряки видѣли въ океанѣ разбитый корабль, безъ команды, несшійся далѣе на западъ къ Мадерѣ и Азорскимъ островамъ. Подойти къ нему и его осмотрѣть не допустилъ сильный штормъ.

„Жаль барыньку",—мыслилъ священникъ, глядя на Ракитину:— „экая умница, да степенная! богата, молода... Вотъ бы парочка тому-то, претерпѣвшему, спаси его Господь!.. Нѣтъ, видно и онъ погибъ съ другими, былъ бы живъ, отозвался бы на родину, товарищамъ по службѣ или роднымъ..."

Онъ улучилъ однажды свободный часъ и разговорился съ Ириной.

— Скажите, барышня,—произнесъ священникъ:—я слышалъ отъ племянницы о вашей печали; васъ, очевидно, съ разсчетомъ развели враги, подставили вамъ другаго жениха. Какъ это случилось? почему пренебрегли Концовымъ?

— Сама не понимаю,—отвѣтила Ирина: — мой покойный отецъ былъ расположенъ къ Павлу Евстафьевичу, ласкалъ его, принималъ, какъ добраго сосѣда, почти какъ роднаго. А ужъ я-то его любила, мыслью о немъ только и жила.

— И что-же? какъ разошлось?

— Не спрашивайте, — произнесла Ирина, склонивъ голову на руки: — это такое горе, такое... Мы видались, переписывались, были встрѣчи... я ему клялась искренно, мы только ждали минуты все сказать, открыть отцу...

Ракитина смолкла.

— Ужасно вспомнить,—продолжала она:—отецъ, надо полагать,

получилъ какое-нибудь указаніе, Концова могли ему чѣмъ-нибудь опорочить,—могли на него наклеветать... Вдругъ,—это было вечеромъ,—вижу, запрягаютъ лошадей.—Куда?—спрашиваю. Отецъ молчитъ; выносятъ вещи, поклажу. У насъ гостилъ родственникъ изъ Петербурга; мы втроемъ сѣли въ карету.—Куда мы?—спрашиваю отца.—Да вотъ, недалеко, прокатимся, — пошутилъ онъ. А шутка вышла такая, что мы безъ остановки на почтовыхъ проѣхали въ другое имѣніе, за тысячу верстъ. Ни писать, ни иначе дать вѣсть Концову мнѣ долгое время не удавалось, за мной слѣдили. И уже когда отецъ тяжело заболѣлъ въ томъ имѣніи, я отцу все высказала, молила его не губить меня, позволить извѣстить Концова. Онъ горько заплакалъ и сказалъ:—прости, Ариша, тебя и меня, вижу, жестоко обошли.—Да кто? кто?—спрашиваю:—ужли тотъ родной искалъ моей руки?—Не руки,—денегъ искалъ, да боялся, что Концовъ, оберегая насъ, помѣшаетъ ему. Онъ наскочилъ на его письмо къ тебѣ, наговорилъ на Концова и склонилъ меня, стараго, увезти тебя. Прости, Аринушка, прости; Богъ покаралъ и его, недобраго; взялъ онъ у меня въ займы, да въ Москвѣ проигрался въ карты и застрѣлился,—оставилъ письмо... вонъ оно, читай; надняхъ его переслали мнѣ.—Отецъ недолго потомъ жилъ. Я возвратилась въ Ракитовку; Концова уже не застала тамъ; умерла и его бабка. Я писала въ Петербургъ, куда онъ выѣхалъ, писала и въ чужіе края, на флотъ;—но тогда была война, письма къ нему, очевидно, не доходили. Потомъ его плѣнъ въ Турціи... потомъ... вотъ моя судьба.

— Молитесь, добрая моя, молитесь, — произнесъ священникъ:—горька ваша доля... Тутъ одно спасеніе и защита—Господь.

Прошло еще нѣсколько дней. Ракитина безъ устали собирала справки, хлопотала, но все безуспѣшно.

— Что-же, Ирина Львовна,—сказалъ однажды отецъ Петръ своей гостьѣ:—ѣздите вы, вижу, все напрасно — то въ одно, то въ другое мѣсто, справляетесь, тревожитесь... Государыня, слышно, будетъ еще не скоро. Написали бы къ начальству Павла Евстафьевича, въ Москву... не знаетъ ли чего хоть бы графъ Орловъ?

— Покорно благодарствую, батюшка! — отвѣтила, съ поклономъ, Ракитина: — помолитесь, не узнаемъ ли чего о томъ кораблѣ безъ команды? не прибило ли его куда-нибудь и не спасся ли на немъ хотя кто-нибудь, въ томъ числѣ и Концовъ... Вчера вотъ графъ Панинъ обѣщалъ развѣдать, черезъ иностранную коллегію, въ Испаніи и на Мадерѣ; Фонъ-Визинъ, писатель, тоже вызвался... не будетъ ли вѣсти, обожду еще, а то пора бы и домой, — да какъ ѣхать, безъ успѣха. Этотъ корабль, этотъ призракъ все у меня передъ глазами...

XXVIII.

Вечеромъ, перваго декабря 1775 года, была особенно ненастная и дождливая погода. Снѣгъ, выпавшій съ утра, растаялъ. Вездѣ стояли лужи. Экипажи и рѣдкіе пѣшеходы уныло шлепали по водѣ. Была буря. Она ревѣла надъ домомъ священника, стуча ставнями и раскачивая у забора огромныя деревья въ смежномъ, гетманскомъ саду. Нева вздулась. Всѣ ждали наводненія. Съ крѣпости изрѣдка раздавались глухіе, пушечные выстрѣлы.

Отецъ Петръ сидѣлъ сумрачный на вышкѣ у барышень. Разговоръ, подъ вой и ревъ вѣтра, не клеился и часто смолкалъ. Варя гадала на картахъ; Ирина, съ строгимъ и недовольнымъ лицомъ, разсказывала, какія алчныя піявки всѣ эти секретари въ иностранной коллегіи, переводчики и даже писцы; несмотря на приказъ и личное вниманіе графа Панина, они все еще не снеслись, съ кѣмъ надо, въ Испаніи и на островахъ, составляли проекты бумагъ, переписывали ихъ, переводили и вновь переписывали, лишь бы тянуть.

— Да вы бы смазочку... черезъ прислугу, или какъ, — сказалъ священникъ.

— Давали и прямо въ руки,—отвѣтила Варя за подругу.

Та съ укоризной на нее взглянула.

— Охъ, ужъ эти волостѣли-радѣтели! — произнесъ отецъ Петръ: — пора бы изъ Москвы обратно государынѣ; плохо безъ нея.

Дождь наискось хлесталъ въ окна, какъ градъ. Измокшій и озябшій сторожевой пёсъ забрался въ конуру, свернулся калачомъ и молчалъ, какъ бы сознавая, что, при такой бурѣ и пушечныхъ выстрѣлахъ, всѣмъ, разумѣется, не до него.

Вдругъ, послѣ одного изъ выстрѣловъ съ крѣпости, пёсъ отрывисто и особенно злобно залаялъ. Сквозь гулъ вѣтра, послышался стукъ въ калитку. Дѣвушки вздрогнули.

— Аксинья спитъ, — сказалъ отецъ Петръ о кухаркѣ: — кому-то видно нужно... съ крыльца не дозвонились.

— Я, дяденька,— отворю сказала Варя.

— Ну, ужъ, по твоей храбрости, лучше сиди.

Священникъ, спустясь со свѣчой въ сѣни, отперъ уличную дверь. Вошелъ нѣсколько смокшій на крыльцѣ, въ треуголѣ и при шпагѣ, невысокій, толстый человѣкъ, съ краснымъ лицомъ.

— Секретарь главнокомандующаго, Ушаковъ! — сказалъ онъ, встряхиваясь: — имѣю къ вашему высокопреподобію секретное дѣло.

Священникъ струхнулъ. Ему вспомнились бумаги, привезенныя Ра-

китиной. Онъ заперъ дверь, пригласилъ незнакомца въ кабинетъ, зажегъ другую свѣчу и, указавъ гостю стулъ, сѣлъ, готовясь слушать.

— Проповѣди-съ Массильона?—произнесъ Ушаковъ, отирая окоченѣлыя руки и присматриваясь къ книгѣ знаменитыхъ „Sermons", лежавшихъ у отца Петра на столѣ:—изволите хорошо знать по-французски?

— Маракýю,—отвѣтилъ священникъ, мысля: „чтò ему въ самомъ дѣлѣ до меня и въ такой поздній часъ?"

— Вѣроятно, батюшка, изволите знать и по-нѣмецки?—спросилъ Ушаковъ:—а кстати, можетъ быть, и по-итальянски?

— По-нѣмецки тоже обучался; итальянскій же близокъ къ латинскому.

— Слѣдовательно,—продолжалъ гость:—хоть нѣсколько и говорите на этихъ языкахъ?

„Вотъ явился прецéпторъ, экзаменовать!"—подумалъ священникъ.

— Могу-съ,—отвѣтилъ онъ.

— Странны, не правда ли, отецъ Петръ, такіе вопросы, особенно ночью?—произнесъ гость,—вѣдь согласитесь, странны?

— Да, таки, поздненько,—отвѣтилъ, зѣвнувъ и смотря на него, священникъ.

Ушаковъ переложилъ ногу на ногу, вскинулъ глаза на стѣну, увидѣлъ въ рамкѣ за стекломъ портретъ опальнаго архіерея, Арсенія Мацѣевича, и подумалъ: „Вотъ чтò! сочувственникъ этому бралю... надо быть настойчивѣе, рѣзче!"

— Ну, не буду длить, вотъ чтò-съ,—объявилъ онъ:—его сіятельству, господину главнокомандующему, благоугодно, чтобы ваше высокопреподобіе, взявъ нужныя святости, тотчасъ и безъ всякаго отлагательства потрудились отправиться со мной въ одно мѣсто... Тамъ иностранка-съ... грекороссійской вѣры...

— Въ чемъ же дѣло?

— Нужно совершеніе двухъ таинствъ.

— Какихъ именно?

— А вамъ, извините, зачѣмъ знать? развѣ нужно заранѣе?—возразилъ Ушаковъ:—тутъ не должно быть колебаній, повелѣніе свыше.

— Необходимо приготовиться,—сказалъ священникъ:—чтò именно ранѣе?

— Сперва крещеніе, потомъ исповѣдь, съ причастіемъ,—отвѣтилъ Ушаковъ.

— И теперь же, ночью?

— Такъ точно-съ, карета готова.

— Позволите взять причетника?

— Велѣно, слышите ли, безъ свидѣтелей.

— Куда же это, смѣю спросить?

— Отвѣтить не могу. Изволите увидѣть послѣ, а теперь одно — безпродлительно и въ полномъ секретѣ! — заключилъ Ушаковъ, кланяясь какъ-то кверху, хотя, въ знакъ просьбы, обѣими руками прижимая къ груди обрызганный дождемъ треуголъ.

— Могу объявить домашнимъ, успокоить ихъ?

Ушаковъ, зажмурясь, отрицательно замахалъ головой.

Священникъ взялъ крестъ и книги, крикнулъ на вышку: — „Варенька, запри дверь!“ —и, когда племянница спустилась въ сѣни, карета, гремя, уже катилась по улицѣ. Подъѣхавъ къ церковной оградѣ, отецъ Петръ разбудилъ привратника, вошелъ въ церковь и взялъ дароносицу.

XXIX.

Путники остановились у дома главнокомандующаго Голицына. Князю доложили о прибытіи священника. Тотъ его пригласилъ въ спальню, гдѣ уже былъ въ халатѣ.

— Извините, батюшка,—сказалъ, наскоро одѣваясь, главнокомандующій:—дѣло важное, воля высшаго начальства... Я сперва долженъ взять съ васъ клятвенное обѣщаніе, что вы вѣчно будете молчать о слышанномъ и видѣнномъ въ предстоящемъ дѣлѣ. Клянетесь ли?

— Какъ приносящій безкровную жертву, — отвѣчалъ отецъ Петръ: — я буду вѣренъ монархинѣ и безъ клятвенныхъ словъ.

Голицынъ—было замялся, но не настаивалъ. Онъ сообщилъ священнику свѣдѣнія, добытыя о плѣнницѣ.

— Знали-ль вы о ней что-нибудь прежде?—спросилъ князь.

— Кое-что дошло по молвѣ...

— Извѣстно ли вамъ, что она теперь въ Петербургѣ?

— Впервые слышу.

Голицынъ сообщилъ о тревогѣ государыни, объ иностранныхъ враждебныхъ партіяхъ, о поддѣльныхъ завѣщаніяхъ.

— Докторъ болѣе не ручается за ея жизнь,—прибавилъ фельдмаршалъ:—не только дни, часы ея сочтены.

Отецъ Петръ перекрестился.

— Она желаетъ приготовиться, — продолжалъ князь, подбирая слова:—не мнѣ васъ учить. Вы, какъ добрый пастырь, доведете ее, вѣроятно, до полнаго раскаянія и сознанія, кто она, и если обманно звалась принятымъ именемъ, то узнаете, кто ее тому научилъ... исполните ли?

Священникъ медлилъ отвѣтомъ.

— Даете ли слово помочь правосудію?

— Долгъ пастыря и свои обязанности знаю, — покашливая, сухо отвѣтилъ отецъ Петръ.

— Можете ѣхать, — сказалъ, кланяясь, князь: — васъ проводятъ, куда нужно; а меня простите за тревогу въ такое время.

Карета, съ священникомъ и Ушаковымъ, направилась къ крѣпости. У дома оберъ-коменданта они примѣтили другой экипажъ. Духовника ввели въ особую комнату. Тамъ его встрѣтилъ генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій. Рядомъ стояли рослый, бравый и румянолицый оберъ-комендантъ крѣпости Чернышевъ и разряженная, еще моложавая жена послѣдняго.

— Готово ли все?—спросилъ Вяземскій, оглядываясь.

— Готово,—отвѣтила, несмѣло присѣдая, въ шуршащихъ фижменахъ, оберъ-комендантша.

— Милости просимъ,—обратился князь Вяземскій къ священнику.

Всѣ вошли въ сосѣднюю комнату. Тамъ уже горѣли въ высокихъ поставцахъ свѣчи; между ними стояла купель, и какая-то, въ мѣщанской шубейкѣ, женщина держала что̀-то завернутое въ бѣлое.

— Приступайте, батюшка, — сказалъ Вяземскій, указывая на купель и на то, что̀ держала женщина.

Отецъ Петръ надѣлъ ризу, взялъ поданное Чернышевымъ кадило, раскрылъ книгу и началъ крещеніе. Воспріемниками были разряженная, метавшая жеманные взгляды, оберъ-комендантша и самъ генералъ-прокуроръ. Имя новорожденному дали Александръ. Обрядъ былъ конченъ. Оберъ-комендантша все металась, съ ребенкомъ въ рукахъ, глазами и плечами усиливаясь обратить вниманіе князя на себя и на свое шуршавшее платье.

— Чье дитя? — спросилъ вполголоса священникъ, почтительно склоняя крестъ къ подошедшему воспріемному отцу.

Вяземскій, недоумѣвая, взглянулъ на него.

— Какъ записать въ книгу?—спросилъ отецъ Петръ: — кто родители?

— Да развѣ это непремѣнно нужно?—недовольно спросилъ генералъ-прокуроръ.

— Какъ повелите... По долгу обряда... мало ли что̀ въ будущемъ... мы должны.

— Запишите,—сказалъ князь Вяземскій:—Александръ Алексѣевъ сынъ Чесменскій.

Священникъ молча, вздрагивавшей рукой, занесъ это имя въ книгу крещаемыхъ.

— А теперь другая треба... вотъ вашъ вожатый! — сказалъ со вздохомъ князь Вяземскій, указывая духовнику на вытянувшагося во фронтъ оберъ-коменданта:—надѣюсь, все исполнится, какъ повелѣно.

Съ этими словами онъ вышелъ и уѣхалъ.

Отецъ Петръ, съ дароносицей у груди, пошелъ за Чернышевымъ. Его сердце сильно забилось, когда они, черезъ внутренній мостикъ,

вступили въ особый, со всѣхъ сторонъ огражденный, дворъ; онъ понялъ, что это былъ роковой Алексѣевскій равелинъ...

Чернышевъ и его спутникъ взошли на невысокое крыльцо и длиннымъ полуосвѣщеннымъ корридоромъ приблизились къ небольшой двери. — „Она здѣсь“ —шепнуло сердце священнику. За дверью оказалась невысокая опрятная комната. Часовыхъ уже тамъ не было. Свѣча у кровати слабо озаряла, изъ-за особой тафтяной заставки, остальную часть комнаты. Воздухъ былъ спертый, съ легкой примѣсью запаха лѣкарствъ и какъ-бы ладона. Священникъ оглядѣлся и молча ступилъ за ширму.

Больная неподвижно лежала на кровати, но была въ памяти.

Она, медленно вглядываясь въ вошедшаго, узнала, по его одеждѣ, священника и, тихо вздохнувъ, протянула ему руку.

— Очень, очень рада, святой отецъ!—проговорила она по-французски:—понимаете меня? можетъ быть, вамъ доступнѣе нѣмецкій языкъ?

— Oui, oui, comme il vous plait!—неумѣло выговаривая, отвѣтилъ отецъ Петръ, вздрогнувъ отъ этого груднаго, разбитаго голоса.

— Я готова, спрашивайте,—проговорила арестантка:—помолитесь за меня...

XXX.

Священникъ бережно положилъ на столъ дароносицу, присѣлъ на стулъ у кровати, оправилъ густую гриву своихъ волосъ и, разглядѣвъ образокъ у изголовья больной, тихо нагнулся къ ней.

— Ваше имя?—спросилъ онъ.

— Princesse Elisabeth...

— Заклинаю васъ, говорите правду, — продолжалъ отецъ Петръ, подбирая французскія слова:—кто ваши родители и гдѣ вы родились?

— Клянусь всѣмъ, святымъ Богомъ клянусь, не знаю!—отвѣтила, глухо кашляя, плѣнница: — что̀ передавала другимъ, въ томъ была сама убѣждена.

На новые вопросы, чуть слышно, упавшимъ голосомъ, она еще кое-что добавила о своемъ дѣтствѣ, коснулась юга Россіи, деревушки, гдѣ жила, Сибири, бѣгства въ Персію и пребыванія въ Европѣ.

— Вы христіанка?—спросилъ священникъ.

— Я крещена по грекороссійскому обряду и потому считаю себя православною, хотя донынѣ, вслѣдствіе многихъ причинъ, была лишена счастья исповѣди и святого причастія... Я много грѣшила; искавши выхода изъ своего тяжелаго положенія, сближалась съ людьми, которые меня только обманывали... О, какъ я вамъ благодарна за посѣщеніе!

— У васъ найдены списки съ духовныхъ завѣщаній... отъ кого вы

ихъ получили и кѣмъ, откройте мнѣ и Господу силъ, составленъ вашъ манифестъ къ русской эскадрѣ?

— Все это, уже готовое, мнѣ прислано отъ неизвѣстнаго лица,— проговорила больная: — тайные друзья меня жалѣли... старались возвратить мои утерянныя права.

„Чтò-же это?"—раздумывалъ, слушая ее, изумленный духовникъ:— „все тотъ-же обманъ или правда? и если обманъ, то въ такое мгновеніе!"

— Вы на краю могилы,—произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ: — тлѣнъ и вѣчность... покайтесь... между нами одинъ свидѣтель—Господь.

Исповѣдница боролась съ собой. Ея грудь тяжело дышала. Рука судорожно стискивала у рта платокъ.

— Въ ожиданіи Божьяго праведнаго суда и близкой кончины,— сказала она, обратя угасавшій взглядъ на стѣну къ образку:—увѣряю и клянусь, все, чтò я сообщила вамъ и другимъ—истина... Болѣе не знаю ничего...

— Но вѣдь это невозможно, — возразилъ съ чувствомъ отецъ Петръ:—то, чтò вы передаете, такъ мало вѣроятно.

Больная, какъ бы отъ невыносимаго страданія, закрыла глаза. Слезы покатились по ея блѣднымъ, страшно-исхудалымъ щекамъ.

— Кто были ваши соучастники?—спросилъ, помедливъ, священникъ.

— О, никакихъ! пощадите... и если я, слабая, гонимая, безъ средствъ...

Княжна не договорила. Снова страшно закашлявшись, она вдругъ приподнялась, ухватилась за грудь, за кроват и въ безпамятствѣ упала. Обморокъ длился нѣсколько минутъ. Отецъ Петръ, думая, что она умираетъ, набожно шепталъ молитву.

Больная очнулась.

— Успокойтесь, придите въ себя, — сказалъ священникъ, видя, что ей лучше.

— Не могу болѣе, оставьте, уйдите!—проговорила больная:—въ другой разъ... дайте отдохнуть...

— Вашего сына сейчасъ окрестили, — объявилъ, желая ее ободрить, священникъ: — поздравляю. Господь милосерденъ, еще будете жить... для него.

Чуть замѣтная улыбка скользнула по сжатымъ, запекшимся губамъ арестантки. Глаза смутно глядѣли въ сторону, вверхъ, куда-то мимо этой комнаты, крѣпости, мимо всего окружавшаго, далеко...

Отецъ Петръ осѣнилъ больную крестомъ, еще постоялъ надъ нею, взялъ дароносицу и, отложивъ таинство причастія, вышелъ.

— Ну, что? — спросилъ его въ корридорѣ оберъ-комендантъ: — исповѣдали, пріобщили?

Священникъ, склонивъ голову, молча, поклонился оберъ-коменданту, сѣлъ въ карету и уѣхалъ изъ равелина.

Утромъ второго декабря, его опять пригласили со святыми дарами въ крѣпость. Арестанткѣ стало хуже.

— Одумайтесь, дочь моя, облегчите душу покаяніемъ,—увѣщевалъ священникъ:—заклинаю васъ Богомъ, будущею жизнью!

— Я грѣшна, — отвѣтила, уже не кашляя и какъ-то странно успокоясь, умирающая: — съ юныхъ дней я гнѣвила Бога и считаю себя великою, нераскаянною грѣшницей.

— Разрѣшаю твои прегрѣшенія, дочь моя,—произнесъ, искренно молясь и крестя ее, священникъ:—но твое самозванство, вина передъ государыней, сообщники?

— Я русская великая княжна! Я дочь покойной императрицы!— съ усиліемъ прошептала коспѣющими устами плѣнница.

Священникъ нагнулся къ ней, думая приступить къ причастію. Арестованная была неподвижна, какъ-бы бездыханна.

XXXI.

Отецъ Петръ въ сильномъ смущеніи возвратился домой.

„Да ужъ и впрямь самозванка ли она?“ — мыслилъ онъ: — „все можетъ утверждать человѣкъ, изъ личныхъ выгодъ; но умирающій... при послѣднемъ вздохѣ... и послѣ такихъ лишеній, почти пытки!.. Что̀, если она неповинна, не обманщица? Помнитъ дѣтство, твердитъ одно... Вѣдь она здѣсь, и, въ самомъ дѣлѣ, пока единственный свой свидѣтель. Ея ли вина, если ея доказательства шатки, даже ничтожны“.

Священникъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Дѣвушекъ, какъ онъ узналъ, не было дома; онъ растопилъ печь, заперъ дверь, вынулъ дневникъ Концова, снова посмотрѣлъ рукопись, вложилъ ее въ чистый листъ бумаги, перевязалъ его шнуркомъ и запечаталъ, надписавъ на оболочкѣ: „Вскрыть послѣ моей смерти“. Этотъ свертокъ онъ положилъ на дно сундука, гдѣ хранились его другія сокровенныя бумаги и рукописи, и, едва замкнулъ сундукъ, въ дверь постучались.

— Кто тамъ?

— Свои.

Вошла племянница, за нею стояла Ракитина.

— Что это, дяденька, съ вами?—спросила, вглядываясь въ священника, Варя:—вы встревожены, другой день куда-то ѣздите... гдѣ были?..

Ирина смотрѣла также вопросительно.— „Ужъ не получены-ли какія вѣсти для меня?“—мыслила она.

— Дѣло постороннее, не по вашей части! и вы меня, Ирина Львовна, великодушно простите, — обратился священникъ къ Ракитиной:—времена смутныя... привезенную вами рукопись опасно дер-

жать въ домѣ... вы собираетесь уѣхать, но и въ деревнѣ не безопасно... ужъ извините старику...

Ирина поблѣднѣла.

— Разные ходятъ слухи, не учинили бы розыска, — продолжалъ отецъ Петръ: — пеняйте, сударыня, на меня, только я ваши листки...

— Гдѣ тетрадь? неужели сожгли?—вскрикнула Ракитина, взглядывая на растопленную печь.

Отецъ Петръ молча поклонился.

Ирина всплеснула руками.

— Боже,—проговорила она, не сдержавъ хлынувшихъ слезъ: — было послѣднее утѣшеніе, послѣдняя память и та погибла. Съ чѣмъ уѣду?

Варя съ укоромъ взглянула на дядю.

— Послѣ, дорогая барышня, современемъ все узнаете, теперь лучше молчать,—сказалъ рѣшительно отецъ Петръ:—пути Божіи неисповѣдимы, врагъ же сѣетъ незнаемое... молитесь, памятуя Господа, Онъ воздастъ.

Священника не оставили въ покоѣ. Въ тотъ же день его снова пригласили къ главнокомандующему.

— Дознались-ли вы чего-либо отъ арестованной?—спросилъ Голицынъ.

— Простите, ваше сіятельство,—отвѣтилъ отецъ Петръ: — тайна исповѣди... не могу...

Голицынъ смѣшался.—„Какія порученія!—подумалъ онъ, краснѣя: — „и все эти совѣтники... Орлову не сидится; плететъ видно мутьянъ въ Москвѣ, а ты спрашивай"...

— Но, батюшка, на это воля свыше,—сказалъ Голицынъ.

— Не могу, ваше сіятельство, противъ совѣсти.

Голицынъ шевелилъ губами, не находя выхода изъ затрудненія.

— Да кто-же, наконецъ, она?—произнесъ онъ, стараясь придать себѣ грозное, рѣшительное выраженіе:—вѣдь это, батюшка, государственное, глубокой важности дѣло... Согласитесь, я долженъ-же донести, взыщется... вѣдь отвѣтчикъ за спокойствіе и за все—я... я одинъ...

— Одно могу доложить вашему княжескому сіятельству,—проговорилъ священникъ:—пока живъ, сдержу клятвенное слово, потребованное вами.

Фельдмаршалъ насторожилъ уши.

— Никому не пророню узнаннаго на духу, — продолжалъ отецъ Петръ:—вы сами взяли съ меня обѣтъ молчанія, но я могу сообщить вамъ, князь, лишь мою собственную догадку. Много объ арестованной выдумано, приплетено... А что̀, если...

— Говорите, говорите,—сказалъ фельдмаршалъ.

— Чтò, если арестованная неповинна ни въ чемъ! — произнесъ священникъ: — вѣдь тогда, за что-же она все *это* терпитъ?

Если бы громъ, въ это мгновеніе, разразился надъ фельдмаршаломъ, — онъ менѣе озадачилъ бы его.

— Вы хотите сказать, что она не имѣла сообщниковъ, не злоумышляла? — проговорилъ онъ: — да вѣдь если, сударь, такъ, то она и не самозванка, понимаете ли, а прирожденная, настоящая наша княжна... Неужели возможно это, хотя на мигъ, допустить?

Отецъ Петръ, склоняясь головой на рясу, молчалъ.

— Вы ошибаетесь! сонъ и бредъ! — вскричалъ фельдмаршалъ, хватаясь за звонокъ. — Лошадей! — сказалъ онъ вошедшему ординардцу: — самъ попытаюсь, еще не утеряно время! погляжу.

XXXII.

„Охъ, и я грѣшникъ въ указаніяхъ о ней!“ — мыслилъ Голицынъ, ѣдучи въ крѣпость: — „поддавался въ выводахъ другимъ, торопился безъ толку, льстилъ догадкамъ и соображеніямъ другихъ!“

Нева, поверхъ льда, была еще затоплена остатками бывшаго наканунѣ наводненія. Карета Голицына съ трудомъ пробиралась между незамерзшихъ лужъ.

Оберъ-коменданта онъ не засталъ дома. Тотъ съ ночи находился въ равелинѣ. У крыльца вертѣлся, съ бумагами, Ушаковъ. Онъ подошелъ къ князю и началъ-было: — такъ какъ вашему сіятельству не безъизвѣстно, расходы на оную персону...

— Ведите меня къ арестанткѣ, — сказалъ князь дежурному по караулу, обернувъ спину къ Ушакову: — чѣмъ занимаются! что больная? въ памяти еще?

— Кончается, — отвѣтилъ дежурный.

Голицынъ перекрестился. У входа въ равелинъ, его встрѣтилъ оберъ-комендантъ Чернышевъ.

Князь не узналъ его. Бравый, молодцоватый фронтовикъ-служака, Чернышевъ, несмущавшійся на своей должности ничѣмъ, былъ взволнованъ и сильно блѣденъ.

— Бѣдная, — прошепталъ фельдмаршалъ, идя съ Чернышевымъ: — ужели умретъ?.. былъ докторъ?

— Неотлучно при ней, съ вечера, — отвѣтилъ Чернышевъ: — недавно началась агонія... бредитъ...

— О чемъ бредъ? говорите? — опять всполошился князь, склоняя голову къ Чернышеву: — были вы у нея, слышали? бредъ о чемъ?

— Заходилъ нѣсколько разъ, — отвѣтилъ оберъ-комендантъ: — твер-

дитъ непонятныя слова—слышатся между ними: Орловъ... принцесса... mio caro, gran Dio...

— Ребенокъ?—спросилъ, смигивая слезы, князь.

— Живъ, ваше сіятельство, — на рукахъ кормилки... супруга... жена-съ хорошую нашла.

— Заботьтесь, сударь, чтобъ все было, понимаете, чтобъ все, — внушительно и строго проговорилъ фельдмаршалъ, подыскивая въ голосѣ вѣскіе, начальническіе звуки: — по-христіански, слышите ли, вполнѣ... И на случай, здѣсь же... въ тайности, понимаете ли, и безъ огласки... вѣдь человѣкъ тоже, страдалица.

Князь еще хотѣлъ что-то сказать и всхлипнулъ. Горло ему схватили слезы. Онъ качнулъ головой, оправился и, по возможности, бодрясь, твердо вышелъ на крыльцо. Здѣсь онъ взглянулъ на хмурое сѣрое небо, заволоченное обрывками облаковъ.

Надъ равелиномъ, въ вихрѣ падавшаго снѣга, безпорядочно вились галки. Полусорванные смокшею, двухдневною бурей, желѣзные листы уныло скрипѣли на ветхой крышѣ. Фельдмаршалъ, кутаясь въ соболій воротникъ, сѣлъ въ карету и крикнулъ: домой.—„Въ прежнія наводненія,—разсуждалъ онъ,—не разъ заливало казематы; теперь Господь помиловалъ ее, бѣдную“.

„Да, по всей видимости, — мысленно прибавилъ онъ себѣ: — несчастная—игралище чужихъ, темныхъ страстей. Самозванка ли, трудно рѣшить. Такъ ея величеству и отпишу... ея смерть падетъ не на наши головы“...

Карета быстро неслась по свѣжему, падавшему снѣгу, обгоняя обозы съ дровами и сѣномъ, щегольскіе экипажи и одинокихъ пѣшеходовъ, озабоченно шагавшихъ сквозь снѣжную завирýху.

Мелькали тѣ же дома и церкви, тѣ же мосты и вывѣски, къ которымъ старый князь, съ хлопотливою, дѣловою озабоченностью начальника сѣверной резиденціи, приглядывался столько лѣтъ. Вотъ и домъ полиціи, у Зеленаго моста, на Невскомъ, и собственная квартира фельдмаршала. Тяжело было на его душѣ.

„А что, если она и впрямь не самозванка?“ — вдругъ подумалъ фельдмаршалъ, завидѣвъ у моста на Мойкѣ мѣсто бывшаго Елисаветина зимняго дворца и далѣе, по Невскому, Аничковы палаты Разумовскаго.

Голицыну вспомнилось прошлое царствованіе, тогдашніе сильные люди, связи, его собственные молодые годы и все, что унеслось съ тѣми невозвратными годами и людьми.

Вечеромъ, четвертаго декабря, 1775 года, княжна Тараканова, dame d'Azow, Али Эмете и принцесса Владимірская — скончалась.

Ея послѣднихъ минутъ не видѣлъ никто. Къ ней вошли, — она лежала тихо, будто заснула. Неприкрытые тусклые зрачки были устремлены къ образку Спаса.

На слѣдующій день сторожившіе ее гарнизонные инвалиды Петропавловской крѣпости вырубили, при помощи ломовъ и кирокъ, на внутреннемъ, обсаженномъ липками, дворикѣ Алексѣевскаго равелина, глубокую яму и, тайно отъ всѣхъ, зарыли въ ней тѣло умершей, закидавъ ее мерзлою землей. Инвалидный вахтеръ Антипычъ самъ отъ себя посадилъ надъ этой могилой березку... Прислугу арестантки, горничную Мешéде и шляхтича Чарномскаго, по довольномъ опросѣ и взятіи съ нихъ клятвы о вѣчномъ молчаніи, отпустили въ чужіе края.

Отецъ Петръ провѣдалъ о кончинѣ арестантки по слезамъ и нѣкоторымъ намекамъ кумы, оберъ-комендантши. Онъ сказалъ себѣ: „узницы тьмы, долгою нощію связаны, успокоилъ вы Господь!" и безъ огласки отслужилъ у себя въ церкви панихиду по усопшей рабѣ Божіей Елисаветѣ, причемъ, на проскомидіи, въ поминъ ея души, вынулъ частичку изъ просфоры.

— По комъ это, крестный, вы служили панихиду?—спросила священника Варя, увидѣвъ у него на столѣ эту просфору.

— Неизвѣстная тебѣ особа, многострадальная!

-- Да кто она?

— *Азъ рабъ и сынъ рабыни твоея*, — отвѣтилъ загадочно отецъ Петръ:—всѣ мы подъ властью Божьей, мудрые и простые, рабы и цари... *сокровенная притчей изыщетъ и въ гаданіи притчей поживетъ!..*

Фельдмаршалъ Голицынъ долго обдумывалъ, какъ сообщить императрицѣ о кончинѣ Таракановой. Онъ взялъ перо, написалъ нѣсколько строкъ, перечеркнулъ ихъ и опять сталъ соображать.

„Э, была не была!"—сказалъ онъ себѣ:—„съ мертвой не взыщется, а всѣмъ будетъ оправданіе"...

Князь выбралъ новый чистый листъ бумаги, обмакнулъ перо въ чернильницу и, тщательно выводя слова неяснаго, старческаго почерка, написалъ: „Всклепавшая на себя извѣстное вашему величеству неподходящее имя и природу, сего четвертаго декабря, умерла нераскаянной грѣшницей, ни въ чемъ не сознагась и не выдала никого".

„А кто изъ высшихъ провѣдаетъ о ней и станетъ лишнее болтать"—мысленно добавилъ Голицынъ, кончивъ это письмо:—„можно пустить слухъ, что ее залило наводненіемъ... Кстати же, такъ стрѣляли съ крѣпости и разгулялась-было Нева"...

Такъ и сложилась легенда о потопленіи Таракановой.

Пробившись безъ успѣха еще нѣкоторое время, по присутственнымъ мѣстамъ, Ирина Львовна Ракитина убѣдилась въ безнадежности своего дѣла и уѣхала съ Варей обратно на родину. Въ Москвѣ она пыталась лично подать прошеніе императрицѣ. Это было въ томъ же декабрѣ 1775 года, наканунѣ возвращенія Екатерины въ Петербургъ. Прошеніе Ирины было благосклонно принято, но въ суетѣ придворныхъ сборовъ, очевидно, гдѣ-нибудь затерялось и потомъ о немъ забыли. По немъ не послѣдовало никакого рѣшенія и отвѣта. Хотѣла Ирина въ Москвѣ навѣстить графа Орлова,—ей это отсовѣтовали.

Возвратясь въ Петербургъ, императрица подробнѣе разспросила Голицына о кончинѣ узницы и, какъ старикъ ни старался смягчить свой разсказъ, поняла, какая драма постигла ослѣпленную жертву чужихъ видовъ. — „Пересолили, князь, и мы съ тобой!“ — сказала Екатерина: — „отчего ты не былъ откровеннѣе со мной?“

„Я кругомъ виновата“, — рѣшила Ирина, послѣ мучительныхъ сомнѣній и раздумья: — „черезъ меня Концовъ бросилъ родину, черезъ меня впалъ въ отчаянье, пытался помочь той несчастной и погибъ. Мнѣ искупить его судьбу, мнѣ вымолить у Бога прощеніе всѣмъ грѣховнымъ въ этомъ дѣлѣ. Я одинока, нечего болѣе въ мірѣ ждать“.

Ракитина въ 1776 году оставила свое помѣстье на руки стараго отцовскаго слуги. Въ сопровожденіи Вари, помолвленной въ томъ году за учителя московской семинаріи, она уѣхала въ небольшой женскій монастырь, бывшій невдали отъ Кіева, и поступила туда послушницей, въ надеждѣ скоро принять окончательный постригъ. Сколько Варя ни разубѣждала ее, со слезами и заклинаніями, Ирина, надѣвъ рясу и клобукъ, твердила одно: „я виновата, мнѣ молиться за него и вѣчно страдать“.

XXXIII.

Мольбы, однако, не шли на мысли Ирины.

Прошло пять лѣтъ. Въ маѣ 1780 года, Ракитина снова посѣтила Петербургъ. Ея пріятельница Варя была замужемъ въ Москвѣ. Дядя Вари, отецъ Петръ, состоялъ попрежнему священникомъ Казанской церкви. Ирина его навѣстила. Онъ ей очень обрадовался, сталъ ее разспрашивать.

— Неужели все еще ждете, надѣетесь, что вашъ женихъ живъ?— спросилъ онъ: — столько лѣтъ напрасно тревожитесь; былъ бы живъ, неужели не отозвался бы какъ-нибудь, не говорю вамъ,—знакомымъ, роднымъ?

— Не говорите, батюшка, — возразила Ирина, отирая слезы: — все отдамъ, всѣмъ пожертвую...

— Но это, сударыня моя, даже грѣшно... испытываете Провидѣніе, язычески гадаете.

— Чтò же мнѣ дѣлать? — произнесла Ирина: — вижу тяжелые, точно пророческіе сны... Одинъ, особенно,—ахъ, сонъ!.. недавно снилось, да подъ-рядъ нѣсколько ночей...

Ирина смолкла.

— Чтò снилось? говорите, откройтесь.

— Снилось, будто онъ подошелъ къ моему изголовью такой же, какъ я его видѣла у насъ въ деревнѣ, въ послѣдній разъ, -статный, красивый, добрый и говоритъ: я живъ, Аринушка, я тамъ, гдѣ шумитъ вѣчное море... смотрю на тебя утро и вечеръ съ берега, жду, авось меня найдешь, освободишь... Ахъ, научите, гдѣ искать, кого просить? Государыню снова просить не рѣшаюсь...

— Думалъ я о васъ,—сказалъ отецъ Петръ:—здѣсь некому, кромѣ одного лица... А это лицо—государь цесаревичъ Павелъ Петровичъ... Онъ, гроссмейстеръ, покровитель ордена мальтійскихъ рыцарей, одинъ можетъ. Лучшаго пособника, коли онъ только снизойдетъ къ вамъ, въ вашемъ дѣлѣ не найти... Тутъ все: и умъ, направленный къ благому и таинственному, и связи съ могучими и знатными филантропами. А доброта? а рыцарская честность? Это не Тиверій, какъ о немъ говорятъ враги, а будущій благодѣтельный Титъ...

— Да, я слышала,—отвѣтила Ирина.

— Слышали? такъ поѣзжайте же къ нему на мызу, ищите аудіенціи.

Священникъ снабдилъ Ирину нужными наставленіями и совѣтами, далъ ей письмо къ своей крестницѣ, кастеляншѣ дворца цесаревича. Ракитина наняла кибитку и, черезъ Царское село, отправилась на собственную мызу великаго князя „Паульслустъ“, впослѣдствіи Павловскъ.

Кастелянша приняла Ракитину весьма радушно. Она, пріютивъ ее у себя, показала ей диковинки великокняжескаго сада и парка, домики Крикъ и Крахъ, хижину Пустынника, гроты, пруды и перекидные мосты.

Было условлено, что Ирина сперва все изложитъ ближней фрейлинѣ цесаревны, недавней смолянкѣ, Катеринѣ Ивановнѣ Нелидовой.

— Когда же къ Катеринѣ Ивановнѣ?—спрашивала Ирина, ожидая обѣщаннаго ей свиданія.

— Занята она, надо подождать; на клавикордахъ все любимую пьесу цесаревича, какой-то гимнъ изучаетъ для концерта.

Ирина шла однажды съ своей хозяйкой по парку. Вдругъ изъ-за деревьевъ имъ на-встрѣчу показалась бѣлокурая дама, въ голубомъ, безъ фижмеповъ, шелковомъ платьѣ.

— Кто это? - спросила Ирина.

— Цесаревна, — отвѣтила чуть слышно, низко кланяясь, кастелянша.

Ракитина обмерла. Двадцатидвухлѣтняя, стройная, нѣсколько склонная къ полнотѣ, красавица, великая княгиня Марія Ѳедоровна прошла мимо Ирины, близорукими, нѣсколько смущенными, глазами съ удивленіемъ оглядѣвъ ея монашескій нарядъ. За цесаревной, со сверткомъ нотъ и скрипкой подъ мышкой, шелъ худой и высокій рябоватый мужчина, въ темномъ кафтанѣ и треуголѣ.

— А это кто?—спросила Ракитина, когда они прошли.

— Паэзіéлло, — отвѣтила кастелянша: — учитель музыки ея высочества.

Ирина съ восхищеніемъ разглядѣла рѣдкую красоту цесаревны, нѣжный румянецъ ея лица и какіе-то алые и синіе цвѣты въ ея роскошныхъ бѣлокурыхъ волосахъ, вправленные, для сохраненія свѣжести въ особыя, крохотныя, стеклянныя бутылочки съ водой.

Поодаль за цесаревной слѣдовали двѣ фрейлины. Одна изъ нихъ, невысокая, худенькая и подвижная брюнетка, поразила Ирину блескомъ черныхъ, сыпавшихъ искры, живыхъ глазъ. Она весело болтала съ спутницей. То была Нелидова. Мило прищурясь, сдѣлавшей ей книксенъ, толстой кастеляншѣ, она ей сказала съ ласковой улыбкой: „Все некогда было, Анна Романовна,—все гимнъ... завтра утромъ...“ — „Итакъ, завтра!“ — подумала Ирина, восторженнымъ взоромъ провожая чудныхъ, нарядныхъ фей, такъ нежданно мелькнувшихъ передъ нею въ паркѣ.

Въ назначенный часъ Анна Романовна провела Ирину во фрейлинскій флигель, бывшій рядомъ съ гауптвахтой, и усадила ее въ небольшой пріемной.

— Катерина Ивановна, видно, еще во дворцѣ, у великой княгини, — сказала она: — подождемъ, голубушка, здѣсь; скиньте вашъ клобучокъ... жарко.

— Ничего, побуду и такъ...

Комната была украшена вазами, блюдами на этажеркахъ и медальонами, вправленными въ стѣны.

— Это все работа великой княгини, — произнесла кастелянша: — взгляните, матушка, что за мастерица, какъ рисуетъ по фарфору... А вонъ въ черномъ шкафчикѣ работа изъ кости; сама рѣжетъ на камняхъ, тушуетъ по золоту ландшафты, точитъ на станкѣ. А какъ любитъ Катерину Ивановну, и все ей даритъ. Это вотъ ею вышитая подушка. Смотрите, какая роза, а это миртъ; что за тонкость узора, красокъ. Точно нарисовано.

Ирина не отзывалась.

— Что молчите, милая? о чемъ думаете?

— Роза и миртъ, — произнесла, вздохнувъ, Ирина: — жизнь и смерть... Чѣмъ-то кончатся мои поиски и надежды?

Изъ комнатъ Нелидовой въ это время донеслись звуки клавесина. Нѣжный, звонкій, отлично-выработанный голосъ пѣлъ, подъ эти звуки, торжественный и грустный гимнъ изъ оперы Глюка „Ифигенія въ Тавридѣ".

— Ну, Арина Львовна, уйдемъ, — сказала кастелянша: — видно, опоздали; Катерина Ивановна за музыкой, а въ это время никто ее не безпокоитъ. Того и гляди, у нея теперь и великая княгиня.

Ирина, давъ знакъ спутницѣ, чтобъ та нѣсколько обождала, съ замираніемъ сердца, дослушала знакомый ей, молящій гимнъ Ифигеніи. Она сама когда-то въ деревнѣ пѣла его Концову.

„О, если бы я такъ могла ихъ просить! Но когда это будетъ? У нихъ свои заботы, имъ некогда!" — подумала она, чувствуя, какъ ее душили слезы.

— Идемъ, идемъ, — торопила Анна Романовна.

Гости тихо вышли въ сѣни, на крыльцо, обогнули фрейлинскій флигель и направились въ садъ. Калитка хлопнула.

— Куда же вы это? — раздался надъ ихъ головами веселый окликъ.

Онѣ подняли глаза. Изъ раствореннаго окна на нихъ глядѣла радушно улыбающаяся, черноглазая Нелидова.

— Зайдите, я совершенно свободна, — сказала она: — пѣла въ ожиданіи васъ, зайдите.

Гости возвратились.

Кастелянша представила Ракитину. Нелидова привѣтливо усадила ее рядомъ съ собой.

— Такъ молоды и уже въ печальномъ уборѣ! — произнесла она: — говорите, не стѣсняясь, слушаю.

Ирина, начавъ о Концовѣ, перешла къ разсказу о плѣнѣ и заточеніи Таракановой. Съ каждымъ ея словомъ, съ каждою подробностью печальнаго событія, оживленное и обыкновенно веселое лицо Нелидовой становилось пасмурнѣй и строже.

„Боже, какія тайны, какая драма! — мыслила она, содрогаясь: — и все это произошло въ наши дни! точно мрачныя, средневѣковыя времена, и никто этого не знаетъ".

— Благодарю васъ, мамзель Ирéнъ, — сказала Катерина Ивановна, выслушавъ Ракитину: — очень вамъ признательна за разсказъ. Если позволите, я все сообщу ихъ высочествамъ .. И я убѣждена, что государь цесаревичъ, этотъ правдивый, этотъ рыцарь, ангелъ доброты и чести... все для васъ сдѣлаетъ. Но кого онъ долженъ просить?

— Какъ кого? — удивилась Ирина.

— Видите ли, какъ бы вамъ сказать? — произнесла Нелидова: — государь-наслѣдникъ не мѣшается въ дѣла правленія; онъ можетъ только ходатайствовать, просить... отъ кого зависитъ ваше дѣло?

— Князь Потемкинъ могъ бы, — отвѣтила Ирина, вспомнивъ наставленія отца Петра: — этому сановнику легко предписать посламъ и консуламъ. Лейтенантъ Концовъ, быть можетъ, снова гдѣ-нибудь въ плѣну, у мавровъ, негровъ, на островахъ атлантическихъ дикарей.

— Вы долго здѣсь пробудете? — спросила Нелидова.

— Мать-игуменья обители, гдѣ я живу, давно отзываетъ, ждетъ. Мои поиски всѣ осуждаютъ, именуютъ грѣхомъ.

— Какъ же и куда вамъ дать знать?

Ирина назвала обитель и задумалась, взглянувъ на подушку, вышитую великою княгинею.

— Я такъ истрадалась и столько ждала, — проговорила она, подавляя слезы: — не пишите мнѣ ничего, ни слова! а вотъ что... вложите въ пакетъ... если удача — розу, неудача — миртовый листокъ.

Нелидова обняла Ирину.

— Все сдѣлаю, все, — ласково сказала она: — попрошу великую княгиню, государя-цесаревича. Вамъ нечего здѣсь ждать. Поѣзжайте, милая, хорошая. Что̀ узнаю, вамъ сообщу.

XXXIV.

Вѣстей не приходило. Наступилъ 1781 годъ.

Съ удаленіемъ князя Григорія Орлова и съ паденіемъ вліянія воспитателя цесаревича, Панина, новые совѣтники императрицы Екатерины, съ цѣлью устранить отъ нея вліяніе сына, Павла Петровича, подали ей мысль отправить цесаревича и его супругу, для ознакомленія съ чужими странами, въ долгій заграничный вояжъ. Ирина съ трепетомъ узнала объ этомъ въ монастырѣ изъ писемъ Вари.

Ихъ высочества оставили окрестности Петербурга 19 сентября 1781 года. Въ половинѣ октября, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, они въ украинскомъ городкѣ Васильковѣ проѣхали русскую границу съ Польшей. Здѣсь фрейлину Нелидову ожидала, подъѣхавшая наканунѣ по кіевскому тракту, нѣкая молодая, въ черной монашеской рясѣ, особа. Она была введена въ помѣщеніе Катерины Ивановны. Туда же, черезъ садъ, какъ-бы невзначай, пока перепрягали лошадей, вошли графъ и графиня Сѣверные. Они здѣсь оставались нѣсколько минутъ и вышли — графъ сильно блѣдный, графиня въ слезахъ. — „Бѣдная Пенелопа!“ — сказалъ Павелъ Нелидовой, садясь въ экипажъ и глядя на виднѣвшуюся, сквозь деревья, темную фигуру Ирины.

Бесѣда Катерины Ивановны съ незнакомкой, по отъѣздѣ высокихъ путниковъ, длилась такъ долго, что фрейлинскій экипажъ по маршруту запоздалъ и долженъ былъ догонять великокняжескій поѣздъ вскачь.

— Роза, роза!.. не миртъ...—загадочно для всѣхъ, крикнула незнакомкѣ Нелидова, по-французски, маша ей, какъ-бы въ одобреніе, изъ кареты платкомъ.

„Дѣйствительно, плачущая Пенелопа!“ — подумала Катерина Ивановна, уѣзжая и видя издали на пригоркѣ неподвижную, темную фигуру Ирины.

Заграничный, годовой вояжъ графа и графини Сѣверныхъ былъ очень разнообразенъ. Они объѣхали Германію и встрѣтили новый 1783 годъ въ Венеціи.

Восьмого января 1783 года, великій князь Павелъ Петровичъ, въ живописномъ итальянскомъ плащѣ „табарро“, а великая княгиня въ нарядной венеціанской мантильѣ и въ „цендадѣ“ посѣтили утромъ картинную галлерею и зàмокъ дожей, а вечеромъ театръ „Пророка Самуила“, гдѣ для высокихъ гостей давали ихъ любимую оперу „Ифигенія въ Тавридѣ“. Самъ знаменитый маэстро-композиторъ Глюкъ управлялъ оркестромъ.

Послѣ оперы, публика повалила на площадь Св. Марка. Тамъ, въ честь высокихъ путешественниковъ, былъ устроенъ импровизированный, народный маскарадъ. Площадь кипѣла разнообразною, оживленною толпой. Всѣ замѣтили, что графъ Сѣверный, проводивъ супругу изъ театра въ приготовленный для нихъ палаццо, гулялъ по площади въ маскѣ, въ сторонѣ отъ другихъ, бесѣдуя съ какимъ-то высокимъ, тоже въ маскѣ, иностранцемъ, который ему былъ представленъ въ тотъ вечеръ Глюкомъ, въ театральной ложѣ.

Свѣтилъ яркій полный мѣсяцъ, горѣли разноцвѣтные огни. Шумъ и говоръ пестрой толпы не развлекалъ собесѣдниковъ.

— Кто это? — спросила одна дама своего мужа, указывая, какъ внимательно слушалъ графъ Сѣверный шедшаго рядомъ съ нимъ незнакомца.

— Да развѣ ты не узнаёшь? другъ Глюка, нашъ знаменитый магъ и вызыватель духовъ...

Павелъ былъ взволнованъ и не въ духѣ. Онъ хотѣлъ подшутить надъ незнакомцемъ, но вспомнилъ одно обстоятельство и невольно смутился.

— Вы—чародѣй, живущій, по вашимъ словамъ, несчетное число лѣтъ, — произнесъ онъ любезно, хотя съ нескрываемою усмѣшкой въ

голосѣ: — вы, какъ увѣряютъ, имѣете общеніе не только со всѣми живущими, но и съ загробной жизнью. Это, безъ сомнѣнія, шутка съ вашей стороны, и я, разумѣется, этому не вѣрю! — прибавилъ онъ, стараясь быть любезнымъ: — смѣшно вѣрить сказкамъ... Но есть сказки и сказки, поймите меня... Хотѣлось бы васъ спросить объ одномъ явленіи...

— Приказывайте, слушаю, — отвѣтилъ незнакомецъ.

— Напримѣръ... и это опять только, безъ сомнѣнія, разговоръ кстати, — продолжалъ графъ Сѣверный: — меня всегда занимали вопросы высшей жизни, непонятныя вмѣшательства въ нашу духовную область сверхъестественныхъ силъ. Мнѣ бы хотѣлось... я бы васъ просилъ, — разъ мы встрѣтились такъ нежданно, — объяснить мнѣ одну загадочную вещь, странную встрѣчу...

— Къ вашимъ услугамъ, — отвѣтилъ, вѣжливо кланяясь, незнакомецъ.

Его собесѣдникъ молча прошелъ нѣсколько шаговъ.

Павелъ боролся съ собой, стараясь въ чемъ-то поймать кудесника и въ то же время заглушая въ себѣ нѣчто тяжелое и томительное, что, очевидно, составляло одно изъ его тайныхъ мученій. Приподнявъ маску, онъ отеръ лобъ.

— Я видѣлъ духа, — проговорилъ онъ нерѣшительно, въ-силу сдерживая волненіе: — видѣлъ тѣнь для меня священную...

Незнакомецъ опять слегка поклонился, идя рядомъ съ Павломъ, который своротилъ съ площади къ полуосвѣщенной набережной.

— Однажды, это было въ Петербургѣ... — началъ графъ Сѣверный.

И онъ передалъ собесѣднику извѣстный, незадолго передъ тѣмъ, кѣмъ-то уже оглашенный въ чужихъ краяхъ разсказъ о видѣнной имъ тѣни предка: какъ онъ въ лунную ночь шелъ съ адъютантомъ по улицѣ и какъ вдругъ почувствовалъ, что слѣва, между ними и стѣной дома, молча двигалась какая-то рослая, въ плащѣ и старомодномъ треуголѣ, фигура, — какъ онъ ощущалъ эту фигуру, по ледяному холоду, охватившему его лѣвый бокъ, и съ какимъ страхомъ слѣдилъ за шагами призрака, стучавшими о плиты тротуара, подобно камню, стучащему о камень. Незримый адъютанту, призракъ обратилъ къ Павлу грустный и укорительный голосъ: „Павелъ, бѣдный Павелъ, бѣдный князь! Не особенно привязывайся къ міру: ты не долго будешь въ немъ. Бойся укоровъ совѣсти, живи по законамъ правды... Ты въ жизни...“

— Тѣнь не договорила, — заключилъ графъ Сѣверный: — я не понималъ, кто это, но поднялъ глаза и обмеръ: передо мной, ярко освѣщенный луннымъ блескомъ, стоялъ во весь ростъ мой прадѣдъ, Петръ Великій. Я сразу узналъ его ласковый, дышавшій любовью ко мнѣ, взглядъ; хотѣлъ его спросить... онъ исчезъ, а я стоялъ, прислонясь къ пустой, холодной стѣнѣ...

Проговоривъ это, Павелъ снова снялъ маску и отеръ платкомъ лицо; оно было смущенно и блѣдно. Передъ его глазами какъ-бы еще стоялъ дорогой, печальный призракъ.

XXXV.

— Какъ думаете, синьоръ?—спросилъ, помолчавъ, графъ Сѣверный: — была ли это грёза, или я дѣйствительно видѣлъ въ то время тѣнь моего прадѣда?

— Это былъ онъ,—отвѣтилъ собесѣдникъ.

— Что̀ же значили его слова? и почему онъ ихъ не договорилъ?

— Вы хотите это знать?

— Да.

— Ему помѣшали.

— Кто? — спросилъ Павелъ, продолжая идти по опустѣлой набережной.

— Призракъ исчезъ при моемъ приближеніи, — отвѣтилъ собесѣдникъ: — я въ то время шелъ отъ вашего банкира Сатерланда; вы меня не замѣтили, но я видѣлъ васъ обоихъ и невольно спугнулъ великую тѣнь.

Графъ Сѣверный остановился. Ему было смѣшно и досадно явное шарлатанство мага и вмѣстѣ хотѣлось еще нѣчто отъ него узнать.

— Вы шутите,—произнесъ онъ:—развѣ вы посѣщали Петербургъ? что-то объ этомъ не слышалъ.

— Имѣлъ удовольствіе... но на короткое время... меня тогда приняли недружелюбно. Какъ иностранецъ и любознательный человѣкъ, я ожидалъ вниманія; но вашъ первый министръ обидѣлъ меня, предложивъ мнѣ удалиться. Я взялъ отъ банкира свои деньги и въ ту же ночь выѣхалъ.

„Шутъ, скоморохъ!“—презрительно усмѣхнувшись, подумалъ графъ Сѣверный:—„какія басни плететъ!“

— Приношу извиненіе за грубость нашего министра, — съ изысканной вѣжливостью сказалъ онъ, чуть касаясь рукой шляпы: — но что́, объясните, значатъ недосказанныя слова тѣни?

— Лучше о нихъ не спрашивайте, — отвѣтилъ незнакомецъ: — есть вещи... лучше не допытывать о нихъ пѣмой судьбы...

Въ это время съ большого канала донеслись звуки лютни. Кто-то на гондолѣ пѣлъ. Павелъ прислушался: то былъ его любимый гимпъ. Онъ вспомнилъ мызу Паульслустъ, музыкальныя утра Нелидовой и ея предстательство за Ракитину.

— Хорошо,—сказалъ онъ:—пусть такъ; правду скажетъ будущее.

Но у меня къ вамъ еще просьба... Особа, которой я хотѣлъ бы искренно, во что бы то ни стало, услужить, желаетъ знать одну вещь.

— Очень радъ,—произнесъ собесѣдникъ:—чѣмъ могу еще служить вашему высочеству?

— Одна особа, — продолжалъ графъ Сѣверный: — просила меня развѣдать здѣсь въ Италіи, въ Испаніи, вообще у моряковъ, живъ ли одинъ флотскій? Онъ былъ на кораблѣ, который пять лѣтъ назадъ погибъ безъ слѣда.

— Русскій корабль?

— Да.

— Былъ унесенъ и разбитъ бурей въ океанѣ, невдали отъ Африки?

— Да.

— Сѣверный Орелъ?

— Онъ самый... вы почемъ знаете?

— На то меня зовутъ чародѣемъ.

— Говорите же скорѣе, спасся ли, живъ ли этотъ морякъ? — нетерпѣливо произнесъ графъ Сѣверный.

Собесѣдники стояли у края набережной. Волны, серебрясь, тихо плескали о каменныя ступени. Вдали, окутанный сумерками, колыхался темный, съ подвязанными парусами, очеркъ корабля.

— Завтра на этой шхунѣ,—сказалъ собесѣдникъ Павла:—я покидаю Венецію. Но прежде, чѣмъ уйти въ море и отвѣтить на новый вашъ вопросъ, мнѣ бы хотѣлось, простите, знать... будетъ ли графъ Сѣверный, взойдя на престолъ, болѣе ко мнѣ снисходителенъ, чѣмъ министры его родительницы? Позволитъ ли онъ мнѣ, въ то время, снова навѣстить его страну, каковъ бы ни былъ отвѣтъ мой о морякѣ?

Нервное волненіе, охватившее Павла при разсказѣ о встрѣчѣ съ тѣнью прадѣда, нѣсколько улеглось. Онъ начиналъ болѣе собою владѣть. Вопросъ собесѣдника привелъ его въ негодованіе.— „Наглецъ и дерзкій пролазъ!“—подумалъ онъ, съ приливомъ подозрительности и гнѣва:—„каково нахальство и какой далъ оборотъ разговору! базарный акробатъ, шарлатанъ!...“

Павелъ едва сдерживалъ себя, комкая въ рукахъ снятую перчатку.

— За будущее трудно ручаться, по вашимъ же словамъ, — сказалъ онъ, нѣсколько одумавшись: — впрочемъ, я убѣжденъ, что въ новый пріѣздъ вы въ Россіи во всякомъ случаѣ найдете болѣе вѣжливый и достойный чужестранца пріемъ.

Собесѣдникъ отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Итакъ, вамъ хочется знать о судьбѣ моряка?—произнесъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ Павелъ, готовясь опять услышать что-либо фиглярское, иносказательное, пустое.

— Пошлите особѣ, ожидающей вашего извѣстія, — проговорилъ итальянецъ: —миртовую вѣтвь...

— Какъ? что̀ вы сказали? повторите! — вскрикнулъ Павелъ: — миртъ, миртъ? такъ онъ погибъ?

— Морякъ спасся на обломкѣ корабля у острова Тенерифъ и нѣкоторое время жилъ среди бѣдныхъ прибрежныхъ монаховъ.

— А теперь? говорите же, молю васъ...

— Годъ спустя, его убили пираты, грабившіе прибрежныя села и монастырь, гдѣ онъ жилъ.

— Откуда вы все это знаете?

— Я также, въ то время, жилъ на Тенерифѣ, — отвѣтилъ собесѣдникъ: — списывалъ въ монастырскомъ архивѣ одну, нужную мнѣ, древнюю латинскую рукопись.

„Да что̀ же это, наконецъ? фокусникъ онъ или дѣйствительно всесильный магъ?“ —въ мучительномъ сомнѣніи, раздумывалъ Павелъ: — „по виду — ловкій отгадчикъ, смѣлый шарлатанъ, не болѣе... Но откуда все это сокровенное, —берега Африки, имя погибшаго корабля... и эта условленная, роковая, миртовая вѣтвь? Неужели выдала Катерина Ивановна? Но онъ её не видѣлъ, она нездорова, все время не выходитъ изъ комнатъ, никого нѐ принимаетъ и нигдѣ не была“...

Павелъ еще хотѣлъ что̀-то сказать и не находилъ словъ. Надъ взморьемъ, гдѣ виднѣлась шхуна, уже начинался разсвѣтъ.

— Я провожу ваше высочество до палаццо, —сказалъ, искательно и какъ-то низменно-мѣщански изгибаясь, собесѣдникъ: —дозволите-ли?

Павелъ чуть взглянулъ на мишурно-балаганный, ставшій жалкимъ въ лучахъ разсвѣта, бархатный съ блестками, нарядъ мага и, снявъ маску, не говоря болѣе ни слова, угрюмо и величаво, пошелъ назадъ по опустѣлой набережной.

„Бѣдная, плачущая Пенелопа! бѣдная красавица Ире́нъ!“ — мыслилъ онъ: — „не разъяснили ей мучительной загадки министры, рыцари и послы; пошлемъ ей миртовую вѣтвь итальянскаго скомороха и вызывателя духовъ“.

XXXVI.

Прошло еще пятнадцать лѣтъ... 1796-й годъ приближался къ концу. Были первые мѣсяцы царствованія императора Павла.

Въ Петербургѣ радостно толковали объ освобожденіи изъ крѣпости знаменитаго Новикова и о возвратѣ изъ Сибири Радищева.

Императоръ, съ августѣйшею супругой и нѣкоторыми лицами свиты, посѣтилъ соборъ Петропавловской крѣпости. Полиціймейстеръ Архаровъ предложилъ государю взглянуть на главное зданіе Алек-

сѣевскаго равелина, гдѣ въ то время кончались неотложныя исправленія. Одинъ изъ казематовъ привлекъ особое вниманіе высокихъ посѣтителей.

— Здѣсь содержался кто-нибудь изъ итальянцевъ? — спросилъ государь коменданта.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше величество, раскольники.

— Но какъ же, смотрите, — указалъ государь на окно: — вотъ надпись на стеклѣ алмазомъ—о, Dio mio!

Архаровъ и комендантъ озабоченно склонились къ оконной рамѣ. Комендантъ, впрочемъ, былъ новый, не успѣлъ еще ознакомиться съ преданіями о прошломъ крѣпости.

— Любопытно было бы узнать, — произнесла государыня Марія Ѳедоровна:—почеркъ женскій. Бѣдная! кто бы это былъ?

— Не Тараканова-ли?—сказала бывшая здѣсь Нелидова:—помните ли, ваше величество, несчастье съ морякомъ Концовымъ и ту дѣвушку изъ Малороссіи?

— Тараканова въ то время утонула,—сказалъ кто-то:—ее здѣсь залило наводненіемъ.

Всѣ на это замѣчаніе промолчали. Одна императрица Марія Ѳедоровна, взглянувъ на Нелидову и указавъ ей въ окно на одиноко-разросшуюся, среди глухаго сада равелина, бѣлую березу, шепнула: „вотъ ея могила! помните? но гдѣ тѣ записки о ней?“

Государь, очевидно, слышалъ это замѣчаніе. Садясь въ коляску, онъ сказалъ Архарову: „Надо, во что бы то ни стало, это разузнать, здѣсь совершено прискорбное дѣло... Были смутныя времена: покушеніе Мировича, бунтъ Пугачова, потомъ эта... эта несчастная... Я видѣлъ слезы матушки... она до своей кончины не могла себѣ простить, что допустила допрашивать арестованную въ свое отсутствіе изъ Петербурга“.

Полиція начала розыски. Гдѣ-то въ богадѣльнѣ нашли престарѣлаго слѣпого инвалида Антипыча, двадцать лѣтъ назадъ служившаго сторожемъ въ крѣпости. Инвалидъ указалъ на какого-то огородника, а этотъ на дьячка Казанской церкви, видѣвшаго когда-то, при переборкѣ церковныхъ дѣлъ, у покойнаго протоіерея, отца Петра, сундукъ съ бумагами и въ немъ нѣкій важный, особо хранившійся, пакетъ.

Бросились искать семью отца Петра. Прямого потомства у него не оказалось. Нашли его внучку, дочь его племянницы Варвары, жену сенатскаго писца. Ее навѣстилъ самъ Архаровъ, но также ничего не добился. Куда дѣлся сундукъ съ бумагами отца Петра и былъ ли онъ, съ другою рухлядью, по его смерти, отосланъ племянницѣ въ Москву, или иному кому, никто этого не зналъ.

Дѣло объяснилось впослѣдствіи, въ глубинѣ Украйны, въ уеди-

пенномъ и бѣдномъ монастырѣ, гдѣ нѣкогда поселилась Ирина и гдѣ она, принявъ окончательный пострйгъ, тихо скончалась въ преста-рѣлыхъ годахъ, горячо молясь за погибшаго въ морѣ жениха, раба Божьяго Павла.

Въ числѣ немногихъ вещей покойной, нашли пачку бумагъ, съ надписью — „отъ отца Петра“ — и между ними засохшую миртовую вѣтвь, при письмѣ одной важной особы. Бумаги у игуменьи выпросилъ на-время и зачиталъ любитель старины, сосѣдъ, кончившій впо-слѣдствіи жизнь въ чужихъ краяхъ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій женился, въ годъ путешествія въ чужіе края графа и графини Сѣверныхъ. Его побочный сынъ отъ таинственной княжны Таракановой, Александръ Чесменскій, умеръ, въ чинѣ бригадира, въ концѣ прошлаго вѣка.

Переживъ императрицу Екатерину и императора Павла, графъ Алексѣй Григорьевичъ оставилъ послѣ себя единственную, умершую безбрачною, дочь, извѣстную графиню Анну Алексѣевну, и скончался въ Москвѣ въ царствованіе императора Александра I, наканунѣ Рождества, въ 1807 году.

Преслѣдовали ли его, при кончинѣ, угрызенія совѣсти, за его поступокъ съ Таракановой, или въ крѣпкую душу графа Алехана до конца жизни не западало укоровъ совѣсти,—неизвѣстно.

Сохранилось, впрочемъ, достовѣрное преданіе, что предсмертныя муки графа Алексѣя Григорьевича были особенно невыносимы. Чтобъ не было на улицѣ слышно ужасныхъ стоновъ и криковъ умирающаго „исполина временъ“ — было признано нужнымъ заставить его домашній оркестръ, разучивавшій, въ сосѣднемъ флигелѣ, какую-то сонату, играть какъ можно громче.

1882 г.

ПОТЕМКИНЪ НА ДУНАѢ.

(1790-й годъ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ...
Пушкинъ.

Въ одномъ изъ городовъ Бессарабіи, въ минувшемъ году, понадобилось занять подъ военный складъ часть каменнаго зданія, заваленнаго дѣлами какой-то, всѣми забытой, интендантской коммиссіи. При переноскѣ бумагъ, на чердакѣ архива, среди разнаго хлама, обратили вниманіе на старомодную, безногую шифоньерку. Въ ней оказалась часть разныхъ полуистлѣвшихъ фуражныхъ дѣлъ извѣстнаго, въ походахъ Суворова, фанагорійскаго пѣхотнаго полка, и связка тетрадей изъ синеватой плотной, мелкописанной бумаги съ заголовкомъ: „Памяти россійскаго Агамемнона". — Съ боку одной изъ страницъ приписка: „О моемъ, полномъ треволненій, примѣчательныхъ встрѣчъ и событій, незабвенномъ пребываніи на Дунаѣ, писалъ для своихъ дѣтей и внуковъ секундъ-майоръ Савватій Бехтѣевъ".

Въ текстѣ найденной рукописи замѣнены лишь нѣкоторыя, совсѣмъ устарѣлыя слова,—теперь мало даже понятныя, и разсказъ раздѣленъ на главы.

I.

...Зимой, въ началѣ 1790 года, въ Петербургѣ было особенно много веселостей. Не забуду я той поры до конца жизни.

Выпущенный изъ кадетъ морского корпуса во флотскіе батальоны, состоявшіе лично при особѣ наслѣдника-цесаревича Павла Петровича, я проживалъ въ Гатчинѣ, но нерѣдко отлучался на побывку и въ сто-

лицу. Моимъ батальоннымъ былъ самъ государь-наслѣдникъ, какъ генералъ-адмиралъ и президентъ морской коллегіи; другими командовали Неплюевъ, Аракчеевъ и Малютинъ.

Моряки особенно любили цесаревича; но его „финанціи" были нарочито необширны, а подъ-часъ и ой-какъ скудны. Мундирчики наши, на прусскій ладъ, короткіе и темнозеленые, были часто изъ перекрашеннаго суконца, а потому, побывавъ на солнцѣ, даже притомъ пѣгіе. Но мы не унывали, кое-какъ, хоть тѣсненько, „обострѡжились" и, въ поношенной аммуниціи, не уступая щеголямъ и петимéтрамъ, отдавали охотно дань молодости и свѣту. Ахъ, время, время, неизгладимое въ сердцахъ и въ памяти тогдашнихъ людей!

То былъ двадцать-восьмой годъ преславнаго государствованія великой монархини Екатерины Второй. Она старѣлась, но не уставала въ знаменитыхъ дѣлахъ. Блескомъ былъ окруженъ ея престолъ. Первая турецкая война — Румянцевская — кончилась; продолжалась вторая, — Потемкинская. Мы, кадеты, собираясь на свободѣ о томъ, о сёмъ потолковать, мало говорили о громкихъ внутреннихъ событіяхъ протекшихъ временъ, — о засѣданіяхъ въ зимнемъ дворцѣ именитой коммиссіи для начертанія „Новаго Уложенія", равно какъ о Пугачовѣ и укрощеніи его приснопамятнаго бунта. За то на устахъ всѣхъ были имена Потемкина и Суворова, особенно послѣдняго. Насъ тянуло на Дунай, туда, гдѣ, казалось, такъ близко осуществленіе новой великой Восточной системы, сирѣчь безсмертнаго „греческаго прожекта" свѣтлѣйшаго, изгнаніе турецкихъ ордъ изъ Европы и всѣми желанное воцареніе на древнемъ византійскомъ престолѣ второго внука императрицы, Константина. Такъ нареченный въ честь послѣдняго Палеолога, павшаго при разгромѣ турками Византіи, одиннадцатилѣтній внукъ Екатерины въ то время былъ нарочито окруженъ греками. Его кормилица, слуги и даже товарищи игръ были природные жители Греціи. Въ Петербургѣ былъ въ тѣхъ же цѣляхъ устроенъ греческій кадетскій корпусъ. И нѣкоторые жители Эллады писывали августѣйшему отроку просительныя письма, съ титуломъ: „Кротчайшему греческому самодержцу, Константину Третьему". Государыня въ январѣ устроила при дворѣ пышную свадьбу дѣвицы Мурузи съ Комнéномъ и сама убирала къ вѣнцу невѣсту. Начинали учиться по-гречески...

Золотые, счастливые годы! Всѣ мы тогда жили смѣлыми, возвышенными мечтаніями.

Былъ у меня товарищъ по морскому корпусу, Ловцѡвъ, малый пылкій, чувствительный и одаренный прекраснымъ сердцемъ. Съ нимъ въ особенности мы любили проводить время въ тѡлкахъ о военныхъ матеріяхъ. Я былъ рѣзкій, шустрый мальчикъ, склонный къ забавамъ и шалостямъ. И воспитаніе наше тогдашнее, по Эмилю, было болѣе въ есте-

ственныхъ упражненіяхъ, въ играхъ, бѣганьѣ на свободѣ, въ танцахъ и другихъ физическихъ забавахъ. Война, подвиги смѣлыхъ героевъ наполняли мое воображеніе. Нашъ корпусъ находился въ то время въ Кронштадтѣ. Уединенная на морскомъ берегу липовая аллея, въ корпусномъ саду, была любимымъ мѣстомъ нашихъ бесѣдъ съ Ловцовымъ. Бывало, забьемся туда, усядемся съ книгами, или гуляемъ вдали отъ другихъ товарищей и отъ начальства. Мы подѣлили въ корпусѣ главныхъ героевъ: одни были за смѣлаго въ бояхъ, воителя Суворова, другіе—за блистательнаго въ политическихъ замыслахъ, пышнаго Потемкина.

По выходѣ изъ корпуса, Ловцовъ списался съ отцомъ и тотчасъ отправился въ дѣйствующую противъ турокъ дунайскую армію. Какъ я ему завидовалъ и какъ роптал на свою судьбу, особенно, когда мой другъ, проѣздомъ черезъ Херсонъ, отписалъ мнѣ въ пространной цидулѣ, что тамъ на городскихъ тріумфальныхъ, въ честь Потемкина, воротахъ дворянствомъ были начертаны сіи знаменательныя слова: „Путь въ Византію“. Византія! изгнаніе новыхъ моавитянъ и возрожденіе, черезъ Россію, падшей и забытой имперіи Палеологовъ! Горячо билось въ то время любовью къ родинѣ сердишко только-что выпорхнувшаго изъ гнѣзда, легкокрылаго птенчика.

Въ Гатчинѣ, вкругъ цесаревича было тоже пылкое настроеніе, хотя самъ впечатлительно-чуткій и рыцарски-возвышеннаго духа государь-наслѣдникъ по-невольности сдерживался. На всѣ его просьбы государынѣ-матери отпустить его къ храброму россійскому войску, стоявшему у Дуная, послѣдовали ясные и безповоротные отказы, съ совѣтомъ: заниматься своимъ дѣломъ и ждать, „когда коснутся сего пункта“.

Въ Петербургѣ, куда я „инова“ наѣзжалъ повеселиться съ товарищами, повертѣться въ театрахъ и на гуляньяхъ, былъ замѣтенъ отмѣнный отъ гатчинскаго и во многомъ несходный образъ мыслей. Въ ближнихъ дворскихъ кругахъ старались всѣми силами отвратить помыслы монархини отъ продленія предпринятой войны, находя то рановременнымъ, фантазическимъ и аки бы, въ виду французскихъ происшествій, даже весьма вредительнымъ для спокойствія и мирнаго процвѣтанія самой Россійской Имперіи.

Въ тайности же этой критикой подводились злые подкопы подъ сильнаго вельможу, перваго тогдашняго пособника государыни, Потемкина. Свѣтлѣйшему нашелся въ тотъ именно годъ нежданный и негаданный соперникъ, юный будущій князь, тогда еще графъ, Платонъ Зубовъ. Все начинало раболѣпствовать новому всевластному дворскому свѣтилу, а всходствіе того, и тайно порочить каждое распоряженіе князя Таврическаго—къ тому же отъ обиженной гордости,

въ непостижимомъ бездѣйствіи, мирно жившаго въ то время среди блестящей свиты въ Яссахъ.

Помѣстье моего отца, В***й губерніи, было въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Зубовыхъ, и мы хорошо знали всю ихъ неказистую роденьку. Ухъ, сильно были чванливы и спѣсивы, и ой-какъ жадны къ власти и къ почестямъ, а ума весьма средненькаго и даже простого. Наши домашнія дѣла помѣшали мнѣ проситься на Дунай. Долги отца, по поручительству за кого-то изъ сродниковъ, державшаго винный откупъ, грозили намъ немалыми бѣдами. Но была къ тому и еще одна причина.

Вскорѣ по моемъ выходѣ изъ кадетъ — на зиму въ Петербургъ пріѣхала моя двоюродная тётка, Ольга Аркадьевна Ажигина.

Помѣстье Ажигиныхъ, Горки, было невдали отъ деревни моей бабушки и крестной матери, у которой я часто гащивалъ до поступленія моего въ корпусъ. И какъ я всякій разъ радовался, когда бабушка, навѣщая сосѣдокъ, возила и меня въ красивую и преотмѣнную усадьбу Горокъ. Домъ Ольги Аркадьевны стоялъ у озера, на гребнѣ далеко-виднаго холма, весь въ зелени стараго, густорослаго сада, сбѣгавшаго, по откосамъ и оврагамъ, къ водѣ, съ боскéтами, перекидными мостиками, качелями, гротами и островками.

По саду рѣзвилась черноволосая, коротко, ёжикомъ остриженная, въ бѣломъ передничкѣ, съ карими глазками и съ премилою родинкой на подбородкѣ, семилѣтняя Пашута, единственная дочь вдовой, хлѣбосольной, дородной и доброй, хотя нѣсколько сердитой на видъ, Ольги Аркадьевны. Говорю—сердитой, потому что, бывало, нахмуритъ Ольга Аркадьевна свои черныя, прегустыя брови,—ну,—Зевсъ громовержецъ, или, по крайности арабистанскій левъ. А изъ-подъ бровей свѣтятся такіе ласковые, простые и сердечные глаза. Кажется, вотъ положитъ тебя, шалуна, подъ горячій часъ, на широкую свою ладонь, другою прихлопнетъ, только мокренько станетъ. А она вареньемъ кормитъ, цѣлуетъ да пыхтитъ, куда дѣлся и гнѣвъ. Ну, премилая и преавантажная была барыня. О Пашутѣ нечего и говорить.

Я какъ теперь вижу эту веселую, проворную и шаловливую, какъ котёнокъ, рѣзвушку. Не посидитъ на мѣстѣ: разбросаетъ куклы, цвѣтные лоскутки, прыгаетъ по стульямъ или вертится юлой по паркету, стоя на одной ногѣ. То присядетъ, охаетъ, перецыганиваетъ старую няню Меркульевну; то ураганомъ налетитъ на комоды и укладки матери, перероетъ все, нанесетъ вороха отрѣзокъ и всякаго хлама, и сядетъ съ иглой у столика — кукламъ платья шить. Но глядишь — опять все бросила, размела, съ собачкой-болонкой возится, гремитъ, или вдругъ стихла, пропала, ну, точно вѣтромъ ее унесло. Ищутъ

ее подъ мебелью, въ занавѣскахъ, на хорахъ, на чердакѣ. Ольга Аркадьевна махнетъ рукой—бросьте, молъ, ее, непутную; знамое дѣло... А потомъ встревожится: ну, какъ выскочила егоза, попала въ колодезь, или въ сугробъ; собаки опять же такія злыя во дворѣ. Пыхтитъ, сердится, вызываетъ ее, выходи, Пашутка, отъ дьяконицы пирожковъ съ макомъ принесли, поймали на проталинкѣ снигиря. Выскочитъ она изъ какой-нибудь норы, изъ-за печки, изъ шкафа съ платьемъ, и заливается. Но вотъ ей исполнилось десять, одиннадцать лѣтъ. Она все та же юла, но стала выравниваться, хорошѣть. Папильотки носитъ, на плечикахъ модести, а съ кошкой спитъ, пеленаетъ ее и водитъ въ какомъ-то вязаномъ изъ гаруса уморительномъ колпакѣ.

Я былъ тремя годами старше матушки троюродной сестрицы, Прасковьи Львовны, и, не скроюсь въ томъ, когда ей исполнилось двѣнадцать лѣтъ, сталъ очень къ ней неравнодушенъ. Въ деревнѣ чего у насъ не бывало: умильныя переглядыванья при большихъ, вздохи, поднесенья цвѣтовъ и нечаянныя встрѣчи въ боскетахъ, да въ тѣнистыхъ дремучихъ аллеяхъ, а разъ гдѣ-то, на мостикѣ, искусно перекинутомъ черезъ шумящій ручей, даже и нежданно-сорванный, весьма перепуганный поцѣлуй,—словомъ, амурныя мистеріи по всей формѣ. Разстались мы на-время, какъ-бы на-короткѣ, а случилось весьма надолго, почти на семь лѣтъ. И какъ я досадовалъ, что, отправясь въ корпусъ, не предвидѣлъ столь долгосрочной разлуки!

Въ день послѣдняго отъѣзда изъ Горокъ — это было осенью — Ажигина садила разный лѣсной молодникъ въ своему саду, и мы съ Пашей на память тоже посадили въ цвѣточной клумбѣ, передъ домомъ, молоденькій въ поларшина дубокъ.

Троюродная сестрица Пашута, подъ конецъ деревенской моей жизни, тѣмъ особенно стала меня занимать, что вообразилась мнѣ, по ея, впрочемъ, словамъ, какою-то непризнанною, таинственной жертвой у матери. — Ольги-то Аркадьевны!—добавлялъ я себѣ впослѣдствіи.—„И не любятъ-то ее, какъ слѣдуетъ, варенья мало даютъ,—зубы испортишь,—и по-французски Ломо̀нда все велятъ учить, а онъ такой противный; въ чулкахъ и въ передникѣ репейниковъ нанесла съ огорода, всю дымковую кисейную юпочку искромсала въ поспѣвшемъ крыжовникѣ; бѣгаешь, какъ мальчикъ-сорванецъ, по сырости, горло застудишь; въ чернилахъ не токмо персты, даже весь носъ, писавши урокъ, перекрасила“.—И какъ, бывало, встрѣтимся гдѣ въ закоулкѣ, шепчетъ Пашута на мамашу, да такъ въ серьёзъ, какъ что̀ важное, по тайности, сдвинетъ брови, оглядывается и грозитъ, чтобъ не проговорился. Тогда я не понималъ причины тѣхъ шептаній, а послѣ ихъ относилъ къ пересудамъ какой-либо долго-языкой, не кстати льстивой приживалки, либо къ раннему чтенію лю-

бовныхъ рыцарскихъ и всякихъ романовъ, которые Пашута бирала у матери и тайкомъ читала въ своей горенкѣ. Рыцари спасали героинь изъ-за заперти, изъ неприступныхъ вышекъ: ну, и Пашута быстрыми, вглядчивыми глазками искала въ Горкахъ своего рыцаря. Помню послѣднюю нашу встрѣчу въ деревнѣ. Былъ теплый осенній день. Посадивъ на клумбѣ, среди цвѣтовъ, дубокъ, мы побѣжали подъ горку, къ гроту. Паша сѣла на качель. Я взялся за веревку и сталъ ее покачивать. Какъ теперь ее вижу—въ косахъ, въ голубомъ коротномъ платьицѣ и въ панталончикахъ. Она задумалась. Ленты косъ и передникъ развѣваются.

— О чемъ, Пашутка, думаешь?

— Ахъ! сказку о жаръ-птицѣ, о грифахъ вспомнила. Точно сижу на грифѣ и лечу—лечу... земля, прудъ, Горки и ты самъ, точно дымъ, виднѣются изъ облаковъ...

Хлопотливая и шумная корпусная жизнь мелькнула для меня незамѣтно. Пока бабушка была жива, я нерѣдко писывалъ къ ней и повсегда слалъ поклоны „сосѣдкамъ“—спрашивая о здоровьѣ троюродной сестрицы, о гротахъ, ея любимой кошкѣ и о посаженномъ дубкѣ. Баловница-бабушка, сама имѣвшая въ жизни не мало, какъ она говорила, амурныхъ „гисторій“, покровительствовала моему настроенію. Черезъ нея я препровождалъ „матушкѣ-кузинѣ“ собственнаго переписыванія, съ виньетами, романсы для пѣнія Бѣллиграцкаго, модные марши для фортепьяно Сарти, а иногда и преловко подобранные, иносказательные, съ акростихами, куплеты. Пугала, бывало, бабушка.

„Представьте, mon bijou!—писала она:—въ твою-то Лаису сердцеѣдъ и псовый охотникъ, одинъ штыкъ-юнкеръ, нашъ сосѣдъ, влюбился. Вездѣ-то онъ, mon coeur, мотается, гдѣ только ляжетъ ея слѣдокъ; не пускаетъ шаматона къ Горкамъ на пушечный зыкъ; такъ онъ, Dieu la garde! ночи напролетъ снуетъ, по лунѣ, верхомъ за озеромъ и трубитъ въ охотничій, большущій рогъ, подаетъ о себѣ голосъ“...

Со смертью бабушки, свѣдѣнія мои объ Ажигиныхъ прекратились. Домой о нихъ я не рѣшался писать. Тамъ знали о моемъ дѣтскомъ волокитствѣ, я же старался казаться теперь степеннымъ и возмужалымъ. А гдѣ тамъ степенность! Время, впрочемъ, взяло свое. Классныя занятія, экзамены, выпускъ въ офицеры, обмундировка, новые товарищи и нешуточная строгая служба въ Гатчинѣ, съ веселыми побывками въ столицу, все это мало-по-малу незамѣтно изгладило мои деревенскія впечатлѣнія,—особенно урывки въ Петербургъ.

Не было сверстника болѣе меня въ тѣ годы падкаго до всякихъ проказъ и холостыхъ кутежей. Рослый, статный, румяный, голубые глаза съ поволокой, русая коса и букли въ пудрѣ и распомажены, надушенъ, находчивъ, весельчакъ, танцоръ и хохотунъ. Ахъ, гдѣ вы нынѣ тѣ прошлые, давніе годы? Природная, вѣчная пудра посеребрила голову... „Кто будетъ на конскомъ бѣгу? Бехтѣевъ будетъ? ну, и мы тамъ!"—бывало рѣшаютъ товарищи. Театръ, охоты, танцевъ, попойки безъ меня и не затѣвали. Гдѣ Бехтѣевъ, тамъ и жизнь, смѣхъ, плясъ и всякія веселости, Попадался я и въ разныхъ превратностяхъ: разъ, побившись объ закладъ, въ женскомъ платьѣ, забрался я къ вечернѣ въ дѣвичій, престрогій пансіонъ; въ другой—проигрался въ карты въ преображенскомъ полку и, спустивъ на отыгрышъ шубу, доѣхалъ обратно въ Гатчину по морозу, зарывшись въ одномъ мундирчикѣ въ чухонскій возъ съ соломой. Были—впрочемъ, больше для виду—и волокитства за цыганками; но тощій кошелекъ не довелъ ни до чего серьёзнаго.

Пріѣздъ Ажигиныхъ меня переродилъ.

Нечего говорить, какъ я обрадовался, когда въ Гатчину до меня дошла вѣсть изъ дому, что Ольга Аркадьевна рѣшила провести зиму 1790 года въ Петербургѣ. Матушка писала, что причиной тому было желаніе Ажигиной закончить образованіе уже взрослой дочери по музыкѣ, танцамъ и рисованію, а вѣрнѣе, чтобъ дать своему „милу-дружку Паштутѣ" случай побывать въ столицѣ. Да и какъ было не соблазниться! Здѣсь жила великая монархиня и былъ дворъ, и сюда всякъ стремился тогда изъ глуши деревень взглянуть на новый міръ и на модныя столичныя забавы.—„Выдетъ замужъ, не до того будетъ,—сказала, навѣстивъ матушку, Ольга Аркадьевна:—пойдутъ дѣти, мужъ не повезетъ; теперь сама еще, пока дѣвка, владыка. Надѣюсь, и вашъ Савватій Ильичъ, какъ добрый знакомый и истинный кавалеръ, навѣститъ насъ".

Урожай хлѣба и травъ былъ въ то лѣто въ нашихъ мѣстахъ вообще изрядный, цѣны на сельскіе припасы стояли хорошія. Ажигина списалась съ Чинклершей, своей кумой, бывшей въ Петербургѣ за экономомъ Смольнаго монастыря, наняла у Николы Морского недорогую, по приличію и по своему рангу, квартиру, чистую да укромную, отправила впередъ нужныя вещи и часть дворни, а сама переѣхала въ столицу въ началѣ января.

Помню, какъ билось мое сердце, когда, по отпискѣ родительницы, я пріѣхалъ изъ Гатчины и вошелъ въ посеребреный отъ инея палисадникъ одноярусного, съ антресолями и верхнимъ балкономъ, деревяннаго дома никольской попадьи.

Старый буфетчикъ Ермилъ, сидя въ преогромныхъ оловянныхъ очкахъ и съ чулочными спицами въ рукахъ, не узналъ меня въ пе-

редней. Да и гдѣ было узнать во „стоярдсломъ“, плечистомъ, съ завитою въ букляхъ косой, флотскомъ офицерѣ былого неотесаннаго, деревенскаго барчёнка, камлотовые штиблеты и бумазейные камзолы котораго кроились и шились не руками столичнаго перваго портнаго Миллера, а сѣдого крѣпостнаго закройщика Прошки.

Знакомые по Горкамъ столовые, семилдровые, съ звонками и съ музыкой „нортондвскіе“ часы тётушки пробили полдень, когда я, оправясь въ передней у зеркала, взялся за ручку зальныхъ дверей За ними слышались мягкіе, нѣжные звуки клавесина, а имъ вторили порывистыя, какъ бы нетерпѣливыя трели скрипки. Я вошелъ.

Дородная, нѣсколько посѣдѣвшая тётушка, въ бѣломъ утреннемъ пудромáнтелѣ и въ чепцѣ на неубранныхъ волосахъ, съ недовольствомъ глядя въ ноты, сидѣла за клавесиномъ. А среди комнаты, въ свѣтло-кофейномъ кафтанѣ, на жирныхъ, прудастыхъ, ловко изогнутыхъ ножкахъ, въ позиціи, готовый на легкокрылый прыжокъ, стоялъ румяный, съ строгой мордочкой, старичокъ, танцовальный французъ-учитель. Онъ вправо и влѣво размахивалъ скрипицей, нетерпѣливо топалъ ножкой по полу, ударялъ смычкомъ по струнамъ, и собственными, преуморительными, на женскій манеръ, выгибаніями и присѣданіями, сопровождалъ плавные шассè, пліè и глиссáды своей ученицы. Какъ теперь вижу эту картину, хотя тому прошло столько долгихъ незабвенныхъ лѣтъ.

Чуть взявшись концами пальцевъ за слегка-приподнятый, сѣро-дымчатый, кисейный подолъ и гордо-разсѣянно откинувъ красивую, съ невысокою, à la Titus, прической голову, плясунья покачивалась, дѣлая фигуру гавдта, въ тотъ мигъ, какъ я вошелъ.

— Chassez, balancez, jetez... et salut... en troisième!—командовалъ, расшаркиваясь, старикъ. Меня увидали. Крикъ, шумъ, объятія, привѣтствія, разспросы. Танецъ брошенъ. Я остался обѣдать и весь вечеръ.

Въ возмужалой, стройной дѣвушкѣ, съ деревенскимъ, здоровымъ загаромъ и съ высокой крѣпкой грудью, я въ-силу спозналъ былую рѣзвушку Пашуту, съ которой когда-то велъ дѣтскую дружбу въ хоромахъ и боскѐтахъ Горокъ. Большіе каріе глаза смотрѣли прямо и смѣло. Тонкая улыбка не сходила съ подвижного лица. Пока мы говорили съ Ольгой Аркадьевной, она разсѣянно взглядывала то на меня, то на покрытыя морозными узорами окошки, за которыми слышались бубенцы и санный гулъ проносившихся, по наѣзженной гололёдкѣ, городскихъ саней.

— Весело вамъ здѣсь, сестрица?—спросилъ я Пашуту, когда мы остались вдвоемъ.

— Какъ вамъ сказать?—отвѣтила она:—для чего-жъ и пріѣхали? Весёлому жить хочется, помирать не можется.

— Вамъ ли думать о смерти?

— Да, такъ весело жить, — улыбнулась она: — смѣхъ тридцать лѣтъ у воротъ стоитъ и свое возьметъ.

— Любо васъ слушать, не горожанка. А ужъ матушка лелѣетъ васъ и, чай, ласкаетъ? одна вѣдь дочушка у ней...

— Еще бы! она такая славная.

— Выѣзжаете?

— О, да! въ операхъ, балетахъ были.

— А знакомыхъ пріобрѣли?

— Зачѣмъ? намъ и безъ нихъ пріятно.

Вижу, сдержаннѣе стала, не идетъ, какъ прежде, на откровенность.

— Ну, Савватій Ильичъ, — сказала мнѣ послѣ первыхъ двухъ-трехъ заѣздовъ Ольга Аркадьевна: — ты вѣдь роденька, хоть и не близкая, да по сердцу. Я на чистоту. Стыдно будетъ забывать тетку и сестрёнку. Уважь, почаще навѣдывайся къ деревенщинѣ, провинціалкамъ. Руководи, указывай Пашѣ, чтò и какъ. Замòкъ да запоръ дѣвку не удержатъ. Вѣдь тебѣ всѣ эти деликатèссы и фине́ссы, какъ на ладони. Хотимъ поучиться да взглянуть на здѣшнія вертопрашества. У васъ тутъ всякія моды, карусели, куртаги, балы...

— Что-жъ, тётушка, съ Богомъ! — раскошеливайте горѣцкія похоронки. Для кого-жъ и припасали?

— Такъ-то, такъ, голубчикъ. Да ой-какъ здѣсь все дорого. Помоги, племянничекъ! нельзя ли, понимаешь, уторговать, подешевле добыть тѣхъ и этихъ вашихъ всякихъ диковинокъ. Вотъ хоть бы модные магазейны, — вздохнула и тоже оглянулась Ажигина: — да опять и эти ваши мастерицы... Шельма на шельмѣ! Была я у Лепре́ и у Шелепи̇́хи на Морской... Ахъ, душегубки! ахъ, живодерки! — прибавила Ольга Аркадьевна, закачавъ головой и даже зажмурясь.

— Maman, finissez! — перебила ее, полузакрывшись вѣеромъ, Пашута.

— Чтò finissez? Что́ ты понимаешь, да мигаешь? правду вѣдь говорю... Опять же онъ не сторонній, а родня и притомъ вѣжливый кавалеръ, ну, и не откажетъ. А дѣвичье терпѣнье — золото ожерелье...

Какъ мнѣ не было досадно и даже горько, что меня Ажигины почитали за родню, тѣмъ не менѣе, скрѣпя сердце и охотно, я имъ пособилъ, гдѣ могъ. Ѣздилъ съ ними къ Шелепи̇́хѣ и къ Лепре́, мотался по магазинамъ, по театрамъ и катаньямъ.

„Ожгла меня въ конецъ эта Ажигина“, — говорилъ я себѣ, не на шутку чувствуя, что съ первой же встрѣчи снова сталъ прикованъ къ милому когда-то предмету. Куда дѣлись гопянья съ товарищами, пирушки и сильная въ то время картёжъ... Настали заботы о костюмѣ, — въ порядкѣ ли онъ, — разодѣнешься, ни пылинки, на ямскую

тройку и въ Петербургъ. Сперва по праздникамъ, а тамъ и въ будни, при случаѣ, сталъ я неотмѣнно ѣздить изъ Гатчины къ Николѣ Морскому. Особенно любилъ я заставать Пашу по домашнему, въ корнѐтѣ, то-есть въ распашномъ капотикѣ. Привозилъ матушкѣ-сестрицѣ новыя французскія книжки и гравюры, гамбургскія и любекскія газеты и модныя ноты. Забьемся въ ея горенку, она съ ногами на софѣ, а я ей разсказываю. Читалъ съ нею, рисовалъ и писалъ ей въ альбомъ, а съ Ольгой Аркадьевной игралъ, ради забавы, въ фофаны и въ дурачки, и толковалъ о придворныхъ и гатчинскихъ новостяхъ.

— Пріѣзжайте, милый Савватій Ильичъ,—бывало шепнетъ Пашута на разставаньѣ:—въ четвергъ опять концертъ Паэзіелло; уговорите мамашу; ахъ, какъ хорошо пѣлъ вчера придворный хоръ...

Не совсѣмъ-то приходились мнѣ по-душѣ чрезмѣрные выѣзды и увлеченія Пашуты столичными веселостями и обычаями, а она отъ нихъ была безъ ума.

— Молода, вырвалась изъ деревенской глуши!—оправдывалъ я сестрицу передъ ворчавшей иногда ея матушкой, а самъ вотъ какъ ревновалъ ее и къ концертамъ, и къ итальянскимъ операмъ, и ко всякому выѣзду изъ дому.

„Время образумитъ и обратитъ ее къ тому, кто не наглядится на нее, не надышется!“—утѣшалъ я себя, провожая Ажигиныхъ въ экипажѣ въ театръ или пѣшкомъ гуляя съ нарядной кузиной по Аглицкой набережной:—„пусть упивается забавами, пусть щеголяетъ и веселится. Она вспомнитъ прошлое, оцѣнитъ мои чувства, и счастью моему быть недалеко“.

II.

Столичныя веселости были въ полномъ разгарѣ. Публика сходила съ ума отъ новаго балета „Шалости Эола“. Всѣхъ плѣняли въ этой истинно-волшебной пьесѣ танцовщики Пикъ, Фабіяни и Лѣсогоровъ, особенно-жъ первыя тогдашнія балетчицы Сантини, Канціяни, Настюша Берилева и Неточка Поморева. Нѣсколько разъ мы посѣтили этотъ балетъ, какъ и славныя комедіи „Недоросль“ и „Школу злословія“.

Русская вольная труппа Книппера, игравшая въ театрѣ Локателли, у Невы, на Царицыномъ лугу, поставила въ тотъ годъ комическую и презабавную оперу „Гостинный дворъ“—слова и музыка Михайлы Матинскаго, крѣпостнаго пѣвчаго графа Ягужинскаго. Весь городъ перебывалъ въ этой оперѣ, гдѣ роль жениха уморительно до слезъ игралъ московскій актеръ изъ мѣщанъ, Залышкинъ. Мы были дважды въ этой оперѣ, послѣдній разъ незадолго до масляной, въ день

рожденія Ольги Аркадьевны. Сама она послѣ театра разболѣлась зубами, подвязала къ щекѣ подушечку съ ромашкой и не вышла къ чаю.

Пашута, накинувъ на корнѣтъ теплую кацавейку, осталась одна со мной въ гостиной. Толковали мы о томъ, о семъ, перебирали игру актеровъ, общество, которое видѣли въ партерѣ и въ ложахъ. А послѣ нѣсколькихъ раздумій, вздоховъ и паузъ, я, подъ пліяніемъ вечера, проведеннаго въ такой близости къ несравненной, не могъ болѣе стерпѣть.

— А помните ли, сестрица, Горки, прошлыя времена?—спросилъ я, помолчавъ.

„И зачѣмъ я назвалъ ее сестрицей?" — спохватился я тутъ же въ досадѣ.

— Какъ не помнить!—отвѣчала она, откинувшись въ кресло:— дѣтскія, милыя увлеченія.

— Помните Ломѽнда?

Она кивнула мнѣ головой.

— Жива Меркульевна?—здравствуетъ кошка? цѣлъ, живъ дубокъ?

Нѣжная улыбка была мнѣ отвѣтомъ изъ глубины заслоненнаго отъ лампы кресла.

— Ахъ, несравненное время!—произнесъ я:—тогда ничто не мѣшало, такъ близко былъ мой рай.

— Сказавъ это, я спохватился и не смѣлъ поднять глазъ. Но какъ было выдержать? Мнѣ вспоминались не разъ сказанныя кузиной похвалы вечеромъ въ Смольномъ у кумы ея матери, гдѣ Пашута то съ тѣмъ плясывала, то съ другимъ изъ извѣстныхъ въ городѣ щеголей, превознося ихъ любезности, ловкость и вѣжливо-расточаемые залетной провинціалкѣ комплименты. Я ждалъ, чтѽ объявитъ Паша на мое признаніе?.. Она молча протянула мнѣ изъ-подъ кацавейки руку и, когда я коснулся ея поцѣлуемъ, сказала мнѣ:—какой вы славный, добрый, Савватій Ильичъ, съ вами такъ отрадно...—И только...

Черезъ день мы гуляли съ Пашей по набережной вдоль Невы. Мостовая была скована морозомъ. Лихіе рысачники проносились мимо насъ, лорнируя мою спутницу въ преогромные, вошедшіе тогда въ моду лорнеты.

— Ахъ, голубчикъ Савватій Ильичъ!—сказала она, скользя легкою походкою:—какъ весело! вотъ жизнь! ну, какъ бы я хотѣла быть богатой...

— И зачѣмъ особое богатство? у васъ ли, съ матушкой, нѣтъ достатка?

— Нѣтъ, не то, не то...

— Родовая ваша вотчина первая въ уѣздѣ, — продолжалъ я: — какъ устроена, прилажена, и все для васъ...

— Нѣтъ,—скучно въ деревнѣ, глушь, пустота! То ли здѣшніе люди,—какъ обворожительны. Эта пышность, роскошь, жизнь бьетъ ключомъ. Экипажи какіе, смотрите. Утромъ—свиданья, визиты... ахъ, прелесть!.. чтò ни вечеръ,—танцы, балы. Деревня... да кто же возьметъ меня, хоть бы съ нашими постылыми Горками?

— Прости, мое божество,—сказалъ я тихо, прижавшись къ Пашутѣ:—есть одинъ—ужли его не угадаешь? И если не богатъ онъ достаткомъ, за-то искреннимъ, горячимъ чувствомъ. Онъ давно, давно у твоихъ ногъ...

Паша ни слова не отвѣтила, только, склонившись, шибче пошла. Вечерѣло. Снѣгъ срывался и падалъ въ тишинѣ легкими хлопьями.

— Чтò-жъ ты отвѣтишь тому человѣку?—спросилъ я, заглядывая въ лицо моей спутницы.

Она, молча, прошла улицу, другую. Стала видна ихъ квартира. Вдругъ она остановилась, обернулась ко мнѣ. Грудь ея прерывисто дышала. Во всю щеку заигралъ могучій ажигинскій румянецъ.

— Не обманываетъ тотъ человѣкъ?—спросила она, пристально глядя на меня.

— Клянусь, онъ говоритъ отъ сердца.

— Ну, такъ не бѣда,—отвѣтила она:—не богатый варитъ пиво,—тароватый; дождикъ вымочитъ, солнце высушитъ. Кто принесетъ тучу, тотъ принесетъ и вёдро. А ему открой, что отвѣту быть черезъ двѣ недѣли... тогда и пріѣзжай.

— Отчего-жъ не теперь! Паша, Пашута...

Она вырвала руку и легкой козочкой вбѣжала на свое крыльцо.

Я опьянѣлъ, обезумѣлъ отъ восторга.—„Вотъ скрытница, плутовка, какъ мучитъ. Да не долго сомнѣваться, ждать. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ“.—Я потерялъ спокойствіе, сонъ. Что ни день, съ полковыми оказіями и по почтѣ начались пересылки изъ Гатчины нѣжныхъ, на цвѣтной, раздушенной бумагѣ, грамотокъ. Я исписывалъ цѣлыя страницы, справлялся объ ея занятіяхъ, здоровьѣ, ревновалъ ее. —„Вѣрно, другой счастливецъ нашелся?“—изливалъ я горе въ письмахъ:—„оттого, знать, и медлишь... Много красавцевъ въ Питерѣ. Откройся, скажи, кто тебя плѣнилъ?“—„Много хорошихъ, да милаго нѣтъ“—отшучивалась въ отвѣтахъ Пашута:—„сватались къ дѣвушкѣ тридцать съ однимъ, а быть ей за однимъ“.

Не утерпѣлъ я, примчался изъ Гатчины черезъ недѣлю. Хотѣлъ осыпать Пашу укоризнами, а она ко мнѣ съ вопросомъ:

— Получилъ приглашеніе въ Смольный?

— Какое приглашеніе?

— Балъ-маскарадъ у мадамъ Цинклеръ. Вчера тебѣ послано.

— Ни за что не поѣду,—сказалъ я.

— Пустяки, какое дѣтство. Тамъ весело будетъ, натанцуемся, наговоримся.

Я отступилъ шагъ, выпрямился.

— Прасковья Львовна,—сказалъ я торжественно:—сегодня я пріѣхалъ, чтобъ съ вашего согласія сдѣлать формальное предложеніе Ольгѣ Аркадьевнѣ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не теперь,—зажала она мнѣ ротъ:—послѣ бала—ну, прошу тебя—послѣ, чтобъ мама не догадалась.

— Но, какая причина? развѣ не вѣришь, не любишь мамашу?

— Ахъ, люблю и вѣрю, но лучше молчи теперь, молчи. Тамъ, на вечерѣ, будемъ свободны, ничѣмъ не связаны; понимаешь, воля?— до-сыта нашалимся, набѣсимся. Ты смотри, какъ я писала, достань латы и шлемъ, съ перьями,—я буду испанской цвѣточницей... Для всѣхъ тайно, и вдругъ послѣ... ахъ, какъ весело... мамаша-то удивится... ну, милочка, помолчи теперь. Согласенъ?

Тихій ангелъ пролетѣлъ между нами.—„Ребенокъ!"—подумалъ я:—„страсть къ тайнѣ, къ секретамъ. Вешнія воды, дѣвичьи сны. Это тѣ-же романы, читанные въ сельской тиши".

— Согласенъ, но съ однимъ уговоромъ,—отвѣтилъ я.

— Съ какимъ?

— Поѣдемъ кататься.

— Охотно. Мамаша, дайте намъ буренькаго,—сказала Пашута входящей матери.

Ольга Аркадьевна была съ утра что-то не въ духѣ; египетскій модный пассьянсъ ей не удавался. Она крикнула Ермила, велѣла запречь намъ санки, и мы помчались.

Никогда не изгладится изъ моихъ воспоминаній эта поѣздка. Мы неслись по Фонтанкѣ.

— Знаете, mon cousin, чей это домъ?—спросила, оглянувшись за Измайловскимъ мостомъ, Пашута.

— Какъ,—говорю не знать! домъ графа Платона Зубова.

— Тутъ и младшій его братъ, графъ Валерьянъ, проживаетъ— сказала она:—какой красавецъ...

— Щеголишка, пустохватъ, гдѣ, кстати, его ты видѣла?

— Показывали намедни въ оперѣ...

— Пожалуй,—замѣтилъ я съ улыбкой, самъ, между тѣмъ, вспыхнувъ:—еще, можетъ, чей-нибудь ривáлъ? ты измѣнишь... онъ твой супирáнтъ...

— Вотъ глупости, совсѣмъ этотъ Валéрка, сказываютъ, ребёнокъ, ну, ей-Богу, какъ дѣвочка,—и щеки съ пушкомъ, и въ ухѣ брильянтовая серьга... Ха-ха... Я безъ смѣху на него не могла смотрѣть. Видѣлъ ты его?

— Нѣтъ не видѣлъ—отвѣчаю, а кошки подъ камзоломъ такъ и скребутъ:—да и не жалѣю; первый шалбе́рникъ, верхохватъ. Хороши нравы; недавно, слышно, съ гусарской ордой, человѣкъ полсотни, съ пѣсенниками, барабанами, ложками и трещотками, ночью подошелъ къ дому одной молоденькой вдовы и такъ ее перепугалъ своей серенадой, что та чуть отъ страху не умерла... Чтò имъ, лишь бы попойки, обиды женщинъ, кутежи!

Полагаю, что, говоря это, я и блѣденъ сталъ въ тѣ минуты. А Паша смѣется, тормошитъ меня за руку.

— Ну, какой онъ тебѣ соперникъ,—ты человѣкъ, а то дѣвочка какая-то, херувимъ изъ леденчика.

Только и сказала; но не разъ вспоминалъ я впослѣдствіи тѣ слова. Миновали мы Аничковъ дворъ, увидѣли Екатерину, съ сѣренькими ливрейными лакеями, катившую въ возкѣ по Невской першпективѣ, выѣхали къ Лѣтнему саду. Петровскіе дубы и липы стояли въ морозныхъ блесткахъ.

— И нашъ дубокъ когда-нибудь выростетъ, будетъ такимъ же,— сказала Пашута, кутая въ шубку лицо.

— Великъ ли сталъ?—спросилъ я.

— Да виденъ ужъ изъ цвѣтовъ. Туго тянется онъ вначалѣ, за то переростетъ потомъ всѣ дерева, всю мелочь.

Я обхватилъ Пашу. Бурый конь, фыркая, вынесся на ледъ, полетѣлъ по широкой Невѣ.

Не за горами былъ и условленный срокъ для объясненія съ Ольгою Аркадьевной. Жаль мнѣ было думать, въ мои заѣзды, что она ничего не знаетъ. Бывало, сидитъ, мудреный свой пассьянсъ раскладываетъ и, глядя на Пашуту, будто думаетъ: „Золото мое, когда же я тебя пристрою, и дождусь ли той счастиливой поры?“

Наканунѣ указаннаго мнѣ дня былъ назначенъ тотъ именно балъ-маскарадъ у жены эконома Цинклера въ Смольномъ, куда меня такъ звала Пашута. Подобныя вечеринки въ самомъ зданіи учрежденій, носившихъ смиренный титулъ монастыря, были въ тѣ годы не въ диковинку. Составлялись онѣ какъ бы съ доброю цѣлью: дать лучшимъ питомицамъ старшихъ курсовъ, въ присутствіи классныхъ дамъ, провести время и повеселиться не токмо съ подругами, но и съ родными, знакомыми подругъ. Сюда допускались, межъ тѣмъ, и кадеты выпускнаго разряда, а съ ними, по протекціи, пробирались гвардейцы и иныхъ полковъ офицеры.

Цинклерша, познакомивъ Пашуту съ начальницей Смольнаго, генеральшей Лафонъ, добыла разрѣшеніе на свой вечеръ и для меня. Предполагались игры всякаго рода, фанты, пѣніе, потомъ танцы въ характерныхъ костюмахъ съ монастырками. Я, разумѣется, спрово-

рилъ себѣ желаемый нарядъ въ лучшемъ видѣ,—досталъ его, черезъ товарищей, изъ балетной гардеробной. Все уладивъ и приспособивъ, я сталъ съ замираніемъ сердца ждать субботы, на масляной, когда долженъ былъ состояться предположенный балъ.

И вдругъ — хлопъ повѣстка, явиться къ ротному. Я нацѣпилъ шпагу, одѣлся въ полную форму и пошелъ. Встрѣчаетъ съ тревожнымъ видомъ.

— Слышалъ?

— Нѣтъ, ничего не знаю.

— Шведы-то...

— Что-жъ они?

— Экспедицію флотомъ готовятъ противъ насъ къ веснѣ.

— Ну, не поздоровится имъ,—сказалъ я.

— Я и самъ такъ думаю. А, между тѣмъ, вотъ ордеръ генералъ-адмирала. Повелѣвается тебѣ отъ цесаревича, немедленно взять ямскихъ и ѣхать секретно съ этими бумагами къ начальнику русскаго отряда Салтыкову, въ Выборгъ.

— Когда ѣхать?

— Сейчасъ.

— Вотъ тебѣ и масляная,—не утерпѣлъ я не сказать.

— А что-жъ, попроси въ штабѣ фельдъегерскую, еще успѣешь захватить конецъ блиновъ.

— Да нельзя-ли замѣниться, попросить кого?

— Ну, не совѣтую. Знаешь порядки его высочества, не любитъ онъ со службой шутить.

Огорчила меня эта вѣсть. Дѣлать нечего. Справилъ я себѣ фельдъегерскій плакатъ и полетѣлъ, даже Пашу не извѣстилъ,—думаю, успѣю къ субботѣ. Для того по пути въ Петербургѣ бросилъ на постояломъ и припасенный маскарадный костюмъ. А дѣло вышло иначе и совсѣмъ плохо. Салтыкова въ Выборгѣ я не засталъ: онъ пировалъ на блинахъ у знакомца изъ окрестныхъ помѣщиковъ. Пока я съѣздилъ туда, вручилъ ему секретныя бумаги, вернулся съ нимъ въ городъ и выждалъ, когда тотъ всѣмъ распорядится, напишетъ и вручитъ мнѣ по формѣ отвѣтъ, безъ коего мнѣ возвращаться не дозволялось,—не только кончилась масляная, но и наступилъ первый день поста. Кàкъ я сѣлъ опять въ сани и кàкъ проѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ ужъ и остановиться мнѣ было жутко, того не припомню. Отъ огорченія — стыдно признаться—я не разъ принимался плакать на пути.

Пріѣзжаю въ Гатчину, отдаю по начальству рапортъ о поѣздкѣ и бумаги, а самъ думаю: „Когда-то еще тѣ шведы вздумаютъ къ намъ

въ гости, а меня лишили вотъ какого удовольствія". Повертѣлся я на квартирѣ, зашелъ кое-къ-кому изъ товарищей, слышу—странная какая-то исторія случилась въ столицѣ. Слухъ прошелъ, что какіе-то повѣсы въ Петербургѣ, нанявъ ямскую карету, произвели похищеніе нѣкоей, благороднаго и уважаемаго дома, дѣвицы. Молва прибавляла, что ее предварительно опоили какимъ-то зельемъ, отъ коего она чуть не умерла, и что полиція, бросившись искать похитителей и похищенную, наскочила на такія лица, что по-неволѣ прикусила языкъ и тотчасъ должна была прекратить дальнѣйшіе розыски. Разумѣется, толковали объ этомъ, какъ всегда по началу, въ неясномъ и сбивчивомъ видѣ, и я сперва не обратилъ на эти розсказни особеннаго вниманія. Одни изъ разсказчиковъ были за смѣлыхъ и ловкихъ сорванцовъ, другіе за жертву ихъ обмана.

Но зашелъ я къ нашему батальонному лѣкарю. Это былъ близорукій и страшно разсѣянный нѣмчикъ изъ Саксоніи, по фамиліи Громайеръ, общій другъ и повѣренный въ дѣлахъ. Онъ черезъ минуту забывалъ, что̀ ему говорили, а потому никто его не боялся, и всѣ съ нимъ были откровенны. Умѣя отмѣнно клеить изъ картона коробочки и укладки, онъ, кромѣ горчишниковъ, ревеня и какого-то бальзама на водкѣ, почти не употреблялъ другихъ медикаментовъ. И меня онъ, на гатчинской скукѣ, не разъ принимался учить искусству клейки. Но мнѣ это показалось тошнёхонько, и я заходилъ къ нему болѣе почитать „Вольнаго Гамбургскаго Корреспондента", который онъ выписывалъ на сбереженія отъ жалованья. Я засталъ его за чтеніемъ какой-то цидулки.—„Грубіяны, варвары готтентоты",—ворчалъ онъ, пробѣгая нѣмецкія строки петербургскаго коллеги. И когда я спросилъ, въ чемъ дѣло? — онъ, замигавъ подслѣповатыми, огорченными глазами, протянулъ мнѣ письмо, средина котораго начиналась особымъ заглавіемъ: „Новая Кларисса Гарло̀".

Съ первыхъ строкъ, въ которыхъ излагалось событіе, занимавшее городъ, я вздрогнулъ и чуть не лишился чувствъ: передо мной мелькнули знакомыя имена. Похитителями оказывались графъ Валерьянъ Зубовъ и его родичъ и наперсникъ во всѣхъ его похожденіяхъ, Трегубовъ, а похищенной — дѣвица Ажигина. Съ трудомъ дочиталъ я мелко исписанныя страницы, спокойно, по возможности, произнесъ нѣсколько незначительныхъ словъ и поспѣшилъ уйти отъ лѣкаря. Тогда только я понялъ замѣшательство и сдержанность нѣкоторыхъ товарищей, бывшихъ въ послѣдній день масляной въ Петербургѣ, съ которыми мнѣ привелось перемолвить о новой столичной авантюрѣ. Я затаилъ на днѣ души роковое открытіе и, сгорая нетерпѣніемъ, сталъ молча ожидать поры, чтобъ, не показывая своего настроенія, подъ благовиднымъ предлогомъ, вырваться изъ Гатчины въ Петербургъ.

Желанный случай настал. На второй недѣлѣ поста надо было ѣхать съ заказомъ въ интендантствѣ кое-какой батальонной аммуниціи.

Донынѣ ясно помню чувство, съ которымъ я подъѣзжалъ къ недавно еще дорогому и волшебному для меня пріюту, въ домѣ попадьи у Николы Морского. — „Если я такъ долго не навѣщалъ тётушки, — мыслилъ я: — то и она хороша, хоть-бы строкой, въ такихъ обстоятельствахъ, откликнулась. Значитъ, я не нуженъ, лишній сталъ. Посмотримъ, чѣмъ оправдаютъ свое приключеніе“.

Я позвонилъ въ завѣтный когда-то дверной колокольчикъ. Ко мнѣ вышла незнакомая, въ лисьей душегрѣйкѣ, старая женщина. То была, какъ я потомъ узналъ, хозяйка дома.

— Госпожа Ажигина дома? — спросилъ я.

— Обѣ выѣхали.

— Куда? давно?

Лицо ли, голосъ ли мой выдали меня, старуха поправила на себѣ душегрѣйку и, глянувъ какъ-то въ бокъ, объяснила, что ея бывшія постоялки, получивъ нѣкоторыя неотложныя письма изъ своей вотчины, снялись и на первой недѣлѣ отбыли во-свояси.

— Такъ и дочь? — спросилъ я почему-то.

— И барышня, — отвѣтила попадья, какъ бы думая: „бѣдный ты, бѣдный, проглядѣлъ, а безъ тебя вотъ что̀ случилось“.

Я бросился къ знакомымъ, въ полицію, побывалъ въ Смольномъ. На мои разспросы, даже глазъ на глазъ, всѣ отвѣчали нехотя и полунамеками. Въ Зубовскомъ домѣ швейцаръ объявилъ, что графъ Валерьянъ Александровичъ выѣхалъ въ Трегубовское, тверское помѣстье, на медвѣжью и лосью охоту, и вернется не ближе середины поста.

Въ тотъ же вечеръ я снова завернулъ къ никольской попадьѣ. — „Да вы не племянничекъ ли Ольги Аркадьевны?“ — спросила она и, когда я назвалъ себя, пригласила зайти къ ней. Что̀ я перечувствовалъ, видя тѣ самыя горницы, хоть и не съ той обстановкой и мебелями, гдѣ еще такъ недавно длились мои блаженные часы, того никогда мнѣ не выразить. Вотъ зала, гдѣ стояли горе́цкія клавесины и гдѣ, освѣщенное яркимъ зимнимъ солнцемъ, я увидѣлъ въ памятное утро мое божество. Вотъ гостиная, гдѣ проведенъ вечеръ послѣ опернаго спектакля. Каждый уголокъ напоминалъ столько пережитыхъ впечатлѣній, ожиданій, надеждъ.

Попадья усадила меня, откинула оконную занавѣску, и въ сумеркахъ указала черезъ каналъ на противостоящій высокій домъ.

— Отъ тебя, сударь, нечего таить, — сказала она: — ты свой и пожалѣешь бѣдняжку. Тутъ они, шалбе́рники, и устроили свою западню.

— Такъ дѣйствительно былъ обманъ, засада? — спросилъ я, чувствуя, какъ кровь бросилась мнѣ въ лицо.

— Былъ ихъ грѣхъ, да и она не безъ вины.

— Это надо доказать, не вѣрю!—вскричалъ я, вскакивая.

— Чтò ты, чтò! — остановила меня за руку попадья: — и себя, государь мой, и меня на вѣкъ погубишь. Не знаешь нешто, чтò за люди?

— На нихъ судъ, гнѣвъ государыни. Я добьюсь, не всѣ-жъ станутъ прикрывать.

— Вѣниковъ, батюшка, много, да пару мало. А и въ доброй тяжбѣ на лапти не добьешься.

— Такъ я заставлю ихъ самихъ.

— Слушай лучше. Тётушка твоя добрая, да, извини, не въ пронось молвить слово, высоко несется и баламутка порядочная... Не наше, бабье, дѣло, а прямо скажу: ейная кума во всемъ первая доводчица и погубителька. Трегубову да графчику Валерьяну она другую изъ монастырокъ готовила, а вышло вонъ чтò. Видишь окошко? въ немъ они, треклятые, и караулку свою въ скрытности устроили. Сняли тамъ горницы, да и ну силки раскидывать. Что за оказія, какъ ни взглянешь, маются все какіе-то молодчики. Мало ли всякихъ наяновъ, и невдомекъ. Знàками все,—то прямо съ книжкой сядетъ, то бокомъ, будто читаетъ; а вечеромъ свѣчи — двѣ-три на подоконникѣ, было и больше. И все то, по условію, были разныя обозначенія, потомъ пошли и цидулки...

— Какъ? переписывались?—спросилъ я.

— Ну, чтò опять вскинулся? точно и твоихъ тамъ не было! Не диво, что дѣвка амурныя грамотки пишетъ; коза во дворѣ, козелъ черезъ тынъ глядитъ. Лишь бы сама пава перьё свое берегла.

— Что же вышло и какъ все случилось?—спросилъ я.

— Надавали глупъ-человѣку всякихъ обѣщаній, да притомъ и клялись. Она не вѣрила, не подпускала ихъ близко. Только все порѣшилось на той самой маскарадѣ у кумы, куда она ряженая ѣздила плясать. Бѣсомъ началось, бѣсомъ и кончилось. Ждали случая съ смолянкой, одной княгинюшкой; начальница, видно, догадалась и той не пустила на вечеръ. Они-жъ сыпали приманку не даромъ и подкатили саночки Ажигиной...

— Какъ? стало она,—спросилъ я:—по своей охотѣ?

— Не разберешь. Весь вечеръ скучала, какъ въ воду опущена, ни въ игры, ни въ танцы. Мать измаялась отъ духоты, уѣхала раньше, —дѣвицы же стали просить, она дочку на куму оставила. А при разъѣздѣ оттерлась Паша какъ-то въ суетѣ, кинулись ее искать — и слѣдъ простылъ. Кучеръ съ Ермиломъ подали карету—нѣтъ барышни. Укатили ее въ другомъ экипажѣ, гдѣ лакей и кучеръ были переодѣтые господа.

— Боже! настрадалась я, — продолжала разсказчица, — вчужѣ, глядя на твою тетку, какъ объявилась эта пропажа. Сперва охала она, трепыха́лась все, будто путнаго чего ожидала, а сама глазъ съ иконъ не сводитъ, ночи напролетъ молится. То туда, въ городъ, метнется, то сюда. Ничего не добиться: все заслонилось, точно въ потемкахъ. Ка̀къ полагаете,—спрашиваетъ:—гдѣ и когда обвѣнчались?—Да почему, говорю, думаете, что былъ вѣнецъ?—Какъ почему? клялся вѣдь, принцессой божился сдѣлать, всѣхъ озолотить. — Свадьбой, сударыня, не таки, говорю, дѣла кончаются, а вы бы, милая барыня, шкатулочки, да сундучки ея перерыли, не было-ль какой нерезонной въ письмахъ передачи?—Она смолчала, заперлась на замокъ и тутъ-то вдоволь, злосчастная, напилась полыни.

— Что-жъ въ тѣхъ письмахъ?

— Твои ничего, и она вотъ какъ жалѣла, что ничего о тебѣ прежде не знала. А тѣ сорванцы прямо, какъ дурманомъ, опоили простоту. Родителька-де твоя все дитёй тебя считаетъ; взаперти, молъ, экую красотку-королевну держитъ, удаляетъ отъ хорошихъ людей. И ужъ не упомню всего... Да! вотъ еще... Ныньче свѣтъ-де ужъ не тотъ; пренебреги старьемъ, да ветошью; брось постылый затворъ; ключъ, молъ, тебѣ даденъ отъ желѣзной двери, — ужли его кинешь? Ахъ, душегубы... Будь ироиней, а не монашкой. Вотъ, голубка-то бѣлая и стала ироиней, попала въ сѣть...

— Вы сказали, — замѣтилъ я:—что Ажигины вдвоемъ вернулись въ деревню? Какъ же такъ, откуда взялась дочь?

— А ужъ это, сударь, завсегда такъ-то съ нашею сестрой,— заключила попадья: — на то наша мудрость, да вѣра въ мужчинскія слова. И конецъ бываетъ, куда какъ не по клятвамъ и божбѣ. На другой день слышитъ твоя тётка, что бѣглянка въ скрытности объявилась у кумы. До утра только и была въ отлучкѣ. Пѣшая прибилась рано по холоду къ заставѣ, а дальше подвезли ее охтенскіе дровяники. Какъ повидала ее Ольга Аркадьевна, такъ и съ ногъ пала. Что̀ ни спрашивали Пашу, ничего не открыла; ни слова не сказала. Легла ничкомъ въ подушку, да такъ три дня лежала безъ пищи и сна, только вздыхала глухо, да плечиками отъ слезъ подёргивала. Съѣздила съ ней Ажигина къ Скорбящей, отслужила молебенъ и увезла ее молчкомъ въ деревню...

— Гдѣ-жъ была Прасковья Львовна?

— Никто не знаетъ. Думаютъ, увезли ее на дачу графа, да испугалась она, либо опомнилась, и какъ-нибудь урвалась...

„Опомнилась, легко говорить!“—подумалъ я:—„прощай на вѣкъ, Пашута!“ — Поблагодаривъ разсказчицу, я возвратился въ Гатчину, на себя непохожъ. Хотѣлъ писать къ Ольгѣ Аркадьевнѣ, къ своимъ,—

рука не бралась за перо. — „Измѣнила ты мнѣ, на кого промѣняла мою приверженность, любовь?“ — размышлялъ я внѣ себя: — „какой урокъ! Но тѣ-то изверги, злодѣи? Ужли на нихъ и расправы нѣтъ? Но кто вмѣшается, чьё право? Братъ одного изъ нихъ въ какой силѣ; у другого связи, богатство... Да и пошла вѣдь она охотой“...

И ударился я разъ ночью, какъ теперь помню, въ слезы; такъ плакалъ, такъ, что самъ спохватился: это что же? Анъ возмездіе и вотъ въ руки...

„Кому-жъ и мстителемъ быть за безпомощную дѣвушку,—сказалъ я себѣ: — какъ не мнѣ, если не по разбитому сердцу, хоть бы по одному родству?“—Распалился я этими мыслями такъ, что думалъ, думалъ и рѣшилъ опять ѣхать въ Петербургъ. Въ то время и въ голову мнѣ не приходило, чтѐ изъ того можетъ выдти, въ какія обстоятельства я буду поставленъ и куда занесетъ меня нежданная, негаданная судьба.

Была весна. Наступилъ май. Въ Петербургѣ стало зѣло неспокойно. Шведы объявили намъ войну. Сперва на это мало обращали вниманія. Но вдругъ прошелъ слухъ, что шведскій флотъ вышелъ изъ Штокгольма и пустился на поиски нашего. Гатчинскихъ морскихъ батальоновъ еще не требовали въ походъ. Они неотлучно находились при резиденціи наслѣдника. Донесенія объ эволюціяхъ штокгольмской эскадры межъ тѣмъ приходили все тревожнѣе, и, наконецъ, стали тутъ и индѣ тараторить, что ихъ дерзостныя намѣренія могутъ вскорѣ нанести грозу и самой резиденціи великой россійской монархини.

Въ такое-то время, послѣ долгой отлучки, я навернулся въ Петербургъ, куда надо было съѣздить за пріемомъ батальонной аммуниціи.

III.

Это было двадцать-третьяго мая 1790 года. Задержанный интендантскими непорядками, я заночевалъ въ Петербургѣ и пробудился на заѣзжемъ дворѣ, на Морской, отъ грома нежданной и весьма внушительной пушечной пальбы. То шведскій флотъ, прорвавшись мимо Свеаборга и Ревеля и открывъ бомбардировку по нашему, съ утра началъ сраженіе близъ Кронштадта, защищаемаго адмираломъ Крузомъ.

Изумленный городъ высыпалъ на улицы. Лица всѣхъ были блѣдны и встревожены. Всякъ спрашивалъ и никто не зналъ, на чтѐ надѣяться и чего ожидать. Всѣ робко поглядывали поверхъ крышъ, не летятъ ли чинёныя бомбы.

Я за другими вышелъ на Адмиралтейскую площадь. Стекла дворцовыхъ оконъ примѣтно вздрагивали отъ повторительныхъ залповъ,

раскатисто и гулко доносившихся отъ взморья по Невѣ. Нѣкій изъ ближней свиты, престарѣлый, но желавшій казаться бодрымъ вельможа, какъ я узналъ впослѣдствіи, знаменитый Бецкій, будто ненарокомъ вышелъ, поддерживаемый ливрейнымъ лакеемъ, на крыльцо и сталъ, смѣясь, обращаться къ народу. Самъ шутитъ, а глаза все на рѣку, и губы бѣлёшеньки. Онъ незадолго вовсе ослѣпъ, но скрывалъ это отъ публики; и лакей его держалъ за рукавъ, чтобы дернуть, когда нужно было кланяться знакомцамъ при встрѣчѣ.

— Охота, братцы, безъ дѣла стоять?—сказалъ Бецкій, обращаясь къ народу:—государыню, кормилицу нашу, безпокоите... все кончится, вѣрьте, благополучно. Ну, гдѣ имъ, горе-богатырямъ, супротивъ русскихъ? Отъ Петра-то Великаго поговорку, чай, слышали?.. Погибъ, какъ шведъ подъ Полтавой...

— То, ваше сіятельство, Полтава,—судачили въ толпѣ:—а эвосн, во́нъ насъ куда, къ самому ему на порогъ вдвинули.

Слѣпой старецъ, прикуся языкъ, заковылялъ къ своей каретѣ.

Пальба къ вечеру затихла, а съ нею куда дѣлись и сомнѣнія. Столичный людъ, извѣстенъ онъ, каковъ. Охотники до веселостей и всякихъ праздныхъ утѣхъ мигомъ пріободрились. Невская першпектива покрылась гуляющими. Началось гонянье бѣговыхъ, охотницкихъ дрожекъ, колясокъ въ шорной аглицкой упряжи. Понесли хвосты расфуфыренныя, съ ливрейными драбантами, модницы. Зашмыгали, тараторя о шведской пальбѣ, гвардейскіе и статскіе петиме́тры. Зашелъ я въ военную коллегію; тамъ одни писцы; мое дѣло не двинулось.— „Что̀,—думаю:—останусь еще день, все равно ѣхать съ пустыми руками. А къ вечеру, авось, что-нибудь объяснится и о шведахъ“.—Я же въ тѣ роковые дни возилъ о нихъ первыя секретныя предувѣдомленія.

И захотѣлось мнѣ, при этомъ воспоминаніи, самому повеселиться, встрѣтить товарищей, съ горя съ ними покутить. Изъ коллегіи я зашелъ въ книжную лавку Глазунова, узнать, нѣтъ ли тамъ новыхъ о поли́тикѣ вѣдомостей? Слышу разговоръ двухъ посѣтителей:

— Сегодня,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—государыня повелѣла дать на Царицыномъ въ театрѣ трагедію Рославъ.

— Дмитріевскій, il grande, большой тале́нто!—произнесъ другой, старый, очевидно, иностранецъ:—въ Парижѣ съ Леке́номъ, въ Лондонѣ съ Гаррикомъ, на одной сценѣ игралъ. Надо бы въ театръ.

Меня какъ-бы что подтолкнуло. Я пообѣдалъ въ Демутовомъ трактирѣ, бросился на Царицынъ лугъ, въ Книпперовъ театръ. Тамъ я взялъ себѣ наилучшее мѣсто въ партерѣ и до вечера бродилъ по набережной у Лѣтняго сада.

Недавно передѣланный изъ простого балагана, этотъ театръ былъ новинкой для горожанъ. Ложъ не имѣлось, а кромѣ партера, вдоль

стѣнъ былъ сдѣланъ трехъ-ярусный открытый балконъ, отдѣленія котораго, безъ промежутковъ, искусно возвышались одно надъ другимъ. Живопись плафона и стѣнъ хоть и была изрядно пестра, за-то общій видъ зрителей, сидящихъ амфитеатромъ, какъ въ древности, весьма хорошъ. На занавѣси была изображена Ѳемида, принимающая поздравленія благодарныхъ россіянъ. Кромѣ параднаго крыльца, имѣлось еще нѣсколько отдѣльныхъ подъѣздовъ, просторныхъ и столь умно устроенныхъ, что давки, особенно во время несчастья, пожара, при выходѣ случиться не могло. Давно то было и много послѣ переиспытано, а я до мелочей ясно помню, какъ проведенъ мною былъ тотъ вечеръ.

Сѣлъ я, стараясь быть какъ можно спокойнѣе, на свою лавку.

Сбоку у меня старичокъ, тотъ самый иностранецъ, что у Глазунова подалъ мнѣ мысль объ этомъ спектаклѣ. Мы разговорились. Онъ оказался итальянцемъ, учителемъ молодого графа Бобринскаго. Вижу, черезъ рядъ скамеекъ, противъ меня два вертлявыхъ затылка, въ разубранныхъ первымъ парикмахеромъ косахъ; гвардейскіе аксельбанты и галуны; тончайшими духами отдаетъ отъ платковъ, коими они машутъ при апплодисментѣ актрисамъ.

— Кто это?—спрашиваю итальянца.

— Графъ Валерьянъ Зубовъ... знаете?

— А другой?

— Его Санчо-Пансо, Трегубовъ.

Я такъ и вскипѣлъ, но, странное дѣло, остался почти спокоенъ и тихъ, точно не слышалъ отвѣта сосѣда. Помню, какъ съ легкимъ сердцемъ и даже весело я прислушивался къ игрѣ актеровъ, а въ междодѣйствіи—къ шуму и къ громкому говору, больше по-французски, съ мѣста на мѣсто переходившихъ театральныхъ пересудчиковъ. Раздавалось и обычное въ тѣ годы щелканье орѣховъ, во время игры, не только въ заднихъ рядахъ партера, но и въ ближайшихъ къ сценѣ отдѣленіяхъ балкона, гдѣ засѣдали первыя столичныя модницы.

Больше всѣхъ вертѣлись графъ и Трегубовъ. Въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ знаменитой Княжнинской трагедіи, какъ-бы нарочито тѣмъ оказывая пренебреженіе къ высокому искусству Мельпомены, они съ преглупою угодливостью то подавали знакомымъ дамамъ въ нижнія ложи лорнетки, цвѣты, то подносили имъ сласти, или публикаціи о модахъ, причемъ непомѣрно гремѣли шпорами и саблями.

Въ одно изъ междодѣйствій, утомленный духотой, я вышелъ съ итальянцемъ подышать свѣжимъ воздухомъ, а кстати завернулъ и въ особую при театрѣ караулку, гдѣ, въ видахъ бережности отъ огня, разрѣшалось курить. Желающіе здѣсь же имѣли обычай распивать принесенныя изъ лавокъ прислугой и привезенныя изъ дому бутылки венгерскаго и прочихъ винъ. Мы покурили и вышли.

Вижу на площади, у крыльца, стоитъ, въ кругу припѣвалъ, графъ Валерьянъ Зубовъ.

— Чтȍ мнѣ декламаторскіе таланты и это вытье вашего прославленнаго Дмитревскаго!—ужели не постылъ онъ вамъ? Вотъ Неточка Поморева—это другая статья...

— Такъ рѣшено?—спросилъ его Трегубовъ.

— У разъѣзда, господа, — объявилъ Зубовъ: — сперва апплодисментъ, цвѣты,—а тамъ...

Болѣе я не разслышалъ. Взглянулъ на его румяное отъ экстаза, красивое и смѣющееся, женоподобное лицо и вдругъ увидѣлъ, подъ буклей, въ ухѣ брилліантовую серёжку. Тутъ и вспомнилась мнѣ Пашута. Все завертѣлось передо мной: офицеры, площадь, толпа, спѣшившая изъ караулки, экипажи, фонари.

— Вамъ бы, сударь, — сказалъ я, подойдя къ графу: — не за актрисами гоняться.

Зубовъ смѣшался.

— Чтȍ вамъ угодно?—спросилъ онъ:—и кто вы такой? Не имѣю чести васъ знать.

— А я васъ доподлинно знаю,—отвѣтилъ я, — не угодно ли на пару словъ?

Онъ отошелъ со мной въ сторону. Я назвалъ себя.

— Но въ чемъ же ваша надобность ко мнѣ?—спросилъ онъ.

— Часъ и мѣсто, государь мой, если вы памятуете, чтȍ есть честь?

— Дуэль?—спросилъ онъ вполголоса, покраснѣвъ.

Всѣ его прихлебатели поотодвинулись при этомъ словѣ, и ни на комъ нѣтъ лица.

— Чтȍ-жъ, — продолжалъ онъ: — я не прочь отъ сатисфакціи; только не въ такомъ мѣстѣ, господинъ Бехтѣевъ, конверсація, и, притомъ, убѣждены-ль вы доподлинно въ моей токмо провинности? То было недоразумѣніе, карнавальная шалость въ маскахъ, на парѝ... и, притомъ, не о вашей родственницѣ...

— Ни слова больше! да или нѣтъ?—вскрикнулъ я, задрожавъ и хватаясь за шпагу.

Чувствую, меня схватили сзади, отводятъ дальше отъ публики. Оглядываюсь,—два незнакомыхъ артиллериста,—открыто ставшіе за меня.—„Давно пора проучить зазнавшихся фаворитовыхъ родичей и ихъ друзей!—говорятъ они, пожимая мнѣ руки:—мы къ вашимъ услугамъ“.—Я имъ назвалъ себя и мѣсто моей стоянки. Они подошли къ графу и къ его саттелитамъ и условились о срокѣ и мѣстѣ поединка. Установили драться вечеромъ слѣдующаго дня на пистолетахъ за Калинкиной деревней.

Утромъ я отправилъ нарочнаго въ Гатчину, извѣщая, что коллегія

замедлила съ выдачей порученныхъ мнѣ вещей и что я надѣюсь все окончить черезъ сутки. Пообѣдавъ гдѣ-то въ гостиницѣ, я прокатился почему-то мимо Николы Морского и по Невѣ, и заблаговременно возвратился на постоялый. Тутъ я заперся въ нанятой горенкѣ и сталъ писать письма къ родителямъ. Я писалъ съ увлеченіемъ, орошая слезами послѣднія, быть можетъ, строки къ дорогимъ сердцу людямъ, и откровенно, безъ утайки, разсказалъ имъ все, что̀ со мной произошло и къ чему я, по долгу совѣсти, готовился. Отнеся лично письмо въ почтовую контору, я прилегъ отдохнуть.

Было недалеко до вечера. Тревоги предыдущей безсонной ночи утомили взволнованный духъ. Мнѣ мерещилось близкое будущее: роковой, безвременный конецъ, сраженные горемъ отецъ и мать и отношеніе къ моей судьбѣ Пашуты. Тяжелыя, мрачныя мысли роились въ душѣ. Вотъ получается въ родномъ домѣ мое письмо, а вотъ и приказъ по флоту: исключается изъ списковъ убитый мичманъ такой-то. Я не могъ вздремнуть, всталъ и присѣлъ писать прощальное обращеніе къ своей измѣнницѣ. Съ этою исповѣдью на груди я рѣшилъ идти на барьеръ.

Много-ли прошло времени, не упомню. Надъ одной строкой я задумался. Пашута, какъ живая, представилась моимъ мысленнымъ взорамъ. Вотъ она дѣвочкой, быстроглазая, стриженая, рѣзвая, какъ перепелка, встрѣчи въ Горкахъ, въ вешніе цвѣтные дни, бѣготня по пахучему саду, прятки у гротовъ, катанья въ лодкѣ, качели у пруда. Затѣмъ переписка, бабушкины запугиванья влюбленнымъ, трубящимъ въ рогъ, отставнымъ юнкеромъ, пересылка поклоновъ, стиховъ. А вотъ она въ Петербургѣ, ужъ матушка-сестрица, Прасковья Львовна, хотя для меня все та-же Пашута. Урокъ танцевъ, уморительный старчикъ, учитель со скрипочкой; мать въ пудромантелѣ за клавесинами, пѣніе романсовъ, чтеніе Ричардсона, Дидерота, Де-Фо̀, — прогулки пѣшкомъ и въ саняхъ на буренькомъ, бесѣды вдвоемъ. И такъ близко было счастье. И все улетѣло, какъ сонъ. „Вы меня предали, продали и кому-же? Знаете-ли вы, что̀ за личность, на искательства которой вы поддались? Вы для него — минутная забава, одна изъ прихотей празднаго, пустого, избалованнаго верхохвата. Отчего вы не сказали мнѣ ранѣе и откровенно? Зачѣмъ безжалостно разбили любящее сердце? Говорятъ о какой-то случайности, роковомъ недоразумѣніи. Нѣтъ, вы не даромъ о немъ говорили, интересовались имъ. Наконецъ... письма... Да, я узналъ, вы ихъ получали, а о нихъ мнѣ ни слова. Но, знайте, никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ“...

Въ дверь постучались.

„Секунданты, — подумалъ я, подписавъ и вложивъ въ готовый пакетъ неоконченное письмо къ Пашутѣ: — чтожъ, други честные, сторонніе, идёмте, — готовъ“. Я опустилъ письмо въ карманъ и отперъ дверь.

Вмѣсто бравыхъ, возвышенныхъ духомъ артиллеристовъ, на порогѣ изъ присѣнковъ вынырнулъ невзрачный, коротконогій, одутловатый и рѣшительный видомъ, пожилой, полицейскій поручикъ. Крупныя губы, носъ пуговкой и маленькіе, сторожкіе недобрые глаза.

— Не вы-ли мичманъ Бехтѣевъ? — спросилъ онъ, придерживая шпажонку и оглядывая внимательно горницу и меня.

— Такъ точно.

— Извольте-жъ, государь мой, за мной въ секунду слѣдовать.

— Куда?

Вмѣсто отвѣта, онъ подалъ мнѣ съ внушительнымъ видомъ, запечатанный большою печатью пакетъ. Я вскрылъ его, пробѣжалъ бумагу. То было требованіе о „неуклонной и безпродлительной, въ чемъ буду“ явкѣ моей къ лицу, имя котораго было всѣмъ хорошо вѣдомо.

Меня какъ варомъ обдало, потомъ бросило въ неудержную, внутреннюю дрожь. Я хотѣлъ-было распорядиться, дать знать хозяйкѣ, позвать слугу; но полицейскій поручикъ ершомъ и стойко воспротивился.

— Что вы, сударь,—сказалъ онъ,—скривя ротъ какимъ-то наглымъ, преподлымъ манеромъ: — какіе тутъ распорядки! въ моментъ! въ терцію-съ повелѣно... Не на плясъ, не на маскарадную вечеринку зовутъ ваше благородіе, а къ самому его высокопревосходительству, Степану Ивановичу, господину Шешковскому.

Я понялъ — возврата и послабленія не было и быть не могло. Я взглянулъ въ окно. На улицѣ насъ ужъ дожидала городовая, извозчичья, крытая коляска. Я защелкнулъ дверь на ключъ, и мы отправились. Въ корридорѣ я встрѣтилъ растеряннаго постояльскаго слугу; съ ключомъ я успѣлъ ему передать для отправки на почту и заготовленное письмо. Мы поѣхали.

Всю дорогу занималъ мои мысли необычный, таинственный человѣкъ, которому такъ нежданно теперь передавала меня судьба. Въ корпусѣ и въ Гатчинѣ много о немъ было шушуканій. Всѣ знали, что, знаменитый и страшный въ то вообще мягкое время, этотъ человѣкъ не съ-разу пріобрѣлъ свою грозную репутацію. Онъ сперва занимался мирными науками и даже былъ нечуждъ обихода съ музами; кропалъ стишонки и учился у какого-то заѣзжаго живописца писать акварельными красками ландшафты и изображенія нѣжныхъ амурныхъ пасторалей.

Въ молодости лѣтъ Шешковскій, какъ сказывали, даже попался въ написаніи нѣкоего вольнодумнаго на одного своего начальника пашквиля и былъ за-то въ немалой передрягѣ и встряскѣ. Но годы взяли свое. Бездарный, завистливый рифмослагатель и неудавшійся мазилка соблазнился первою отличкой по рангу. За ней пошли дру-

гія. Непризнанный, презираемый товарищами, Неронъ бросилъ измѣнщицу лиру и остался въ длани съ однимъ наказующимъ бичомъ.

Соученикъ и мой другъ, Ловцѳвъ, въ корпусѣ былъ вхожъ къ одному вельможѣ, стороннику и одномышленнику Потемкина, и мнѣ не разъ сказывалъ о его отношеніяхъ къ Шешковскому.

Возвышенный духомъ и добраго сердца, Потемкинъ, радѣя о чести и славѣ обожаемой имъ монархини, рѣшился при одномъ случаѣ не токмо критиковать, но даже и упрекать свою вѣнценосную благодѣтельницу и учительницу: „Ну, матушка-богиня, выдвинула ты на склонѣ своихъ дней изъ россійскаго арсенала таковыя двѣ ржавыя и гнусныя пушки, какъ на Москвѣ князь Прозоровскій, а здѣсь Шешковскій... Прости, великая, но какъ бы тѣ пушки, не въ мѣру усердія стрѣляя, не затемнили твоего имени“. Что касается до личныхъ сношеній, то прямой предъ всѣми Потемкинъ ужъ ничуть не стѣснялся съ тайнымъ совѣтникомъ Шешковскимъ. Встрѣчаясь съ нимъ, онъ обыкновенно шучивалъ: — „Ну, Степанъ Ивановичъ, какъ изволишь кнутобойничать?“ — „Помаленьку, ваша свѣтлость“, — отвѣчалъ вопрошаемый: — „помаленьку исполняемъ возложенныя на насъ службишки“.

Къ такому-то человѣку меня везли на аудіенцію. Мы миновали Казанскую церковь, гостиный дворъ и приблизились на уголъ Итальянской и Садовой, гдѣ въ одномъ изъ бывшихъ домовъ Бирона находилось тогдашнее помѣщеніе Шешковскаго.

Меня ввели въ небольшую пріемную. Пріѣхали мы туда засвѣтло; но я долгонько дожидался хозяина квартиры, бывшаго въ ту пору гдѣ-то въ гостяхъ. Совсѣмъ стемнѣло, когда, наконецъ, загремѣли внутри двора колеса его экипажа. Онъ вошелъ въ свои аппартаменты боковымъ, скрытнымъ отъ постороннихъ, ходомъ. Его прибытіе я угадалъ по вытянувшимся лицамъ дежурныхъ и по немалой суетѣ, начавшейся въ комнатахъ флигеля. Прошелъ одинъ писецъ, другой, зашмыгали съ бумагами вахтеры, разныхъ вѣдомствъ курьеры. И вотъ затéнкалъ гдѣ-то глухой, дребезжащій колокольчикъ. Ему отвѣтилъ судорожный бой моего сердца.

Меня позвали къ Степану Ивановичу.

IV.

Подъ вліяніемъ общихъ толковъ, я предполагалъ встрѣтить нѣчто съ перваго раза ошеломляющее, нѣчто легендарное, въ родѣ страшнаго дракона, крылатаго, съ огненнымъ взоромъ и съ длиннымъ, змѣинымъ языкомъ.

Каково же было мое удивленіе, когда за столомъ, заваленнымъ грудами бумагъ, между двухъ, какъ теперь помню, восковыхъ свѣчей, я разглядѣлъ прямо сидѣвшую противъ меня, добродушную фигуру невысокаго, сгорбленнаго, полнаго и кротко улыбавшагося старика. Ему было подъ семьдесятъ лѣтъ. Въ такомъ родѣ я встрѣчалъ изображенія нѣкоторыхъ, прославленныхъ тихимъ правленіемъ, римскихъ папъ. Жирный, въ мягкихъ складочкахъ, точно взбитый изъ сливокъ, подбородокъ былъ тщательно выбритъ, сѣрые глаза смотрѣли вяло и сонно; умильныя, полныя губы, смиренно и ласково сложенныя, казалось, готовы были къ однимъ ободряющимъ, привѣтъ и ласку несущимъ словамъ. Бѣлыя, сквозящія жиркомъ руки, въ покорномъ ожиданіи, были сложены на животѣ.

Я вспомнилъ городскіе толки, что Шешковскій тайно сѣкалъ не токмо провинившихся юношей, но и важныхъ, попадавшихся въ „первыхъ пунктахъ“ взрослыхъ мужчинъ и дамъ, а потому, боясь отравы, уже давно, окромя крѣпкаго чаю, печеныхъ въ крутую яицъ, молочнаго и трехъ, ежедневно освящаемыхъ, просфоръ, по нѣскольку дней ничего почти не ѣлъ. Такъ напоминала о себѣ совѣсть этому, захватившему высокое довѣріе монархини, ничтожному проходимцу.

Шешковскій, при моемъ входѣ, съ тою же улыбкой, молча указалъ мнѣ стулъ, опустилъ глаза въ раскрытую передъ нимъ бумагу, и сказавъ: „Такъ-то, молодой человѣкъ, познакомимся!“—спросилъ мое имя, годы, рангъ, а равно мѣсто жительства и состояніе моихъ родителей. Голосъ его былъ такъ ласковъ и добръ. Мнѣ казалось, что я слышу стараго друга дѣтства, готоваго спросить: „Ну, какъ матушка, батюшка? давно ли получалъ о нихъ вѣсти? жива ли бабушка?“

„Что же это?“,—подумалъ я, разглядывая сидѣвшаго противъ меня доброхота:—„гдѣ же драконъ?“—Вскорѣ, однако, въ его рѣчи послышалась непріятная, посторонняя примѣсь, будто гдѣ-то неподалеку, въ сосѣдней комнатѣ, или за окномъ, начали сердиться и глухо ворчать два скверные кота.

— Въ кабалѣ, въ атеизмѣ или черной магіи, сударикъ, не упражнялся ли? — спросилъ меня Шешковскій, глядя на лежавшій передъ нимъ листъ:—и въ какихъ градусахъ сихъ вольнодумныхъ, пагубныхъ наукъ ты обрѣтался и состоялъ?

Я былъ ошеломленъ. Что оставалось отвѣтить? Пересиливъ, насколько возможно, волненіе, я спокойно возразилъ, что ни въ какихъ градусахъ не упражнялся и въ нихъ не состоялъ.

— Отлично... Такъ и слѣдуетъ ожидать отъ истиннаго россіянина. А не злоумышлялъ ли чего, хотя бы малѣйше, къ возмущенію, бунту, или къ какому супротивному расколу,—продолжалъ, всматриваясь въ бумагу, Степанъ Ивановичъ:—каковой клонился бы къ освященному

спокойствію монархини, или къ нарушенію обманными шептаньями, передачами и иными супротивными дѣяніями народной, воинской и статской тишины?

— Не умышлялъ.

— Хвалю... Истинные отечества слуги таковыми быть повсегда должны... А какъ же ты,—поднялъ вдругъ насмѣшливо-холодный взоръ Шешковскій:—а какъ же ты затѣялъ публичный афронтъ, да еще съ наглыми издѣвками подполковнику, кавалеру Георгія четвертыя степени и флигельсъ-адъютанту, графу Валерьяну Александровичу Зубову?

— На то я былъ вынужденъ его же кровной и сверхъ мѣры несносной обидой особѣ, близкой мнѣ.

— Въ чемъ обида?—спросилъ, взглянувъ на меня изъ-за свѣчей и тотчасъ зажмурившись, Шешковскій:—въ чемъ, говори...

— Не отвѣчу.

— Отвѣтишь, — тихо прибавилъ, не раскрывая глазъ, Степанъ Иванычъ.

— То дѣло чести и ему быть должно токмо между имъ и мной...

— Заставлю!—еще тише сказалъ, чуть повернувшись въ креслѣ, Шешковскій.

Я безмолствовалъ. Общее наше молчаніе длилось съ минуту.

Я не давалъ отвѣта.

— Такъ какъ же? — спросилъ опять Степанъ Иванычъ: — что вздумалъ! вѣдь пащенокъ, песья твоя голова! самъ не понимаешь, что можешь вызвать! все имѣю, все вѣдь во власти... четвертнымъ полѣномъ, не токмо-что, бить могу и сталъ бы,—да помни, неизреченны милости къ такимъ...

— Я не песья голова и не пащенокъ, — твердо выговорилъ я глубоко-обиженный за свое происхожденіе и рангъ: — чай, знаете гатчинскіе батальоны; я офицеръ собственнаго экипажа государя-цесаревича. Притомъ вмѣшательство въ приватныя дѣла...

— Вотъ какъ, гусекъ,—проговорилъ, нахмурившись, но все-еще желая казаться добрымъ, Степанъ Иванычъ.

— Не гусекъ, повторяю вамъ, а царевъ слуга. Въ мудрое-жъ и кроткое, какъ и сами вы говорите, правленіе общей нашей благодѣтельницы не могъ я, сударь, предполагать, чтобъ кого, безъ суда и законной резолюціи, кто смѣлъ четвертнымъ полѣномъ бить.

Шешковскій протянулъ руку къ колокольчику, но остановился и со вздохомъ опять сложилъ руки на животѣ. Не ожидалъ онъ, видно, такого отвѣта.

— Изверги, масоны, мутьяны, отечества враги! — сказалъ онъ, качая какъ-бы въ раздумьѣ головой: — свои законы у васъ! хартіи,

право народовъ натуры! Мирабо, доморослые Лафайэты! слушай ты, глупый офицеришко, да слово не пророни...

Тутъ Шешковскій точно преобразился. Глаза его проснулись. Руки задвигались по столу. И показался онъ мнѣ въ ту минуту моложе, бодрѣе и даже будто выше прежняго.

— Слушай, дерзновенный,—произнесъ онъ громче и съ разстановкой:—посягая на ближнихъ слугъ монарха, на кого святотатски посягаешь? Изволишь ли вѣдать персону его сіятельства графа Платона Александровича?

— Какъ не знать.

— Ну, а вѣдь они тому — братецъ. Кому не воздалъ должнаго решпекта?.. Такъ вотъ тебѣ резолюція, пока на словахъ. Сроку тебѣ двое сутки. Не токмо о поединкѣ, или о новыхъ экспликаціяхъ, но чтобъ ровно черезъ сорокъ-восемь часовъ, отъ сего момента, — слышишь ли,—духу твоего не пахло, какъ въ сей резиденціи, такъ равно и въ Гатчинѣ.

— Но я на службѣ. Дозволите ли передать о томъ по начальству?

Шешковскій улыбнулся, опять какъ-бы въ безсиліи закрылъ глаза и вздохнулъ. Пальцы его сплелись и снова старались смиренно уложиться на камзолѣ.

— Попробуй,—сказалъ онъ:—ну, тàкъ, для-ради любознанія попытайся...

Онъ досталъ табакерку, раскрылъ ее и, щурясь съ усмѣшкой на меня, потянулъ изъ нея носомъ.

— Не постигаю,—проговорилъ я:—гдѣ-жъ правда, законъ?

— Лучше безъ разговоровъ,—перебилъ Степанъ Иванычъ:—либо прочь отсюда тишайше, по доброй волѣ; либо телѣжка, фельдъегерь и... Сибирь.

Я опустилъ голову, соображая, съ какимъ злорадствомъ бѣгали по мнѣ тѣмъ временемъ торжествующіе взоры Степана Иваныча.

— Итакъ, Бехтѣевъ, вотъ готовый пакетъ,—сказалъ съ прежнею мягкостью Шешковскій:—все готово и подписано. Напрасно́, милый, было и спорить.

Голова моя кружилась. Я съ трудомъ слѣдилъ за ходомъ своихъ мыслей. Ясно было, что друзья графа успѣли принять всѣ нужныя мѣры. Случай въ театрѣ получилъ огласку, и меня рѣшили, тѣмъ или другимъ способомъ, сбыть съ глазъ столичныхъ говоруновъ.

— Такъ какъ же, въ отпускъ или въ чистую?—спросилъ, послѣ небольшой паузы, Степанъ Иванычъ.

— Лучше, батенька, въ чистую, àбшидъ, — прибавилъ онъ, не дождавшись моего отвѣта:—поищи ходатаевъ, протекціи; авось и государь-цесаревичъ твою службу вспомнитъ и кстати пожалуетъ. Ни-

когда не упускай случая, — сошлись на родителевъ: стары, молъ, и требуютъ помощи, деревнишки сиротѣютъ безъ призору — ну, и отпустятъ. А если нужно,—дай знать, и я, въ чемъ надобеть, ужъ такъ и быть, помогу.

Я, молча, обернулся и хотѣлъ уйти. Помню, что притомъ даже не поклонился грозному Степану Иванычу. За мной послышался заглушенный, веселый и дружескій смѣхъ старца.

— Ну, куда-жъ ты, вѣтеръ-голова? анъ и не все вѣдь еще кончено.

Я остановился.

— Вотъ что̀... Подпиши-ка, на всякъ разъ, такъ, для памяти хотя вотъ эту бумажонку.

Онъ протянулъ мнѣ по столу листъ съ заготовленнымъ къ рукоприкладству, клятвеннымъ и подъ страхомъ нещадной кары обѣщаніемъ, — выѣхать немедленно изъ столицы и ея окрестностей и молчать обо всемъ, что̀ мною слышано отъ Степана Иваныча, господина Шешковскаго.

Какъ пьяный, какъ сонный, я вышелъ на улицу, возвратился на постоялый, послалъ за почтовыми и къ утру былъ въ Гатчинѣ.

Тамъ я нашелъ два письма. Одно было изъ деревни отъ отца, другое отъ Ловцова, изъ дунайской арміи.

Отецъ писалъ, что дѣла наши по сельской экономіи весьма неавантажны, что со дня на день грозитъ продажа съ аукціона, по залогу въ казну, всего нашего имѣнія, и что одно упованіе на Бога и на добрыхъ людей.—„Добрыхъ! гдѣ они?“—подумалъ я, дочитавъ эти строки.

Письмо Ловцова было объ иной матеріи. Онъ разсказывалъ о Турціи. Отрядъ Гудовича, при коемъ онъ служилъ, попрежнему стоялъ у нижняго Дуная, томясь въ ожиданіи дѣлъ, коими, между тѣмъ, такъ медлилъ главнокомандующій.

„Свѣтлѣйшій,—писалъ Ловцовъ,—живетъ въ Яссахъ, погруженный въ полнѣйшее бездѣйствіе и въ столь великую хандру, что приближенные не рѣшаются ему дѣлать намековъ не токмо о дальнѣйшихъ, всѣми ожидаемыхъ, смѣлыхъ предпріятіяхъ, но и вообще о текущихъ дѣлахъ. А время уходитъ; турки, переживъ несносныя тягости минувшей зимы, вздохнули, начали стягивать изъ Азіи новыя дико-свирѣпыя полчища и открыли во всѣхъ мечетяхъ и на базарахъ священную проповѣдь поголовнаго ополченія за вѣру. Они ввели въ Дунай сильную гребную и парусную флотилію, укрѣпили побережныя фортеціи и, по словамъ лазутчиковъ, снабдили огромнымъ гарнизономъ и по соразмѣрности провизіей стоящую на главномъ, исконномъ нашемъ пути къ Стамбулу, крѣпость Измаилъ“.

Далекій мой другъ описывалъ, при этомъ случаѣ, благословенныя страны. гдѣ онъ въ то время находился, въ столь увлекательныхъ, живыхъ краскахъ, а страданія и надежды на русскую помощь единовѣрныхъ намъ греческихъ, болгарскихъ, молдавскихъ и иныхъ народовъ такъ трогательно, что наши школьныя бесѣды и мечтанія о боевыхъ походахъ и побѣдахъ безсмертнаго Миниха и славнаго Румянцева воскресли во мнѣ съ новою, неодолимою силой.

„Ужъ не перстъ ли Божій, не указаніе ли свыше?"—подумалъ я, прочтя письмо Ловцова:—„въ подобную минуту и такое напоминаніе! Неужели послѣ этого выходить въ отставку, ѣхать въ деревню и навѣкъ закабалить себя и свою молодость въ мирной, но дикой и сердце гнетущей глуши? Нѣтъ, лучше принести посильную пользу отечеству, пожертвовать неудавшейся жизнью тамъ, на краю свѣта, гдѣ, какъ мы всѣ ждали тогда, загоралась заря воскресенія близкихъ намъ, и гдѣ геніями Суворова и Потемкина—я твердо вѣрилъ въ то—готовились свѣту новые безсмертные подвиги и новые неувядаемые лавры русскаго оружія".

Отдавъ ротному отчетъ въ исполненіи порученныхъ мнѣ коммисій, я скорёхонько собрался и обратился къ любимцу, комнатному камердинеру государя-наслѣдника, къ Ивану Кутайсову, съ неотступной просьбой устроить мнѣ въ тотъ же день свиданіе, буде можно наединѣ, съ его высочествомъ.

Пятнадцать лѣтъ назадъ плѣнный мальчишка-турчёнокъ, изъ городка Кутая, крестникъ цесаревича, его истопникъ, цирюльникъ и фельдшеръ, а въ недальнемъ будущемъ, какъ всему свѣту извѣстно, россійскій высокочиновный баронъ, и, наконецъ, могучій, украшенный первыми кавалеріями графъ и владѣлецъ десятковъ тысячъ подаренныхъ ему крестьянъ,—Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, близко зналъ насъ всѣхъ, тогдашнихъ гатчинскихъ офицеровъ, и къ намъ благоволилъ.

Я засталъ цесаревичева слугу въ гардеробной, за подготовкой для прогулки выѣздной аммуниціи великаго князя.

— Что̀, сударь, деньга̀ понадобилась?—спросилъ онъ, скаля зубы на мою просьбу.

— Нѣтъ, Иванъ Павлычъ, по милости его высочества, еще не нуждаемся въ томъ...

— Такъ отличку какую? а? Ты, ваше благородіе, говори правду, зачѣмъ пришелъ?

Я рѣшилъ пока скрыть принятую мысль и отвѣтилъ, что получилъ письма отъ родителей, что они пожелали видѣть меня, а какъ, въ виду шведскаго вторженія, морскимъ батальонамъ, вѣроятно, повелѣно будетъ находиться въ полномъ сборѣ, то я и рѣшился искать доступа къ его высочеству, для полученія отпуска, хотя на краткую отлучку, во-свояси.

— Шведское вторженіе! успокойся, ба́чка,—возразилъ съ улыбкой Кутайсовъ:—они ужъ далече... Что-жъ до авдіенціи, такъ вотъ тебѣ она... пойдемъ... а совѣтъ мой, сударикъ, коли что̀ по службѣ, то побывай у Неплюева, особливо-жъ у Алексѣя Андреича Аракчеева.

Онъ пріотворилъ дверь, провелъ меня къ кабинету наслѣдника, предупредилъ его о моей просьбѣ, и черезъ минуту я былъ передъ особой его высочества.

Государь-наслѣдникъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ принялъ меня въ собственномъ маломъ кабинетѣ. Онъ стоялъ, полуоборотясь къ окну, и надѣвалъ большія, съ раструбами, лосинныя перчатки, поданныя ему для прогулки. У крыльца, какъ было видно изъ окна, поигрывалъ подведенный рейткнехтомъ любимый его, столь извѣстный впослѣдствіи, бѣлый, англизированный верховой конь, по имени Помпо̀нъ. Какъ теперь вижу статную, рыцарски-благородную фигуру Павла Петровича: лиловый бархатный сюперве́стъ, поверхъ короткаго, бѣлаго коле́та, кружевной шейный платокъ и такія же маншеты, высокіе ботфорты со шпорами, треуголъ съ плюмажемъ подъ мышкой и орденская звѣзда на груди.

Не забуду я, пока живъ, благосклоннаго пріема великаго князя, хотя въ началѣ на меня и по̀гнѣвались. Пріемъ даже главныхъ сотрудниковъ цесаревича, Аракчеева и Неплюева, былъ также, по мѣрѣ объясненій, сперва строгій, потомъ сочувственный. Какъ давно было и какъ между тѣмъ все ясно помню, точно вчера то совершилось.

— Перевода прошу,—осмѣлился я прямо сказать:—вовсе увольненія изъ гатчинскихъ батальоновъ.

Мнѣ были хорошо знакомы быстрыя, неудержимыя вспышки этой безупречно-благородной и по врожденію кроткой души, нетерпѣвшей признака кривотолковъ или лжи.

— Обманулъ? Ивана Павлыча провелъ? добился—вонъ, вонъ, въ чистую! курятники, полотёры, торгаши!

„Курятниками“ и „полотёрами“ въ досадѣ въ то время обыкновенно называли бо̀льшую часть тогдашняго гвардейскаго офицерства, дѣйствительно въ оны годы болѣе походившаго на богатыхъ купцовъ и мѣщанъ, чѣмъ на военныхъ.

— Меня требовали къ Шешковскому,—въ-силу я проговорилъ.

— Къ Шешковскому? что̀ ты?

— Съ меня взята подписка въ молчаніи.

— Ну, какъ знаешь...

— Передъ всѣми, но не передъ моимъ благодѣтелемъ долженъ я молчать,—отвѣтилъ я.

Тутъ откровенно я передалъ все, что̀ со мною произошло въ Петербургѣ. Я говорилъ безъ стѣсненій. Меня слушали сумрачно, глядя

въ окно и изрѣдка, чуть слышно восклицая подъ носъ, особенно при упоминаніи нѣкоторыхъ именъ: „coquins scélérants“...

— И если, простите,—заключилъ я, задыхаясь отъ подступившихъ слезъ:—если государь-цесаревичъ, коего обожать и коему служить я готовъ до гроба, соблаговолитъ оказать мнѣ милость, молю о дозволеніи мнѣ ѣхать не въ деревню къ отцу, а на Дунай, въ дѣйствующую армію, куда нынѣ стремлюсь и по долгу совѣсти, и по судьбѣ, постигшей меня.

— Жаль, жаль... ты было такъ изрядно выпекся! послѣ нашихъ батальоновъ заразишься, погибнешь въ праздности и тамошней распутной толкотнѣ!

Я въ то время ужъ зналъ причину особливаго гатчинскаго неудовольствія на свѣтлѣйшаго, который не хотѣлъ, или не съумѣлъ, въ омутѣ дворскихъ интригъ, отстоять священнаго и искренняго рвенія государя-наслѣдника—быть при дѣйствующей арміи.

— Впрочемъ, поѣзжай! такъ и быть... Берусь лично устроить твое дѣло. Нынче-жъ будетъ доведено въ Сарское и доложено о тебѣ... На Дунаѣ и впрямь не одинъ вѣдь Пансальвйнъ, князь тьмы... тамъ Суворовъ, Гудовичъ, Кутузовъ...

Я, склонясь, въ почтительномъ молчаніи, ожидалъ дальнѣйшихъ сообщеній.

— Въ Яссахъ будь недолго:—балеты, комедіянты, когда войско рвется къ бою; цѣлый сераль разряженныхъ модницъ и замужнихъ, безстыдныхъ побродяжекъ, а еще не взялъ ни одной путной крѣпостцы, не то что пашалыка... Ну, можешь готовиться, съ Богомъ... Поѣзжай; повидишь графа Александра Васильича, Михайлу Иларіоныча, кланяйся имъ. А что̀ найдешь нужнымъ, отписывай ко мнѣ,—только осторожнѣй. Понимаешь?

Не забуду послѣднихъ часовъ моего пребыванія въ Гатчинѣ. Надо было узнать отъ Аракчеева результатъ доклада въ Сарскомъ. Аракчеева я дома не засталъ и положилъ вновь добиться аудіенціи великаго князя, какъ моего батальоннаго командира. Я сѣлъ въ саду на скамьѣ, за кустарною клумбою, ближайшей къ крыльцу цесаревича, и просидѣлъ здѣсь долго, не рѣшаясь вновь просить Кутайсова и раздумывая то и сё о предпринятомъ отъѣздѣ на Дунай. Солнце сильно припекало. Я очнулся, заслышавъ курцъ-галопъ Помпо̀на. Бѣлый конь взмыленъ. Его потемнѣлые бока тяжело дышали. Видно было, что цесаревичъ, для разсѣянія пришедшихъ мыслей, сдѣлалъ немалый туръ по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ.

Завидѣвъ меня и какъ бы ожидая моего обращенія, онъ замедлился на ступенькахъ крыльца.

Я осмѣлился подойти и спросить, послѣдовало ли разрѣшеніе

государыни и дозволяетъ ли его высочество сообщить о томъ моему ротному?

Кивкомъ головы онъ отвѣтилъ утвердительно, и съ улыбкой махнулъ мнѣ перчаткой съ крыльца...

Великій князь сдержалъ слово. Онъ испросилъ обо мнѣ разрѣшеніе государыни. Зубовымъ же было все равно, лишь бы съ глазъ меня долой. Они поддержали ходатайство цесаревича, былъ подысканъ и благовидный къ тому предлогъ. Меня командировали въ южную армію, съ очередными депешами, отдавъ притомъ на усмотрѣніе и въ распоряженіе свѣтлѣйшаго и обязавъ нигдѣ, не токмо не сворачивать съ пути, но даже и не останавливаться.

Такимъ образомъ, лишенный возможности провѣдать родителей, я откланялся его высочеству, простился съ товарищами и, съ фельдъегерской подорожной и съ сумкой на имя фельдмаршала, уѣхалъ прямо въ Молдавію.

Надо, впрочемъ, сознаться, я свернулъ съ дороги, заѣхалъ въ Горки. Чтò я хотѣлъ тамъ предпринять, не помню. Когда я приблизился ко двору, было уже поздно вечеромъ. Ажигинскій домъ коегдѣ свѣтился; я разглядѣлъ свѣтъ въ гостиной и въ комнатѣ Пашуты.

Остановясь у ограды, я вошелъ въ садъ.—„Нѣтъ! объясненія не помогутъ“—рѣшилъ я, возвращаясь. Въ отблескѣ гостиныхъ оконъ, я разглядѣлъ завѣтный дубокъ, прошелъ къ нему, ухватилъ его за вѣтви, съ силой рванулъ изъ мягкой клумбы, надломилъ, и безъ оглядки уѣхалъ обратно по маршруту.

Чѣмъ болѣе я удалялся отъ родины и приближался къ югу, тѣмъ страннѣй и непостижимѣй казалось мнѣ все происшедшее со мной.—„А ужъ какъ удивится Ловцовъ“—утѣшалъ я себя:—„онъ ожидаетъ отвѣта на свое письмо, а вмѣсто отвѣта—и вотъ я самъ“...

Дни становились жарче, небо прозрачнѣй и синѣй. Вотъ украинскія степи, Днѣпръ, запорожскіе хутора и опять степи. Вотъ долгополыя, бѣлыя свиты и широкія войлочныя капелюхи кишиневскихъ царàнъ. Вотъ кукурузныя и табачныя нивы, жидовскія корчмы и лавчонки,—арнауты, румыны,—цыганскіе грязные таборы, мамалыга съ масломъ, перецъ въ каждомъ кушаньѣ, овцы съ курдюками, верблюды въ возахъ, сторожевыя вышки, казацкіе разъѣзды, пѣхотный у какойто рѣчки лагерь, и цѣль поѣздки—столь ожидаемый городъ Яссы.

V.

Сильно колотилось мое сердце, когда я приблизился къ резиденціи главнокомандующаго и началъ соображать, что въ скорости дол-

женъ буду предстать предъ лицо мужа толикой силы, генія и столь многихъ, всюду гремѣвшихъ противоположностей нрава.

Неподалеко отъ Яссъ, у небольшой молдавской корчмы, меня догналъ другой курьеръ. То былъ немолодой и, какъ жукъ, черный отъ пыли и загара, провіантскій офицеръ. Мы зашли освѣжиться въ корчму, и какъ, разговорясь, узнали, что намъ путь къ одной цѣли, то и рѣшили ѣхать остальные перегоны вмѣстѣ. Онъ возвращался изъ командировки отъ главной квартиры, а потому возбудилъ во мнѣ живѣйшее любопытство узнать, куда и зачѣмъ онъ ѣздилъ. Онъ, впрочемъ, болѣе отмалчивался. Въ числѣ его поклажи были два небольшихъ, упакованныхъ въ рогожи, боченка, которые онъ особенно бережно хранилъ и, несмотря на усталость, не спускалъ съ глазъ.

„Вѣрно червонцы"—подумалъ я, но казны безъ конвоя не возятъ.

— Не порохъ-ли?—спросилъ я, указывая на багажъ.

— О, нѣтъ,—неохотно отвѣтилъ мой спутникъ:—иначе какъ бы я могъ курить! не порохъ, а взорвать можетъ мою судьбу почище всякой бомбы...

Онъ, между тѣмъ, разговорился со мной о другихъ предметахъ и сообщилъ мнѣ многое о свѣтлѣйшемъ, о чемъ прежде я зналъ только слегка. Намъ предстояло вмѣстѣ явиться къ князю. А потому остальной путь Потемкинъ не сходилъ у насъ изъ бесѣды; ка̀къ приметъ насъ обоихъ, будетъ ли доволенъ и что̀ съ того выйдетъ каждому изъ насъ?

Сынъ небогатаго смоленскаго дворянина, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, въ молодости, какъ всѣмъ вѣдомо, обучался у духовныхъ, а потомъ въ московскомъ университетѣ, изъ коего былъ исключенъ „за́ лѣнь и частое нехожденіе въ классы". Онъ обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины еще при восшествіи ея на престолъ. Попавъ изъ гвардейскихъ офицеровъ въ оберъ-секретари Синода, а въ скорости и въ генералъ-адъютанты къ ея величеству, онъ не разъ, видя къ себѣ, изъ-за придворныхъ интригъ, охлажденіе государыни, рѣшался бросить свѣтъ и даже подумывалъ о постриженіи въ монахи. А когда ему, вслѣдствіе неосторожнаго приложенія къ больному глазу примочки тогдашняго всезнайки, фельдшера академіи художествъ „Ерофеича"—пришлось на одинъ глазъ окривѣть, то это такъ повліяло на его амбицію, что онъ и впрямь удалился въ Невскую лавру, отпустилъ бороду, надѣлъ рясу и сталъ готовиться къ постриженію. Прозорливость и доброта сердобольной монархини и тутъ его спасли. Екатерина его навѣстила и уговорила возвратиться къ своему престолу.—„Тебѣ, Григорій, не архіереемъ быть,—сказала она:—ихъ у меня довольно, а Потемкинъ одинъ, и его ждетъ иная въ мірѣ стезя".

Слова государыни сбылись въ точности.

Покоритель нѣкогда грознаго Крыма, основатель Екатеринослава, Херсона и Николаева, и насадитель на мѣстѣ буйнаго, дикопорожняго Запорожья, тихой и плодоносной Новороссіи, свѣтлѣйшій удостоился, въ помраченіе навѣтовъ враговъ, показать государынѣ, въ ея путешествіе на югъ, новосозданныя и возрожденныя имъ области имперіи. На мѣстѣ татарскаго аула Гаджи-бей, онъ основалъ Одессу, а мало извѣстную и заброшенную крымскую гавань Ахтіаръ обратилъ въ разносящій нынѣ громы, по всему Понту Эвксинскому и далѣе, Севастополь. Здѣсь въ 1787 году императрица увидѣла, акибы по мановенію волшебнаго жезла, возникшія укрѣпленія, до четырехъ-сотъ домовъ, склады, верфь и сильную духомъ моряковъ, юную эскадру. Мысль Великаго Петра о южномъ флотѣ сбывалась.

Послѣ уничтоженія новыхъ мамелюковъ, Запорожской Сѣчи, Потемкинъ былъ возведенъ въ графы и вскорѣ сталъ ближайшимъ помощникомъ царственной своей учительницы, во всѣхъ ея предначертаніяхъ о югѣ. Смѣлый „Греческій прожектъ“ нашелъ въ немъ горячаго и преданнѣйшаго пособника. Потемкинъ сталъ грезить Дунаемъ, гдѣ нѣкогда Святославъ ставилъ города,—Царьградомъ и Босфоромъ, видѣвшими когда-то ладьи и мечи Олега и Ярослава... Петръ стремился на сѣверъ и утвердился тамъ. Потемкинъ разумно обратилъ взоры Россіи на благодатныя родственныя ей страны юга...

Монархиня любила и цѣнила геній свѣтлѣйшаго. Но она видѣла его слабости и ихъ покрывала, хотя „инова́“ надъ оными и подтрунивала. Такъ, въ правилахъ эрмитажа, насчетъ его дистракціи и всѣмъ извѣстныхъ привычекъ, былъ ею вставленъ пунктъ: „Всѣмъ быть веселымъ, но ничего не портить и не грызть“.

Произведенный въ генералъ-фельдмаршалы и награжденный воеводствомъ кричевскимъ, Потемкинъ, по смерти князя Григорія Орлова и воспитателя цесаревича графа Никиты Панина, сталъ при дворѣ главнымъ и всемогущимъ лицомъ. Еще въ первую турецкую кампанію, Румянцевскую, онъ прислалъ о театрѣ войны обширныя и дальновидныя примѣчанія. Когда началась нынѣшняя вторая турецкая война, то онъ сперва командовалъ екатеринославскою арміей, а потомъ ему подчинили и украинскую, освободивъ притомъ отъ команды надъ ней Румянцева. Покоривъ Россіи Тавриду, онъ своимъ геніемъ, безъ сомнѣнія, предуготовилъ для потомковъ и освобожденіе Царьграда.

Штурмъ и взятіе Очакова прославили Потемкина, какъ полководца; но видъ гибели тысячъ людей, приводя его сердце въ несказанное горе, былъ ему невыносимъ. Во время приступа пущенныхъ въ штыки суворовскихъ егерей, князь Григорій Александровичъ, сидя у батареи на валу, все время крестился и, закрываясь руками, блѣд-

ный, внѣ себя, со слезами и съ ужасомъ повторялъ: „Господи, помилуй ихъ, помилуй!“

Нравъ свѣтлѣйшаго былъ постоянною загадкой для общества, и не моему слабому перу изобразить, для прославленія въ потомствахъ, его примѣчательныя черты.

То пышный, блестящій и жадный къ веселостямъ и почестямъ, то мрачный меланхоликъ, врагъ раболѣпныхъ льстецовъ и мизантропъ, съ раскольниками начётчикъ, съ дамами нѣжный Эндиміонъ, Потемкинъ нонѣ являлся ко двору ликующій, безпечный, счастливый, смѣшившій до слёзъ Екатерину умѣньемъ перецыга́нивать ея голосъ, манеру, или скакалъ по Невской перспективѣ, въ зеленой, бархатной бекешѣ, подбитой на тысячныхъ соболяхъ, въ брилліантахъ и пуанди-шпа́нахъ. А завтра, на цѣлые дни, недѣли запирался въ комнату и лежалъ здѣсь на диванѣ, небритый, немытый, растрепанный, сгорбленный, въ заношенномъ халатѣ и въ стоптанныхъ туфляхъ на-босу ногу. Угрюмо и молча хандря, онъ въ такіе часы, надо полагать, въ удаленіи и тайности отъ всѣхъ, обсуждалъ свои высокія пропозиціи. По природѣ лѣнтяй, онъ, принимаясь за выполненіе задуманнаго, трудился безъ-устали днемъ и ночью. Ожидая опасности, тревожился, какъ малое дитя; когда же опасность приходила, онъ встрѣчалъ ее безпечно и весело. Скупой и мотъ, вольнодумецъ и суевѣръ, онъ былъ подобіемъ тогдашней Россіи: дикая необузданность граничила въ немъ съ мягкостью воспринятыхъ европейскихъ обычаевъ.

Видомъ гордый сатрапъ, повадкой утонченный, во вкусѣ старинныхъ французскихъ нравовъ, придворный, величественный, головой выше всѣхъ и красивый какъ древній Агамемнонъ, Потемкинъ свободное отъ службы время проводилъ, читая, молясь, либо компанствуя за пиршествами и волокитствуя. Считая себя баловнемъ Бога, онъ, какъ изнѣженныя грѣшницы, боялся чорта. Ходила молва о сваренной имъ въ восьми-пудовой серебряной ваннѣ ухѣ, цѣною въ полтысячи червонцевъ. Онъ вѣрилъ въ сны, разныя примѣты и, ѣдучи на любовное свиданіе, крестился противъ каждой церкви и молельни.

Амурнымъ похожденіямъ свѣтлѣйшаго не было числа. И тутъ ужъ его нравъ не стѣснялся; въ слѣпомъ и ревнивомъ бѣшенствѣ, онъ зачастую срывалъ пышные головные уборы съ возлюбленныхъ и, не стѣсняясь ничѣмъ, гналъ ихъ прочь. Свои веселые дни онъ называлъ „Каной Галилейской“, а мрачные—„сидѣньемъ на рѣкахъ Вавилонскихъ“.

Книги для Потемкина были насущнымъ хлѣбомъ. Онъ ихъ не читалъ, но жадно проглатывалъ. И въ то время, какъ соперникъ князя, Платонъ Зубовъ, омрачилъ послѣдніе годы правленія мудрой монархини, раздувая ея болѣзненную подозрительность и преслѣдуя такихъ писателей, каковы Новиковъ и Радищевъ, универсально-образованный

Потемкинъ дружилъ съ смѣлымъ острякомъ-поэтомъ Костровымъ и съ переводчикомъ Омира Петровымъ, читалъ въ подлинникѣ Софокла, переводилъ историковъ, въ томъ числѣ Флёри, любилъ поэзію, самъ въ тайнѣ писывалъ недурные стихи и покровительствовалъ гонимому сатирику Княжнину.

Юношей-студентомъ свѣтлѣйшій любилъ прислуживать въ церкви, раздувалъ іереямъ кадило и выносилъ съ дьячкомъ передъ дарами свѣчу. Не забывалъ онъ этихъ наклонностей и на вершинѣ почестей, жалѣя въ шутку, что командуетъ генералами, а не попами и, прибавляя въ страстныхъ эпистоляхъ къ предметамъ любви такія изреченія: „Облаченный и въ архіерейство, преподалъ бы я тебѣ мое благословеніе,—да побѣдиши враги твоя красотою твоею и добротою твоею".

Врагъ любостяжанія, всякихъ лишнихъ прижимокъ, стѣсненій и малостей, Потемкинъ настоялъ на отмѣнѣ въ арміи, во время походовъ, пудры, буклей и косъ, и на дозволеніи носить, вмѣсто кафтановъ, просторныя куртки. Все отечественное чтя превыше иностраннаго, онъ ненавидѣлъ лесть и раболѣпство, какъ не выносилъ медицины и не слушался лѣкарей. Скрывая свои умозрѣнія о государственныхъ дѣлахъ, онъ, какъ всѣ отъ природы лѣнивые и вспыльчивые люди, терпѣть не могъ напоминаній о запущенныхъ или забытыхъ дѣлахъ, какъ иногда же, боясь напоминаній смерти и разсчетовъ съ жизнью, не носилъ съ собой и карманныхъ часовъ.

Тратя изъ дарованныхъ ему средствъ на свою жизнь до трехъ милліоновъ въ годъ, Потемкинъ не умѣлъ подъ-часъ ограничивать себя и въ служебныхъ отношеніяхъ. Разъ обратилась къ нему одна важная придворная барыня: „Пристрой, голубчикъ князенька, да и пристрой мою гувернантку-мамзель къ какому-нибудь дѣлу на казенный счетъ, я разсчитала ее, и она пока безъ мѣста".—Чтобъ отдѣлаться отъ бѣса-бабы, князь и причислилъ ту мамзель, по формѣ, къ гвардіи—на казенный паёкъ. Много объ этой и подобныхъ его шуткахъ толковали въ то время, и сама государыня, освѣдомясь о забавной выходкѣ Потемкина, немало тому смѣялась.

То былъ вѣкъ славной пышности и сказочнаго мотовства. При дворѣ незабвенной монархини, сказывали, угля для подогрѣванія парикмахерскихъ щипцовъ тратилось на пятнадцать тысячъ рублей въ годъ, а на самовары на пятьдесятъ тысячъ,—и сливокъ выпивалось при дворѣ на четверть милліона въ годъ.

Со въѣздомъ въ Яссы, какъ я, такъ и мой спутникъ стали невольно терять спокойствіе и робѣть. Въ пріемѣ свѣтлѣйшаго лежала

разгадка нашей участи. Мнѣ предстояло либо попасть къ дѣлу—достойному, полезному, либо затеряться на новой аренѣ, какъ бы мелкой песчинкѣ въ морскомъ коловоротѣ, безъ всякаго слѣда.

Провіантскій фельдъегерь, бывшій все время въ спокойномъ и бодромъ духѣ, подъ конецъ крайне присмирѣлъ. На послѣдней станціи, пока намъ запрягали, онъ куда-то юркнулъ, а когда вскочилъ опять въ телѣжку, я его не узналъ. Онъ успѣлъ умыться, прибраться, и изъ чернаго, всклоченнаго цыгана сталъ миловиднымъ, съ располагающими чертами лица, блондиномъ.

Разговорясь, гдѣ и какъ намъ остановиться, послѣ пріема князя, мы въѣхали въ форштадтъ. Резиденція Потемкина была здѣсь же невдали, на загородной, окруженной садами, дачѣ князя Кантакузена. Свѣтлѣйшій особенно любилъ это мѣсто, такъ какъ здѣсь было удобно давать городу и дамамъ его свиты непрерывныя празднества, до коихъ онъ былъ такой охотникъ.—„Вотъ квартира капельмейстера Са̀рти“,—объявилъ мой спутникъ, указывая отдѣльный флигель, близъ княжескаго дворца. По его словамъ, Са́рти содержалъ при князѣ до трехсотъ музыкантовъ и цѣлую труппу балетныхъ танцоровъ и танцовщицъ. Балы смѣнялись театрами, фейерверки и кавалькады—концертами свѣтскаго и духовнаго пѣнія. „Въ прошлую зиму,—сказалъ мой спутникъ,—этотъ волшебникъ Са̀рти исполнилъ у его свѣтлости собственнаго переложенія кантату „Тебе Бога хвалимъ“, причемъ слова „святъ, святъ“ сопровождались придуманною имъ бѣглою пальбой изъ пушекъ“.—Въ числѣ красавицъ, гостившихъ въ то время при главной квартирѣ, мой спутникъ назвалъ княгиню Гагарину, графиню Самойлову и, въ особенности, жену двоюроднаго брата князя, Прасковью Андреевну Потемкину. Для этихъ дамъ свѣтлѣйшій выписывалъ, съ особыми фельдъегерями, разныя диковинки: икру съ Урала и Каспія, шекснинскихъ въ бадягахъ жирныхъ стерлядей, невскую лососину, калужское тѣсто, трюфли изъ Перигё, изъ Милана итальянскія макароны и варшавскихъ каплуновъ. — „А незадолго до моего выѣзда,— добавилъ спутникъ, — прослышавъ, что нѣкіе два брата кавказскіе офицеры, Кузьмины, лихо пляшутъ по-цыгански, князь, выполняя чей-то дамскій капризъ,—выписалъ и этихъ Кузьминыхъ. Тѣ прискакали съ курьеромъ изъ Екатеринодара, отплясали усердно у его свѣтлости по-цыгански и вновь уѣхали вспять“.—Что-жъ было съ ними?— спросилъ я спутника. — „Да ничего, все благополучно кончилось, — исполнили по мѣрѣ силъ желаемое, услышали: спасибо ребята! — и безпрепятственно отретировались“.

Былъ полдень, когда мы подкатили къ оградѣ княжескаго дворца. Солнце страшно пекло. На небѣ ни облачка. Кругомъ ни пѣшихъ, ни конныхъ. Только часовые, въ бѣлыхъ курткахъ и шапкахъ, молча

прохаживались у воротъ. Мой спутникъ сходилъ въ какую-то караулку, поговорилъ съ дежурнымъ, и скоро мы предстали передъ любимымъ, ближнимъ секретаремъ Потемкина, генералъ-майоромъ Василіемъ Степанычемъ Поповымъ. Послѣдній, носившій по своей добротѣ у офицеровъ имя Васи и Васеньки, съ важностью оглядѣлъ насъ, опросилъ, взялъ отъ меня письма и провелъ насъ въ садъ, говоря, что его свѣтлость прогуливается, а гдѣ, онъ того не зналъ.

— Станьте здѣсь,—рѣшилъ Поповъ, указавъ намъ мѣсто невдали отъ дворца, у перекрестка двухъ дорожекъ. Самъ же онъ, оправя свой красноворотый мундиръ, съ ужимкой шевальé, отошелъ къ сторонѣ, сталъ читать привезенныя мной на его имя столичныя письма и, какъ мнѣ показалось, при чтеніи, раза два на меня взглянулъ. Мой спутникъ, идя въ садъ, осмѣлился спросить вполголоса Попова: „въ духѣ?“ и, получивъ въ отвѣтъ: „такъ и сякъ...“ — еще болѣе оробѣлъ и смѣшался.

Прошло нѣсколько минутъ. Невдали, за зеленью лавровъ и миртовъ, послышался странный голосъ. Кто-то грубымъ и нѣсколько фальшивымъ басомъ мурлыкалъ про себя несвязную и аки бы ему одному понятную пѣсню. Въ тишинѣ, напоенной ароматомъ сада, стали слышны звуки мѣрныхъ, тяжелыхъ шаговъ. Точно грузный слонъ двигался своими мягкими, медленными ходилами. Я оглянулся: важный секретарь, попрятавъ письма, сталъ тоже на вытяжку. На моемъ же товарищѣ не было лица.

„Свѣтлѣйшій!“ — пронеслось у меня въ мысляхъ, и я съ трепетомъ ждалъ появленія обожаемаго, величественнаго вельможи, котораго никогда не видѣлъ и который всегда мнѣ рисовался въ образѣ сказочнаго сатрапа или гомерическаго Агамемнона.

Изъ-за деревъ, на усыпанную пескомъ дорожку, вышелъ матерой, сказочный Илья-Муромецъ. Вышелъ и сталъ смотрѣть на насъ. Широкія плечи, сѣрый поношенный халатъ на распашку, обнаженная, волосатая грудь, красная тафтяная рубашка, ненапудренная, въ природныхъ завиткахъ, встрёпанная, свѣтлорусая безъ шляпы голова и на-босу ногу узконосые, желтые, молдавскіе шлепанцы. Въ рукѣ онъ держалъ свертокъ нотъ.

Свѣтлѣйшему въ то время было лѣтъ пятьдесятъ, но на видъ онъ казался моложе, хотя не по лѣтамъ сгорбленъ и мѣшковатъ. Я съ умиленіемъ увидѣлъ совершенство тѣлесной, человѣческой красоты: продолговатое, красивое, бѣлое лицо; носъ соразмѣрно протяженный, брови возвышенныя, глаза голубые, ротъ небольшой и пріятно-улыбающійся, подбородокъ округлый, съ ямочкой. Лѣвый окривѣвшій глазъ былъ странно-покоенъ, рядомъ съ свѣтлымъ, зоркимъ и нѣсколько разсѣяннымъ правымъ глазомъ.

Поповъ назвалъ насъ. Я подалъ князю адресованные на его имя конверты.

— Одинъ умылся, а этотъ арапъ, — проговорилъ свѣтлѣйшій, вскрывая пакеты.

Я такъ и опѣшилъ. Глаза стали властно запорошены. Ну, отчего и я не догадался прибраться? Потемкинъ прочелъ одно письмо, другое, поморщился и, зѣвнувъ, передалъ бумаги Попову.—„Послѣ“ — сказалъ онъ, двинувшись далѣе, и очевидно вовсе не думая въ ту минуту ни о тѣхъ, кто ему писалъ, ни тѣмъ менѣе о доставителѣ депешъ. Мы, не шелохнувшись, стояли молча.

— А знаешь, Степанычъ, — замедлясь, обратился Потемкинъ къ Попову:—чтò отвѣтилъ мнѣ съ давешнимъ гонцомъ Александръ Васильичъ?

„Суворовъ“ — подумалъ я, замирая отъ счастья услышать рѣчь великаго о великомъ.

— Матушкѣ-государынѣ похотѣлось узнать, — продолжалъ князь, —чтò дѣлаетъ генералъ-аншефъ, графъ Суворовъ? Ну, я ему, какъ ты знаешь, и отписалъ, а онъ въ отвѣтъ: „Я на камушкѣ сижу, на Дунай рѣку гляжу“.

Я взглянулъ на Потемкина: лицо его усмѣхалось и вмѣстѣ было печально.

— Все вотъ музыку подбираю на эти слова,—добавилъ князь со вздохомъ: — Сàрти прислалъ, да у него всё итальянщина — а я одну смоленскую пѣсню вспомнилъ... Не знаешь ли?—какъ дѣвки капусту рубили и козла поймали. Вотъ бы въ Питеръ послать.

Поповъ молчалъ.

— Такъ ты отличекъ у насъ захотѣлъ,—вдругъ обернулся ко мнѣ свѣтлѣйшій: — въ свитскіе, въ штабъ? жакò, да чердàшъ съ валашскими мамзелями отплясывать? флото-пѣхотный боецъ! надоѣло питерское вертѣніе въ контратанцахъ? прошу извинить, — нѣтъ у меня для тебя мѣста.

Я стоялъ ни живъ, ни мертвъ...

— И безъ того у насъ вонъ, съ Василіемъ Степанычемъ, легіонъ прихлебателей. И свои, и французы, и нѣмцы, есть даже изъ Америки. Скоро печѣмъ будетъ кормить. Можешь, сударь, отправляться по добру-здорову обратно въ Гатчину и решпектовать отъ меня пославшимъ тебя отмѣнное мое почтеніе.

„Такъ вотъ онъ, мой идеалъ, герой!“ —помыслилъ я съ горечью:— „и чѣмъ я виноватъ, что прибылъ не изъ другого мѣста, а изъ Гатчины?“

Потемкинъ запахнулся, принялъ рапортъ отъ моего сопутника и, не взглянувъ на бумагу, направился ко дворцу.

— Молю объ одномъ,—рѣшился я выговорить вслѣдъ князю:—

удостойте меня послать въ передовые отряды и въ такое мѣсто, гдѣ бы я могъ всѣмъ... жизнью пожертвовать для славы отечества и вашей.

Потемкинъ не слышалъ меня. Уйди онъ въ то время, приговоръ мой былъ бы подписанъ. Я по всей вѣроятности уѣхалъ бы изъ арміи на другой же день. Но вдругъ князь уронилъ взоръ на рапортъ провіантскаго курьера.

— Какъ?—воскликнулъ онъ:—капуста изъ Серпухова... клюква... и поднѣвскіе свѣжепросольные огурцы? и ты, пентюхъ, молчишь? гдѣ они, гдѣ?

Офицеръ указалъ на припасенные подъ крыльцомъ боченки.

— Михеича!—крикнулъ свѣтлѣйшій, присѣвъ въ безсиліи на ступени крыльца.

Явился, переваливаясь, толстый, въ парикѣ и въ бѣломъ передникѣ, ближній официантъ и старый домашній слуга князя. Боченки вскрыли. Но когда догадливый посолъ, поднявъ квашенные капустные листья и кочни, вынулъ изъ нихъ что-то бѣлое и головатое, и какъ бы съ робостью сказалъ: — „А ужъ это, ваша свѣтлость, я на свой страхъ... извините,—мяснѣвская рѣдька-съ...“—изнѣженный съ притупленнымъ вкусомъ, князь растаялъ. У него слюнки потекли.

— Ахъ, ты, скотина! вотъ удружилъ!—даже плюнулъ свѣтлѣйшій, смотря на гостинцы, какъ на нѣкую святыню, и дивясь генію посланца:—магъ, шельмецъ, магъ! шехерезада, сонъ на яву...

И, обратясь ко мнѣ, онъ прибавилъ не въ шутку:

— Вотъ, сударь, истые слуги отечества; вотъ съ какихъ героевъ брать примѣръ. А они въ свиту, въ прихлебатели! У васъ вонъ ужъ и Державинъ Зубова въ громкихъ одахъ превозноситъ, а этотъ мнѣ—рѣдьку, да-съ... Кто лучше? этотъ безпримѣрно. Правъ ли я, Василій Степанычъ? Посуди!—обратился князь къ Попову:—главнокомандующій сытъ, доволенъ! будетъ довольна и сыта его армія. Ахъ, они, буфоны, гороховые шуты! Громкихъ дѣлъ имъ нужно,—отчего не беремъ Тульчу, Исакчу?.. Эй,—крикнулъ онъ уходившимъ съ боченками слугамъ:—на ледъ, по маковку, да соломкой сверху... Михеичъ, голубчикъ, для-ради такого случая, яичницу сегодня глазунью, да съ свинымъ саломъ, зеленаго луку побольше...

И щелкая шлепанцами, легко и бодро двинулся на крыльцо матерѣй Илья-Муромецъ.

Поповъ придержалъ меня за фалду.

— Обожди, запрячься тутъ гдѣ-нибудь!—шепнулъ онъ, наспѣвая за княземъ: — придетъ добрый часъ, все авось перемелется... Меня просятъ за тебя; всерабственно готовъ служить его высочеству...

Мысленно благословляя цесаревича, я отправился въ городъ и пріискалъ себѣ, въ отдаленномъ и глухомъ его предмѣстьѣ, небольшую

коморку. Оттуда я навѣдывался къ Попову. Но ждать „добраго часа“ свѣтлѣйшаго мнѣ пришлось долѣе, чѣмъ я могъ думать.

Послѣ капусты и рѣдьки, князь было ожилъ; вскорѣ, однако, впалъ въ прежнюю хандру. „Бракъ въ Канѣ Галилейской“ смѣнился вновь для него „сидѣньемъ на рѣкахъ Вавилонскихъ“. Напоминать ему обо мнѣ, значило—въ конецъ испортить дѣло. Такъ прошло болѣе двухъ недѣль.

VI.

Однажды,—такъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи Поповъ,—сидѣлъ свѣтлѣйшій съ ногами на диванѣ и, по обычаю, запустивъ гребнемъ пальцы въ волосы, читалъ вновь привезенныя французскія и нѣмецкія газеты. Извѣстія изъ Англіи и Пруссіи, особенно же изъ Франціи, гдѣ тогда болѣе и болѣе разыгрывалась революція, сильно интересовали князя.

— А гдѣ тотъ-то, флото-пѣхотный боецъ?—спросилъ онъ вдругъ Попова, который возлѣ занимался разборкой и отправкой бумагъ.

— Какой ваша свѣтлость?

— Ну, да помнишь, что въ герои тутъ изъ Питера просился?

— Давно, полагаю, дома,—отвѣтилъ знавшій обычаи князя Поповъ.

— Жаль,—сказалъ Потемкинъ:—забрался въ такую даль и вдругъ съ носомъ.

Поповъ услышалъ это—и ни слова.

— Согласись, однако,—пробѣжавъ еще два-три газетныхъ листа, произнесъ свѣтлѣйшій!—Зубовы... да и весь ихъ соціетéтъ!.. вотъ, надо думать, бѣсятся: подслужиться кой-кому хотѣли морякомъ... Какихъ рекомендацій наслали... Анъ и не выгорѣло...

— Не дали бы, ваша свѣтлость, маху,—отозвался Поповъ.

— Какъ маху?

— Да вѣдь Бехтѣевъ не зубовской руки...

Потемкинъ посмотрѣлъ черезъ газету на Попова.

— Какъ не Зубовскій?—спросилъ онъ.

— Помнится, этотъ молодой человѣкъ даже что-то сказалъ о ссорѣ и неудавшемся его поединкѣ съ братомъ Платона Александровича...

Потемкинъ спустилъ ноги съ дивана и бросилъ газеты.

— Чтò-жъ ты молчалъ?

Запамятовалъ, ваша свѣтлость.

— Посылай ему тотчасъ курьера, зови.

— Извините, теперь пожалуй и не поѣдетъ.

— Какъ не поѣдетъ? ко мнѣ?!

— Обидѣлся я-чай... строго ужъ ему отвѣчено.

— Вотъ какъ... Обидчивы ныньче люди... А послушай, чѣмъ бы его расположить?

Поповъ подумалъ и отвѣтилъ:—Надо прежде освѣдомиться, доподлинно-ли Бехтѣевъ уѣхалъ? Онъ что́-то сказывалъ объ ожиданіи отписки отъ отца.

Меня тогда же, разумѣется, нашли, но я былъ снова призванъ къ Потемкину только на слѣдующій день.

А наканунѣ вечеромъ у князя съ Поповымъ былъ примѣчательный разговоръ. Огорченный нападками иностранныхъ газетъ, свѣтлѣйшій для развлеченія принялся тонкой пилкой обтачивать и чистить оправу какой-то цѣнной вещицы. Кучка дорогихъ камней и жемчуга лежала передъ нимъ на столѣ, межъ фарфоровыхъ бездѣлушекъ.

— Требуютъ, спрашиваютъ, тормошатъ!—сказалъ онъ Попову:— да возможно-ль то все, и вдобавокъ, какъ видишь, въ моемъ каторжномъ положеніи? Со всѣхъ сторонъ такія вѣсти, а меня тамъ пересуживаютъ, ризы мои дѣлятъ, распятію предаютъ,—удаляютъ отъ моего солнца, счастья, жизни...

Князь помолчалъ.

— Я измученъ, Василій Степанычъ, бодрости лишенъ, сна,— продолжалъ онъ, налегая на пилкѣ:—слабѣю подъ-часъ отъ всяческихъ дрязгъ душой и тѣломъ, какъ малое дитя, а имъ подавай тріумфы, побѣды, вѣнки! Если бы все то знали... Изведутъ, отдалятъ,—произнесъ онъ, глянувъ въ сторону и какъ бы видя вдали нѣкія таинственныя и другимъ непонятныя откровенія:—ну, что́, полагаешь, нужно мнѣ чего еще искать?

Поповъ не нашелся съ отвѣтомъ.

— Чего желать человѣку въ моей судьбѣ?—продолжалъ князь, не поднимая лица:—меня ли соблазнить побѣдами, воинскими тріумфами, когда вижу, насколько напрасны и гибельны они? Солдаты не такъ дешевы, чтобы ими транжирить и швырять ихъ по пустякамъ. Я полководецъ по высшей волѣ, по ордеру, не по природѣ; не могу видѣть крови, ранъ, слышать стоны и вопли истерзанныхъ снарядами людей. Излишній гуманите́тъ несовмѣстимъ, братецъ, съ войной... Вотъ графъ Александръ Васильевичъ—тотъ на мѣстѣ, ему и книги въ руки... Отчего-жъ, спросишь, я здѣсь, а не при дворѣ?

Изумили Попова эти рѣчи. Онъ ушамъ своимъ не вѣрилъ и сказалъ—пока живъ, не забыть ему, что́ услышалъ онъ въ тотъ незабвенный часъ. Свѣтлѣйшій всталъ, медленно прошелся по горницѣ, открылъ окно въ стемнѣвшій садъ и опять сѣлъ.

— Неисповѣдимы судьбы Божьи?!—сказалъ онъ:—низринулъ Іова, превознесъ Іосифа! Чего я желалъ, къ чему стремился, исполнено,— всѣ помыслы, прихоти. Нуждался въ чинахъ, орденахъ,—имѣю; лю-

билъ мотать, играть въ карты,—проигрывалъ несмѣтныя, безумныя суммы. Захотѣлъ обзавестись деревнями,—надарено и куплено вдоволь. Любилъ задавать праздники, балы, пиры,—давалъ такіе, что до меня и не снилось. Пожелалъ имѣть по вкусу домà,—настроилъ дворцовъ. Драгоцѣнностей имѣю столько, что ни одному частному человѣку и во снѣ не снилось. И всѣ мои страсти, планы, во всемъ приводились въ дѣйство и выполняются... А, клянусь тебѣ, нѣтъ и не можетъ быть человѣка несчастнѣе меня!

Поповъ сталъ возражать.

— Не вѣришь?—спросилъ упавшимъ, какъ бы молящимъ голосомъ князь:—думаешь, шучу?—нѣтъ и нѣтъ! Всѣ вы стремитесь, надѣетесь, авось грянутъ битвы,—отличіе, всѣмъ слава. Для меня-жъ, дружище, все въ мірѣ пустоши, тлѣнъ, гробъ повапленный, уготованный человѣчеству... И не будь звена, не будь ласковыхъ взоровъ оттолѣ, далече, ея повелѣній,—я бы жизнь свою, не задумавшись, истребилъ, разбилъ, вотъ какъ это...

Тутъ онъ схватилъ со стола дорогую саксонскую вазочку и, разбивъ ее объ полъ въ дребезги, удалился въ опочивальню.

Явившись по зову Попова, я былъ принятъ княземъ на-единѣ. На этотъ разъ Потемкинъ былъ тщательно выбритъ, одѣтъ, отмѣнно вѣжливъ и добръ. Пряди шелковистыхъ, съ замѣтною просѣдью, волосъ красиво оттѣняли его женственно-нѣжный, высоковскинутый лобъ. Полныя, какъ у счастливаго ребенка, губы были осѣнены величавою, располагающей улыбкой.

— Ну, говори откровенно,—произнесъ онъ:—чтò за исторія у тебя вышла со вторымъ Зубовымъ?

Я изложилъ все подробно и безъ утайки. Лицо Потемкина, при моемъ разсказѣ, не разъ омрачалось и по немъ пробѣгали судороги.

— Желаніе твое будетъ исполнено,—сказалъ онъ, когда я кончилъ:—куда хочешь причислиться?

Я назвалъ передовой отрядъ графа Ивана Васильича Гудовича, гдѣ служилъ Ловцовъ.

— Завтра же можешь отправляться. И если въ чемъ будетъ у тебя нужда, обращайся ко мнѣ.

Я поклонился. Идолъ мой, сердечный герой вновь туманилъ мою душу восторгомъ, а глаза слезами.

— Ты молодъ, отъ судьбы не уйдешь,—продолжалъ князь:—занесла тебя доля, садись на нашу ладью... Греческій прожектъ, путь въ Константинополь... Вы, юноши, безъ сумнѣнія, плѣнены... Чай, и твое сердце не разъ замирало въ восхищеніи отъ такихъ чаяній?..

Дай, Боже, монархинѣ выполнить высокіе священые обѣты. Слава ея и вѣрныхъ ея слугъ—широковѣтвистое дерево: и подъ его сѣнію когда-нибудь отдаленные потомки съ благодарностью вспомнятъ о насъ. У корней того дерева ползаютъ и шипятъ змѣи... Не змѣи ему опасны, а черви... По мелочи, тайкомъ, подъ землей тотчасъ они, *зубатые*, жадные... Съ виду тихіе, безстрастные, знаютъ наметку, а больше—какъ угодно-съ... Платокъ на куртагѣ вѡ-время поднялъ съ паркета,—и пошелъ въ гору... Мальчикъ писаный, сущій ребенокъ!.. а глядишь... Ну, да прощай, Господь съ тобой; кланяйся графу Ивану Васильичу...

Я поклонился и, высказавъ, какъ могъ, мою признательность, направился къ двери.

— Стой! окликнулъ меня князь.

Я обернулся.

— Нужны тебѣ деньги?

— Пока не терплю лишеній.

— Не нужны? Чудакъ ты человѣкъ. И мнѣ, впрочемъ, ничего не нужно, вотъ онъ знаетъ!—указалъ князь на входившаго Попова, принимаясь грызть ногти, чтѡ, по молвѣ, было признакомъ сильнаго въ немъ душевнаго волненія.

Мой пріѣздъ въ отрядъ Гудовича, какъ и первое мое тамъ пребываніе, остались особенно памятны для меня. Свиданіе съ Ловцовымъ было самое радостное, тѣмъ болѣе, что ему и въ мысляхъ не грезилась наша встрѣча въ Турціи. Поповъ, обласкавшій меня и почтившій впослѣдствіи даже особымъ довѣріемъ, взялъ съ меня слово молчать о переданной имъ бесѣдѣ съ княземъ, чтѡ я, при жизни его свѣтлости, и побуждался свято выполнить. Но теперь, пробѣгая въ памяти цѣпь долгихъ лѣтъ, не могу, милый сынъ и мои будущіе потомки, не сказать вамъ о знаменательныхъ событіяхъ того времени, для чего, переправя, современемъ, гдѣ нужно, и можете переписать сіи листы для припечатанія даже въ публику.

Мнѣ съ годами стало вполнѣ ясно тогдашнее, многимъ непонятное настроеніе Потемкина. Его мечты о возстановленіи Византійской имперіи, о царствѣ Константина поколебались.

Вѣрный союзникъ и товарищъ Екатерины въ войнѣ съ турками, австрійскій императоръ, больной, угрожаемый сосѣдями и видя предательства и ферментаціи въ собственныхъ своихъ областяхъ, а паче всего обманутый въ надеждахъ на своихъ поданныхъ венгерцевъ, близился къ кончинѣ. Войска его были отозваны изъ Турціи. Онъ умеръ въ тотъ годъ весной. Его преемникъ, подъ вліяніемъ Голландіи, Пруссіи, особливо-жъ Англіи, безъ участія и вѣдома Екатерины, за-

велъ негоціи о мирѣ съ султаномъ. Недовѣріе Потемкина къ австрійцамъ оправдалось на дѣлѣ. Ему въ такихъ обстоятельствахъ приходилось думать ужъ не о завоеваніи Царьграда. Онъ съ горечью увидѣлъ, что турки начинаютъ негоціровать не о своемъ спасеніи, а спорятъ объ утвержденіи за Россіей даже тѣхъ земель и правъ, которыми, въ силу прежнихъ завоеваній, мы обладали нѣсколько лѣтъ. Коснусь сего пункта подробнѣе.

Ослѣпленіе турокъ чуть-было не обратилось въ нашу пользу. Великій визирь, не дождавшись исхода переговоровъ, неожиданно перешелъ Дунай у Рущука, противъ коего въ Журжѣ стояли австрійцы. Поелику у турокъ было восемьдесятъ тысячъ войска, австрійскій же полководецъ былъ вдвое слабѣе, то и запросилъ онъ насъ о помощи. Русскіе встрепенулись.

Отряду Суворова было повелѣно подкрѣпить австрійцевъ. Онъ бросился къ Журжѣ. Но съ Потемкинымъ вновь начались колебанія. Онъ то подвигалъ командированный отрядъ, то слалъ гонцовъ и вновь его останавливалъ. Десятаго іюля Суворовъ донесся до Киліенъ и прождалъ здѣсь двѣ недѣли; двинулся къ Гинéшти и, къ изумленію всѣхъ, стоялъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Въ два дня съ пѣхотой прошелъ семьдесятъ верстъ до Низапéни и снова тридцать дней бездѣйствовалъ. Наконецъ, ему присланъ ордеръ — сразиться. Въ три дня форсированнымъ маршемъ съ пѣхотой онъ прошелъ къ Бухаресту сто двадцать пять верстъ, увидѣлся съ австрійскимъ фельдмаршаломъ, условился обо всемъ, расположилъ мѣсто битвы. Новая викторія готовилась огласить давно молчавшіе берега Дуная... Но пришла вѣсть, что заключенъ миръ Австріи съ Турціей, а съ ней и приказъ о немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій.

„Для чего драться и терять людей за землю, которую ужъ рѣшено возвратить врагамъ?“ — писалъ Потемкинъ къ Суворову, требуя его назадъ. Суворовъ повиновался. Расположась у Галаца, онъ совѣтовалъ главнокомандующему овладѣть, посредствомъ гребнаго флота, устьями Дуная, взять сильно-укрѣпленный Измаилъ и, открывъ доступъ въ Добруджу, двигаться далѣе безъ союзниковъ. Отвѣта на вызовъ не послѣдовало. Да и что̀ было отвѣчать князю? Изъ Петербурга приходили дурныя вѣсти. Швеція передъ тѣмъ грозила самой столицѣ. Враги не дремали. Вліяніе Зубова росло съ каждымъ днемъ. Потемкинъ терзался ревностью къ власти, сомнѣніями, въ малодушной боязни, — съ каждымъ новымъ курьеромъ узнать о своемъ паденіи. Предупреждая опалу, низверженіе съ высоты почестей и славы, онъ хотѣлъ все бросить и удалиться въ Смоленскую губернію на покой.

Но повѣяло надеждой къ лучшему. Война съ Швеціей, безъ вѣдома стерегущей Англіи, кончилась въ августѣ миромъ въ Верелѣ.

Дворъ ожилъ. Сорокъ линейныхъ кораблей, четырежды разбившихъ шведскій флотъ, ожидали приказа идти противъ Англіи. Даже въ угрозу Пруссіи готовъ былъ двадцатитысячный корпусъ вторгнуться въ Польшу. Къ Потемкину понеслись совѣты дѣйствовать смѣлѣй... Гудовичъ, съ флотиліей, гдѣ находился и я, въ половинѣ октября, взялъ, послѣ сильной аттаки, крѣпость Килію. Булгаковъ и Мансуровъ на Кубани разбили на-голову и взяли въ плѣнъ, со всею свитой, лагеремъ и множествомъ пушекъ, турецкаго сераскира Батталь-пашу. Но главное, на чт̀о указывалъ Суворовъ, взятіе Измаила и дальнѣйшее шествіе за Дунай, оставалось безъ исполненія. Недовольство въ войскѣ было всеобщее.

— „Для чего-жъ мы не беремъ другихъ, болѣе сильныхъ крѣпостей, не идемъ на Царьградъ?—роптали въ арміи и на судахъ:—изъ-за чего томимся въ гирлахъ и по болотнымъ пустырямъ, болѣемъ и мремъ не въ битвахъ, а отъ молдавскихъ лихорадокъ? Долго ли намъ кормить своей кровью турецкихъ комаровъ и слушать не громъ орудій, а кваканье лягушекъ? Гдѣ наши с̀околы: Румянцевъ, Суворовъ? Отчего молчитъ Потемкинъ? Онъ обабился, или турки подсыпали ему дурману!“—Стали кое-гдѣ толковать ужъ и объ измѣнѣ, о подкупѣ...

Все это зналъ свѣтлѣйшій, и оставался въ упорномъ, мирномъ дефансивѣ. Курьеры по прежнему пересылались отъ него къ государынѣ и обратно. Придворные трактаменты стали благосклоннѣе. Но князь, повидимому, былъ погруженъ въ прежнее безучастіе ко всему, въ недѣятельность, а кольми паче въ лютую хандру. Кто-то прислалъ ему рѣдкое кіевское изданіе „Книга хваленій, сирѣчь Псалтырь“, и онъ погрузился въ сличеніе его текста съ прежними тисненіями.

„Яссы—Капуя свѣтлѣйшаго,—язвили его столичные и наши лагерные дармоядцы-остряки:—опустился князь Григорій Александрычъ, одряхлѣлъ не по лѣтамъ, нравственно угасъ, въ напыщенности и сибаритствѣ своего двора. Видна птица по полету. Не бывать кукушкѣ с̀околомъ. И пора давно освѣжить, поднять духъ арміи инымъ вождемъ. Пѣсня Таврическаго спѣта“...

Больше всѣхъ судачили и шипѣли о князѣ иностранные вояжёры и эмигранты, имъ обласканные и, въ надеждѣ легкихъ тріумфовъ, кишмя-кишѣвшіе при главной квартирѣ. Въ ожиданіи отличекъ, снявъ мундиры и надѣвъ фраки, они исправно плясали на молдаванскихъ балахъ и раутахъ и безъ устали чесали языки.

— Измаилъ, государи мои, не Килія и не Тульча,—отвѣчалъ Потемкинъ этимъ критиканамъ:—лок̀альное положеніе вовсе иное. За его твердынями сорокъ тысячъ отборнаго войска, припасовъ на годъ и самъ сераскиръ Аудузлу-паша. Хоть ц̀апанье намъ и не противно, но упаси Богъ тратить людей; я не кожедиратель-людоѣдъ... тысячи

лягутъ даромъ. Всѣ вы привыкли къ театральнымъ легкимъ эфектамъ... Опера-буффа, въ ущербъ строгимъ, старымъ концертамъ, всѣхъ перековеркала...

— Такъ что-жъ дѣлать?—кипятились залетные гости.

— А вотъ что. Война надоѣла Турціи, авось и мы, какъ это ни прискорбно, кончимъ съ подобающимъ достоинствомъ — дипломатіей...

Ропотъ и гнѣвъ дешеваго политиканства на свѣтлѣйшаго росли. Взоры и слухъ мерзились видѣннымъ и слышаннымъ на его счетъ. Всѣ ожидали его смѣны. Онъ, между тѣмъ, ускромивъ остервененное злорѣчіемъ сердце и бросясь псалтырь, затѣялъ новое и небывалое по причудамъ празднество.

Невдали отъ ясскаго лагеря, Потемкинъ повелѣлъ, яко бы для генеральнаго „ревю“ — соорудить въ полѣ подземную палату. Убралъ ее колоннами, бархатомъ, шелками и бронзой, а вокругъ поставилъ два полка съ барабанами, ружьями и батареей изъ ста пушекъ. И когда свѣтлѣйшій, „за у́жиной“, вышелъ съ гостями изъ землянки и, поднявъ кубокъ вина, далъ знакъ, что пьетъ въ честь гостей, барабанщики ударили тревогу, ружья подняли батальный огонь, а за ними и пушки огласили окольность далеко-слышными оглушительными залпами.

Такъ развлекалъ Потемкинъ умы легковѣрныхъ пересудчиковъ и нечаявшихъ, что, между тѣмъ, онъ готовилъ и чѣмъ соображалъ поучтивствовать россійскимъ врагамъ.

Около того же времени я получилъ нерадостныя вѣсти отъ родителей. Ненасытный и алчный оберъ-прокуроръ перваго департамента сената, отецъ Зубова, пользуясь своимъ положеніемъ, занимался покупкой на барыши выгодныхъ тяжебныхъ дѣлъ. Узнавъ, что сосѣднее съ его В**—ой вотчиной наше помѣстье описано къ продажѣ съ аукціона, онъ внесъ, куда слѣдуетъ, свои деньги и, противъ всякихъ правъ и законовъ, выкупилъ это имѣніе безъ публичныхъ торговъ. Гражданская палата, а за ней и намѣстническое правленіе выдали графу вводный листъ, а моимъ родителямъ предложили изъ помѣстья выѣхать въ кратчайшій срокъ. Отместка за мою исторію съ его сыномъ сказывалась здѣсь ясно. Намъ грозило полное разореніе.

Я вспомнилъ обѣщаніе помощи свѣтлѣйшаго и рѣшилъ при случаѣ просить отпуска въ Яссы. Въ войскѣ, между тѣмъ, пронеслась вѣсть, что турки, видя наше бездѣйствіе, сами составили новыя калькуляціи и замыслили перейти въ наступленіе на нашъ авангардъ, бывшій подъ командою Кутузова.

VII.

Было начало октября. Стояла теплая, сухая, только этимъ благословеннымъ краямъ свойственная въ такую пору, погода.

Отрядъ генералъ-маіора Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова охранялъ линію Днѣстра, отъ Бендеръ до Аккермана. Очаковъ ужъ прославилъ имя этого генерала. Здѣсь, два года назадъ, онъ былъ раненъ въ голову, причемъ пуля, войдя въ високъ, вылетѣла въ затылокъ.

Кутузовъ получилъ повелѣніе передвинуться къ югу. Разбивъ два турецкихъ передовыхъ табора, онъ направился къ гирламъ, близъ которыхъ и расположилъ свой отрядъ. Подъ его началомъ было нѣсколько гренадерскихъ и егерскихъ полковъ, двѣ тысячи донскихъ и запорожскихъ казаковъ и часть флотиліи, при коей состояли я и Ловцовъ. Флотилія находилась подъ охраной казаковъ, занимавшихъ аванпостами холмистый берегъ у молдавской деревушки Петѐшти.

Этимъ движеніемъ Кутузова завершились, впрочемъ, наши тогдашнія дѣйствія. Турки, запершись въ Измаилѣ, молчали и насъ не тревожили. Опять настала однообразная скука, тщетныя ожиданія наступленій и общее невѣдѣнье и тишина.

Близилась осень, съ ея дождями, холодами, а тамъ и зима. Зная настроеніе главной квартиры, всѣ убѣдились, что кампанія этого года кончилась, и на досугѣ толковали о томъ, гдѣ и ка̀къ придется „обдѳркаться“ на ви́нтеръ-квартиры.

Нельзя сказать, чтобъ мы утопали въ роскошахъ, но мы и не жаловались на судьбу. Роптали одни господа замотайлова-десятка. Въ отрядъ, по мысли свѣтлѣйшаго, подвезли нѣсколько сотъ нагайскихъ войлочныхъ палатокъ. Солдаты окопали ихъ канавками, обсыпали снизу землей и обставили свѣжимъ камышомъ, натасканнымъ изъ гирловыхъ за̀водей и озеръ. Жилось, повторяю, не ахти-какъ. Темные вечера коротались бесѣдами за чугуннымъ чайникомъ, пѣснями съ гитарой, пуншемъ, а иногда и картами въ мака̀о. Болѣе играли въ казацкомъ корпусѣ Платова, имѣвшаго повсегда изрядный запасъ цымлянскаго. Съ возвышенности, на которой стоялъ лагерь пѣхоты, были видны прибрежные, глинистые холмы, поросшіе ивами и кустами, пла̀вни и нѣсколько извивовъ Дуная.

Несмотря на строгія запрещенія, егеря, что-ни-день, отъ скуки пробирались въ одиночку и по нѣскольку человѣкъ къ запорожскимъ пикетамъ, къ рѣкѣ, ловя рыбу, собирая сушникъ для костровъ, а иногда рѣшаясь и охотиться съ ружьемъ. Особенно соблазнялъ солдатъ невиданный, вечерній перелетъ тамошней дичи. Проберется егерёкъ передъ вечеромъ изъ лагеря, станетъ въ гущинѣ камышей, у Дуная, и хлопаетъ изъ мушкета, слѣдя по свисту крыльевъ за птицами, летящими на воду съ просяныхъ и кукурузныхъ полей. Смотришь, позднѣе въ сумерки и тащится къ ротному котлу, искусанный комарами и увѣшанный отъѣвшимися на привольѣ утками и куликами.

Не однихъ солдатъ соблазнялъ этотъ перелетъ. Охотились и офицеры, въ томъ числѣ и Ловцовъ. На него нашелъ въ этомъ какой-то особенный стихъ. Я ему нѣсколько разъ и въ подробностяхъ передавалъ о моемъ приключеніи съ Пашутой. Моя исповѣдь произвела на него сильное впечатлѣніе. Онъ то-и-дѣло вспоминалъ о моемъ разсказѣ и обращался ко мнѣ съ вопросами о дальнѣйшихъ моихъ намѣреніяхъ. — „Я забылъ о нанесенной мнѣ обидѣ, — говорилъ я съ горечью: — и не хочу о томъ болѣе думать“. — „Нѣтъ, не повѣрю, — отвѣчалъ онъ: — будешь думать“. — „Почему?“ — „Потому... ну, да что̀! увидишь; она навѣрно пошла въ монастырь“... — „Изъ-за чего?“ — „Вспомни мое слово:“ сердце чуетъ“...

Разсказы о родинѣ не покидали нашихъ бесѣдъ. Въ сходствіе того, бывало, сидимъ на палубѣ или подъ войлочнымъ шатромъ у казаковъ, куримъ, поглядывая на берегъ и на тихое, звѣздное небо, и толкуемъ о корпусѣ, о Питерѣ и о близкихъ. Письма съ родины доходили рѣдко и каждое нами обсуждалось до мелочей. Въ одномъ изъ домашнихъ писемъ обмолвились, наконецъ, и объ Ажигиныхъ. Матушка получила вѣсти о нихъ отъ какой-то знакомой, жившей по сосѣдству съ Горками. Строго осудивъ вѣтреную Пашуту и даже дважды обозвавъ ее въ письмѣ ко мнѣ низкою, бездушною „поганкой“ и „скверновкой“, матушка прибавляла, что перстъ Господень, очевидно, спасъ меня: отвергнутая измѣнница затихла, какъ вѣтромъ ее сдуло, никуда не кажется, ходитъ въ черномъ и, по слухамъ, собирается на долгій отъѣздъ прочь отъ своихъ краевъ. „И ты, Саввушка, — прибавила мнѣ мать, — не даромъ у меня въ сорочкѣ рожденъ: избавился отъ такой ранней истомы, да засухи, и теперь воленъ, какъ вѣтеръ. Пріѣзжай-ка, милъ-дружокъ, въ здоровьѣ и благополучіи въ нашу Бехтѣевку, — авось ее еще отстоимъ! мы тебѣ вотъ какую принцессу пріотыщемъ“.

— А что̀, Савватій? не я говорилъ? — произнесъ, выслушавъ эти строки, Ловцовъ: — удаляется, потрясена... чудное созданіе! твоя родительница, извини, неправа: и я въ жизнь ужъ теперь не повѣрю, чтобъ Ажигина тебѣ измѣнила.

— Ка̀къ не повѣришь? а все, что̀ случилось?

— Убей Богъ, душа говоритъ, — кипятился Ловцовъ: — не по комъ иномъ Ажигина и черное носитъ, какъ по тебѣ...

— А Зубовъ съ родичемъ?

— Не говори ты мнѣ о нихъ. Вѣрь, ее отуманили, обманули. Неопытная, пылкая дѣвушка; мысли разыгрались, опять же эти книги, — ну, и замутилась. Она-ль одна сочла себя въ заточеньѣ, жертвой, и рвалась изъ-подъ крыла матери на бѣдовый ухарскій подвигъ? Та̀къ вотъ ее и вижу. Ты не подоспѣлъ изъ командировки, тебя нѣтъ, —

а у ней ужъ весь планъ готовъ: замаскирована, гдѣ-жъ рыцарь? какъ-бы матери сюрпризъ? а тебя нѣтъ...

— Хорошъ подвигъ,— осерчалъ я:—тебя слушая, надо счесть виновникомъ себя.

— У нихъ, у дѣвочекъ, вѣдь это все иначе, — продожалъ Ловцовъ: — ахъ, какъ же ты не понимаешь? Тамъ своя логика и свои тонкости... Да и всякъ юноша... Ну, хоть бы наши гардемарины или юнкера... Вспомни, разбери, какъ гонялись за оперными и балетными дѣвками! Развѣ не однѣ шалости, не одна прыткая, безшабашная дурь? вѣдь тѣ же годы, та же кровь... Вспомни нашихъ и въ Аккерманѣ; поколотили жида и готовы были на его жидовкѣ жениться, ну, немедленно, въ минуту, въ секунду и тутъ же, среди разбитыхъ бутылокъ, недоѣденной мамалыги и оторопѣлыхъ молдаванъ... Не такъ развѣ было? не такъ?

Бѣдовый былъ этотъ Ловцовъ; общественный, добрѣйшій, милѣйшій товарищъ, но скорый и вспыльчивый, какъ порохъ. Отъ близорукости онъ еще въ корпусѣ носилъ очки. И чуть покосится черезъ нихъ,—шея и уши въ краскѣ, ничего не помнитъ: въ жерло пушки, въ огонь готовъ влетѣть.

Его рѣчи, пылкая защита Пашуты и острая, томящая скука бездѣйствія измучили меня. Я сталъ видѣть не инако, какъ тяжелые, странные сны. Все манило меня къ дѣлу, къ подъятію подвига, который бы расшевелилъ и оживилъ общій застой. Одна мысль начинала меня занимать, и я предавался ей во всѣ свободные часы, для чего отлагалъ пока и поѣздку въ Яссы, съ цѣлью хлопотать о спасеніи имѣнія отца.

Дни, между тѣмъ, стояли тѣ же чудные, почти лѣтніе. Ни облачка, тихо и ясно, какъ въ маѣ. Только предвѣстники осеннихъ невзгодъ—бѣлыя паутинки—летѣли и медленно стлались по травамъ и камышамъ.

Разъ мы лежали съ Ловцовымъ у берега въ казацкомъ шалашѣ. Въ лагерѣ, за ближнимъ холмомъ, пробили вечернюю зорю; барабаны и трубы смолкли; затихли въ обозѣ кузнечные молоты, у котловъ пѣсни, звуки балалаекъ и торбановъ. Одинъ за другимъ погасли по взгорью костры. Совсѣмъ стемнѣло. Ловцовъ съ утра былъ въ возбужденномъ, нервическомъ состояніи.

— На твоемъ мѣстѣ я бросилъ бы все,—сказалъ онъ мнѣ вдругъ:— и уѣхалъ бы къ ней...

— Къ кому?

— Къ Ажигиной.

— Ты смѣешься надо мной? — произнесъ я, подъ настроеніемъ мысли, о которой не переставалъ думать.

Онъ вскочилъ, проворно сталъ надѣвать плащъ.

— Слушай, — произнесъ онъ: — если я шучу, пусть мнѣ не дожить до утра.

Тутъ онъ взялъ ружье, мѣшокъ съ зарядами и вышелъ изъ шалаша.

— Куда ты?—спросилъ я.

— Къ острову, въ секретъ. Казаки Михайлу Ларіонычу рыбы рѣшили половить.

— Ну, не стыдно-ли такъ попусту рисковать?—сказалъ я въ досадѣ:—почемъ знаешь, что турки не пронюхали и васъ не стерегутъ?

— Пустое,—отвѣтилъ голосъ Ловцова ужъ за шалашемъ въ темнотѣ: — мѣста перемѣнныя, и лазутчики доносятъ, что турокъ не видать на тридцать верстъ кругомъ. А къ твоей-то, къ перлу, къ цвѣтку... ужъ какъ хочешь, братъ... ахъ, жизнь наша треклятая...

Конца рѣчи его я не разслышалъ, но его слова перевернули вверхъ дномъ мою сдержанность, замкнутость. Я догналъ его на берегу.

— Слушай, — сказалъ я: — вмѣсто того, чтобы тратить попусту силы, напрасно подвергать гибели другихъ и себя, выполнимъ дѣло, не дающее мнѣ спокойствія и сна.

— Какое? какое?..

— Подговоримъ запорожцевъ, — они достанутъ у некрасовцевъ простые челны, переодѣнемся рыбаками и проберемся вверхъ по рѣкѣ.

— Зачѣмъ?—спросилъ Ловцовъ.

— За островомъ, противъ Измаила, стянулся на зимнюю стоянку весь турецкій гребной флотъ...

— Ну, ну?

— А далѣе, чтò Богъ дастъ...

Ловцовъ горячо пожалъ мнѣ руку. Я передалъ ему свой планъ въ подробностяхъ и въ слѣдующую ночь мы явились на условное свиданіе. Невдали отъ берега насъ ожидали запорожцы. Я объяснилъ имъ, какъ приступить и выполнить дѣло. Они слушали молча, понуря чубатыя головы.

— Князь-гетманъ оттого, можетъ, и сидитъ, какъ рѣдька въ огородѣ,—произнесъ одинъ изъ сѣчевиковъ, когда я кончилъ, — что никто ему не снялъ на бумажку измаильскихъ шанцевъ... Мы уже пытались, да не выгорѣло... Авось, его превелѣбіе пошевелитъ бровями и дастъ добрымъ людямъ размять отерплыя руки и ноги въ бою съ нехристями.

— Готово?—спросилъ я.

— Готово.

Запорожцы сошли къ Дунаю, вытащили изъ камышей заранѣе припрятанныя лодки, всѣ — въ томъ числѣ и мы съ Ловцовымъ — переодѣлись въ рубахи и шапки гирловыхъ молдаванъ, спрятали въ голенища ножи и уложили на дно сѣти мушкеты, и кое-какую про-

визію. Коликократно ни вспоминаю то время, ясно и живыми образами является оно передо мной.

Ночь была тихая, мглистая. Даже съ вечера трудно было разглядѣть окрестные, подернутые туманомъ берега. Теперь, тотчасъ же за отмелью, начиналась непроглядная тьма. Дунай, будто дыша, плескался о края отмели, катя быстрыя, темныя волны. То тамъ, то здѣсь зарождались и вновь пропадали какіе-то странные, отрывистые звуки. Мерещился парусъ. Кудластая коряга, сорвавшись съ песчанаго бугра, какъ нѣкое живое чудище, плыла серединой рѣки. Плескъ рыбы, шелестъ ночныхъ птицъ кидали невольно каждаго въ холодъ и трепетъ. Запорожцы сѣли въ лодки, мы за ними, всѣ перекрестились и налегли на весла.

Не буду разсказывать въ подробностяхъ о нашемъ предпріятіи, хотя считаю за нужное передать о нѣкоторыхъ мелочахъ. Мы плыли всю ночь, день стояли гдѣ-то въ заливѣ, въ кустахъ, и еще проплыли ночь. Огня разводить не смѣли. И досталось же намъ отъ мошекъ и комаровъ; не помогали и сѣтки, намазанныя дегтемъ. Руки и лица наши вздулись, запеклись кровью. Особенно жалко было видѣть Ловцова. Мы изъ предосторожности обрѣзали себѣ короче волосы, а онъ, близорукій, нетерпѣливый, не взялъ и очковъ. Мы старались не говорить межъ собой. Онъ же ничего не могъ разглядѣть и поминутно спрашивалъ, гдѣ мы и не видно-ли турецкихъ разъѣздовъ.

Въ одномъ мѣстѣ, во вторую ночь, послышался у берега шелестъ. Лодки въ темнотѣ плыли дефилеей небольшихъ островковъ.

— Чтò это?—тихо вскрикнулъ Ловцовъ, хватаясь за мушкетъ.

— Брось, пàне, рушницу, — сказалъ ему братъ куреннаго атамана, Чепига:—то не вòроги.

— Кто-жъ это?

— А повидишь.

Справа яснѣй раздался мѣрный, тихій плескъ веселъ. Всѣ притаили дыханіе. Изъ колыхавшейся, густой осоки, медленно выплыло чтò-то длинное, черное. Еще минута. Востроносый, ходкій челнъ съ-размаха влетѣлъ между казацкихъ лодокъ.

— Здоровы были, братья по Христу,—проговорилъ голосъ съ челна.

— И вы, братья молодцы, будьте здоровы.

— Харькò?—спросилъ Чепига.

— Онъ самый.

По челну зашлепали кожаные, безъ подошвъ, чувяки. Здоровенный, плечистый некрасовецъ обрисовался у кормы; съ нимъ рядомъ не то болгаринъ, не то грекъ.

— Проведешь? спросилъ Чепига.

— Проведу,—отвѣтилъ, просовывая бороду некрасовецъ.

— Да, можетъ, опять какъ тогда?

— Ну, не напились бы, братцы, ракіи, была бы наша кочерма̀. Не боитесь?

— Кошевой звелѣлъ,—гордо объяснилъ другой запорожецъ, Пономоренко-пушкарь:—а что̀ велѣно кошемъ, того ослушаться не можно.

Некрасовецъ помялся плечами, взглянулъ на своего спутника.

— А какъ поймаютъ, да на колъ, либо кожу съ живого сдерутъ?—спросилъ онъ.

— Ну, пой про то вашимъ бабамъ да дѣвкамъ,—презрительно вставилъ третій запорожецъ, Бурла̀й:—а кожа на то она и есть, чтобъ ее, когда можно, сдирали... Да чорта лысаго сдерутъ. Ты же, братъ, коли договариваться, веди, а не то, лучше и не срамись. Сколько?

Некрасовецъ условился, передалъ дукаты сопутнику, тотъ сѣлъ къ весламъ, и челны потянулись далѣе по рѣкѣ. Товарищъ некрасовца говорилъ по-русски.

Въ воздухѣ похолодѣло; къ концу же ночи поднялся такой туманъ, что лодку отъ лодки трудно было разглядѣть, и онѣ держались кучей. Въ сырой побурѣвшей мглѣ сталъ надвигаться то одинъ берегъ, то другой.

— Ну, братцы, кидай теперь сѣти, да греби лѣвѣй,—тихо окликнулъ вожакъ:—не наткнуться бы на ихъ суда. Тутъ вправо за косой и Измаилъ.

Сѣти были брошены. Весла чуть шевелились. Вожакъ не ошибся...

Въ побѣлѣвшемъ туманѣ, какъ въ облакѣ, противъ передней лодки обрисовалась громада двухпалубнаго, съ пушками, корабля. Паруса убраны; у кормы ходитъ въ чалмѣ часовой. Не успѣли его миновать, возлѣ—другой, такой же, выше—чуть видный—третій. Съ послѣдняго кто-то громко и сердито крикнулъ.

— Что̀ это?—спросилъ я некрасовца.

— Ругаются, прочь велятъ ѣхать! палками грозятся отдуть.

Лодки стали огибать островъ противъ Измаила. Близились густыя ивы, по тотъ бокъ пролива—лѣсистый, въ оврагахъ, холмъ. Поднимался свѣжій утренникъ. Туманъ заклубился. Кое-гдѣ его полосы раздвинулись: изъ-подъ нихъ обозначились бѣлыя стѣны, башни, ломанныя линіи земляныхъ батарей, и въ двѣ шеренги передъ крѣпостью—весь парусный и гребной турецкій флотъ.

Сильно забились наши сердца, когда изъ-за острова мы сосчитали суда, пушки на нихъ и на крѣпости.—„Ну, ваше благородіе,—обратился ко мнѣ Чепига:—бери карандашъ да бумажку, наноси все на планчикъ“.—Я на спинѣ запорожца набросалъ въ записную книжку очеркъ крѣпости и сталъ перечислять суда. Оглянулся—нѣтъ лодки некрасовца, какъ въ воду канулъ.—„Струсили, видно, собаки,—ска-

зали сѣчевики:—да мы и безъ нихъ вернемся".—Утро загоралось во всей красѣ: синій Дунай засверкалъ зеркаломъ, крѣпость ожила; раздались голоса вдоль берега, засновали ялики, гдѣ-то послышался барабанъ, заиграли турецкія трубы.

— Что-жъ, ребята?—спросилъ я, понявъ исчезновеніе лоцмана:—не отдаваться-жъ въ полонъ живымъ?

— Не отдаваться. Взяли перевертни, деньги, да видно, чортовы головы, насъ и продали.

— Выводи лодки къ берегу,—сказалъ я, кончивъ набросокъ:—тамъ камышами, и въ лѣсъ.

— Въ гущинѣ батька лысаго найдутъ, — прибавилъ Чепига: — сперва вмѣстѣ, а заслышимъ погоню, въ разсыпную.

— Хлѣба осталось?—спросилъ я.

— Осталось.

— Ну, кого Богъ спасетъ, авось и до своихъ доберемся.

Втянувъ лодки къ заливу, мы съ ружьями бросились на берегъ. Почва шла болотомъ, потомъ въ гору, кустами. Сплошной безлистый лѣсъ сомкнулся вкругъ насъ. Сначала намъ мерещилась погоня. Мы ускорили шаги, чуть переводили дыханіе. Но все вскорѣ стихло. Въ полдень мы отдохнули, закусили—воды только не добыли—и передъ вечеромъ подошли къ окраинѣ лѣса, окаймленнаго голымъ, песчанымъ пустыремъ. Далѣе опять начинался сплошной лѣсъ. Чтобъ насъ не открыли, было рѣшено пройти этотъ пустырь ночью.

Чуть смерклось, мы раздѣлились. Одни, безъ препонъ, направились къ берегу, въ надеждѣ поискать лодокъ, другіе—прямо долиной. У всѣхъ была надежда, что по ручью, протекавшему въ долинѣ, должны оказаться болгарскіе поселки.—„Если насъ не скроютъ, то хоть накормятъ, укажутъ путь",—толковали мы, пробираясь по мягкому, бѣлому песку. Учредивъ сей маршъ, мы шли долго. Начинался разсвѣтъ.

Вдругъ чтò-то прозвучало. Окрестность будто охнула. Мы замерли. То былъ выстрѣлъ, за нимъ раздался другой.—„Это наши"—смутно пронеслось у каждаго въ мысляхъ.

— Что-жъ, братцы,—сказалъ я:—ужли пропадать товарищамъ? Вѣрно ихъ открыли; надо попытаться имъ помочь.

— За мной!—крикнулъ Ловцовъ.

Мы взвели курки, направились къ берегу. Песокъ смѣнился трясиной. Ноги вязли въ болотной травѣ. И вотъ мы добѣжали. Сталъ виденъ берегъ. Вода забѣлѣла межъ кустовъ.

— Здѣсь, братцы, здѣсь!—заслышавъ голоса, не утерпѣлъ и крикнулъ Ловцовъ.

Подъ ивами чтò-то шелохнулось. Сверкнулъ огонь, грянулъ протяжный, ружейный выстрѣлъ. Мы сквозь дымъ бросились къ камы-

шамъ. Тамъ, отталкиваясь баграми, въ двухъ душегубкахъ, отчаливали отъ берега ушедшіе впередъ наши товарищи. Мы добрались къ нимъ, по поясъ въ водѣ. Лодки поплыли изъ залива. Съ середины рѣки обозначился оставленный нами берегъ.

Подъ ивой, какъ теперь помню, стоялъ здоровенный, толстый турчинъ, въ красной курткѣ и съ обнаженной бритой головой. Онъ наводилъ мушкетъ на лодку и изрѣдка по насъ стрѣлялъ. Поодаль отъ него, нагнувшись къ землѣ, возился надъ чѣмъ-то другой турчинъ. Между ними, на пригоркѣ, неподвижно бѣлѣло что-то навзничь распластанное; ближе къ берегу еще двое безъ движенія. Мы оглянулись другъ на друга, перекрестились.

Живъ-ли остался Ловцовъ, или погибъ съ другими, попавшими подъ выстрѣлы турокъ, о томъ мы узнали нескоро.

Скрывшись отъ новой погони въ островахъ, мы поплыли, съ закатомъ солнца, далѣе, и черезъ сутки, измученные, еле-живые отъ голода, дотащились къ нашимъ аванпостамъ. Вѣсть о нашемъ поискѣ разнеслась по лагерю. Всѣ хвалили отвагу развѣдчиковъ и оплакивали погибшаго Ловцова. Кутузовъ призвалъ меня, слегка попенялъ и даже пригрозилъ арестомъ, но кончилъ тѣмъ, что черезъ два дня мнѣ же поручилъ препроводить въ Яссы запорожцевъ, бывшихъ на поискѣ, и лично передать свѣтлѣйшему набросанный мною очеркъ Измаила и стоявшей тамъ флотиліи.

Никогда я не забуду ощущеній, съ которыми вновь подъѣзжалъ изъ лагеря къ Яссамъ. Мысль о потерѣ Ловцова не давала мнѣ покоя, мучила меня.—„Я виноватъ въ его гибели,—говорилъ я себѣ:— зачѣмъ было его брать? Я зналъ его пылкость, несдержанность, притомъ же онъ близорукъ,—нарвался прямо на пулю... Боже, Боже! За что такія испытанія?“—Я отдалъ все, что имѣлъ, всѣ свои вещи, деньги, даже подарокъ матери—часы, лишь бы узнали о немъ. Всѣ розыски были тщетны.

Передовая телѣга, везшая меня, чуть двигалась въ ночной тиши. Другія съ запорожцами поотстали. Небо ярко горѣло звѣздами. Вотъ Медвѣдица, золотой снопъ Стожара. Я съ замираніемъ сердца вспоминалъ, какъ любовался этими-же звѣздами въ корпусѣ, съ Ловцовымъ. Сколько ожило въ памяти съ ними: экзамены, выпускъ, первые на службѣ шаги, Пашута и первая любовь. Живо представлялись мнѣ дни у бабушки, поѣздки въ усадьбу Горокъ, корпусныя письма, пріѣздъ Ольги Аркадьевны, столкновеніе въ театрѣ и разсказъ попадьи. Боже! зачѣмъ не состоялся поединокъ? И зачѣмъ здѣсь, въ Турціи, погибъ онъ, неповинный ни въ чемъ, а я живъ, не убитъ? Она бы узнала,

оцѣнила бы меня... Вотъ преданность, вотъ любовь!—прошептала бы она, прочтя мое имя въ реляціи: онъ не вынесъ, ушелъ на поприще славы и палъ героемъ... Ужли-жъ и въ конецъ отвернулась отъ насъ слава? Ужли никуда мы не двинемся, не предпримемъ ничего, и правы запорожцы, что свѣтлѣйшій, какъ рѣдька въ огородѣ, засѣлъ по шею въ сомнѣніяхъ и вѣчныхъ колебаніяхъ? Нѣтъ, я везу ему точный снимокъ Измаила и флота. Пригодились корпусные уроки фортификаціи. Онъ взглянетъ и, нѣтъ сомнѣнія, объявитъ походъ.

VIII.

Я присутствовалъ при аудіенціи князя Григорія Александровича запорожцамъ.

Потемкинъ вышелъ къ нимъ съ гордой осанкой, въ богатомъ гетманскомъ кафтанѣ, въ лентахъ и орденахъ. Войсковой судья черноморской казачьей команды, охранявшей квартиру главнокомандующаго, умный, смѣтливый и „письмѐнный“ Антонъ Головатый, былъ назначенъ Поповымъ представить князю прибывшихъ удальцовъ. Тѣ, какъ были нàскоро отправлены изъ лагеря въ дорогу, стояли отрепанные, въ порванныхъ рубахахъ и свитахъ, иные даже босикомъ. Свѣтлѣйшій принялъ ихъ за нищихъ.

— А гдѣ-жъ твои храбрые молодцы?—спросилъ онъ, оглянувшись на Головатаго.

— Да это-жъ, ваше превелѣбіе, они и есть,—отвѣтилъ съ поклономъ войсковой судья.

— Неужели начальство поскупилось получше снабдить ихъ въ дорогу?

— А чтò нужно, бáтько ты нашъ, хоть бы казаку?—отвѣтили запорожцы: — роспытались мы у кòша, кошевой сказалъ: идите съ добрымъ человѣкомъ; ну, мы и пошли, а ихъ благородіе и списали планчикъ.

Потемкинъ взглянулъ на меня. Я ему подалъ рисунокъ. Онъ очевидно меня не призналъ,—такъ я загорѣлъ и огрубѣлъ за это время.

— Теперь, княже, нѣтъ ужъ опаски,—сказалъ Чепига:—турчинова фортеція какъ на ладони. Звелите, ваше высокопревелѣбіе, и побей, Боже, насъ и нашихъ дѣтей, коли не заберемъ измайловскаго пашу со всѣми его пашенятами.

Потемкинъ вскользъ поглядѣлъ на рисунокъ, опустилъ его въ карманъ и, покачавъ головой на щеголей штабныхъ, стоявшихъ здѣсь же въ сторонѣ,—„не вамъ, дескать, чета“—объявилъ производство нѣкоторыхъ изъ запорожцевъ, въ томъ числѣ и Чепигу, офицерами. Всей

партіи казаковъ, бывшихъ въ поискѣ, князь повелѣлъ выдать новое, полное, по ихъ обычаямъ, платье и по сту червонцевъ. Деньги и платье запорожцы, впрочемъ, къ слову сказать, пропили меньше чѣмъ въ трое сутокъ и не выѣзжая изъ Яссъ, и отретировались обратно, какъ пріѣхали, въ лохмотьяхъ. Радостямъ ихъ не было конца. — „Походъ, походъ!“—толковали они, распѣвая свои заунывныя, боевыя пѣсни. Вышло, однако, иначе.

Мнѣ, какъ главѣ развѣдчиковъ, свѣтлѣйшій назначилъ особый пріемъ.

— Думаешь, буду хвалить?—спросилъ онъ, вынувъ изъ баула и вновь разсматривая привезенный мною рисунокъ: — отличились вы, флотскіе, одинъ даже чуть ли не погибъ. Но ни къ чему, братецъ, все это, ни къ чему,—прибавилъ, нахмурясь, Потемкинъ: — не въ томъ дѣло...

Я онѣмѣлъ отъ этой неожиданности.

— Согласись,—продолжалъ онъ:—ты свѣжій человѣкъ, и въ Гатчинѣ проходилъ достойную, почетную школу. Я говорилъ всѣмъ, доказывалъ. Мы заморимъ турокъ осадой, заставимъ сдаться, возьмемъ, далѣе, рядъ другихъ крѣпостей, а намъ... охъ, что̀, сударь, и говорить!—объявятъ вдругъ—баста, ни на пядень!—и пропадутъ задаромъ всѣ труды, вся кровь, вся честь...

— Кто же скажетъ, ваша свѣтлость?—осмѣлился я спросить.

— Есть такіе,—произнесъ онъ загадочно.

Порывшись въ бумагахъ, Потемкинъ отложилъ одну изъ нихъ и прикрылъ ее бронзовой накладкой.

— Отважный подвигъ твой и этихъ смѣльчаковъ,—продолжалъ князь: — изобличаетъ въ васъ достойныхъ всякой похвалы слугъ. Я тебя давеча не призналъ. По твоему отличію и квалитéту, о тебѣ ужъ репортовано выше. Но это все, братецъ, ни къ чему. Вы рветесь, ты особенно; это понятно и дѣлаетъ тебѣ честь. Я тебя не забылъ: памятую твой вызовъ, принять и выполнить такую коммиссію, въ коей бы видна была твоя персональная послуга. Готовъ ли ты, Бехтѣевъ, сдержать слово? Нынѣ найдется дѣло и для тебя...

— Приказывайте, располагайте жизнью моею, мной!—воскликнулъ я въ радости.

Князь позвонилъ. Вошелъ Поповъ.

— Гдѣ Бауэръ?—спросилъ Потемкинъ.

Секретарь удивился вопросу.

— Гдѣ, въ какомъ мѣстѣ нынче Бауэръ?—нетерпѣливо застучалъ князь по столу пальцами.

— Проѣхалъ Буда-Пештъ, можетъ и Вѣну.

— Французскій языкъ знаешь? — обратился ко мнѣ Григорій Александровичъ.

— Съ измальства, въ домѣ родительскомъ, и опять же въ корпусѣ обученъ.

— А ну, прочитай, вотъ, Бехтѣевъ,—сказалъ онъ, протянувъ мнѣ книгу.—Недурно! разскажи теперь, попробуй прочтенное своими словами... Слышишь, Василій Степанычъ, видно на Жокондѣ зубы проѣлъ, какъ и мы съ тобой... Пѣвуна, всякаго петиме́тра за поясъ заткнетъ. Ну, изготовь же, по этой матеріи, бумаги и все, что̀ нужно. Въ командировку, сударь, нынче-жъ въ ночь выѣдешь.

— Куда, ваша свѣтлость? —спросилъ Поповъ, вглядываясь въ поданный ему, мелко-исписанный каракулями свѣтлѣйшаго листокъ.

— Ахъ, батюшки, куда! извѣстно въ догонку Бауэра, въ Парижъ... Наговорили болтуны,—почти безъ каблуковъ... А оказывается чуть не въ полтора вершка. Прасковья Андревна, сударь, вычитала въ „Вольномъ Корреспондентѣ“,—обратился ко мнѣ Потемкинъ:—что при платьѣ а-ля-бель-пуль дамы нынче опять носятъ и башмаки съ высокими, выгибными каблуками. Каблуки, именно каблуки; безъ нихъ ни шагу... Такъ готовься, братецъ, поѣдешь въ подмогу Бауэру. Умъ хорошо, два лучше. Хлопочите... помогите угодить фре́рушкиной супругѣ.

Поповъ сдѣлалъ мнѣ знакъ уходить. Князь меня остановилъ.

— Передъ отправкой зайди сюда,—сказалъ онъ:—получишь еще лично отъ меня цидулку къ королевскому башмачнику, — какъ бишь его?.. Они разрушили Бастилію, грозятъ самому трону, религіи, а деспотъ—мода—не даетъ имъ покоя, властвуетъ ими, какъ дѣтьми... Всѣмъ россійскимъ мотамъ велѣно выѣхать изъ Парижа; Бауэру и тебѣ—исключеніе. Ты рвался изъ усердія бить турокъ; поусердствуй пока иначе,—барынѣ постарайся угодить. А что̀ выгоднѣй въ жизни—это, братъ, еще бабушка на̀-двое сказала. Послѣ самъ увидишь и поймешь...

Удивило меня, а потомъ и разобидѣло это рѣшеніе.—„Какъ? офицеру покупать башмаки для какой-то Прасковьи Андреевны? Супруга фре́рушки! да мнѣ-то какое дѣло? Выкидывалъ штуки свѣтлѣйшій, и къ нимъ ужъ привыкли, но такой, да еще съ носившимъ мундиръ гатчинскихъ батальоновъ,—я не ожидалъ“.

Повѣся носъ, въ досадѣ на всѣхъ и все, я возвратился въ „кафа̀нъ“, гдѣ нанялъ комнату. Офицеры бросились меня поздравлять.

— Отмѣнный, завидный случай, вѣрная тропа къ отличіямъ.

— Да въ чемъ же дѣло?—спрашивалъ я.

— Какъ въ чемъ? неужто не знаешь? Во всемъ городѣ и въ лагерѣ только и говору, что о новой причудѣ Таврическаго. И кому-жъ выпало на долю ее совершить? Ближнему, любимому адъютанту князя,

Бауэру, и тебѣ, Бехтѣевъ... Оба какъ бы въ одинъ рангъ поставлены... Такія порученія не забываются... Любимый предметъ, властительница сердца, жена двоюроднаго братца свѣтлѣйшаго... Радуйся, да скорёхонько отъѣзжай, а то какъ бы еще князь не раздумалъ. Съ нимъ это бываетъ.

Получилъ я отъ скупяги-Попова подорожную на фельдъегерскихъ, прогоны и щедрое пособіе на подъёмъ, а въ прощальной аудіенціи отъ князя нѣсколько приватныхъ писемъ, и въ томъ числѣ небольшой пакетъ, съ надписью: „Распечатать черезъ недѣлю, по прибытіи на мѣсто".

На другой день я отправился въ столицу Франціи. Завистники штабные провожали меня вѣжливо и искательно; но я видѣлъ ихъ двусмысленныя улыбки и слышалъ ихъ шопотъ: „фельдъегерь по башмачной части; не вывезли батальоны, вывезутъ выгибные каблуки".

Въ Парижѣ, съ появленіемъ странныхъ коммиссіонеровъ, поднялась буря толковъ и всякихъ пересудъ. Я засталъ Бауэра внѣ себя отъ бѣготни по магазейнамъ, въ вознѣ съ башмачниками и поставщиками модныхъ вещей. Онъ выбивался изъ силъ, хлопоча лично и черезъ подходящихъ агентовъ въ пріисканіи, по привезенной мѣркѣ, башмаковъ, съ отдѣлкой изъ перьевъ, или а-ля-бель-пуль. — „Des souliers pour madame la princesse Potemkine!"—тараторили на всѣ лады словоохотливые французы. Вѣсти о новоприбывшихъ курьерахъ главнокомандующаго дунайской арміи понеслись всюду, выросли въ чудовищные размѣры.

Отчаяннымъ и вѣтренымъ парижанамъ такая фанфара была на руку. Столица перваго въ Европѣ народа была польщена прихотью могучаго русскаго вельможи. И тамъ, гдѣ уже второй годъ царили якобинцы, гдѣ во имя правъ человѣка были уничтожены церкви, монастыри и всякія внѣшнія отличія, гдѣ духовенство присягнуло народу и закону, гдѣ выходили газеты Лусталó „Революціи Парижа" и Марата „Другъ народа", и толпа валила смотрѣть на празднество федераціи на Марсовомъ полѣ и на политическую трагедію Жозефа Шенье „Карлъ Девятый",—тамъ всѣ заговорили о русскомъ фельдмаршалѣ, удостоившемъ командировать своего адъютанта въ столицу великаго народа, за покупкой изобрѣтенныхъ этимъ народомъ башмаковъ. Уличные крикуны, съ портретами Мирабо, Бальи и Лафайэта, вынесли на продажу изображенія Потемкина. Газеты приводили десятки анекдотовъ изъ его жизни, увѣряя, что князь въ Яссахъ посаженъ своей возлюбленной на хлѣбъ и на воду, и что она его не выпуститъ, пока фельдмаршалъ не добудетъ ей желаемой обновки. Въ окнахъ книжныхъ магазиновъ явился печатный, съ каррикатурами памфлетъ, гдѣ былъ изображенъ султанъ, подающій на колѣняхъ фа-

воритке князя собственную обувь. Нѣкій же догадливый содержатель театра и музыкальный композиторъ написалъ даже по сему случаю преострый, съ куплетами, водевиль, подъ именемъ: „Бѣдствія Сѣвернаго Рыцаря“, на представленія котораго публика повалила, какъ на нѣкое диво. Мы сами съ Бауэромъ инкогнито были на томъ представленіи и хохотали отъ души надъ пьесой, гдѣ остроумно изображали насъ самихъ.

А въ то время, какъ парижане занимались водевилемъ и всей этой исторіей новаго чудачества свѣтлѣйшаго, контора россійскаго банкира Сатерланда отсчитала передъ нѣкоей, еще недавно-высокочтимой и титулованной красавицей, обитателькой Сенжерменскаго форштадта, по векселю князя, шестьдесятъ-тысячъ ливровъ золотомъ.

Дѣло въ томъ, что пришелъ указанный срокъ. Я распечаталъ особо мнѣ врученный пакетъ, нашелъ вексель и краткую инструкцію относительно банкира и оной дамы. Обсудивъ съ Бауэромъ, какъ исполнить указанное, мы раздѣлили роли. Онъ тайно доставилъ запечатанное письмо князя дамѣ, я—вексель и ордеръ свѣтлѣйшаго банкиру.

Впослѣдствіи объяснилось, что названной красавицѣ было предложено ловкой рукой выбрать изъ бюро страстно влюбленнаго въ нее, вновь назначеннаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Делесара, нужныя для князя дипломатическія тайныя бумаги. Золотой ключъ отперъ дверь къ податливости корыстной сильфиды и придалъ ей крылья бабочки и благопотребную рѣшимость льва. Она слетала, куда слѣдуетъ, изловчилась и возложенную на нее порученность спроворила отмѣнно успѣшно. Копіи съ нужныхъ бумагъ намъ были переданы, въ переплетѣ вновь вышедшаго кодекса „Правъ человѣка“, а подлинники бумагъ положены на прежнее мѣсто.

Тутъ я съ Бауэромъ простился. Онъ остался укладывать въ картоны и сундуки вороха бархатныхъ, шелковыхъ, сафьянныхъ и всякихъ бамшаковъ, и расплачиваться съ лавочниками и мастерами. Я же навѣстилъ двухъ первыхъ въ Парижѣ медикусовъ, аки бы для совѣта о больныхъ глазахъ, бережно упаковалъ въ сумку книгу „Правъ человѣка“, и пустилъ слухъ, что ѣду для консультаціи съ врачами еще въ Италію. Черезъ Миланъ и Тріестъ, я прибылъ въ Вѣну, дождался тамъ Бауэра и, одновременно съ нимъ и съ его модною поклажей, явился обратно въ Яссы, въ концѣ ноября.

Содержаніе доставленныхъ документовъ оставалось долгое время для всѣхъ тайной. По смерти же князя, при разборѣ его бумагъ Поповымъ и Бауэромъ, оказалось, что то была копія съ секретнаго отказа французскаго кабинета первому министру англійскаго короля Георга Третьяго. Наперекоръ стоявшей за насъ опозиціи безсмерт-

наго Фокса и его друзей, Потланда и Девоншира, коварный и скрытный Питтъ предлагалъ, для возбужденія англійской нижней каморы и въ видахъ отвлеченія французскихъ умовъ отъ возроставшей парижской неурядицы, заключить оборонительный и наступительный договоръ Англіи съ Франціей, съ цѣлію принудить русскихъ къ остановкѣ войны противъ Турціи. Франція отказала. Прочія державы, подъ вліяніемъ Англіи, были до того въ великой фермантаціи; намъ грозили войной съ Пруссіей, даже Австрія клонила нашъ кабинетъ къ принятію негоцій мира съ Турціей—одна отдаленная Гишпанія была спокойна... И вдругъ руки наши развязались...

Получивъ такое свѣдѣніе, Потемкинъ увидѣлъ, что дѣло Восточной Системы спасено.

— Василій Степанычъ, — крикнулъ онъ Попову, пробѣжавъ поданныя ему бумаги:—балъ назавтра, танцы и балетъ, съ фейерверкомъ... Молодцы, господа!—обратился онъ къ Бауэру и ко мнѣ:—Прасковья Андреевна сама оцѣнитъ ваше усердіе и поблагодаритъ.

Бауэра онъ крикнулъ въ кабинетъ, а подойдя ко мнѣ, опустилъ руку въ карманъ и запѣлъ по церковному „Кресту Твоему покловяемся, Владыко!“ Онъ хотѣлъ нацѣпить мнѣ въ петлицу орденъ; я его остановилъ.

— Иной награды, коли стою,—осмѣлился я произнесть.

— Какой?—всего проси:—заслужилъ.

Я передалъ о захватѣ отцомъ Зубовымъ имѣнія моихъ родителей.

— И грабителей проучимъ, и отъ креста не уйдешь,—сказалъ свѣтлѣйшій:—возвращайся къ арміи и решпектуй отъ меня Михайлѣ Ларивонычу: мысли ваши на-дняхъ будутъ утѣшены...

IX.

Едва я возвратился къ колоннѣ Кутузова, гдѣ меня тѣмъ временемъ причислили къ егерскому полку, пришла вѣсть, что нашей гребной флотиліи, взявшей Тульчу и Исакчу, удалось прервать сообщеніе Измаила съ незанятымъ нами правымъ берегомъ Дуная. Множество запорожскихъ чаекъ и заготовленныхъ въ Севастополѣ шкупъ, дупельшлюпокъ, полакръ, ботовъ и галеръ вошли гирлами въ рѣку, подтянулись къ занятымъ нами крѣпостцамъ. Пользуясь этимъ, свѣтлѣйшій предписалъ командиру корпуса, Гудовичу, занять дессантомъ островъ противъ Измаила, устроить тамъ въ тайности кегельбатарею и, начавъ обстрѣливаніе самой фортеціи, подойти къ ней съ суши и отъ рѣки, и попытаться взять ее осадой. Стало извѣстно, что въ Стамбулѣ опять усилилась партія войны; муфти, стоявшій съ

матерью султана и сералемъ за миръ, былъ смѣненъ. Порта напрягала послѣдніе рессурсы, съ цѣлью выбить насъ изъ занятыхъ ея владѣній.

Обложеніе Измаила началось, по этому плану, 21-го ноября. Войско вздохнуло отрадно.

Но гдѣ было изнуренному непогодой, болѣзнями, бездорожьемъ и всякими лишеніями, двадцати-восьми-тысячному отряду, половину коего составляли казаки, мѣряться съ грозной фортеціей, снабженной въ обиліи съѣстными, огнестрѣльными и прочими припасами, въ которой, за неприступными земляными и каменными твердынями, сидѣлъ съ сорока-тысячнымъ отборнымъ и свѣжимъ войскомъ самъ сераскиръ Мегметъ-Аудузлу-паша? Первый пылъ арміи, обрадованной приступомъ къ дѣйствіямъ, прошелъ. Начались сомнѣнія, колебанія. Позднее-жъ время года, непрестанные проливные дожди, холодъ, грязь и болѣзни въ войскѣ еще болѣе усилили общій упадокъ духа. Черезъ недѣлю по начатіи осады, Гудовичъ созвалъ военный совѣтъ для обсужденія вопроса: продолжать ли предпріятіе, или ретироваться на вѝнтеръ-квартиры? Генералы, послѣ недолгихъ колебаній, рѣшили— отступить.

Мы двинулись по убійственнымъ дорогамъ, затопленнымъ дождями и разбитымъ нашими же обозами, въ обходъ болотъ, у озеръ Кугурлея и Ялтуха. Было предписано идти къ Рени и Галацу, гдѣ, вопреки общему мнѣнію и къ удивленію всѣхъ, сидѣлъ въ то время, какъ-бы нарочно забытый и всѣми оставленный, любимецъ арміи и всего русскаго народа, безсмертный Суворовъ...

Былъ сквернѣйшій, холодный и сырой вечеръ второго декабря 1790 года.

Колонна Кутузова, гдѣ мнѣ дали въ команду роту фузилеровъ, шла цѣлыя сутки, но сдѣлала, по лѣсистымъ топямъ и оврагамъ, не болѣе пятнадцати-двадцати верстъ, каждый часъ, каждый мигъ ожидая, что вотъ растворятся ворота Измаила и въ нашемъ тылу раздадутся грозные крики преслѣдующихъ турокъ. Авангарду скомандовали привалъ. Кое-какъ установили обозъ и разложили по морскому песку костры.

Налетавшій мелкій, какъ сквозь сито, дождь то-и-дѣло тушилъ еле-тлѣвшій бурьянъ, сучья и кукурузные стебли. Обмокшіе, прозябшіе солдаты толпились у ротныхъ котловъ. Офицерство забралось къ чайникамъ, въ нáскоро разбитыя палатки. Сумерки сгущались. Я не могъ обогрѣть у слабаго огня продрогнувшихъ окоченѣлыхъ членовъ, и сталъ, разминаясь, прохаживаться между палатками.

Влѣво отъ авангарда виднѣлась темная полоса озера, вправо—

рядъ пустынныхъ бугровъ, кое-гдѣ поросшихъ мелкимъ кустарникомъ. Ноги скользили въ жидкой, расползавшейся во всѣ стороны грязи. То здѣсь, то тамъ въ сумеркахъ, подъ шуршаніе и назойливый пискъ зарядившаго на всю ночь дождя, слышался говоръ солдатъ.

— То-же егарями зовутся, круподёры,—толковалъ кто-то подъ навьюченной фурой недовольнымъ, старымъ басомъ:—двадцать лѣтъ въ полевой, да въ гарнизонѣ шесть, и опять взяли,—служи. А какова нонѣ муниція? Одинъ шомполъ на двухъ... Были каски: зимой—холодно, въ дождь—въ загривокъ, какъ изъ трубы...

— За то нонѣ кивера,—перебилъ говорившаго молодой, веселый голосъ:—ахъ, братцы, ну, чисто ощипанный кочетъ; спереди—хохолъ, сзади—лопасть; въ зимушку опять будешь безъ щекъ и ушей.

— Нѣтъ, ты, дядя уважь—когда жалованье?—спросилъ третій голосъ изъ-за палатки, скосившейся надъ лужей:—двѣ трети его и въ глаза не видѣли. Отъ кукурузы, да отъ треклятаго папушоя животы подвело. Сѣна конямъ не даютъ; можно, молъ, и на подножномъ... А подножный что̀? ныньче грязюшка, завтра снѣгъ.

— Хорошъ тоже хоть-бы самъ-отъ,—продолжалъ первый критиканъ, очевично о Гудовичѣ:—подъ Киліей ни разу его, какъ есть, и не видѣли на брешь-батареѣ; все изъ лезе́рва, даже въ туманъ, въ подзорную трубку глазѣлъ.

— Да! ты вотъ лобъ подставляй,—отозвался кто-то, прокашлявшись, отъ коновязи:—а они къ параду въ обѣдни пе выходятъ. То-ли, братцы, Ликсандра Васильичъ...

— Суворовъ?

— Ну, да... Эго — хоть-бы въ очаковскую зиму. Стоимъ мы, братцы... ахъ, въ жисть, то-есть!.. ну, какъ есть!..

Дождь будто пересталъ. Я набилъ трубку у костра, закурилъ; слышу, толкуетъ въ сторонѣ кучка отставшихъ артиллеристовъ.

— Хучь бы тебѣ выгода какая, ли лагерь взяли,—провизіи, ли городъ—серебра, золота. Портки въ дырьяхъ, сапожишковъ и званія нѣтъ.

— За то, Евсѣичъ, у свѣтлѣйшаго, видѣлъ-ли, двѣсти гранодеровъ холопами; выросъ дубиной, хорошо подалъ тарелку за фриштыкомъ, ну, опъ-те сейчасъ и въ офицеры.

— Для виду только?

— Какой для виду! Портнаго за кафтанъ — въ подпрапорные, молдаванчика-серебренника — въ корнеты, булочника пожаловалъ въ подпоручики! Лошадей у него болѣе двухъ сотъ, и всѣ, братцы, кормятся на счетъ кирасирскаго и драгунскаго полковъ. А подрядчики грабятъ! вотъ антихристы... Зашелъ это я къ Семенъ Митричу, разутъ, совсѣмъ ознобѣли щиколки; послѣдняя подошва въ лужѣ у моста

осталась. А онъ жретъ мамалыгу, смѣется: ты, говоритъ, въ припрыжку...

— Ахъ, жизнь! ахъ, горе! И нѣтъ на нихъ, людоѣдовъ, сударасправы.

— Австріякъ, сказываютъ, своихъ вѣшалъ. Вотъ-бы нашимъ-то...

— Держи карманъ, на нашихъ толстошеевъ, видно, веревка еще не сплетена.

Духъ тогдашняго армейскаго критиканства мнѣ былъ не въ новость. Но то, что̀ привелось услышать въ дни нашей ретирады, смутило меня сверхъ мѣры. Я возвратился въ палатку, прилегъ на влажныхъ снопахъ, гдѣ ужъ расположились трое другихъ офицеровъ, и завернулся въ шинель.

Лагерь смолкалъ. Пригорокъ, на которомъ стояла наша палатка, былъ въ передней линіи авангарда. Внизу виднѣлись лужи узкаго проселка, ведшаго къ мосту, черезъ ближній ручей. Съ вечера долго слышались съ той стороны крики погонщиковъ-молдаванъ, тащившихъ на волахъ, черезъ дырявые мостовые горбыли, отставшія пушки какой-то батареи.

Изъ-подъ обвисшей, намокшей парусины было видно, какъ надъ окраиной долины бѣжали низкія, бурыя, клочковатыя облака.

— Господи! хоть бы ужъ замиреніе,—сказалъ въ отвѣтъ высокому широкоплечему маіору Неклюдову лежавшій возлѣ меня, больной лихорадкой, молоденькій, вѣчно-жалующійся и разочарованный въ ожиданіяхъ прапорщикъ Гуськовъ:—въ два мѣсяца хотѣли Константинополь взять! по недѣлямъ рубахи не мѣняешь, отъ карпетокъ осталась какая-то корпія; накинулъ барабанщикъ изъ стараго кивера подметку,—а она, анаѳема, какъ окунь, опять ѣсть проситъ, эту хлябь такъ и всасываетъ...

— Ну, миленькій, все простишь, какъ у тебя это убѣжденіе, что тебя не тронетъ ни штыкъ, ни пуля,—возразилъ ему, весело вскидываясь изъ-подъ шинели и садясь въ потьмахъ палатки, Неклюдовъ:—мнѣ, господа, цыганка въ Яссахъ гадала, что я кончу походъ не токмо живъ, даже не раненъ.

— Избѣгнешь раны, какъ разъ! — сердито кашляя, произнесъ больной Гуськовъ:—у нихъ штуцера Цельнера и Гамерле́, пистолеты Лазаря Лазарини. Съ нашими только осрамишься. Вонъ и Ловцовъ былъ увѣренъ...

— Да вѣдь онъ живъ!

— Хороша жизнь въ Измаилѣ, въ плѣну... Когда-то еще храбрый Россъ надумаетъ и придетъ его избавить...

Долго я слушалъ, притворяясь, что заснулъ. У самого все было промочено до костей. Стыдъ за себя и за другихъ тѣснилъ мысли.

Боже, хоть бы изъ-за угла шальная какая пуля! Крупныя капли изрѣдка мѣрно падали, сквозь дырья парусины, то на руки, то на лицо. Сонъ сталъ одолѣвать, но я пробуждался, взглядывалъ въ щель двери, прислушивался къ звукамъ ночи. Что̀-то шлепало по грязи, вѣтеръ шаталъ палатку, шелестилъ травами и камышомъ. Ча̀вкали фурштатскія клячи; жалобно завывала гдѣ-то полковая собаченка. Вправо, на чуть видномъ пригоркѣ, свѣтился фонарь у ставки Кутузова.

Вдругъ я вскочилъ. За шею побѣжала накопившаяся надъ заплатанной парусиной холодная, дождевая вода. Въ то же время, влѣво отъ моста, послышалось топанье конскихъ копытъ. — „Что̀ бы это было?—подумалъ я: — откуда явиться конницѣ? ужъ не янычары ли пробрались въ обходъ?“

Накинувъ на̀скоро шинель, я вышелъ изъ палатки. Дождь пересталъ. Къ пригорку, брызгая по лужамъ, пробирались гуськомъ всадники. Въ начинавшемся блѣдномъ разсвѣтѣ я разглядѣлъ казачьи шапки и пики.

— Чья колонна?—спросилъ, завидѣвъ меня, передній, останавливая у взгорья поджараго, тяжело дышавшаго впалыми ребрами, горбоносаго кабардинца.

— Шестая, Кутузова, — отвѣтилъ я, видя, что часовой у въѣзда въ лагерь вытянулся передъ всадникомъ во фронтъ.

— Какія части?—продолжалъ тотъ.

— Три батальона егерей, два гренадеровъ и сотня бугскихъ стрѣлковъ. За ними ночуетъ отрядъ Самойлова и часть артиллеріи Мекноба...

Говоря это, я приблизился и разглядѣлъ всадника. То былъ худой, подвижной, съ маленькимъ личикомъ, старикъ; длинные сѣдые локоны выбивались изъ-подъ его намокшаго треугола. Сѣрая, подпоясанная ремнемъ старенькая шинель была черная отъ дождя. Комки жидкой грязи облипали высокіе сапоги, обвислыя фалды и руку, въ которой была нагайка.

— Офицеръ?—крикливымъ, добрымъ голосомъ спросилъ старикъ, склонивъ ко мнѣ обветрѣнное и чуть видное отъ брызгъ грязи лицо: — ну, ваше благородіе, уважь, веди насъ къ Михаилѣ Ларивонычу. Старый знакомый... Что̀ смотришь? Гонцы, голубчикъ, — съ повелѣніемъ, изъ главной квартиры,—гонцы... пристойная знатности, помилуй Богъ!

— Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь?

— Цымлянской станицы старшина, Фролъ Терентьевъ Балабо̀лкинъ.

Я, какъ подобаетъ, отдалъ честь прибывшему и повелъ его къ ставкѣ Кутузова. Спутники старика двинулись слѣдомъ съ удивленными лицами, оглядывая меня и какъ-бы межъ собой перемигиваясь.

— Такъ вы, сударики, на попятный?—отступать? — насмѣшливо допрашивалъ, обдергиваясь и оправляясь въ сѣдлѣ, именовавшій себя Балабо̀лкинымъ.

— Развѣ мы?—отвѣтилъ я:—мало ли чего хотѣлось бы? велѣно,—нечего разсуждать.

— Гости хорошіе и вѣсти такія-жъ, optimissime! — проговорилъ и прищелкнулъ пальцами старикъ:—не крикнетъ трижды петелъ, отречетесь отъ принятыхъ рѣшеній; а ты, козырь! ишь, всталъ раньше всѣхъ... молодецъ!

Меня что-то какъ-бы подталкивало и подмывало. Самъ не понимая,—почему, я точно на крыльяхъ летѣлъ. Странное, сладкое чувство всего меня наполняло.

Среди луга, отдѣлявшаго два взгорья, была широкая водомоина. Рыжій кабардинецъ старика заупрямился. Я подобралъ плащъ, шагнулъ въ воду, взялъ коня подъ уздцы и провелъ черезъ колдобоину.

— Эхъ, важно! такъ, такъ! — ободрялъ всадникъ, видя, какъ я шлепаю ботфортами по водѣ: — да ты въ водѣ, какъ дома... ужъ не изъ моряковъ ли?

Я отвѣтилъ, что изъ моряковъ.

— Покинулъ Рибаса? и хорошо сдѣлалъ... Ротой командуешь? молодецъ! штыкъ, онъ лучше, братъ, всякой лодки доѣдетъ.

Мы добрались до палатки отряднаго командира. Кутузовъ былъ ужъ на ногахъ. Деньщики возились у распакованной фуры, ставили самоваръ. Толстенькій, румяный и невыспавшійся адъютантъ, Кнохъ, что-то съ недовольнымъ видомъ писалъ подъ диктовку Михаила Ларіоныча, на барабанѣ. Самъ Кутузовъ сидѣлъ на опрокинутомъ ведеркѣ, полковой фельдшеръ, въ фартукѣ, выбрилъ ему правую щеку и подновлялъ мыло на лѣвой.

Не успѣлъ я, съ рукой у шляпы, отрепортовать генералу о прибытіи изъ главной квартиры такого-то гонца,—всадники, пробравшись между фуръ, тоже наспѣли къ палаткѣ. Передовой вскочилъ на земь, бодро встряхнулся, бросилъ поводья ближнему изъ казаковъ и мелкимъ, бойкимъ розвальцемъ двинулся прямо къ генералу.

— Хорошъ Балабошкинъ!!. батюшка графъ Александръ Васильичъ!—крикнулъ Кутузовъ, отстранивъ фельдшера и вставая на-встрѣчу гостя.

— Ура! — весело произнесъ, оглядывая всѣхъ и махая мокрой шляпой гость: — такимъ богатырямъ да отступать? назадъ! обратно, съ походомъ...

„Генералъ-аншефъ Суворовъ! ужли онъ? откуда?"—послышались голоса вблизи меня. Я обмеръ въ радости и удивленіи.

Суворовъ и Кутузовъ дружески обнялись.

— Вы, сударь, съ вами Гудовичъ, Голицынъ, Мекнобъ и Рибасъ, всѣ, — продолжалъ Суворовъ, не выпуская изъ перепачканной, худой и красной своей руки полныхъ, бѣлыхъ пальцевъ Кутузова:—всѣ части отнынѣ становятся подъ мою верховную команду.—(Куту-

зовъ, моргнувъ зрячимъ глазомъ, почтительно приставилъ ко лбу пальцы свободной руки.) — А потому, батюшка, ординарцевъ сюда, штабныхъ, вѣстовыхъ, трубача! снимать лагерь. Да-съ... Мѣшкать нечего... Пріятно будетъ невѣрнымъ, фуй, вотъ какъ пріятно-съ! — какъ пилюля полынная... Ныньче же къ вечеру на прежнія позиціи къ Измаилу, а завтра... помилуй Богъ!.. увидимъ, какъ поступить.

Кутузовъ оглянулся на адъютанта. Суворовъ придержалъ его за руку.

— Повелѣно, — произнесъ онъ: — взойдя тутъ, сызнова ложѝроваться, во что ни стало... а потомъ... Ну, да увидимъ, батюшка... увидимъ, сударики мои... А, впрочемъ, вотъ тебѣ, Михайло Ларіонычъ, и на бумагѣ...

Тутъ Александръ Васильичъ отстегнулъ лацканъ кафтана, вынулъ отсырѣвшій, порыжѣлый пакетъ, вручилъ его Кутузову, и оба они, давая другъ другу дорогу, съ аттенціей и молча, вошли въ палатку.

„Суворовъ, Суворовъ!“ — понеслась радостная вѣсть по лагерю. Все ожило, задвигалось. — „Какой приказъ? наступленіе? голубчики вы мои, дождались-таки праздника!“ — Одна мысль, что Суворовъ въ авангардѣ, переродила общее настроеніе. Все рвалось впередъ. — „А эти се́рбины, босня́ки, болгарчики — сущіи хохлы, нашъ братъ“, — толковали ликующіе солдаты, недавно еще ругавшіе за разныя прижимки одноплеменниковъ: — „какъ есть свои и крестятся по нашему и все... И отчего матушка-царица ихъ не заберетъ совсѣмъ у турка?“ — Какъ нарочно, перемѣнилась и погода. Тучи подобрались, стали расходиться. Выглянула полоса чистаго синяго неба. Начало подмораживать. Лагерь копошился, снимая палатки, вьюча и запрягая фуры.

Въ полдень Суворовъ вышелъ изъ ставки Кутузова, тоже выбритый, въ синей шерстяной фуфайкѣ и въ чистомъ бѣломъ колпакѣ.

— Не видать что-то моихъ соколовъ, — сказалъ онъ, щурясь противъ солнца: — ужь и ждала-жъ, ждала свово друга молода̀...

— Не это ли, ваше сіятельство? — осмѣлился я указать за ручей.

Отъ моста на лугъ по-взводно въѣзжалъ конный отрядъ. За кавалеристами тянулись, блестя штыками и бляхами шляпъ, шеренги фанагорійскаго, вездѣ слѣдовавшаго за любимымъ вождемъ, егерскаго полка.

— Спасибо! вторая послуга... Быть тебѣ въ моихъ ординарцахъ, — сказалъ, взглянувъ на Кутузова и быстро на одной ногѣ обратясь ко мнѣ, Суворовъ: — дай имъ знать, что, молъ, дядюшка тутъ: щи, каша — готовы. Тащи ихъ къ котламъ... Понялъ! Штыкъ, внезапность, быстрота... вотъ наши вожди — не отставай и ты.

Я поспѣшилъ на-встрѣчу подходившаго отряда. Но какъ забилось мое сердце, когда я узналъ, что въ тотъ же день меня причислили

къ штабу Суворова. Я расположился при главной, походной квартирѣ, и пока живъ не забуду того, чтò я тутъ испыталъ и чему сдѣлался очевиднымъ и глубоко-тронутымъ свидѣтелемъ.

Ранней утренней зарей, третьяго декабря, бывшій отрядъ Гудовича, обратясь вспять, какъ снѣгъ на голову, вновь появился передъ твердынями Измаила. Колебаній, безнадежности не было и слѣда. Малодушные порицатели смолкли. Духъ героя зажегъ бодростью и рвеніемъ робкія, упавшія сердца.

Въ войскѣ такъ объясняли это событіе: на донесеніе Гудовича о крайней невозможности взять Измаилъ, Потемкинъ, отъ 25 ноября, изъ Бендеръ, прислалъ отвѣтъ: „Вижу пространственныя ваши толкованія, а не вижу вреда непріятелю“, — и тогда же послалъ въ Галацъ приказъ Суворову: „Вести штурмованіе и, буде окажется можно, взять Измаилъ“. — Суворова въ этомъ письмѣ свѣтлѣйшій назвалъ „милостивымъ другомъ“, а себя „вѣрнѣйшимъ слугой“. Отвѣтъ Суворова князю состоялъ въ двухъ строкахъ: „Получа повелѣніе, отправился къ Измаилу. Боже! даруй намъ помощь Свою“:

Потемкинъ, между тѣмъ, вскорѣ впалъ въ новыя сомнѣнія. Получивъ извѣстіе, что Гудовичъ ужъ отступилъ, онъ послалъ въ догонку Суворову, отъ 29 ноября, новый ордеръ: „Извѣстясь о ретирадѣ корпуса Гудовича, предоставляю вашему сіятельству поступить тутъ по лучшему усмотрѣнію, — продолженіемъ ли предпріятій на Измаилъ, или его оставленіемъ. Вы на мѣстѣ, и руки у васъ развязаны“. Но Суворовъ рѣшилъ болѣе не поддаваться такимъ шатаніямъ. Онъ по-своему объяснилъ новый приказъ главнокомандующаго. — „Воля отступать и не отступать“—сказалъ онъ, прочтя бумагу:—„слѣдовательно, отступать не приказано“.—Въ такомъ смыслѣ, положа все на мѣрѣ, и повелъ дальнѣйшія приготовленія

Войско, двинувшись, расположилось полукружіемъ въ трехъ верстахъ отъ Измаила, занявъ почти двадцать верстъ вдоль берега Дуная. Установилась ясная, морозная погода. Вѣтеръ и стужа увеличились. Стали грѣться ракіей и пуншами изъ моднаго рижскаго бальзама. Суворовъ повелѣлъ поддерживать день и ночь костры. Приготовивъ лѣстницы и фашины, онъ обучалъ по ночамъ войска дѣйствовать ими; осматривалъ съ инженерами удобныя мѣстности и отряжалъ вылазки, а чтобъ турки предполагали возобновленіе правильной осады, диспонировалъ и возвелъ рядъ батарей, чуть не въ полсотнѣ саженъ отъ бастіоновъ Измаила, откуда намъ и стали отвѣчать непрерывнымъ ожесточеннымъ огнемъ. Наши наводчики, направляя орудія, дули въ замерзшіе кулаки и, пуская снаряды, приговаривали: „ишь, бабушка Терентьевна, какъ сморкается! ну-ка, уважь еще, уважь“...

Громадныхъ размѣровъ фортеція, по обширности своей названная

турками „орду-калеси“, то-есть—сборъ войскъ, занимала въ окружности десять верстъ. Съ Дуная ее окружали каменныя стѣны; съ суши—земляной валъ, въ четыре сажени вышиной, со рвомъ еще глубже. Въ ней было до трехсотъ пушекъ и сорока-тысячный гарнизонъ, на половину изъ отчаянныхъ спаго́въ, зейбековъ и янычаръ.

Седьмого декабря 1790 года, генералъ-аншефъ Суворовъ послалъ сераскиру Мегмету-Аудузлу-пашѣ, „всѣмъ почтеннымъ султанамъ“ и прочимъ пашамъ прокламацію съ требованіемъ, безъ напраснаго кровопролитія,—сдать крѣпость, дабы могли быть пощажены отъ раздраженнаго воинства женщины, младенцы и другіе неповинные. Гордый сераскиръ, отказавшійся незадолго отъ принятія визирскаго достоинства, отвѣчалъ черезъ парламентера: „Скорѣе Дунай остановится въ своемъ теченіи и небо упадетъ на землю, нежели сдастся гяу́рамъ Измаилъ“.

X.

— Сами захотѣли, ну, попробуютъ!—сказалъ Суворовъ, огненнымъ и радостнымъ взоромъ пробѣжавъ переводъ хвастливаго отвѣта паши.

Узнавъ, что сераскира, въ его рѣшимости, поддерживали нѣкоторые изъ пашей и, между прочимъ, братъ крымскаго хана, Капланъ-Гирей, бывшій въ Измаилѣ съ шестью молодыми сыновьями, Суворовъ увѣдомилъ Аудузлу, „что если тотъ въ двадцать-четыре часа не выставитъ бѣлаго флага, то крѣпость будетъ взята приступомъ, и гарнизонъ ея содѣлается жертвой ожесточенныхъ воиновъ“. Сераскиръ, въ отвѣтъ на новое увѣдомленіе графа, удвоилъ канонаду съ крѣпостныхъ окоповъ.

А къ вечеру примчался отъ свѣтлѣйшаго новый гонецъ. Страшась неудачей омрачить себя и славу ввѣренныхъ ему войскъ, Потемкинъ окончательно отмѣнилъ посланныя передъ тѣмъ распоряженія и предписывалъ Суворову „не отваживаться на приступъ, если онъ не совершенно увѣренъ въ успѣхѣ“.—Суворовъ отвѣтилъ князю:—„Мое намѣреніе непремѣнно. Два раза было россійское войско у воротъ Измаила,—стыдно будетъ, если въ третій оно отступитъ, не войдя въ него“.

Ночью девятаго декабря былъ созванъ окончательный военный совѣтъ.

Всѣ первенствующіе въ арміи генералы, подъ разными предлогами, на это совѣщаніе почему-то не удостоили явиться. Дѣло рѣшилось тринадцатью второстепенными командирами. Бригадиръ Матвѣй Платовъ, будучи, какъ младшій изъ всѣхъ, спрошенъ въ началѣ, первый

подписалъ резолюцію: штурмовать. За нимъ Орловъ, Самойловъ, Кутузовъ, а далѣе и всѣ, колебавшіеся и приходившіе въ отчаяніе, положили рѣшеніе: „Приступить къ штурму неотлагательно. И посему ужъ нѣтъ надобности относиться къ его свѣтлости. Обращеніе осады въ блокаду исполнять не должно. Отступленіе предосудительно“.

Узнавъ рѣшеніе, Суворовъ вбѣжалъ въ засѣданіе совѣта, всѣхъ перецѣловалъ и объявилъ: „Одинъ день Богу молиться, другой учиться; въ третій—Боже Господи! въ знатные попадемъ—славная смерть или побѣда“.

Утромъ десятаго декабря была открыта рѣдкая, слабая, съ перерывами, пальба съ флота и съ батарей на сушѣ и на острову, дабы обмануть турокъ мнимымъ недостаткомъ у насъ пороха и прочихъ снарядовъ. Къ вечеру канонада стихла.

Ночь съ десятаго на одиннадцатое декабря была послѣднею передъ грознымъ приступомъ, который прогремѣлъ во всемъ свѣтѣ и воспѣтъ безсмертнымъ Байрономъ. Съ вечера сильный, безъ вѣтра, морозъ скрѣпилъ окольныя болота и дорожную грязь. Наступили сумерки. Войско готовилось, молча и набожно, къ битвѣ, гдѣ столько тысячъ храбрыхъ ожидала лютая, безжалостная смерть.

Меня позвали въ землянку Суворова, вырытую въ передовой части нашихъ позицій. Это была просторная, безъ оконъ, укрытая сучьями и кукурузными снопами, перегороженная на-двое яма, съ печуркой и дымникомъ въ стѣнѣ и съ камышевымъ щитомъ вмѣсто двери. Освѣщалась она свѣчками, вставленными въ пустыя бутылки.

Сутуловатый, черномазый полтавецъ Бондарчу́къ, тогдашій графскій деньщикъ, высунувшись съ лоханкой изъ-за перегородки, гдѣ стояла походная, складная кровать главнокомандующаго, сказалъ мнѣ: „Звелѣли, добро̀дію, обождать“. По этотъ бокъ перегородки, безпечно и мирно, точно гдѣ-нибудь на родинѣ, въ Гатчинѣ или Чухломѣ, потрескивали въ печкѣ откуда-то добытыя сухія полѣнца. Пахло дымкомъ и столь любимымъ графскимъ прысканьемъ, смѣсью мяты, шалфея и калу́фера. Воображеніе переносило въ русскую баню, а въ опочивальнѣ графа кстати слышались нѣкіе пріятные вздохи, оханье и какъ-бы плесканье!

— Еще, голубчикъ хохликъ! Ну-ка, Бандарчу́къ! Ой, Господи! да важно какъ, еще!—восклицалъ Александръ Васильевичъ, очевидно подставляя подъ лоханку деньщика то лицо, то затылокъ, то плечи.

— Удивляешься? — спросилъ онъ вдругъ, выйдя закутанный въ простыню: — часочекъ рекреаціи! съ Покрова, братъ, головы не мылъ: на-утро же, знаешь, какое дѣло...

Графъ вытерся, опросталъ голову, сѣлъ на какой-то обрубокъ и протянулъ къ печкѣ худыя, волосатыя, тоже вымытыя ноги, на ко-

торыя деньщикъ сталъ натягивать шерстяныя стоптанныя онучки, вмѣсто чулокъ, и сапоги. Все тѣло графа, впалыя плечи и узкая, плоская грудь, поражали слабостью и худорьбой. Онъ, подъ вліяніемъ пріятной печной теплоты, смолкъ и сталъ слега вздрёмывать.

„И этому щедушному старику предстоитъ завтра такое страшное, отвѣтственное дѣло",—подумалъ я.

— Пуговочку... ниже... охъ, что же это?—проговорилъ въ полуснѣ Суворовъ и вдругъ весело раскрылъ глаза:—молода была—янычаръ была, стара стала—баба стала... Бехтѣевъ, ты тутъ? Слушай, ты не лживка и не лѣнивка! скажи, да по-правдѣ, любишь Питеръ?.. То-то, гдѣ его любить! Близко къ нѣмцамъ... Оттого и многія тамъ пакости. Всюду, охъ, проникаетъ питерскій воздухъ... Прислони, братецъ, дверь въ сѣняхъ плотнѣе,—такъ-то... Оно спокойнѣе. Не то, какъ бы опять изъ Яссъ не запахло Питеромъ. Критика, политика, верну́нфты! сохрани и помилуй отъ нихъ Богъ, помилуй...

Бѣлье и рейтузы были надѣты. Деньщикъ, вытянувшись, давно стоялъ съ камзоломъ и сюпе́рвестомъ въ рукахъ. Но графъ медлилъ подниматься отъ печки. Я тоже молча ожидалъ приказаній. Наверху, за двернымъ щитомъ, слышался сдержанный шопотъ, толпились адъютанты и прочіе штабные.

— Воскресъ убитый Топа́лъ-паша! хромой паша! воскресъ,—проговорилъ, глядя въ печку, Суворовъ:—такъ меня, сударь, прозвали турки за хромоту и совсѣмъ-было схоронили подъ Бендерами... Да ожилъ на страхъ изувѣрамъ и завтра явится, какъ Божья кара. Самъ Петръ Александрычъ, не то что, самъ Задунайскій меня лично цѣнилъ и одобрялъ. У Вобана, сударь, у Тюренни и Монтеку́кули учились мы, вонъ съ Бондарчуко́мъ, военной премудрости и всякому артикулу. Мы не антиша́мбристы, не блюдолизы, хоть и вандалы, дикари. Солдаты любятъ насъ, друзья славятъ, враги бранятъ... Ну-ка, Прохоръ Иванычъ, другую прежде фуфаечку поверхъ этой; оно теплѣй. Да пуговочку... шлифная пряжка намедни лопнула, досталъ ли иголку, ниточки, зашить? досталъ? ну, молодецъ. А ты, Бехтѣевъ,—вотъ зачѣмъ я тебя позвалъ: отыщи въ чемоданѣ баульчикъ такой, походную аптечку. Матушка-царица, Екатерина Алексѣевна, снарядила ее сама, своими ручками, и прислала мнѣ послѣ Очакова, во-вѣки съ ней не разстаюсь. Такъ ты приладь на плечо и завтра вози за мной. Сердцезритель-Господь чертитъ каждому путь... Можетъ кому и пособимъ...

Хилый, сморщенный старикъ, кряхтя, поднялся со скамьи, надѣлъ камзолъ, обвязалъ шею чистымъ батистовымъ платкомъ, изрядненько прибралъ свой гарбе́йтель-косичку, зачесалъ сзади на лобъ часть жидкихъ, сѣдыхъ волосъ и подвернулъ ихъ завитушкой-хохолкомъ, одѣлся въ синій съ золотомъ кафтанъ со звѣздами, пристегнулъ

шпагу, прошелся по землянкѣ—и куда дѣлась сонливость и хилость.
—„Туалетъ солдата таковъ—всталъ и готовъ!—сказалъ Суворовъ:—честь и хвала князю Потемкину, поубавилъ кукольныхъ занятій у войска... но все еще не мало осталось!“—Графъ покрылся шляпой съ бѣлымъ плюмажемъ, расправился, обернулся—я его не узналъ. Три ночи неспавшій въ переговорахъ съ турками, шестидесятилѣтній старикъ, измученный душевной, никому незримой борьбой, и страдавшій ревматиками раненой ноги, глядѣлъ бодрымъ, выносливымъ, свѣжимъ и молодымъ.—„Фазаны тутъ?“—спросилъ Суворовъ Прошку.
—„Тутъ“, отвѣтилъ деньщикъ. Такъ графъ называлъ нарядныхъ штабныхъ.—„Ну, теперь выкинетъ штуку,—подумалъ я, вспоминая выходки графа:—выскочитъ, крикнетъ пѣтухомъ, чтобы разбудить дремлющій станъ“...

— Господа, по мѣстамъ!—сказалъ Суворовъ серьёзно, торопливо взбираясь изъ землянки и направляясь къ большому сосѣднему костру. Графъ позвалъ назначенныхъ заранѣе начальниковъ, кое-кого изъ офицерства, и сѣлъ у огня дожидаться условнаго знака. Штурмъ, какъ всѣ знали, былъ предположенъ до разсвѣта, по выпускѣ трехъ, съ промежутками, сигнальныхъ ракетъ.

Войско для взятія крѣпости было раздѣлено на три отряда,—въ каждомъ по три колонны. Правымъ крыломъ, или первымъ отрядомъ, командовалъ двоюродный братъ свѣтлѣйшаго, мужъ Прасковьи Андреевны Потемкиной, генералъ-поручикъ Потемкинъ; второе, или лѣвое крыло было поручено племяннику князя Таврическаго, генералъ-поручику Самойлову; третьимъ, отъ рѣки, командовалъ контръ-адмиралъ Рибасъ. Начальниками подчиненныхъ имъ колоннъ были генералъ-маіоры: Львовъ, Мекнобъ, Ласси, Безбородко, Кутузовъ, Арсеньевъ; бригадиры: Платовъ, Орловъ, Марковъ и атаманъ запорожцевъ Чепига.

Костры шестой колонны, Кутузова, бывшей въ отрядѣ Самойлова, свѣтились красивыми, правильными рядами слѣва, по холмамъ и спускамъ въ лощину, подходившую здѣсь къ самой рѣкѣ.

Суворовъ, полулежа на примерзлой травѣ и кутаясь въ бурку, отдавалъ послѣднія приказанія. Рѣзкій, пронизывающій холодомъ и сыростью вѣтеръ, дувшій съ вечера, затихъ. Въ отблескѣ графскаго костра рисовалось нѣсколько старыхъ и молодыхъ фигуръ, почтительно стоявшихъ возлѣ Александра Васильича. Въ сторонѣ, у смежныхъ огней, слышалась французская, бойкая, самоувѣренная рѣчь. Между говорившими я узналъ прибывшихъ въ эти дни нѣкоторыхъ изъ агентовъ иностранныхъ дворовъ и наспѣвшихъ изъ ясской главной квартиры партикулярныхъ вояжеровъ и волонтеровъ. На коврѣ, бокомъ къ огню, сидѣлъ бѣлокурый и сильно близорукій, съ пріятной важной осанкой, сынъ извѣстнаго принца Де-Линя. Съ нимъ оживленно спо-

рилъ, сидя на корточкахъ, бархатномъ кофейномъ кафтанѣ, въ кружевныхъ манжетахъ и огромномъ жабо, вертлявый и толстенькій, съ острымъ носомъ, эмигрантъ, герцогъ Фронсакъ — впослѣдствіи извѣстный на югѣ Россіи, герцогъ Ришелье. Поодаль отъ нихъ, въ кругу обступившихъ его артиллерійскихъ офицеровъ, прислонясь къ пушечному лафету, полулежалъ на кучкѣ соломы другой эмигрантъ, суровый и блѣдный, болѣвшій лихорадкой и зубами и съ подвязанной щекой, графъ Ланжеронъ.

— Все это вѣрно, все это такъ,—говорилъ онъ съ разстановкой на родномъ языкѣ, закрывая отъ боли глаза: — но мнѣ, въ концѣ-концовъ, непонятна эта безконечная война; столько погибнетъ жизней, прольется крови. И все, кажется, даромъ, врядъ ли одолѣемъ эту страшную машину смерти. Всѣ европейскіе авторитеты сходятся въ томъ, что Измаилъ положительно неприступенъ для штурма...

— А мы все-таки его возьмемъ и двинемся съ тріумфомъ къ Константинополю?—съ вызывающей усмѣшкой сказалъ, глядя на француза, невысокій, рыжеватый, съ веснушками на лицѣ, пѣхотный маіоръ.

— Какъ, безъ союза съ другими?—спросилъ, морщась и хватаясь за щеку, Ланжеронъ.

— Съ нами Суворовъ, кто противъ насъ?—отвѣтилъ нѣсколько напыщенно маіоръ:—притомъ же...

— Нѣтъ, вы скажите, гдѣ ваши союзники?—рѣзко его перебилъ эмигрантъ:—ихъ у Россіи нѣтъ и быть не можетъ... Оставляя страданія другимъ странамъ, допуская, извините, безбожниковъ подрывать древніе троны, вѣру...

Я пошелъ къ другому костру.

— Безумныя, несбыточныя затѣи, и притомъ—сколько риску!—произнесъ въ сторонѣ, за лафетомъ, другой, какъ бы знакомый мнѣ голосъ, отъ котораго я невольно вздрогнулъ. Говорившаго мнѣ не было видно за окружавшими его...

„Неужли онъ? мой заклятый врагъ?—пронеслось у меня въ головѣ:—графъ Валерьянъ Зубовъ! какими судьбами? За легкими отличіями или на помѣху славнаго предпріятія присланъ изъ столицы? Но какъ могъ, какъ рѣшился его допустить сюда Потемкинъ?“ —Я хотѣлъ подойти, взглянуть ближе, не ошибся ли, какъ въ то время меня кликнули къ Суворову. Я нашелъ его въ ту минуту, когда онъ, бесѣдуя съ командиромъ казаковъ, Платовымъ, говорилъ ему, не стѣсняясь близостью иностранныхъ вояжеровъ: „Каждый французъ, батюшка, Матвѣй Иванычъ,—по природѣ танцмейстеръ, вся сила у него въ ногахъ, а не въ головѣ“...

— Бехтѣевъ—сказалъ, завидя меня, графъ:—съѣзди къ Михайлѣ Ларіонычу; пригасилъ бы онъ костры; туманитъ,—недолго до раз-

свѣта... пусть думаютъ турки, что мы заснули... А въ туманѣ, при огняхъ, команды не проглядѣли-бъ сигналовъ.

Я вскочилъ на рѣдкогриваго, донскаго мерина, на которомъ ѣздилъ въ тѣ дни, пробрался между пѣхотой и пушками и направился къ передовой цѣпи шестой колонны. Сторожкій, сильно тряскій конь, забирая рыси и натягивая поводья, въѣхалъ на лѣсистый бугоръ, проскакалъ вдоль казачьей цѣпи и бережно, между залегшихъ секретовъ, сталъ спускаться въ оврагъ, за которымъ виднѣлись огни отряда Кутузова.

„О, люди!—разсуждалъ я, пробираясь каменистымъ, темнымъ дномъ оврага:—онъ, могучій, на верху почестей и силы, онъ, свѣтлѣйшій, для котораго, по его же словамъ, одинъ токмо законъ и одна въ жизни цѣль,—слава и честь обожаемой монархини,—могъ такъ потеряться и упасть духомъ! Знаетъ Зубовыхъ, знаетъ все ихъ ничтожество, зло и зависть къ себѣ, и уступаетъ, заискиваетъ въ нихъ. Однимъ дуновеніемъ, словомъ—пожелай только, явись хотя на мигъ обратно въ столицу, и онъ развѣялъ бы весь ихъ жалкій, бездарный комплотъ,—а онъ покоряется, льститъ и насланному брату кровнаго, смертельнаго врага оказываетъ почтеніе и решпектъ, видимо отряжаетъ его къ столь священному, важному дѣлу. И этотъ мальчишка, питерскій шалбѐрникъ и шаркунъ, его же столь подло критиканитъ. Ну, свѣтлѣйшій... еще понятно—дипломатъ; но Суворовъ? онъ какъ согласился? Или и этотъ стойкій, крѣпкій столпъ погнулся передъ дуновеніемъ нелюбимаго имъ питерскаго вѣтра?“

Я нашелъ Кутузова, отдалъ ему приказъ главнокомандующаго. Онъ ласково выслушалъ мое порученіе, простился и, перекрестивъ меня, сказалъ: „Ну, съ Богомъ! все будетъ выполнено; а жаль, что ты не у меня,—ну, да авось свидимся“.—Когда же я обратился вспять, онъ подошелъ ко мнѣ, склонился къ сѣдлу и спросилъ вполголоса: —„А что, Бехтѣевъ, графъ-то Валерьянъ Александровичъ при особѣ Александра Васильича, или получилъ особую команду?“ — На мой отвѣтъ, что я ничего въ томъ не знаю, Кутузовъ прибавилъ съ аттенціей: „Уважь, братецъ, передай его сіятельству, графу Валерьяну, мое высокопочитаніе и желаніе отъ былого знакомца всѣхъ отмѣннѣйшихъ симъ утромъ тріумфовъ“...

Пока я возвращался къ позиціи главнокомандующаго, костры вдоль всего фронта погасли одинъ за другимъ. Настала общая торжественная тишина. Она длилась недолго.

Въ три часа взлетѣла первая сигнальная ракета,—всѣ взялись за оружіе. Въ четыре—другая, ряды построились. Въ пять—взвилась

третья и, бороздя туманъ, глухо взорвалась въ высотѣ. Все войско осѣнило себя крестнымъ знаменіемъ и молча, съ Суворовымъ впереди, двинулось къ незримымъ въ ночной тьмѣ окопамъ и бастіонамъ Измаила.

Конница расположилась на пушечный выстрѣлъ отъ крѣпости. Казаки, назначенные для перваго натиска, взяли пики на перевѣсъ. Ни одна лошадь не ржала. Пушки, съ оберченными соломой колесами, безъ звука занявъ указанныя мѣста, снялись съ передковъ. Въ ихъ интервалы, медленнымъ густымъ строемъ, стала продвигаться пѣхота. Суворовъ, окруженный штабомъ, появлялся то здѣсь, то тамъ, ободряя подходившіе полки, наставляя офицеровъ и перебрасываясь шутками съ солдатами.

— Немогузнайки, вѣжливки, краснословки могутъ оставаться въ резервѣ,—говорилъ онъ:—недомолвки, намёки и безтолковки на подмогу къ нимъ поступятъ,—а мы, братцы, впередъ...

— Пилаву, ребятушки, турецкихъ орѣховъ вонъ тамъ вамъ припасъ!—говорилъ онъ, указывая на выдвигавшіяся изъ темноты очертанія крѣпости.

— Ишшо рано, ваше сіятельство!—отвѣчали изъ ближнихъ рядовъ.

— Врешь, кострома,—шутилъ графъ своимъ бойкимъ, лапидàрнымъ слогомъ:—голодному ѣсть, усталому на коврикъ сѣсть, а бѣдному дукатовъ не счесть!

„Го-го-го!"—любовно и радостно отвѣчалъ сдержанный смѣхъ по солдатскимъ, уходившимъ въ потёмки, рядамъ.

Войско безъ выстрѣла подошло и построилось въ ста саженяхъ отъ крѣпости. Суворовъ началъ-было рѣчь къ ближайшимъ: „Храбрые воины! дважды мы подступали, въ третій побѣдимъ"... да махнулъ рукой—ну, молъ, ихъ, красныя слова—и, только прибавивъ Платову: „такъ постарайся же, голубчикъ Матвѣй Иванычъ!" — далъ знакъ начинать. На ближнемъ бастіонѣ замѣтили русскихъ. Тамъ поднялась суета, раздались крики „алла!"—имъ отвѣтили громкимъ „ура!" Грянули первые, нестройные ружейные и пушечные выстрѣлы. Мигъ,—и земля кругомъ застонала отъ залповъ освѣтившихся въ пороховомъ дыму холмовъ и батарей.

Съ первымъ щелканьемъ картечи, брызнувшей по нашимъ рядамъ, егеря и казаки, таща лѣстницы, бросились къ стѣнамъ. Глубокій ровъ, до половины залитый болотистою, вонючею водой, остановилъ передовую шеренгу. Залпы съ бастіона освѣщали площадь и ровъ, гдѣ произошло это замедленіе. Суворовъ ужъ подтянулъ поводья кабардинца, хотѣлъ помчаться туда.

„Охотники, за мной!"—громко крикнулъ кто-то впереди замявшихся. Смотрю: размахивая новенькой, незадолго выписанной изъ Пешта шляпой, побѣжалъ ко рву мой недавній сожитель по палаткѣ, секундъ-

маіоръ Неклюдовъ, которому гадала цыганка. „Прочь лѣстницы,— грудью, братцы, ура!“ Онъ первый вскочилъ въ ровъ, ближніе за нимъ. Вонъ они ужъ на той сторонѣ. Втыкая копья и штыки въ насыпь, аттакующія шеренги стали взбираться на валъ. Егеря внизу осыпáли выстрѣлами амбразуры редута. Въ отблескѣ нашихъ свѣтящихся бомбъ и турецкихъ рвавшихся ракетъ было видно, какъ мокрый испачканный тиной Неклюдовъ быстро карабкался по откосу бастіона. Ворвавшись въ редутъ, онъ охриплымъ голосомъ вскрикнулъ: „съ Богомъ, соколики! наша взяла!“ воткнулъ надъ стѣной полковое знамя и упалъ навзничъ. Новенькая треуголка скатилась по эскарпу редута; онъ раненъ на-вылетъ въ грудь изъ ближней турецкой батареи.

Въ шесть часовъ утра взошла на валъ вторая колонна Ласси. Первая Львова и третья Мекноба должны были ее подкрѣпить, но опоздали: Мекнобъ и Ласси одновременно и тяжело были ранены, впереди своихъ полковъ. Ласси могъ еще командовать. Съ простреленной рукой, онъ повелъ далѣе свой отрядъ и штыками взялъ нѣсколько батарей за Хотинскими воротами.

На лѣвомъ флангѣ было хуже. Кутузовъ пробился сквозь уличные завалы, сквозь картечь и ятаганы янычаръ, предводимыхъ братомъ крымскаго хана. Онъ овладѣлъ ужъ главнымъ редутомъ, господствовавшимъ надъ этой частью города. Но сильный отрядъ спагановъ, поддержанный артиллеріей и полкомъ тѣлохранителей сераскира, съ распущеннымъ зеленымъ знаменемъ, зашелъ ему въ тылъ и сталъ охватывать какъ Кутузова, такъ и сосѣднюю колонну, бывшую подъ начальствомъ раненаго въ ту минуту Безбородко.

Побѣда ускользала изъ рукъ наступавшихъ героевъ. Осыпаемые гранатами, бомбами и пулями, солдаты замялись, стали отступать. Въ это время былъ убитъ пулей командиръ пѣхотнаго полоцкаго полка, Яцунскій.

Молодой, русый, въ свѣтло-синей ряскѣ, священникъ этого полка вскочилъ на разбитый брустверъ, поднялъ крестъ и крикнулъ: „Что вы, братья? ранили вашего вождя? съ Богомъ за мной!—вотъ вашъ командиръ!“... Онъ бросился въ улицу; ближнія роты за нимъ, но опять бѣгутъ въ разсыпную назадъ. Полоса дыма разсѣялась. Легли сотни. Синяя ряса священника виднѣлась въ грудѣ окровавленныхъ тѣлъ.

Въ это время къ Суворову подскакалъ знакомый мнѣ адъютантъ Кутузова, Кнохъ. „Дальше нѣтъ силъ наступать; просятъ подкрѣпленій“... Онъ не докончилъ реляціи. Осколокъ лопнувшей вблизи гранаты ранилъ его въ плечо.

— Бехтѣевъ, аптечку сюда, аптечку!—крикнулъ, обращаясь ко мнѣ, Суворовъ:—костоѣда на пальцы треклятымъ изувѣрамъ! да вотъ

что... поѣзжай-ка къ Кутузову и скажи: нѣтъ отступленія! я жалую его комендантомъ Измаила и ужъ послалъ курьера съ вѣстью о взятіи крѣпости...

„Благослови насъ Богъ!“ —отвѣтилъ на переданное мною Кутузовъ.

Онъ потребовалъ къ себѣ сосѣдній херсонскій полкъ и, едва тотъ къ нему направился, скомандовалъ новый отчаянный натискъ, опрокинулъ янычаръ и тѣлохранителей сераскира и на ихъ плечахъ, кладя черезъ ручьи и каналы портативные мосты, ворвался въ пылавшій со всѣхъ концовъ городъ. Я не могъ двинуться обратно. Меня стиснули и повлекли наступавшіе далѣе и далѣе баталіоны.

Невдали, съ оглушающимъ трескомъ и гуломъ, взлетѣлъ на воздухъ пороховой подвалъ, взорванный турками подъ оставленнымъ ими бастіономъ. У моста горѣла мечеть, изъ оконъ и дверей которой гремѣли выстрѣлы засѣвшей тамъ горсти турокъ. Въ концѣ улицы поднимался громадный, черный столбъ дыма отъ зажженной нашими калеными ядрами главной казармы.

Меня съ лошадью прижали къ мостовой оградѣ, трещавшей подъ натискомъ проходившихъ частей. Съ криками: „ну-ка, его! такъ-то, жарь!“ — и стрѣляя на пути черезъ мостъ, валила пѣхота, за ней артиллерія, казаки и опять егеря. Картаульные единороги и дальнобойныя, кугёрновскія пушки снимались съ передковъ, пѣшіе разступались, и картечь съ визгомъ хлестала по пустѣвшимъ, дымившимся улицамъ. Сзади черезъ головы летѣли снаряды изъ казацкихъ мортиръ. Еще взрывъ и еще пожаръ. Подъ Суворовымъ было убито двѣ лошади. Въ восемь часовъ утра онъ сѣлъ на третью и, при звукахъ трубъ, съ полками: свято-николаевскимъ, фанагорійскимъ, малороссійскимъ гренадерскимъ и петербургскимъ, прошелъ всѣ предмѣстья Измаила.

Началась перестрѣлка и страшная, безпощадная рѣзня, на штыкахъ и ятаганахъ, въ улицахъ пылавшаго со всѣхъ концовъ города.

Цѣлыя роты янычаръ и эскадроны спаговъ бросали оружіе и, ставъ на колѣни, протягивали руки, съ искаженными отъ страха лицами, моля о пощадѣ: „аманъ, аманъ!“ — Суворовъ ѣхалъ молча, нахмуря брови, не глядя на нихъ и какъ бы думая: „сами захотѣли,— пробуйте!“... Остервенѣлые солдаты штыками, саблями и прикладами, безъ сожалѣнія, клали въ лужи крови тысячи поздно-сдававшихся бойцовъ.

XI.

Я почиталъ мою миссію къ Кутузову оконченной. Его храбрый отрядъ выбилъ турокъ съ указанныхъ фортовъ и вошелъ въ ближай-

шія улицы. Я подъѣхалъ къ нему, съ цѣлію узнать, что̀ онъ прикажетъ дополнить къ рапорту главнокомандующему. Михаилу Ларіонычa я засталъ у какого-то сада. Прислонясь къ корявому, дуплистому орешнику, онъ жадно пилъ добытую въ сосѣднемъ колодцѣ воду. Мундиръ на немъ былъ разстегнутъ, обрызганъ грязью и кровью; коса расплелась; руки и лицо въ пороховой копоти.

— Вонъ, за тѣмъ огородомъ, видишь?—объяснялъ онъ, переводя духъ, отъѣзжавшему Гуськову: — бери взводъ, роту... не одолѣешь, дай знать Платову...

Не успѣлъ онъ кончить, откуда-то съ страшнымъ, сверлящимъ гуломъ и визгомъ, налетѣлъ тяжелый снарядъ. Что̀ это было, граната, бомба или ядро? Перемахнувъ черезъ садъ, колодезь и наши головы, снарядъ обо что̀-то хлопнулъ и, незамѣченный глазу, унесся далѣе. Лошадь Гуськова взвилась. Смотрю, онъ поблѣднѣлъ, сталъ склоняться съ сѣдла. Изъ обнаженнаго снарядомъ бѣлаго колѣна хлесталъ струей кровавый фонтанъ. Мы бросились къ раненому.

— Бехтѣевъ!—крикнулъ Кутузовъ:—въ арсеналѣ,—видишь, двѣ башни?—наши плѣнные... Турки ихъ рѣжутъ... Бери бугцевъ—вонъ за огородомъ... не опоздать бы, голубчикъ... именемъ моимъ...

Я поскакалъ къ указанному мѣсту. Что̀ передумалось въ тѣ мгновенія, трудно изобразить. Не скажу, чтобъ я не дорожилъ собственной жизнью; но мнѣ мучительно было мыслить, что меня убьютъ на пути и я не достигну цѣли. Свистѣвшія вправо и влѣво пули, разрывавшіяся здѣсь и тамъ гранаты я считалъ направленными именно въ меня.— „Какъ? мнѣ не удастся оказать помощи? Эти несчастные, и между ними, можетъ быть, измученный голодомъ, цѣпями Ловцовъ“...

„Я шпорилъ лошадь. Миновавъ одинъ переулокъ, другой, я достигъ огорода. Невысокій, рыжеватый и толстенькій маіоръ, тотъ самый, что спорилъ съ Ланжерономъ объ исходѣ войны, только-что собралъ разсѣянную межъ обгорѣлыхъ избушекъ и деревъ роту бугцевъ и, съ оторванной фалдой, поднявъ шпагу въ обмотанной чѣмъ-то, окровавленной рукѣ, сталъ выводить солдатъ въ опустѣлую, застилавшуюся дымомъ улицу.

— Извергъ ты рода человѣческаго, — кричалъ маіоръ, съ выпяченными на веснушечномъ лицѣ, сердитыми глазами, обращаясь къ плечистому, длинному, сконфуженно и робко шагавшему черезъ грядки, фельдфебелю: — турчанка въ шараварахъ ему, изволите видѣть, понадобилась! Бабъ имъ, треклятымъ иродамъ, давайте! сласти всякія, перины, чубуки! А ты прежде, распробестія, службу, а тогда и въ задворки...

Подскакавъ къ маіору, я передалъ ордеръ Кутузова.

— Что-жъ, — берите, — бѣшено крикнулъ онъ въ досадѣ и на меня: — матушкины, тетушкины отлички! все съ налету-съ! — продолжалъ онъ, озираясь на ходу: — ты вѣрой-правдой, а у тебя изъ-подъ носа...

Столбъ дыма и земляныхъ комьевъ, какъ исполинскій косматый кустъ, вдругъ съ трескомъ выросъ между грядокъ. Осколками разорвавшейся бомбы были за-мертво скошены и сердитый, въ веснушкахъ, ругавшійся маіоръ, и длинноногій, сконфуженный фельдфебель. Офицеровъ въ ротѣ больше не было. — „Стройся, сомкнись! — скомандовалъ я, слѣзая съ лошади: — лѣвое плечо впередъ, черезъ плутонгъ, скорымъ шагомъ... маршъ!" — Я повелъ роту къ арсеналу.

Любовь къ жизни, страхъ за жизнь, съ новой, еще бо̀льшею силой загорѣлись во мнѣ. — „Нѣтъ, меня не убьютъ и не ранятъ!" — думалъ я, шагая улицей, загроможденной обломками разрушенныхъ и гудѣвшихъ въ заревѣ пожара зданій, трупами враговъ и своихъ.

Гдѣ-то вправо трещала раскатистая, частая перестрѣлка мушкетовъ; ближе, за клубами дыма, летѣвшаго поперекъ улицы, слышалась турецкая команда и настигающія волны близкаго, русскаго ура. Команда и крики смолкли; очевидно, дѣло пошло на штыки.

Рота, предводимая мной, вышла на опустѣлую, обставленную каменными зданіями, площадь. Въ глубинѣ ея виднѣлся съ двумя башнями, обнесенный сквозной оградой, арсеналъ. На столбахъ и выступахъ ограды висѣли трупы казненныхъ. Среди площади догоралъ костеръ, и надъ нимъ на копьяхъ торчали обгорѣлые, безъ носовъ и ушей, живьемъ замученные плѣнники. Одинъ изъ страдальцевъ еще двигался. — „Видите, братцы? вотъ каковы изверги!" — крикнулъ я. — „Не выдадимъ, выручимъ остальныхъ" — подхватили егеря.

Я раздѣлилъ роту на двѣ части. Одну выстроилъ подъ прикрытіемъ мечети, другую послалъ въ обходъ арсенальной ограды. Надо было пройти площадь, на которую съ незанятаго русскими береговаго редута, съ нашимъ появленіемъ, стали ложиться снаряды. Резервъ вдвинулся въ переулокъ. Остальныхъ я повелъ дворомъ, прилегавшимъ къ арсеналу. На площади послышался конскій топотъ. За рѣшеткой показалась кучка нашихъ всадниковъ, скакавшихъ въ направленіи къ редуту. Впереди ихъ мнѣ бросился въ глаза, на небольшой караковой лошадкѣ, въ блестящемъ мундирѣ, гвардейскій офицеръ. — „Ужли опять онъ?" — подумалъ я, пораженный встрѣчей.

— Опоздали графчики, — проговорилъ возлѣ меня лѣвый фланговый: — наши и пить турки не дадутъ...

Я оглянулся. Со двора было видно, какъ на зеленые откосы рѣчнаго редута, точно муравьи, посыпались, подымаясь выше и выше, самойловскіе егеря. Злое чувство еще злѣе сказалось во мнѣ къ обидчику, нежелавшему дать мнѣ сатисфакціи. — „И вотъ, въ то время — поду-

малъ я: — когда эта горсть храбрыхъ, не щадя себя, стремится исхитить отъ лютой гибели мучимыхъ братьевъ, — онъ спокойно гарцуетъ, поспѣшая къ лаврамъ, добываемымъ чужими руками. Ему бы, фанфарону, въ ломберъ теперь играть... Ловцовъ, другъ мой! — прибавилъ я мысленно, взглядывая на окна арсенала: — предчувствуешь ли ты, кому суждено тебя спасти?"

Толпа зейбековъ, засѣвъ въ окнахъ и на башенныхъ крышахъ, стала осыпать насъ выстрѣлами. Мы ворвались въ арсенальный дворъ. У воротъ лежалъ, съ отрубленными руками, старикъ монахъ, захваченный при послѣднемъ отступленіи Гудовича. На крыльцѣ валялась обезглавленная болгарка-маркитантка. Возлѣ былъ брошенъ, на̀-двое разсѣченный, обнаженный ребенокъ. А въ двухъ шагахъ отъ него, на угляхъ, въ чугунномъ горшкѣ варился пилавъ съ бараниной и кипѣлъ въ котелкѣ кофе.

Видъ истерзанныхъ мучениковъ остервенилъ солдатъ. Не слыша команды, они бросились къ внутреннимъ входамъ. Поражаемые пулями, падали, стремились встать, и опять опускались. По нимъ, напирая другъ на друга, бѣжали задніе ряды. — „Но кто же изъ нихъ убьетъ меня?" — думалось мнѣ при видѣ свирѣпыхъ, бородатыхъ лицъ, въ чалмахъ и фескахъ, выглядывавшихъ то здѣсь, то тамъ, и въ упоръ стрѣлявшихъ изъ-за прикрытія: — „чей выстрѣлъ, чья пуля сразитъ меня и навѣкъ остановитъ мое, такъ бьющееся сердце?"

Въ узкія окна правой башни повалилъ дымъ. Изнутри ясно слышались русскіе вопли — „горимъ, горимъ!" — „Наши! касатики!" — гаркнули солдаты: — „лѣстницу, рѣшетки ломать!" — Егеря потащили отъ сарая какія-то жерди.

— Въ крайнее лѣвое цѣлься, бей на выстрѣлъ! — закричалъ я, бросившись къ тѣмъ, которые стрѣляли изъ-за крылечнаго навѣса. Я думалъ этими выстрѣлами прикрыть ладившихъ и поднимавшихъ къ башнѣ лѣстницу.

Но мои мысли странно и рѣзко вдругъ прервались. Поднятая со шпагой, правая рука безсильно повисла. Въ глазахъ все завертѣлось и спуталось: жерди, солдаты, клубы дыма, повалившаго изъ окна, обезглавленная болгарка на крыльцѣ и разрубленный на̀-двое курчавый, обнаженный ребенокъ.

Я, какъ помню, пробѣжалъ нѣсколько шаговъ и, съ жаждой воздуха, побѣды, жизни и общаго счастья, ухватясь за сдавленную и вдругъ какъ то страшно переставшую дышать грудь, безсильно и жалко, будто тотъ-же ребенокъ, упалъ на чьи-то протянутыя, въ продыравленныхъ и стоптанныхъ сапогахъ, ноги. Мнѣ почудилось, а можетъ быть, я впослѣдствіи о томъ слышалъ отъ другихъ и принялъ это за дѣйствительность: дворъ арсенала огласился громкимъ, перекатистымъ

„ура“. Изъ-за башни гудѣлъ топотъ быстрыхъ, подбѣгающихъ ногъ. „Мой резервъ“—подумалъ я, замирая въ сладкомъ забытьѣ.

Догадка моя оправдалась. Турки были сломлены и всѣ до одного переколоты. Плѣнныхъ спасли.

Не стану разсказывать, какъ я былъ поднятъ и доставленъ на берегъ, на перевязочный пунктъ. Своимъ спасеніемъ я былъ обязанъ морякамъ Рибаса, взявшимъ городъ со стороны рѣки.

— Ну, какъ чувствуешь себя?—спросилъ меня кто-то въ лазаретномъ шалашѣ, едва я очнулся отъ лихорадочнаго бреда.

Онъ, другъ и товарищъ дѣтства, Ловцовъ, былъ передо мной. Я не вѣрилъ себѣ отъ радости, хотѣлъ говорить, но меня остановили. Лѣкарь, перевязавшій раздробленную въ локтѣ мою руку, сильно опасался, отъ чрезмѣрной потери крови, за исходъ моего лѣченія.

Раненыхъ некуда было дѣвать. Видъ ихъ страданій разрывалъ душу. У одного былъ на́искось разсѣченъ черепъ, мозгъ выглядывалъ изъ-подъ окровавленныхъ, русыхъ волосъ. У другаго осколкомъ гранаты была прострѣлена грудь: въ отверстіе раны было видно трепетавшее, блѣдно-розовое легкое. Хорошенькому, темноволосому адъютанту Мекноба, который въ Яссахъ плѣнялъ всѣхъ, танцуя съ молдавскими красавицами чарда́шъ, отняли по колѣно ногу. Душный запахъ крови наполнялъ, открытый съ двухъ концовъ, оперативный шалашъ.

— Одначе держались и турки!—объяснялъ за мной Ловцову выбившійся изъ силъ лѣкарь:—Капланъ-Гирей вывелъ пятерыхъ сыновъ: всѣхъ ихъ доканали платовскіе казаки; онъ послѣдній свалился на трупы дѣтей... Тѣло сераскира насилу распознали въ грудѣ крошенаго мяса...

— А сколько всѣхъ турокъ убито?—спросилъ лѣкарь подъѣхавшаго штабнаго.

— Убито больше двадцати-трехъ тысячъ; въ томъ числѣ насчитано шестьдесятъ пашей... Взято двѣсти-пятьдесятъ пушекъ и до четырехъ-сотъ знаменъ.

— Кто же тебя освободилъ?—успѣлъ я спросить ужъ вечеромъ, въ больницѣ, Ловцова:—какъ это было? ну, объясни, кто взломалъ дверь, кто вошелъ первый?.. ты знаешь, вѣдь... судьба...

Онъ медлилъ отвѣтомъ.

— Да не стѣсняйся... я велъ, охъ знаю... и все-таки...

Онъ склонился къ моему изголовью, оправилъ мнѣ волосы, постель. Исхудалое, блѣдное, обросшее бородой его лицо было сумрачно, важно. Въ глазахъ виднѣлись слезы.

— Спасъ насъ Тотъ,—сказалъ онъ:—Кто и тебѣ дастъ спасеніе. Онъ одинъ... Ему одному...

— Да о чемъ ты?

— Помнишь, въ ту ночь, въ лагерѣ—въ палаткѣ,—прошепталъ Ловцовъ, пригинаясь ко мнѣ:—припомни, я говорилъ тебѣ, ручался... Ахъ, Савватій, все время въ страданіяхъ, въ плѣну, я думалъ... Ее обманули, она неповинна ни въ чемъ.

Я горячо пожалъ руку Ловцову. Отвѣчать не имѣлъ силъ. Тысячи терзаній подступали къ сердцу, и я искренно жалѣлъ, что не былъ въ тотъ день убитъ наповалъ.

— Что дѣлать съ городомъ? — спросили Суворова, по взятіи Измаила.

— Дѣло прискорбное и — помилуй Богъ! — моему сердцу зѣло противно,—отвѣтилъ онъ:—но должна быть острастка извергамъ въ роды родовъ... Отдать его во власть, на двадцать-четыре часа, въ полное распоряженіе арміи...

Добычи было захвачено солдатами въ Измаилѣ больше, чѣмъ на два милліона. Солдаты носили въ обозъ жемчугъ рукавицами. Во многихъ русскихъ селахъ долго потомъ встрѣчались арабчики-червонцы, персидскіе ковры и шелки.

Графъ Александръ Васильевичъ послалъ фельдмаршалу въ Яссы рапортъ о штурмѣ: „Россійскія знамена на стѣнахъ Измаила". Государынѣ онъ отправилъ особое донесеніе: „Гордый Измаилъ палъ къ стопамъ вашего величества".

Наутро въ Измаилѣ, въ церкви греческаго монастыря св. Іоанна, пѣлся благодарственный молебенъ. Умершій отъ раны генералъ Мекнобъ былъ похороненъ рядомъ съ убитыми Вейсманомъ и Рибопьеромъ.

Шесть дней очищали городъ отъ труповъ и обломковъ сгорѣвшихъ и разрушенныхъ канонадою зданій. Раненыхъ размѣстили въ двухъ уцѣлѣвшихъ кварталахъ. Былъ пиръ на кораблѣ у Рибаса. Гремѣлъ гимнъ: „Славься симъ, Екатерина". Салютовали пушки.

Спустя недѣлю, генералитетъ и прочее начальство пировали въ квартирѣ Павла Сергѣевича Потемкина. Здѣсь Суворовъ узналъ отъ племянника свѣтлѣйшаго о сдержанныхъ, хотя и благосклонныхъ на его счетъ выраженіяхъ въ реляціи Таврическаго императрицѣ о штурмѣ Измаила. Болѣе-жъ всего его обидѣло то, что рѣшили далѣе къ Стамбулу не идти и что князь послалъ съ донесеніемъ въ Петербургъ не кого-либо изъ дѣйствительно заслужившихъ эту порученность, а брата своего соперника, графа Валерьяна Зубова. Суворовъ, по обычаю, смолчалъ, но выразилъ свой достойный гнѣвъ инымъ, присущимъ ему способомъ.

— Шутъ, блюдолизъ, двуличка, виляйка—напустился онъ вдругъ на своего слугу, Бондарчука, служившаго за обѣдомъ у Павла Сергѣевича:—дистракція, субординація! подаешь не по чинамъ. Высока лѣствица воинскаго чиноначалія. Съ нихъ начинай,—указалъ онъ на сидѣвшихъ въ концѣ стола оберъ-офицеровъ:—имъ и карты въ руки, а мы съ тобой здѣсь капральство, послѣдніе...

Вставъ изъ-за стола, Суворовъ отдалъ генераламъ послѣднія распоряженія, велѣлъ опять привести себѣ простую казацкую лошадь, велѣлъ Бондарчуку вздуть свою походную кадильничку и окурить себя ладаномъ, надѣлъ бараній тулупъ, и верхомъ, въ сопровожденіи слуги, отправился обратно въ Галацъ, куда его фанагорійцы шли на зимнія квартиры. Въ лазаретахъ развились повальныя горячки. Больныхъ стали вывозить въ сосѣднія города. Я этого уже не помнилъ, такъ какъ заболѣлъ изъ первыхъ. Между офицерствомъ тогда пошла по рукамъ и читалась тайкомъ въ палаткахъ сатира острослова, Павла Дмитріевича Циціянова: „Бесѣда россійскихъ солдатъ въ царствѣ мертвыхъ". Здѣсь въ разговорѣ убитыхъ на войнѣ солдатъ, Двужильнаго и Статнаго, была изложена весьма ѣдкая критика на бывшій штурмъ и на Потемкина.

Встрѣча побѣдителя Измаила съ фельдмаршаломъ произошла въ концѣ декабря, того же 1790 года. О ней мнѣ впослѣдствіи передалъ Бауэръ.

Желая пристойными почестями салютовать подчиненнаго себѣ вождя, Потемкинъ рѣшилъ принять къ тому подобающія мѣры. Онъ послалъ въ Галацъ фельдъегеря, съ приглашеніемъ Суворову, буде онъ кончилъ должное, по времени года, расквартированіе войскъ, явиться къ нему въ Яссы.

Въ ожиданіи именитаго гостя, князь Григорій Александровичъ распорядился изготовить, для мужской и дамской части своей свиты, парадный обѣдъ, съ пѣвчими и съ вечернимъ, нарочито-приспособленнымъ, балетнымъ спектаклемъ; городъ же велѣлъ украсить флагами, иллюминаціей и тріумфальными изъ декорацій воротами.

Разставя отъ въѣзда въ Яссы и вплоть до своей квартиры нарочныхъ махальныхъ, Потемкинъ препоручилъ адъютанту Бауэру доложить, лишь только генералъ-аншефъ покажется на улицахъ города. Тотъ засѣлъ въ залѣ, откуда дорога была видна на версту.

Суворовъ, между тѣмъ, спуталъ всѣ эти затѣи и предположенія. Его ждали въ приличномъ его званію и лѣтамъ, рессорномъ калёшѣ, а онъ прибылъ на парѣ фурлейтскихъ, и притомъ ночью, въ рогожаной, аки бы поповской долгушѣ. Упряжь была въ шорахъ, по веревочная. На запяткахъ сидѣлъ, въ польскомъ жупанѣ, съ вылетами,

престарѣлый инвалидъ, на козлахъ кучеръ, въ широкополой молдаванской шляпѣ и въ овчинномъ, до пятъ, балахонѣ. Рано утромъ изъ самобѣднѣйшаго арнаутскаго квартала генералъ-аншефъ тѣмъ же цугомъ двинулся къ разукрашенной резиденціи свѣтлѣйшаго.

Смѣтливый Бауэръ угадалъ ожидаемаго гостя, какъ по странной формѣ ковылявшей, рогожаной долгуши, такъ и по необычному хлопанью въ княжескихъ воротахъ кучерскаго, длиннаго бича. Онъ предупредилъ фельдмаршала.

Князь Григорій Александровичъ бросился изъ комнатъ на парадное крыльцо, но не успѣлъ сойти и съ первыхъ ступеней, какъ увидѣлъ уже передъ собой Суворова.

— Чѣмъ я могу, сердечно-чтимый мой другъ, Александръ Васильевичъ,—сказалъ онъ въ искреннемъ волненіи, обнимая графа:—чѣмъ долженъ наградить васъ за ваши заслуги?

— Другъ, другъ? — заспѣшилъ, вбѣгая съ оглядкой на крыльцо и закашливаясь, Суворовъ: — нѣтъ, ваша свѣтлость! что же, помилуйте-съ... Я не купецъ и не пріѣхалъ съ вами торговаться... Не идти далѣе? прочь Стамбулъ? ну, шабашъ... А окромѣ Бога и моей всемилостивѣйшей монархини никто наградить меня не можетъ, никто...

Князь измѣнился въ лицѣ. Отступя, онъ сказалъ только: „Отъ тебя ли слышу?"—но, видя, что гость молчитъ, обернулся и молча пошелъ въ залу. Тамъ Суворовъ вручилъ ему формальный о ходѣ дѣлъ рапортъ. Свѣтлѣйшій не взглянулъ въ бумагу.

— Публика верхняго парламента не одобритъ? министерія въ суетѣ и колеблется дальше идти?—спросилъ, гордо выпрямляясь и зажмуривъ глаза, Суворовъ:—мужайтесь, князь... Не придворные навѣты... вашъ геній... Исторія помянетъ вѣчнымъ признаніемъ ваши труды...

Фельдмаршалъ, не слыша его, глядѣлъ въ окно. Сдѣлавъ по залѣ нѣсколько неровныхъ, колеблющихся шаговъ, Потемкинъ и Суворовъ молча разстались и болѣе въ жизни не видѣлись.

Въ январѣ слѣдующаго, 1791 года, графъ Суворовъ, по зову императрицы, явился въ Петербургъ. Государыня приняла его, среди первыхъ лицъ двора, отмѣнно внимательно и пригласила его къ столу...

— Гдѣ желаешь, батюшка-графъ, быть намѣстникомъ?—спросила Екатерина, за тостомъ въ честь его побѣдъ, поставя здѣсь же въ лавровомъ вѣнкѣ выписанный изъ Англіи бюстъ нашего политическаго пособника, оратора Фокса.

— И, матушка-царица, — отвѣтилъ, склоня голову, графъ: — ты

слишкомъ любишь своихъ подданныхъ, чтобъ наказать мною какую-либо провинцію. Я чудакъ, мальчишка, Алкивіадъ! знаю тысячу гримасъ, проказъ... Родился отъ мушкета, дай и кончить жизнь солдатомъ.

Потемкинъ, разгнѣвавшись въ Яссахъ на Суворова, ужъ болѣе ему не прощалъ. Самый вызовъ побѣдителя Измаила въ столицу ему не нравился. Онъ высказался противъ пожалованія Суворову фельдмаршальскаго жезла и предоставилъ ему, за славный подвигъ, только чинъ подполковника преображенскаго полка.

Въ февралѣ свѣтлѣйшій также поѣхалъ въ Петербургъ, какъ выражался, съ цѣлью вырвать больной *зубъ*.

Въ концѣ апрѣля онъ устроилъ для императорскаго дома свой знаменитый пиръ въ Конногвардейскомъ, впослѣдствіи Таврическомъ дворцѣ, гдѣ, въ торжество покоренія Измаильской крѣпости, предполагалось представить государынѣ плѣнныхъ пашей. Присутствіе въ столицѣ главнаго виновника достигнутой побѣды стѣсняло князя. За три дня до этого праздника, Екатерина, будто невзначай, сказала, на вечернемъ собраніи въ эрмитажѣ, Суворову:

— Я васъ, батюшка, Александръ Васильичъ, препозѝрую въ Финляндію, для осмотра и укрѣпленія тамошнихъ границъ. Чтò скажете на это?

Суворовъ молча припалъ къ рукѣ императрицы, у коей отъ невольной алтерáціи красныя пятна выступили на щекахъ. Возвратившись домой, онъ послалъ за почтовыми, сѣлъ въ телѣжку, доскакалъ въ одну ночь до Выборга и утромъ оттуда послалъ съ курьеромъ государынѣ письмо: „Жду повелѣній твоихъ, матушка!“

Тамъ—до времени—графа и оставили.

XII.

Четырехлѣтняя, предпринятая съ толиками надеждами и силами, война съ Турціей завершилась почти ничѣмъ. Поддержанная Англіей, Голландіей и Пруссіей, опасавшимися возрастанія Россіи, Оттоманская Порта отвергла мирныя условія русскихъ и рѣшилась продолжать войну. Репнинъ, оставленный на Дунаѣ Потемкинымъ, 27-го іюля 1791 года разбилъ визиря на-голову подъ Мачиномъ. Черезъ три дня послѣ этой побѣды, онъ заключилъ окончательный съ Турціей миръ. Австрійскій императоръ подписалъ съ Портой мирный договоръ позднѣе, въ августѣ, въ Систовѣ.

Россія потеряла много людей и денегъ, а гора родила мышь: мы остались при томъ же, чѣмъ начали. — „La guerre est une vilaine chosse monsieur!“—писала Екатерина Вольтеру о турецкой войнѣ.

Недолго затѣмъ здравствовалъ свѣтлѣйшій. Рубежъ исполинскаго шествія къ славѣ былъ имъ пройденъ. Онъ не могъ легко пережить разбитыхъ въ дребезги гордыхъ мечтаній своихъ и обожаемой монархини. Новая Восточная Система, великая мысль возстановленія древней Византійской имперіи должны были кануть съ того времени въ рѣку забвенія. Молва язвила его, будто онъ стремился длить войну, съ цѣлью освободить Молдавію и Валахію и, снявъ съ нихъ турецкое ярмо, сдѣлаться съ своимъ потомствомъ ихъ всевластнымъ и независимымъ отъ Россіи господаремъ.

Изъ Петербурга Потемкинъ выѣхалъ раздраженный и убитый духомъ, тѣмъ болѣе, что не успѣлъ сломить и грознаго ему возрастанія партіи Зубовыхъ. Передъ выѣздомъ онъ занимался разными примѣтами, толковалъ предчувствія, сны. Прибывъ въ Яссы, князь заболѣлъ молдавской, злою лихорадкой и ужъ болѣе не поправлялся. Онъ вспоминалъ столичные пиры, жалѣя, что не вдоволь ими насытился, такъ какъ вдругъ получилъ странное убѣжденіе, что доживаетъ послѣдніе дни.

Случился притомъ весьма печальный, имѣвшій на князя неотразимое вліяніе, казусъ. Въ августѣ, въ Галацѣ скончался покровительствуемый имъ генералъ, братъ супруги цесаревича, принцъ Виртембергскій. На отпѣваніи принца, Потемкинъ вышелъ изъ церкви— туча-тучей. Больной и отомленный давкой и духотой, онъ въ разсѣянности, вмѣсто своихъ дрожекъ, сѣлъ на траурныя, гробовыя дроги поданныя для покойника. Воображеніе его было этимъ такъ потрясено, что онъ лишился сна и сталъ на себя не похожъ. Постоянная взволнованность и несоблюденіе діэты вызвали нервическую горячку. Князь рвался къ своей любимой Новороссіи...

Подписавъ дрожащею рукой инструкціи Самойлову, онъ, въ сопровожденіи своей племянницы, молодой графини Браницкой, и правителя канцеляріи Попова, выѣхалъ чуть живой въ Николаевъ. Въ сорока верстахъ отъ Яссъ, онъ почувствовалъ приближеніе кончины.

Было теплое, тихое осеннее утро.

Свѣтлѣйшій сталъ безмѣрно метаться и тревожиться. Со словами: „Теперь некуда больше ѣхать... Стойте! хочу умереть въ полѣ!“— онъ велѣлъ вынести себя изъ кареты. На травѣ, изъ казацкихъ дротиковъ и ковровъ, устроили шатёръ, возлѣ на́скоро разостлали бѣлый фельдмаршальскій плащъ князя. Онъ обратилъ взоръ на безоблачное небо, обнялъ подаренный государыней походный образокъ Спаса, проговорилъ: „прости, милосердная мать-государыня!“ и тихо скончался на рукахъ плачущей красавицы, графини Браницкой.

Узнавъ о смерти свѣтлѣйшаго, Суворовъ прослезился и сказалъ: „Се человѣкъ—образъ мірской суеты! помилуй Богъ!.. бѣги отъ него,

мудрый! А что до нашихъ замысловъ о Турціи, не мы исполнимъ высокую задачу, наши внуки, правнуки"...

Съ другими больными и ранеными на штурмѣ Измаила меня препроводили, въ концѣ декабря 1790 г., въ Галацъ. Я пришелъ въ полное сознаніе и сталъ оправляться лишь въ началѣ февраля. Подживленіе раздробленной руки, задержанное горячкой, пошло успѣшнѣе съ весеннимъ воздухомъ и тепломъ.

Квартировалъ я въ небольшомъ уютномъ домикѣ, невдали отъ опустѣлой квартиры Суворова. Дунай освободился отъ льда. Наступилъ мартъ. Кто выздоравливалъ, спѣшилъ на почтовыхъ и по рѣкѣ на родину, откуда такъ рѣдко въ то время доходили вѣсти. Я давно не имѣлъ писемъ отъ матери.

Пользуясь разрѣшеніемъ прогулокъ на воздухѣ, я пробирался, съ забинтованной рукой, на берегъ, садился у пристани и, въ ожиданіи срочныхъ австрійскихъ судовъ, весьма неаккуратно развозившихъ почту, по цѣлымъ часамъ глядѣлъ въ синюю даль, думая о родинѣ и обо всемъ, что̀ я въ ней оставилъ.

Однажды,—это было передъ вечеромъ, — тщетно прождавъ или проглядѣвъ почтовый парусъ,—я пришелъ утомленный на квартиру, велѣлъ поставить самоваръ, сѣлъ у окна въ кресло и заснулъ. Мнѣ грезилась Гатчина, отпускавшій меня великій князь-цесаревичъ, мать, совѣтовавшая забыть измѣнницу, усадьба Горокъ, Ажи́гины. Долго ли спалъ я, не знаю, только почувствовалъ, что меня будятъ. Открылъ глаза, передо мною деньщикъ Яку́шъ, изъ родныхъ владимірцевъ.

— Что̀ тебѣ? — спросилъ я, не ясно различая въ примеркшей комнатѣ его лицо.

— Ваше благородіе спрашиваютъ,—какъ-то странно озираясь и вполголоса отвѣтилъ, обыкновенно невыносимо басившій, Яку́шъ.

— Кто?.. да говори же, ахъ! что тамъ?

— Письмо-съ,—проговорилъ онъ, подавая пакетъ.

„Ужъ не хватилъ ли черезъ край, съ хозяйкой, ракіи?"—подумалъ я.—„Отъ родителей!" — добавилъ я въ мысляхъ, вскрывая пакетъ:—„на́конецъ-то, послѣ столь долгихъ ожиданій. Здоровы-ль они, дорогіе, и знаютъ ли, что мы скоро увидимся, что моему пребыванію на Дунаѣ вотъ-вотъ конецъ?"

Поднеся письмо къ окну, еще освѣщенному лучами заката, я сталъ его читать, протеръ глаза, опять взглянулъ въ бумагу и чуть её не выронилъ.

Письмо было за подписью оберкамердинера его высочества, Ивана Павловича Кутайсова; но разумѣется, сочинено не имъ, а кѣмъ-либо изъ приближенныхъ къ государю-цесаревичу сановниковъ. Во всякомъ же случаѣ, по его слогу прошлось перо и болѣе высокой особы.

Такъ въ то время писывались цидулы не къ одному изъ осчастливленныхъ службой при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. Вотъ его копія.

— „Господинъ, его высочества гатчинскихъ морскихъ батальоновъ, бывшій мичманъ, Бехтѣевъ! Вы и вдали отъ насъ, въ походахъ и въ битвахъ съ невѣрными, паче-жъ всего прочаго, при славномъ штурмованіи измаильской, сильной фортеціи, гдѣ притомъ тяжело и ранены,—не уронили чести знамени, коему служите. Оправдавъ во всемъ, какъ подобаетъ достойному россійскому гражданину, возлагавшіяся на васъ велѣнія начальства и надежды всѣхъ, знающихъ вашъ нравственный квалитетъ, вы не пошли по стопамъ хлѣбоядцевъ, токмо вертящихся на пирушкахъ и въ контратанцахъ, и тѣмъ дали прежнему вашему ближайшему командиру пріятный долгъ,—утруждать о васъ вселюбезнѣйшую нашу и свято-чтимую всѣми государыню, родительницу его высочества. Генералъ-аншефъ, графъ Суворовъ, благосклонно поддержалъ о васъ аттестацію. А посему, спѣшу тебя, старый знакомецъ, обрадовать: вы вчера произведены, не въ примѣръ прочимъ, въ секундъ-маіоры и получили анненской третьей степени крестъ, а сегодня назначены, съ соизволенія и по мысли графа Александра Васильича,—буде ваше здоровье то дозволитъ и въ томъ изъявите довольство,—командиромъ втораго батальона бугскихъ стрѣлковъ, съ коими вы столь мужественно отбили въ оной фортеціи россійскихъ, военнаго и статскаго званій, плѣнниковъ. А теперь скажу тебѣ конфиденціально и нѣкую приватную просьбу. Государь-наслѣдникъ и великая княгиня, его супруга, навели точныя и несомнѣнныя справки о поступившей пепиньеркой въ воспитательный, для круглыхъ сиротъ, домъ, вашей знакомкѣ, достойной дѣвицѣ изъ дворянъ, Прасковьѣ Львовнѣ Ажигиной. Великая княгиня узнала ея рѣдкій, чистый нравъ и высокія добродѣтели. Госпожа Ажигина ни передъ Богомъ, ни передъ тобой ни въ чемъ неповинна. Случай съ нею былъ особливо-фатальный и противъ ея воли. Прости ее, какъ она сама, столько претерпѣвъ, простила въ душѣ своего оскорбителя. Забудь все и да не зайдетъ солнце въ гнѣвѣ твоемъ. Господинъ секундъ-маіоръ и кавалеръ Бехтѣевъ! Двѣ нѣкія, высокаго ранга, вѣдомыя вамъ персоны просятъ васъ принять пропозицію сватовъ и не отказать въ рукѣ, бывшей вашей невѣстѣ. Господь да благословитъ ее и тебя, голубчикъ, на многія лѣта и долгое счастье. За симъ есмь, впрочемъ, всепокорный и отмѣнно-готовый къ услугамъ вамъ, Иванъ Кутайсовъ. Гатчина, марта втораго, 1791 года“.—Приписка:—„А подателемъ сего, угадаешь ли, кто вызвался быть?“

— Гдѣ? гдѣ?—вскрикнулъ я, не помня себя и опрометью бросаясь къ двери.

Въ стемнѣвшей, тѣсной горенкѣ что-то въ дорожной, темной и смятой одеждѣ прошумѣло отъ порога и съ воплемъ повисло у меня на груди. Я обхватилъ, прижалъ исхудалую, безмолвную гостью, привлекъ къ окну дорогое, заплаканное лицо, силясь прочесть на немъ мою радость, счастье...

— Прости меня, Саввушка, — проговорила, обнимая меня, Пашута:—я тебя никогда, никогда не переставала любить.

Свадьбу мы сыграли въ маѣ, въ Горкахъ, куда мнѣ дали полугодовой, для поправленія здоровья, отпускъ. Туда пріѣхали и мои родители. Великій князь Павелъ Петровичъ прислалъ въ презентъ новобрачной чайный, севрскаго фарфора, сервизъ, а мнѣ въ миніатюрѣ весьма схожій, на слоновой кости, свой портретъ. Отецъ, благодаря заступничеству Потемкина, успѣлъ окончательно спасти наше имѣніе отъ захвата стараго графа Зубова и былъ въ отмѣнномъ духѣ. На свадебномъ балѣ онъ танцовалъ гавòтъ съ моей тёщей. Мать, узнавъ невѣстку, охотно съ ней примирилась, а съ моей тёщей дружески сыграла пять партій въ макàо и въ модный тогда гаммòнъ. Послѣ бала сожгли фейерверкъ въ саду у грота надъ прудомъ. Веселье было на цѣлый уѣздъ.

Во время иллюминаціи, Пашута взяла меня подъ руку и, непримѣтно для прочихъ, провела верхними аллеями къ дому, гдѣ на цвѣточной площадкѣ я въ памятную, тяжелую ночь, ѣдучи на Дунай, обломалъ и выдернулъ посаженный нами когда-то дубокъ.

— Вотъ онъ,—сказала Пашута, подведя меня, межъ сиреневыхъ и розовыхъ кустовъ, къ срединѣ площадки:—онъ цѣлъ! Я нашла его тогда утромъ, вновь посадила и выростила моими слезами и молитвами о тебѣ...

Прошло девять лѣтъ. Я былъ вполнѣ счастливъ съ Пашутой. Какая это была жена и мать, и какъ я ее любилъ!

Въ послѣдній годъ царствованія незабвеннаго для меня, рыцарски-возвышеннаго и столь мало оцѣненнаго современнымъ міромъ, императора Павла, я былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры и вскорѣ назначенъ командиромъ фанагорійскаго полка. Покоритель Измаила ужъ отошелъ въ вѣчность.

Какъ истый Россіянинъ, я рѣшилъ поклониться праху безсмертнаго, всемѣстнаго побѣдителя и кстати отвезти изъ Бендеръ въ кадеты въ сѣверную столицу, гдѣ такъ давно не былъ, старшаго восьмилѣтняго моего сына, Сергѣя, на память коему, впослѣдствіи, я озаботился стать сочинителемъ и сей гисторіи. Совершā оную поѣздку,

я мнилъ самую близость моего жизненнаго разрушенія содѣлать безмятежною и мирною.

Былъ мартъ 1801 года. Прибывъ въ Петербургъ, я осмѣлился искать счастія представиться императору Павлу, для чего и записался въ пріемной графа Ивана Павловича Кутайсова. Петербургъ сталъ неузнаваемъ. Вмѣсто пышности — простота, вмѣсто веселья, картъ, попоекъ—служба, суровость, дисциплина, тишина. Новыя лица властвовали, новыя партіи складывались...

Государь не замедлилъ назначить мнѣ аудіенцію. Это было въ недавно-отстроенномъ, Михайловскомъ дворцѣ. Я не узналъ Павла Петровича. Куда дѣлся свѣтлый, какъ бы окрыленный взоръ, нѣкогда стремившійся къ Дунаю, вслѣдъ за суворовскими орлами? Куда дѣлась легкая, статная походка и этотъ въ бархатномъ колетѣ всадникъ, скакавшій на своемъ бѣломъ Помпонѣ по мирнымъ гатчинскимъ садамъ? Передо мной былъ озабоченный, въ суровыхъ морщинахъ и примѣтно посѣдѣвшій отъ раннихъ, немолчныхъ тревогъ, вѣнчанный дѣлецъ.

— Полковникъ Бехтѣевъ! очень радъ!—сказалъ императоръ, привѣтливо поднимаясь на-встрѣчу мнѣ отъ груды бумагъ:—радъ видѣть стараго гатчинца. Ну, какъ живешь, что̀ семейство, жена?

Тутъ усталые, когда-то живые и ясные глаза Павла Петровича засвѣтились знакомою, мягкою улыбкою.

— Ты счастливѣе меня,—проговорилъ онъ, выслушавъ мои отвѣты на рядъ быстрыхъ, отрывистыхъ вопросовъ.

Послѣ нѣкоторыхъ воспоминаній о Гатчинѣ и о суворовскихъ походахъ въ Италію и Францію, государь задумался, тревожно прошелся по комнатѣ и, пристально взглянувъ на меня, произнесъ:

— Бехтѣевъ! я знаю о твоей поѣздкѣ въ Парижъ.

Я почтительно склонился.

— Ты дѣльный, исполнительный человѣкъ. Понадобишься мнѣ. Не забуду тебя, пришлю за тобой.

Тѣмъ первое свиданіе кончилось. Дня черезъ два за мной явился курьеръ. Тотъ же благосклонный пріемъ и то же обнадеженіе высокой милостью. Покончивъ чтеніе какой-то присланной отъ канцлера бумаги, государь подошелъ къ окну, взглянулъ на Лѣтній садъ, виднѣвшійся изъ дворца, и, по нѣкоторой паузѣ, изволилъ промолвить, что посылаетъ съ повелѣніемъ къ наказному атаману войска Донскаго, Орлову, съ изготовленными дополнительными планами и маршрутами къ Инду и Га́нгесу...

Я ушамъ своимъ не вѣрилъ. Величіе и смѣлость рѣшеннаго, почти легендарнаго предпріятія ошеломили, подавили меня. Глубоко тронутый довѣріемъ и новою милостью монарха, я возвратился на.......

Здѣсь „Записки Бехтѣева“ прекращаются. Конецъ рукописи былъ, очевидно, впослѣдствіи кѣмъ-то оторванъ и, сколько о томъ ни старались, не найденъ нигдѣ.

Посѣтивъ В***ю губернію, я освѣдомился о помѣстьѣ, принадлежавшемъ въ прошломъ вѣкѣ роду Ажигиныхъ. Деревня Горки существуетъ и донынѣ и находится во владѣніи Петра Сергѣича Бехтѣева, внука автора здѣсь приведенныхъ мемуаровъ.

Еще бодрый, румяный, съ сѣдыми усами и съ такою же окладистою бородой, шестидесятилѣтній старикъ, Петръ Сергѣичъ, узнавъ цѣль моего заѣзда, принялъ меня очень радушно. Я попалъ въ Горкахъ на семейный праздникъ, а именно, на день рожденія семилѣтней внучки хозяина, Фленушки.

Виновница праздника была, очевидно, любимицей всей семьи. Познакомясь со мной, она подвела меня къ двумъ фамильнымъ портретамъ, изображавшимъ красивую, въ напудренной, высокой прическѣ, сухощавую даму, и добродушнаго, полнаго, съ краснымъ отложнымъ воротомъ и однимъ эполетомъ, мужчину.

— Это моя прабабушка, а вотъ ея мужъ!—сказала быстроглазая, коротко-остриженная и живая Фленушка, взглядывая сбоку, какое впечатлѣніе произведутъ на меня ея слова:—прадѣдушка былъ добрый, а она... злюка.

— Почему?—удивился я.

— Она... ахъ, нѣтъ! то не она, а другая прабабушка! та бросила жениха и не любила кошекъ... а вы любите?

— Этотъ ребенокъ такъ все замѣчаетъ и ничего не боится!—поспѣшила мнѣ объяснить, отводя меня, мать Фленушки:—представьте, недавно я призвала управляющаго и говорю—выкосите въ саду на полянахъ траву; тамъ много ящерицъ, Флена увидитъ и еще испугается. А она тутъ же запустила руку въ фартукъ и мнѣ въ отвѣтъ: помилуйте, мама, у меня ужъ два дня вотъ живая ящерица въ карманѣ и я ее кормлю сахаромъ.

— Сущая, кажется, Пашута,—сказалъ я.

— Кто это?

— Да ея прабабушка — отвѣтилъ я, разглядывая портретъ напудренной дамы.

Семья Бехтѣевыхъ, какъ и весь этотъ, точно забытый временемъ уголъ, была очень симпатична и своеобразна. Каменный, старинный домъ съ цвѣтными изразцами печей, съ семилѳровыми часами, съ отдѣланной въ бронзу мебелью и венеціанскими, въ стекляныхъ рамахъ зеркалами, такъ и вѣялъ прошлымъ вѣкомъ. Говорили о начавшейся войнѣ съ турками, о переходѣ Дуная и Балканъ. Сынъ хозяина, отецъ Фленушки, былъ въ дѣйствующей арміи, писалъ о Тыр-

новѣ, о Шипкѣ. О немъ говорили сдержанно, робко. Извѣстій отъ него давно ужъ не было. На мой вопросъ, какъ кончилъ жизнь Савватій Ильичъ, мнѣ отвѣтили, что онъ былъ убитъ подъ Бородинымъ. Его сынъ Сергѣй, отецъ нынѣшняго владѣльца Горокъ, служилъ въ двадцатыхъ годахъ во флотѣ и умеръ въ Италіи, раненый въ Наваринскомъ бою.

Существованія привезенныхъ мной записокъ никто не подозрѣвалъ. Ихъ чтеніе было устроено въ портретной, въ кругу всей семьи. Я и невѣстка Петра Сергѣича, бывшая смолянка, читали вслухъ поочереди. Старинные портреты, работы Тишбейна, Левицкаго и ихъ учениковъ, какъ живые, привѣтливо глядѣли изъ потемнѣвшихъ, фигурныхъ рамъ.

Послѣ первыхъ главъ рукописи, Фленушка засуетилась, сбѣгала куда-то и, принеся свѣжій дубовый листокъ, молча положила его передо мной. Выслушавъ конецъ записокъ, она принесла фарфоровую, разрисованную чашку.

— Я не знала прабабушки,—сказала она:—какая она добрая! теперь я никогда, никогда...

— Не бросишь жениха?—спросилъ внучку, съ густымъ, простодушнымъ смѣхомъ, дѣдъ: — а вотъ ты лучше покажи гостю Дунюшкинъ сундукъ...

Дѣвочка молча прижалась къ матери.

Дунюшка полвѣка сряду была слугой въ этомъ домѣ и въ ея сундукѣ, оставшемся, десять лѣтъ назадъ, послѣ ея смерти, хранились между разнымъ хламомъ семейныя бумаги Бехтѣевыхъ, связки писемъ, лѣчебники, травники, и пр. Флена любила рыться въ кладовой въ этомъ сундукѣ, разобрать документы котораго хозяева все откладывали.

Въ тотъ же вечеръ вся семья собралась къ чаю на цвѣточную площадку, подъ дубомъ. На чайный столъ былъ поставленъ жалованный, съ пастушками и амурами, севрскій сервизъ. Толковали о Потемкинѣ, Суворовѣ, о Екатеринѣ и Павлѣ.

Освѣщенный яркимъ лѣтнимъ багрецомъ на маковкѣ и сбоку отъ пруда, столѣтній, снизу стемнѣвшій дубъ, далеко простиралъ свои вѣтви надъ помнившей давніе, забытые годы семьей.

1876 г.

УМАНСКАЯ РѢЗНЯ.

(ПОСЛѢДНІЕ ЗАПОРОЖЦЫ).

(1768—1775 г.).

Историческая повѣсть.

„Нѣтъ болѣе Сѣчи Запорожской, въ ея политическомъ уродствѣ, а будетъ мѣсто и жилище постоянныхъ и отечеству и, наравнѣ съ другими, полезныхъ жителей“.

Манифестъ Императрицы Екатерины 1775.

I.

Пушкарня.

Незадолго до новаго, 1768 года, въ войсковомъ станѣ, или столицѣ Запорожской Сѣчи, въ Кошѣ—на рѣкѣ Подпольной, у Днѣпра, состоялся приговоръ войсковаго суда надъ двумя новобранцами.

Это были, такъ-называемые, „молодики“—родъ пажей или послушниковъ „новиціятовъ“, этого своеобразнаго, монашески-рыцарскаго братства, болѣе двухъ вѣковъ охранявшаго южно-украинскіе предѣлы.

Ихъ до поры, „до великовозрастія“, держали, какъ подростковъ, вдали отъ Сѣчи, на хозяйствѣ подвластныхъ Запорожью хуторовъ. Теперь имъ, по „довольномъ искусѣ“ у мѣстныхъ властей, дозволили—по казацкой волѣ—записаться въ любой изъ тридцати-восьми куреней или полковъ Коша.

Они записались и вскорѣ попали въ бѣду. Посланные со старымъ „кýхаремъ“ за покупкой водки для войска въ славяносербскую или екатеринипскую провинцію, въ винокуренные заводы Хорвата и Зорича, они загуляли, пропили на пути, съ черными и желтыми гусарами, войсковую казну и были, подъ конвоемъ, присланы бахмутскимъ полковникомъ обратно въ Кошъ.

Когда виновныхъ привели передъ войсковой судъ, коренастый, плотный, невысокаго роста, кошевой атаманъ, Петръ Иванычъ Калнышъ, по тогдашней шляхетной модѣ, именовавшій себя Калнышéвскимъ, взглянувъ на нихъ, сказалъ:

— Вотъ этихъ молокососовъ—до рѣшенія—въ пушкàрню; а стараго дурня кухаря еще и въ колодку, чтобъ не давалъ воли глупымъ молодикамъ!

Пушкàрней называлась войсковая тюрьма. Старый, свихнувшійся кухарь, Худобай, не разъ въ ней сидѣлъ за разныя провинности передъ куреннымъ братствомъ, за несвѣжую рыбу и солонину, за плохо изготовленный борщъ или кулишъ. Новобранцы, Дòрошъ Недоля и поповичъ Аминадàвъ Односумъ, насупивъ брови, особенно не въ духѣ заковыляли пятками по пути въ смежный съ Кошемъ, новосѣченскій ретраншемѐнтъ.

— Да часовыхъ поставить поглазатѣе!—прибавилъ кошевой, вслѣдъ за уходившими:—не проворонили бы забѣсованныхъ гультяёвъ.

— Вотъ, чортъ пузатый, отъѣлся!—толковали въ тотъ же день о Калнышѣ въ титарéвскомъ куренѣ:—не такимъ тихоней принималъ булаву.

— Забралъ, иродовъ сынъ, въ лапы все войско и вертитъ имъ, какъ хочетъ,—сказалъ товарищъ заключенныхъ, третій молодикъ, Акимъ Шпакъ, прибывшій изъ зимòвника Барвéнковой-Стѣнки:—что съ того, что онъ, кормленый кабанъ, молится, церкви строитъ, да святости шлетъ ко гробу Господню и по монастырямъ? на чей, спросить бы, счетъ?

— Да и слыхано ли, видано ли?—толковали недовольные арестомъ кухаря титаревцы:—разсылаетъ повѣстки, требуетъ, чтобы запорожцы-молодцы пахали землю, сѣяли жито... Развѣ то казацкое дѣло? развѣ въ такую пору мѣнять копья и сабли на плуги?

— Ля́рво, хляпиту́ра! пёсъ—пёсье и думаетъ,—заключилъ, злобно плюнувъ и щипля подросшій усъ, Акимъ Шпакъ.

Ему было жаль заключенныхъ товарищей. Съ ними онъ учился въ кіевской бурсѣ; съ ними же, три года назадъ, онъ сюда и бѣжалъ.

Памятно было Акиму время, когда, послѣ бѣгства изъ бурсы, онъ прибылъ изъ орельской паланки съ фуражнымъ обозомъ въ Кошъ, въ самый день послѣдняго избранія Калнышéвскаго.

Нынѣ вельможный кошевой,—безмолвный, недвижный и чуть помнившій себя подъ бременемъ новаго высокаго выбора,—стоялъ тогда, въ новогоднюю оттепель, среди этой же самой площади, гдѣ теперь судили Односума и Недолю. Тысячи голосовъ кричали: „Хотимъ, хотимъ! пану́й надъ нами! дай тебѣ, Боже, лебединый вѣкъ и журавлиный крикъ!“—А бывшіе вблизи, съ бѣлыми усами и чубами, старики, сами когда-то властное старшинство, набравъ изъ-подъ ногъ растоптанной казацкими сапогами грязи, клали ее горстями на обнаженную, покорную голову вновь избраннаго. И грязь текла по лицу и усамъ ясновельможнаго, чтобы всему свѣту было вѣдомо, что все вокругъ

прахъ и тлѣнъ, кромѣ вольностей, никѣмъ непобѣжденнаго и никому непокорнаго, единаго и вѣчно-славнаго войска Запорожскаго, низоваго.

Все тогда волновало и восхищало молодыя души бѣжавшихъ въ Сѣчу украинцевъ.

Въ кошевой церкви, при возглашеніи Евангелія, всѣ молившіеся казаки, какъ одинъ, молча выхватывали изъ ноженъ до половины сабли, какъ бы клянясь защищать до послѣдней капли крови — вѣру отцовъ, волю казачества и все достояніе матери-Сѣчи.

Памятны были новобранцамъ разсказы куренныхъ, угощавшихъ ихъ однокорытниковъ, о недавней, прошлой славѣ запорожцевъ: ка̀къ храбрые сѣрома̀хи осаждали Каменецъ и Балту, какъ спускались въ утлыхъ челнахъ въ Черное море, обжигали крылья Измаилу, закуривали трубки Синопомъ и Трапезунтомъ и давали нюхать пороху самому Царьграду.

Теперь было иное, отзывалось не тѣмъ.

Запорожцы имѣли свою метеорологію. Четыре вѣтра, съ четырехъ краевъ свѣта, у нихъ носили свои названія: турокъ, нѣмецъ, ляхъ и москаль.

Теперь дуло съ сѣвера. Тянулъ вѣтеръ-москаль.

Завзятые сѣчевики сумрачно косились на вышку новосѣченскаго ретраншемента, гдѣ, за насыпью и частоколомъ, незадолго передъ тѣмъ, въ кошевой крѣпостцѣ, какъ бы для охраны Сѣчи, поселился русскій комендантъ Норовъ.

— Сѣла московская болячка въ самую запорожскую печёнку, — говорили недовольные между войсковой старшиной: — изъ той вонъ бѣсовой московской норы идутъ всѣ наши новыя перемѣны...

Русское вліяніе замѣтно росло въ Сѣчи. Московскій вѣтеръ, несшій вѣяніе новой, незнакомой здѣсь, цивилизаціи, сильно продувалъ запорожскіе тайники. А тутъ еще дала себя знать студёная зима 1768 года. — „Быть москалямъ къ намъ въ гости", — толковали старые сѣчевики: — „бо передъ ними всегда лютый морозъ приходитъ въ степи".

— Сами старшины виноваты! не къ добру, что ни годъ, они ѣздятъ къ столицы! — разсуждала на рождественскія святки лихая, забубённая казацкая голытьба, бывшая противъ друга Россіи, строгаго и письменнаго кошеваго. — Что̀ съ того, что каца̀пы-москали шлютъ теперь жалованье Кошу, по полтинѣ на казака, да по пятьдесятъ пудовъ пороху и свинцу на войско? Были безъ того жалованья, была воля, не знали ни проторей, съ пашедшими сербами, да волохами, за наши земли, ни всякихъ за дѣдовскія права и вольности обидъ и волокитъ. Прежде пашкодитъ, проворуется съ-дуру какой казакъ, — сама ра̀да съ нимъ справлялась; теперь насъ судятъ

не судьи, а христопродавцы, да лихвенники-писаря, и шлютъ въ пограничныя русскія крѣпости, а тѣ въ Сибирь.

— И надняхъ ссылаютъ,— сказалъ при этомъ братъ кухаря:—а за что? дурень Худобай не умѣлъ остановить подростковъ, напился съ ними до забвенія и пропилъ войсковыя деньги, ну, и вернулъ бы,—у него ужъ, навѣрное, гдѣ-нибудь зарыто; а другіе треклятыхъ сербовъ проучили добре кіями, да кое-что у нихъ пограбили и пожгли, чтобъ мордатые черти смирно сидѣли съ боку запорожскихъ хуторовъ.

— Когда ссылаютъ?—спросилъ, лежавшій возлѣ на нарахъ, Шпакъ.

— Въ самый новый годъ, послѣ рады,—отвѣтилъ братъ кухаря:—держатъ сердечныхъ въ колодкахъ, связанныхъ, какъ разбойниковъ, по рукамъ и по ногамъ.

— Не по правдѣ, хлопцы, живетъ наше панство, — отозвались другіе титаревцы,—проучить надо собакъ.

— Да такъ проучить,—проговорилъ, поднимаясь, Шпакъ,—чтобъ заказали дѣтямъ и внукамъ, нечистые злодѣяки, московскіе кормленные псы...

— Ой, хлопче, берегись, — замѣтилъ, молча до тѣхъ поръ сосавшій трубку, куренный атаманъ:—попередъ батька на шибеницу не сovaйся; урвутъ тебѣ, Якиме, когда-нибудь за такія рѣчи языка...

— Ну, ты лучше бы не откликался,—возразилъ Шпакъ:—отъѣлся, какъ тѣ кабаны, оттого и держишь ихъ руку.

Куренный только покачалъ головой и сплюнулъ. Онъ самъ въ тайнѣ раздѣлялъ мысли своего полка.

На третій день рождественскихъ святокъ, Акимъ Шпакъ, съ другими титаревцами, занималъ караулы у кошевыхъ воротъ, при пушкарной башнѣ и у входа въ ретраншементъ.

Былъ сильный холодъ. Срывалась метель. Часовые забрались въ пушкарную сторожку.

— Ну, да и скука-жъ,—толковали молодые казаки:—не святки, точно великій постъ. Въ Сѣчи сумно, будто насъ побили турки. Куда дѣлись прежнія попойки, музыка, плясъ? Не сходилъ бы кто-нибудь за горѣлкой до жидовъ?

Шпакъ вызвался, прошелъ на „крамной базаръ“, разбудилъ шинкаря, принесъ подъ полой здоровенную „кухву“ водки и напоилъ товарищей. Онъ поднесъ добрую долю и ключарю, спавшему въ нижнихъ сѣняхъ пушкарной башни.

— Пусти, дядя, поговорить съ кумомъ,—сказалъ онъ.

— А кто твой кумъ?—спросилъ охмѣлѣвшій стражъ.

— Тамъ мала еще дѣтина, поповичъ, Аминадавъ, а по нашему школьному, Авва Односумъ. Я кусокъ бы свѣжаго хлѣба ему отнесъ.

— Ну, хлѣба можно,—отвѣтилъ ключарь:—давно уже, бѣдолаги, сидятъ на однихъ сухаряхъ; только самъ я, хлопче, тебя проведу.

Шпакъ сходилъ въ курень, вынесъ оттуда торбу съ харчами и передалъ Односуму, съ хлѣбомъ, веревку и топоръ.

Шпакъ и Односумъ въ бурсѣ были друзьями, но вѣчно спорили изъ-за первенства въ силѣ. Неуклюжій, вялый съ виду и голенастый Шпакъ былъ головою выше юркаго, тощаго и драчливаго гуляки Аминадава. Товарищи ихъ часто натравляли другъ на друга; они схватывались, но борьба кончалась ничѣмъ: либо Шпакъ упадетъ вмѣстѣ съ Односумомъ, либо Односумъ увернется отъ его увѣсистаго кулака и спрячется, опрокинувъ по пути Акима ловко подставленною ногою. Огромнаго Шпака въ Запорожьѣ прозвали „малютой", щедушнаго Авву — „махиной". — Шпакъ рѣшился, во что бы то ни стало, освободить пріятеля.

Арестанты отбили другъ другу колодки и цѣпи, пробрали въ печкѣ дыру, вылѣзли трубой на башенную крышу и по веревкѣ спустились за ограду крѣпости, на базаръ.

Все было бы хорошо. Но лютый холодъ въ проломанную печь разбудилъ остальныхъ колодниковъ, не бывшихъ въ уговорѣ. Тѣ всполошились, впопыхахъ бросились сами спасаться и подняли на ноги погоню. „Держи, лови, шибенники бѣгутъ!" — раздались голоса въ потьмахъ.

Загудѣлъ набатный колоколъ. Бросились пѣшіе, поскакали верховые. Однихъ бѣглецовъ переловили въ предмѣстьѣ, другихъ подъ окрестными стогами. Довбышъ утромъ заперъ ихъ и снова всѣхъ заковалъ въ желѣзные кандалы. Односумъ успѣлъ на радости гдѣ-то сильно выпить, и его заперли пьянаго.

— Кто принесъ веревку и топоръ? — допытывался судья у ключаря и часовыхъ. Тѣ, спасая собственныя головы, не выдали виновника, съ сущности, дѣлавшаго доброе дѣло: однимъ товарищамъ онъ давалъ средства къ побѣгу, а другихъ такъ угостилъ, что у нихъ и на слѣдующій день звенѣли въ головѣ шмели.

Настало утро новаго года.

Какъ улей сердитыхъ, роящихся пчелъ, по которому нечаянно ударили, загудѣлъ и вылетѣлъ изъ куреней на площадь Кошъ. Жужжа и тревожно снуя, у входовъ въ писарскую канцелярію и въ обмазанный глиной, крытый соломой, курень кошеваго, толпились рабочіе пчелы и трутни—рядовые казаки и вся войсковая старшина. Войско разсуждало вполголоса. Сѣчевое начальство глядѣло опасливо и держалось въ сторонѣ.

Передъ обѣдней, по обычаю, вынесли хоругви, иконы и кресты. Настоятель запорожскихъ церквей, архимандритъ Владиміръ Сокальскій, прочелъ молитву, окропилъ всѣхъ святою водою; четыре полевыя пушки грянули съ колокольни салютъ. Казаки стали въ „майда̀нъ“, т.-е. въ войсковой кругъ.

Начальство вынесло и положило на столъ, подъ распущеннымъ большимъ знаменемъ, войсковые клейноды, почетные знаки: кошевой — булаву, судья — печать, писарь — чернильницу и счетныя книги, дòвбышъ — барабанныя палки, куренные атаманы — свои перначи.

По обычаю каждаго новаго года, кошевой и прочія власти, поклонившись и поблагодаривъ войско, заявили просьбу объ увольненіи ихъ отъ должностей.

На кошевомъ былъ бархатный, жалованный изъ Петербурга, красный съ вылетами кафтанъ и золотой поясъ. Снявъ шапку, онъ сталъ говорить. Въ нѣсколько напыщенномъ словѣ, по тогдашней модѣ, уснащенномъ церковно-книжными реченіями, упоминались нарочитые „нужды и резонты войска“ и „самоважныя, отъ пограничностей и прочихъ обиходовъ, неотложныя и прегорькія обстоятельства“.

— Атаманы, старшина и вы, все товариство, наши головы! — говоритъ кошевой: — разсмотрите вотъ эти книги, принесенный нами отчетъ о приходѣ и расходѣ войсковаго „скарба“. Такожде обсудите и весь „компутъ“, — куренные реестры, бо въ куреняхъ съ осени стало не мало новаго народа... люди все молодые, что не нюхали еще пороху... и какъ съ ними войско „подозвòлитъ“ быть и вѣдаться?..

Не успѣли казаки одуматься и дать отвѣтъ, ближніе куренные и старики — „руки кошеваго“ — крикнули: „Довольны, не снимать счетовъ! оставайтесъ и этотъ годъ на мѣстахъ!..“

Кошевой поклонился на всѣ стороны, поблагодарилъ войско за довѣріе и честь, взялъ снова со стола булаву, надѣлъ шапку, крякнулъ, поднялъ голову и продолжалъ:

— А чтò, господа атаманство и вы, братчики, будемъ дѣлать вотъ на счетъ чего?.. Изъ Петербурга пишутъ, что наше войско можетъ опять, не нынче — завтра, понадобиться, — подъ турчина собираются. Какъ думаете? чѣмъ рѣшитъ войско?

Старшины стали шептаться. Остальной кругъ, потупя головы, молчалъ.

— Мы прошлой осенью, по обѣщанію, ходили въ Кіевъ на поклоненіе святымъ, — заговорилъ снова Калнышѐвскій: — послали также патріарху, въ Ерусалимъ, золоченые три дискоса, лжицу, потиръ и съ каменьями звѣзду... Пусть угодники Божьи молятся за насъ...

— Охъ, охъ! — набожно вздохнувъ, отозвался на это кто-то изъ круга: — помилуй насъ, Господи, помилуй!

Въ дальныхъ казацкихъ рядахъ поднимался явственный ропотъ. Титаревцы, толкнувъ впередъ куренного и окруживъ Шпака, шумѣли, съ глухой злобой встрѣчая каждое слово кошевого.

— Отцы, межигорскіе монахи, — говорилъ кошевой: — держатъ нашъ соборъ и всю церковную святыню въ должномъ, статѣчномъ урядѣ; и надо сказать — ихъ иноческое пристойное житіе и немалыя войску прислуги — всякой хвалы достойны. Казалось бы, — и иному резонты явны для каждаго,—съ помощью Божьей и при вашей, всѣмъ вѣдомой, храбрости и послушаніи, безъ лишнихъ шумовъ и безчинствъ —наша вѣра укрѣпилась бы межъ агарянскими кочевисками...

— Гòди! довольно!—сорвался вдругъ чей-то голосъ изъ титаревскаго куреня.

Всѣ смутились, переглянулись.

II.

Акимъ Шпакъ.

Кошевой продолжалъ, не шевельнувшись, обращая то вправо, то влѣво умные, гордо-спокойные глаза. — Притомъ же, извѣстно стало эхомъ, — что, если не согласимся, — силой насъ заставятъ. И лучше жить въ дружбѣ съ единокровными. Какъ разсудитъ войско, а наше мнѣніе,—вы худостей и безчинія не потерпите и оной отпискѣ должный дадите отвѣтъ...

— Гòди! будетъ вамъ мудровать и нами вертѣть—раздался громче тотъ же голосъ Шпака.

Этотъ откликъ подхватили десятки, сотни другихъ.

— Долой Калныша! долой стараго пса! — кричали въ титаревскомъ куренѣ: — клади назадъ булаву, клади, сякой-такой сынъ...

— Шесть лѣтъ назадъ сидѣлъ, опять усѣлся, чортовъ вѣредъ!— подхватили въ левушковскомъ.

— Въ шею Глобу, Калныша и Головатаго! судить ихъ, кормленыхъ быковъ! въ пушкàрню, въ кандалы!

Куренные атаманы бросились-было уговаривать войско, но были мигомъ смяты и оттѣснены. Верхъ одержала нелюбившая кошевого голытьба и молодежь съ новоприбывшими молодикàми во главѣ. Старшина была разогнана саблями. Возставшіе бросились къ сѣчевой тюрьмѣ, освободили колодниковъ и ударили въ набатъ, но въ суетѣ не догадались запереть крѣпостныхъ воротъ.

Короткій, скоро померкшій зимній день не далъ разыграться бунту недовольныхъ. Куренное начальство и старики стали уговаривать мо-

лодежь. Калнышевскій, переодѣвшись въ монашескую рясу, бѣжалъ, когда стемнѣло, въ кущевскіе зимовники, подъ защиту вѣрной ему кодацкой крѣпостцы. Спустя нѣсколько дней, большинство возставшихъ одумалось. Черезъ недѣлю-другую все пошло попрежнему. Атаманы послали просить „ясновельможнаго“ прибыть вновь „до Коша“.

Калнышевскій возвратился. Онъ молчалъ, не смѣлъ вспоминать прошлаго. Виновники вспышки, однако, понимали, что можетъ придти пора, когда о нихъ вспомнятъ.

Часть недовольныхъ, въ полсотни человѣкъ, съ первымъ тепломъ и вскрытіемъ Днѣпра, разбрелась изъ Коша. Нѣкоторые спустились внизъ, разсѣялись по Ингулу и Бугу, гдѣ скоплялись въ глухихъ пасѣкахъ, рыболовняхъ и оврагахъ. Кое-гдѣ въ маѣ и въ іюнѣ того года стали пошаливать. Бѣглые запорожцы жгли пограничныя польскія деревушки, угоняли стада и подплывали къ приморскимъ турецкимъ городкамъ.

Калнышевскій смотрѣлъ сквозь пальцы на эти проказы забубенныхъ гультяёвъ.—„Съ глазъ долой — съ рукъ долой“,—думалъ онъ. И хотя нѣсколько лѣтъ назадъ самъ Калнышевскій ходилъ съ полкомъ къ тому же Бугу и выбилъ изъ тамошнихъ камышей засѣвшихъ на островѣ, съ пушками, бродячихъ грабителей „гайдамакъ“, — теперь онъ сидѣлъ спокойно, отписывая сосѣднимъ комендантамъ и губернаторамъ: „Дѣйствительно, шалятъ и буйствуютъ хлопцы-сукачи; но то не запорожцы, а вольные гайдамаки; мы ихъ не посылали, ихъ не знаемъ и съ оными самосбройцами не причемъ“.

Между ушедшими къ Бугу запорожцами были новобранцы Акимъ Шпакъ и поповичъ Аминадавъ Односумъ. Дорошъ Недоля пошелъ съ другой ватагой къ Брацлаву, гдѣ скоро о немъ пропалъ всякій слѣдъ.

Односумъ и Шпакъ примкнули къ гайдамакамъ, скоплявшимся въ Бобринецкихъ лѣсахъ. Эта ватага замышляла нѣчто смѣлое противъ границъ, бывшаго подъ Польшей, кіевскаго воеводства, для чего сносилась съ другими собиравшимися по Кадымѣ и Синюхѣ. Здѣсь произносились имена польскихъ городовъ и мѣстечекъ: Звенигородки, Богуслава, Лисянки, Смѣлой и Канева.

Въ бобринецкой ватагѣ ждали только прибытія беззавѣтнаго рубаки и „затяжца“ — вождя недавнихъ гайдамацкихъ набѣговъ, Максима Желѣзняка. Послушникъ межигорскаго монастыря, потомъ запорожецъ пушкарской команды, Максимъ, уйдя въ пѣхоту, т.-е. въ бродяги, жилъ нѣкоторое время въ лѣсахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ, близъ лебединской обители.

Говорили, что Желѣзнякъ не съ пустыми руками: будто у него полномочіе отъ кошевого и даже разрѣшительная „золотая грамота“

свыше. Лебединскій игуменъ, по слухамъ, далъ открытый „вѣрючій листъ“ — письменное благословеніе ему и его ватагѣ на истребленіе ляховъ и евреевъ.

Регментарь пограничныхъ, украинской партіи, польскихъ войскъ, графъ Браницкій принималъ свои мѣры. Онъ сносился съ комендантами смежныхъ съ Запорожьемъ польскихъ мѣстечекъ и крѣпостей, осматривалъ и ободрялъ выставленныя помѣщиками милиціи, снабжалъ ихъ военными припасами, офицерами и—вообще держалъ ухо востро.

Шпакъ командовалъ частью ватаги Желѣзняка.

— Берегись теперь, вражій ляхъ,—а что̀-бъ ты ни дѣлалъ, не убережешься, пропадешь ни за курячью душу, — сказалъ Односуму Шпакъ, стоя съ нимъ въ пикетѣ, на лѣсистомъ взгорьѣ у Буга, гдѣ гайдама́ки вторыя сутки въ скрытности ждали прибытія посланцевъ отъ главнаго вождя:—прощайте, шляхетные, несвыча́йные кормы, напо̀и и разбои! Напьетесь своей крови, погубители замученнаго вами украинскаго вашего подданства!

— Gutta cavat lapidem,—капля пробиваетъ камень,—сказалъ любившій латинскія присловья Односумъ.

— Тутъ, друже, не капля, — произнесъ Шпакъ: — они держали въ кандалахъ отца игумена Мельхиседека, замуро̀вывали ему окна, а пять уніатскихъ поповъ его связали и хотѣли бить батогами, да онъ ушелъ съ русскимъ купцомъ. А что̀ съ народомъ дѣлаютъ ляхи? разоряютъ храмы, разгоняютъ похороны и свадьбы, ломаютъ церковную утварь, швыряютъ на жидовскія крыши поломанные кресты и выбрасываютъ изъ гробовъ нашихъ покойниковъ... А жиды?—качаютъ казацкихъ дѣтей въ бочкахъ, набитыхъ гвоздями, и послѣ мажутъ ихъ кровью глаза своимъ дѣтямъ... Ка́ты—по-ка́тски примутъ и расплату за свои дѣла,—заключилъ Акимъ.

Шпака трудно было теперь узнать. Односумъ, придя недѣлю назадъ съ Синюхи, чтобъ провѣдать товарища, съ которымъ не видѣлся болѣе мѣсяца, не вѣрилъ своимъ глазамъ. Куда дѣлась неуклюжесть и вялость движеній Акима? Онъ былъ не тотъ.

Длинныя, голенастыя ноги парня ступали быстро и легко. Дебелый, съ широкой грудью, станъ выпрямился. Небольшая, сухая, точно птичья, голова, съ горбатымъ тонкимъ носомъ, сторожко поворачивалась на костлявыхъ плечахъ. Гладко-выбритый, голый съ чубомъ, черепъ былъ прикрытъ новою, здоровенною, сѣрыхъ смушекъ, шапкой. Сбоку бѣлой свитки болталась кривая въ потертыхъ ножнахъ „шаблюка“; черезъ плечо, на веревкѣ, висѣлъ добрый самопалъ. Чопорно и цѣпко, „репьемъ“, сидѣлъ Шпакъ на рыжемъ, отбитомъ у ногайцевъ, жеребчикѣ. И никто бы не сказалъ, что онъ недавно былъ въ бурсѣ, ходилъ въ длинномъ балахонѣ и изучалъ Овидія.

— Гдѣ ты добылъ такой уборъ?—спросилъ, любуясь имъ, Односумъ:—ecce ego Democritus, ecce veniat Heraclitus... Вотъ поглядѣлъ бы теперь на тебя Антошка Головатый, что̀ со своимъ дядей, надо полагать, въ это время строчитъ универсалы о нашей поимкѣ...

Антонъ Головатый былъ также товарищемъ Шпака по побѣгу изъ кіевской бурсы.

Шпакъ медленно взглянулъ съ пригорка на забугскую, синѣвшую въ отблескѣ вечера, степь и ничего Односуму не отвѣтилъ. Ему какъ бы въ зеркалѣ, какъ на-яву, тамъ — за надрѣчными холмами — представилось его недавнее прошлое: казачій, съ огородомъ, выселокъ, кладбище, дупластая верба, сиротскіе горькіе годы, Кіевъ, ученье, монахи, грёзы и толки о славной Сѣчѣ, плаванье по Днѣпру поймaннаго „дуба“ и дальній зимовникъ Барве́нкова-Стѣнка, гдѣ Акимъ провелъ первые годы въ Запорожьѣ...

Невдали отъ лебединскаго, или мотро̀нинскаго, кіевской епархіи, монастыря, въ Чигиринскомъ уѣздѣ, близъ рѣки Туріи, въ казацкомъ хуторѣ, жилъ старый попъ Зосима. Бездѣтный, семидесятилѣтній вдовецъ имѣлъ одну утѣху — въ пчелахъ и пѣвчихъ птицахъ. Въ лѣто, когда плохо роились и брали взятку пчелы, онъ обращался къ дудочкамъ и сѣткамъ, выслѣживалъ, ловилъ и разводилъ въ клѣткахъ перепеловъ, удодовъ, скворцовъ и дроздовъ. Голуби тучами вились надъ его дворомъ, укрывая его бѣлую, подъ соломой, мазанку, чуть видную въ зелени церковнаго сада.

Однажды, весной, пономарь сказалъ Зосимѣ:

— Батюшка! у насъ въ липахъ, за кладбищемъ, вывелись шпачки... Попъ особенно любилъ пѣніе скворцовъ и потому съ радости не почуялъ подъ собой ногъ.

— Ну, братику, — отвѣтилъ онъ пономарю: — смотри же, чтобъ ни одна дѣтина со слободы не пронюхала и не побывала въ садку...

Зосима отыскалъ въ гущинѣ липовой заросли скворечье гнѣздо, заплелъ, спуталъ вокругъ его вѣтви и сталъ поджидать, когда желтые мягкіе носы, торчавшіе изъ гнѣзда, потемнѣютъ и окрѣпнутъ, и когда у крикливыхъ обжоръ подростутъ крылья.

Прошла недѣля, другая. Зосима терпѣливо выжидалъ, рано до̀ свѣта прошелъ въ еще темный, чуть пробуждавшійся садъ,—скворечихи ужъ не было въ гнѣздѣ, — забралъ въ торбу „шпачко̀въ“ — и, едва миновалъ садъ, слышитъ сзади его, у кладбища, отзывается какой-то странный пискъ. Онъ туда—межъ могильныхъ крестовъ, подъ дупластой, развѣсистой вербой, лежитъ въ бѣдныхъ опоркахъ ребенокъ. Его, очевидно, положилъ сюда кто-нибудь съ прохожей дороги, изъ-за плетня.

Постоялъ надъ ребенкомъ Зосима, подумалъ и рѣшилъ: „Забралъ я съ гнѣзда пташекъ, стану ихъ кормить—будь же и ты шпачкѣмъ“. Попъ окрестилъ найденыша, давъ ему имя богопріимца Акима. Слобода назвала Акима Шпакѣмъ. Такъ онъ прожилъ у Зосимы до восьми лѣтъ.

Передъ кончиной, почуявъ близкую смерть, попъ выпустилъ изъ окна на волю всѣхъ своихъ птицъ, а пріемыша отдалъ сосѣду-куму, казаку той слободы, прося его соблюсти мальчика и довести до возраста лѣтъ и до ума. Кумъ былъ кузнецъ, сильно выпивалъ. Запрегъ онъ дикаго, росшаго на просфирахъ и поповскихъ пирогахъ, подкидыша во всѣ работы. Трезвый онъ только ворчалъ на парнишку, попрекая дармоѣдствомъ, а пьяный — заставлялъ его, дни на-пролетъ, стоять у жаркаго горна, раздувать мѣхъ и бить молотомъ. У домашнихъ кузнеца Шпакъ не выходилъ изъ тычковъ и побоевъ.

Кузнецъ какъ-то говѣлъ въ лебединскомъ монастырѣ. Игуменъ, Мельхиседекъ Яворскій, попросилъ его подковать ему обительскую четверню. Кузнецъ уважилъ просьбу знаменитаго игумена. Онъ съ молотобойцемъ привелъ подкованныхъ лошадей, получилъ, кромѣ платы, добрую флягу старой горѣлки, осушилъ ее въ рощѣ за монастыремъ, да тамъ и „далъ дуба“. Сироту Шпака взялъ къ себѣ на-время Мельхиседекъ. А когда украинская митрополія оповѣстила подвластное духовенство о доставкѣ въ Кіевъ въ пѣвчіе добрыхъ и „пристойныхъ голосовъ“, лебединскій игуменъ отослалъ туда съ другими и двѣнадцатилѣтняго, замѣченнаго на ихъ клиросѣ, Шпака. Въ Кіевѣ его помѣстили въ бурсу. Нѣжный, пѣвучій голосъ Акима, съ лѣтами, точно треснулъ, разбился, сталъ грубъ и для „нужностей“ епископскаго клира вовсе неподходящъ. Его забыли въ бурсѣ и въ митрополіи, а вслѣдствіе того пересталъ о немъ заботиться и обманувшійся въ надеждѣ на него, самъ усердный къ вѣрѣ и смѣлый въ житейскихъ сплетеніяхъ, Мельхиседекъ.

Такъ прошло шесть лѣтъ. Ученье Шпаку не далось. Латинской мудрости онъ не полюбилъ, уроки рѣдко зналъ, а больше сонно и тупо глядѣлъ съ лавки на велерѣчивыхъ „прецепторовъ“, потирая широкой ладонью ладонь, жмуря глаза, покачиваясь и думая вовсе не о томъ, о чемъ говорилось съ каѳедры. Били его за то нещадно. Замараетъ онъ ненавистный греческій букварь — кіи, проспитъ заутреню—тоже, уйдетъ въ праздникъ побродить по городу и, забравшись гдѣ-нибудь въ окрестную, пахучую лѣсную глушь, не вернется въ срокъ къ ночи—опять и опять въ задворокъ и добрые кіи. Восемнадцатилѣтняго, рослаго школяра взяла одурь. Сперва ему еще помогалъ въ латыни Аминадавъ Односумъ; но потомъ Шпакъ совершенно бросилъ книги, сталъ рубить и таскать въ классы дрова, топить печи, помогать кухарямъ и конюхамъ и ждалъ съ замираніемъ праздника, чтобъ хоть на часъ вырваться за городъ.

Разъ бродилъ Акимъ въ предмѣстьѣ Подола и зашелъ къ дальнимъ огородамъ, у Днѣпра.

Близился вечеръ. Сломивъ вербовую вѣтку, онъ безсознательно хлесталъ ею по землѣ и себя по ногамъ, лѣниво двигаясь по пыльной улицѣ. Вдругъ слышитъ окликъ и веселый, раскатистый смѣхъ. Поднялъ голову, видитъ—за плетнемъ, среди огорода, у колодца, невысокая, лѣтъ шестнадцати, дѣвушка, въ украинскомъ мѣщанскомъ нарядѣ. Прикрывъ отъ солнца глаза, она глядѣла на него и качалась отъ смѣха.

— Чтд тебѣ? чего скалишь зубы?—спросилъ съ досадой Шпакъ.

— Я зову его, зову,—проговорила, смѣясь, дѣвушка,—а онъ, какъ быкъ, опустилъ рога, не слышитъ, только пыль мететъ шароварами: шамъ-шамъ...

— Гей, отѣцкая дочка!—сказалъ строго бурсакъ:—стыдно цѣплять прохожихъ. Чтд тебѣ?

— Да я коромысло уронила въ криницу; дивчàта ушли... Помоги, коли ты добрый, достань!

Шпакъ перелѣзъ черезъ плетень, заглянулъ въ колодезь и покачалъ головой.

— Что, глубоко?—спросила быстроглазая мѣщанка:—а боишься, —пана Рудзя позову.

— Какого пана Рудзя?

— Я у польскаго пана живу въ нàймичкахъ,—вонъ, возлѣ той каплицы, на горѣ;—смотрю за его панночкой,—а Рудзь его родичъ!.. да красивый, проворный,—лукаво прибавила дѣвушка:—чтд ни скажешь,—„сейчасъ“, говоритъ, „Харитина!“—и сдѣлаетъ.

— Чтобъ твои недовѣрки-шляхтичи поздыхали,—сказалъ съ сердцемъ Шпакъ:—ты, дивчино, нашей вѣры, а служишь имъ;—ихъ и проси...

— Голубчикъ-школярикъ, я, дýрная, пошутила. Достань...

Шпакъ скинулъ съ себя шапку и бурсацкій, длиннополый кафтанъ. Перенеся ногу за срубъ и цѣпляясь за его звенья, онъ опустился въ колодезь, нагнулся и досталъ коромысло, но скользнулъ съ мокрыхъ бревенъ и оборвался въ воду. Паденіе было такъ неожиданно, а бурсакъ такъ смѣшно взмахнулъ длинными ногами, что мѣщанка, не утерпѣвъ, разразилась еще бдльшимъ хохотомъ. Онъ, мокрый, вылѣзъ и подалъ ей коромысло. Харитина, съ закрытыми отъ слезъ глазами, сидя на корточкахъ, причитывала:

— Ой, лéлечко, вотъ выкупался! точно сѣрый гусакъ, такъ и шлепнулъ ой! ой, мàтинко! а я думала,—когда онъ шелъ, когда шелъ... что не школяръ, а запорожецъ-казакъ... Спасибо, братику, ой, лéлечко, спасибо!..

Она встала, набрала въ ведра воды, подхватила ихъ и, изгибаясь

съ коромысломъ, зачастила босыми, рѣзвыми ногами по горной тропѣ.

Съ той поры, Шпакъ болѣе не видѣлъ мѣщанки, хоть иногда съ досадой ее вспоминалъ.—„За запорожца, стрекоза, приняла! хорошъ запорожецъ!“—думалъ онъ, не зная, говорила ли она правду, или издѣвалась:—„а добрая дѣвка,—да смѣшлива, лысый дѣдъ побилъ бы ея батька!“—Раза два Акимъ пробовалъ заходить къ тѣмъ огородамъ, стоялъ противъ знакомаго колодца и глядѣлъ на гору, куда, къ польской каплицѣ, ушла въ тотъ вечеръ съ ведрами мѣщанка. У криницы толпились другія дѣвушки. Той не было видно.

Однажды только, но уже въ другомъ мѣстѣ, изъ чьего-то большущаго, шедшаго во всю улицу, сада, онъ заслышалъ пѣсни дѣвушекъ, собиравшихъ спѣлыя вишни. Изъ гущины деревъ, съ верхнихъ вѣтокъ ему послышался какъ бы знакомый, веселый окликъ. Черезъ заборъ на него полетѣла горсть ягодъ; дѣвушки запѣли: „Запорожецъ, запорожецъ—зоветъ меня на морозецъ!“ — Пѣсню прервалъ общій взрывъ смѣха, и голоса смолкли. Сколько ни приглядывался Акимъ сквозь плетень, ничего не увидѣлъ въ зелени сада... „Можетъ, она, и не она“—сказалъ онъ себѣ, возвращаясь въ бурсу:—„ишь, каторжная! выпачкала вишнями кафтанъ... Всѣ онѣ такія... Будетъ теперь отъ префекта урокъ“.

Еще нѣкоторое время вспоминалъ Акимъ сухощавое, съ веселыми глазами, лицо, крупныя алыя маковины въ русыхъ косахъ, густыя, черныя брови и длинныя рѣсницы.—„Приняла за казака“,—не могъ онъ успокоиться:—„сказано, дурень, мала дѣтина! Такіе ли бываютъ запорожцы? и попасть ли ужъ мнѣ когда-нибудь въ заколдованное Дикое Поле, гдѣ рыцари-молодцы и Сѣчь? А почему бы и нѣтъ?..“

Болѣе и болѣе сталъ задумываться Шпакъ о завѣтной, сказочной вольницѣ, бывшей гдѣ-то тамъ, вдали, внизъ по Днѣпру. Онъ забылъ въ этихъ грёзахъ и веселые глаза, и маковины, черныя брови и длинныя рѣсницы. Къ нему примкнули три другихъ школяра: Односумъ, Недоля и племянникъ кошеваго судьи, Головатый. Они шатались однажды по Кіеву, думали и надумали смѣлое дѣло.

Была въ полномъ разгарѣ весна.

Ледъ унесло. Съ звонкими радостными криками и оханьемъ летѣли съ теплыхъ странъ надъ Крещатикомъ дикіе гуси, чайки, журавли. Бурсаки увидѣли несшійся по рѣкѣ чей-то, сорванный половодьемъ долбленый „дубъ“, перепяли его на рыбацкомъ челнѣ и втянули въ камышъ. А ночью, взявъ по краюхѣ хлѣба и бросивъ бурсацкіе балахоны, сѣли къ весламъ и пустились, вслѣдъ за вешними, шумящими водами, къ вольному Дикому Полю, внизъ по Днѣпру.

III.

Дикое Поле.

Со времени ухода изъ бурсы прошло пять лѣтъ.

Дикое Поле также широко и роскошно, только воля на немъ стала бродить изъ угла въ уголъ, какъ гонимая скорбная вдова. Придя изъ бурсы, бѣглецы бросили и Сѣчь. Все вокругъ нихъ къ чему-то готовилось, собиралось, смутно ожидая новыхъ, идущихъ откуда-то перемѣнъ.

Двухсотлѣтнія запорожскія владѣнія занимали тогда всю нынѣшнюю Екатеринославскую, бо̀льшую часть Херсонской губерніи и часть войска Донскаго. И въ то время, какъ западъ Европы обставлялъ свои границы башнями и готическими за̀мками, ненавистники грамоты и брачной жизни, запорожскіе „характерники“ и „гультяи“ обозначали межи своихъ степей чуть видимыми примѣтами: отъ Волчьей балки до балки Камышевой, отъ Грабленной-могилы, до Палёнаго-Дуба, отъ кургановъ Три-Брата до Савуръ-могилы, Песчанаго Лога и Лисьихъ-Терновъ. Бѣглецы отъ всякой власти и семействъ сюда шли, по знакомой, стародавней дорогѣ всякихъ сиротъ,—православные выходцы украинскихъ, польскихъ и русскихъ земель. Ихъ жалили мошки, прожорливыя мухи, ѳводы и отравленныя иглы назойливыхъ днѣпровскихъ комаровъ. Они шли сюда по солнцу и звѣздамъ, не сбиваясь съ завѣтной вольной тропы, которую и донынѣ знаютъ и помнятъ, какъ говорится, всѣ Иваны-непомнящіе и Домны-бездомныя.

Дикіе днѣпровскіе „лугарѝ“ были похожи на птицъ, кладущихъ яйца въ чужія гнѣзда. Случайно забредя въ смежную Гетманщину, либо въ украинскіе посёлки Польши, они тамъ иногда женились, но вскорѣ оставляли женъ и дѣтей и снова шли, сиротскимъ „чернымъ шляхомъ“, въ Сѣчь, къ безшабашной, знакомой „сѣромѣ“.

„Не строй свѣтлицы на границѣ“,—говорила запорожская пословица:—„казакъ, куда захочетъ, скачетъ, никто за нимъ не плачетъ“. Пѣсня прибавляла: „его смоетъ дождь, расчешетъ тернъ, а высушитъ вѣтеръ“.

Двадцать восемь лѣтъ назадъ, а именно въ 1740 году, запорожскія земли, считавшіяся на бумаги какъ бы въ подданствѣ Турціи, отошли по бѣлградскому миру къ Россіи. Но ни прежней турецкой, ни новой русской власти Сѣчь, въ сущности, никогда не признавала. Да и какъ было ей признать? Кто бралъ и кто могъ отдать этотъ вольный, никому непокорный край? Старозаймочными степями, лу-

гами и рѣками запорожцы, по черкасской обыкности и волѣ, владѣли испоконъ-вѣковъ, не нуждаясь ни въ чемъ и ни въ комъ.

Рыбы въ рѣкахъ было гибель; птицы и всякаго звѣря въ полевыхъ тернахъ и байракахъ — тоже. Днѣпромъ въ Подпольную, къ Кошу, снизу приходили турецкіе „тумбасы" и греческія „кочермы" съ сукнами, оружіемъ, пряностями, посудой, виномъ и всякими товарами. Въ зимовникахъ содержались табуны лошадей, въ полтысячи и болѣе головъ, такія же стада рогатаго скота и десятки тысячъ простыхъ овецъ. А черноземная пахать изъ-подъ тяжелаго запорожскаго плуга выходила такая, что о ней говорили: „выросло бы дитя, когда бы въ нее посадили".

Не хотѣли запорожцы знать ни посторонняго вмѣшательства въ ихъ дѣла, ни, тѣмъ паче, посторонней власти и подданства. Они вѣрили преданью, будто царь Петръ, послѣ Полтавской баталіи, гдѣ они вздумали-было поддержать Мазепу, убѣдился въ ихъ истинной вѣрѣ и дружбѣ и зарылъ въ Савуръ-могилу камень, съ надписью: „Проклятъ, проклятъ, кто разоритъ вѣрную мнѣ Сѣчь и отберетъ запорожскія земли".

Боязнь пустить въ степь женщинъ, обабиться—была такъ сильна у запорожцевъ, что родная мать подвергалась бы казни, если бы вздумала явиться въ Сѣчь для свиданія съ сыномъ. Воинственные иноки-запорожцы считали себя охранителями правой дѣдовской вѣры. Кошъ былъ ихъ монастыремъ, днѣпровская степь—командоріей.

Спускаясь въ море противъ турокъ и оставаясь тамъ по недѣлямъ, въ своихъ челнахъ, съ убогимъ запасомъ прѣсной воды и сухарей, запорожцы нѣсколько лѣтъ возили съ собой гробъ знаменитаго кошеваго, Ивана Сѣрка, убѣжденные, что съ такой помогой имъ не будетъ неудачи. И общій кровавый „палъ", дымясь, шелъ по мусульманскимъ прибрежьямъ вслѣдъ за этимъ гробомъ.

Не меньше терпѣли и польскія, сосѣднія съ Сѣчью, земли. Запорожцы, запасаясь въ украинскихъ селахъ хлѣбомъ и прочими харчами и угоняя татарскіе и польскіе конскіе табуны, съ набѣга жгли католическіе костелы и монастыри, грабили шляхетскіе за̀мки и усадьбы и бросали въ огонь живьемъ связанныхъ монаховъ и ксендзовъ. Совершивъ грабежъ и расплату съ ляхами, они снова исчезали, какъ дымъ, и точно проваливались въ землю. Завзятый рубака, Дорошенко, призвавъ въ помощь турокъ, осадилъ и взялъ польскій городъ Каменецъ. Онъ велѣлъ пѣть, бывшимъ съ нимъ въ походѣ, монахамъ акаѳистъ и умиленную пѣснь „о, всепѣтая Мати!" и, въ знакъ гнушательства враждебною, латинскою вѣрой, въѣхалъ въ покоренный городъ пьяный, о бокъ съ пашой и топча конемъ вынесенныя ему навстрѣчу иконы и прочую церковную католическую утварь.

А въ то время, какъ „региментарь“ коронныхъ польскихъ, украинской партіи, войскъ и всѣ смежные съ Сѣчью начальники помѣстныхъ милицій принимали мѣры противъ новыхъ запорожскихъ затѣй, мѣстные богатые паны и шляхта мало давали вѣры слухамъ о сборѣ запорожцевъ. Не тѣмъ въ то время была занята польская республика. Ей было не до Дикаго Поля, не до днѣпровскихъ лугарей.

То была пора барской конфедераціи, союза магнатовъ, съ февраля того года открыто возставшихъ противъ послѣдняго польскаго короля, изъ незнатнаго рода Понятовскихъ, по гербу Ціолекъ. Недовольная знать—„малоконтéнци“—Радзивиллы, Любомірскіе, Браницкіе, Щѐнсный-Потоцкій и Венцеславъ Ржевусскій, подняли знамя бунта противъ ненавистнаго имъ, поставленнаго Петербургомъ, короля и вывезли въ поле на его войска толпы крѣпостной своей челяди и мелкаго, безземельнаго шляхетства, жившаго на ихъ хлѣбахъ. На своихъ знаменахъ они имѣли изображеніе Богородицы, а на мундирахъ, какъ рыцари-крестоносцы — вышитые кресты; ихъ воинскій возгласъ былъ: „свобода и вѣра!“.

До нихъ, въ особенности, въ смежные съ Запорожьемъ села и города Потоцкаго, въ Тарговицу на Синюхѣ, въ Умань и въ Могилевъ на Днѣстрѣ, давно доходили вѣсти, что въ чигиринскомъ и ближнихъ повѣтахъ неладно, и что искры въ порохъ давно стараются мѣтать изъ лебединскаго и другихъ украинскихъ монастырей.

Поляки черезъ евреевъ провѣдали, что мотронинскій игуменъ, Мельхиседекъ Яворскій, изъ ненависти къ уніатскому духовенству, давно тайно и явно побуждаетъ чигиринцевъ и прочую окрестную чернь возстать противъ старостъ и самой польской короны. Мѣстные шляхтичи провѣдали, что Мельхиседекъ нерѣдко передерживалъ въ монастырскомъ лѣсу, уже прославленнаго непреклонностью отваги и мести, гайдамака,—уроженца бобринецкаго зимовника, на рѣчкѣ Громоклеѣ, бывшаго пушкаря запорожскаго тимошевскаго куреня. Знали, что этотъ смѣльчакъ носитъ имя Максима Желѣзняка; говорили, что изъ обители Мельхиседека онъ тайно ѣздилъ въ Сѣчь и будто, исхлопотавъ отъ кошеваго ордеръ на сборъ своихъ ватагъ, формируетъ ихъ для вторженія въ кіевское и брацлавское воеводства, подъ титломъ авангарда „запорожскихъ низовыхъ силъ“.

— То глупство, гàлганы! и ничего съ той голи не будетъ!—разсуждали въ своихъ зàмкахъ надменные паны: — кто ведетъ пьяныхъ грубіяновъ? такой же гнусный бродяга, какъ и вся эта запорожская сволочь... Причина ихъ нападенія понятна. Это вѣчная исторія возстанія низшихъ на высшихъ, дикихъ на просвѣщенныхъ. Они враги всякой власти, какъ волки — всегдашніе враги овечьяго стада. Кнутъ и веревку на безпорточную чернь,—вотъ имъ награда. Пули и сабли

не стоютъ столь великіе злодѣи, въ дерзкомъ кощунствѣ именующіе себя рыцарями. Кто составляетъ эту пьяную голь? все лѣнивое, глупое и безнравственное. Jesus-Maria! Поднимаютъ бунты, во имя свободы и вѣры,—а вся ихъ глупая вѣра — либо ересь, либо внѣшнеее, несмысленное богомолье. Польша погибнетъ, если не успѣетъ истребить съ лица земли пресловутой Сѣчи, которая вся-то состоитъ изъ соломенныхъ жалкихъ лачугъ, защищаемыхъ пьяными хамами. Запорожцы грабятъ польскія церкви, разоряютъ наши кладбища, выбрасываютъ изъ могилъ мертвыхъ и носятъ, издѣваясь, одежды покойниковъ. Гдѣ же наши войска, гдѣ отпоръ? Гунсвоты, трусы, дождемся съ ними новаго татарскаго лихолѣтія... А выйди навстрѣчу оборванныхъ бунтовщиковъ одинъ храбрый регулярный полкъ, — злодѣи разсѣются, какъ стадо куръ отъ налета орла. Поганцы! песья кровь! Вода въ Днѣпрѣ потечетъ отъ стыда назадъ, если этимъ босоногимъ безштанникамъ удастся, при глупости нашихъ властей, поколебать спокойствіе Посполитой Рѣчи!.. И развѣ у насъ король? Онъ покровительствуетъ нѣженкамъ, петиметрамъ, а тѣ, — лишь бы имъ сидѣть покойно, да получать свои оклады, — готовы забыть свой гоноръ, свои гербы и, якшаясь съ мужичьемъ, вѣрить въ дружбу и честь запорожскихъ свинопасовъ...

Такъ толковали польскіе магнаты.

Тѣмъ временемъ прошли новыя вѣсти, будто страшный Желѣзнякъ переправился, съ братчиками-молодцами, за Ингулъ, миновалъ Мертвыя-воды и, поднимаясь къ верховьямъ Буга, уже вошелъ въ границы брацлавскаго воеводства.

Желѣзнякъ дѣйствительно, въ іюнѣ 1768 года, вступилъ съ гайдамаками въ предѣлы Посполитой Рѣчи. Дикое-Поле отозвалось на стонъ угнетенныхъ единовѣрцевъ, и надолго о томъ осталась кровавая память въ смежныхъ польскихъ окраинахъ.

Въ нѣсколько недѣль смѣлый запорожскій „гультяй“ взволновалъ и бывшее подъ Польшей кіевское воеводство, часть нынѣшней Кіевской губерніи. Рѣки огня потекли по Кодымѣ, Синюхѣ и Гнилому Тикачу.

Высокій ростомъ, съ русыми усами и чубомъ, голубоглазый и еще молодой, Желѣзнякъ ласково обходился съ товарищами, въ походѣ сыпалъ забористою сѣчевою бранью и веселыми поговорками.—„Точно дьякъ поетъ акафисты“,—говорили о немъ братчики.

Когда Максимъ сидѣлъ на корточкахъ у костра, куря трубку, глядя въ неясную, тихую даль окрестныхъ польскихъ степей, или въ полудремотѣ слушая на привалѣ розсказни окружающихъ,—его можно

было принять за простаго, случайно встрѣченнаго прохожаго, за робкаго увальня-пахаря или пастуха.—„Мы такъ себѣ, не скоре́нько, да умненько“—говорилъ онъ, останавливаясь на отдыхѣ.

Но когда Максимъ оживлялся и, вставая, дѣлалъ распоряженія, сомнѣніе исчезало: то былъ Желѣзнякъ.

Въ его большихъ, спокойныхъ глазахъ зажигалась могучая, неукротимая воля и безстрашное, суровое мужество.

Много видѣвшій, смѣтливый и грамотный, бывшій лебединскій послушникъ и сѣчевой артиллеристъ-пушкарь, торговецъ водкою въ Очаковѣ, степной бродяга и рыболовъ, онъ рѣдко могъ усидѣть на мѣстѣ. Прискучивъ отцовскимъ домомъ, потомъ запорожской вольницей, онъ было рѣшилъ схоронить на-вѣкъ буйныя силы, „поработать Богу“—кончить жизнь въ монастырѣ. Но подоспѣло благословеніе,—вѣрючій листъ, — Мельхиседека. Какъ изъ бродягъ, отъ разбоя, онъ обратился къ молитвамъ и посту, такъ отъ послушанія и замаливанія грѣховъ онъ опять пошелъ „въ пѣхоту“, то-есть „въ бродяги“. Золотая грамота игумена окончательно смутила и взволновала порывистую, безпокойную душу Максима. Его сердце сильно забилось. Въ крѣпкой думѣ живьемъ воскресъ огненный образъ Богдана Хмѣльницкаго...

Дикій украинскій коршунъ встрепенулся, глянулъ къ польскимъ границамъ, расправилъ крылья и выпустилъ когти.

— А что̀, дѣтки, еще не пашете?—спрашивалъ Желѣзнякъ, ѣдучи украинскими селами Польши, впереди своей ватаги, на буланомъ, рословъ жеребцѣ, отнятомъ у какого-то пана.

— Нѣтъ, дядько Максѝме, еще рано... сѣно только косимъ.

— А мы уже начали,—говорилъ, кланяясь встрѣчнымъ, веселый и смѣлый запорожскій гультяй:—бейте, братцы, рѣжьте недовѣрковъ! будете въ раю...

Желѣзнякъ разорилъ и сжегъ пятьдесятъ помѣщичьихъ усадебъ и за̀мковъ, взялъ приступомъ укрѣпленные города Каневъ и Богуславъ, покушался штурмовать даже сильно укрѣпленное селеніе Станислава Любомирскаго, Бѣлую-Церковь, и въ началѣ іюня повернулъ своихъ „сѣрома̀хъ“ на помѣстный городъ Ще́нскаго-Потоцкаго, Умань.

— Дѣтки мои, голубята!—говорилъ Желѣзнякъ, ободряя своихъ молодцовъ:—не даромъ я былъ послушникомъ въ монастырѣ, молилъ у Бога побѣду, пустили мы палъ налѣво и направо; будутъ помнить ляхи; но за дымомъ селъ не было видно главнаго волчьяго гнѣзда. А это гнѣздо — маёнтки Потоцкаго. Увидимъ Умань, увидимъ ея башни, рвы и окопы, а возлѣ города — двѣ высокія черныя могилы, надъ костьми казненныхъ нашихъ братьевъ гайдамаковъ, половленныхъ и побитыхъ, въ недавніе годы, уманскимъ губернаторомъ. Его

направляли противъ насъ проклятые завистники — уніатскіе попы. Мы ему о томъ вспомнимъ. Надѣвали мы сѣдло на лисянскаго губернатора, Кучевскаго, и ѣздили на немъ верхомъ; то же будетъ съ уманскимъ. Знайте, что въ Умани двѣ тысячи отборныхъ рубакъ на конѣ, не мало и пѣшаго гарнизона, тридцать пушекъ, вдоволь всякаго другаго оружія, харчъ и разряженный до бѣса легіонъ пановъ-конфедератовъ. Конными командуетъ полковникъ Обухъ; окопы и стѣны чинитъ старый вояка, Шафранскій, а губернаторомъ въ Умани—любимецъ графа Потоцкаго, смоленскій подстолій, Рафаилъ Младанѻвичъ... Ну, да развѣ у того Рафаила выростутъ крылья архангела, чтобъ онъ отъ насъ убѣжалъ... Какъ о томъ думаете, братья-молодцы?

— Далеко недоляжку до ангельскаго чина!—отвѣтилъ, бывшій на совѣтѣ у атамана, Шпакъ:—а чтобъ спокойнѣе идти—можно-бъ, полагаю, попробовать въ ихней милиціи; не всѣ-жъ казаки имъ вѣрны. Ихъ сотникъ Иванъ Гонта—нашей вѣры и добрый, говорятъ, казакъ...

— Дѣло сказалъ Акимъ! — продолжалъ Желѣзнякъ:—и о томъ ужъ мною давно подумано. А Умань, помните, голубята, не Каневъ и не Богуславъ, гдѣ и хорошаго пива не нашли у поганыхъ жидовъ,—пили кислятину. Съ Умани графъ Станиславъ кладетъ въ свой шелковый карманъ полтора милліона карбованцевъ въ годъ дохода.

— Что-жъ, и мы пошьемъ себѣ шелковые карманы, — сказалъ Односумъ:—а-бы, дядько Максиме, не сплоховала милиція, встрѣтила насъ по вѣрѣ: не то паны, какъ разъ, изъ нашихъ шкуръ накроятъ своимъ псарямъ новыхъ арапниковъ да черевикъ.

— Не накроятъ, руки коротки!—произнесъ Желѣзнякъ:—а впрочемъ, хлопче, бери коня, ѣзжай впередъ къ Мельхиседеку, потомъ мотронинскимъ лѣсомъ пѣшій. Мы снеслись съ Гонтою. Только онъ все вертитъ хвостомъ. Распытай, надумался ли онъ, и гдѣ намъ ждать его самого или его гонцовъ? Когда я жилъ на островѣ Тясмина, мы сходились съ отцомъ Мельхиседекомъ въ оврагѣ холодномъ. Хорошее мѣсто... трущоба страшенная! Можетъ, тебѣ опасливо, то бери съ собой и Шпака; онъ выросъ у отца игумена, и если не забылъ монастырскихъ батѻговъ, то вспомнитъ тамъ всѣ свиныя дорожки...

— Били и тебя, дядько Максиме, какъ ты былъ дитиной!—съ недовольствомъ отвѣтилъ Шпакъ:—били всякаго. По свинымъ дорожкамъ я дойду, куда ни пошлешь. А лучше послушай меня и вызови самого Гонту. Онъ пьяница, но не дурень; я вдоволь его узналъ, когда онъ шатался по чигиринскимъ базарамъ и шинкамъ...

Совѣтъ Акима былъ принятъ. Гости съ Дикаго--Поля рѣшили, не подходя къ Умани, выждать Гонту въ Соколовцѣ. Сюда вскорѣ тайно

пріѣхалъ уманскій казакъ, украинецъ Дзюба. Онъ сообщилъ Желѣзняку о положеніи Умани, звалъ его туда скорѣе и пророчилъ ему несомнѣнный успѣхъ.

IV.

Младановичъ.

Въ Умани и особенно въ домѣ тамошняго губернатора, Рафаила Младановича, не чаяли еще близкой бѣды.

Мѣры осторожности, по приказу владѣльца Умани Потоцкаго, были приняты своевременно. Ровъ вокругъ за́мка былъ углубленъ, высокій и толстый дубовый частоколъ исправленъ, пушки стащены на валъ и снабжены припасами. Горожане, видя бравую осанку коннаго и пѣшаго гарнизона, питали увѣренность, что все кончится благополучно.

Дурнымъ признакомъ было лишь одно: въ концѣ мая, ни съ того, ни съ сего, вдругъ закопошились и, какъ тараканы, задолго почуявшіе пожаръ, одинъ за другимъ, незамѣтно изъ предмѣстьевъ ушли нѣсколько десятковъ дальновидныхъ и быстроногихъ еврейскихъ обывателей, — зажиточные ремесленники, торговцы мелочью и окрестные корчмари̂. Сверхъ того, въ улицахъ города, или „Стараго мяста“, чтѐ ни день, стали появляться гости изъ сосѣднихъ и дальнихъ деревень— помѣщики, неслужилая шляхта, экономы, поссессоры. На вопросъ:— зачѣмъ пріѣхали?—они отвѣчали—по дѣламъ въ судѣ, за покупками. Но за ними, подъ защиту уманской цитадели, тянулись въ рыдванахъ и кале́шахъ ихъ семьи. Скоро постоялые и дома знакомцевъ такъ переполнились въ „Старомъ мястѣ“, что вновь прибывшіе начали ютиться въ форштадтахъ, по мужичьимъ хатамъ, и у оставшихся, повѣсившихъ носы, жидовъ.

— А все-таки мы не боимся хлоповъ и вотъ какъ ихъ проучимъ!— говорилъ губернаторъ, муштруя на площади и ободряя уманскій гарнизонъ:—мало того, что неподдадимся псамъ,—пусть га́лганы идутъ подъ нашу картечь! Разомъ дадимъ имъ изъ бойницъ отпоръ, да заодно ужъ отсалютуемъ и помолвку дочки... Нечего откладывать; гонца въ Кіевъ!

— Браво, панъ Рафаилъ! виватъ!—кричали, хлопая въ ладоши, офицеры вольнаго шляхетскаго регимента.

И дѣйствительно, Младановичъ рѣшилъ оповѣстить жениха старшей своей дочери, Felициі, что ждетъ его на торжественный сговоръ и обрученіе къ восьмому іюня.

Въ губернаторскомъ за́мкѣ поднялась возня и суета. Шныряли конюхи и повара. Мыли экипажи для цуга къ парадной обѣднѣ, чи-

стили и гоняли на кордѣ застоявшихся, упряжныхъ жеребцовъ. Къ погребамъ пана Рафаила изъ подгородныхъ дачъ его принципала, Потоцкаго, потянулись клѣти съ живностью, бочки напитковъ, кули съ мукой и всякими припасами. Въ поварнѣ готовили посуду; въ боковомъ флигелѣ съигрывались скрипки, флейты и валторны. Въ старомъ саду, съ трехъ сторонъ окружавшемъ зáмокъ, стриглись деревья и кусты, чистились и посыпались пескомъ дорожки; на смежной Лысой горѣ, за рѣчкой Уманкой, въ зелени деревъ, ставили транспарантъ, съ буквами Ф. и Р., а садовыя бесѣдки, даже теплица, приспособлялись для дневнаго и ночнаго отдыха ожидаемыхъ гостей.

Младановичъ, впрочемъ, храбрился больше изъ дворянскаго незапятнаннаго гонора, для виду. Въ глубинѣ души панъ Рафаилъ не могъ не сознаватъ всей важности ожидаемыхъ событій.

Питомецъ братій іезуитовъ, онъ, благодаря ихъ ученію и своимъ пятидесяти годамъ, отлично видѣлъ и сознавалъ общую распущенность мѣстной шляхты, военныхъ и штатскихъ властей. Лѣнивый, тучный и мягкій сердцемъ, въ старобытномъ, краковской моды, кунтушѣ, съ рыжими усами и съ такимъ же чубомъ на подбритой жирной головѣ, онъ не стѣснялся въ домашнемъ кругу возставать противъ пустоты и мотовства современныхъ модниковъ, противъ нескончаемыхъ ихъ попоекъ, охотничьихъ разъѣздовъ и поклоненія развратной чужеземщинѣ.

Съ Младановичемъ жили — его престарѣлая мать, жена, двѣ незамужнихъ сестры и пятеро дѣтей, двѣ на возрастѣ дочери, Фелиція и Вероника, и три малолѣтнихъ сына. Гостили у него нѣкоторые родичи, въ томъ числѣ дядя жены, полковникъ Горжевскій. Воспитанница сакраментокъ, потомъ монастыря визитокъ, губернаторша,—какъ и младшая ея золовка, коммисарша Бендзинская,—была одного нрава съ мужемъ: домосѣдка, богомольна, тиха и чужда соблазновъ модъ.

Старшая, тридцатилѣтняя сестра Младановича, обывателька веселой и шумной Варшавы, нѣкоторое время учившая его дочерей, была иныхъ наклонностей: любила выѣзды, танцы, пріемы, званые вечера. Въ городѣ панну Ванду звали „верховодицей“. И дѣйствительно, владѣя добрякомъ-братомъ и его женой, она была властною хозяйкой въ ихъ домѣ.

Сирота-воспитанникъ ковельскаго старосты, Яблоновскаго, Младановичъ, по протекціи послѣдняго, получилъ мѣсто губернатора въ Умани и коммисара прочихъ украинскихъ помѣстьевъ Потоцкаго. Въ Умань онъ пріѣхалъ, когда его Фелиціи было восемь, а Вероникѣ семь лѣтъ. Дѣвочекъ учили быть набожными, работящими, добрыми. Въ ту пору еще немногія панéнки знали грамотѣ. Младановичъ самъ сперва училъ своихъ дѣтей чтенію, писанію и счетамъ. Съ его словъ любимица отца, Вероника, вытверживала на память молитвы, жизнь

святыхъ и краткую хронику польскихъ королей. Она не разъ плакала, слыша, какъ мыши съѣли сказочнаго Попѣла. Позже отецъ заставлялъ ее учить изъ ежедневнаго политическаго календаря списки владѣтельныхъ особъ Европы, свѣдѣнія о гербахъ и чинахъ польскихъ и литовскихъ магнатовъ, по каждому воеводству и повѣту. Губернаторскій казакъ-почтарь, еженедѣльно привозившій изъ Винницы варшавскую газету „Люсцины", особенно смущалъ Веронику. Ей приходилось по цѣлымъ часамъ читать отцу скучнѣйшія новыя извѣстія о въѣздѣ и выѣздѣ изъ Варшавы разныхъ знатныхъ лицъ, о ихъ помолвкахъ, бракахъ, родинахъ, крестинахъ и похоронахъ. Послѣ отца, Веронику нѣкоторое время учила тётка Ванда. Хелмскій епископъ Рило, пріѣхавшій въ Умань съ цѣлой семинаріей, для посвященія полутораста ксендзовъ въ новозаложенныя украинскія церкви, замѣтно оживилъ и возобновилъ этотъ городъ. Ксендзъ Костецкій выстроилъ, на иждивеніе графа, монастырь, костелъ и школу. Учредилось нѣсколько ярмарокъ, въ томъ числѣ двухнедѣльная Свенто-Янская. Вокругъ огромной, деревянной ратуши, бойко торговали сукнами, шелками, рыбой, икрой, винами и прочей бакалеей туземные евреи и заѣзжіе греческіе и армянскіе купцы. Окрестная, позажиточнѣе, шляхта также настроила въ Умани домовъ. Появились моды; стали наѣзжать на базары и ярмарки ремонтеры королевской кавалеріи, бродячіе актеры, фокусники, пѣвцы. Иногда семья губернатора ѣздила къ Потоцкому въ Кіевъ, гдѣ гостила по мѣсяцамъ. Тамъ за старшей дочерью Младановича, Фелиціей, охотницей до музыки и танцевъ, сталъ ухаживать ихъ варшавскій родичъ, Витковскій. По его совѣту, Младановичъ взялъ къ дочерямъ француженку-гувернантку. Француженка охотнѣе занималась съ Фелиціей; Вероника, попрежнему, проводила время съ няней-украинкой, взявшей на руки ея маленькаго брата, Павла. При первыхъ слухахъ о гайдамакахъ, губернаторъ стянулъ въ Умани всю украинскую милицію, до двухъ тысячъ человѣкъ.

Болѣе степенная, замкнутая Вероника, чутко слѣдя за всѣмъ, что̀ видѣла и слышала, недовѣрчиво смотрѣла на охранителей города уманскихъ казаковъ. Ее пугалъ ихъ неотесанный, хохлацкій видъ, когда, въ долгополыхъ жёлтыхъ кунтушахъ, такихъ же шапкахъ, съ черной барашковой оторочкой, и въ голубыхъ шароварахъ, эти мужики, съ копьями и ружьями на плечахъ и съ пистолетами за краснымъ широкимъ поясомъ, распѣвая свои дикія пѣсни, шли мимо за̀мка съ манёвровъ отъ Грекова-лѣса. Вероника боязливо косилась и на ихъ страшнаго сотника, Ивана Гонту, уроженца села Росушекъ, хотя онъ не только говорилъ, но и умѣлъ писать по-польски, а съ тѣхъ поръ какъ его „нобилитовали" шляхтичемъ, даже подходилъ къ ручкѣ па-

ненокъ и, наѣзжая изъ своей вотчины, говорилъ Вероникѣ: „Что вы не пожалуете, панночка, ко мнѣ въ Орадовку? какіе тамъ сады и какъ поютъ птýшки!“—Разъ онъ даже ей привезъ въ клѣткѣ изъ пожалованной ему графомъ Орадовки соловья. Вероника краснѣла и блѣднѣла, не преодолѣвая отвращенія къ неотесанному сотнику, отъ котораго пахло чеснокомъ и у котораго было такое хмурое, загорѣлое лицо, большой носъ, страшенные усы и черные, зорко глядѣвшіе глаза.

Съ весны того года, къ отцу Вероники стали особенно учащать знатные, озабоченные гости, графскіе офиціялы, поссессоры; они тайно съ нимъ о чемъ-то совѣтовались, шептались, очевидно, дѣлали негласныя распоряженія.—„Это они о Гонтѣ и его хохлахъ!“—говорила себѣ Вероника, съ трепетомъ приглядываясь и прислушиваясь, какъ ночью въ огромный складъ при кардегардіи свозились изъ Винницы и Проскурова сѣдла, ружья, боченки съ порохомъ и прочіе припасы. Прошелъ смутный слухъ о какомъ-то Желѣзнякѣ, о данномъ ему благословеніи отъ игумена мотронинскаго монастыря и о томъ, что, взбунтовавъ хлоповъ въ Смиля́нщинѣ, имѣніяхъ князя Яна Любомирскаго, гайдамаки стали близиться къ Уманщинѣ.

Мысль о праздновапіи помолвки племянницы, въ ожиданіи набѣга гайдамаковъ, подсказала Младановичу его сестра, Ванда. Онъ ей поручилъ и приведеніе этой счастливой затѣи въ исполненіе.—„Пиръ подниметъ духъ города“,—разсуждалъ онъ:—„гарнизонъ пожелаетъ отличиться, и запорожская голь будетъ прогнана“.

Съ часа, когда гонецъ улетѣлъ къ жениху въ Кіевъ, панна Ванда не знала покоя.

Подобравъ на булавки съ боковъ и сзади свой голубой шлейфъ и засучивъ по локти красивыя, полныя руки, она, въ бѣломъ передникѣ, не уставала ходить то въ кухню, то въ погребъ, въ людскую и на огородъ. Ея золотисто-рыжіе, безъ пудры, высоко-взбитые волосы мелькали то здѣсь, то тамъ, среди добродушно и ласково глядѣвшей на нее шляхетной и простой украинской прислуги пана губернатора. Панну Ванду любили всѣ.

А въ то время, какъ сестра губернатора суетилась, судила и рядила съ главнымъ кухаремъ, съ кастеляншей, ключницей, француженкой-гувернанткой племянницъ и съ нянками племянниковъ,—панъ Рафаилъ, разсѣянно выслушавъ ежедневный докладъ инженера Шафранскаго, уходилъ въ опочивальню и тамъ запирался со своимъ духовникомъ и другомъ, базиліянцемъ-уніатомъ Клеофасомъ.

Опочивальня была вмѣстѣ рабочимъ кабинетомъ и молельней Младановича. Здѣсь, въ углу, надъ аналоемъ, висѣла украшенная лентами, завѣтная, дѣдовская потемнѣлая икона Остробрамской Божіей Матери. Передъ ней, на серебряной цѣпочкѣ, горѣла большая неуга-

симая лампада. На аналоѣ, съ молитвенной ступенью, лежали—канонъ Спасителю, страстная свѣча и вѣнокъ изъ полузасохшихъ цвѣтовъ, освященный въ праздникъ Тѣла Христова. Надъ постелью висѣли—другая икона, Борунской Божіей Матери, разные амулеты отъ римской куріи, кропило изъ душистыхъ стеблей исопа, курительная смолка и „ре́мезово гнѣздо" изъ пуха, въ видѣ рукавички,—магическое средство отъ дурнаго глаза, лихорадки и отъ злодѣйской руки.

— Плохи наши дѣла, пришло крутое, лютое время!—сказалъ Младановичъ, запершись съ отцомъ Клеофасомъ, наканунѣ ожидаемой помолвки, и трижды цѣлуя ленту остробрамской иконы, всякій разъ притомъ вспоминая о ранахъ Спасителя:—ждемъ нашествія новыхъ гунновъ и аллановъ; какъ-то еще справимся съ пьяною, кровожадною чернью? А, между тѣмъ, улыбайся трусамъ, весело встрѣчай будущаго вселюбезнѣйшаго зятя!..

— Cui honor, cui decus, cui vectigal!—произнесъ со вздохомъ патеръ:—кому честь, кому слава, кому дань...

— Это правда,—ubi officium, ibi beneficium,—гдѣ долгъ, тамъ и заслуга!—отвѣтилъ ученымъ присловьемъ Младановичъ, зажигая въ ручной кадильницѣ ладонъ и не допуская, чтобъ утѣшавшій его плѣшивый толстый монахъ и въ такія минуты забывалъ, что самъ панъ Рафаилъ въ достаточной мѣрѣ проходилъ латинскую премудрость:—и не столько я скорблю о смутной бунтовской порѣ, какъ о генеральномъ поврежденіи и паденіи нравовъ.

— Приходитъ міру конецъ!—сказалъ патеръ, отсчитывая четки:—вездѣ шатанье, гульня, языческія оргіи; голосу духовныхъ не внимаютъ. Дѣвы, ожидавшія жениха, идутъ на общій гибельный, Валтассаровъ пиръ!..

— Э, панъ Клеофасъ! дѣвы, пиръ... То, прошу извиненія, не такъ!—перебилъ съ улыбкой губернаторъ, обнося въ углахъ спальни дымившуюся кадильницу:—я самъ былъ всегда не прочь повеселиться и дать хмѣля и звона добрымъ молодымъ друзьямъ. Я самъ въ юности былъ завзятый плясунъ и волокита, и даже—скажу по секрету—дрался съ однимъ рубакой на поединкѣ за восхитительный съ нѣкоей литвинкой полоне́зъ. Но на все мѣсто и часъ, это—главное.. Какъ бы,—извините, святой отецъ,—не ваши коллеги, уніатскіе попы, что съ попами схизматиковъ на ножахъ—за приходы и сборы съ мірянъ, то не было бы этихъ кровавыхъ распрей двухъ родственныхъ племенъ... Они всему виной...

— Эхъ-эхъ—горе не въ томъ,—продолжалъ, помолчавъ, Младановичъ:—моя сестра и будущій зять, точно слѣпые, не видятъ главнаго: порчи старыхъ нашихъ обычаевъ; осуждаютъ ихъ и видятъ спасеніе въ одной, подбитой иноземнымъ вѣтромъ, новизнѣ. Я гово-

рилъ и говорю: въ старину дворянство такъ не бездѣльничало и не лѣнилось, и такъ не буйствовали студенты школъ. Царство наше — зданіе безъ крыши, подверженное всѣмъ вѣтрамъ... Надутые, продажные магнаты въ старину были менѣе высокомѣрны съ низшими братьями и не такъ лакействовали передъ унижающимъ насъ варшавскимъ дворомъ. Они строютъ новые роскошные зàмки, убираютъ ихъ иноземнымъ фарфоромъ, бронзой и саженными зеркалами, а крѣпости наши не вооружены, валятся, и дѣтей своихъ они учатъ не иначе, какъ въ Парижѣ, чтобъ тѣ впослѣдствіи отвергали вѣру, честь и самую науку отцовъ. Мой названный зять говоритъ, будто Польша — одичалая, звѣрская страна, и что въ ней нечѣмъ похвалиться передъ ученою Европою...

— А Коперникъ? его забыли!—возразилъ, тихо вздохнувъ, Клеофасъ.

— О! я мосце-пану Витковскому не разъ указывалъ на Коперника,—продолжалъ Младановичъ:—не беретъ! Въ напыщенномъ, высокомѣрномъ увлеченіи парижскими крикунами, панъ Рудзь мнѣ хвастливо отвѣтилъ: „все монахи у васъ, да попы; другихъ нѣтъ! и Коперникъ былъ не болѣе, какъ каноникомъ въ Фрауенбургѣ, а потому подъ конецъ и струсилъ,—отнесъ всѣ свои дивныя открытія къ небывшимъ указаніямъ древнихъ“.

— Женихъ панской дочери—еще глупая молодая голова!—отвѣтилъ Клеофасъ, набожно взглянувъ къ потолку: — а потому и заносчивъ... Позвольте, однако, васпанъ отклониться въ сторону... Чтò слышно о гайдамацкомъ наѣздѣ, и какъ ведетъ себя нашъ милиціонный сотникъ, Гонта?

— Добрый мужикъ, послушный, смирный; у меня въ винокурнѣ срубилъ новый амбаръ; пустяки, все про него врутъ...

— Ну, не врутъ,—перебилъ съ оглядкой Клеофасъ:—жиды изъ форштадта передавали нашимъ отцамъ-базиліанамъ, что украинская чернь эти дни вдругъ какъ-то подняла голову; шепчутся, шныряютъ въ окольные лѣса; а ихъ коноводъ, Гонта, будто въ объѣздъ своихъ пикетовъ, побывалъ ночью и въ Соколовцѣ.

— Ну, что-жъ, что въ Соколовцѣ?.. Имѣніе пана Собанскаго; хорошій и разумный панъ,—отвѣтилъ губернаторъ.

— А его подданные—все хохлы; тамъ, слышно, въ скорости будетъ привалъ злодѣевъ. И какъ бы не прозѣвали съ этимъ новымъ Мазепой... Гонта съ виду простъ, тихъ и даже будто дураковатъ; ходитъ въ сермягѣ и полой утираетъ носъ, а какъ передастся Желѣзняку,—не тѣмъ отпразднуется у пана помолвка дочери.

— Свиньи они, только корыто не для нихъ приготовлено!—сказалъ, вѣря и не вѣря своимъ словамъ, Младановичъ.

Въ дверь губернаторской спальни кто-то торопливо постучалъ. Вошла блѣдная, взволнованная пани-губернаторша. Глаза ея были заплаканы.

— Вы здѣсь мирно бесѣдуете, — сказала она, омочивъ по пути пальцы въ святой кропильницѣ и ими набожно тронувъ свои глаза и грудь:—а тамъ такія вѣсти, такія! Мотронинскій игуменъ Мельхиседекъ выдалъ гайдамакамъ золотую грамоту на убійства; ее писалъ архіерейскій писарь Молдаванъ... Мужики дышатъ местью, точатъ ножи, усылаютъ женъ и дѣтей, будто на работы, по деревнямъ.

— Ну, и пусть усылаютъ,—меньше бунтовской сволочи.

Не успѣла жена Младановича возразить, въ спальню ворвалась его сестра. Ея глаза горѣли негодованіемъ, платье и волосы были въ безпорядкѣ. Въ рукахъ она вертѣла какое-то письмо.

— Вы заперлись, читаете каноны, накурили ладономъ, какъ въ костёлѣ,—произнесла, сдерживая плачъ, панна Ванда,—а въ Умани предатели. Вотъ письмо отъ Пташека. Гонта измѣнилъ и готовится перейти къ гайдамакамъ.

— Не перейдетъ, — храбро сказалъ губернаторъ, взглядывая на остробрамскую икону.

— Какъ? мужику, хаму, галгану, псяюхѣ ты повѣришь болѣе, чѣмъ другу семьи, и когда о томъ давно твердитъ весь городъ?

— Да я еще вчера вызывалъ его и всѣхъ ихъ старшинъ, уговаривалъ, стращалъ и заставилъ цѣловать крестъ на вѣрность графу и намъ.

— На площади, со звономъ!—крикнула Ванда:—при всѣхъ хоругвяхъ и колоколахъ пусть присягнетъ хохлацкій пёсъ!—бѣшено продолжала раскраснѣвшаяся, со сбившимися локонами, Ванда: — тогда только, какъ гнусный схизматикъ присягнетъ на Евангеліи и крестѣ при всѣхъ, при нашихъ и ихнемъ попахъ, только тогда я и вся Умань повѣримъ, что ты, пане-братецъ, не жалкая трусливая улитка, не бабья тряпка, а рыцарь, вояка и рыцарей вождь.

Младановичъ вздохнулъ и почесалъ за ухомъ.

— Быть, пожалуй, по-твоему и тутъ,—сказалъ онъ и обратился къ патеру Клеофасу:—оповѣсти, святой отче, на-завтра наше и ихъ духовенство. Учинимъ публичную присягу Гонты...

— Она, какъ всѣ бабы, горяча и подъ-часъ несдержанна на языкъ,—прибавилъ Младановичъ, когда сестра и жена ушли:—но я люблю такихъ, начиненныхъ порохомъ и стружками. Опять недурно придумала. Только замѣчаешь? вольнодумка, а вспомнила о Евангеліи и крестѣ не хуже насъ.

Патеръ, въ свой чередъ, взявъ кадильницу, началъ читать канонъ. Младановичъ склонилъ колѣни къ аналою.

Публичная присяга Гонты на вѣрность городу и его помѣщику, графу Потоцкому, торжественно совершилась на городской площади, седьмаго іюня.

Вся Умань собралась въ „Старое място“. Заборы и камышевыя кровли были заняты народомъ. Въ раскрытыхъ окнахъ и на балконахъ помѣщалась знать. Самъ базиліянскій ректоръ уніатъ, Ираклій Костецкій, вынесъ изъ собора всѣ святости, разставилъ въ кругу войска хоругви, кресты и, съ зажженными свѣчами, на шестахъ фонари. Церемонія совершилась въ присутствіи двухъ другихъ уніатскихъ поповъ, передъ церковью св. Михаила. Костецкій прочелъ заранѣе составленную присягу.

— Клянешься ли на этомъ святомъ писаніи, — громко спросилъ онъ Гонту:—вѣрно служить своему пану-графу и защищать его добро?

Съ губернаторскаго и сосѣднихъ балконовъ навели на Гонту зрительныя трубки и старались не проронить, что̀ отвѣтитъ украинскій милиціонный сотникъ.

— Отвѣчай! — прибавилъ Костецкій.

— Клянусь,—негромко отвѣтилъ Гонта, искоса глянувъ на увѣшанный коврами губернаторскій балконъ.

— А клянешься ли, панъ-сотникъ, за себя и за свое войско также вѣрно слушаться и поставленныхъ графомъ чиновниковъ?

Гонта переступилъ съ ноги на ногу. По его смуглому, хмурому лицу пробѣжала судорога. Онъ опять взглянулъ къ балкону, гдѣ сидѣлъ губернаторъ и вся его семья, и отвѣтилъ: — Клянусь.

— Цѣлуй теперь книгу и крестъ! — сказалъ попъ.

Гонта перекрестился и поцѣловалъ не только крестъ и Евангеліе, но и руку ксендза. Погода стояла свѣтлая. Гремѣли колокола; церковныя и войсковыя хоругви чуть вѣяли въ тепломъ, безоблачномъ воздухѣ. Нарядныя пани и панночки, обмахиваясь опахалами, посмѣивались, остря съ кавалерами надъ поношенною сѣрой свитой и запыленными, дегтярными чоботами загорѣлаго и неуклюжаго казака, приносившаго передъ ними присягу.

— Волкъ и волчье думалъ,—сказала Ванда, уходя съ балкона:— а теперь по-неволѣ станетъ овцой.

Умань успокоилась. Общее довѣріе къ властямъ возстановилось. Изъ сосѣднихъ и дальнихъ мѣстечекъ и селъ въ городъ столпилось столько бѣглыхъ помѣщиковъ, поссессоровъ, экономовъ, ключниковъ и прочей мелкой шляхты, что у горожанъ, а вскорѣ и въ форштадтѣ, ужъ не было имъ мѣста.

Бѣглецы, числомъ до шести тысячъ, со своими семьями и пожитками, стали близъ Умани таборомъ, подъ открытымъ небомъ, у Грекова-лѣса.

Желѣзнякъ взялъ и истребилъ лучшія помѣстья князя Любомирскаго, Смѣлу, Жаботинъ и Лисянку. Его ватага, подкрѣпясь новымъ подошедшимъ отрядомъ, двинулась по уманской дорогѣ. Въ Лисянкѣ онъ повѣсилъ у дверей костела рядомъ поляка, еврея и собаку, съ надписью: „жидъ, ляхъ и собака — вѣра одинака“.

— Ты, братику, — сказалъ Односуму въ ночь на восьмое іюня Шпакъ, сойдясь съ нимъ по условію у корчмы возлѣ Соколовца, послѣ ихъ отдѣльныхъ развѣдокъ къ Грекову-лѣсу: — ты, видно, въ сорочкѣ родился.

— Почему? — спросилъ Аминадавъ.

— Какъ наши брали Лисянку, ты успѣлъ уже помочить саблю въ крови недовѣрковъ, сажалъ на копье ихъ дѣтей и волочилъ конемъ по полю ихъ бабъ. А я чѣмъ не заслужилъ у Бога? свихнулъ на походѣ ногу и пролежалъ, какъ гнилой пень, въ обозѣ... И въ Звенигородкѣ не удалось; все на развѣдкахъ...

— Погоди, дьяче, — отвѣтилъ, поправляя трубку, Аминадавъ: — закуримъ и твое кадило. Не пришлось побить ляховъ, за то ты у насъ изъ первыхъ... при боку самаго куреннаго...

Шпакъ покосился на товарища, недоумѣвая, смѣется ли тотъ надъ нимъ и не слѣдуетъ ли, пока не пріѣхали въ гуртъ, посчитать ему бока?

Односумъ, не замѣтивъ его взгляда, продолжалъ курить. Смерклось, когда они подошли къ Соколовцу. — „Надо бы, надо бы поколотить чертòва сына!“ —думалъ Шпакъ: — „не проучишь—зазнается“. — У околицы дымились костры обоза. Слышались пѣсни, трѐнканье торбановъ, звонъ бубенъ, смѣхъ. Какой-то всадникъ стремглавъ скакалъ отъ поселка.

— А что? вы чужіе будете, или свои — спросилъ онъ, качаясь на сѣдлѣ.

— Ну, ну, съ дороги, пьяная харя! — отвѣтилъ, проходя мимо его и замахнувшись на него саблей, Шпакъ.

V.

Помолвка.

Рѣшительная и торжественная присяга Гонты такъ успокоила уманскаго губернатора, что онъ, не задумавшись, выслалъ, подъ предводительствомъ полковника Обуха, весь „сомнительный“ отрядъ крестьянской милиціи прямо навстрѣчу гайдамаковъ. Ходилъ уже смутный слухъ, что Желѣзнякъ взялъ недалекую Звенигородку; но,

по несомнѣннымъ разсчетамъ онъ далѣе Соколовца идти не могъ, такъ какъ его въ томъ мѣстѣ стерегли регулярные стрѣлки.

— Завтра помолвка, завтра и свадьба, коли поспѣетъ женихъ!— рѣшилъ расходившійся Младановичъ:—что откладывать? одна музыка, однѣ пляски, одинъ и расходъ.

— Браво! виватъ пану Рафаилу, салютъ!—кричали, подгулявъ на дѣвичникѣ, губернаторскіе гости:—одна сабля для мазурки, одни каблуки на краковякъ! Второй полонезъ, пани Фе́ля, со мною! Край платья панéнки за милость цѣлуемъ!

Настало восьмое іюня.

Изъ табора окрестной шляхты, стоявшей у Грекова-лѣса, видѣли рано на зарѣ клубы пыли и слышали скрипъ послѣднихъ колесъ въ обозѣ милиціи, выступавшей съ Гонтой въ ту ночь противъ Желѣзняка.

Съ восходомъ сокнца въ Умань прикатилъ женихъ губернаторской дочки панъ Рудольфъ Витковскій.

Послѣ обѣдни въ соборномъ костелѣ было парадное обрученіе. Послѣ вечерни былъ назначенъ вѣнецъ, обѣдъ въ честь новобрачныхъ и балъ до утра, на садовой полянѣ, при факелахъ и смоляныхъ бочкахъ, подъ навѣсомъ столѣтнихъ яворовъ и липъ.

Обрученье было вспрыснуто еще обильнѣе, чѣмъ дѣвичникъ. Подкутившіе шляхтичи приступили къ отцу.

— Какъ тамъ оно еще будетъ, когда молодые поженятся,—сказали они,—а теперь весело; зови, вельможный панъ, жениха и невѣсту—полно имъ амурничать по садовымъ затишьямъ!—до гурта ихъ, и вели играть музыкѣ. Посмотримъ, не забылъ ли кто дѣдовскаго вертуна?

Младановичъ подалъ музыкѣ знакъ. Одной рукой крутя рыжій усъ, а другой ударивъ по саблѣ, висѣвшей у широкаго златолитаго пояса, на желтомъ шелковомъ кунтушѣ, онъ первый съ панной Вандой, а потомъ съ чопорной, говорившей по-французски, женой инженера Шафранскаго, открылъ полонезъ. Курчавый рыжій чубъ пана Рафаила бойко помахивалъ на раскраснѣвшейся, бритой его маковкѣ, когда онъ, искоса поглядывая на даму, гордымъ гусемъ выступалъ впереди танцующихъ паръ.

За полонезомъ грянулъ краковякъ, далѣе—мазурка.

— А женихъ-то, женихъ, что то за красивой хлопецъ—шептали дамы кавалерамъ, лихо отплясывавшимъ, съ кривыми саблями, краковякъ.

— Панъ Рудзь былъ въ Парижѣ съ делегаціей короля и, очевидно, вывезъ оттуда богатый гардеробъ!—сказала пани Шафранская пріятельницѣ:—обѣ руки пана въ перчаткахъ, а въ ушахъ, какъ у насъ, по серьгѣ. Настоящій шевалье, петиме́тръ...

— Нѣтъ, кохапая пани, вотъ я диво слышалъ!—сообщилъ своей

дамѣ соперникъ Витковскаго, румяный, до упаду танцовавшій, уланъ Ленартъ:—панъ Рудольфъ, для охраны нѣжныхъ рукъ, носитъ въ холодъ соболью муфту, а теперь завивался у парикмахера въ Кіевѣ, и, чтобъ не испортить прически, прикатилъ на почтовыхъ въ чепцѣ...

Дама отъ смѣха закрылась вѣеромъ.

Дѣйствительно, щеголь женихъ, какъ видѣли губернаторскіе слуги, выскочилъ изъ экипажа въ модномъ мужскомъ чепцѣ, réseau à la Biron, придуманномъ для охраненія въ пути и ночью затѣйливыхъ прическъ тѣхъ временъ.

По желанію родителей и публики, невѣста съ женихомъ стала сконфуженно среди залы и, подъ звуки скрипокъ и флейтъ, игравшихъ съ хоръ, протанцовала съ Витковскимъ рѣдкій еще въ тѣхъ мѣстахъ гавотъ à la reine. Француженка-гувернантка, учившая Фелицію этому танцу, вся вспыхнувъ, забилась за дворню, глазѣвшую изъ корридора въ залу, и чуть не упала въ обморокъ, пока Феля отработала стройными, гибкими ножками всѣ трудныя фигуры и, въ томъ числѣ, pas de rigodon.

Гости были въ восторгѣ. Общіе танцы возобновились съ новою живостью.—„Краковякъ!“—кричали одни музыкантамъ.—„Обертасъ!“—командовали другіе. Слуги разносили сласти и прохладительные напитки. Близился вечеръ. Женихъ и невѣста ушли одѣваться къ вѣнцу.

Въ залѣ, сосѣдней съ танцовальной, готовили обѣденный столъ. Звенѣла посуда, ставились цвѣты и вина, и сдержанно-властно отдавала приказанія, разряженная въ пухъ и прахъ, счастливая общимъ весельемъ, хозяйская сестра.

Невѣста сидѣла передъ зеркаломъ Ее одѣли въ бѣлое атласное платье, съ бѣлымъ покрываломъ и такимъ же вѣнкомъ.

— Она чистый ангелъ! — сказала семнадцатилѣтняя, худенькая, младшая ея сестра, Вероника, когда ей показали убранную Фелицію.

— Придетъ пора, душечка-панночка,—отвѣтила ей чернобровая служанка-украинка:—надѣнете и вы такой же нарядъ. Видѣла я сонъ! ой ле́лечко, что за сонъ...

— Какой же сонъ ты видѣла, Харитина?

— Ой, панночка, лучше и не спрашивайте, то вѣрно съ дуру, вѣдь я дурная и все думаю про свои мѣста...

— Да говори же, говори!

— Будто сестру вашу хоронятъ... а вы съ крыльями, и воронъ гонится за вами...

Вероннку, съ братьями, кликнули въ залу. Туда вышелъ, въ вѣн-

чальномъ уборѣ, Витковскій. На немъ былъ шелковый, цвѣта васильковъ, французскій кафтанъ; изъ-подъ кафтана виднѣлись бѣлыя до колѣнъ, муаръ-антикъ, панталоны. Поверхъ блѣдно-розовыхъ чулковъ были надѣты вторые, сквозные и тонкіе, какъ паутина. Блестящіе, изъ лаковой кожи, башмаки были съ красными каблуками. Въ лѣвой рукѣ женихъ держалъ трость съ золотымъ набалдашникомъ; въ правой—батистовый, раздушенный съ блондами и гербомъ самого пана Рудзя, платокъ. Сбоку висѣла шпага. Волосы Витковскаго были присыпаны пудрой, съ серебряными и золотыми блестками. Шаферъ съ правой стороны держалъ на-готовѣ алый плащъ Витковскаго, на бѣломъ тафтяномъ подбоѣ; шаферъ съ лѣвой—перчатки, бомбоньерку съ леденцами и флаконъ духовъ.

— Спасибо вамъ, дорогіе гости, спасибо!—сказалъ женихъ, счастливыми глазами окидывая окружавшихъ его шляхтичей: — отпируемъ свадьбу, а тамъ и ко мнѣ въ Плетешки...

— Куда въ Плетешки? Эге-ге! рано еще, не вполнѣ, зятушка!— произнесъ, осовѣлый отъ радости, Младановичъ, таща за собою чью-то взъерошенную и смущенную образину: — надо сперва здѣсь позабавиться вдоволь. Вотъ, мосци-пани, накрыли и уличили этого, стоящаго передъ вами, пустобрёха и клеветника. Надо-бъ ему, по старинѣ, пока еще не вышла сюда невѣста, чтобъ его простили, отлàяться... Какъ думаете?

— Знатно сказано! придумалъ панъ! отлàяться! — крикнула шляхта:—въ чемъ, однако, дѣло?

— А вотъ въ чемъ,—объявилъ Младановичъ:—пока мы тутъ веселились, этотъ панъ, нашего пана-графа подписарь, донынѣ, впрочемъ, почтенный и неуличенный ни въ чемъ, пустилъ въ городѣ слухъ, будто наша милиція — чтò бы вы думали? — сдалась гайдамакамъ, и будто злодѣи идутъ теперь на насъ общими силами!..

— Ну? ну?—не совсѣмъ смѣло откликнулись нѣкоторые изъ гостей.

— Такъ вотъ, мосци-паны, чтобъ провѣрить эти вѣсти, я посылалъ верхового за Грековъ-лѣсъ, оказалась сущая брехня. Гонта стоитъ на пути къ Соколовцамъ, бережетъ дорогу, а гайдамаки, видно струсили, повернули на Богополь...

— Такъ ты брехать? Отлàяться!—крикнули офирецы.

— Отлàяться!..—подхватила шляхта и губернаторскіе домочадцы.

— Ну, панъ подписарчій, — объявилъ Младановичъ: — становись на четвереньки и полѣзай подъ столъ!

Виновникъ счастливо-отвергнутой вѣсти хорошо зналъ дѣдовскіе обычаи. А потому безпрекословно подобралъ фалды кафтана, подлѣзъ подъ столъ и, со слезами стыда и обиды, трижды оттуда пролаялъ по собачьи, подъ дружный, громкій хохотъ гостей.

— Брехня съ тебя теперь снята! — сказалъ, отирая слезы, Младановичъ:—иди же и помни, не всякому слуху вѣрь.

Губернаторъ говорилъ одно, а думалъ другое. Онъ утромъ того дня получилъ письмо отъ графа Потоцкаго, гдѣ его хозяинъ и повелитель писалъ ему — быть осторожнѣе съ казацкою милиціей, не оскорблять самолюбія Гонты и, буде нужно, войти съ нимъ въ переговоры о разныхъ льготахъ для хлоповъ и для самого Гонты. Младановичъ спряталъ это письмо, мысля: „Вотъ глупство! еще съ хамами любезничать!“—Теперь это письмо сильно его тревожило...

Не успѣлъ подписарь выйти, изъ костела дали знать, что все готово и ждутъ новобрачныхъ. Шаферы пошли встрѣчать невѣсту. Она показалась изъ уборной. По бокамъ ея шли мать, тетка Ванда и сестра Вероника; впереди, съ остробрамской иконой, маленькій братъ.

— А не выпить ли, мосци-паны, еще,—спросилъ Младановичъ:— чтобъ дорога молодымъ была скатертью?

— На хорошіе вопросы пану низкій поклонъ! — отвѣтили, кланяясь, поѣзжане.

Подали флягу. У крыльца ржали, запряженныя цугомъ, лошади, хлопали бичи.

— Эхъ, да гдѣ-жъ ты у чорта парилась, моя золотая?—вскрикнулъ весь красный отъ волненія и счастья Младановичъ, самъ откупоривая и разливая толстобокую, замшившуюся флягу „ченчибельной“:— теперь, пока, такъ выпьемъ, а вечеромъ, по вѣнцѣ, — подъ салюты изъ пушекъ...

И вдругъ гдѣ-то прогремѣлъ и потрясъ окна отдаленный пушечный выстрѣлъ.

— Перепились до времени, подурѣли бѣсовы пушкари! — крикнулъ губернаторъ: — ей, Берко, Самусь! бѣгите и передайте въ окопахъ, чтобъ подождали до захода солнца, — тогда извѣщу, — пусть жарятъ вволю...

Но раздался второй, столь же громкій и ужъ, повидимому, болѣе близкій выстрѣлъ.

Что̀ же это? Всѣ бросились къ двери, на крыльцо.

За воротами была суета. Въ переполохѣ, по площади и сосѣднимъ улицамъ метались женщины; кричали и бѣгали, подобравъ рубашонки, дѣти; куда-то глядѣли слуги. Отъ форштадта скакалъ верховой. Онъ миновалъ мостъ черезъ крѣпостной ровъ и, приближаясь къ за̀мку, еще издали махалъ руками. То былъ длинный и кривой на одинъ глазъ, державшій винную лавку, еврей.

— Ой, вай-миръ, разбойники, харцызы! гевалтъ! — крикнулъ онъ блѣдный, съ искаженнымъ отъ страха лицомъ: — ворвались въ слободку, рѣжутъ, убиваютъ, жгутъ...

— Какіе разбойники? о комъ говоришь? — спросилъ изъ толпы разряженныхъ бальныхъ гостей губернаторъ.

— Гонта! измѣнникъ и злодѣй, Гонта передался, съ своимъ полкомъ, гайдамакамъ, и теперь пропали наши и ваши головы!

— Ну, до нашихъ еще далеко! запирать ворота, мосты! — крикнулъ, обнажая шпагу, женихъ: — пани и паненки, по комнатамъ, а вы, мосци-паны, военные и невоенные, съ дозволенія пана Рафаила, за мушкеты и сабли, въ окопы, за мной.

Витковскій одушевилъ гарнизонъ. Офицеры и шляхта, кто въ чемъ былъ, схватились за оружіе, бросились къ частоколу и рвамъ. Младановичъ съ Шафранскимъ взошли на башню. Глядя въ зрительную трубку, Шафранскій примѣтилъ сперва, у Грекова-лѣса, уманскій полкъ Обуха.—„Сталъ на перерѣзъ злодѣямъ!“—сказалъ онъ радостно. — Но потомъ онъ разглядѣлъ, что съ уманцами рядомъ пришла другая, незнаемая орда, въ разныхъ одеждахъ и странномъ вооруженіи; что ея вожаки сошли съ коней и дружески бесѣдуютъ. Шафранскій сбѣжалъ съ башни, крича: „Запирайте ворота! наводите пушки! злодѣи соединились!“

Зарево пожара поднялось за форштадтомъ Туркомъ. Горѣлъ подгородный хуторъ. Столбъ чернаго дыма сталъ заслонять вечерѣющее небо. Свадебный хмѣль быстро вылетѣлъ изъ головъ растерянныхъ защитниковъ Умани.

Полковникъ Обухъ, встрѣтясь съ гайдамаками, не преградилъ имъ пути, такъ какъ немедленно бѣжалъ отъ своей милиціи. Желѣзнякъ, тайно снесясь съ Гонтой черезъ Односума и Шпака, узналъ, что хитрый, „нобилитѵванный“ титуломъ шляхтича и панскимъ хуторомъ, недавній крѣпостной холопъ графа Потоцкаго намѣревался до открытаго соединенія съ нимъ, выторговать себѣ и своей старшинѣ кое-какія выгоды. Желѣзнякъ отвѣтилъ ему, что согласенъ на все.

Гонта и Желѣзнякъ сошлись въ полѣ, подъ Соколовцемъ.

— Ну, что, братику Иване? сдаёшься? — спросилъ Желѣзнякъ, когда Гонта, отдѣлясь съ стариками отъ отряда, слѣзъ съ коня и пѣшій, съ кнутомъ въ рукѣ, вышелъ ему на встрѣчу.

— Какъ же мнѣ, панѵве-молодцы, нашу Умань разорять?—отвѣтилъ, тыкая въ землю кнутовищемъ, нобилитѵванный холопъ:—и какъ намъ поднимать руку на своего пана-графа?

— А вотъ что, братику,—нашелся Желѣзнякъ:—ты только послушай: какъ возьмемъ Умань, а за нею Кіевъ, то не будетъ больше ни твоего графа, ни другихъ пановъ. Побѣдитъ славное запорожское войско, — ты получишь въ подданство всю уманскую волость и, на мѣсто графа Потоцкаго, — титло русскаго воеводы; твоей же стар-

шинѣ Кошъ отдастъ Смѣлу, Богуславъ и прочія здѣшнія маетности и города. Согласенъ?

— А вы? — спросилъ Гонта, обратясь къ своимъ: — что скажете?

— Мы, дядько Иване, во всемъ, что рѣшишь, твои согласники!— отвѣтили милиціонеры: — осточертѣли намъ тѣ ляхи да жиды, чтобъ имъ не легко сгадалось!

— Ну, а вы-жъ, пане-Максиме, чѣмъ тогда будете? — спросилъ Гонта, взглянувъ на Желѣзняка:—чи полковникомъ, чи що?

Запорожецъ усмѣхнулся.

— Вотъ, прости Боже, дурень,—отвѣтилъ онъ, крутя усы:—да я-жъ буду украинскимъ гетманомъ, какъ, во вѣки блаженной и присной памяти, нашъ батько Богданъ Хмѣльницкій.

— Такъ сгода ляхамъ?—спросилъ, понурясь въ землю, Гонта.

— Сгода.

— И жидовъ не миловать?

— Глупо и спрашивать,—отвѣтилъ Желѣзнякъ:—довольно напились они нашей крови; поищемъ въ ихъ закуткахъ серебра, шелку и золотыхъ цехиновъ.

Въ отрядѣ гайдамаковъ было до тысячи пѣшихъ и конныхъ, въ томъ числѣ полторы сотни бѣглыхъ запорожцевъ. Кромѣ ружей и пикъ, они имѣли нѣсколько пушекъ, отбитыхъ въ Каневѣ, Лисянкѣ и другихъ, взятыхъ ими городахъ. Сдавшійся регименть Гонты добавилъ къ ихъ силѣ двѣ тысячи пѣшихъ милиціонеровъ, съ полковымъ и сотенными значками и съ десятью полевыми пушками.

Соединенный отрядъ украинцевъ бросился на Умань. Передовая сотня, съ Гонтой во главѣ, ворвалась въ шляхетскій таборъ, подъ Грековымъ-лѣсомъ, перерѣзала тамъ поляковъ и жидовъ и зажгла ближніе хутора.

Желѣзнякъ повелъ остальныя силы къ форштадту Турку. Гонта отрядилъ своихъ, черезъ рѣчку Уманку, въ обходъ предмѣстья Бабанки.

— Выручай, коханый друже,—сказалъ, отирая слезы, Младановичъ архитектору Шафранскому: — не жаль мнѣ ни себя, ни семьи, съ невѣнчанной невѣстой; жаль нашей польской гибнущей чести и славы. Возьмутъ насъ мужики, не уважутъ ни пола, ни возраста, ни нашей дѣдовской святыни.

Ксендзъ Костецкій ударилъ въ набатъ...

VI.

Уманская рѣзня.

А старый городъ стойко держался восьмого, девятаго и десятаго іюня. Архитекторъ Шафранскій командовалъ артиллеріей, Витковскій и Лепартъ—гарнизономъ крѣпости и зàмка. Главные караулы у воротъ и мостовыхъ окоповъ занималъ „компутъ панцырной хоругви“ —дворяне. Сбѣжавшіеся въ „Старое място“, чернь и евреи носили въ бойницу пищу и питье, подавали пѣхотѣ и пушкарямъ боевые снаряды.

Къ вечеру десятаго іюня гарнизонъ стараго города и зàмка началъ терпѣть нужду въ водѣ. За нею надо было, подъ выстрѣлами осаждающихъ, украдкой отправляться за двѣ версты къ ручью Каменкѣ; вода же въ рѣчкѣ Уманкѣ была болотная, гнилая и пропитанная трупами, брошенными по приказу осаждающихъ.

— Охъ, душечка няня!—говорила младшая дочь губернатора, Вероника, со страхомъ прислушиваясь къ пальбѣ:—какъ кричатъ разбойники! какъ стрѣляютъ! придутъ и всѣхъ насъ заберутъ въ полонъ.

— Стрѣляютъ и въ темнотѣ, — только не бойтесь, панночка-сердце,—отвѣчала украинка-няня (думая, межъ тѣмъ: „хорошо, какъ только заберутъ!“):—рвы и насыпи новые, ворота подперты бревнами, а на окопахъ все молодцы стрѣлки, и самъ, съ дѣдовскою кривой саблей, панъ Рудзь.

— Охъ, ласточка няня! не помилуютъ они насъ! — отвѣчала со слезами Вероника: — отецъ говорилъ, что когда графскіе отряды не успѣвали догнать и разбить гайдамаковъ, то наказывали за нихъ неповинныхъ мужиковъ. Били ихъ кнутомъ за пріемъ одновѣрцевъ, рѣзали имъ подколѣнки, а многихъ казнили.

— Молитесь, панночка, Богу!—утѣшала няня:—мой отецъ также наказанъ въ Балтѣ, а дѣдъ казненъ въ Каневѣ. Богъ проститъ погубителей и поможетъ вамъ и всему вашему дому, а-бы стало пороху, да въ колодцѣ на площади и въ саду воды.

Вспоминались въ эту ночь Вероникѣ прошлые годы родной семьи. Предчувствія ея сбылись.—„Боже, Боже! что̀ будетъ съ нами?“ — мысленно повторяла она теперь, содрогаясь отъ выстрѣловъ, гремѣвшихъ въ ночной темнотѣ:—„отчего отецъ не послушалъ совѣта друзей, не отдалъ головы этого Гонты въ руки палача?“

Между окоповъ, въ высокомъ частоколѣ, окружавшемъ старый городъ, было двое воротъ. У главныхъ, со стороны села Бабàнки, стояли двѣ мортиры. Гарнизонъ изъ шестисотъ пѣхотинцевъ охранялъ насыпи, рвы и входы въ городъ. Губернаторскій зàмокъ на возвы-

шенности стараго города былъ окруженъ особымъ палисадомъ. Его охраняли шестьдесятъ гарнизонныхъ инвалидовъ. Четыре деревянныя башенки были на четырехъ бастіонахъ, по угламъ этого палисада. Съ одной изъ башень теперь распоряжался архитекторъ Шафранскій. Онъ нѣкогда служилъ въ войскѣ Фридриха Второго и въ Умань попалъ случайно, для межеванія земель новопоставленнымъ ксендзамъ.

Замѣтивъ въ старомъ городѣ недостатокъ воды, Шафранскій, въ ожиданіи гайдамаковъ, посовѣтовалъ копать у ратуши колодезь. Выкопали аршинъ сто, воды показалось мало. Съ началомъ осады бросились рыть второй колодезь въ за̀мковомъ саду, и также безуспѣшно.

— Не станетъ воды, будемъ пить волошскія вина и вишневки! ихъ не мало здѣсь въ погребахъ! — шутилъ блѣдный, томимый жаждой и зноемъ, Рудольфъ Витковскій, обходя по рвамъ и насыпямъ усталыхъ, день и ночь не знавшихъ покоя и сна, защитниковъ города. Наконецъ, и онъ выбился изъ силъ. Воспитанный на Деколліонѣ французскими гувернерами и плохо говорившій на родномъ, польскомъ языкѣ, онъ сталъ обращаться то къ заправлявшему пушкарями Шафранскому, то къ молившимся въ костёлахъ базильянамъ и бернардинамъ.

— Продамъ алмазы матери и отцовскую вотчину, — говорилъ панъ Рудзь, смѣнившій на старую безрукавку голубой свадебный кафтанъ: — дамъ по сту талеровъ тѣмъ, кто отобьетъ приступъ и погонитъ прочь казацкую орду, а по тысячѣ золотыхъ — за головы Гонты и Желѣзняка...

Онъ снялъ съ пальца брильянтовый перстень, подарокъ бабки, и отнесъ его къ алтарю Богородицы, прося базильянскихъ монаховъ молиться за его невѣсту. По часамъ лёжа крестомъ на плитахъ костёла, онъ объ руку съ невѣстой ходилъ и въ еврейскую синагогу, далъ раввину кошелекъ, полный дукатовъ, и просилъ молиться Еговѣ о спасеніи осажденной Умани, ея обывателей и гостей.

Самъ губернаторъ сталъ на-подобіе малаго дитяти. Плохой знатокъ военнаго ремесла, онъ заперся съ отцомъ Клеофасомъ въ спальнѣ, обвѣсился амулетами, на лобъ повязалъ полинявшую алую ленту съ остробрамской иконы, на руку надѣлъ ре́мезово-гнѣздо, жегъ ладонъ и, слушая молитвы патера, не вставалъ со ступеней аналоя.

Подозрѣваемые изъ украинскихъ холоповъ содержались при городской тюрьмѣ. Пользуясь общей суетой, эти колодники разбили свои цѣпи, умертвили сторожей и, уйдя черезъ частоколъ, передались Гонтѣ.

Жена Младановича, его младшая сестра, дѣти и дворня — всѣ потеряли головы, бродили какъ тѣни по за̀мку и саду, прислушиваясь къ крикамъ и брани осаждающихъ, ломая руки и забывая о пищѣ и снѣ.

Бодрствовала одна старшая сестра губернатора, Ванда.

Когда въ городѣ замѣтили страшную убыль воды, она сняла съ себя дорогіе наряды, одѣлась въ черное, пошла въ костелъ, отрѣзала свою роскошно-золотистую косу и положила ее къ подножію иконы Сердце-Іисуса. Надѣвъ затѣмъ конфедератку, она взяла со стѣны брата турецкій ятаганъ и явилась у мостоваго окопа.

— Еще Польша не сгинѣла! еще она не казацкая кляча!—сказала Ванда стрѣлкамъ:—цѣльтесь лучше! добрая пуля пробьетъ голову хлопа, какъ бы ни была крѣпка бунтовская кость.

Евреямъ также роздали оружіе. Часть изъ нихъ усердно стрѣляла черезъ окопы, отъ непривычки подпаливала себѣ бороды и пейсы.

— Ой, Боже-жъ нашъ, Боже!—вопили въ переполненной синагогѣ остальные евреи, прикладывая блѣдныя, изуродованныя отъ страха лица къ священнымъ свиткамъ: — охъ, вай-вай! Желѣзнякъ злодѣй, какъ пришелъ, набросалъ въ рѣку падали, а вчера и вовсе отвелъ воду. Ни въ колодцахъ, ни въ протокѣ съ утра ни капли: всю вычерпали, съ грязью. Остался губернаторскій прудъ, и тотъ скоро выберутъ.

Односумъ былъ хорунжимъ въ передовомъ гайдамацкомъ отрядѣ Швачки. Акимъ Шпакъ состоялъ сбоку куреннаго Сеньки, прозвищемъ Неживаго. Сѣдоусый, опытный Неживой оцѣнилъ стойкій и сдержанный нравъ своего помощника; призвавъ его, по соединеніи съ Гонтой у Звенигородки, онъ далъ ему беречь „батѣвню“, то-есть обозъ награбленной добычи, гдѣ были и три пушки, отбитыя у ляховъ въ Каневѣ, и въ томъ числѣ долгоносая мѣдная пушка, прозванная въ казацкомъ таборѣ „цаплей“.

— Береги мнѣ, хлопче, эту панянку,—сказалъ Акиму куренной:—она, что ни цапнетъ, все, каторжная, проклюетъ своимъ бѣсовымъ носомъ.

Гайдамаки, въ ночь съ десятаго іюня, насыпали отъ предмѣстья Турка высокій холмъ, втащили туда „цаплю“ и стали изъ нея палить въ частоколъ и въ городскія зданія калеными ядрами. Одно угодило въ колокольню главнаго костела, другое пробило потолокъ въ трапезной бернардиновъ.

Кое-гдѣ въ городѣ вспыхнулъ пожаръ. Тушить его было нечѣмъ. Вечеромъ ксендзъ Костецкій и соборный викарій устроили торжественную, вокругъ костеловъ и площади, процессію. Народъ, съ плачемъ и воплями, слѣдовалъ за крестами, обтянутыми въ черный флеръ.

Гайдамаки, съ полудня одиннадцатаго іюня, какъ бы впали въ раздумье. Ихъ стрѣлки, проникшіе въ ближніе овраги и огороды, перестали оттуда сыпать пулями: очевидно, ушли обратно. Ни „цапля“, ни другія пушки не отзывались изъ окрестныхъ хуторовъ. Лагерь подъ Грековымъ смолкъ. Не было слышно ни брани изъ-за частокола, ни вызововъ и смѣха, ни угрозъ.

— Вѣрно, у проклятыхъ схизматиковъ какой-нибудь на-завтра праздникъ,—сказалъ, отрадно вздохнувъ, Шафранскій.

— Они теперь моютъ свои поганыя лица и руки, надѣваютъ чистыя рубахи и твердятъ свои еретическія молитвы! — прибавила, взошедшая съ братомъ на башню, Ванда:—не худо бы, панъ-губернаторъ, къ ночи заготовить коней и бочки, сдѣлать вылазку и набрать у злодѣевъ за мостомъ воды.

— Нѣтъ, сестра,—отвѣтилъ Вандѣ Младановичъ:—надо сперва получше дознаться, въ чемъ дѣло; отрядимъ къ нимъ, будто для переговоровъ, ловкаго человѣка.

За мостъ, къ гайдамакамъ, былъ высланъ, съ бѣлымъ платкомъ на палкѣ, самъ длинный, какъ палка, еврей-корчмáрь, первый привезшій въ зáмокъ извѣстіе о вторженіи казаковъ.

Губернаторъ и Шафранскій снова навели съ башни въ лагерь „перспективу“, то-есть зрительную трубку. Въ вечернихъ лучахъ, бывшихъ туда наискось изъ-за лѣса, они вскорѣ увидѣли бѣднаго израильтянина, повѣшаннаго вверхъ ногами на придорожной вербѣ.

Въ то же время, справа и слѣва, за форштадтами, поднялись сплошные клубы пыли; очевидно, гайдамаки, готовясь на штурмъ, обходили городъ съ боковъ и въ тылъ.

Младановичъ вызвалъ изъ окоповъ главныхъ защитниковъ города. Нàскоро устроили военный совѣтъ. Онъ собрался въ столовой зáмка, гдѣ еще такъ недавно плясали и пили „ченчибельную“ и гдѣ, при общемъ веселомъ хохотѣ, долженъ былъ „отлàяться“, будто-бы уличенный во лжи, магистратскій подписарь.

— Ваше мнѣніе?—спросилъ Младановичъ Шафранскаго.

— Порохъ и прочіе припасы на исходѣ,—уныло отвѣтилъ архитекторъ: — воды... — послѣдняя лужа вычерпана и выпита. Не дай Богъ новаго ночнаго пожара—погоритъ весь вашъ городъ хуже мышей въ копнѣ.

— Такъ чтò же панъ предлагаетъ?—спросилъ губернаторъ.

Шафранскій медлилъ отвѣтомъ.

— Защищаться!—вскрикнулъ, схватясь за саблю, Витковскій:—кто за мной?

— До послѣдней капли крови!—подхватили голоса офицеровъ:—еще Польша живетъ и духъ ея не погасъ...

— Оно точно,—отвѣтилъ Шафранскій:—дѣло не совсѣмъ плохо, хотя гнусные хлóпы, не мало и нашихъ, къ стыду отечества, передались врагамъ за эти дни... Возьмутъ мостъ и первые окопы, можно запереться въ зàмкѣ; графъ, можетъ быть, прослышалъ о нашей бѣдѣ и выслалъ изъ Могилева помощь. Нѣтъ воды въ колодцахъ,—за ночь набѣжитъ.

— Нѣтъ, васпанъ-архитекторъ, и вы, мосци-паны, мои пособники, друзья и гости!—сказалъ Младановичъ:—взойдетъ солнце, снова начнетъ дневное пекло, не хватитъ воды на тысячи ртовъ. Мое мнѣніе, скажу прямо,—не мѣшкая, сдаться на милость и честь побѣдителей...

— Хороша честь у разбойниковъ, псовъ!—вскрикнулъ Витковскій:—я не участникъ рѣшенія пана... Смотрите, не раскаяться бы, да будетъ поздно.

Витковскій оставилъ совѣтъ.

— Самъ выѣду и условлюсь съ ихъ довудцемъ!—рѣшилъ Младановичъ.

— Вызовите Гонту для переговора,—сказалъ Шафранскій:—а я нацѣлю пушку и, не подпустивъ его къ пану, положу на мѣстѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтилъ Младановичъ:—безъ хитростей на милость и честь...

Ему подвели коня; онъ велѣлъ отпереть ворота и, съ бѣлымъ знаменемъ, въ конвоѣ дворянъ, выѣхалъ за окопы. Мѣщане впереди несли хлѣбъ-соль Гонтѣ. Средній отрядъ аттакующихъ остановился въ полѣ, за форштадтомъ. У моста произошла встрѣча Младановича съ Гонтой и Желѣзнякомъ.

— Такъ ты, вельможный ляше, видѣлъ, какъ гуляли мои молодцы подъ Грековымъ, и теперь, со всею твоею худобой, сдаешься на нашу ласку и честь? — спросилъ, сурово поглядывая съ сѣдла на губернатора, Желѣзнякъ.

— Сдаюсь, пане-полковникъ!—отвѣтилъ губернаторъ побѣлѣвшими губами.

— Нѣтъ, бери выше,—по вашему генералъ!—перебилъ Желѣзнякъ:—а сдача, такъ и сдача... Ты судилъ насъ по магдебургскому закону, мы разсудимъ по своему... Хлопцы, какъ думаете?

— Всё, однако, согласны,—рѣшили ближніе атаманы и есаулы:—а горѣлка будетъ?

— Будетъ, — отвѣтилъ, стараясь улыбнуться, Младановичъ: — а вы, пане Гонта,—васъ графъ столько жаловалъ, еще больше пожалуетъ,—спасите городъ и насъ.

Гонта, отвернувшись, молча поѣхалъ прочь.

Желѣзнякъ махнулъ рукой.

Таборъ, гремя саблями и пушечными лафетами, двинулся къ мосту.

Младановичъ, оставя часть конвоя, поскакалъ обратно въ городъ. Узнавъ, что его жена, сестры и дѣти молятся въ костёлѣ, онъ вбѣжалъ туда, со словами:

— Я только-что отъ воротъ, говорилъ съ Гонтой и Желѣзнякомъ, отдадимся Богу; видно, надо умирать.

Снявъ съ шеи ладонку съ иконками, онъ роздалъ ихъ каждому

изъ дѣтей.—Это, дѣти, помните, все, что могу вамъ дать; ихъ носилъ мой прадѣдъ.

Плачъ и стоны огласили своды костёла.

Переднія сотни гайдамаковъ подошли въ это время къ городскимъ воротамъ. Въ сумеркахъ съ края площади обозначилась ярко-освѣщенная внутри синагога.

Желѣзнякъ остановилъ коня.

— Какъ? безъ креста? на дорогѣ жиды?—крикнулъ онъ польскимъ офицерамъ:—не можу къ вамъ такъ войти. А ну-те, братцы! пора начинать дѣло!.. Шпаченко! гдѣ твоя „цапля“? выдвигай сюда; пусть хоть разъ клюнетъ иродово отродье.

Офицеры молчали въ страхѣ. Шпакъ нацѣлилъ пушку, приложилъ фитиль. Грянулъ выстрѣлъ; ядро въ упоръ ударило въ переполненную народомъ синагогу. Евреи выскочили съ воплемъ, неся на головахъ пергаментные, священные свитки пятикнижія, Сеферъ-Тора. Ихъ канторы съ хоромъ пѣли покаянный гимнъ: „Господи, сущій въ небесахъ! пріими души мучениковъ! Святой завѣтъ, закройся рубищемъ, пепломъ“...

— Еще, еще!—командовалъ, прислушиваясь къ ихъ пѣнію, Желѣзнякъ:—слышите? ревутъ христопродавцы... Въ самую середину!

— Можетъ, панъ оказалъ бы ласку,—рѣшился заступиться красивый уланъ Ленартъ, соперникъ Витковскаго:—они, бѣдные, молятся.

— Какому богу, Шпаченко, прибавь.

Раздались два новыхъ выстрѣла. Разбитая деревянная синагога затрещала, часть ея рухнула. Здѣсь, подъ развалинами, погибъ старый проповѣдникъ Балъ-Даршоръ, купцы Макерь, Брейла и многіе другіе.

— Такъ!—кричалъ Желѣзнякъ: — музыку теперь... Гдѣ торбанъ, скрипки?

Выскочилъ изъ толпы невысокаго роста, сильно выпившій казакъ.

— А ну, Онйсиме! чтобъ чертямъ стошнило и весело было идти!—скомандовалъ, закуривая трубку, Желѣзнякъ.

Торбанистъ грянулъ „журавля“. Скрипки подхватили. Сотни ногъ, весело взбивая пыль, задвигались по темной площади.

— Бѣгутъ, бѣгутъ!—сказалъ кто-то, указывая на развалины синагоги.

Раздались ружейные выстрѣлы. Казаки пристрѣливали уцѣлѣвшихъ подъ обломками евреевъ.

— Что-то не видно, батько атамане! заряды даромъ тратимъ! —произнесъ Односумъ:—не засвѣтить ли свѣчку?

— И то, хлопче, дѣло!—отвѣтилъ Желѣзнякъ:—свѣти, не подсидѣли-бъ ляхи; кстати и трубка погасла.

Односумъ выкресалъ огня, сорвалъ съ ближней крыши пукъ со-

ломы, зажегъ его, помахалъ имъ и воткнулъ его въ ветхій навѣсъ первой лавчонки. Опустѣлый базаръ вспыхнулъ, освѣтивъ ближніе улицы и переулки.

— А! въ окнахъ зàмка забѣгали огоньки, — сказалъ куренной Швачка: — солоно стало ляхамъ: не повернуть ли, пане Максиме, „цапли“ и туда?

— Нѣтъ, съ панами справимся и безъ пушекъ, — отвѣтилъ Желѣзнякъ: — да и что даромъ разбивать такія хоромы! можетъ, сгодится и намъ самимъ подъ жильё. Готовь, пане Гонта, на добычу свои фуры, а тебѣ, Шпаченко, оставаться при обозѣ. Миловать мы и вся прочая старшина обѣщали пана-губернатора, съ слугами, а не его панское добро. Что, хлопцы, чуяли?

— Чуяли.

— Теперь за мной.

Гайдамаки построились; по знаку атамановъ, бросились въ дома и лавки. Кое-гдѣ ихъ встрѣтили выстрѣлами.

— Э, вражьи ляхи! такъ вы вотъ какъ!—произнесъ Желѣзнякъ:— это сдача? Иване, — обратился онъ къ Гонтѣ: — такъ мы ужъ стали хуже старой подошвы?

— Да, видно, что стали,—отвѣтилъ Гонта.

— Хлопцы, за сабли, мушкеты!—крикнулъ Желѣзнякъ:—да побольше дыму...

Пожаръ вспыхнулъ въ разныхъ мѣстахъ. Загорѣлся монастырь базильяновъ; загорѣлся соборный костёлъ. Головни перебросило въ зàмковый садъ, гдѣ вспыхнули теплицы.

Гайдамаки остервенились. Охмѣлѣвшій Желѣзнякъ, въ крови, бѣшено скакалъ по пылавшимъ улицамъ, добивая саблей и топча конемъ раненыхъ дѣтей и женщинъ. Увидавъ большой безводный колодезь у ратуши, казаки закричали: „вамъ пить хотѣлось?“ и стали швырять туда убитыхъ и умирающихъ.

Съ крайней башни ранили куреннаго Швачку. Желѣзнякъ позвалъ Гонту.

— Ну, что? и теперь миловать?—спросилъ онъ.

— Я не согласникъ,—отвѣтилъ Гонта.

Гайдамаки ворвались въ зàмокъ. Сто человѣкъ шляхтичей, бросившихъ оружіе, легло подъ ударами сабель къ ногамъ озлобленныхъ казаковъ. Шафранскій заперся на одной изъ башень. Туда ворвались милиціонеры и искрошили его саблями.

Ветковскій защищался долѣе другихъ. Его проткнулъ копьемъ куренной атаманъ Неживой. Жену, старуху-мать, младшую сестру и старшую дочь губернатора привели во дворъ зàмка къ Желѣзняку. Побѣдитель-казакъ сидѣлъ на выступѣ крыльца, въ ксендзовской пар-

чевой ризѣ, съ буквами I. X. на бокахъ; на головѣ его была пресвитерская шапка. Куря трубку, онъ насмѣшливо взглянулъ на приведенныхъ и велѣлъ ихъ пострѣлять при себѣ изъ мушкетовъ, а ихъ тѣла бросить въ колодезь. — „Собачье мясо!“ — презрительно сказалъ онъ, толкнувъ въ голову соборнаго уніатскаго попа, молившаго его на колѣняхъ за несчастныхъ.

Губернатора и его сестру, Ванду, Неживой свелъ въ подвалъ и тамъ, въ присутствіи Гонты и Желѣзняка, сталъ имъ жечь руки и ноги, требуя указанія, гдѣ спрятаны ихъ деньги и прочее добро.

— Измѣнникъ, предатель! — сказалъ при этомъ Гонта Младановичу: — ты виновникъ этой пролитой крови. Зачѣмъ утаилъ графское письмо? Я его нашелъ въ твоемъ столѣ... Что̀ выигралъ? теперь отвѣчай за всѣхъ...

Въ ту минуту, когда гайдамаки подходили къ костёлу брать губернаторскую семью, украинка-няня протолкалась къ Вероникѣ, схватила за руки ее и ея меньшаго брата и провела обоихъ въ подвалъ костёла, потомъ въ за́мковый садъ. Проходя въ потьмахъ мимо отцовскаго дома, Вероника слышала, какъ отецъ молилъ другаго уманскаго сотника, Ярему-Панька́, спасти его дѣтей.

— Пане Яремо, ратуй насъ! —говорилъ губернаторъ.

— Нехай васъ Богъ ратуетъ, — отвѣчалъ сотникъ Панько̀: — я васъ теперь не оборошо.

VII.

Расплата.

Надворные флигеля и конюшни охватилъ пожаръ, подбираясь къ стѣнамъ за́мка. Побѣдители таскали добычу въ обозъ. Желѣзнякъ, съ Гонтой и съ товарищемъ куреннаго, Журбой, разбивъ ближній погребъ бернардиновъ, угощались сантуринскимъ, сидя на богатыхъ коврахъ, на землѣ. Односумъ, съ братчиками, рвалъ и жегъ на кострѣ вытащенные изъ ратуши книги и разные документы. Полуобгорѣвшіе клочки поземельныхъ, брачныхъ и другихъ актовъ устилали площадь, уносились по воздуху черезъ крыши домовъ.

— Pereat, pereat injuria! —кричалъ Аминадавъ, ища глазами Шпака и не находя его: —давайте сюда всѣ треклятыя, ляшскія бумаги!..

Подъ липами сада, сторонясь отъ дыма и летѣвшихъ головней, кто-то пробирался съ обознымъ погонщикомъ. Это былъ Акимъ Шпакъ. Оба они несли въ мѣшкахъ изъ за́мка добычу Желѣзняка: куски шелковыхъ и парчевыхъ тканей, серебряные кубки и подносы, шкатулки,

канделябры и одежду убитыхъ дворянъ. У Шпака не выходилъ изъ головы чей-то красивый, бѣлокурый ребенокъ, брошенный изъ окна за́мка на пики гайдамаковъ.

Пѣшеходовъ въ саду поджидала какая-то тѣнь: то впередъ уйдетъ межъ деревьями, то сбоку слѣдитъ. Шпакъ, не останавливаясь, подошелъ къ огороду, за которымъ у рощи виднѣлись обозные костры.

— Хлопче, смилуйся! одно слово! — произнесъ голосъ изъ чащи деревъ.

Шпакъ обернулся, замедлилъ шаги. Не видно никого. Пропустивъ погонщика впередъ, онъ пошелъ далѣе. Отблескъ пожара здѣсь едва мерцалъ. Шпакъ вышелъ на поляну. Въ просвѣтѣ дороги мелькнула женская одежда, знакомая походка, знакомыя, гдѣ-то видѣнныя черты лица.

— Сердце-хлопче, слушай! — произнесъ голосъ въ тишинѣ: — ты не такой злодѣй, какъ другіе. Я видѣла тебя на улицѣ и во дворѣ... Ты не убивалъ, не мучилъ; руки у тебя не въ крови. Спаси неповинную душу!

— Чего тебѣ? отстань!

— Мы одной вѣры съ тобой...

— Кого спасти? тебя?

— Нѣтъ, не меня; спаси дочку убитаго здѣшняго пана!

— Какого?

— Губернатора Младановича.

— И видно, что баба: ей набрехали, а она вѣритъ. Губернаторъ живъ.

— Убили злодѣи, замучили добраго человѣка... Онъ сдалъ городъ на-слово, а теперь лежитъ, заколотый, на дворѣ.

— Сама видѣла?

— Вотъ крестъ святой, — сама...

Шпакъ молча глядѣлъ въ землю, соображая, гдѣ слышалъ эту рѣчь. Зарево пожара разгоралось. Его лучи начинали ярче освѣщать поляну, гдѣ, заслоненный вербами, стоялъ Акимъ.

— Ихъ вѣра и наша разныя, Богъ у всѣхъ одинъ! — продолжалъ голосъ отъ деревъ: — спаси, хлопче, панночку; я спрятала ее и маленькаго ея брата. Твоя мать за тебя помолится, твой отецъ скажетъ — добрая душа!

— Нѣтъ у меня ни отца, ни матери, — произнесъ Шпакъ: — и какъ я скрою твою панночку, когда кругомъ дозоръ? поймаютъ и убьютъ за то, какъ собаку.

— А душа твоя? а отвѣтъ Богу?

„Вотъ чортова баба, ластится!“ — подумалъ Шпакъ, и вдругъ невольно вздрогнулъ. Ему вспомнились годы ученья, Кіевъ, колодезь въ

огородѣ, маковины, русыя косы, смѣхъ и пѣсни въ вишневомъ саду... Онъ чувствовалъ, какъ краска бросилась въ лицо.

„Нѣтъ, — рѣшилъ онъ съ собой: — какой же я буду запорожецъ, если я послушаю бабу, да еще спасу ляшское дитя?“

Онъ двинулся далѣе въ вербы.

— Слушай... лучше меня убей!—крикнулъ за нимъ голосъ:—отсѣки мнѣ руки, ноги, напейся моей крови, коли не вѣришь въ святой крестъ!

Шпакъ оглянулся на погонщика. Тотъ подходилъ къ обозу.

— Веди, показывай, гдѣ панская дочь, — сказалъ онъ грубо: — выростетъ, нашего-жъ брата станетъ тиранить.

— Тамъ такое кроткое, доброе дитя... Ой, тише-жъ, соколику! тише, не подглядѣлъ бы кто!

Шпакъ прошелъ въ глубину сада. Тамъ, у кучи сушника, проводница остановилась.

— Здѣсь,—объявила она, указывая на кучу.

Шпакъ высыпалъ изъ мѣшка добычу, опустилъ въ него чтò-то худенькое, дрожавшее отъ страха, взвалилъ ношу на плечи и опять зашагалъ въ темнотѣ.

— Спаси тебя Боже,—говорила ему вслѣдъ нянька панночки:— тамъ, у лѣса, за тѣмъ вонъ крайнимъ вашимъ костромъ, разглядишь возъ, а при немъ — монаха, въ мужичьей свиткѣ; ему панночку и отдай... А ужъ я какъ-нибудь сама спасу ея малаго брата — въ теплицѣ его спрятала...

Шпакъ молча дошелъ къ вербамъ, перелѣзъ въ огородъ и, не оглядываясь, въ обходъ обоза, пустился влѣво.

— Чтò несешь? — раздался хриплый окрикъ у дороги.

— Атаманово добро.

— Пусть онъ сдохнетъ, — всѣ мы тутъ атаманы. Давай, сякой-такой, на всѣхъ!

Шпакъ опустилъ на траву мѣшокъ, развязалъ его, шепнулъ панночкѣ: „Бѣги, если осилятъ!“ и обнажилъ саблю. Его схватили за руки, навалились ему на плечи, на грудь. Долго онъ боролся съ напавшими, разбросалъ ихъ, встряхнулся и всталъ.

— Да это Шпаченко!—произнесъ кто-то:—ослѣпли, дурни! да и въ торбѣ его пусто.

„Ну, спаслась панночка“—сказалъ себѣ Шпакъ. Въ концѣ ночи онъ возвратился въ садъ. Выброшенная добыча лежала въ цѣлости у сушника. Въ стихшемъ саду не было ни души. Акимъ подобралъ кубки, парчу и дорогія одежды. Начинался блѣдный разсвѣтъ. Съ дальнихъ улицъ доносились крики буйнаго веселья и пѣсни побѣдившихъ, торжествовавшихъ взятіе Умани гайдамаковъ.

„А, вѣдь, это была она, кіевская наймичка!“—твердилъ Шпакъ,

возвращаясь къ обозу и раздумывая, какъ бы ее найти. Онъ заснулъ головой на атамановой добычѣ. Его разбудилъ сильный толчекъ. Кто-то, ругаясь, выдернулъ изъ-подъ него мѣшокъ.

— Отдай, собачій сынъ, pecus campi! это мое! — кричалъ надъ нимъ, шатаясь, пьяный, съ подбитымъ глазомъ, Односумъ: — самъ, бабья тряпка, сидѣлъ въ обозѣ, а сколько, добрые люди, награбилъ!

— Не цѣпляй, дурацкое рыло, отойди!—проворчалъ съ просонья Шпакъ.

— А, такъ ты еще ругать добрыхъ людей—quousque asinus!—продолжалъ, толкнувъ его ногою, Односумъ: — хлопцы, вязать его!.. Шпакъ вскочилъ и съ крикомъ: „Давно пора съ тобой покончить!“—схватился грудь съ грудью съ обидчикомъ. Сперва они угощали другъ друга въ бока, потомъ выхватили ножи. Часть табора проснулась. Ихъ розняли, свели въ ближній костёлъ, обращенный съ вечера въ корчму, и тамъ, напоивъ обоихъ мертвецки, помирили. До поздней ночи Шпакъ и Односумъ, обнявшись, спали на улицѣ передъ костёломъ.

На другой день, едва очнувшись, Акимъ бросился искать наймичку. Его смутилъ страшный слухъ: панночка, которую онъ вынесъ изъ зàмка, была снова схвачена казаками въ ту же ночь подъ городомъ и отведена къ Желѣзняку.

Пойманную Веронику, съ младшимъ братомъ и съ теткой Вандой, продержавъ въ какомъ-то подвалѣ, вывели вечеромъ на улицу.

— Куда насъ ведутъ? — спросила, еле-двигавшаяся отъ пытокъ, Ванда.

— Креститься въ нашу вѣру, къ святому Николѣ.

— О, Боже, не дай намъ сраму! дай умереть въ правой, отцовской вѣрѣ!

— Такъ ты еще лаяться? — крикнулъ одинъ изъ проводниковъ. Онъ взмахнулъ прикладомъ: Ванда упала съ разсѣченной головой. Веронику онъ ударилъ въ плечо, схватилъ за волосы и потащилъ, съ ея братомъ, къ Свято-Михайловской церкви. Вероника очнулась въ переполненной, душной церкви, среди хоругвей и ярко-освѣщенныхъ иконъ. Ея братъ Павелъ былъ на рукахъ у какого-то казака.

— А гдѣ-жъ кумовья? — спросилъ старый священникъ, усиливаясь сдержать слезы, при видѣ блѣдныхъ отъ страха, въ порванной одеждѣ губернаторскихъ дѣтей.

— Крестите, крестите, кумовьями панъ Гонта и панъ Желѣзнякъ,—отвѣчали, со смѣхомъ, провожатые.

Священникъ прочелъ вслухъ молитвы, окропивъ сиротъ святой водой, и ихъ отвели въ городскую тюрьму, куда принесли и полумертвую отъ раны Ванду. Какой-то шляхтичъ, одѣтый по-казацки,

войдя въ тюрьму, объявилъ Младановичамъ: — всѣ ваши родные побиты; то же будетъ и вамъ.

Всѣхъ, кто былъ ближе къ наружной двери, выводили по-очереди во дворъ и тамъ убивали. Ихъ мольбы и предсмертные крики раздирали душу заключенныхъ. Такъ прошла страшная ночь. Тѣмъ, кто ждалъ роковой очереди, казалось, что никогда не наступитъ день.

Утромъ вошло въ тюрьму нѣсколько гайдамаковъ.

— Панъ Гонта велѣлъ вывести остальную губернаторскую родню, —сказалъ одинъ изъ нихъ стражѣ.

Мысленно поручивъ себя и брата Богу, Вероника вышла на крыльцо. Толпа гайдамаковъ наполняла дворъ. Одни распарывали церковныя одежды, другіе сыпали мѣдную и серебряную монету въ пустые винные боченки. Впереди ихъ, верхомъ на коняхъ, сидѣли Желѣзнякъ и Гонта,— первый на буланомъ, второй на рыжемъ. Оба были въ богатыхъ шляхетскихъ нарядахъ. Они собирались къ „паеванью“, то-есть къ дѣлежу шляхетской и жидовской добычи, въ видѣ огромныхъ стоговъ сваленной среди двора, а, между прочимъ, очевидно, совѣщались, какой казни предать послѣднихъ изъ губернаторской родни.

— Милостивые паны,—произнесъ старый украинецъ-хлопъ, выйдя изъ толпы и цѣлуя ноги гайдамаковъ.

— Что тебѣ — спросилъ Желѣзнякъ.

— Подаруйте намъ панскихъ дѣтей!

— Ты кто?

— Бондарь, осадчій изъ Осітны.

— На что тебѣ эти щенята?

— А будьте ласковы! Я въ прочей добычѣ не участникъ.

— Жениться, старый хрычъ, хочетъ на панянкѣ,—сказалъ кто-то.

Толпа захохотала.

— А-ну ихъ... берите обѣихъ собакъ къ бѣсу! —объявилъ Гонта, съ нетерпѣніемъ поворачиваясь отъ крыльца.

Желѣзнякъ, насупясь, помахивалъ нагайкой. Онъ велѣлъ подвести къ себѣ губернаторскихъ сиротъ.

— Даруй, пане Максиме, прошу и я, — сказалъ стоявшій возлѣ него Шпакъ: — въ прочей добычѣ и я не участникъ. То-съ, пане Гонто, подаровавъ бондарю тихъ дѣтей; раздѣлите намъ на двухъ...

— Одурѣли хлопцы! Нехай до чорта берутъ!—рѣшилъ Желѣзнякъ: —только стой! эту рыжую кому?—прибавилъ онъ, указывая на Ванду.

— Намъ, намъ...—Бондарь, Шпакъ и еще какой-то парень вывели Веронику съ ея братомъ въ переулокъ, усадили на готовую конскую подводу и пустились вскачь. Скоро подвода скрылась за Грековымъ-лѣсомъ. Дѣти Младановича не слышали предсмертныхъ криковъ тётки, добитой палками мстящей толпы.

Сдавъ панночку въ Оситнѣ, Шпакъ поспѣшилъ въ тотъ же день обратно въ Умань. Бондарь одѣлъ бѣглыхъ сиротъ въ мужицкое платье, далъ имъ грабли и вывелъ въ поле на работу.

— Богъ съ вами, не бойтесь! — сказалъ онъ имъ: — я здѣшній осадчій, населилъ эту землю, и мы отъ вашего батюшки не были обижены; а ваша нянька, Харитина, — сестра моей невѣстки... Только и она — какъ въ воду канула...

По ночамъ бѣглецовъ прятали въ рѣчной камышъ. И никогда впослѣдствіи Вероника, дожившая до тридцатаго года нынѣшняго вѣка, не могла забыть этихъ ночей. Восьмидесятилѣтняя старуха, пережившая брата Павла, впослѣдствіи базильянскаго монаха, описывая внукамъ и правнукамъ страшную уманскую рѣзню, прерывала разсказъ, когда доходила до этихъ ночей. — „Трепетъ всей деревни, трепетъ нашихъ сердецъ, — говорила она: — зарево пожаровъ... то здѣсь набатъ, то тамъ вѣсти о новыхъ жертвахъ и мученіяхъ... и мертвая тишь высокаго, какъ лѣсъ, камыша... Нѣтъ! это выше моихъ силъ... поговоримъ о другомъ“...

Веронику не утѣшило и то, что случайно, ѣдучи вскорѣ мимо Могилева, она увидѣла Гонту подъ стражей въ кандалахъ и лицомъ къ землѣ...

Овладѣвъ Уманью, Желѣзнякъ, при громѣ пушекъ и колокольномъ звонѣ, объявилъ себя „княземъ смилянскимъ и гетманомъ кіевской Украйны“. Гонта принялъ титло „уманскаго губернатора и русскаго воеводы“. Новому, малограмотному губернатору трудно было справиться съ городомъ. Побѣдившая чернь и всѣ власти продолжали пьянствовать и пировать. Было вырѣзано и повѣшано до восемнадцати тысячъ окрестныхъ поляковъ и евреевъ. Гніеніе разбросанныхъ кучами, незарытыхъ труповъ вызвало болѣзни. Шляхтичи спасались, одѣваясь въ крестьянскія рваныя одежды и, въ видѣ нищихъ, распѣвая по дорогѣ священные украинскіе канты. Евреи переодѣвались монахами, но ихъ узнавали подъ капюшонами бернардиновъ и піаровъ. — „Куда, святые отцы, и откуда“? — спросилъ такихъ монаховъ Односумъ, наткнувшись на нихъ съ ватагой въ лѣсу, невдали отъ Умани. — „Въ Поцаевъ молиться Богу“. — „Ну, мы вамъ поможемъ скорѣе повидать Бога“ — сказалъ Односумъ и велѣлъ всѣхъ ихъ повѣсить.

Желѣзнякъ оставилъ обгорѣлыя и ограбленныя улицы и вывелъ войско въ лагерь, въ поле, за городъ. Отсюда онъ сталъ управлять занятой мѣстностью, какъ полководецъ въ завоеванной странѣ: отражалъ летучія ватаги для взятія Балты и Палѣева-Озера, ставилъ въ городахъ коммисаровъ и выдавалъ купцамъ и странникамъ пропускные

билеты, именуя свой отрядъ запорожскимъ войскомъ, посланнымъ, яко бы, по указу императрицы Екатерины, для наказанія возставшихъ поляковъ. Были взяты и сожжены гайдамаками города: Грановъ, Тульчинъ, Гайсинъ, Басовка, Ладыжинъ и многіе другіе.

Вѣсть о разбояхъ новообъявленнаго смилянскаго князя скоро дошла въ Шаргородъ, помѣстье короннаго гетмана, Ксаверія Браницкаго. Графъ Ксаверій въ то время уже оставилъ барскихъ конфедератовъ, перешелъ на сторону короля и угощалъ у себя русскаго генерала Кречетникова и его офицеровъ. Ему удалось уговорить Кречетникова выступить на усмиреніе самозваннаго смилянскаго князя. Русскій генералъ, не дождавшись высланнаго противъ конфедератовъ Суворова, стянулъ изъ Елисаветградской провинціи въ Шаргородъ три эскадрона гусаръ, каргопольскій драгунскій и московскій карабинерный полки, а также знатную команду донскихъ кампанейскихъ казаковъ, и немедленно двинулся къ Умани.

Коменданты смежныхъ русскихъ крѣпостей еще въ маѣ дали знать въ Кошъ-на-Подпольной, что множество запорожцевъ „побросавъ зимовники и рыболовные притоны въ низовьяхъ Буга и Днѣпра, бѣжали на грабительство въ Польшу“. Теперь кошеваго извѣстили, что вождь гайдамаковъ, запорожецъ Желѣзнякъ, прельщая къ бунту на помѣщиковъ темный украинскій народъ, разглашаетъ, будто онъ дѣйствуетъ по указу императрицы, для чего всѣмъ показываетъ, писанный по-русски, подложный манифестъ, съ фальшивою печатью и скрѣпой самого Калнышевскаго. Это же подтвердили и бывшіе по торговымъ дѣламъ въ Сѣчи уманцы Остапъ Поломанный и Остапъ Бочка.

Перепуганный кошевой, созвавъ раду, выслалъ въ степь и въ низовые лиманы трехъ опытныхъ старшинъ, съ полками, для безотложной ловли и привода въ Сѣчь бродившихъ по границамъ гайдамаковъ. Касательно Желѣзняка, русскимъ властямъ было отвѣчено, что хотя онъ и сынъ женатаго запорожца и жилъ нѣкоторое время въ тимошевскомъ куренѣ, но что въ послѣдніе годы онъ больше „ходилъ въ пѣхоту“, т.-е. разбойничалъ, въ Польшѣ и „шинковалъ“ водкой въ Очаковѣ и у крымскихъ границъ.

Кречетниковъ, подойдя къ Умани, разбилъ свой лагерь, рядомъ съ гайдамацкимъ. Произошло его свиданіе и знакомство съ Гонтой и Желѣзнякомъ.

— Такъ и вы, пане генералъ, противъ ляховъ?

— Да, мы присланы усмирять конфедератовъ.

— Ну, пойдемъ же въ Бердичевъ, — тамъ еще не ставили висѣлицъ.

Кречетниковъ обѣщалъ совмѣстный походъ.

— Я васъ подчивалъ ренскимъ и венгерскимъ, — сказалъ онъ, пируя въ своемъ лагерѣ съ гайдамаками:—теперь вашъ чередъ; угости, Гочта, меня и мой штабъ у себя вишнёвкою.

Новый уманскій губернаторъ согласился. Онъ пригласилъ Кречетникова, изъ села Бабанки, гдѣ помѣщался гайдамацкій таборъ, къ себѣ въ ближнюю дачу, Росушки.

Желѣзнякъ былъ догадливѣе. Какъ истый сынъ Дикаго-Поля, едва увидя русскаго генерала, онъ сразу понялъ своимъ запорожскимъ чутьемъ, что его смилянскому княжеству и украинскому гетманству пришелъ конецъ. Умолчавъ о своемъ подозрѣніи передъ Гонтой, онъ ночью разбудилъ своихъ охранителей и тайно бѣжалъ въ степь къ Очакову. Съ нимъ скрылись Журба, Шпакъ, Неживой и Односумъ.

— Ой, паны-братцы, наварили мы доброй варе́ной, да какъ-то она выпьется?—сказалъ Гонта, почесывая чубъ, когда ему сказали о бѣгствѣ Желѣзняка:—но ужъ коли гулять съ москалями, то закуримъ такъ, чтобъ и московскому чорту стало тошно!

Гонта на-славу угостилъ вишнёвкой въ Росушкахъ Кречетникова и его штабъ, но еще больше угостился самъ съ своею старшиной. Казаки такъ сильно пили, что къ ночи не только самъ губернаторъ, его атаманы и есаулы, но и часовые у губернаторской ставки были мертвецки пьяны.

Кречетниковъ съ вечера получилъ вѣсть, что посланные ему въ помощь русскіе гусары и карабинеры близятся къ Умани, съ отрядомъ Браницкаго. Когда въ лагерѣ всѣ уснули, онъ подалъ условный знакъ. Его драгуны и донцы прежде всего спугнули табунъ гайдамацкихъ лошадей и прогнали его въ поле, а потомъ, мимо спящихъ часовыхъ, вошли съ веревками въ ставку Гонты, связали его, Швачку и главныхъ ихъ пособниковъ, заковали всѣхъ въ цѣпи, а добычу ихъ забрали.

Не повезло, впрочемъ, и Желѣзняку. Онъ съ полсотней примкнувшихъ къ нему товарищей, въ началѣ іюля, былъ выслѣженъ разъѣздами состоявшаго на русской службѣ, командира желтыхъ новороссійскихъ гусаръ, сербскаго полковника Чорбы. Въ стычкѣ съ Чорбой сложили головы тридцать храбрѣйшихъ запорожцевъ, въ томъ числѣ Журба. Остальныхъ съ гетманомъ, смилянскимъ княземъ, также заковали въ цѣпи и послали на судъ не въ Сѣчь, а въ Польшу.

Гонта, Шпакъ, Односумъ, Неживой и съ ними болѣе тысячи, приставшихъ къ запорожцамъ, польскихъ подданныхъ, по доставленіи въ Кіевъ, были оттуда, подъ сильнымъ карауломъ, отосланы къ Могилеву-на-Днѣстрѣ. Здѣсь у села Сербовъ, или Серебріи, стоялъ теперь регементарь польскихъ войскъ партіи украинской, графъ Браницкій. Съ наказнымъ или обозпымъ регементаремъ, Іосифомъ Стемп-

ковскимъ, онъ открылъ надъ плѣнными военный судъ. За возмущеніе народа, грабежъ Канева, Смѣлой, Богуслава и другихъ городовъ и за убійство въ разоренной Умани свыше восемнадцати тысячъ неповинныхъ польскихъ и еврейскихъ обывателей, въ томъ числѣ до трехсотъ помѣщиковъ, поссессоровъ, экономовъ, служилыхъ и неслужилыхъ шляхтичей, всѣ схваченные гайдамаки были присуждены къ смертной казни.

Гонту, какъ главнаго зачинщика, Стемпковскій привелъ въ лагерь подъ Серебріей. Здѣсь, въ присутствіи русскаго полковника Ширкова, въ теченіе трехъ дней, по приговору военнаго суда, съ живаго Гонты сперва сдирали кожу, а потомъ его четвертовали.

— Чѣмъ же мы хуже нашего батька, Хмѣльницкаго? — спросилъ Гонта на допросѣ Браницкаго: — одна всего разница: намъ не довелось, а тотъ васъ доканалъ.

— Брешешь, пёсъ! — отвѣтилъ вельможный графъ: — вашъ Богданко былъ Леопардусъ, отвагой левъ; а вы — злобные шакалы, разрыватели могилъ.

Когда катъ сталъ снимать первые ремни со спины Гонты, послѣдній не вытерпѣлъ.

— Гдѣ Желѣзнякъ?—крикнулъ онъ: — чего не кажетъ имъ того указа и печати...

Помощники ката бросились къ Гонтѣ и забили ему ротъ землей.

Новые Неронъ и Діоклетіанъ, Браницкій и Стемпковскій отрубили головы восьмистамъ гайдамакамъ. Эти головы долго смущали народъ, прибитыя гвоздями къ столбамъ въ дальнихъ деревняхъ. Остальныхъ польскіе мстители повѣсили, жгли имъ руки въ просмоленной паклѣ, или отсѣкали имъ по рукѣ и по ногѣ и такъ отпускали ихъ обратно въ Запорожье. Висѣлицы съ казненными казаками и хлопами стояли отъ Умани, Смѣлы и Лисянки вплоть до Львова въ Галичинѣ. Донынѣ дѣвушки окрестностей Лисянки и Умани держатся особаго обычая — вплетаютъ черныя ленты, вмѣсто алыхъ, въ уборы своихъ косъ...

Желѣзнякъ къ общему удивленію не былъ выданъ Браницкому. Его, какъ бобринецкаго обывателя, слѣдовательно, русскаго подданнаго, судили въ Россіи, въ Кіевѣ, продержали болѣе года въ тюрьмѣ и, когда всѣ смуты стихли, отослали на поселеніе за Уралъ.

Отецъ Односума, роменскій попъ, узнавъ объ участи, ожидавшей его сына, бросился съ мольбами къ графу Браницкому и отъ него— къ митрополиту въ Кіевъ, гдѣ его Аминадавъ учился и гдѣ тому, въ страхъ и въ примѣръ бурсѣ и Запорожью, было рѣшено его казнить въ присутствіи особо-командированнаго польскаго отряда карабинеровъ.

Отчаяніе и слезы стараго попа не тронули польскаго магната. Его

лицо поблѣднѣло и голосъ задрожалъ, при видѣ ненавистнаго просителя.

— Песья хлопская кровь по-песьи и умышляетъ! — сказалъ гордый графъ Ксаверій, даже не взглянувъ на валявшагося у его ногъ схизматика, украинскаго попа: — тебѣ самому сто барбаровъ всыпать! Пора вамъ покориться! Пристаньте на ѐдность, — другія будутъ рѣчи.

Кіевскій митрополитъ Арсеній поступилъ иначе. Ему въ это время донесли, что ретивый Стемпковскій, мимо воли графа, окружилъ съ солдатами мотронинскій монастырь, и будто игуменъ послѣдняго, Мельхиседекъ Яворскій, съ двумя монахами, несмотря на вынесенный серебряный подносъ — съ четырьмя тысячами злотыхъ, были живыми, передъ церковью, посажены на колъ. Владыко послалъ въ Могилевъ къ Браницкому келейника, прося графа замѣнить казнь молодаго, увлеченнаго злодѣями бурсака, ссылкой на каторгу, черезъ русскія власти, въ Сибирь.

— Тѣмъ паче, говорилъ, низко кланяясь сіятельному графу келейникъ, самъ роменскій уроженецъ: — что изъ всѣхъ приговоренныхъ къ шибенницѣ остались безъ казни только двое глупыхъ молодиковъ, Односумъ и Шпакъ...

— Хорошо глупство! — усмѣхнулся графъ, оправляя припомаженные, до ушей стрѣлами торчавшіе, усы: — такъ ихъ, собакъ, и по головѣ гладить?

— Притомъ же, — продолжалъ, еще ниже кланяясь, келейникъ: — и вашей милости солдатство не совсѣмъ обошлось съ освященнымъ игуменомъ Мельхиседекомъ. Идетъ эхо, что его тамъ зазорно казнили...

Новообращенный къ королю магнатъ трухнулъ: расправа его помощника, если слухъ былъ вѣренъ, превзошла данныя ему полномочія. Притомъ и уѣхать графу давно хотѣлось, отъ скудной бивачной жизни Серебріи, въ свои помѣстья.

— Ну, мой коханый, — сказалъ графъ келейнику: — такъ и быть; вотъ тебѣ бумага въ Кіевъ, къ присланнымъ туда вашимъ кошевымъ властямъ. Мы здѣсь самолично казнили своихъ бунтовавшихъ хлоповъ. Ваши же запорожцы переданы русскому губернатору Воейкову, въ Кіевъ. Отдаю участь вашихъ бурсаковъ рѣшенію вашей кошевой старшины. И если коренной и дѣвбышъ, по вашимъ свычаямъ и обычаямъ, найдутъ умѣстнымъ ослабить наказаніе этому псу, я прекословить не мушу. Я былъ лишь главнымъ инстипаторомъ, обвинителемъ; исполнители — ваша старшина...

Перваго августа, на горѣ за Кіевомъ, была назначена казнь Односума. Черезъ два дня была очередь Шпака.

Владычный келейникъ примчался въ Кіевъ за два часа до казни Односума. Не выпрягая коней, онъ съ его отцемъ бросился къ ку-

ренному Черному. Прочтя цидулку Браницкаго, Черный позвалъ дѣвбыша, посовѣтовался съ ними и, по запорожскому обычаю, уважая ходатайство польскаго главнокомандующаго, охотно послалъ къ палачу свой перначъ, въ знакъ избавленія осужденнаго отъ казни.

Бодро и весело, ничего не зная о прощеніи, взошелъ Аминадавъ, или, по бурсацкой кличкѣ, Авва Односумъ, на помостъ. Взглянувъ на войско и толпы народа, онъ вспомнилъ Богуславъ, Звенигородску, Смѣлу, дымящіяся польскія села, кучи добычи, рѣки крови и проткнутаго его копьемъ, нарядного и красиваго жениха губернаторской дочки...

— А что, брàтику, можно-бъ покурить?—спросилъ онъ, обращая къ палачу блѣдное, изнуренное тюрьмой лицо.

Палачъ далъ ему трубку.

— Прощай, друже,—сказалъ Односумъ стоявшему въ цѣпяхъ у помоста Шпаку.

— Прощай,—отвѣтилъ Акимъ.

— А помнишь бурсу? Qui talia non videt vix popides sortem, mox venit ad mortem... Кланяйся братьямъ сѣромàхамъ, кланяйся всѣмъ!

Командиръ карабинеровъ махнулъ платкомъ.

Палачъ взялъ у Односума трубку, привязалъ его къ плахѣ, обнажилъ ему спину и взялъ изъ-за голенища ножъ.

— Вотъ точно комашки кусаютъ,—сказалъ Аминадавъ, взглянувъ на кровь, побѣжавшую по его плечамъ:—такъ и дѣдъ мой, царство ему небесное, скончался въ ляшскихъ рукахъ, и прадѣдъ,—славный былъ есаулъ... Такъ и мнѣ хотѣлось сподобиться.

Гонецъ, съ перначемъ куреннаго, пріѣхалъ обратно въ Кіевъ; за нимъ отцу Аввы на телѣгѣ привезли еще теплое, бездыханное тѣло сына.

Наступала очередь Шпака.

VIII.

Царскосельскій вистъ.

Кіевское, болѣе польское, чѣмъ русское, тогдашнее высшее общество, было взволновано участью казненнаго Аввы. Толковали, что карабинерный капитанъ, завидѣвъ скачущаго гонца, нарочно далъ знакъ палачу, и тотъ скорѣе покончилъ съ Односумомъ.

— Предатель, извергъ!—вопили возмущенные шляхтичи и шляхтянки, не пропускавшіе, впрочемъ, ни одной казни запорожцевъ:—онъ пятнаетъ честь арміи! самъ бездушный катъ и людоѣдъ!

Командиръ карабинеровъ былъ такъ преслѣдуемъ общимъ него-

дованіемъ, что долженъ былъ взять отпускъ и немедля выѣхать изъ Кіева.

Никто не говорилъ и не вспоминалъ о Шпакѣ. Сирота безъ роду и племени, онъ зналъ участь, ждавшую пойманныхъ гайдамаковъ, и ни откуда не ожидалъ себѣ спасенія.

— Злодѣя́ка, харцы́зъ! — рычали на него тюремные сторожа: — какъ вложишь голову въ петлю, вспомнишь загубленныхъ тобой...

Акиму вспоминалось иное. Онъ спасъ панночку, но гдѣ она? жива ли сама? и если жива, то знаетъ ли о его казни? Куда знать и заботиться панамъ о ничтожномъ запорожцѣ!

Вечеромъ, наканунѣ казни, къ куренному Черному пришелъ какой-то парень. Онъ положилъ на столъ хлѣбъ и поклонился въ поясъ.

— Что̀ тебѣ? — спросилъ куренной.

— Къ вашей милости: позвольте прислать сватовъ.

— Какъ сватовъ?

— У ляховъ въ тюрьмѣ сидитъ нашъ хлопецъ, Шпакъ.

— Ну, сидитъ.

— Такъ какъ бы его женить?

— Ты, видно, одурѣлъ? ему завтра голову нести въ петлю, а онъ — о свадьбѣ!

— Э, пане куренной! для того-то и нужно бы его просватать. Вашей милости не безъ вѣдома и доволѣ извѣстно, что когда, по нашему закону, не то что гдѣ, а даже у самой ши̇бенницы, какая, положимъ, баба, или дѣвка объявитъ, что хочетъ выйти за осужденнаго, то катъ не смѣетъ его тронуть и отдаетъ его той дѣвкѣ или бабѣ. А притомъ и самъ Младановичъ, чтобъ его на томъ свѣтѣ перевернуло, пережениль не мало нашихъ, осужденныхъ къ смерти, и населилъ ими у себя хутора.

— Ну, братъ, проваливай! не мо̀жу о томъ трактовать... Времена не тѣ, и мѣсто не подхожее. Вздумалъ шутить у самого во̀лка въ зубахъ! Гдѣ у чорта найти теперь такую бабу?

Парень почесалъ за ухомъ, поклонился и обернулся къ двери.

— Постой, хлопче, какъ тебя звать? — спросилъ куренной, что̀-то вспоминая.

— До̀рошъ Недоля.

— Такъ это ты, собачій сынъ, тогда сидѣлъ въ нашей пушкарнѣ, и, когда отбили васъ, шелъ на кошеваго?

— Съ тобою, пане, съ тобою, — проговорилъ вполголоса, оглядываясь, Недоля.

— Да я не о томъ, — вдругъ смягчился куренной: — тяжкія были времена. Скажи, гдѣ пропадалъ до этой поры?

— На Бога работалъ.

— Гдѣ?

— Въ брацлавской тюрьмѣ у ляховъ насидѣлся.

— Такъ не увернулся-таки, поймали?

— Въ Винницѣ. Только я ушелъ и доѣхалъ сюда съ греками.

Куренной разспросилъ подробнѣе и, глядя на здоровенныя ноги, плечи и грудь Недоли, въ недоумѣніи даже посвисталъ, — какъ его могли поймать? Пораздумавъ, онъ пошелъ съ нимъ къ довбышу, потомъ къ другому куренному, Ногаю.

— Да гдѣ-жъ ты, въ этой окольности, найдешь такую охотницу?— спросилъ Дороша и куренной Ногай: — не знаешь города? не знаешь городскихъ щебетухъ? онѣ завтра всѣ повалятъ на гору, какъ на торгъ; притомъ писано только объ Односумѣ; да хоть и самъ владыко о немъ просилъ, а что̀ вышло.

— Думай, какъ знаешь, — рѣшилъ Черный: — мы не противъ дѣдовскихъ обычаевъ; только врядъ ли выгоритъ твое дѣло. Былъ у генералъ-губернатора Воейкова?

— Былъ.

— Что же онъ? Θедоръ Матвѣевичъ добрый человѣкъ...

— Хорошъ добрый человѣкъ! — его гусары выгнали меня въ шею.

Бѣжавшій съ Акимомъ изъ бурсы, Недоля хорошо зналъ Кіевъ. Онъ, чѣмъ свѣтъ, на другой день, побывалъ въ лаврѣ, но не засталъ митрополита. Владыко съ вечера выѣхалъ куда-то по епархіи. Тогда Недоля пришелъ на базаръ и три раза прокричалъ среди пробуждающейся площади:

— Люди добрые! сегодня казнятъ запорожца Акима Шпака... А чи нѣтъ ли между вами дѣвки, или хоть бабы-вдовы, чтобъ вѣнцомъ спасти молодюгу? Красивый, да статный парень...

Жиды и жидовки, ладя свои столы и лавки, мало обращали вниманія на крики Дороша.

„Пропадетъ! ни за лысаго дѣда пропадетъ бѣдный хлопецъ, да притомъ еще какой!“ — разсуждалъ Недоля, видя, что время летитъ и въ холодѣ ясной, утренней августовской зари, спѣша на гору, куда уже, по обычаю, валомъ-валилъ народъ, ѣхали цугомъ городскіе рыдваны и коляски и, обгоняя другъ друга, гарцовали нарядные польскіе всадники, вчера еще такъ роптавшіе на отмѣненную казнь Односума.

Говоръ о запорожскомъ обычаѣ, спасавшемъ осужденныхъ на смерть, отъ жидовскихъ хиба̀рокъ и лавчёнокъ съ базара перешелъ въ толпу народа, спѣшившаго къ мѣсту казни. Толковала чернь, толковали и горожане-шляхтичи.

— Вотъ, пани Мадьяна, вамъ бы выйти за несчастнаго запорожца! — шутилъ краснощекій, затянутый въ рюмочку, гусаръ, гало-

пируя, мимо рыдвана пани Венгерѣвой, къ заграничной раззолоченной коляскѣ красавицы-княгини Любомирской.

— Слышали, панна Зося? и вы, мамзель Рошамбо̀?—перекликались изъ экипажа въ экипажъ другіе щеголи:—обвѣнчаетесь съ бравымъ хлопцемъ, уѣдете съ нимъ въ Дикое-Поле и забудете насъ.

Толпа бросилась къ дорогѣ. Подъ горой послышалось щелканье бича, скрипъ колесъ и бряцанье сабель. Въ кругъ, замыкаемый карабинерами, подъ конвоемъ тюремной стражи, взбиралась телѣга. На ней сидѣлъ, закованный въ цѣпи, запорожецъ.

Шпака ссадили на землю, ввели въ кругъ солдатъ и передали палачу. Тотъ снялъ съ него кандалы, связалъ ему назадъ руки и поставилъ подъ висѣлицу.

„Поганая напослѣдокъ смерть!“ — подумалъ Шпакъ, окидывая смутнымъ взглядомъ гору, еще тонувшій въ утренней мглѣ Кіевъ и напиравшій на войско народъ:—„я полагалъ—плаха, потомъ взмахъ топора... скверно! И я одинъ остался, одинъ... Некому будетъ и передать въ Сѣчу, какъ умиралъ, по настоянію ляховъ-злодѣевъ, вѣрный казакъ“.

— Добрые люди, слушайте!—раздался вдругъ въ толпѣ обрывавшійся, торопливый голосъ:—ужели такъ и не найдется между васъ дивчины, а не то и вдовы, чтобъ спасла бѣднаго человѣка?

Отвѣта не было. Къ говорившему бросились карабинеры. Палачъ накинулъ на Шпака веревку.

— Ой, пустите, пустите!—закричала, проталкиваясь изъ заднихъ рядовъ, чуть помнившая себя отъ волненія и спѣха, запыленная украинка-поселянка:—гдѣ тутъ паны-генералы? постойте!..

Она добѣжала къ офицеру, упала къ ногамъ его лошади и, хватая его за стремя, сказала:

— Панὶченьку мой, генеральчику! не казни этого хлопца, отдай его за меня! Не злодѣй онъ, Богомъ клянусь, не злодѣй...

Младшій карабинерный офицеръ, помня исторію съ капитаномъ, не зналъ что̀ дѣлать. Врученный ему приказъ, впрочемъ, былъ ясенъ. Онъ далъ шпоры лошади, понукая ее къ висѣлицѣ. Въ окружающей толпѣ раздался ропотъ, посыпались укоры, брань. Настроеніе высшей городской публики также измѣнилось.

— Соглашайтесь, — кричали изъ экипажей офицеру: — это ихъ древній, святой обычай.

— Великодушіе—краса человѣка! — отозвалась вдругъ княгиня Любомирская.

— Невластенъ, мосци-паны и вы, сіятельныя пани!—отвѣтилъ, кланяясь въ сторону княгини, офицеръ.

— Онъ дочку Младановича спасъ!—крикнула изъ всѣхъ силъ

нянька Вероники, Харитина, падая безъ чувствъ подъ копыта офицерскаго коня.

Нѣсколько свѣтскихъ всадниковъ, обнаживъ шпаги, бросились къ висѣлицѣ. Толпа оттѣснила карабинеровъ. Дамы плакали, махали платками и хлопали въ ладоши.

Осенью того же, 1768 года, передъ возвращеніемъ двора въ Петербургъ, въ Царскомъ-Селѣ, во внутреннихъ аппартаментахъ государыни, по обычаю, составился вечерній вистъ.

Это была китайская комната.

По сторонамъ ломбернаго, съ золотой отдѣлкой, стола, за картами сидѣли: императрица Екатерина, противъ нея—бывшій генералъ-прокуроръ, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, справа—недавно назначенный изъ секундъ-ротмистровъ гвардіи, дѣйствительный камергеръ Потемкинъ, а слѣва—на-дняхъ пріѣхавшій изъ Малороссіи, съ бумагами отъ тамошняго генералъ-губернатора и командира южной арміи, графа Румянцева, двадцати-трехъ-лѣтній, еще мало извѣстный Петербургу, правитель его канцеляріи, Александръ Андреевичъ Безбородко.

За картами бесѣдовали о новостяхъ дня, о новой комедіи государыни и о Малороссіи.

Нуклюжій, не по лѣтамъ плотный, румяный и терявшійся вблизи великой монархини, Безбородко, съ украинскимъ выговоромъ, передавалъ подробности о недавнемъ набѣгѣ запорожцевъ на Польшу. Его разсказъ о ловкомъ арестованіи Кречетниковымъ гайдамацкихъ вождей занялъ всѣхъ. Когда онъ перешелъ къ казнямъ Стемковскаго, государыня оставила карты и, съ видимымъ волненіемъ, слушала нѣсколько медленную, на книжный складъ, рѣчь украинца.

— Прощенный кіевскій арестантъ погибъ,—сказала государыня:—а что̀ же сталось съ его товарищемъ?

— Когда горожане прорвались къ висѣлицѣ, польскій ассистентъ-офицеръ былъ вынужденъ его уступить.

— И что̀ же, его обвѣнчали съ спасительницей?

— Съ мѣста казни онъ былъ переданъ запорожскимъ властямъ, въ тотъ же день обвѣнчанъ и, подъ стражей, отправленъ въ Сѣчу,—отвѣтилъ Безбородко:—кошевой извѣстилъ графа, что недавно этого запорожца, какъ женатаго, поселили въ зимовникѣ, на границѣ изюмскаго полка.

— Сущій романъ,—сказалъ Потемкинъ:—все здѣсь есть—случайная встрѣча, спасеніе комендантской дочери и благодарная фея, въ видѣ няни.

— Досужая басня,—брезгливо произнесъ, вертя табакерку, князь Вяземскій:—по всей видимости, вранье досужихъ языковъ.

— Ну, не говорите такъ, князь, о моихъ храбрыхъ запорожцахъ,—возразила Екатерина:—и я бы не прочь узнать дальнѣйшія авантюры въ судьбѣ героя и героини. Этотъ рыцарскій народъ имѣетъ столько привлекательныхъ достоинствъ, и все его прошлое—поучительная, полная живаго интереса, лѣтопись.

— Я болѣе скажу, ваше величество,—прибавилъ Потемкинъ:—если бы судьбѣ не было угодно, чтобы я имѣлъ счастье быть дѣйствительнымъ камергеромъ при особѣ моей монархини, я просилъ бы дозволенія... отпустить меня въ эти чудныя южныя степи, въ Сѣчь, о которой я такъ много слышалъ и думалъ, и записался бы въ запорожскіе казаки.

— Да, вѣдь, это разбойники, грубое мужичье, бунтовщики!—сказалъ Вяземскій:—съ кѣмъ, батюшка, думаете якшаться!

— Самый дорогой инструментъ, отвѣтилъ, вспыхнувъ, дрогнувшимъ голосомъ, еще не смѣлый среди дворскихъ свѣтилъ, Потемкинъ:—всякая невѣрно-натянутая струна можетъ издать фальшивый звукъ. Всѣ же, въ должномъ аккордѣ, инструменты представляютъ гармонически-цѣлый и ласкающій ухо концертъ... Все дѣло, смѣю увѣрить васъ, сударь, въ капельмейстерѣ...

Императрица привѣтливо улыбнулась. Игра въ карты снова началась.

„Да какой же ты, по истинѣ, тонкій и забѣсованный дипломатъ!—подумалъ Безбородко, съ завистливымъ вниманіемъ вглядываясь въ красивое и умное лицо Потемкина, о которомъ тогда уже начинали говорить:—разомъ польстилъ государынѣ и вогналъ булавку въ князя, противника коммиссіи, созванной для написанія проекта новаго уложенія:—депутаты, не безъ того, подъ-часъ хоть и фальшивятъ, а дѣло ведутъ дѣльно и умно“...

Осень, зиму и часть весны новаго, 1769 года, Шпакъ съ женою прожилъ въ дальнемъ зимовникѣ орельской паланки, въ Барвéнковой-Стѣнкѣ.

Мѣсяца черезъ три по его прибытіи сюда, изъ смежнаго изюмскаго полка заѣхалъ въ Барвéнково какой-то важный, напудренный, въ шляпѣ съ позументомъ и въ коричневомъ шелковомъ кафтанѣ, панъ. Говорили, что это пограничный коммиссаръ. Онъ сталъ узнавать о запорожцѣ, присланномъ изъ Кіева, и, когда ему указали жилье Шпака, подъѣхалъ къ его двору, вызвалъ Акима и его жену, о чемъ-то ихъ разспрашивалъ и, уѣзжая, оставилъ Шпачихѣ подарокъ, будто бы

присланный отъ самой царицы—нитку кораловъ, серебряный шейный крестъ и на кофту кусокъ алой тафты. Поселяне не вѣрили, чтобы подарокъ былъ изъ Петербурга.

— Панъ наѣзжалъ поглядѣть, какъ мы живемъ,—говорили они: —тѣ же дурни разболтались, ихъ и отдарили.

Лѣтомъ 1769 года, по объявленіи Россіей войны туркамъ, запорожскіе полки двинулись изъ Сѣчи къ Днѣстру, при арміи графа Румянцева, куда поспѣшилъ волонтеромъ и Потемкинъ.

Шпакъ не выдержалъ. Долго ходилъ онъ, ни къ чему не касаясь, думалъ-думалъ и рѣшилъ уйти за товарищами.

— Что̀ ты, Акиме, задумалъ?—молила его, отговаривая, жена:— ну, чѣмъ тебѣ тутъ не житьё? Посѣяли пшеницы, проса, посадили бакшу... опять же овцы, пчелы, раздобудемся на воловъ... Жилъ бы, да жилъ...

— Не мо̀жу, сердце, душа болитъ! такъ и тянетъ къ братчикамъ. Ночью звонъ кругомъ, крики, будто пальба. Побьемъ турокъ, за̀разъ вернусь...

— Не вернешься, голубе сизый! сердце чуетъ...

Шпакъ не послушалъ жены, бросилъ ее и новорожденнаго сына, Савку, и тайно ушелъ за роднымъ титаревскимъ куренемъ.

Прошло лѣто, новая зима и весна. Стали возвращаться изъ Туретчины раненые, больные. Въ Спасовку 1770 года, Шпачиха прослышала страшныя вѣсти. Одни говорили, что Акимъ заболѣлъ на Дунаѣ моровой язвой, весь почернѣлъ и умеръ; разсказчики даже лично видѣли, какъ его стянули желѣзнымъ крюкомъ въ общую могилу и зарыли. По другимъ слухамъ, раненый въ стычкѣ подъ Журжей, Шпакъ взятъ турками въ плѣнъ и, въ числѣ прочихъ невольниковъ, отосланъ въ цѣпяхъ за море, на какіе-то острова.

Харитѝна служила то панихиды, то молебны, и плакала день и ночь. Няньча Савку, она причитывала ему нѣжныя прозвища, ласкала и цѣловала его и, вынося его на край Барвѣнковой, на огромный курганъ, невдали отъ своей хаты, стояла тамъ неподвижно по часамъ, глядя въ степь и думая горькія думы.

— И глаза-то отцовскіе, и орлиный носъ, и весь-то ты, какъ самъ онъ, точно вольная птица!—говорила себѣ Шпачиха, смигивая слезы и всматриваясь въ быстроглазаго и носатаго непосѣду-мальченка:—но гдѣ самъ онъ, гдѣ? скажи ты мнѣ, малая, глупая дѣтина!

Такъ прошелъ годъ и два, и еще нѣсколько лѣтъ.

Турецкая война, имѣвшая развязкой славный кайнарджійскій миръ, близилась къ концу. Прогремѣло имя Суворова; рядомъ съ нимъ по

русскимъ городамъ и селамъ упоминалось и о Потемкинѣ. Но къ этому же времени, въ самой Россіи, начался и разросся грозный пугачовскій бунтъ.

Возвратясь по вызову императрицы въ Петербургъ, Потемкинъ подалъ Екатеринѣ мысль о посылкѣ за Волгу съ Дуная Суворова, и вскорѣ тотъ принялъ пойманнаго Михельсономъ Емельяна Пугачова и повезъ его въ желѣзной клѣткѣ въ Симбирскъ.

Запорожцы, какъ упомянуто о томъ въ грамотахъ, „оказавъ не мало услуги въ тылу русской арміи, у Очакова и Молдавскихъ границъ", возвратились на Днѣпръ.

Потемкинъ, ближе ознакомясь въ арміи Румянцева съ храбрыми запорожскими казаками, сдержалъ слово, данное за вистомъ въ Царскомъ-Селѣ. Онъ еще въ 1772 году, изъ молдавскаго лагеря на рѣкѣ Яловшицѣ, снесся съ кошевымъ Калнышевскимъ и записался въ войсковые товарищи кущевскаго куреня. Въ подражаніе входившему въ моду Потемкину, въ Сѣчу тогда же записались и другіе магнаты,— князь Прозоровскій, графы Петръ Панинъ, Девьеръ и Остерманъ, Кочубей, Стрекаловъ, и самъ усмиритель гайдамаковъ, графъ Ксаверій Браницкій.

Осенью 1774 года слободскіе, балаклейскіе колёсники, ѣдучи на ярмарку въ Барвѐнковку-Стѣнку, нашли вечеромъ, у брода на Торцѣ, бездыханнаго, въ нищенскомъ рубищѣ, человѣка. Когда они его подняли, кое-какъ отходили и привезли къ утру въ Барвѐнково, весь базаръ сбѣжался смотрѣть на него.

То былъ, ушедшій изъ пятилѣтняго турецкаго плѣна, Акимъ Шпакъ.

Назначенный новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, Потемкинъ не переставалъ любезничать съ сѣчевыми товарищами. Но въ то время, какъ онъ благосклонно-витіевато продолжалъ переписываться съ Кошемъ и осенью 1774 года исхлопоталъ ему разрѣшеніе прислать депутацію ко двору,—надъ Запорожьемъ собиралась грозная, нежданная бѣда...

IX.

Депутаты въ Москвѣ.

Въ сентябрѣ 1774 года, запорожская рада избрала и отправила съ челобитной къ императрицѣ депутатовъ,—есауловъ Сидора Бѣлаго и Логина Мощенскаго и новаго войсковаго писаря, Антона Головатаго.

Какъ нарочито „письменный" и рано пріучившійся къ войско-

вымъ дѣламъ, Головатый успѣлъ ознакомиться и съ столичными порядками. Шесть лѣтъ назадъ, состоя при боку кошеваго въ кущевскомъ куренѣ, онъ съ другими станичками ѣздилъ въ Петербургъ за полученіемъ запорожскаго жалованья и тамъ пріобрѣлъ знакомство нѣкоторыхъ вельможъ. Въ 1773 году онъ вторично ѣздилъ въ Петербургъ, съ прошеніемъ Коша, о недопущеніи дальнѣйшаго захвата войсковыхъ земель поселенными на границѣ сербами.

Въ эту вторую поѣздку, Головатый не имѣлъ особаго успѣха. Тогда сербы въ Петербургѣ были въ модѣ. Имъ всячески старались угождать. И хотя Головатаго въ столицѣ осыпали ласками, хвалили заслуги и вѣрность храбраго запорожскаго войска, тѣмъ не менѣе, посланцы кошеваго возвратились въ Сѣчь ни съ чѣмъ.

Третья депутація выѣхала изъ Коша въ сильную слякоть и стужу, въ началѣ октября 1774 г. Депутаты тронулись въ путь на восьми подводахъ, со свитой изъ двадцати рядовыхъ казаковъ. Кромѣ подарковъ, они везли съ собой списки съ поземельныхъ актовъ, гетманскихъ универсаловъ и царскихъ грамотъ. Въ полномочіи Коша депутатамъ поручалось хлопотать объ упраздненіи стѣснительныхъ сербскихъ поселеній и Новороссійской губерніи, а паче всего о возвратѣ Запорожью—„за его послуги“—всѣхъ прежнихъ вольностей, правъ и земель,—„какъ завоеванныхъ или занятыхъ войскомъ, по его черкасской обыкности, такъ и жалованныхъ и признанныхъ за нимъ прежними гетманами и монархами“.

Депутаты, выдержавъ на украинской линіи въ Царичанкѣ, у Орели, карантинъ, прибыли въ декабрѣ въ Москву, чтобъ отправиться далѣе. Но въ это время пришла вѣсть, что императорскій дворъ, всѣ присутствія и генералитетъ выѣхали изъ Петербурга. Запорожцы остались въ Москвѣ, куда вскорѣ прибыла Екатерина.

Государыня поселилась въ новопостроенномъ на этотъ случай дворцѣ, между Всесвятскихъ и Пречистенскихъ воротъ. Запорожцы, по милости знакомаго архимандрита, заняли квартиру въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Головатый тотчасъ, прибравшись и одѣвшись въ лучшій нарядъ, пустился нюхать воздухъ. Онъ ожидалъ, что имъ немедленно займутся. Въ древней русской столицѣ вѣяло, однако, инымъ. Москвѣ было не до нихъ. Тамъ въ это время судился пойманный Пугачовъ. Прошла недѣля, другая, мѣсяцъ,—о запорожцахъ никто не думалъ, и они не могли не только добиться резолюціи своему дѣлу, но даже и простой передачи „братчику“ Потемкину, или кому иному, составленныхъ ими просительныхъ „пунктовъ“.

Вспоминалъ Головатый недавнее прошлое и недоумѣвалъ. Давно ли Потемкинъ переписывался съ Сѣчью изъ молдавскаго лагеря? За-

писавшись въ войсковой реестръ, онъ тогда титуловалъ кошевого „милостивымъ батькомъ“ и завѣрялъ его вельможность „въ неуклонной и всегдашней своей готовности служить войску“, которое онъ „любитъ по совѣсти“.

Головатому, какъ писарю, была извѣстна цидулка, полгода назадъ пущенная Потемкинымъ, уже въ санѣ генералъ-губернатора, на имя Калнышевскаго. Въ ней буквально было написано слѣдующее: „Ясновельможный, мосцѣ-пане, кошевый, любезный мой батьку! Хоть не имѣю чести знать васъ самолично, но, будучи однокурѐнецъ, а теперь и сосѣдъ по губерніи, и вѣдая о стройномъ правимаго вами Коша содержаніи, за долгъ почелъ, въ знакъ всегдашней къ вамъ любви, послать къ вамъ карманные гзйгарки (часы) и оксамиту (бархату) на платье. Ни одного случая не оставлю, гдѣ предвижу доставить желаніямъ вашимъ выгоду. Кланяйтѐсь кущевскому куренному атаману, товарйству и всѣмъ сѣромáхамъ. Будь ласковъ, батько, пришли мнѣ гàрнаго (хорошаго) татарскаго коня, чтобъ казаковàть годился“.—На это письмо кошевой отвѣчалъ:—„Кланяюсь вельможному пану едною лошадью, на коей всѣ минувшія кумпаніи служилъ, съ сѣдломъ черкасскимъ, усердно желая ѣздить по благочестивому пути, притяжащимъ отъ всѣхъ удивительное геройство“.

Теперь въ Москвѣ Потемкинъ былъ тотъ и не тотъ.

Головатый и прочіе депутаты ходили вкругъ новороссійскаго генералъ-губернатора такъ и этакъ, та же мягкость и ласковость, и шутки въ обращеніи, тѣ же обѣщанія, а подъ-часъ смотритъ туча-тучей.

Заѣхалъ однажды Потемкинъ съ прогулки къ запорожцамъ, въ Новоспасскій монастырь. Онъ давно собирался отблагодарить ихъ, отъ имени государыни и своего, за привезенные дары,—мороженую и вяленую рыбу, сушеные плоды, греческое масло, лимонный сокъ, свѣжую икру, а также за коней,—бѣлаго, приведеннаго царицѣ, и „каштановатаго“—ему.

Стояла страшная стужа. Кремль глядѣлъ, какъ вылитый изъ серебра. Срывался вѣтеръ, порошилъ снѣгъ. Подкативъ въ бѣговыхъ саночкахъ, въ медвѣжьей черной шубѣ съ головой и въ рысьихъ котахъ, Потемкинъ увидѣлъ на крыльцѣ „сѣромаху“ — сторожа, курившаго на морозѣ тютюнѐцъ. „Это изъ свиты“, — подумалъ онъ, разглядывая сивую шапку и длинные усы сѣчевика.

— Чи дома куренный батько? — крикнулъ изъ саней Григорій Александровичъ.

— А вы кто будете?—спросилъ, не двигаясь и лѣниво его оглядывая, сторожъ.

— Вашъ братъ-нетяга, запорожецъ... а ты кто?

— Дòрошъ Недоля.

— Дома начальство?

— Побѣгли до прокурора.

— Ну, кланяйся,—сказалъ Потемкинъ:—передай, что пріѣзжалъ благодарить за подарки, а особенно за коней, какъ за цугового, такъ и верхового.

— Довезутъ, можетъ, до сената наши бумаги,—отвѣтилъ, запахиваясь, Дорошъ.

Шуба Потемкина заколыхалась; онъ разразился смѣхомъ.

— А на бандурѣ играешь?

— Что же, доброму человѣку можно.

— Такъ передай же куренному,—сказалъ, уѣзжая, Григорій Александровичъ:—пріѣзжалъ войсковой товарищъ, Грицько Нечоса... Такъ и скажи.

— Чую,—отвѣтилъ Недоля, глядя вслѣдъ убѣгавшимъ санямъ.

Въ тотъ же день отвѣтъ запорожца сталъ извѣстенъ императрицѣ и всему двору. Екатерина много смѣялась и, подозвавъ Вяземскаго, приказала ему принять и разсмотрѣть челобитную депутатовъ.

— Напрасно медлили,—сказала она:—ихъ прошеніе пріѣхало на такой знатной парѣ.

Готовясь нести челобитную, запорожцы одѣлись въ бѣлые, суконные кунтуши съ откидными рукавами, нацѣпили къ бокамъ отбитые у турокъ сабли и ятаганы, а изъ-подъ сѣрыхъ шапокъ выпустили по гладко-выбритымъ черепамъ длинные чубы. Всѣ во дворцѣ любовались ихъ смуглыми, хмурыми лицами, гордостью лѣнивыхъ движеній и находчивыми отвѣтами. Они торжественно, въ парадной залѣ, подали генералъ-прокурору челобитную, смѣло прошли по вереницѣ раззолоченныхъ комнатъ и, возвратясь въ монастырь, полагали, что теперь-то выгоритъ ихъ дѣло.

Оказалось наоборотъ. Потянулись скучные дни невѣдѣнія и прежнихъ тревогъ.

Депутаты еженедѣльно посылали по почтѣ одни и тѣ же жалобныя донесенія Кошу. „Подали мы прошеніе царскому оку, генералъ-прокурору Вяземскому, тотъ обѣщалъ доложить царицѣ, но не знаемъ, доложилъ или нѣтъ. Роздали присланныя цидулки и „генералитетамъ“ — генералитеты только завѣрили, что границами отъ сербовъ, волоховъ и всякихъ чужаковъ обижены не будемъ и безъ земель не останемся. Вся надежда на великаго пана нашего братчика Грицька“.— Посылали депутаты съ нарочными въ Кошъ и тайныя письма. Въ нихъ они иносказательно излагали свое положеніе. „Бѣда, вельможный батько! Все перемѣнилось возлѣ милосердной царицы, и намъ къ ней, видно, не дойти. У пана Грицька въ компатахъ, отъ просителей на насъ, не продути, такъ густо, только отдымайся. Всѣмъ онъ верховодитъ; и всѣ

оттого сидятъ въ *потемкахъ; орламъ* крылья урѣзаны; Панинъ владѣетъ великою *паней* и зѣло не долюбливаетъ нашего борщу; на царскомъ *окѣ* мы какъ бѣльмо; а присланный сюда, отъ Румянцева, въ кабинетные секретари, нашъ землякъ Безбородко, хоть еще и безъ бороды, но уже выростилъ, подъ расшитыми фалдами, длинный лисій хвостъ и вертитъ имъ, собака его знаетъ, чи на нашу гибель, чи на добро".

Десятаго января 1775 года въ Москвѣ состоялась казнь Пугачова. Древняя столица успокоилась. Вслѣдъ затѣмъ начались празднества въ честь побѣднаго мира съ Турціей. Когда пили тосты за героевъ послѣдней войны, вспомнили и о неоконченномъ дѣлѣ запорожцевъ.

Потемкинъ призвалъ депутатовъ. Онъ вышелъ къ нимъ сумрачный, не въ духѣ.

— Оставьте ваши глупыя, чрезмѣрныя домогательства,—сказалъ онъ имъ, покусывая ногти:—ну, куда мѣтите? Сидите спокойно, хозяйничайте въ своихъ зимовникахъ и не давайте вашимъ сорванцамъ бросать рыбныя ловли и уходить на грабительство въ Польшу. Ваше уманское дѣло вотъ гдѣ у насъ сидитъ,—прибавилъ Потемкинъ, указывая на свой бѣлый, полный, въ кружевной оторочкѣ, затылокъ: — а хоть бы и ваши дунайцы?.. Что̀ скажете?

— Осмѣлимся доложить,—возразилъ, кланяясь, первый депутатъ, старикъ Сидоръ Бѣлый:—вамъ невѣрно сказано о дунайцахъ...

— Невѣрно? — спросилъ Потемкинъ.

— А именно, пане!—продолжалъ Бѣлый:—какая въ свѣтѣ ложь! Они, бѣдные, по причинѣ судьбы, остались безъ лодокъ; а хотя-бъ и пошли, какъ вамъ доложено, на грабежъ,—что̀ они, пѣшіе, съ собой занесутъ?

— Знаю я ваши ухватки,—перебилъ Потемкинъ:—въ Туретчинѣ наглядѣлся вдоволь. Пѣшкомъ пойдете, а за поясомъ узда, въ са̀квахъ еще двѣ,—то будутъ, съ этою сбруей, и кони, и всякая добыча на вьюкахъ. Все знаю, все... Читалъ я и выборку изъ вашихъ дѣлъ...

— То-то и горе, вельможный пане,—отвѣтилъ второй депутатъ, Логинъ Мощенскій: — худыя дѣла въ Сѣчи ваши писаря въ докладъ вписываютъ широко, а добрыя мелко... Ну, и рябитъ въ глазахъ одними худыми.

— А отчего вы не хотѣли говорить о землякахъ съ посланнымъ къ вамъ Чертковымъ?

— Да онъ, сказать вашей милости, — такъ скоро ѣздилъ по межамъ, что мы бы на панихъ коняхъ и не догнали.

— Въ чемъ ваши главныя претензіи?—спросилъ, какъ бы смягчившійся Потемкинъ:—говорите откровенно.

— Наши боятся,—отвѣтилъ писарь Головатый:—чтобъ не забрали подъ Новую Сербію остальныхъ запорожскихъ, батьковскихъ и дѣ-

довскихъ земель. И чѣмъ чужаки-сербы лучше своихъ запорожцевъ? Сегодня пришли къ намъ отъ турка и цесарцевъ, завтра отъ насъ пойдутъ къ нимъ.

— Не даромъ ты, Антонъ, учился въ кіевской бурсѣ Цицерону,— сказалъ Потемкинъ:—и, подобно мнѣ, думалъ даже поступить въ попы. Ты, какъ слышу, женился и держишь жену въ зимовникѣ, а все хитрый, завзятый запорожецъ. О вашихъ претензіяхъ я думаю иное.

— Въ чемъ ваша думка? — спросилъ, приготовясь слушать, Головатый.

— А вотъ въ чемъ... Вы всѣ, черти, молодцы, и нельзя васъ не любить, только — берегись!.. У всѣхъ васъ одна мысль: ослабили мы турку и ляха, какъ бы теперь и того дурня, москаля, въ шпоры убрать?.. Вѣдь, такъ, такъ?

Депутаты молча и растерянно переглянулись. Потемкинъ зашагалъ по комнатѣ.

— Ну, братчики, москаля вамъ въ шпоры не убрать! — сказалъ онъ, становясь передъ депутатами:—крѣпко брыкается, бѣсовъ кацапъ! И лучше его не замайте! Я внимательно разберу ваши бумаги; а вы тѣмъ временемъ заходите ко мнѣ. Ну, положимъ, завтра можете?

— Можемъ.

— Такъ заходите, господа, на стаканъ пунша и на добрую бесѣду, да позовите и вашего бандуриста. Покажу васъ кое-кому...

Еще вечеромъ, собираясь къ Потемкину, депутаты узнали непріятную новость. Въ то утро въ Москву привезли нѣсколько запорожцевъ, въ томъ числѣ писаря орельской паланки, Вермúнку. Обвиняемые въ разореніи и сожженіи сербскаго хутора, у зимовника Лиховки, они были посажены подъ караулъ преображенскаго полка. Потемкинъ встрѣтилъ ихъ укоризнами.

— Охъ, дорвётесь вы до того,—сказалъ онъ:—что станете намъ хуже турка, и тогда я вамъ не защитникъ. И съ чего вы взяли самовольничать? Да знаете ли, чтò васъ за это ждетъ?

Вечерній пуншъ становился горше полыни. Но въ передней послышался звонъ бандуры, которую ладилъ Дòрошъ Недоля, Потемкинъ оставилъ укоры. Лобъ его разгладился, глаза повеселѣли и стали ласковы. Онъ повелъ гостей во внутреннія комнаты, гдѣ имъ подали дессертъ. Явились нѣкоторые изъ придворныхъ; вошли Стрекаловъ, Петръ Панинъ и Безбородко; за ними показался важный, въ огромномъ парикѣ, Вяземскій. Начались разспросы о запорожскихъ обычаяхъ, преданіяхъ. Былъ позванъ Недоля.

— Дòроше, а ну! — подмигнулъ ему писарь Головатый.

Недоля ударилъ по струнамъ, взмахнулъ откидными рукавами кунтуша и, наигрывая, пустился въ такую, съ выкрутами и топотомъ,

присядку, что степенные депутаты не вытерпѣли и тоже, глядя на него, постукивали сапогами.

— Молодцы, друзья-казаки!—сказалъ Потемкинъ, когда плясунъ кончилъ:—только слушайте еще разъ,—живите дружно съ сосѣдями, особенно съ сербами... Помните, они наши сродники и пришли къ намъ изъ любви.

— Всѣ богатаго дурня любятъ,—проговорилъ, будто про себя, отиравшій бритую лысину, Недоля.

— А! это ты, что на дарёныхъ коняхъ думалъ въ сенатъ скорѣе доѣхать?—произнесъ съ улыбкой, узнавъ его, Потемкинъ:—такъ не любите, господа, сербовъ?

— Гдѣ ихъ, пане, любить,—отвѣтилъ куренной Мощенскій:—у насъ и пѣсни есть о нихъ.

— Ну-ка, спой.

Недоля заигралъ опять бандуру. Головатый дѣлалъ ему знаки.

— Да не бойся, пой—поддержалъ Безбородко.

Недоля взялъ опять веселую и запѣлъ:

„Чомъ сербина не любить?
Чи то-жъ не хороші́й?
— Очи сини, якъ у жабы,
Самъ на чорта схожій..."

— А! какова обрисовка?—сказалъ по-французски Вяземскій Потемкину, который особенно проводилъ мысль о заселеніи южныхъ степей турецкими и австрійскими выходцами.

— Они ссорятся,—отвѣтилъ на томъ же языкѣ Потемкинъ:—слѣдовательно, намъ безопасны. Ваше же любимое правило: divide et impera...

Депутаты пожелали взглянуть на кабинетъ хозяина. Здѣсь они остановились передъ портретомъ императрицы.

— Мàмо! нèнька-жъ ты наша!—произнесъ Сидоръ Бѣлый, вглядываясь въ портретъ:—когда-жъ ты насъ пустишь предъ собственныя ясныя очи?

— А это жалованныя мнѣ государыней чернильница и перо,—сказалъ Потемкинъ, какъ-бы не разслышавъ словъ Бѣлаго.

— И этимъ перомъ она подписывала указы?

— Да...

Моценскій вытеръ о кунтушъ руку, бережно взялъ перо, молча его поцѣловалъ и передалъ для той же цѣли товарищамъ.

Стрекаловъ и Панинъ, перешептываясь на софѣ, смотрѣли на нихъ съ усмѣшкой, Вяземскій—съ презрѣніемъ.

Депутаты, при выходѣ изъ кабинета, обратили вниманіе на портреты нѣкоторыхъ вельможъ.

— Великіе, великіе господа!—сказалъ Бѣлый, качая головой: — и гдѣ такіе родятся?

— А какъ думаешь, гдѣ?—спросилъ изъ угла комнаты Вяземскій.

Бѣлый смѣшался.

— Въ Петербургѣ да въ Москвѣ,—отвѣтилъ, выручая товарища, Головатый.

— А гдѣ умираютъ?—спросилъ Панинъ.

Депутаты, переглядываясь, не находили отвѣта.

— Въ Сибири,—отвѣтилъ стоявшій у порога Недоля.

— Et voilà, messieurs, les ·zaporogues, vos fidèles amis et camarades!—сказалъ генералъ-прокуроръ Вяземскій, уѣзжая съ вечера Потемкина:—оно любопытно, слова нѣтъ! только, батюшка, Григорій Александровичъ, я вамъ не разъ говорилъ — не доведутъ васъ до добра эти ваши, съ виду простые, украинскіе друзья.

X.

Погромъ Сѣчи.

На Недолю напустились товарищи.

— И какъ можно было такъ отвѣтить великому пану?—говорилъ ему писарь Головатый.

— Да что-жъ я сказалъ? — защищался Дђрошъ: — они спросили, я и отвѣтилъ, по-правдѣ.

— Оно такъ, — разсуждали депутаты: — только, вишь, какъ оно, чортъ бы его побралъ, вышло.

Недолю отправили съ письмами въ Кошъ.

„Новая бѣда, вельможный батько!—писалъ Головатый Калнышевскому: — былъ намъ на вечерѣ у Потемкина, за писаря Вермѝнку, хорошій пуншъ, а за напоминаніе на утро о нашихъ пунктахъ—такой пиръ, что донынѣ въ головѣ непросыпный хмѣль. Мы, неотпадшимъ духомъ, просили его милость кончить съ нами, хоть до поста. А онъ отвѣтилъ: „Не кучьте! Развѣ до васъ однихъ дѣло!“ Мы выставляли резонты, что даромъ проживаемся, не уѣхать ли вспять? — А онъ какъ крикнетъ: „пошлется грамота въ Сѣчь, чтобы на отвѣтъ прибылъ самъ кошевой!“ И про вашу вельможность врагами донесено министеріи, будто вы обзаводитесь такими модными покоями, какихъ никогда не бывало на Сѣчи,—и будто въ недавнее время вы продали въ Крымъ четырнадцать тысячъ овецъ, по два битыхъ рубля. На наши грамоты отъ турецкихъ султановъ, гетмановъ и прежнихъ царей никто и не смотритъ. И теперь мы ходимъ отъ министра къ

министру, какъ угорѣлые въ банѣ; всѣ отговариваются,—дѣло-де не наше, и шлютъ къ другимъ. И, какъ видимъ, всѣ наши нужды на волѣ Божьей. А посланецъ, орельской паланки казакъ Недоля, объяснитъ вамъ, какъ о вечерѣ, такъ и о прочемъ".

Это было послѣднимъ письмомъ депутатовъ изъ Москвы.

Конецъ весны и лѣто 1775 года императрица провела близъ Москвы, въ загородномъ коломенскомъ дворцѣ.

Былъ сѣренькій, съ мелкимъ дождемъ, майскій день. Екатерины нездоровилось. Вечерній вистъ, въ ея отсутствіи, собрался въ помѣщеніи Потемкина.

И опять, какъ семь лѣтъ назадъ — въ Царскомъ Селѣ, за ломбернымъ столомъ сидѣли тѣ же лица: князь Вяземскій, Безбородко и самъ Потемкинъ; четвертымъ партнеромъ, вмѣсто государыни, былъ недавній покоритель Пугачова, графъ Петръ Панинъ.

Потемкину въ этотъ вечеръ особенно не везло. Онъ то-и-дѣло проигрывалъ.

— Ну-съ, Григорій Александровичъ, какъ ваши друзья-запорожцы? — спросилъ Панинъ, одинъ въ это время позволявшій себѣ еще нѣкоторыя вольности съ хозяиномъ:—вы, простите, вѣчно ищете розы въ морозы. Скоро ли ваши буяны справятъ новую уманскую рѣзню?

— Запорожскіе буяны, графъ, мнѣ не друзья,—съ досадой, тасуя карты, отмѣнно, впрочемъ, вѣжливо, отвѣтилъ Потемкинъ: — вы, безъ сомнѣнія, шутить изволите. Но если зашла рѣчь о запорожцахъ, то скажу прямо, дѣйствительно настала пора принять мѣры...

— Какія?—спросилъ Панинъ.

Зная, что Потемкинъ долго въ тотъ день бесѣдовалъ съ императрицей, всѣ обратили на него глаза.

— Надо постараться, и я приму мѣры,—сказалъ, заторопившись и вспыхнувъ, Потемкинъ:—чтобъ на Днѣпрѣ, чтобъ въ порученномъ мнѣ новомъ краѣ и не пахло буйствомъ прошлыхъ временъ.

Партнеры нѣкоторое время молчали.

— Да-съ,—проговорилъ Панинъ:—надо сознаться, долго сносили и терпѣли этотъ постыдный, дикій, противогосударственный союзъ. Запорожцы въ нашъ вѣкъ — тѣ же разбойники, шотландскіе кла̀ны. Они безполезны, ненужны: ихъ время прошло.

— Мало того,—произнесъ Вяземскій: — это противолюдское сонмище безмѣрно вредно. Кто они?—дерзкіе, наглые добычники, отвергатели собственности, власти, даже семьи. Въ слѣпомъ упоеніи воли, они притомъ дерзаютъ ставить препоны намѣреніямъ Творца въ размноженіи не токмо добрыхъ нравовъ, но и самого человѣчества...

— Договаривайте, князь, — прибавилъ, съ гордой усмѣшкой, Панинъ: — эти забытые въ нашемъ отечествѣ грабители и убійцы, въ невѣжествѣ и дикости страстей, даже не чувствуютъ позора своихъ дѣяній.

— Я всегда говорилъ,—продолжалъ Вяземскій:—это опаснѣйшіе сектанты, тѣ же раскольничьи изувѣры и ничуть не лучше масоновъ; ежедневно служатъ обѣдни, а спаиваютъ своихъ поповъ и тутъ же ихъ оскорбляютъ.

„Какъ измѣнились времена!“ — подумалъ кабинетный секретарь Безбородко, вспоминая Царское-Село: — „тогда одинъ нападалъ на нихъ, теперь—всѣ...“

— Но эти, по-вашему, князь, добычники и чуть не масоны, — рѣшился возразить Безбородко:—эти разбойники,—не говоря о прошломъ—такъ еще недавно помогали нашей арміи... Заслуги Рубана въ низовьяхъ Днѣстра, храбраго Кулика...

Потемкинъ внимательно взглянулъ на Безбородко.

— Я осмѣлюсь еще прибавить,—продолжалъ кабинетный секретарь:—отчего оригинальнымъ, древнимъ учрежденіямъ не предоставить развитія въ любопытной, по мѣстности, силѣ и красотѣ?..

— О, мой хохликъ,—съ добродушной улыбкой сказалъ Панинъ, потрепавъ Безбородко по плечу:—вамъ простительно это говорить, — судятъ вашихъ земляковъ; намъ, сударь, этого не простятъ...

— Долгъ гражданина, оберегателя чистыхъ нравовъ, — впереди всего, — заключилъ онъ: — а запорожцы, — да что и говорить? — бывъ и подъ турками, и подъ Польшей, дѣлали одно: вѣчно бунтовали противъ властей... И всѣ мелкія кляузы, дрязги, поземельные споры...

— Ну, батюшка-графъ, извините меня!—возразилъ Потемкинъ:— упорная защита своего въ каждомъ понятна; а вы, чай, и самые походы на турецкихъ палачей вмѣните имъ въ государственные проступки?

Сказавъ это, Григорій Александровичъ стасовалъ колоду, хотѣлъ сдавать и остановился.

— Много здѣсь трактовано,—сказалъ онъ:—дѣльныхъ для блага народа и монархини мыслей; но я не слышалъ одной и самой главной...

Побѣдитель Пугачова, Панинъ, съ боярской сановитостью, вопросительно и нѣсколько насмѣшливо посмотрѣлъ на новое, восходившее свѣтило двора.

— На Волгѣ, между донскими и яицкими казаками, — продолжалъ, оживляясь, Потемкинъ:—къ общему горю, были Разинъ и Пугачовъ... Я, батюшка-графъ, аттестуя вполнѣ ваши отмѣнныя въ искорененіи послѣдняго бунта заслуги, отнюдь не предоставлю нашимъ преемникамъ подобныхъ лавровъ на Днѣпрѣ... Я, какъ всѣмъ

вѣдомо, былъ расположенъ къ запорожцамъ, но не къ ихъ буйству... Отнынѣ же, государи мои — ручаюсь въ томъ—никому на Днѣпрѣ не пригрезится ни злодѣй Разинъ, ни Емелька Пугачовъ... Да-съ, ручаюсь въ томъ...

Четвертаго іюня 1775 года, на троицкую недѣлю, русскій корпусъ венгерскаго выходца, генералъ-поручика серба Петра Текели, съ валашскими и венгерскими полками другого серба, ганералъ-маіора Ѳедора Чорбы, двинулся къ Днѣпровскимъ порогамъ. Въ этомъ корпусѣ было пятьдесятъ полковъ конницы,—пикинеровъ, гусаръ и донцовъ,—и десять тысячъ пѣхоты. Войско раздѣлилось на отряды и безъ огласки, занимая по пути главныя села, съ четырехъ сторонъ подошло къ Сѣчи.

Празднуя зеленыя святки, запорожцы увидѣли нежданныхъ гостей, когда они уже стали на возвышенностяхъ вокругъ Коша.

— Чтò, дѣти, будемъ дѣлать?—спросилъ кошевой Калнышевскій, разглядѣвъ изъ окна передовые пикеты арміи: — то, вѣрно, царское войско пришло, чтобъ звать насъ опять на турокъ?

— Нѣтъ, батько, - отвѣтили вбѣжавшіе съ поля казаки:—русскіе не зовутъ насъ на турокъ! ихъ пушки нацѣлены горлами противъ Коша...

— Чтò-жъ мы, паны-атаманы, и вы, братья-молодцы, станемъ дѣлать? — спросилъ Калнышевскій: — ужли такъ и отдадимъ нашу матерь-Сѣчь?

— Ни, тому не быть, пока свѣтъ солнца!—крикнули запорожцы:—кто въ Бога вѣруетъ, за сабли! Чи можно-жъ такъ, за спасибо отдать все славное Запорожье? Бей въ набатъ, собирай войско... Передавимъ москалей, какъ мухъ...

— Э, братцы,—отвѣтилъ, почесывая сѣдой чубъ, Калнышевскій:—тѣ мухи—охъ!—крылатыя и больно кусаются. Надо прежде обо всемъ, какъ слѣдъ, развѣдать.

Горбоносый, худой и длинный сербъ, Петръ Абрамовичъ Текели, былъ опытный вояка. Офицеръ австрійской службы, онъ перешелъ въ русскую армію, гдѣ получилъ гусарскій полкъ. Съ командиромъ донскаго отряда, землякомъ Ѳедоромъ Чорбой, онъ отличился при усмиреніи Пугачова, и теперь пятидесяти-пяти лѣтъ, былъ генералъ-поручикомъ и кавалеромъ Георгія и Анны первой степени.

Подойдя ночью, Текели разбилъ свою ставку на холмѣ, въ двухъ верстахъ отъ Сѣчи. Едва разсвѣло, онъ отрядилъ полковника Мисюрёва звать къ себѣ кошевое начальство. Въ то же время орловскій пѣхотный полкъ Языкова и эскадронъ пикинеровъ барона Розена прошли предмѣстьемъ Гассанъ-паши и безъ выстрѣла заняли Новосѣченскій ретраншементъ.—„Часовые были“,—какъ потомъ доносилъ Текели:—„заняты въ упражненіи сна“.

Кошевой, завидя, что артиллерія и суда въ гавани отрѣзаны и

что вездѣ на улицахъ появились „пристойные отъ гостей караулы“, взялъ съ собой судью Головатаго и писаря Глобу и пошелъ съ хлѣбомъ-солью въ поле.

— Это ужъ не дурнйца,—сказалъ онъ на прощаньи казакамъ:—то—гости такіе, что, подойдя къ нимъ, врядъ ли и назадъ вернешься... Быть тому такъ... Боже поможи! что̀ будетъ, то будетъ...

Два Петра встрѣтились въ лагерѣ на холмѣ,—сербъ Петръ Абрамовичъ Текели и запорожецъ Петръ Ивановичъ Калнышевскій.

Войдя въ генеральскую ставку, кошевой вспомнилъ о третьемъ Петрѣ, Великомъ.—„Былъ бы ты живъ“,—подумалъ онъ:—„не случилось бы того, что̀ вижу“.

— Ну, братушка, здравствуй! — сказалъ Текели: — какъ живутъ твои запорожники?

— Ничего, пане, живемъ себѣ по-малу.

— А что̀, господа? — произнесъ съ усмѣшкой сербъ:—это вамъ за Хорвата, Шевича и Штерича. Хорошъ гостинецъ?

Произнеся это, онъ указалъ изъ ставки на раскинутые по холмамъ пушки и полки.

— То было, пане, давно,—отвѣтилъ, кланяясь, Калнышевскій:—и охота вамъ про то вспоминать? Наши казаки поднимали оружіе токмо противъ незаконно влазящихъ въ ихъ землю и худо̀бу пришельцевъ. Скажите на милость: когда-бъ мы пришли въ вашу сербскую палестину и стали васъ гнать оттуда, какъ съ куросадни куръ,—ужли бы вы не раскуда́хтались?.. А теперь, какъ завгодно нашей матери-царицѣ, мы и всѣ—подъ ея властною рукой.

— То-то, запорожники, бѣсъ васъ пойметъ!—произнесъ Текели:—идите обратно; разберу самъ ваши дѣла.

Пока запорожское начальство было въ лагерѣ, отрядъ русской пѣхоты спокойно занялъ пороховой и денежный погреба Сѣчи, войсковую канцелярію и острогъ. Пушки, порохъ и кошевой архивъ были немедленно вывезены изъ крѣпости въ поле. Запорожцы бродили по базару и предмѣстью, собираясь въ кучи и толкуя, что̀ имъ дѣлать. Начальство возвратилось. Войску объявили указъ императрицы и предложили сложить оружіе.

Сѣчь зашумѣла.

— Измѣна, подво̀хъ!—закричали въ волненіи казаки:—насъ предало начальство, поставилъ подъ пушки Калнышъ.

— Нѣтъ, братцы-молодцы,—отвѣтили кошевой и куренные атаманы постарше:—не продавали мы васъ,—то сами увидите, а лучше покоримся, безъ пролитія братской крови. Русскіе окружили Сѣчь; а прежде они заняли всѣ наши слободы, пала̀нки и хутора. Не сда-

димся, — пропадутъ наши пожитки, а у кого есть жены и дѣти, — сербы все предадутъ огню и мечу.

Кошевого и атамановъ не послушались. Ропотъ возрасталъ болѣе и болѣе.

— За сабли, хлопцы, за мушкеты!—крикнула толпа, направляясь къ куренямъ.

— Убойтесь Бога, — произнесъ, выйдя на площадь, соборный архимандритъ Сокальскій:—вы христіане и поднимаете руку на христіанъ... Вотъ вамъ крестъ—всѣ погибнете, если не сдадитесь... Лучше просите милости великой монархини...

Женатые запорожцы одумались первые.

— Ну, панъ-отче,—сказали казаки:—быть тому такъ! Незачѣмъ неповиннымъ класть изъ-за насъ головы.

Войско послушало старшину и выдало оружіе.

— Успокоились? — спросилъ Текели посланныхъ отъ Калнышевскаго:—ну, и дѣло. А теперь ведите насъ въ гости; хочу посмотрѣть на ваше житьё.

Текели и Чорба со штабомъ обошли курени, крѣпость, гавань и отобѣдали изъ деревянныхъ мисокъ, деревянными ложками, въ жилищѣ кошевого, кущевскомъ куренѣ.

— Вкусно ѣдите, хоть и по простотѣ,—сказалъ долговязый сербъ-генералъ, обращаясь къ Калнышевскому.

— Хоть съ корыта—да до сыта, а вы, пане, хоть и съ блюда—да до худа!—отвѣтилъ ему куренной атаманъ Строцъ.

На-утро Текели опять потребовалъ въ лагерь кошевого, писаря и судью. Судья не явился по болѣзни. Калнышевскому и Глобѣ Текели приказалъ готовиться, и въ тотъ же день оба они, вопреки заступничеству болѣе мягкаго Чорба, были отправлены подъ конвоемъ въ Петербургъ. Чорба, какъ говорили, имѣлъ при этомъ такую перепалку съ товарищемъ, что они хватались за сабли и чуть не дошли до кровавой расправы.

Впослѣдствіи стало извѣстно, что Калнышевскій изъявилъ желаніе постричься въ иноки и былъ препровожденъ въ Соловецкій, а Глоба—въ Бѣлозерскій тобольскій монастырь.

Текели сталъ твердою ногой въ атакованной Сѣчи и началъ вводить новые порядки. Эти мѣры сильно не понравились запорожцамъ. Особенно имъ претили паспорты. Безъ билета никуда ихъ больше не пускали.

Спустя недѣлю-другую, къ генералу сошлось съ полсотни человѣкъ.

— Что вамъ?—спросилъ Текели.

— Пустите, добродію, на заработки.

— Куда?

— Въ Тилигулъ.

— А что̀ это за Тилигулъ?

— Рыбныя тони на морѣ.

— Зачѣмъ такъ далеко?

— Обносились, пане, въ недолѣ; ни сорочки, ни чоботъ, ни штановъ; надо подушное, да и панамъ удѣлить хоть мало...

— Идите,—отвѣтилъ Текели, подумавъ.

— Только вотъ что̀, пане, эти пачпорты... мы ихъ съ роду не видѣли и не умѣемъ читать... Дайте одинъ билетъ на всѣхъ.

— Сколько васъ?

— Пятьдесятъ человѣкъ.

— Ну, согласенъ, берите.

Получивъ пропускъ, запорожцы сладили въ камышахъ челны и баркасы, собрались ночью въ числѣ тысячи человѣкъ и, нагрузивъ лодки, до зари зашумѣли веслами въ Тилигулъ.

Спустя день-другой, явилась новая ватага сѣрома́хъ, получила такой же билетъ на полсотню, и съ нимъ уплыла вторая тысяча. За этими—третья, четвертая и остальныя.

Офицеры, державшіе караулы по окрестнымъ холмамъ, вскорѣ замѣтили странную пустоту въ Кошѣ. Послали провѣдать и узнали, что тамъ остались только слѣпые, хромые и старики.

Донесли начальству.

— Куда-жъ дѣлись прочіе? гдѣ ваше войско, старшина?—закричалъ Текели, призвавъ къ себѣ сѣдого, сгорбленнаго дѣда.

— Какъ, пане, гдѣ?—отвѣтилъ дѣдъ:—оружіе и прочее отъ насъ отобрали, не стало и войска. Одни, кто женатъ, разбрелись по зимовникамъ; остальные, сироты—ушли, видно, до турка...

Текели рванулъ себя съ досады за усы и разразился сербскими проклятіями.

Изъ тринадцати тысячъ запорожцевъ на Дунай, къ туркамъ, перешло двѣнадцать тысячъ человѣкъ. Изъ Петербурга явился фельдъегерь. Командованіе завоеванною Сѣчью было, вмѣсто Текели, передано князю Прозоровскому.

Мысль вывести запорожцевъ и разселить въ другихъ мѣстахъ Россіи, о чемъ англійскій резидентъ писалъ въ то время изъ Петербурга въ Лондонъ министру Суффольку, не удалась. Запорожцы выселились сами.

XI.

Барвенкова-стѣнка.

Между тѣмъ, Шпакъ не думалъ спастись изъ турецкаго плѣна. Ему помогъ случай. Турецкая кочерма̀, на которой онъ состоялъ за матроса, была потоплена греческимъ корсаромъ. Въ числѣ другихъ невольниковъ, взятыхъ съ кочермы́, онъ нѣкоторое время плавалъ съ греками. У Сулинскаго гирла онъ кинулся вплавь въ камыши, перебрался на лѣвый берегъ Дуная и нѣсколько недѣль былъ за работника у некрасовцевъ. Несмотря на ихъ увѣщанія остаться въ благодатныхъ палестинахъ „салтана-царя", онъ бросилъ некрасовцевъ и тайно ушелъ обратно на Днѣпръ.

Подпольную Шпакъ на этотъ разъ обошелъ.—„Не та стала степь!"—сказалъ онъ себѣ, приглядываясь кругомъ:—„не узна̀ли-бы ее отцы и дѣды".—Сколько напахано земли! Всѣ идутъ въ гречкосѣи... Пойду и я въ зимовникъ; если въ эти годы померла жена, можетъ, въ живыхъ остался сынъ. Довольно бурлаковать! поклонюсь землѣ-матери, чтобъ уродила хлѣба и мнѣ".

Въ степяхъ была тишина. Дикое-Поле не оглашалось болѣе громкими криками: „за вѣру, братцы, за вѣру!" Тамъ, гдѣ Швачка, Лусконогъ и буйный, безпощадный Шелестъ носились на коняхъ, собирая братчиковъ Христа славить въ Турціи и мѣнять въ Польшѣ кожухи на шелковые жупаны,—тамъ мирно зрѣли золотыя нивы и ходили въ ярмѣ круторогіе волы. Не видно было у рѣкъ и овраговъ воинскихъ становъ съ ночными окликами часовыхъ: „Славенъ городъ Полтава! славенъ городъ Ромны!" Мелькали копья пикинеровъ, желтые и черные гусары, треуголки и шпаги уѣздныхъ коммиссаровъ...

Шпакъ вспомнилъ, идучи на родину, недавнее прошлое. Уманская рѣзня встала передъ нимъ, какъ на-яву. Поляки обливали горячей смолой украинскихъ церковниковъ, сыпали имъ за голенища раскаленные уголья, вбивали имъ въ темя гвозди, допытываясь мірской казны. Украинцы разграбили уманскій польскій соборъ, и раненый ксендзъ Костецкій, подбирая съ земли разбросанные святые дары, былъ добитъ палками и брошенъ въ канаву. Шпакъ вспоминалъ Гонту и Желѣзняка, когда они топтали въ улицахъ конями связанныхъ еврейскихъ дѣтей. Красавица-еврейка Брейла не вынесла поруганія и сама бросила въ рѣку свое дитя. Жиды-купцы принесли Гонтѣ богатый выкупъ; казаки взяли деньги и выбросили жидовъ изъ оконъ. Ученый старый еврей, Балъ-Арпюлъ, спрятался въ погребѣ съ дочкой; дочь взяли, а отцу на порогѣ погреба отрубили голову. Вспоминалъ Шпакъ послѣдніе часы

уманскаго погрома, какъ побѣдители-казаки, снимая лохмотья и рваные лапти, надѣвали желтые и красные, со шпорами, сафьяные сапоги и, сидя въ шелковыхъ мантіяхъ на алтарѣ, пили изъ католическихъ священныхъ сосудовъ водку и наливки. Въ лагерѣ стоялъ гулъ отъ веселыхъ пѣсень, плясокъ и карточной игры.

Запустѣли теперь рѣки Тясминъ и Турія. Слѣпой кобзарь Вòлохъ, сопровождавшій ватаги Желѣзняка, былъ Браницкимъ сожженъ въ Серебріи.— „Не будетъ болѣе старая собака“,—сказалъ графъ:—„воспѣвать измѣнника Гонту и его пособниковъ“.—Гонта передъ казнью ссылался на то, что онъ—нобилитованный шляхтичъ, „дворянинъ“.— „Ты аки неблагодарный пёсъ“,—отвѣтилъ ему графъ:—„кусалъ руку благодѣтеля, своего господина“, и велѣлъ, надѣвъ на бывшаго хлопа вѣрючій листъ, благословеніе Мельхиседека, снять съ его головы кожу, а потомъ отрубить ему руки и ноги. Гонта, по народному сказанію, обернулъ окровавленную голову, страшно взглянулъ съ плахи на польскаго графа обезображенными, угасающими глазами, и грозно раздались послѣднія слова уманскаго мстителя-хлопа: „Отзовутся на тебѣ, пане-графе, и на твоей Польшѣ всѣ наши муки, вся пролитая вами, злодѣями-панами, наша кровь!“

Побираясь милостыней и прячась отъ коммиссаровъ и воинскихъ командъ, Шпакъ добрелъ до рѣки Торца, очутился въ Барвѣнковой стѣнкѣ.

Жена Акима была жива. Савкѣ пошелъ пятый годъ.

Харитина чуть не умерла отъ радости. Шпаки оправили хату, вспахали брошенную полосу, посѣяли и зажили такъ, что вся Барвѣнкова на нихъ радовалась.

Прошумѣло „руйнованіе“ — разгромъ Сѣчи. Оно отозвалось на Украйнѣ, въ Польшѣ и Литвѣ. Съ Днѣпра по Россіи шли вѣсти объ отобраніи въ Кошѣ оружія, боевыхъ припасовъ и всего войсковаго добра. Старшинское имущество, ихъ хутора, скотъ и весь скарбъ были описаны и проданы съ торга на казну. Общественныя стада пожалованы поселеннымъ въ степяхъ валахамъ, грекамъ и арнаутамъ. Церковная утварь—облаченія, хоругви и книги—отосланы въ новопостроенный Николаевъ. Крѣпости обращены въ села, паланки въ уѣзды, и въ нихъ назначены военные командиры изъ сербовъ и донскихъ старшинъ. Вмѣсто Сѣрка, Калныша, Швачекъ, Бочекъ, Зозуль и Неживыхъ, явились безконечные Ивановы и Сидоровы, а съ ними земляки Хорвата и Шевича,—Депрерадовичи, Милорадовичи, Пестичи, Вукотичи и Никорйцы.

Преемникъ Текели, князь Прозоровскій, получилъ въ даръ округъ въ сто тысячъ десятинъ пустопорожней земли въ Дикомъ-Полѣ, съ островами и плавнями на Днѣпрѣ и съ селомъ Половицей, нынѣшнимъ Ека-

теринославомъ; генералъ-прокуроръ Вяземскій—столько же, и въ томъ числѣ и обѣ знаменитыя Сѣчи, на рѣкахъ Хортицѣ и Подпольной у Днѣпра.

Тайный поголовный уходъ въ Турцію почти всѣхъ строевыхъ запорожцевъ сильно взволновалъ Шпака. Заслышавъ, вслѣдъ за прибытіемъ Текели, что казаки въ скрытности, въ плавняхъ и камышахъ, готовятъ лодки и баркасы для побѣга, онъ осѣдлалъ коня и тайно отъ жены поѣхалъ на рѣку Орелъ, гдѣ на дьячковскомъ хуторѣ проживалъ, также женившійся тою весною, Недоля.

— А что, Дороше, скучно тебѣ?

— Скучно.

— И Москва не понравилась?

— Куда! тамъ народъ все разсчетливый и наровитъ надуть. Рѣдко гдѣ и горѣлкой поподчуютъ.

— Такъ не закивать ли и намъ пятками, за товарищами, подъ турка?

— А и то правда.

Запорожцы стали совѣщаться, для чего даже вышли изъ хаты и отправились въ хлѣвъ. Но ихъ рѣчи, все-таки, подслушала молодайка Недоли. Поднялись бабьи попреки, слезы, крики. Дѣло сразу разстроилось. Шпакъ возвратился въ Барвенково.

— Оно точно,—разсуждалъ Акимъ:—затѣяно неладно, и было бы совѣстно передъ хозяйкой, что безъ нея рѣшалъ. Надо выждать слуха, какъ живется нашимъ у турка... Охъ, славныя мѣста за Дунаемъ,— и не все-жъ у турокъ цѣпи да бичи...

Лѣто 1776 года было на исходѣ. У Шпака на-диво выколосилась красная пшеница-гирка, а овесъ и просо выросли по плечи. Въ саду, выхоленномъ Харитиной, уродилось гибель яблоковъ, дуль и сливъ; а за курганомъ, на бакшѣ, поспѣло столько арбузовъ и дынь, что Акимъ поставилъ въ полѣ шалашъ и съ винтовкою по ночамъ стерегъ его отъ прохожаго народа.

— Продамъ бакшу на ярмаркѣ,—размышлялъ Шпакъ: — справлю жинкѣ и сыну на зиму по новой кожушинѣ.

Но надъ Шпаками стряслась бѣда.

Однажды, передъ вечеромъ, мимо Акимовой бакши ѣхалъ обозъ важнаго пана, назначеннаго командиромъ на Орелъ. Конвойные бросились съ дороги на арбузы. Шпакъ пригрозилъ палкой, а далѣе, когда воры не послушались, выстрѣлилъ холостымъ зарядомъ изъ ружья. Тѣ — на телѣги и ускакали.

Въ тотъ же вечеръ къ Шпакамъ въ гости и на помощь по уборкѣ бакши обѣщалъ пріѣхать съ женой, шурьями и сосѣдями Недоля.

— Что это, Акиме, ты тамъ палилъ изъ винтовки? — спросилъ его пріятель: — по дрохвамъ, чи по гусямъ?

— То такія, братику, дрохвы, — отвѣтилъ Шпакъ: — что совѣтую всѣмъ вамъ не класть ружей далеко, коли ихъ взяли съ собой.

Хозяева и гости поужинали, потолковали и, загасивъ огонь, легли спать: Акимъ съ семьей на сѣновалѣ, гости — въ хатѣ.

Дворъ Шпака стоялъ на отшибѣ, вдали отъ поселка. Сложенный изъ дикаго камня заборъ, примыкая съ одной стороны къ полю, съ другой — къ обрыву надъ Торцомъ, окружалъ небольшой, покатый дворъ, садъ и огородъ. Отъ рѣки садъ отдѣлялся вербами. Ворота, по тогдашнему смутному времени, были постоянно на запорѣ. Ночь стояла темная, вѣтреная. Было не далеко до разсвѣта. Срывался дождь.

— Отворяй, собака! — раздалось въ потьмахъ.

Шпакъ вскочилъ, перекрестился, разбудилъ жену; оба они вышли изъ сарая. Въ темнотѣ кто-то стучалъ въ ворота.

— Не подчивалъ даромъ кавунами, — давай теперь за гроши! — продолжалъ тотъ же голосъ.

За воротами фыркали лошади, переговаривалось нѣсколько человѣкъ.

— Братцы, вставайте! — сказалъ Шпакъ, вбѣгая въ хату къ гостямъ: — недобрые люди ломятся въ дворъ. Берите мушкеты и что̀ у кого есть; только по-малу, чтобъ сразу не разстрѣлять зарядовъ и насъ не накрыли бы, какъ малыхъ утятъ.

Запорожцамъ такое нападеніе было не въ диковинку. Они мигомъ попрятали женъ и дѣтей въ погребъ и въ пустую камору, заложили окна хаты подушками, ворота и двери подперли бревнами и стали ждать.

— Не отпираешь, чортовъ сынъ? не прогнѣвайся! — крикнулъ кто-то, перелѣзая черезъ заборъ.

Шпакъ спустилъ курокъ. Въ отблескѣ выстрѣла было видно, какъ здоровенная, съ дубиной, фигура, взмахнувъ руками, повалилась обратно за заборъ.

— Такъ вотъ ты какъ? — отозвалось нѣсколько голосовъ: — будешь теперь помнить! живаго не выпустимъ. Есть жинка — давай и жинку; есть дитя — и его заколемъ!..

Нападающіе смолкли, будто удалились. Но вскорѣ захрустѣли сучья у рѣки. Часть грабителей спустилась къ огороду, обходя дворъ Акима въ тылъ.

— Это какъ мы въ Умани! — невольно вспомнилъ Шпакъ,

— Гляди, гляди! — шепталъ Недоля.

Посыпались искры. Кто-то у вербъ махалъ пучкомъ соломы, очевидно собираясь поджечь ближнюю овечью закуту.

— А-ну! — проговорилъ Шпакъ.

Запорожцы разомъ выпалили изъ трехъ ружей. Отъ воротъ и снизу отъ рѣки раздались отвѣтные выстрѣлы.

— Бѣда, братцы, конвойные гусары! — сказалъ Шпакъ, разглядѣвъ нападающихъ:—теперь пуще берегите заряды! То—сербы пана Никорицы...

— А что, гусятники, хлѣборобы? — кричали нападающіе: — выходи, кто смѣетъ! выпустимъ и намотаемъ на шею кишки...

Раздались новые выстрѣлы. Пуля пробила подушку Харитины, за которой у окна стоялъ, заряжая, сосѣдъ Недоли, Лопатка. Онъ упалъ съ прострѣленной рукой. За нимъ въ сараѣ была ранена въ голову чья-то жена. Даже въ погребѣ шальная пуля положила на смерть чье-то трехлѣтнее, кудрявое и пузатое дитя. Выстрѣлы пронизывали окна, крышу и глиняныя стѣны. Загорѣлась овечья клѣть, за нею стогъ сѣна.

— Свинцу, голубе! хоть пуговокъ!—крикнулъ Недоля, вбѣгая въ сѣни, изъ которыхъ ловко отстрѣливался Шпакъ:—убитъ Кушка. Самойло Нещадимъ хрипитъ подъ лавкою.

— Ни свинцу, ни пороху! — отвѣтилъ Шпакъ: — вонъ сабля... Подъ печкой былъ топоръ...

„Кто ожидалъ!“—думалъ тѣмъ временемъ Акимъ:—„развѣ мы о бокъ съ ляхами? и черезъ рѣку Звенигородка и Каневъ, а не Изюмскій уѣздъ“...

Сквозь порывы вѣтра отъ села донесся звонъ колокола. Барве́нковцы не слышали выстрѣловъ. Но кто-то, проснувшись, увидѣлъ вдали, надъ дворомъ Шпака, зарево, добѣжалъ до колокольни, схватился за веревку и ударилъ въ набатъ.

Нападающіе, заслышавъ погоню, дали послѣдній залпъ по хатѣ Акима, подобрали своихъ раненыхъ и скрылись.

На барве́нковскомъ кладбищѣ схоронили двухъ запорожцевъ, ихъ бабу и дитя.

Шпакъ и Недоля, потолковавъ съ женами, рѣшили оставить Торецъ и Орель; уѣздному начальству они объявили, что, по бывшей съ ними „помѐжѣ“ и убыткамъ отъ „незнаемыхъ людей“, они идутъ плотничать въ Николаевъ. Продавъ свою худо́бу, пріятели взяли по горсти родной степной земли, зашили ее въ ла́донки и пошли Дикимъ-Полемъ, знакомымъ сиротскимъ путемъ, къ Черному морю.

Былъ конецъ октября. Погода стояла дивная, теплая, почти весенняя.

До́рошъ Недоля шелъ одинъ. Его жена, дьячковская дочь, отказалась слѣдовать за нимъ. — „Будетъ тебѣ хорошо, — сказала она: —

тогда зови и меня". — Шпакъ шелъ съ женою и сыномъ. Самъ онъ несъ торбу съ одёжей и хлѣбомъ, косу на плечѣ и топоръ за поясомъ, жена вела за руку Савку. Босой, рѣзвый и носатый мальчикъ то-и-дѣло гонялся за степными птицами, которыя, чуя близкую зиму, шумными крикливыми стаями собирались въ отлетъ.

— Такъ за Дунай, къ туркамъ? — спросилъ Шпакъ товарища, когда они, миновавъ всякіе кордоны, пикеты и дозоры, добрались къ Черному морю и въ Кинбурнѣ добыли себѣ челнъ: — не я тебѣ, братику, говорилъ?

Недоля только кивнулъ головой.

Они сѣли къ весламъ, сняли шапки, перекрестились и оглянулись на родныя синѣющія степи.

Востроносый, ходкій челнъ запрыгалъ по пѣнистымъ морскимъ гребешкамъ...

Прошло сто лѣтъ.

„Дикое-Поле" запорожцевъ населилось новыми деревнями, мѣстечками, городами. Послѣдняя запорожская Сѣчь, перемѣнивъ нѣсколько владѣльцевъ, въ недавнее время была въ собственности петербургскаго банкира Штиглица.

Степи пересѣклись желѣзными дорогами — азовскою, одесскою и севастопольскою. Украинскіе бандуристы и кобзари, еще не такъ давно славившіе запорожцевъ, вымерли. На Днѣпрѣ никто болѣе въ народѣ не помнитъ ни Калнышевскаго, ни Головатаго, ни ихъ остальныхъ товарищей.

Послѣдній кошевой, Калнышевскій, прожилъ въ Соловецкомъ монастырѣ около тридцати лѣтъ. Освобожденный при воцареніи императора Павла, онъ не пожелалъ оставить обители и въ 1803 году, въ царствованіе Александра I, умеръ іеромонахомъ. Онъ не разставался съ часами, подаркомъ Потемкина, и, указывая на нихъ, говорилъ: „были и мы когда-то въ силѣ, были людьми".

...„Невысокъ ростомъ, сѣдастый волосъ обсѣкся" — такъ описывали въ старые годы бывшаго кошевого посѣтители Соловковъ. Девяносто-лѣтній старикъ Калнышевскій два раза въ годъ, на Рождество и на Пасху, допускался въ общую монастырскую трапезу. Въ долгополомъ синемъ кафтанѣ, съ мелкими пуговками, до пятъ, онъ входилъ съ костылемъ и не садился.

— Кто ныньче царствуетъ? — спрашивалъ онъ монаховъ: — хорошо ли живутъ люди и какія льготы на свѣтѣ?

— Иди, старецъ, не смущай братій, — говорили ему начальники иноковъ: — ты древенъ сталъ, что̀ тебѣ? — землей пахнешь!

Въ 1828 году императоръ Николай воевалъ съ Турціей. Русскія войска подошли къ Дунаю. Запорожцы, носившіе у турокъ названіе буджакскихъ казаковъ, вспомнили родину, изъ которой бѣжали пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Весь ихъ задунайскій кошъ, на сорока-двухъ огромныхъ лодкахъ, прошелъ въ море, а оттуда Килійскимъ гирломъ и Дунаемъ—въ Измаилъ. Кошевой, Осипъ Ивановичъ Гладкій, положилъ къ ногамъ императора Николая булаву, саблю и шапку, съ султанскими фирманами на вольность.

— Просимъ ваше величество,—сказалъ онъ:—за себя, за товарищей и за нашихъ предковъ—простить насъ и забыть наши глупыя дѣла.

— Вы не подражали некрасовцамъ,—отвѣтилъ государь:—не шли подъ знаменемъ невѣрныхъ и не вносили на родину мстительнаго меча и огня. Родина и я васъ прощаемъ. Добро пожаловать, запорожцы молодцы!

Императоръ милостиво принялъ обращенныхъ казаковъ и пожаловалъ Гладкаго полковникомъ ихъ отдѣльнаго азовскаго войска. Двадцать-седьмого мая 1775 года Текели выступилъ для уничтоженія Сѣчи; двадцать-седьмого мая 1828 года послѣдовалъ указъ о принятіи запорожцевъ обратно въ Россію.

При переправѣ подъ Сатуновымъ императоръ переѣхалъ за Дунай на простой запорожской лодкѣ. У руля сидѣлъ новопожалованный полковникъ Гладкій, на веслахъ, межъ гребцами,—сѣдой, но еще бодрый буджакскій куренной Савка Шпакъ и двадцатилѣтній внукъ Недоли, Ярема. Жена Недоли, дьячкова дочь, одумалась и впослѣдствіи также ушла къ мужу, въ Турцію.

Барвѣнкова-стѣнка—нынче небольшая станція „Барвѣнково“, на азовской желѣзной дорогѣ, невдали отъ поворота послѣдней къ станціи Лозовой.

Ѣдущіе по азовской дорогѣ тщетно будутъ искать въ Барвѣнковой чего-либо изъ запорожской старины.

...Недавно, проѣзжая здѣсь между станціями Лозово-Севастопольскою и Барвѣнковскою, я услышалъ слѣдующій разговоръ двухъ путниковъ.—„Вы куда ѣдете?“—спросилъ первый.—„Въ Болгарію“.—„Что же вы тамъ?“—„Губернаторомъ-съ...“—„Стало быть „освободители“?—„Такъ точно-съ...“—„Эхъ вы, извините, воскресители, наѣхали туда!.. Дома пятнадцать милліоновъ толоконниковъ, а они—съ помощью туда, гдѣ торгуютъ розами!“—„Одно другому не мѣшаетъ. Заповѣдь предковъ...“—„Предковъ? Ну, ужъ о нихъ лучше бы вы помолчали. Испугались ваши дѣды у заволжскихъ да донскихъ казаковъ-раскольниковъ появленія Разина и Пугачова, и сохранили это

самое войско донынѣ, а ради случая разгромили вѣрныхъ и православныхъ своихъ охранителей, запорожцевъ, куда ни Разинъ, ни Пугачовъ и носа не показывали...“

...Степной украинскій людъ, нежданно закрѣпощенный при Екатеринѣ и переживший восемьдесятъ-пять лѣтъ неволи, по-своему излагаетъ конецъ Запорожья.

Призракъ Пугачова, до побѣга за Волгу жившаго здѣсь невдали, въ селѣ Кабаньемъ, у казака Овечки, никогда не смущалъ украинцевъ. Герои донскихъ и заволжскихъ раскольниковъ, Разинъ и самозванецъ Пугачовъ, здѣсь не имѣли послѣдователей.

По народной украинской молвѣ, второй изъ сербскихъ генераловъ, Чорба, придя для атаки Сѣчи, сталъ противъ ея окончательнаго разгрома... „Онъ долго спорилъ съ генераломъ Потёмкою, но не осилилъ его и вызвалъ на поединокъ. Они дрались у великой Сауръ-могилы, куда царь Петръ вкопалъ камень съ надписью: „не трогать запорожцевъ“. Чорба былъ убитъ на поваль, а Потёмка, раненый и оставляя кровавый слѣдъ, ушелъ на Дунай, гдѣ, истекая кровью, и умеръ безъ покаянія и всякой помощи Божьей и людской“...

1878 г.

СТАРОСВѢТСКІЙ МАЛЯРЪ.

(Разсказъ).

„Ты куколка, я куколка,
„Ты маленькая, я маленькая —
„Приди ко мнѣ въ гости“.
Изъ старой сказки.

I.

Было знойное лѣто. По гребню высокаго косогора, на возу съ пшеницей, по степи ѣхалъ старый хуторянинъ. Свѣсивъ ноги съ воза, лѣниво сгорбясь и наклонивъ голову на грудь, онъ покачивался подъ мѣрный шагъ воловъ, дремалъ и пѣлъ. Напѣвалъ онъ все одно и то же, а именно, слѣдующія слова, повидимому, начало любимой его пѣсни:

„Ой были у кума пчелы,
„Ой... да были-жъ... у кума... пче-е-лы!“

Онъ пѣлъ ясно первую строку, начало второй слабѣе, а конецъ уже — засыпая. Встрѣчный толчокъ будилъ его. Онъ просыпался, затягивалъ ту же пѣсню, засыпалъ на словахъ: „Ой... да были у кума... пчёлы“ — и, проснувшись на новомъ толчкѣ, опять принимался за старое.

Далѣе новости о томъ, что „у кума были пчёлы“, онъ не шелъ, и такъ ѣхалъ уже нѣсколько часовъ.

Ѣхалъ онъ въ Полтаву. На-встрѣчу ему, также подремывая и напѣвая, на телѣгѣ въ одну лошадь, двигался другой хуторянинъ-казакъ, молодой. Ѣхали казаки и сцѣпились возами.

Необычный скрипъ снастей разбудилъ ихъ. Они очнулись и молча стали погонять, старый—воловъ, молодой—своего коня.

Возы не трогались съ мѣста. Посыпались отрывочныя восклицанія.

— А! чтобъ тебѣ было пусто...—произнесъ старикъ, зѣвая и потягиваясь.

— Ишь, колодою развалился и не сворачиваетъ,—замѣтилъ молодой, также зѣвая...

— А ты что̀ губы развѣсилъ? вѣрно тётку схоронилъ? — прибавилъ старикъ и, спустившись съ воза, принялся копаться около колесъ.

— Ты вѣрно тётку схоронилъ! — обиженно произнесъ молодой, помолчавъ и усаживаясь на окраинѣ воза: — у тебя вѣрно тётка умерла, да и отецъ твой — пьяница!

— Какъ пьяница? — съ удивленіемъ спросилъ старикъ: — врешь ты! Не отецъ мой пьяница, а ты — такъ пьяница! — Синяки подъ глазами гдѣ взялъ?

Тотъ, къ кому относилось замѣчаніе о синякахъ, такъ часто этимъ украшался, что синякъ подъ его глазомъ скорѣе можно было принять за родимое пятно, чѣмъ за синякъ. Молодой хуторянинъ привскочилъ на мѣстѣ.

— Пьяница? Я — пьяница? А чтобъ твоя жена была воровкою, чтобъ ты самъ проворовался, да еще пусть тебя поймаютъ и отдерутъ...

— Это тебя вѣрно отдерутъ! — сказалъ старикъ, безуспѣшно потягивая за колесный ободъ и очевидно теряясь отъ причитываній своего противника.

— Меня? Ахъ ты, старая подошва! Ахъ ты, бродяга... ишь, слюни распустилъ...

— Чтобъ тебѣ было пусто! — плюнулъ старикъ, не зная, куда дѣться отъ брани молодого, который гремѣлъ, какъ труба, сидя на окраинѣ воза.

Молодой не угомонился и еще прибавилъ:

— Чтобъ у тебя въ метель, посреди степи, кобыла распряглась, поясъ лопнулъ и руки окоченѣли...

Старикъ окончательно растерялся, выпустилъ ободъ и съ изумленіемъ замѣтилъ:

— Ахъ, да какъ же вы такъ удивительно ругаетесь!

Хуторяне развели возы, приподняли шапки и молча разъѣхались. Скоро отлогій косогоръ остался у каждаго за спиною. Странники раскинулись на возахъ и заснули. — Когда они снова открыли глаза, была уже ночь, возы ихъ стояли гдѣ-то, передъ низенькою хатою шинка, и стояли, къ удивленію ихъ, опять сцѣпившись колесами... Молча покачали путники головами и слѣзли съ возовъ. — „Надо ночевать тутъ!“ — сказалъ одинъ изъ нихъ. — „И то правда! надо ночевать!“ — прибавилъ другой. Хуторяне распрягли воловъ и улеглись подъ открытымъ небомъ.

Скажемъ теперь, кто таковы были путники, такъ странно сведенные судьбою. Младшій былъ чумакъ, Омелько Брусъ, въ большихъ обозахъ и въ одиночку ѣздившій лѣтомъ за солью, а зимою, съ утра до ночи, лежавшій на печи, въ своемъ хуторѣ. Старшій... но о старшемъ надо сказать подробнѣе.

Старшій былъ старосвѣтскій маляръ, изъ Борисовки, по имени Ефимъ Сдяшница. Старосвѣтскіе маляры нынче перевелись; но въ Борисовкѣ еще кое-гдѣ ихъ встрѣтишь. Сдяшница былъ украшеніемъ и гордостью Борисовки; его носили на рукахъ. Это былъ худенькій, низенькій человѣкъ, совершенно сѣдой и обстриженный въ кружокъ, въ зеленомъ длинномъ кафтанѣ изъ набойки и въ синемъ жилетѣ. Его жилетъ былъ съ непомѣрно-глубокими карманами, куда Сдяшница собиралъ все, что ни попадалось; ему стоило только опустить въ эту кладовую руку, и оттуда, когда нужно, появлялись: иголка съ нитками, наперстокъ, или мѣдная гребенка, ножницы, сломанный циркуль, пуговка, восковой огарокъ, пуля. Сдяшница брилъ затылокъ, носилъ большой отложной воротъ рубахи, читалъ по воскресеньямъ Апостолъ и любилъ, ставъ на клиросѣ, подтягивать тоненькимъ дискантомъ соборнымъ пѣвчимъ. Вслѣдствіе разныхъ тревогъ въ жизни, Сдяшница, и прежде ѣздившій довольно часто съ работою по сосѣднимъ слободамъ, рѣшился окончательно бросить родимую Борисовку, вблизи которой родился на слободскомъ хуторѣ, и кончить вѣкъ въ работѣ по добрымъ людямъ...

Чуть крикнули пѣтухи, путники уже проснулись. Но прежде проснулся маляръ.—Вѣтеръ колыхалъ пучокъ бѣлаго ковыля на длинномъ шестѣ корчмы, и стая скворцовъ съ шумомъ летѣла на ближнюю поляну, засѣянную горохомъ. Роса блестѣла по травѣ. Издалека неслись звуки церковнаго колокола. Въ полѣ раздавалось веселое ржанье жеребенка. Маляръ сталъ противъ восходящаго солнца, осѣнивъ глаза рукою. Онъ молчалъ. Грудь его дышала спокойно, и въ маленькихъ карихъ глазахъ отражалась такая безмятежность, что никто бы не повѣрилъ, что ихъ хозяину давно стукнуло семьдесятъ лѣтъ.

— А знаете, оно хорошо было бы выпить!—раздался за его спиной голосъ. Сдяшница обернулся. Передъ нимъ стоялъ, протирая глаза и зѣвая во весь ротъ, его вчерашній знакомецъ, Омелько.

Шаровары Омельки были сильно выпачканы дегтемъ, ноги—босыя, шапка въ заплатахъ.

— Выпить, такъ и выпить!—рѣшилъ маляръ.

Шинкарь вынесъ водки. Путники потребовали хлѣба и сѣли подъ возами. О встрѣчѣ и перепалкѣ прошлаго дня не было и помину. Первый налилъ водки Омелько Брусъ.

— Будьте здоровы!—сказалъ онъ, осушая стаканчикъ, покривился, сплюнулъ, покачалъ головою, выпилъ еще стаканчикъ, посмотрѣлъ на его дно, махнулъ рукой, какъ бы говоря: „ну, теперь уже довольно!" и бережно поставилъ графинчикъ на траву.

— Откуда вы? — спросилъ маляръ.

— Ѣздилъ въ Крымъ за солью, — жена посылала: да только не

доѣхалъ, чтобъ нечистый побилъ ту канальскую водку. Всѣ деньги пропилъ на дорогѣ, и кисетъ съ табакомъ пропилъ, и сапоги пропилъ, и теперь меня жена ужъ непремѣнно побьетъ...

Сѳяшница покосился на плечи Бруса и нѣсколько усомнился въ томъ, что его можетъ побить жена.

— Ну, а вы, дядюшка, откуда?—спросилъ Брусъ, опять посматривая на стаканчикъ.

— Ѣду въ Полтаву къ одному знакомому человѣку хату писать.

— Э, друже, такъ вы —маляръ?—вскрикнулъ Омелько Брусъ не безъ радости:—такъ вы уже лучше постойте. Лучше вы меня выслушайте.

— А что?

— Поцѣлуемся прежде!

— Поцѣлуемся...

Странники, снявъ шапки, чмокнули другъ друга въ усы!

— Бросьте вы Полтаву, — сказалъ Брусъ: — на нечистаго вамъ Полтава? ничего вы тамъ не сдѣлаете!

— Нѣтъ!—сказалъ маляръ, помолчавъ:—никакъ уже нельзя теперь, далъ слово, пріятель обругаетъ!

— Не обругаетъ. Поѣдемъ въ наши мѣста, работы не оберешься!

Маляръ задумался.

— Нѣтъ, никакъ нельзя!—отвѣтилъ онъ рѣшительно:—далъ слово! и какъ это можно. Пріятель скажетъ, что у меня языкъ даромъ во рту колотится!

— Не скажетъ пріятель. Поѣдемъ въ нашъ край! паны у насъ— все люди хорошіе, а картинами всѣ панскія хоромы увѣшаны.

Маляръ взглянулъ на Бруса и подумалъ: „Какой же ты, однако, должно быть, добрый человѣкъ! Оно сейчасъ видно: и не спѣсивъ, и водку хорошо тянешь“...

— Ѣду, такъ и быть!—сказалъ маляръ, махнувъ рукою.

Шинкарь вынесъ новую флягу горѣлки. Маляръ скинулъ свитку и обратился къ другимъ путникамъ, съ любопытствомъ обступившимъ новыхъ друзей:

— А ну, братцы, садитесь и вы, да помочимъ усы въ горѣлкѣ!

Омелько Брусъ взялся за флягу, и пошла попойка.—Солнце, между тѣмъ, стало сильно припекать. Распряженные волы маляра паслись за шинкомъ; лошадь Бруса щипала траву на взгорьѣ, за выгономъ.

Въ это время по дорогѣ показался какой-то человѣкъ, въ картузѣ, съ коротенькою трубкою и кнутомъ. Онъ шелъ прямо къ коню.

— Смотрите, кто-то идетъ къ вашему мерину!—замѣтилъ маляръ.

— Идетъ!—отвѣтилъ Брусъ, спокойно лежа на животѣ.

— Вѣдь онъ украдетъ вашего коня!—сказалъ маляръ.

- Нѣтъ, не украдетъ.

— Какъ не украдетъ? Да вѣдь онъ идетъ прямо къ нему!

— Такъ что-же?—отвѣтилъ Брусъ:—развѣ коня ужъ нельзя и на выгонъ выпустить?

— Да вѣдь онъ уже берется за гриву!—сказалъ маляръ.

— Мало ли что! теперь день, и насъ семеро.

Человѣкъ въ картузѣ оглянулся, взобрался на коня, хлестнулъ его кнутомъ и понесся по полю: только пыль столбомъ взвилась за нимъ.

Вскочили озадаченные хуторяне. Они безъ шапокъ бросились въ догонку за похитителемъ.

— Отдай, отдай коня, вражій сынъ!—кричалъ Брусъ:—держи его, держи...

Но всадникъ мелькнулъ въ луговой травѣ и скоро исчезъ за косогоромъ.

Вернулись хуторяне къ корчмѣ и, снова охая, усѣлись подъ возами.

— Коня теперь нѣтъ, — сказалъ Брусъ: — такъ зачѣмъ и телѣгѣ оставаться! Продадимъ телѣгу! Деньги на дорогу понадобятся: что-нибудь сломается, или за постой нужно будетъ заплатить.

Отуманенный маляръ сказалъ-было: „Не совѣтую! телѣга совсѣмъ новая!“ Но тутъ же привсталъ, повозился за чѣмъ-то въ шароварахъ, опять сѣлъ и, сказавъ: „А не то, продавай телѣгу; она теперь совсѣмъ уже не нужна!“ клюнулся головою въ траву и заснулъ... Омелько Брусъ продалъ телѣгу подъѣхавшимъ чумакамъ и, отведя ихъ за шинокъ, объявилъ, что хочетъ танцовать. Чумаки вытащили изъ корчмы мальчика съ дудкой. Мальчикъ утеръ носъ, усѣлся на землѣ и принялся играть.

— Пейте, братцы! гуляйте!—кричалъ Брусъ, взявшись подъ бока и съ трубкой въ зубахъ отвёртывая ногами бѣшеную присядку:—гуляйте такъ, чтобъ тошно стало самому нечистому...

Сперва Брусъ плясалъ подъ корчмой, а потомъ и въ самой корчмѣ, уже полной народа. И чего только онъ ни дѣлалъ: билъ себя по бокамъ и по головѣ, кидалъ направо и налѣво руки и ноги, и каждая складка платья, каждая жилка, руки и губы,—все въ немъ плясало...

Вспомнилъ Брусъ свое прошлое время, когда еще у него не было жены и онъ украдкою отъ дяди-кузнеца бѣгалъ на вечерницы.

Смерклось...

Омелько растолкалъ маляра, и широкій возъ хуторянъ снова заколыхался по пыльной дорогѣ.

II.

Ѣхали хуторяне долго, и въ дорогѣ съ ними было не мало приключеній. Когда въ полѣ попадался имъ въ потертомъ халатѣ и съ

кисетомъ за поясомъ прохожій и, приподнявъ передъ ними картузъ, говорилъ: „Душечка, дайте мнѣ грошикъ!" Омелько спрашивалъ: „На что вамъ грошикъ?" Получая въ отвѣтъ: „Я за ваше здоровье, душечка, выпью!" онъ опускалъ руку въ карманъ маляра и, вынувъ оттуда деньги, говорилъ: „Вотъ вамъ грошикъ, только выпьемъ вмѣстѣ!" и подвозилъ его къ шинку.

По ночамъ путники не ѣздили, а всегда съ вечера гдѣ-нибудь останавливались. — Тутъ языкъ Бруса, при помощи денегъ, вырученныхъ за телѣгу, развязывался, и онъ угощалъ маляра разными любопытными разсказами.

Мало вниманія обращали странники на то, что у нихъ, наконецъ, не стало ни копѣйки денегъ.

Населенный и богатый край, родина Бруса, былъ не за горами. Какъ-то подъ вечеръ странники встрѣтили красноносаго городского скрипача. Едва державшійся на ногахъ, съ трубкою во рту и съ маленькою, потертою скрипкою подъ мышкой, музыкантъ, покачиваясь и понуривъ голову, подошелъ вензелями къ странникамъ. Снявъ шапку, онъ принялся напиливать на скрипкѣ что-то заунывное, закончилъ трепакомъ и, по обыкновенію всѣхъ слобожанскихъ скрипачей, попросилъ скрипкою пить: „пи-и-ти, пи-ти-ти". Но, увидѣвъ, что пить ему не даютъ, онъ объявилъ, что если у добрыхъ людей есть кнутъ и хворостина, то его надо побить, потому что онъ рѣшительно никуда не годится... Онъ тутъ же положилъ скрипку на траву, снялъ поясъ, растянулся по срединѣ дороги и отъ души сталъ просить хуторянъ исполнить его желаніе.

— Что-же? побить, такъ и побить!—рѣшилъ Брусъ:—это ужъ такъ ему, видно, нужно, душа захотѣла...—И сталъ его слегка хлестать.

Въ другомъ мѣстѣ странники встрѣтили мужа, несшаго на рукахъ подкутившую жену.— „То, вѣрно, съ веселья идутъ!" — сказалъ при этомъ маляръ.—„У кума были!"—отвѣтилъ Брусъ, умильно слѣдя за счастливою четою.

Скоро потянулись хутора. Все здѣсь было спокойно и уютно. Жизнь тутъ текла, какъ тихая, дремотливая струйка воды въ лѣсу. Народъ сидѣлъ у своихъ хатъ и, кажется, почти не замѣчалъ, какъ солнце всходило и садилось за цвѣтущими полями, какъ смѣнялись вечеръ, утро и темная ночь. Омелько качалъ головою и говорилъ: „Вотъ жизнь!" Маляръ ему вторилъ.

Маляръ любилъ засматриваться на какого-нибудь казака или на бабу, написанную на вывѣскѣ шинка. Омелько же, бо̀льшею частью, спалъ безъ просыпу, какъ только могутъ спать хуторяне, прогулявшіе до копѣйки свое добро и ѣдущіе, подобно ему, домой къ сердитой и бойкой женѣ, пославшей мужа продать, напримѣръ, на ярмаркѣ

мѣшокъ пшеницы, или годовалаго бычка. Пріѣзжаетъ такой хуторянинъ домой, хозяйка ласково встрѣчаетъ его и сажаетъ за столъ. — „Вотъ это-жъ тебѣ—вареники, а вотъ это—блины! Кушай на здоровье, а я тебѣ еще и водочки поднесу!“ — Сидитъ пропащій мужъ, ни живъ, ни мертвъ, уплетаетъ молча вареники и блины и не знаетъ, какъ ему выпутаться изъ бѣды! — „Ну, говори же!“ — начинаетъ хозяйка: — „почемъ была пшеница на ярмаркѣ и почемъ бычки?“ — Мужъ, утирая усы, принимается разсказывать. — „Ну, а кофту купилъ ты мнѣ?“—робко спрашиваетъ хозяйка, наливая мужу водки. — „Купилъ!“ — отвѣчаетъ мужъ. — У хозяйки душа готова выпрыгнуть отъ радости. — „Гдѣ же она?“ — „Тамъ!“—отчаянно отвѣчаетъ мужъ, махая рукою. — „Гдѣ тамъ?“ — „Пропала наша пшеница, да пропалъ и бычокъ. Сижу я, голубочка ты моя, на возу и думаю, какъ бы это ихъ не украли...“ — „Ну?“ — „Вотъ, сижу я и думаю. Утро пришло, не украли!.. Обѣдъ пришелъ, не украли! Солнце стало садиться“.... — „Ну?? Ну??“ — „Да уже вечеромъ украли, вражьи люди!“—замѣчаетъ мужъ, утирая усы. Хозяйка, блѣдная и взбѣшенная, вскакиваетъ изъ-за лавки... Только такіе хуторяне и могутъ такъ спать, какъ спалъ во всю дорогу Брусъ. Наконецъ, путники увидѣли пристань своего странствованія.

Рано, на разсвѣтѣ теплой и влажной зари, передъ ними и съ косогора развернулась широкая долина, съ синѣющими лѣсами, курганами и лугами по берегамъ рѣки. Солнце только-что начинало подниматься изъ-за пригорковъ, и легкій туманъ висѣлъ по долинѣ. — Омелько Брусъ остановилъ воловъ, приподнялся на возу и, на вопросъ маляра, сказалъ:

— То, будто овцы по долинѣ бѣлѣютъ, деркачёвскіе хутора; на этихъ хуторахъ живетъ панъ добрый и богатый; мы у него тоже побываемъ...

III.

Былъ полдень.

На крыльцѣ хуторянскаго домика стоялъ низенькій господинъ, въ шелковомъ стеганомъ бешметѣ, въ нанковыхъ панталонахъ и въ гарусныхъ ботинкахъ на босу ногу.

Это былъ Михѣй Михѣичъ Деркачъ, обладатель деркачёвскихъ хуторовъ.

На головѣ Михѣя Михѣича была широкая, изъ степной травки, шляпа. Онъ держалъ въ рукахъ пѣнковую трубку съ большимъ янтаремъ и потиралъ въ раздумьѣ небритый подбородокъ. Этотъ подбородокъ имѣлъ обыкновеніе, какъ бы гладко его ни брили утромъ, къ вечеру того же дня обростать изъ-сине-черною щетиною.

Михѣй Михѣичъ пошелъ-было купаться, но уже было жарко. Мухи

нестерпимо жужжали. Онъ вынулъ носовой платокъ и повязалъ его, въ видѣ вуали, на соломенную шляпу. Шедшія по дорогѣ бабы, присматриваясь къ бѣлому платку, который, какъ султанъ каски, отъ вѣтра то поднимался, то опускался на поляхъ шляпы, недоумѣвали, кто бы это могъ быть, и думали про себя: „Не то адъютантъ, не то дама!“—а подходя ближе, распознавали лицо добраго Михѣя Михѣича.

Передъ Михѣемъ Михѣичемъ у крыльца стояли, съ шапками въ рукахъ, уже извѣстные странники, маляръ Сояшница и его спутникъ Омелько Брусъ.

Воловъ у маляра также уже не было, и отъ самаго воза осталась одна пустая дегтярная мазница, да и ту онъ заложилъ въ кабакѣ, при входѣ на деркачёвскіе хутора.

Помѣщикъ прошелся по крыльцу и, потягивая изъ трубочки, спросилъ:

— Что же вамъ отъ меня нужно?

— Я—маляръ!—сказалъ Сояшница.

Окинувъ глазами сѣдую голову, долгополый зеленый кафтанъ и вообще всю слабую и плохенькую фигурку маляра, Михѣй Михѣичъ затянулся трубкой и, пуская дымъ колечками, произнесъ:

— Нѣтъ... идите съ Богомъ... мнѣ васъ... не нужно!

Маляръ съ уныніемъ взглянулъ на него и спросилъ:

— Отчего же... не нужно? Я вамъ такую вещь напишу, что еще съ-роду не видано!

Михѣй Михѣичъ помолчалъ.

— А карету распишешь?

— Распишу...

— Да вѣдь ты, я знаю тебя, заломишь, Богъ вѣсть какую цѣну? Маляръ изъ Бахмута брался расписать ее за пятьдесятъ цѣлковыхъ.

— А я возьму... двадцать, а не то и меньше!—сказалъ Сояшница.

— Когда такъ, то я согласенъ!—отвѣтилъ помѣщикъ.

Сдѣлка тутъ же была заключена на условіяхъ, что Сояшница будетъ жить на барскихъ харчахъ до той поры, пока окончитъ всю работу; съ нимъ будетъ жить и Брусъ, въ качествѣ *подмалярія*; и каждому изъ нихъ, за обѣдомъ, будетъ подноситься по рюмкѣ водки, а за ужиномъ, по окончаніи дневныхъ трудовъ, по двѣ. Сверхъ того, имъ дозволено, разъ въ недѣлю, ходить въ гости къ сосѣднимъ хуторянамъ и, если пожелаютъ, напиваться пьяными, слѣдовательно, ходить на четверенькахъ. Полная расплата за работу должна была послѣдовать, когда деркачёвскій баринъ прокатится въ заново-отдѣланной каретѣ.

Маляръ и его другъ перешли на новое жительство.

Это былъ курень, съ навѣсомъ и погребомъ, въ садовой пáсекѣ.

Омелько Брусъ скоро огласилъ своды новаго жилища звонкимъ храпомъ, а черезъ недѣлю, въ куренѣ, неизвѣстно откуда, появилась круглая и „полновидная“ бабёнка, съ бѣлымъ лицомъ и въ аломъ платкѣ на черныхъ, лоснящихся волосахъ. И когда деркачёвская дворня, примѣтивъ эту гостью, иронически спрашивала у Бруса: „Что̀ это за баба?“ — Брусъ отвѣчалъ: „А то я сюда свою жену перевелъ, потому что какъ же на свѣтѣ человѣку жить безъ жены?“ — А у тебя, Сѐяшница, есть жена?“ — спрашивала любопытная дворня. — „Есть!“ — нехотя отвѣчалъ маляръ: — „только она ходитъ теперь... на заработкахъ!“ — Дворня болѣе не разспрашивала. — Маляръ съѣздилъ въ уѣздный городъ, накупилъ кистей и красокъ, перетащилъ карету изъ сарая подъ навѣсъ па̀сѣки и принялся за работу.

Старая, пыльная карета была вымыта, высушена, до половины закрыта широкою полотняною тканью, и маляръ, соскобливъ съ ея боковъ старую краску, началъ покрывать ее грунтомъ. Омелько Брусъ, получившій титулъ подмалярія, на гладко отполированномъ жерновѣ вѣтряной мельницы принялся растирать бѣлила, охру, сурикъ, синьку и мѣдянку.

Работа пошла, какъ по маслу, и Сѐяшница до того расходился, что, покрывая желтымъ слоемъ грунта кожаные бока кареты, захватилъ налету и стекла кареты, и порядочную часть собственнаго фартука.

Михѣй Михѣичъ, какъ человѣкъ знающій и старательный, хотя до того безтолковый, что, по замѣчанію сосѣдей, муха преспокойно могла усѣсться на кончикѣ его носа и загнать его въ болото, часто заходилъ въ мастерскую Сѐяшницы.

— Это у тебя ямочки и негладко! — говорилъ онъ, водя рукой по загрунтованнымъ бокамъ кузова.

— И въ самомъ дѣлѣ, ямочки и негладко! — подхватывалъ маляръ, издали прищуриваясь на свою работу и тоже водя по ней рукою: — и какъ это могло случиться?

— Это нужно поправить! — говорилъ Михѣй Михѣичъ, сжавъ губы и вопросительно смотря на Сѐяшницу.

— Поправлю! — отвѣчалъ Сѐяшница: — безъ того нельзя... вонъ, трещины...

Михѣй Михѣичъ черезъ нѣсколько дней снова заходилъ на па̀сѣку.

— А вѣдь у тебя, погляди — опять ямочки и не заглажено! — говорилъ онъ, нагибая носъ къ каретѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, не заглажено! — удивлялся маляръ, недоумѣвая, какъ это могло случиться.

И сколько Михѣй Михѣичъ ни приходилъ на па̀сѣку, — медомъ тамъ удивительно пахло, — а ямочки и трещины на каретѣ оставались въ прежнемъ положеніи...

Между прочимъ, онъ крайне любопытствовалъ узнать, какъ маляръ обойдется, при своей работѣ, безъ должныхъ инструментовъ.

— Какъ это ты выточишь и вылощишь?—спрашивалъ онъ, указывая на разныя мѣста:—у тебя нѣтъ ни стамесокъ, ни пемзы!

— А вы не безпокойтесь!—отвѣчалъ маляръ:—я это все отлично сдѣлаю!—я это сапожнымъ шиломъ сдѣлаю!

— Ка̀къ, сапожнымъ шиломъ?

— А такъ же: гдѣ вогнуто, я остріемъ-съ, а гдѣ гладко, проведу плашмя-съ...

Михѣй Михѣичъ на это теръ у себя переносицу и молча отправлялся смотрѣть пчелъ, за которыми, скажемъ мимоходомъ, въ свободное отъ работы время, было поручено смотрѣть Брусу.

Среди занятій по подмалёвкѣ и окраскѣ кареты незамѣтно мелькнуло нѣсколько мѣсяцевъ.

Одинъ бокъ кузова былъ выправленъ и загрунтованъ. Маляръ принялся за другой бокъ. Экономка Михѣя Михѣича аккуратно подносила малярамъ за обѣдомъ по рюмкѣ водки, а за ужиномъ по двѣ, и Михѣй Михѣичъ спокойно смотрѣлъ изъ окна гостиной, какъ, по условію, по праздникамъ, маляры прогуливались на четвереянькахъ передъ корчмою его хутора, несказанно тѣмъ потѣшая пеструю слобожанскую толпу.

— А знаешь что, Сѣяшница?—сказалъ однажды Михѣй Михѣичъ, навѣстивъ маляра:—ты бы тогда, какъ не пишешь кареты, и она сохнетъ, другое что̀ хорошее написалъ.

— И въ самомъ дѣлѣ! Что даромъ время тратить!

— Что̀ же ты напишешь?

— Все на свѣтѣ. Для того мнѣ нужна только та краска, что зовутъ „кошечьи румяна“, да хоть чуточку настоящихъ свинцовыхъ бѣлилъ.

„Кошечьи румяна“, бѣлила и прочее были доставлены, и въ одно прекрасное утро Михѣй Михѣичъ обратился къ маляру съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Ну, что̀ же ты теперь мнѣ напишешь?

Маля̀ръ опустилъ кисть и, глядя на оставленную работу, сказалъ:

— Напишу бѣднаго Лазаря, или прекраснаго Іосифа, высокую гору, или какъ мать сына въ походъ провожаетъ; напишу турецкаго пашу...

Черезъ нѣсколько недѣль Сѣяшница принесъ Михѣю Михѣичу что-то завернутое въ клѣтчатомъ синемъ платкѣ. На вопросъ барина: „это что такое?“ онъ отвѣчалъ: „я вамъ, Михѣй Михѣичъ, снигиря поймалъ.“ — Снигирь, однакоже, оказался картиною, и Михѣй Михѣичъ, взявъ ее въ обѣ руки, сталъ ее глубокомысленно разсматривать... На полотнѣ былъ изображенъ кавказскій плѣнникъ.

— Хорошо, весьма хорошо! — сказалъ Михѣй Михѣичъ: — усы

вышли нѣсколько будто голубые, но хорошо... очень хорошо... горы, черкесы и лѣсъ...

Услышавъ похвалу, Сѳяшница размахался руками.

— Эхъ, Михѣй Михѣичъ! Эхъ, сударь вы мой!—восклицалъ онъ:— да еслибы мнѣ да этакое помѣщеніе, да краски, такъ я бы не то написалъ! Ну, что̀ это? Пустяки. Нѣтъ, я славную бы вещь написалъ! Эхъ, я уже знаю... да что... лучше и не говорить.

Раскозырявшемуся маляру, однакоже, пришлось получить неожиданный щелчокъ судьбы. Михѣй Михѣичъ нечаянно взглянулъ на одно мѣсто картины и сдвинулъ брови.

— Послушай, — сказалъ онъ: — а рука плѣнника куда дѣвалась? ты рукавъ написалъ, и даже саблю на воздухѣ около него написалъ, а про руку и позабылъ.

— Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ! — вскрикнулъ Сѳяшница: — совсѣмъ позабылъ! изъ головы вылетѣло, Михѣй Михѣичъ! право, вылетѣло!

И онъ тутъ же сбѣгалъ на па̀сѣку, усѣлся на перевернутомъ ведрѣ и пририсовалъ къ рукаву плѣнника забытую руку.

IV.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Другой бокъ кареты былъ окончательно загрунтованъ, и маляръ принялся покрывать его изъ-синя зеленою краской.

— Знаешь, Сѳяшница,—сказалъ баринъ:—я думаю на дверцахъ написать свои гербы.

— Что же ничего... оно точно хорошо, какъ гербы...

— Какъ же ты думаешь, голубою или зеленою краскою написать гербы?—спрашивалъ онъ.

— Ни голубою, ни зеленою...

— Ка̀къ такъ?

— А такъ же! Ужъ если что̀ рисовать, такъ я вамъ съ каждой стороны, на дверцахъ, нарисую лучше по два самоварчика...

— Ка̀къ, по два самоварчика??

— А видите ли: я въ Зміёвѣ нарисовалъ одному купцу, на вывѣскѣ, рядомъ по два одинаковыхъ самоварчика, и повѣрите ли, весь городъ повалилъ въ гостинницу къ тому купцу, и онъ разжился въ нѣсколько мѣсяцевъ, и мнѣ за то далъ плису на жилетъ и совсѣмъ почти новую шапку...

Михѣй Михѣичъ улыбнулся.

— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ самоварчиковъ лучше не рисуй.

— Отчего же не рисовать?

— Да такъ; это, кажется, теперь не въ модѣ.

— Такъ какъ же? Вѣдь этакъ вся карета будетъ безъ украшеній...

— Нѣтъ, ужъ пусть лучше будетъ безъ украшеній, а самоварчики... это не въ модѣ...

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ съ той поры, какъ маляры поселились на пасѣкѣ Михѣя Михѣича.

Омелько Брусъ блаженствовалъ. Сояшница, однакоже, замѣтилъ, что его пріятель съ нѣкотораго времени начинаетъ впадать во многія, не совсѣмъ благовидныя наклонности, хмурилъ брови и дулся. Такъ, напримѣръ, оказалось, что въ ульяхъ садовой пасѣки, за которою Брусу было поручено ходить, когда ихъ осенью принесли къ подвалу, чтобы, по обыкновенію, подрѣзать соты, не отыскалось ни крошки меду.

Баринъ удивился.

— Куда дѣлся медъ? говори!—спросилъ онъ строго Бруса.

— А Богъ его знаетъ, куда! — отвѣтилъ спокойно Брусъ: — можетъ быть, высохъ, или кто-нибудь его съѣлъ.

— А вотъ, я тебя какъ положу, да вспрысну березникомъ, такъ ты и будешь у меня разсказывать!

Михѣй Михѣичъ, впрочемъ, напрасно храбрился, такъ какъ во всю жизнь онъ наказалъ одно только существо, а именно, голландскаго гуся, который во время купанья укусилъ его за голую икру, за что̀ въ тотъ же день и попалъ въ горшокъ съ борщомъ.

За Брусомъ былъ учрежденъ строгій надзоръ, и было велѣно перевести его изъ пасѣки въ особую хату.

Оказалось также, что Омелько Брусъ и его жена навѣдываются безъ спроса въ огородъ, гдѣ стали исчезать ягоды, картофель и бобы. Михѣй Михѣичъ замѣчалъ объ этомъ маляру, маляръ Брусу, но Брусъ на это отмалчивался или принимался икать.

Не радовалъ сердце друга Брусъ, какъ въ тѣ времена, когда они странствовали по степи и дѣлили вмѣстѣ счастье и горе, смѣхъ и слезы.

Работа подходила къ концу.

Колеса кареты были осмотрѣны и окрашены, и маляръ принимался за покрытіе всего кузова лакомъ. Злая грусть, между тѣмъ, съѣдала сердце маляра. Онъ выходилъ изъ пасѣки, глядѣлъ на улицу, гдѣ жилъ Брусъ, и молча хмурилъ брови. Омелько, видимо, его избѣгалъ, не являлся растирать на жерновѣ красокъ и водился либо съ зажиточными хуторянами, либо съ поповичами сосѣдняго мѣстечка. И часто, изъ-за ограды сада, маляръ слышалъ, какъ при его имени, произнесенномъ Брусомъ, головы хуторянъ обращались къ пасѣкѣ и раздавался хохотъ чернобровыхъ хуторянскихъ красавицъ.

— Эхъ-ма!—говорилъ на это маляръ:—вѣдь вотъ человѣкъ! Ну, не говорилъ ли я? вѣдь только даромъ живетъ на свѣтѣ! Такіе ли бываютъ подмалярія? Знаемъ мы васъ, шеромыжниковъ... Эхъ, дай-ка мнѣ хорошихъ рабочихъ, написалъ бы я славную вещь... И всѣ бы тогда сказали: „ишь ты, сидѣлъ-сидѣлъ, да и написалъ такую вещь, что̀ еще и не видано...“

Замѣтивъ, что маляръ начинаетъ сильно тосковать, Михѣй Михѣичъ, въ утѣшеніе его, подарилъ ему старенькое охотницкое ружье.

Маляръ, однакоже, не прикасался къ ружью и даже съ сердцемъ говорилъ Брусу, который иногда являлся на па́сѣку пострѣлять въ отсутствіе Сбяшницы воробьевъ: „оставь ты эту бѣсову вещь, Омелько, оставь: еще глазъ выбьешь!“ — „Ничего, не выбью!“ —отвѣчалъ на это Брусъ. — „Какъ, не выбьешь! оставь, говорю тебѣ: забылъ ты развѣ, какъ Михѣй Михѣичъ хотѣлъ тебя высѣчь за медъ? забылъ?“ — „Гдѣ забылъ, вовсе не забывалъ! только ужъ не знаю, можно ли кого на свѣтѣ высѣчь за воробьевъ!“ — „Воробьи, Омелько, тоже хотятъ жить, и ты—дрянь, а не человѣкъ, если станешь ихъ убивать!“

Однажды маляръ шелъ за мукою черезъ господскій дворъ. Въ окнахъ дома раздался крикъ. Помѣщикъ, блѣдный и растерянный, выбѣжалъ на крыльцо.

— Маляръ, маляръ! — кричалъ онъ: — бѣги скорѣе на па̀сѣку и неси свое ружье; мои заперты въ кладовой, а въ чуланъ вскочилъ бѣшенный котъ, только-что взбѣсился!

Маляръ оглянулся, выхватилъ изъ-подъ плеча пустой хлѣбный мѣшокъ и сказалъ: „на па́сѣку далеко, а я и этимъ кота поймаю!“ — Съ этими словами онъ вбѣжалъ на крыльцо, отперъ дверь чулана и остановился на порогѣ.

Жирный сѣрый котъ ключницы дѣйствительно взбѣсился и, злобно вращая помутившимися глазами, съ пѣною у рта, ходилъ по чулану...

Маляръ присѣлъ на корточки, разставилъ передъ собою мѣшокъ и сталъ подходить къ коту. Михѣй Михѣичъ, блѣдный, стоялъ за нимъ. Котъ вытянулся, ощетинился, замяукалъ и бросился на маляра; маляръ бросился на кота.

Помѣщикъ вскрикнулъ и пошатнулся. Когда онъ раскрылъ глаза, котъ сидѣлъ уже въ мѣшкѣ маляра, и послѣдній молча закручивалъ надъ нимъ веревку.

— Въ воду, въ воду его!—кричали дворовые, когда маляръ вытащилъ и торжественно вынесъ кота на крыльцо.

Маляръ пошелъ къ рѣкѣ. Помѣщикъ и дворня слѣдили за нимъ.

„Зачѣмъ“,—разсуждалъ маляръ:—„я кину кота въ воду вмѣстѣ съ мѣшкомъ? Мѣшокъ можетъ на что-нибудь пригодиться!“

Онъ сталъ развязывать мѣшокъ...

Но едва узелъ развязался, котъ стремительно ударился въ его руки, весь въ пѣнѣ выскочилъ изъ мѣшка и вспрыгнулъ ему на шапку. Маляръ въ ужасѣ присѣлъ къ землѣ...

Ощетинившись на немъ и дико мяукая, котъ сталъ его скрести когтями...

Михѣй Михѣичъ окончательно потерялся и бросился бѣжать къ дому безъ памяти, крича и махая руками.

Въ тотъ же мигъ раздался выстрѣлъ, и котъ, завертѣвшись кубаремъ, полетѣлъ съ головы маляра въ воду. Всѣ съ изумленіемъ оглянулись на звукъ неожиданнаго выстрѣла...

Изъ двери пчелинаго шалаша голубою струйкой тянулся дымокъ. Омелько Брусъ, склонившись надъ ружьемъ, блѣдный стоялъ у порога шалаша и молча осматривалъ курокъ.

Сѣяшница увидѣлъ, кто былъ его спасителемъ, и въ безумной радости кинулся къ своему другу. — „Голубчикъ мой, Омелько! Такъ это ты убилъ кота?“ — кричалъ онъ, смаргивая крупныя, катившіяся по усамъ слезы.

Брусъ на это не поднялъ даже головы, какъ-будто это былъ не онъ, и сквозь зубы ворчалъ, пристально разглядывая ружье: — „Вотъ такъ ружье! Ей-Богу, и не думалъ чтобы не промахнуться, а оно и убило кота! Славное ружье, чтобъ бѣсъ забралъ его батька!“

Въ груди маляра похолодѣло.

— Такъ ты не радъ, Омелько, что спасъ меня? — спросилъ маляръ.

— Гдѣ не радъ! Я только говорю, что какъ это я такъ вѣрно попалъ въ кота! И не думалъ совсѣмъ попадать, а уже на удачу...

Случилось около того же времени, маляръ завелся собственнымъ боченкомъ полынной водки и тщательно сберегалъ этотъ напитокъ въ погребѣ около шалаша.

Онъ долго имъ пользовался втихомолку и вдругъ замѣтилъ, что боченокъ началъ пустѣть, будто усыхать, и скоро водки осталось на его днѣ не болѣе нѣсколькихъ стакановъ... Изумился маляръ, осмотрѣлъ боченокъ: ни одной щели не было на его бокахъ. — „Должно быть, повадился воръ!“ — рѣшилъ Сѣяшница и задумалъ, во что бы то ни стало, поймать вора.

Онъ залѣзъ на ночь подъ лавку, на которой стоялъ боченокъ, и только-что успѣлъ умѣститься, какъ дверь погреба тихо скрипнула, и въ него сталъ спускаться какой-то человѣкъ съ фонаремъ.

Боченокъ снятъ со скамьи; кто-то опрокинулъ его надъ головой.

Сѣяшница быстро выскочилъ изъ своей засады и остолбенѣлъ: передъ нимъ стоялъ Омелько Брусъ...

Маляръ стиснулъ зубы.

— Такъ это ты, Омелько, мою водку воруешь? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Я!—отвѣтилъ Омелько, безсознательно разглядывая боченокъ...

Маляръ вздохнулъ.

— И полюбилась тебѣ моя водка?

— Какъ не полюбилась!..

— Отчего же ты не пришелъ ко мнѣ и не попросилъ?

Брусъ молчалъ.

— Зачѣмъ же ты... сюда... по ночамъ... сюда, Омелько?

Голосъ маляра дрогнулъ.

— Лучше бы ты, Омелько, взялъ ножъ да и зарѣзалъ меня, какъ стараго барана! — сказалъ Сѣяшница и вышелъ изъ погреба; слезы душили его, и онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

На другое утро маляръ, позабывшись, за чѣмъ-то опять вошелъ въ погребъ: боченокъ, ужъ окончательно допитый, лежалъ на полу.— „Сабака!“ — сказалъ съ холоднымъ негодованіемъ маляръ, отталкивая ногою боченокъ.

Съ той поры онъ заперся въ шалашѣ, пересталъ пускать къ себѣ Бруса и болѣе не промолвилъ съ нимъ ни слова. Да и не къ чему уже было говорить съ Омелькой.

Омелько въ это время неожиданно приказалъ всѣмъ долго жить...

Произошло это такимъ образомъ.

Было то тяжелое время, когда повсюду стали запрещать ѣсть дыни, арбузы, яблоки и всякую овощь, потому что появилась страшная болѣзнь, холера. Омелько Брусъ, незадолго до того времени, сталъ окончательно пропадать по оврагамъ и пропивать послѣдній платокъ жены. Но вдругъ онъ неожиданно остепенился и даже сталъ заводиться хозяйствомъ. Онъ, между прочимъ, посѣялъ огородъ и день и ночь его караулилъ, не трогая ни капли водки. Огородъ у Бруса созрѣлъ, но никто не покупалъ у него овощей. — „Что!“ —подумалъ Брусъ:—„повезу я ихъ хоть по помѣщикамъ; можетъ, на кормъ скоту купятъ!“ —И онъ навалилъ дынями и арбузами огромный возъ. Солнце пропекло его до костей. Воды негдѣ было взять, и Брусъ, забывшись, проткнулъ пальцемъ большую дыню, выпилъ ее съ сѣмечками до дна, заболѣлъ — да дорогою и умеръ. — Лошадь его привезла къ чьей-то усадьбѣ. Дворня со страхомъ обступила возъ и повернула его оглоблями назадъ; лошадь обратно повезла хозяина въ деркачёвскіе хутора. — Шумъ поднялся на тихой улицѣ. Народъ сбѣжался, но никто не рѣшился коснуться бѣднаго Бруса. Сама его жена, увидѣвъ трупъ мужа, забѣжала неизвѣстно куда, захвативъ съ собою все уцѣлѣвшее добро покойнаго. Коснулся Омельки Бруса, снялъ его

съ воза, одѣлъ и похоронилъ одинъ только человѣкъ на всемъ хуторѣ. И былъ этотъ человѣкъ — старый маляръ Сѳяшница. — „Всѣмъ былъ добрый и хорошій человѣкъ, всѣмъ, да проворовался, какъ собака!“ — говорилъ сѣдой маляръ, стоя съ лопатой надъ могилою отошедшаго друга...

Вѣтеръ шумѣлъ между черными крестами хуторскаго погоста, волнуя траву, покрывавшую одинокія могилы, и никто не видѣлъ, какъ горевалъ маляръ надъ покойнымъ другомъ. — „Эхъ-ма!“ — говорилъ старикъ, качая головою: — „зачѣмъ ты, Омелько, проворовался!“ — И глухія рыданія прерывали сѣтованія осиротѣлаго маляра.

V.

Карета была окончательно окрашена, и чистенькая и свѣтлая, какъ новый поливянный кувшинчикъ, стояла подъ навѣсомъ пчельника. Маляръ видѣлъ, что дѣло пришло къ цѣли, что настала пора расплаты; но все еще ходилъ и возился возлѣ кареты, смотрѣлъ на ея дверцы и колеса и не рѣшался сказать ея обладателю, что работа совершенно окончена. Жаль было старику покинуть пригрѣтое и обжитое мѣстечко. Онъ кашлялъ и смотрѣлъ въ землю, встрѣчаясь съ Михѣемъ Михѣичемъ, и всегда заводилъ посторонній разговоръ. Да и Михѣй Михѣичъ, впрочемъ, не торопился съ каретой. Онъ очень удобно ѣздилъ въ самодѣлковыхъ деревянныхъ дрожкахъ, которыхъ имя было „чертапхàны“.

Сѳяшница не зналъ, куда дѣться отъ тоски. Скитаясь безъ цѣли изъ угла въ уголъ, онъ привязывался то къ голубямъ, то къ послѣдней дворовой собакѣ, которую всѣ гнали и били безъ милосердія.

Неожиданно судьба послала ему утѣшеніе.

Стоялъ однажды, по своему обыкновенію, Михѣй Михѣичъ на крыльцѣ. Изъ кухни вышелъ заспанный лакей, Терéшко. Онъ былъ любимецъ барина и имѣлъ право заговаривать съ нимъ во всякое время, заложа руки за жилетъ и отставивъ одну ногу впередъ.

— Чего тебѣ, Терéшко? — спросилъ баринъ.

— Да я къ вашей милости.

— А что, развѣ?

— Да тамъ такое диво, что я и родился, и выросъ, и вашей милости служу, а не видѣлъ еще такого, убей Богъ...

— Что-жъ тамъ за диво?

— Гляну я въ окно, идетъ по улицѣ фокусникъ, а за нимъ бѣжитъ весь хуторъ, и мужики, и бабы. Вынулъ фокусникъ дудку и мѣшокъ, а въ мѣшкѣ сидѣлъ ученый пѣтухъ.

— Ну?

— Вынулъ фокусникъ того пѣтуха, подвязалъ ему къ ногамъ ходули изъ палочекъ и сталъ играть на дудкѣ.

— Такъ что же?

— Да бабы просятъ зазвать фокусника...

— А зазвать, такъ и зазвать.

Передъ домомъ собралась густая толпа дворни.

Фокусникъ, оказавшійся скромнымъ продавцомъ гребенокъ и ножей, явился, весело поглядывая на окружающихъ; онъ поклонился барину, попросилъ рюмку водки, выпилъ, и представленіе началось. Пѣтухъ сталъ огромными шагами расхаживать подъ дудку хозяина. Присутствующіе заливались дружнымъ хохотомъ. Баринъ всталъ.—„Терёшко, а бѣги въ комнаты и принеси сюда моего пѣтуха!“ — сказалъ онъ слугѣ: — „пусть онъ побьется съ пѣтухомъ фокусника. Я знаю, мой пѣтухъ хоть съ кѣмъ угодно побьется“.

Терёшко побѣжалъ исполнять приказаніе Михѣя Михѣича.

Пѣтухъ, за которымъ онъ побѣжалъ, былъ въ своемъ родѣ замѣчательный. Михѣй Михѣичъ гдѣ-то прочелъ, что если птичьи яйца положить въ теплый песокъ, на солнце, или даже просто подъ мышки, во что-нибудь мягкое, то изъ нихъ, въ опредѣленный срокъ, выйдутъ маленькіе птенцы. Онъ приказалъ себѣ принести свѣжихъ куриныхъ яицъ и, обернувъ ихъ ватою изъ теплой фуражки, подвязалъ себѣ подъ мышки платкомъ, да такъ бережно и носилъ ихъ тамъ что-то около шести недѣль. Въ ваточныхъ гнѣздахъ вывелись цыплята: подъ однимъ плечомъ курочка, а подъ другимъ пѣтухъ. Курочка скоро пропала, а пѣтушокъ выросъ и сталъ бѣгать по комнатамъ. Михѣй Михѣичъ обвилъ ему ножки краснымъ гарусомъ и продѣлъ въ ушки серьги. Пѣтухъ получилъ имя Пѣтуха Иваныча, подросъ, завелся дюжиной женъ.

— А ну-ка, Терёшко, бросай его на ученую птицу!—закричалъ Михѣй Михѣичъ, сбѣгая съ крыльца.

Гребенщикъ снялъ своего пѣтуха съ ходуль. Произошли два воинственныхъ скачка. Шеи, съ ощетинившимися перьями, протянулись, крылья развѣсились, и головы, съ налитыми кровью глазами, стали носъ противъ носа. Воинственные скачки повторились. Пѣтухи опустили головы до самой земли.—„А ну-ка, Терёшко, подталкивай нашего пѣтуха!“—сказалъ Михѣй Михѣичъ. Пѣтухи сразились. Перья на спинѣ каждаго встали и раздулись. Смертельный ударъ готовился съ обѣихъ сторонъ. Присутствующіе смотрѣли, едва переводя дыханіе... Пѣтухъ Иванычъ еще свирѣпѣе ринулся на своего соперника. Но соперникъ привскочилъ и со всею силою стукнулъ его по головѣ... Пѣтухъ Иванычъ клюнулся въ траву и распласталъ крылья. Болѣе онъ не пикнулъ: онъ былъ убитъ на повалъ...

— Ка̀-а-къ!—закричалъ съ запальчивостью Михѣй Михѣичъ:— такъ ты пришелъ моихъ пѣтуховъ убивать? Взять у него пѣтуха и отдать его на жаркое...

Побѣдитель безъ жалости былъ унесенъ на кухню.

Гребенщикъ оглянулся. Всѣ разошлись. Слезы закапали съ его усовъ. Онъ съ силою ударилъ дудку о крыльцо. Дудка разлетѣлась въ дребезги. Онъ пошелъ въ кабакъ.

Тамъ его отыскалъ Сѳяшница. Онъ приласкалъ его, утѣшилъ и даже рѣшился перевести въ свой шалашъ. Гребенщикъ съ той поры, въ самомъ дѣлѣ, и поселился у маляра. И когда Михѣй Михѣичъ, выходя прогуляться, спрашивалъ маляра: „а скажи мнѣ, Сѳяшница, что это у тебя за человѣкъ живетъ тамъ въ шалашѣ?“ — Сѳяшница на это отвѣчалъ: „то ничего; то я себѣ нанялъ опять краски растирать!“—Михѣй Михѣичъ довольствовался отвѣтомъ Сѳяшницы и не тревожилъ его новыми разспросами.

Недолго, однако, наслаждался Сѳяшница обществомъ и новаго своего друга.

Однажды (это было въ началѣ первыхъ зимнихъ морозовъ, когда холодный вѣтеръ неожиданно потянулъ изъ-за рѣчки) Сѳяшница жарко истопилъ печь, легъ на лежанку и до глубокой ночи не могъ закрыть глазъ, ворочаясь съ боку на бокъ и невольно сравнивая своего молчаливаго гостя съ покойнымъ Омелькой Брусомъ. И сквозь легкую дремоту видѣлось ему былое, невозвратное время, статный, широкоплечій парень, съ синякомъ, похожимъ на родимое пятно, подъ глазомъ, цвѣтущая степь, широкій косогоръ и море травъ, по которымъ ныряетъ пара круторогихъ воловъ и тяжелый хуторянскій возъ. — Гость маляра также не спалъ и поминутно ворочался.

Когда маляръ проснулся и протеръ глаза, въ шалашѣ не было ни души. Кровать, на которой спалъ его гость, была пуста, и вѣтеръ прорывался въ раскрытую дверь. Сѳяшница накинулъ на плечи шубу, выскочилъ изъ шалаша, заглянулъ подъ навѣсъ, гдѣ стояла карета, заглянулъ въ погребъ: нѣтъ ни души, и только первый снѣгъ кружился и сыпался на землю тяжелыми, волнующимися хлопьями. Первою мыслію маляра было, что молчаливый гость обворовалъ его и убѣжалъ. Но онъ тутъ же отклонилъ отъ себя это недостойное подозрѣніе и рѣшилъ, что гость, вѣроятно, соскучился и пошелъ искать себѣ инаго пріюта и иныхъ друзей.

Горько усмѣхнулся Сѳяшница, надвинулъ на уши шапку и вышелъ изъ шалаша, съ цѣлью, во что бы то ни стало, вернуть назадъ безумнаго сожителя. Свѣжіе слѣды виднѣлись подъ навѣсомъ куреня, у двери, на занесенной полоскѣ снѣгу. Онъ кинулся по этимъ слѣдамъ. На дворѣ его окликнулъ сторожъ, одинъ изъ его пріятелей:

— Куда ты въ такую пору, Сдяшница?

— А вотъ, я на амбаръ: хочется на голубей посмотрѣть—не подмерзли бы!—отвѣтилъ старикъ, и онъ скоро скрылся изъ глазъ сторожа...

Слѣдующее за этимъ утро было ясно и безоблачно. Солнце весело катилось по голубому небу. Равнины искрились серебромъ перваго снѣжнаго убора. Михѣй Михѣичъ, въ тепломъ бешметѣ и въ ваточномъ картузѣ, съ суконными клапанчиками на ушахъ, сходилъ съ крыльца, собираясь побродить по хозяйству. И только-что онъ подумалъ: „а посмотримъ, много ли дѣвки надрали пуху“,—какъ къ его дому подъѣхалъ возъ, покрытый рогожею. Сотскій шелъ возлѣ воза и что-то говорилъ рыжему въ веснушкахъ парню, который погонялъ воловъ.

— Что тебѣ, Никита?—спросилъ Михѣй Михѣичъ сотскаго.

— А вотъ, работникъ мой ѣхалъ по степи съ сѣномъ и подъ стогомъ нашелъ двухъ замерзшихъ людей.

Парень откинулъ съ воза рогожу. На кучѣ сѣна лежали окоченѣлые маляръ Сдяшница и гребенщикъ.

VI.

Судьба сжалилась надъ маляромъ и не допустила его отойти изъ дольняго міра такимъ печальнымъ путемъ. По распоряженію Михѣя Михѣича, тѣла замерзшихъ со всѣми усиліями были оттираемы, и когда ничто не помогало, ихъ поставили въ такъ-называемый *мертвый домикъ*, который читатель всегда встрѣтитъ на многихъ степныхъ кладбищахъ.

Михѣй Михѣичъ нѣсколько трусилъ, не зная, кому отдать слѣдуемую плату за карету, и опасаясь, какъ бы маляръ самъ, въ видѣ мертвеца, не пришелъ за нею ночью. Мертвецъ, однако, его не безпокоилъ. Когда, передъ вечеромъ, сторожъ вошелъ въ мертвый домикъ, замерзшій гребенщикъ лежалъ на столѣ, а маляра тамъ не было. — Сторожъ заглянулъ подъ столъ и въ канавы, окружавшія кладбище, даже на колокольню: нигдѣ не было старика. Сдяшница ожилъ, покинулъ мертвый домикъ и притащился къ себѣ въ шалашъ, истопилъ тамъ печь, сварилъ себѣ кашу, обогрѣлся, проспалъ чуть не цѣлыя сутки и снова, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ жить на бѣломъ свѣтѣ.

Но уже лучшія струны его души были порваны, и онъ болѣе не выходилъ изъ холодной, постоянной тоски. Тѣнь перваго его друга, Омельки Бруса, носилась передъ нимъ, и онъ съ печальнымъ раздумьемъ смотрѣлъ черезъ заборъ сада. Однажды онъ пробовалъ-было расхрабриться передъ хуторянскими молодицами и объявилъ, что вы, вотъ, не смѣйтесь, что онъ самъ женатъ, и что его жена молода

и не уступитъ никакимъ на свѣтѣ молодицамъ. И когда въ его словахъ усомнились, онъ пошелъ къ Михѣю Михѣичу, занялъ у него, въ счетъ будущей платы за карету, денегъ и сообщилъ, что пойдетъ за женою и приведетъ ее на хуторъ.—Отправился маляръ въ дорогу. Весь путь его мочилъ холодный дождь и била острая осенняя стужа. Иззябшій и измученный, добрался онъ къ купцу, у котораго проживала работницею его жена. — Нѣсколько десятковъ верстъ, пройденныхъ пѣшкомъ, дали себя знать старику. Купецъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и спросилъ: „Да развѣ это твоя жена?"—„Моя!"—отвѣтилъ Сѳяшница.—Купецъ задумался, повелъ его въ свои комнаты, накормилъ его, напоилъ и сказалъ: „Жены твоей теперь у меня нѣтъ!"—„Какъ нѣтъ? Гдѣ же она?"—спросилъ маляръ измѣнившимся голосомъ.—„Она,—вотъ видишь ли... она теперь уже не у меня, а у одного аптекаря, въ Харьковѣ, нанимается... ключницею". — Маляръ разставилъ руки и вперилъ глаза въ землю. Слеза выкатилась изъподъ его рѣсницы и, задрожавъ, повисла на небритомъ подбородкѣ.— „Ступай и возьми свою жену! она здорова, сыта и тебѣ обрадуется!"— сказалъ купецъ.

Маляръ печально улыбнулся.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ онъ: — жена теперь не пойдетъ за мною! Дождь, и теперь очень мокро!

— Какъ не пойдетъ? Да ты ее возьми силою; на то ты мужъ...

— Мужъ!.. нѣтъ, она не пойдетъ!—замоталъ головою маляръ:— я ужъ знаю свою жену! не пойдетъ, потому дождь и мокро.

И, несмотря на всѣ увѣщанія купца, онъ покинулъ Харьковъ и опять пустился въ длинный путь. Ночуя подъ копнами и въ старыхъ кирпичныхъ заводахъ, пришелъ онъ къ Михѣю Михѣичу и молча подалъ ему гривенникъ.

— Чтò это?—спросилъ его изумленный баринъ.

— Это осталось отъ денегъ! Возьмите, отдадите разомъ, при расплатѣ за карету; а то еще пропьешь его, какъ паршивый бродяга.

— А гдѣ же твоя жена?

— Осталась тамъ.

— Какъ осталась!—ты развѣ не былъ въ Харьковѣ?

— Былъ, да она не пошла бы за мною!

— Какъ не пошла бы?—Что ты городишь?

— Мокро!.. Я ужъ знаю свою жену; не пошла бы, потому что дождь и очень мокро.

Съ той поры маляръ точно преобразился, сталъ совершенно спокоенъ. Еще онъ иногда возился съ подпилкомъ у винтовъ и у ручекъ кареты. Но уже работы надъ нею не доводилъ до конца. Прислонясь къ забору сада, онъ смотрѣлъ по цѣлымъ часамъ въ поле, по которому

носились, каркая, черныя ворóны. Онъ ужъ не встряхивалъ сѣдыми волосами, говоря о томъ, что вотъ придетъ время, и онъ напишетъ такую славную и хорошую вещь... Маляръ видимо угасалъ и, какъ бы предчувствуя близкій конецъ, не заводилъ ни съ кѣмъ разговора.

Баринъ звалъ его иногда къ передъ-обѣденной порціи водки. Но маляръ отводилъ рукой поданную ему рюмку и молча устремлялъ въ землю глаза, нежданно залитые слезами. Баринъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на маляра.

— Что съ тобою, Сóяшница?—спрашивалъ онъ.

— Скучно мнѣ, сударь, вотъ чтó...

— Какъ скучно?—что за чепуха...

— Такъ-таки совсѣмъ скучно!

Баринъ смотрѣлъ на донышко рюмки.

— Но отчего же тебѣ скучно?

— А врагъ его знаетъ!—отвѣчалъ маляръ, утирая рукавомъ катившіяся на кончикъ носа слезы:—вездѣ скучно: и въ шалашѣ скучно, и на хуторѣ, и въ полѣ, просто—на свѣтъ бы не глядѣлъ...

— Что же? вѣрно война будетъ?—спрашивалъ Михѣй Михѣичъ.

— Ну, войны не будетъ! а просто скучно—руки бы на себя наложилъ...

— Тебѣ, вѣрно, жаль... кого?—допрашивалъ Михѣй Михѣичъ:—вѣрно, жены?

— Не ее, а Бруса!—отвѣчалъ тихо маляръ и уже не могъ удержаться... Глухія рыданія вырывались изъ его старой груди.

Въ свѣтлый іюньскій вечеръ, когда въ прозрачномъ воздухѣ, противъ солнца, роились мошки и облака ярко блистали за рѣкою,—когда дружно звучали въ нѣсколькихъ мѣстахъ поля пѣсни идущихъ съ работы косарей и на хуторѣ передъ колодцемъ, тихо бесѣдуя, стояли поселяне и поселянки,—маляръ Сóяшница, лежа на тулупѣ передъ шалашомъ, вслушивался въ шопотливые звуки степного вечера. Отрадно было ему дышать свѣжимъ воздухомъ, напоеннымъ благоуханіями цвѣтовъ. Онъ робко улыбался, вглядываясь въ отдаленные очерки полей. Солнце золотило круглую вершину клена, одиноко поднявшагося на просѣкѣ зеленаго сада. Кукушка звонко куковала въ кустахъ за рѣчкой, въ осиновой рощѣ... Маляръ сталъ считать крики кукушки, далеко разносившіеся въ чистомъ вечернемъ воздухѣ,—сталъ считать съ мыслью:—„а посмотримъ, сколько еще мнѣ лѣтъ остается жить на свѣтѣ“... и не досчиталъ. Стараго Сóяшницы не стало въ-живыхъ...

Случилось мнѣ, въ качествѣ депутата крестьянскаго комитета, проѣзжать мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе разсказа. Вечеръ засталъ меня въ полѣ, и я завернулъ на постоялый въ деркачёвскихъ хуторахъ. Постоялый былъ вблизи хуторскаго кладбища.

Я вспомнилъ о лицахъ, похороненныхъ здѣсь, и захотѣлъ взглянуть на ихъ одинокія могилы.

Свѣтилъ полный мѣсяцъ. Въ концѣ хутора показались двое крестьянъ.

Я подозвалъ одного изъ нихъ, онъ вызвался меня проводить на кладбище.—„Гдѣ тутъ могила маляра Сояшницы"—спросилъ я его.

Провожатый указалъ палкой на деревянный крестъ и отвѣтилъ:

— Вонъ она.

Я подошелъ къ кресту.

— А гдѣ могила Омельки Бруса, что похороненъ тутъ?

Провожатый помолчалъ и отвѣтилъ:

— Да это она же и есть.

— Какъ она? Ты же сказалъ, что это—могила маляра!

Мужикъ зѣвнулъ и сказалъ:

— Ну, да, она и есть могила маляра!

— А Омелько Брусъ гдѣ похороненъ?—спросилъ я.

— Омелько Брусъ?

— Да!

— Не знаю. Такого тутъ и не бывало. Да и маляръ, постойте, должно быть, не тутъ похороненъ!—прибавилъ онъ, немного помолчавъ.

— Ну, а не знаешь ли ты, гдѣ похороненъ у васъ прохожій гребенщикъ? онъ тоже если помнишь...

Мужикъ надвинулъ шапку, запахнулъ полы зипуна и молча пошелъ обратно къ кабаку, не удостоивъ меня отвѣтомъ... У кабака слышалась пѣсня.

На постояломъ мнѣ не спалось. Я всталъ, посмотрѣлъ на часы, закурилъ сигару и вышелъ на улицу.

Деревушка стихла.

Посидѣвъ нѣсколько времени на откосѣ канавы у барскаго двора, я уже хотѣлъ идти обратно на постоялый, какъ изъ-за угла кухни, отъ села, раздались мѣрные шаги и какое-то мурлыканье грубымъ голосомъ, точно кто едва двигался и бормоталъ, или, вздыхая, пѣлъ.—„Конкуррѐнтусъ, вине́нтусъ, бабе́нтусъ"...—отдавалось въ тишинѣ.

Я поднялъ голову. При блескѣ мѣсяца, на полянѣ показалась, съ палкой и въ какомъ-то бѣломъ длинномъ балахонѣ, фигура старика, повидимому, слѣпаго. Ощупывая палкой знакомую дорогу и напѣвая

про себя непонятныя слова, онъ поровнялся со мной, остановился и вдругъ скинулъ шапку.

— Здравія желаю!—сказалъ онъ, шамкая губами и въ носъ.

Это меня сперва удивило. Но потомъ я понялъ, въ чемъ дѣло. Запахъ сигары далъ ему средство угадать мое присутствіе.

— Кто ты?—спросилъ я старика.

— Крѣпостной его благородія Михѣя Михѣича... крѣпостной и усердный рабъ или холопъ, Емельянъ Иванычъ Бутко... Отставной музыкантъ, капельмейстеръ, сочинитель нотъ и пѣвчій,—отъ малыхъ лѣтъ, отъ холопства имѣлъ необычайный голосъ!.. А вы кто?

Я назвалъ себя и объяснилъ свое депутатство. Онъ гордо выпрямился, отставилъ ногу и, помахивая шапкой, съ презрѣніемъ отвернулся.

— Это все—пустяки, дрянь, ваша милость.

— Какъ пустяки, отчего?

— Пустяки,—повторилъ онъ и даже плюнулъ:—сами не знаютъ, что̀ дѣлаютъ! Я съ малыхъ лѣтъ былъ пѣвчимъ у дѣда и у отца моего нынѣшняго владѣльца: дискантище у меня былъ бѣдовый! А теперь? Вотъ, вчера и сегодня я пьянъ; ну, пьянъ, и пьянъ, даже въ канавѣ вонъ проспалъ цѣлый день... Ну, а баринъ мой, значитъ, Михѣй Михѣичъ наидобрѣющій, только глянулъ на меня, да и полно, а прежде дали бы дёрку, посватали бы съ березой, на пять недѣль закаялся бы...

Я не оспаривалъ отставнаго музыканта, сказавъ только, что, пожалуй, ему-то вольность и не нужна, да молодые-то за нее поблагодарятъ. Онъ опять усмѣхнулся, замигалъ слабыми глазами и смолкъ. Выраженіе его безбородаго, желто-блѣднаго и морщиноватаго лица изъ насмѣшливаго перешло въ грустно-задумчивое.

— Скучно на свѣтѣ, вотъ что-съ,—добавилъ онъ:—скучно, а выпьешь, и веселѣе станетъ... Эхъ, сударь вы мой,—покачалъ онъ сѣдой, плотно остриженной головой:—гдѣ она, вольность-то, у насъ на свѣтѣ? Птицы ее, что ли, имѣютъ? или мухи крылатыя? или звѣрь полевой? Нѣтъ ея, нѣтъ, и бѣсъ одинъ, видно, знаетъ, гдѣ она! Нѣту. И пусть на нее молодые не таращатся. Нѣту-ти, и лучше не ищите!

Онъ тряхнулъ картузомъ, какъ-то всхлипывая, вздохнулъ, хлопнулъ по картузу ладонью разъ и другой, надѣлъ его на затылокъ и пошелъ далѣе черезъ дворъ къ какой-то конурѣ, коверкая опять на латинскій ладъ безсмысленныя слова. Я ему крикнулъ вслѣдъ: „Емельянъ Ивановичъ, погоди, я объясню тебѣ кое-что... ты не понимаешь!“— Но старикъ не воротился.

Ночь свѣжѣла. „Стожаръ“, или „волосожаръ“, по мѣстному названію—золотая горсточка звѣздъ на сѣверной сторонѣ неба—высоко поднималась надъ землей,—признакъ близости утра. Большая Мед-

вѣдица, по здѣшнему—возъ, склонила къ землѣ свое дышло и подняла бока своей воздушной колесницы...

Со стороны кладбища, къ которому принадлежалъ огородъ и садъ хутора, послышался въ тишинѣ протяжный окликъ. Онъ замолчалъ и отдался опять. Я сталъ вслушиваться. Кто-то изъ гущины вербъ, ограждавшихъ огороды и кладбище, должно быть, парень, кричалъ товарищу: „Иване, Иване! А чи не хочешь ты Гапки?“—И этотъ окликъ повторялся нѣсколько разъ, разносясь по огородамъ и по рѣкѣ, уже подернутой туманомъ близкаго разсвѣта.

1853 г.

Конецъ V-го тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.